P. N. BERKOV

Literary Contacts between Russia and the West since the Fourteenth Century

VARIORUM REPRINTS

Amongst other Variorum Reprints in the Collected Studies Series:

ROMILLY J. H. JENKINS
Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries

IVAN DUJČEV
Slavia Orthodoxa: collected studies in the history of the Slavic Middle Ages

ANDRÉ GUILLOU
Studies on Byzantine Italy

NIKOLAY ANDREYEV
Studies in Muscovy: Western influence and Byzantine inheritance

HÉLÈNE AHRWEILER
Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance

DIMITRI OBOLENSKY
Byzantium and the Slavs: collected studies

SPEROS VRYONIS JR.
Byzantium: its internal history and relations with the Muslim world

MANOLIS CHATZIDAKIS
Studies in Byzantine Art and Archaeology

PETER CHARANIS
Studies on the Demography of the Byzantine Empire

JEAN DARROUZÈS
Littérature et histoire des textes byzantins

ANTONIO MARONGIU
Byzantine, Norman, Swabian and later Institutions in Southern Italy

DONALD M. NICOL
Byzantium: its ecclesiastical history and
relations with the western world

HANS-GEORG BECK
Ideen und Realitaeten in Byzanz

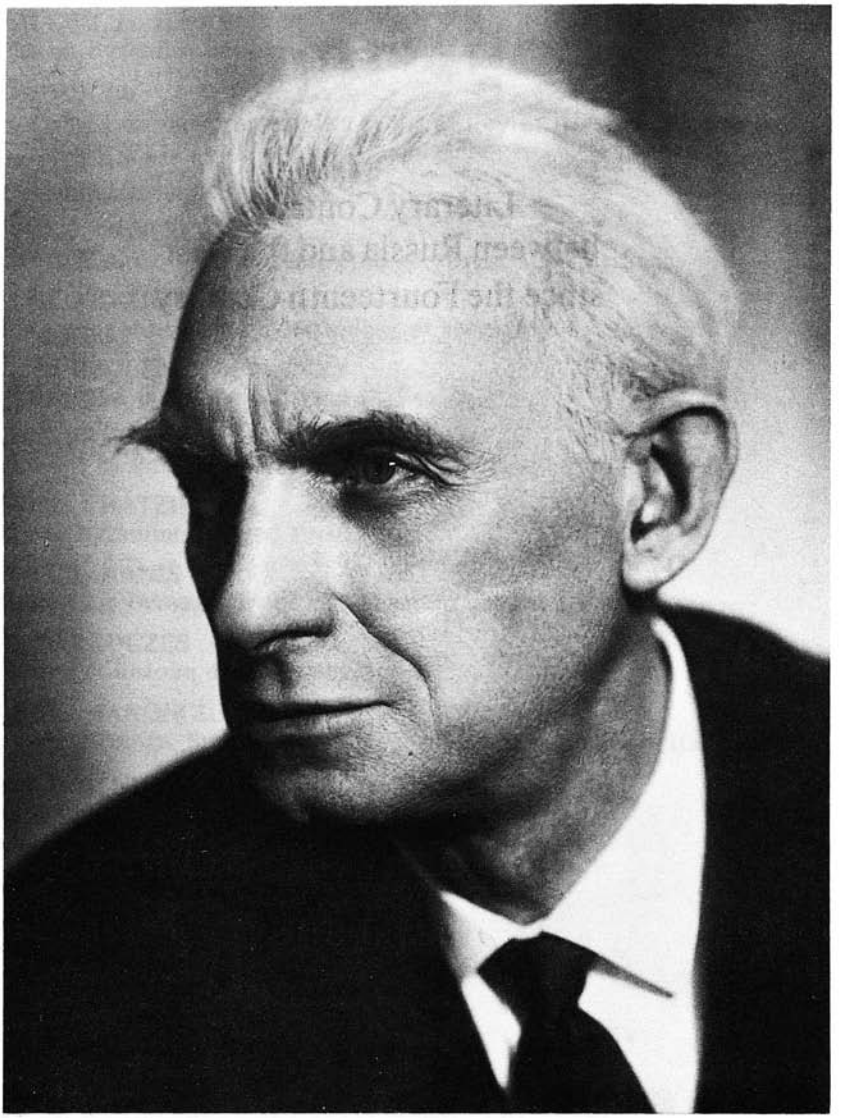
MARIUS CANARD
Byzance et les musulmans du Proche Orient

MARIUS CANARD
Miscellanea Orientalia

NICOLAS SVORONOS
Etudes sur l'organisation intérieure, la société et l'économie
de l'Empire Byzantin

DAVID TALBOT RICE
Byzantine Art and its Influences

Literary Contacts between Russia and the West since the Fourteenth Century

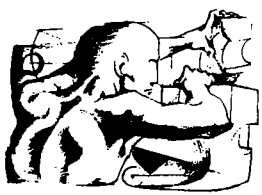
Pavel Naumovič Berkov (1896-1969)

P.N. Berkov

Literary Contacts between Russia and the West since the Fourteenth Century

Collected Studies

Preface by Todor Borov

VARIORUM REPRINTS
London 1973

© 1973 Variorum Reprints

ISBN 0 902089 46 3

Published in Great Britain by
VARIORUM REPRINTS
21a Pembridge Mews London W11 3EQ

Printed in Switzerland by
REDA SA
1225 Chêne-Bourg Geneva

VARIORUM REPRINT CS16

CONTENTS

Preface		i-vi
I	Puškin v perevodax na zapadnoevropejskie jazyki	220-229
	In: Vestnik AN SSSR, No.2-3 (1937)	
II	Aus der Geschichte der deutsch-russischen Theaterbeziehungen im XVIII Jahrhundert	9-13
	In: Zeitschrift für Slawistik, Band I, Heft 4 (Berlin 1956)	
III	Zwei Dokumente zur Biographie von Burchard Adam Sellius	268-271
	In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. (Berlin, Akademie-Verlag, 1966)	
IV	Meždunarodnoe sotrudničestvo slavistov i voprosy organizacii slavjanovedčeskoj bibliografii	3-32
	In: IV Meždunarodnyj sjezd slavistov. Soobščenija. (Moskva, AN SSSR, 1958)	
V	Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard	1-8
	In: Revue des Etudes slaves, t.XXXV, pp.7-14 (Paris 1958)	
VI	Ob ustanovlenii avtorstva anonimnyx i psevdonimnyx proizvedenij XVIII veka	180-189
	In: Russkaja literatura, No.2 (Leningrad, AN SSSR, 1958)	

VII Itogi, problemy i perspektivy izučenija russkoj literatury XVIII veka 7-24

In: XVIII vek. Sbornik 3 (Moskva-Leningrad, AN SSSR, 1958)

VIII Fougeret de Monbron et A.P. Sumarokov 29-38

In: Revue des Etudes slaves, t.37 (Paris 1960)

IX Načalo bolgarskoj literatury i nekotorye principial'nye voprosy obščej literaturnoj istoriografii 221-227

In: Russkaja literatura, No.1 (Leningrad, AN SSSR, 1961)

X Osnovnye voprosy izučenija russkogo prosvetitel'stva 5-27

In: Problemy russkogo prosveščenija v literature XVIII veka (Moskva-Leningrad, AN SSSR, 1961)

XI Thomas Consett, kapellan anglijskoj faktorii v Rossii. (K istorii russko-anglijskix literaturnyx svjazej v 1720-e gody) 3-26

In: Problemy meždunarodnyx literaturnyx svjazej (Leningrad 1962)

XII Problemy izučenija meždunacional'nyx literaturnyx otnošenij 8-22

In: Materialy pervoj naučnoj sessii, posvjaščennoj literaturnym svjazam russkogo, azerbajdžanskogo, armjanskogo i gruzinskogo narodov (Tbilisi, Tbiliskij universitet, 1962)

XIII Ostslavische Studenten an deutschen Hochschulen in der vorpetrinischen Zeit 351-374

In: Zeitschrift für slavische Philologie, Band XXX, Heft 2 (Berlin 1962)

XIV Russkaja literatura XVIII v. i drugie slavjanskie literatury XVIII-XX vv. 5-39

In: Russkaja literatura XVIII veka i slavjanskie literatury (Moskva-Leningrad, AN SSSR, 1963)

XV Histoire de l'Encyclopédie dans la Russie du XVIIIe siècle 47-58

In: Revue des Etudes slaves, t.44 (Paris 1965)

XVI Cesare Beccaria e la Russia 253-277

In: Atti del Convegno Internazionale su Cesare Beccaria, Torino, 4-6 Ottobre 1964 (Torino, Accademia delle Scienze, 1966)

XVII Ob istoričeskom podxode k izučeniju meždunarodnyx literaturnyx kontaktov 41-57

In: Češsko-russkie i slovacko-russkie literaturnye otnošenija (konec XVIII-načala XX v.). (Moskva 1968)

XVIII Russkie-novolatinskie i grečeskie poety XVII-XX vekov (Period pervij – s 30-x godov XVII v. po 30-e gody XVIII v.) 13-54

In: L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t.XVIII (1966-1967). (Bruxelles 1968)

XIX Puškins "Skazka o care Saltane" und die "Erzählung von der Tochter des russischen Königs" in der "Weltchronik" Jans Enikels (1277) 303-309

In: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur (Berlin, Akademie-Verlag, 1969)

XX Puškin i ital'janskaja kul'tura 1-46

In: Annali dell'Istituto universitario orientale, Sezione Slava (Napoli 1970)

XXI O literature tak nazyvaemogo perexodnogo perioda 19-32

In: Russkaja literatura na rubeže dvux epox (XVII-načalo XVIII v.). (Moskva 1971)

XXII Problema vlijanija v istoriko-literaturnoj nauke 65-72

In: Russkaja literatura, No.1 (Leningrad, AN SSSR, 1972)

XXIII Besonderheiten des literarischen Prozesses in Russland in 18. Jahrhundert 9-55 546-949

In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, Band III (Berlin, Akademie-Verlag, 1968)

Index

This volume contains a total of 488 pages

PREFACE

Pavel Naumovič Berkov (1896-1969) is one of the most interesting literary figures in the very large and varied number of authors who have appeared in the Soviet Union over the last decades. The breadth and diversity of his interests and his exceptional capacity for work are not solely responsible for his tremendous output: above all it is due to his character, his own research method and his personality as a scholar and writer. These perhaps make Berkov one of the Soviet literary figures best equipped to represent modern Russian literary scholarship to countries outside the Soviet Union.

He was born on December 14, 1896 in Akerman (now Belgorod Dneprovsky, in the Odessa district of the Ukrainian S.S.R.). After leaving high school, he studied in the Classics Department of the Historical Philology Faculty at the Novorossijskij University in Odessa. When areas of southern Russia fell temporarily under foreign control during the Revolution, Berkov went to Austria and from 1921 to 1923 studied Egyptology and Slavonic Philology at Vienna University, then famous for its role in the development of Slavonic studies. In 1923 he defended a thesis entitled "Russian Life at the Turn of the Century as reflected in the Works of Chekhov", and was awarded a Ph.D.

The young Berkov felt emotionally involved in his country's fate and sympathetic to the progress of the Revolution and, soon after completing his higher education, returned to the U.S.S.R. to take up permanent residence in Leningrad. In this city of Peter the Great, with its many long-standing links with Western Europe, Berkov lived the life of a Soviet intellectual, full of unexpected events and difficulties, for almost half a century, from the first years after the Revolution, through the Stalinist era and the war, the post-Stalin "thaw", up to more recent years.

For six years he was the principal of a Leningrad secondary school, teaching Russian language and literature and at the same

time diligently preparing himself for his future research. He grew up in a family where books were considered a part of everyday life, and was always concerned with them, both as subjects of research and as close friends in good or difficult times. In 1929, as a research student and junior scientific worker at Leningrad State University, he defended as thesis for the candidate's degree "The Early Period in Russian Literary Historiography", which to a significant degree decided the direction of his subsequent research, i.e. the Eighteenth Century. From 1931 to 1935 he was senior specialist in charge of the Department of Books in the recently established Leningrad Institute for Books, Documents and Letters, attached to the Academy of Sciences of the U.S.S.R. In 1936, in the Academy's Institute of Russian Literature (Puškinskij Dom) Berkov defended a doctoral thesis entitled "Lomonosov and Literary Polemics in his Time". Clearly he had extended his interests, especially with regard to Russian literature and culture of the Eighteenth Century. Shortly afterwards he became an Academic Secretary, and somewhat later, from 1955, the director of a group at the Institute, formed at his initiative, which studied eighteenth century Russian literature. In addition, appointed lecturer in 1934, he held a professorship in Russian Literature at Leningrad State University from 1944 up to his death.

At the same time, Berkov was an active member and collaborator of several other institutes and establishments of higher education. He was active in several publishing houses and sat on various academic committees, holding many public appointments. His participation in the Academic Committee of the Leningrad State Library of Saltykov-Ščedrin was particularly fruitful: there, as in a number of Societies for the study of Russian literature and bibliography, he encouraged the editing and producing of a whole range of fundamental bibliographical works. In 1960 Berkov was elected a Corresponding Member of the Academy of the U.S.S.R. – an honour he well deserved. In 1967 he was elected to the German Academy of Sciences in Berlin, and later became Doctor *honoris causa* of the Humboldt University. He attended a number of international meetings and conferences, was president of the Bibliographical Commission of the International Committee for Slavistics, and also a member of numerous foreign academic societies. He received several Soviet and foreign awards and distinctions. To the great distress of his

many friends, acquaintances and admirers in Russia and abroad, at the height of his creative career a sudden illness ended his life on August 9th, 1969.

The volume of literary work left by Berkov was already vast. His own publications, excluding those he merely edited, probably exceed eight hundred in number, including thirty-five full length books. Over two hundred comprise articles and studies appearing in Soviet and foreign learned publications and several hundred are invariably lively and purposeful popular articles. He also wrote much for encyclopaedias and reference works and a number of introductions and commentaries for various other publications. In all these his originality of style and great scholarship are apparent. In a book published in honour of Berkov's seventieth birthday by the Soviet Academy of Sciences, a colleague remarked that one might well postulate the existence of several Berkovs: "One the great authority on eighteenth century literature, a second the author of books and articles on Russian writers at the end of the Nineteenth Century, a third the authority on Kuzma Prutkov, a fourth the great bibliographer and historian of books. Still another was the specialist on the literature of the nations of the U.S.S.R., and another yet, author of, for example "Guy de Maupassant and the French Realist Novel", written with thorough knowledge of the subject and great historico-literary perception.

It can safely be said that Berkov was indeed an exceptional scholar, seeking to identify the connections between Russian and other Slavonic literatures, and, more broadly, the mutual relations between Russia and the West. Even a brief list of fields of activity in which Berkov made a significant and lasting impact must include literary history in its widest sense, textology, journalism, bibliography and history of books, bibliophilic activities, international literary links, historiography, the study of archives and the organisation of scholarly work. An enquiring mind, an affectionate heart and untiring scholarship succeeded in maintaining unity amidst such diversity.

Among his most significant works are his book on Kuzma Prutkov (1933), his important doctoral thesis on Lomonosov (1936), his detailed *History of Russian Journalism in the Eighteenth Century* (1952), his *Introduction to the Techniques of Literary Research* – the only work in Russian on

the subject – (1955), his biography of A.I.Kuprin (1956), his contribution to the theory and method of bibliographical science *Bibliographical Heuristics* (1960), his *Introduction to the Study of Eighteenth Century Russian Literature* (1964) of which he was unfortunately only able to publish the first part, nonetheless complete in itself, his highly readable *Russian Bibliophiles* (1967), and lastly a collection published in German in the German Democratic Republic, containing certain of his articles on the links between Russian and West European literature (1969) – perhaps the last of his books to appear during his life-time. His *History of Soviet Bibliophilic Activities* was published in 1971 after his death and his great work of research on the history of Russian comedy in the Eighteenth Century is as yet unpublished.

The small number of titles mentioned here can only serve to illustrate the wealth of learning, the penetrating approach and impressive construction they contain but cannot give any complete conception of the forty fruitful years of P.N.Berkov's scholarly activity. Even his early publications display the enduring characteristics of his life's work. Chief of these was his ability to discover, see and comprehend the gaps and dark corners in the history of Russian literature. His attitude to eighteenth century Russian literature is indicative of his taste for the unexplored and his ability for its accurate investigation. Eighteenth century literature, generally underestimated and ignored in Russian literary historiography in the Nineteenth Century, was given its proper place as an independent area of research – for here lie the roots of the subsequent brilliant development of Russian literature – and today, through the work of Berkov and of his pupils and followers it is revealed as one of the most fecund periods in the history of Russian writing.

Since the concept of unity in world cultural development was instinctive to Berkov, as stated in the article in "Russian Literature", 1969, No.3, pp.241-244, written by his colleagues and friends D.S.Lixačev and I.Z.Serman, he strove to underline the connection between the international situation in the period under review and the development of Russian literary links with foreign countries.

A fundamental source of inspiration was his intense "humanism" and the desire to contribute to the bettering of

relationships between peoples and between nations. In the preface to his last German collection of essays, he said: "Literary contacts are, in my opinion, one of the highest forms of humanism, of friendship between nations and of the belief in a better future for mankind. Because of this the literary study of such links rests on the principles of humanism in modern scholarship."

Command of his research material resulted in a careful attitude to its exposition: not hiding his own doubts and difficulties, Berkov would reveal to the reader his reasons for his own interest in a particular problem and compel him to participate in the effort to seek a solution. He discovered many previously unsuspected aspects of the subjects he dealt with, and his findings were invariably concrete and substantiated. As a result, Berkov's research seems fresh, original and stimulating. The secret of his success as a writer lies in the fact that he always began by defining his terms, stripping them of any ambiguities, summarised what conclusions could be drawn from the work of his predecessors and then formulated his own. He recreated the literary milieu in its entirety – the minor figures, the struggles, the observations of contemporaries – without ever being mechanical. His keen perception of the life of the epoch and of the essence of the characters and events involved, enabled him to depict living history rather than reconstruct schemas, and explained his interest in historico-literary themes.

Berkov raised and resolved a range of new, important questions of general literary and scholarly interest about textology, broad literary links, attribution, even correction. He wrote a mass of reviews, informatory articles about past authors and his own contemporaries, contributions to encyclopaedias and textbooks and presentations of other works as well as organising and editing major bibliographical works.

With his great respect for facts, Berkov was never afraid to put forward independent hypotheses, the discussion of which led to fresh research and further investigation. The steadfast spirit acquired by Berkov during the difficult years of the "Stalin personality cult" explains the great discernment revealed by this Soviet scientist in his scholarship and the personal civic courage shown in his relations with the all-powerful state. For this reason

we can unhesitatingly join his numerous admirers in saying that Berkov was "the epitome of devoted service to learning".

This collection of twenty-three of his studies, published between 1937 and 1972 (XX, XXI and XXII posthumously), does not aim at reflecting Berkov's multifarious literary activities; they are primarily a selection of his studies on literary and general cultural connections between Russia and the West. Preference has been given to works published in western languages.

In compiling this volume we were greatly helped by Pavel Naumovič Berkov's wife, Sophia Michailovna Berkova, and his son, Valerij Pavlovič Berkov, who willingly presented us with all the material we sought; we are also grateful for the help of his pupil and follower, N.D.Kočetkova, of the Institute of Russian Literature attached to the U.S.S.R. Academy of Sciences in Leningrad.

TODOR BOROV

Sofia, November 1972

I

ПУШКИН В ПЕРЕВОДАХ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Знакомство европейского читателя, не владевшего русским языком, с творчеством Пушкина началось очень рано, во всяком случае не позднее 1821 года. Однако, первыми материалами, дошедшими на Запад, были не переводы произведений молодого поэта, а просто упоминания о нем в обзорах русской литературы в современных немецких и французских изданиях, выходивших в пределах России [1] и вне ее. Собственно же переводы произведений Пушкина появляются с 1823 г. Так, в самом начале этого года появился немецкий перевод отрывка из «Руслана и Людмилы» и эпиграммы «История стихотворца» (последняя без заглавия и имени автора) в книге К. Ф. фон дер-Борга «Поэтические произведения русских». Одновременно с этим немецким переводом тот же отрывок из «Руслана» был напечатан на французском языке в «Русской Антологии», изданной Дюпре-де-Сен-Мором. С этих переводов и начинается обширная и интересная история «западноевропейского» Пушкина [2].

I

Первоначально переводы произведений Пушкина делались либо иностранцами, жившими в России, преимущественно преподавателями различных учебных заведений, либо — несколько позднее — поэтами дилетантами из аристократических кругов. Значительно позже стали заниматься Пушкиным в качестве переводчиков более или менее крупные литературные деятели Западной Европы — Проспер Мериме, Фр. Боденштедт, Рене Гиль и др., хотя все же подлинно достойных переводчиков Пушкин на Западе не нашел до наших дней.

[1] Можно точно указать, как наиболее раннюю дату, февраль 1821 г., когда в парижских журналах «Энциклопедического Обозрения» (стр. 382) была напечатана заметка о Пушкине.

[2] В настоящем этюде приведены материалы только о немецких, французских, английских и итальянских переводах.

Если перевод вообще является своего рода толкованием переводимого писателя, то перевод поэта и, главным образом, выбор его произведений для перевода создает уже образ этого поэта, служит выражением понимания данного автора; благодаря этому, выдвигаются одни мотивы его творчества, замалчиваются другие, и в результате почти всегда получается одностороннее освещение дарования поэта. В этом смысле любопытно, что более или менее объективное представление о творчестве (но не о силе дарования) Пушкина в Западной Европе — благодаря переводам — началось тогда, когда (в разное время в разных странах) его стали переводить профессора русской литературы в западных университетах (Тернер, Леже, Лиронделль, Ло Гатто и др.), выбиравшие, в связи с читаемыми ими курсами по истории русской литературы, материал для переводов из Пушкина более разнообразный и ценный. Однако, не будучи поэтами, переводчики эти сделали не очень много.

До того же времени Пушкин в переводах был представлен такими вещами, которые относились, главным образом, к раннему периоду его литературной деятельности и делали его — в восприятии европейского читателя — заурядным романтическим поэтом. Политическая, общественная струя поэзии Пушкина не находила места в переводах его на западные языки: классовая идеология переводчиков — то благонамеренных чиновников, то умеренных и аккуратных буржуа, то, наконец, дилетантов-аристократов — творила из Пушкина последовательно то романтика, то занятного рассказчика-обывателя, то патриотического поэта.

Интерес к Пушкину среди западных читателей распределялся неравномерно как в пространстве, т. е. у отдельных европейских народов, так и во времени. Прижизненные переводы из Пушкина были сравнительно немногочисленны, их известно — на всех европейских языках — около тридцати пяти. Некрологи и статьи о Пушкине в европейской прессе в 1837 году не были сопровождены появлением новых или хотя бы переизданных старых переводов: характерной чертой отголосков на смерть поэта был интерес к его личности, к причинам его гибели, а не к его творчеству.

Однако, начиная с 1840-х гг. произведениям Пушкина уделяется большое внимание, главным образом в Германии. Параллельно с увеличением количества переводов, в особенности в связи с торжеством открытия в Москве памятника Пушкину в 1880 г., растет и специально критическая литература о нем, отражающая новое восприятие и трактовку его произведений и, в свою очередь, влияющая на выбор и понимание его переводчиками. Если в прижизненный пе-

риод и в годы, близкие к смерти поэта, для переводов избирались произведения, в которых он выступал, как романтик, как «ученик Байрона», а позднее всего охотнее переводили вещи, отличавшиеся «русской экзотикой», — «Сказки», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Дубровского», — в дальнейшем привлекают внимание философские «маленькие» драмы, «Медный всадник» и др. творения поэта. Наряду с этим интересом к «общечеловеческим» или «космополитическим» произведениям Пушкина углубляется понимание и количественно растут переводы бытописательных вещей поэта.

Особенно достойно внимания безостановочно растущее обилие переводов из Пушкина в последнее время. Интерес к его творчеству развивается по двум направлениям. Во-первых, делается чрезвычайно модным издание произведений Пушкина с иллюстрациями В. Масютина, Нат. Гончаровой, Лебедева, Шухаева и др. В таких изданиях центр тяжести лежит не столько в переводах произведений поэта, сколько в графике, в «русском искусстве», увлечение которым на Западе характерно для первых годов прошлого десятилетия. С другой стороны, обращение к Пушкину, как, впрочем, и к Достоевскому, Лескову и др., является следствием интереса к «русской душе»: проблема Великой Октябрьской Революции, волнующая Западноевропейскую буржуазную интеллигенцию, заставляет ее по-иному, нежели прежде, осмысливать и «Медного всадника», и «Бориса Годунова» и другие произведения Пушкина, в которых видят «бездонные пропасти и тайные изгибы русской народной души».

II

Наибольшей популярностью среди западноевропейских читателей пользуется Пушкин в Германии, где не только имеется огромное количество переводов отдельных его произведений, но где уже почти сто лет назад впервые появилось «собрание сочинений» нашего поэта и где такие «собрания» повторяются вплоть до наших дней. Вообще Пушкин в переводах на немецкий наиболее точен, с известными оговорками полон, художественен. Внимание переводчиков к Пушкину способствовало появлению разных переводов одной и той же вещи. Благодаря этому, большая часть произведений Пушкина получила широкое распространение в немецкой читающей публике, особенно интеллигентской, мелкобуржуазной и демократической. Почти полный Пушкин издан в такой исключительно популярной серии как «Универсальная библиотека» Филиппа Реклама. В ряде других серий —

«Современной библиотеки Вебера», «Народной библиотеки Мейера» и «Народной библиотеки Гессе» — также изданы некоторые, преимущественно прозаические, вещи Пушкина. При жизни Пушкина, почти одновременно с вышеупомянутым фон дер-Боргом, стал печатать свои довольно удачные переводы Александр Вульферт («Кавказский пленник», 1823; Хор девушек из «Руслана и Людмилы», в немецком «Санкт-Петербургском Журнале», 1824, № 1; «Бахчисарайский фонтан», 1826). В 1824 году тот же перевод «Кавказского пленника» с параллельным русским текстом был выпущен литературным дельцом, впоследствии цензором, Ольдекопом; это издание вызвало безрезультатные попытки со стороны Пушкина оградить свои авторские права. Несколько позднее в изданной в Ревеле серии «Русская библиотека для немцев» был напечатан «Борис Годунов» в переводе К. фон Кнорринга (1831). В том же 1831 году был выпущен отдельным изданием анонимный перевод «Клеветникам России», вместе с переводами стихотворений Жуковского и Хомякова, также посвященных Польскому восстанию. То же стихотворение было переведено видным дипломатом бар. Анстетом в том же году, но напечатано оно было лишь в 1908 году.

Последние современные Пушкину немецкие переводы его произведений были сделаны Эр. Герингом (две песни «Руслана и Людмилы», 1833) и поэтессой Каролиной Павловой (отдельные стихотворения, 1834).

Из последующих немецких переводов нашего поэта следует отметить «Избранные произведения Пушкина» в переводе Роб. Липперта (2 т., 1840 г.). Среди довольно удачных переводов (в особенности хорошо получился монолог Пимена в «Борисе Годунове») встречаются ничем не обоснованные отступления от пушкинского текста и сокращения. Так, «Сказка о царе Салтане» превращается у Липперта в «Сагу о царе Сильване и его сыне, рыцаре Гаральде». В переводе «Евгения Онегина» имя Татьяна заменено именем Иоанна.

После Липперта очень много потрудился над переводом как Пушкина, так и других русских поэтов Фр. Боденштедт. Его переводы более точны чем у Липперта, но отличаются некоторой слащавостью. В самом конце шестидесятых годов в издании «Библиографического Института» (Мейера), пользующегося в Германии и вообще в странах с немецким языком огромной популярностью, в серии «Библиотека иностранных классиков» вышел томик переводов Ф. Леве, заключавший только три вещи Пушкина: «Бориса Годунова», «Русалку» и «Сказку о рыбаке и рыбке». Признание Пушкина класси-

ком не искупило, однако, довольно посредственного характера переводов Леве.

Среди переводов последующих десятилетий обращают на себя внимание работы Ф. Ф. Фидлера, известного литературного коллекционера и переводчика русских авторов на немецкий язык, а также яркого пушкинофила, д-ра Алексиса Лупуса (Вольфа).

С 1906 г. начинает выходить девятитомное, еще до сих пор не законченное издание сочинений Пушкина в переводах и под редакцией Иоанна фон-Гюнтера и О. Бела. Такое же многотомное издание было затеяно Т. Коммихау. В послевоенные годы Пушкина усердно переводят, кроме названных лиц, А. Лютер, Рейнгольд фон Вальтер, Александр Элиасберг, Герберт Гернер и др. Большинство новых переводов снабжено иллюстрациями и представляет «роскошные издания».

Наконец, в 1923 г. упомянутое нами издательство Мейера («Библиографический Институт») выпустило под ред. А. Лютера двутомного Пушкина, где собраны лучшие переводы как старые, так и новые, снабженные введениями и примечаниями. Это издание среди западноевропейских одно из лучших.

Развитие интереса к Пушкину в Германии видно из сопоставления некоторых цифр: с 1823 г. по 1914 г. общее число немецких переводов из Пушкина не превышало 250, а за время только с 1917 по 1932 г. оно превысило 50.

Однако после прихода к власти фашистов, с общим одичанием «унифицированной немецкой культуры» в Германии, прекратилась переводческая деятельность с русского языка и, в частности, и из Пушкина. С 1933 года в германских библиографиях не зарегистрировано ни одного перевода из Пушкина. Даже объявленный в 1932 году по подписке перевод «Драматических произведений» Пушкина, предпринятый Генр. фон Гейвелером, не осуществился.

III

«Французский» Пушкин уступает «немецкому» и качественно и количественно. Если исключить переводы Проспера Мериме, довольно близкие к подлиннику и сделанные культурно, хотя и не свободные от анекдотических промахов, прочие, особенно старые, оставляют мало удовлетворительное впечатление.

После Дюпре де-Сен-Мора Пушкина на французский язык переводил Ж. Шопен, впоследствии видный кавказский административный деятель («Бахчисарайский фонтан», вольный перевод, 1826).

Лаво («Цыганы», в московском французском журнале «Северные известия», 1828; «Граф Нулин», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Полтава» — в том же журнале в 1829 году, все переводы прозаические), И. Репей («Бахчисарайский фонтан», 1830), своеобразно известный журналист и мемуарист В. Бурнашев («Борис Годунов», «Поэту» — во французском журнале «Хорек», 1831, — прозой).

На 1831 год приходится ряд рукописных переводов «Клеветникам России»: С. С. Уварова, впоследствии министра народного просвещения; И. М. Бакунина, посредственного поэта, писавшего, кроме русских стихов, французские, немецкие и итальянские и посвятившего смерти поэта стихотворение «На погребение Пушкина» (в сборнике На все и время и пора», Спб. 1838); неизвестного переводчика (перевод сохранился в архиве бр. Тургеневых в Институте Литературы). Следует отметить, что перевод Бакунина, пересланный Пушкину Е. М. Хитрово, двоюродной сестрой Бакунина, обычно считается принадлежащим ей. К переводу этого же стихотворения возвратились бар. П. Вревский (1834) и кн. Н. Голицын (1836); последним переводом Пушкин остался доволен, назвав его бесподобным, в то время как к переводу Уварова отнесся иронически, а к присланному Е. М. Хитрово несколько небрежно.

В 1831 году в провинциальном французском журнале «Пропагандист Па-де-Кале» был опубликован прозаический перевод «Полтавы», принадлежащий известному библиографу, ревностному поклоннику Пушкина, С. Полторацкому, который вообще много писал о Пушкине во французских журналах. В последние годы жизни Пушкина были напечатаны переводы Ферри де-Пиньи и Акэна («Русские рассказчики», 1833) и ряд стихотворений в антологии, составленной П. де-Жюльвекуром и экзотически озаглавленной «Балалайка» (1837).

В 1846—1847 гг. вышли два тома «Избранных произведений» Пушкина в прозаическом переводе преподавателя словесности в Петербургском Институте инженеров путей сообщения, А. Дюпона. Переводчик отнесся внимательно к своей работе, однако, не обладая художественным чутьем, дал добросовестный, но сухой и невыразительный перевод.

Как романтика воспринял и воспроизвел Пушкина в своих переводах Мериме. Автор «Кармен», несмотря на все свое преклонение перед Пушкиным, перевел, однако, очень немного его произведений: «Пиковую даму», «Цыганы», «Анчар» и «Выстрел». Удачнее всего, и в смысле удержания колорита, и в отношении точности, вышла

Пиковая дама», несколько раз переиздававшаяся (в последний раз в 1928 г., с цветной ксилографией А. Алексеева).

Переводы из Пушкина встречаются у Александра Дюма—отца. Впрочем, трудно считать эти произведения переводами, так как Дюма русским языком не владел; он только обработал выполненные другими лицами переводы, придав им обычную для его литературной манеры подчеркнутую фабулярность и динамичность.

Особое место среди переводов Пушкина на французский язык занимают переводы И. С. Тургенева и Л. Виардо. Они пользовались громадным, но совершенно незаслуженным успехом: дело в том, что И. С. Тургенев, как выяснено, непосредственного участия в переводах не принимал, а только помогал советами Л. Виардо, мужу своей приятельницы, известной певицы Полины Виардо. Высказано было даже предположение, что популярное во Франции имя И. С. Тургенева фигурировало лишь в качестве приманки для доверчивых читателей. Следует отметить, что перевод, например, «Капитанской дочки» выдержал десять изданий.

В отдельную группу следует отнести разновременные переводы из Пушкина на французский язык, принадлежавшие дилетантам, вроде кн. Н. Голицына, кн. Элима Мещерского, Софьи Энгельгардт и др.

В послевоенную эпоху вновь возникает интерес к Пушкину, переводится не только «Борис Годунов» (пять различных переводов). Сказки» (столько же), «Пиковая дама» (три перевода), но и «Гавриилиада» и др. Подобно немецким послевоенным изданиям, большинство французских переводов последних лет представляют «роскошные» издания, иллюстрированные такими художниками, как Нат. Гончарова, Шухаев, Зворыкин и др. Переводы большею частью анонимные или же принадлежат эмигрантам, вроде Елены Извольской. Шифрина, Марка Семенова и др., ничем не зарекомендовавших себя в литературе.

Интерес к Пушкину во Франции растет. Крупные деятели современной французской литературы, принимают участие в переводах отдельных произведений Пушкина. Перевод «Арапа Петра Великого был помещен в сугубо литературном журнале Commerce», где принимали участие избраннейшие французские писатели вроде Поля Валери, Барреса и др.

Самыми лучшими и ценными французскими переводами следует признать переводы проф. А. Лиронделля, собранные им в небольшой изящной книжке «Избранные сочинения Пушкина». Правда, в них чувствуется их школьное происхождение, то, что они предназначены служить иллюстрациями университетских лекций переводчика, но

несмотря на всю их фрагментарность и неравноценность (перевод сделан «белым» стихом), они по своему значению во Франции соответствуют двухтомному Пушкину, изданному «Библиографическим Институтом».

Из прочих послевоенных переводов из Пушкина следует отметить вышедшую в 1928 году с иллюстрациями Е. Виральта «Гавриилиаду» в переводе Ю. Сидерского, а также сборник стихотворных переводов под редакцией В. Парнака, озаглавленный «Революционные поэмы» (1930).

IV

История «английского», т. е. великобританского и американского Пушкина значительно короче и беднее.

Интерес к русскому поэту среди англичан зародился гораздо позднее, чем у немцев и французов, и не достиг ни в качественном, ни в количественном отношении уровня переводов на немецкий и французский языки. На английском языке нет ничего подобного изданию «Библиографического Института» или Лиронделля. Они сначала делались преподавателями разных учебных заведений, отличаясь теми же достоинствами и недостатками, что и немецкие и французские. Точно так же пробовали свои силы в передаче произведений Пушкина на английский язык разные высокопоставленные дилетанты, преимущественно женщины.

Первый прижизненный перевод Пушкина на английский язык (по одному, не поддающемуся проверке, указанию) относится к 1830 году и принадлежит поэту-слепцу И. И. Козлову; он напечатан в «Новом Ежемесячном Магазине». В 1835 году появляется в Петербурге сохранившийся в библиотеке Пушкина сборник переводных стихов Джорджа Борроу, носящий вычурное название «Таргум, или метрическое переложение с тридцати языков и наречий». (Слово «таргум» — халдейское и означает «перевод»). Из Пушкина здесь переведены «Черная шаль» и «Песня Земфиры» из «Цыган» («Старый муж, грозный муж...»). Тому же переводчику принадлежит вышедший в том же 1835 году и в той же типографии маленький сборник «Талисман А. Пушкина».

Прозе Пушкина у английских переводчиков повезло больше, чем стихам. Так, «Повести в прозе», выпущенные Т. Кином в серии «Популярная библиотека Бона» впервые в 1894 г., выдержали несколько изданий, из которых последнее вышло в 1926 г. Как у немцев и французов, так и в английских послевоенных переводах обращается внимание на «экзотическую» русскую иллюстрацию («Золо-

той петушок» с иллюстр. М. Севиера). Также подвизаются переводчики-эмигранты (Набоков, Хайес, Катков и др.).

В последние годы, кроме прозаических переводов («Пиковая дама», 1929; «Капитанская дочка», в переводе Нат. Доддингтон, 1928 и 1933; три повести, — «Метель», «Станционный смотритель» и «Гробовщик» — в переводе Р. Т. Кэрреля, без указания года), появилась также «Гавриилиада», названная переводчиком Максом Истмэном «Гаврил, поэма в одной песне» (с иллюстрациями Рокуэлла Кэнта, 1929).

V

Если переводы из Пушкина на три главнейших европейских языка велись непосредственно с русского, то относительно переводов на итальянский приходится отметить, что они, довольно часто, осуществлялись с какого либо иностранного, главным образом французского перевода. Установить подобные факты помогает транскрипция собственных имен пушкинских персонажей, а нередко и имени самого Пушкина, противоречащая итальянскому правописанию. Правда, это относится к переводам более поздним.

Прижизненные переводы из Пушкина были очень не многочисленны и тоже не все делались с оригинала. Известен перевод «Пророка», принадлежащий графу Риччи (не позднее 1828 года), и «Кавказского пленника» Ант. Роккиджиани (1834); другой перевод той же поэмы, вышедший в 1837 году в Одессе, принадлежал переводчику, скрывшемуся под инициалами Д. Ф. Г.

Уже после смерти поэта, в 1841 году выходят «Четыре крупнейшие поэмы» Пушкина в переводе Чезаре Боччелла, а в 1844 году в Петербурге «Стихотворения» в переводе Луиджи Мандзини.

Все сказанное ранее о посмертных переводах Пушкина применимо и к итальянским, за исключением разве того, что там в послевоенную эпоху «роскошных» изданий и переводов, сделанных эмигрантами, не появлялось. Немногочисленные ранее (до 1900 г. появилось всего 38 переводов Пушкина), переводы в послевоенную эпоху количественно относительно растут (число их не ниже 15). Нельзя того же сказать о качестве этих переводов. Наряду с добросовестным «ученым» переводом «Евгения Онегина», сделанным проф. Ло Гатто, встречаются явно халтурные, как, например, помещенный в журнале «Литературные новинки» (№ 4, 1925 г.) перевод некоей Эстер Модильяни — «Почему Мари не повенчалась, хотя должна была венчаться». Он представляет из себя искаженный перевод с французского перевода «Мятели».

Следует отметить вышедший в 1934 году перевод «Сказки о прекрасной царевне и семи богатырях», принадлежащий К. Старнео.

История «западноевропейского» Пушкина не исчерпывается переводами на главнейшие языки. Впрочем, общей картины материалы, касающиеся остальных европейских — за исключением славянских, — народов, не меняют.

II

Aus der Geschichte der deutsch-russischen Theaterbeziehungen im XVIII. Jahrhundert

Über die Gastspiele J. K. Eckenbergs in Petersburg 1719—1727

Die deutsch-russischen Theaterbeziehungen des 18. Jh. sind sowohl von sowjetischer als auch von deutscher Seite ungenügend untersucht. Nach dem interessanten und wertvollen Artikel G. Zamjatins, „K voprosu o svjazi russkogo teatra načala XVIII v. s nemeckim", der die vorhergehende Literatur zu dieser Frage einer zusammenfassenden Sichtung unterzieht[1]), hat sich, soweit mir bekannt ist, niemand mehr mit diesem Thema beschäftigt. G. Zamjatin richtete indessen seine Aufmerksamkeit nur auf die Frühetappe der deutsch-russischen Theaterbeziehungen des 18. Jh., d. h. auf die Aufführungen der Truppe des Kunst und Fürst. Einige Jahre vor der Oktoberrevolution untersuchte V. N. Vsevolodskij-Gerngross in seinem Aufsatz „Komediant Mann"[2]) die Petersburger Gastspiele des bekannten deutschen Komödianten J. K. Eckenberg von 1719 und 1723, der in jener Zeit unter dem Beinamen „der starke Mann" auftrat, sowie die gleichzeitigen Gastspiele eines anderen Schauspielers namens J. G. Mann. Mit Hilfe einiger Übertreibungen und willkürlicher Vermutungen versuchte V. N. Vsevolodskij-Gerngross die Identität des „starken Mannes" Eckenberg mit dem Komödianten Mann zu beweisen, wobei er lange vorher erschienene Forschungsergebnisse unberücksichtigt ließ. Hinzu kommt, daß in den letzten Jahrzehnten weitere Tatsachen aufgedeckt wurden, die eine genauere Beleuchtung dieser Frage gestatteten.

Johann Karl von Eckenberg (oder Eggenberg) (1685—1748) ist in die Geschichte des deutschen Theaters als Schauspieler eingegangen, der in sich einen starken Kerl, den „zweiten Simson", und den „letzten Repräsentanten der Haupt- und Staats-Aktionen"[3]) vereinte. In den von deutschen Theaterhistorikern verfaßten

---

[1]) Izvestija Akademii Nauk SSSR. Otd. obšč. nauk, 1933, Nr. 10, S. 769—804.

[2]) Ježegodnik imperatorskich teatrov, 1912, vyp. 7, S. 32—50.

[3]) Johannes Bolte, Der „starke Mann", J. K. v. Eckenberg, „Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte" 1890, Bd. II, 2. Hälfte, S. 211—227; J. Kürschner, Eckenberg, Johann-Karl, „Allg. Dt. Biogr.", Bd. V, S. 608—611; Werner, R. M., in „Schriften der Gesellsch. für Theatergeschichte, Bd. 13 (1910), S. 284f.

Darstellungen seines Wirkens heißt es, daß sein erstes Auftreten, soweit bekannt geworden, in Halberstadt und Bern 1715 erfolgte. Anschließend spielte er von 1717 ab mit seiner Truppe in Leipzig und Berlin und wanderte in den folgenden 17 Jahren in Deutschland, Belgien, Polen und vermutlich auch Dänemark umher. Schließlich ließ er sich in Berlin nieder. Von diesem Zeitpunkt an liegt seine Biographie lückenlos vor. Während seiner Wanderjahre heiratete er eine englische Seiltänzerin, doch läßt sich nicht genau feststellen, wann dies geschah.
Ferner ist den deutschen Theaterwissenschaftlern bekannt, daß „der starke Mann" 1719 in Petersburg weilte und am 16. April 1719 von Peter I. sogar eine Ehrenurkunde erhielt. Wo er sich aber vor 1715 sowie in den Jahren 1723 und 1727 aufhielt, konnte auf Grund der deutschen gedruckten wie handschriftlichen Quellen nicht festgestellt werden. Die folgenden, aus russischen Veröffentlichungen und Archivmaterialien gewonnenen Tatsachen lassen eine Präzisierung der Biographie J. K. Eckenbergs zu und liefern eine Erklärung für die Motive, die Peter den Großen veranlaßt haben, „den zweiten Simson" nach Rußland zu holen.
Bevor wir uns den Petersburger Gastspielen Eckenbergs zuwenden, sei darauf hingewiesen, daß, wie der Historiker der französischen Wandertruppen Émile Campardon feststellen konnte, „Jean-Charles Eggiber, dit le Fort-Samson, hercule forain, faisait des tours de force en 1714 à la foire Saint-Laurent"[1]). Daraus folgt, daß wir das Auftreten Eckenbergs in Halberstadt und Bern nicht als sein erstes ansehen können. Weiterhin zeugt das Pariser Gastspiel des Hercule forain davon, daß Eckenberg zu jener Zeit schon ziemlich bekannt gewesen sein muß, war er doch 1714 bereits 29 Jahre alt und dürfte seine Karriere kaum unvermittelt in diesem Jahre begonnen haben. Aus der deutschen theaterwissenschaftlichen Literatur ist bekannt, daß Eckenberg in den Jahren von 1717—1736 öfters in Wien weilte, wo damals die Truppe des 1717 verstorbenen Heinrich Wilhelm Benecke unter Leitung seiner Witwe Viktoria Clara auftrat. In den Jahren 1717 bis 1719 gastierte diese Truppe in Riga. Hier mag sich Eckenbergs Truppe vor der Einreise nach Rußland mit der Truppe der V. C. Benecke, die kurz vorher die Frau J. G. Manns geworden war, vereint haben[2]).
Was die Gastspiele Eckenbergs in Petersburg betrifft, muß gesagt werden, daß V. N. Vsevolodskij-Gerngross für seinen Artikel „Komediant Mann" die interessantesten und wertvollsten Materialien nicht benützt hat: den Anschlagzettel über das erste Auftreten Eckenbergs in Petersburg am 17. März 1718, den Bericht eines Augenzeugen über sein Spiel in Anwesenheit des Zaren und über die

---

[1]) Campardon, Émile, Les Spectacles de la Foire, Paris 1877, I, p. 330 (pp. 330 f.: zwei Dokumente Eckenberg betreffend vom 24. September 1714).

[2]) M. Rudolf, Rigaer Theater- und Tonkünstler-Lexikon, Riga 1889, S. 151; A. v. Weilen, Geschichte des Wiener Theaterwesens, in „Die Theater Wiens", hsg. von der Gesellschaft für vervielfältigende Kunst, Bd. I, Wien (o. J.), S. 139; E. Castle, Österreichische Literatur, in „Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte", hsg. von P. Merker u. W. Stammler, Bln., Bd. II, 1926/1928, S. 604.

Wirkung der Stärke des „zweiten Simson" auf die russischen Zuschauer, ferner den Anschlagzettel über das zweite Gastspiel Eckenbergs in Petersburg im Jahre 1723 und schließlich die Archivmaterialien über die Gastspiele des „starken Mannes" 1727.

Im Februarheft des Nekrasovschen „Sovremennik" erschien ein Artikel des späteren Akademiemitgliedes P. P. Pekarskij mit dem Titel „Aktery v Rossii pri Petre Velikom". Am Schluß des Artikels wird der Text einer Ankündigung über das Auftreten eines anonymen „zelo silьnogo muža, kotorogo mnogije vesьma drugogo Samsona naricajut protivno voli jego"[1]) gebracht. Elf Programmnummern des „starken Mannes" sind auf dem Anschlagzettel aufgezählt, u. a. daß er „nakovalьnju ot 500 do 600 funt. tjagostiju postanovljajet sebe na grudь i zastavit (auf dem Amboß) dvuch kuznecov prut železnoj rozbitь" (Nr. 6), daß er „skamьju vozmet v 18 futov dlinnoju, za odin konec rtom (mit den Zähnen), a na drugoj konec stol postavit, kotoruju ot zemli 10 futov vverch podymajet" (Nr. 10), und daß er „vozmet palku v rot (zwischen die Zähne) i velit samym silьnym ljudjam tjanutь, kotoruju ne mogut u nego izo rtu vytjanutь von" (Nr. 11)[2]). In der Ankündigung wird ferner darauf hingewiesen, daß „on že („der starke Mann") imejet pri sebe kurioznuju kampaniju, pri kotoroj osoblivo nachoditca aglinskaja tancovalьnaja masterica". Hier kann natürlich nur von der Frau Eckenbergs die Rede sein.

Außer dem Anschlagzettel, der über den Aufenthalt Eckenbergs in Petersburg 1719 Auskunft gibt, sind einige Angaben in Chr. Fr. Webers „Das veränderte Rußland" enthalten, einem einst populären Werk, das in seinem ersten Teil Auszüge aus den Tagebuchaufzeichnungen des Autors bringt. Nachdem er am 1. April 1719 über die Ankunft „des starcken Simson" sowie über einen Scherz berichtet hat, den Eckenberg den Zuschauern bereitete[3]), fährt er fort: „Die ungemeine Stärcke des obgedachten starcken Mannes ward von vielen der Rußischen Nation als eine Zauberey angesehen, und meyneten die Herren Bischöffe, daß der Simson die Bäncke, worauf sich ein Rußischer Küster mit den Evangelien-Buche

---

[1]) Sovremennik, 1858, č. LXVII, Nr. II, fevralь, otd. I, S. 196—189; P. P. Pekarskij, Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom, SPb. 1862, t. I, S. 430; t. II, S. 451f. („Obъjavlenije o čudnom muže, jego že inyje vtorym Samsonom naricajut"); Ju. Ju. Bitovt, Redkije russkije knigi i letučije izdanija XVIII veka, M. 1905, S. 51 (Nr. 244); A. Gavrilov, Očerk istorii Sankt-Peterburgskoj sinodalьnoj tipografii, vyp. I, 1711 — 1839, SPb. 1911, S. 59.

[2]) Eine Reproduktion dieses Anschlagzettels findet sich in: T. A. Bykova i M. M. Gurevič, Opisanije izdanij graždanskoj pečati. 1708- janvarь 1725 g. Pod red. prof. P. N. Berkova, Izd. AN SSSR, M.-L. 1955, zwischen den Seiten 256—257; vgl. auch S. 254f. Eine Gegenüberstellung dieser Reproduktion mit Pekarskijs Nachdruck erweist die Fehlerhaftigkeit des letzteren.

[3]) An Stelle eines Stückes wurde den Zuschauern eine Wand mit der Aufschrift „April" gezeigt.

setzete, nicht wie sonsten mit den Zähnen würde aufheben können" (§ 441). „Diese einfältige Meynung", berichtet Weber weiter, „bewog Se. Czar. Majest., daß Sie die vornehmsten Geistlichen auf das Theatrum kommen ließen und denselbigen die ungemeine Stärcke des Simsons zeigten, welche sich darüber zum Höchsten verwunderten, und dergleichen niemals gesehen zu haben, bekennen mußten" (§ 442). Zum Schluß seiner Erzählung über Eckenberg teilt Weber mit, daß Peter I. höchst persönlich mit einem seiner Würdenträger dem „starken Mann" einen Amboß auf die Brust setzte, auf dem man Eisen zu schmieden begann, und daß der Zar anschließend vergebens versuchte, eine Stange loszureißen, die Eckenberg mit den Zähnen festhielt (§ 443)[1]). Aus Webers Bericht kann man den Schluß ziehen, daß Peter I. in den Vorführungen des Eckenberg ein Mittel zur Bekämpfung des Aberglaubens und vielleicht auch der kirchlichen Ansichten über den biblischen Simson gesehen hat. So ein Verhalten zu den Darbietungen des „starken Mannes" würde voll und ganz der aufgeklärt absolutistischen und utilitaristischen Einschätzung von Fragen der Kunst durch Peter entsprechen. Weber berichtet, daß Peter mit Eckenberg zufrieden war. Hier liegt offenbar die Ursache, warum der Zar dem deutschen Schauspieler eine Ehrenurkunde überreicht hat.

Über den Aufenthalt einer deutschen Truppe in Petersburg 1723—1724 informiert uns das Tagebuch des Kammerjunkers Bergholz[2]), doch geht aus der Darstellung nicht hervor, um welche Truppe es sich handelt. Vor ungefähr 100 Jahren wurde in der Zeitschrift „Bibliografičeskije zapiski" der Text eines nicht datierten Anschlagzettels zum Abdruck gebracht, auf dem von einer „pochvalьnaja aglinskaja masterica" die Rede ist[3]). Im erwähnten Buch von T. A. Bykova und M. M. Gurevič ist dieser Anschlagzettel zwischen den Seiten 416—417 reproduziert (vgl. auch die Seiten 421f.). Die genannten Autoren datieren ihn auf Grund der Wasserzeichen 1723—1724, können sich aber nicht entschließen, Eckenbergs Frau, die 1719 als „aglinskaja tancovalьnaja masterica" in Erscheinung tritt, mit der „pochvalьnaja aglinskaja masterica" von 1723 zu identifizieren. M. E. ist eine Gleichsetzung beider Personen durchaus möglich. In diesem Falle kann man annehmen, daß die Truppe von 1723 nicht nur Manns Truppe war, wie V. N. Vsevolodskij-Gerngross meinte[4]), sondern auch Eckenbergs, womit die Lücke in Eckenbergs Biographie von 1723 ausgefüllt wäre.

---

[1]) (Chr. Fr. Weber), Das veränderte Rußland. Neu-Verbesserte Auflage. Erster Theil, Franckfort und Leipzig, 1738, S. 360f. Eine russische Übersetzung bringt die Ztschr. „Russkij archiv", 1872, Nr. 9, Sp. 1654—56. Das Ende des § 441 hat der Übersetzer P. Barsov nicht verstanden und falsch übersetzt.

[2]) P. P. Pekarskij, Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. I., S. 431—435; Vsevolodskij, op. cit. S. 45—47.

[3]) Afiša o publičnych predstavlenijach inostrannych figljarov, „Bibliografičeskije zapiski" 1859, Nr. 9, S. 269f.; vgl. auch die Ztschr. „Rossijskaja bibliografija" 1881, Nr. 79 (3), S. 57f.

[4]) Op. cit., S. 45.

Schließlich und endlich verfügen wir über genaue Angaben, was den Aufenthalt des „starken Mannes" in Petersburg 1727 betrifft. Im Archiv der Akademie der Wissenschaften zu Leningrad befindet sich unter den Akten der Akademiedruckerei ein „Rejestr čto na ščet postoronnich ljudej pečatalosь v 1727 godu"[1]). Die Nummern 8 und 9 betreffen jeweils ein „Obъjavitelьnoje pisьmo silьnogo muža", wobei für das erste 2 und für das zweite 3 Rubel als Einnahmen verzeichnet sind. Außerdem sind die Nummern 10, 14 und 18 ebenfalls „komediantskije obъjavitelьnyje pisьma", doch habe ich keine Beweise dafür, ob sie zu Eckenberg gehören oder ob eine andere Truppe der Besteller ist. Es wäre leicht möglich, daß K. L. Hoffmanns Truppe, die sich nach dem Zeugnis deutscher theaterwissenschaftlicher Quellen 1726—1727 in Petersburg aufhielt[2]), diese Zettel in Auftrag gegeben hat. Andererseits ist die Möglichkeit nicht ausgeschlossen, daß beide Truppen sich in Petersburg vorübergehend vereinigt haben, ähnlich wie die Truppe Eckenbergs sich mit der Truppe J. G. Manns in den Jahren 1729—1723 zu gemeinsamem Spiel zusammentat.

Die Archivmaterialien über das Auftreten deutscher Schauspieler in den Jahren 1726—1727 widerlegen die traditionelle Ansicht, daß während der Herrschaft Katharinas I. (1725—1727) und Peters II (1727—1730) die Theater in Rußland aufgehört hätten zu existieren: außer den Nachrichten über die Gastspiele deutscher Schauspieler besitzen wir Material über das Auftreten einer französischen Komödiantentruppe in Petersburg 1728—1729[3]).

All die angeführten Tatsachen bestätigen die bekannte These, daß die kulturelle Entwicklung der Völker stets im Zuge einer wechselseitigen Bereicherung vor sich geht, sowohl auf dem Gebiet der Wirtschaft und Politik, als auch auf dem Gebiete der Wissenschaft und Kunst.

---

[1]) Archiv AN SSSR, fond 3, opisь I, kniga 3, listy 256 i 256 oborot, Nr. 124.

[2]) Schriften der Gesellschaft für Theatergeschichte, Bf. 13 (1910), S. 250f.; Rob. Hessen, Geschichte des Theaters und der Schauspielkunst, in „Spemann's Goldnes Buch des Theaters", Stuttgart 1912, S. 85. Auf Hoffmann geht die „Verteidigungsschrift der Witwe Velten" zurück (Schriften d. Gesellsch. f. Theatergesch., Bd. 13, S. 246). In der Teatralьnaja biblioteka in Leningrad befindet sich ein Exemplar dieses Werkes von Hoffmann „Curieuse und wolerörterte Frage, ob Comödien unter denen Christen geduldet und ohne Verletzung ihres Gewissens von denenselben besuchet werden können", Hamburg 1722, 15 S.

[3]) Ein Aufsatz von mir wird dieses Thema in der nächsten Nummer der „Učenyje zapiski filologičeskogo fakulьteta Leningradskogo universiteta" behandeln.

III

Zwei Dokumente zur Biographie von Burchard Adam Sellius

> Dieser von den Russen selbst hochgeschätzte deutsche Gelehrte verdient unbedingt der Vergessenheit entrissen zu werden. . .[1]

Der von mir für die Festschrift zu Ehren von *E. Winter* geschriebene biographische Abriß des Lebens von *B. A. Sellius* hat den vorgesehenen Umfang so stark überschritten, daß ich ihn durch die Publikation zweier von mir gefundener Dokumente ersetzen muß. Sie enthalten wesentliche Präzisierungen der Lebensbeschreibungen von *Sellius*, die in Rußland im 18. und zu Beginn des 19. Jh. verfaßt und später bis in unsere Tage unkritisch wiederholt wurden.

Die übrigen von mir gesammelten umfangreichen Materialien werden in dem erwähnten Artikel enthalten sein, der dem Jubilar gewidmet ist und der zur Zeit im „Вестник Ленинградского университета" gedruckt wird.

I. Das Zeugnis über die Taufe von *Sellius* im orthodoxen Glauben und über seine Mönchsweihe

Im Zentralen Historischen Staatsarchiv in Leningrad wird in den Beständen des Heiligen Synods ein Buch aufbewahrt, in das Nachrichten über die Personen eingetragen wurden, die die Mönchsweihe erhielten. Hier findet sich folgende – im Original russische – Aufzeichnung[2]:

„Der Mönch *Nikodim Cellij* ist aus der Stadt Tondern in Holstein [im Original: „Голстиндия", „Holstindien" – d. Übers.], seine Geburt im Jahre 7223[3], sein Vater war der Bürger und Apotheker *Adam Cellij*, lutherischen Glaubens, in der gleichen Stadt, in der Welt und im lutherischen Glauben war er, *Nikodim*, *Burgard Adam* und bei seinem Vater ebenso wie in ausländischen Gebieten studierte er die

[1] E. Winter, Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jh. (= Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik der DAW, Nr. 2), Berlin 1953, S. 236.

[2] Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде, ф. 834, оп. I, д. 1766, Bl. 140.

[3] Das in dem zitierten Dokument genannte Geburtsjahr von Sellius ruft Zweifel hervor. In der russischen kirchlichen Praxis wurden bis 1918 die Jahre seit der Erschaffung der Welt gezählt, nach der die Geburt Christi in das Jahr 5508 fällt. Sellius' Geburtsjahr 7223 würde also dem weltlichen Jahr 1715 entsprechen. Andere mir zur Verfügung stehende Materialien widersprechen jedoch diesem Datum entschieden. Im Русский биографический словарь. Bd. Нааке-Николай Николаевич, Petersburg 1914, S. 343 bis 344, s. v. Nikodim, nennt Prof. B. V. Titlinov ohne Quellenangabe 1695 als Geburtsjahr von Sellius. Auch diese Angabe erscheint mir zweifelhaft.

höheren Wissenschaften [Humaniora], Künste außer verschiedenen höheren Wissenschaften beherrscht er nicht. Nach Rußland kam er im Jahre 732, im Monat Mai[4], und unterrichtete verschiedene adlige Herren-Kinder bis zu den höheren Wissenschaften und im Jahre 744, am 30. Oktober, nahm er auf eigenen Wunsch im Aleksandr-Nevskij-Kloster unter dem Segen seiner Eminenz des Bischofs *Nikodim* den Glauben der griechischen Konfession an und es wurde ihm der Name *Nikolaj*[5] verliehen und in diesem Jahre 745, am 27. März, wurde er zum Mönch geweiht in dem gleichen Kloster durch seine Eminenz *Feodossij*, den Erzbischof von St. Petersburg und Archimandriten dieses Klosters.

Dieser Mönch *Nikodim Cellij* starb im Aleksandr-Nevskij-Kloster in dem gleichen Jahre 745, am 7. Dezember."[6]

II. Ein Brief von *Sellius* an Akademiemitglied *S. T. Bayer* (1736)

Das zweite Dokument, das einige Einzelheiten über die Abreise von *Sellius* aus Petersburg nach Moskau enthält, ist ein Brief, den er am 26. Juli 1736 aus Moskau an das Akademiemitglied *S. T. Bayer* schrieb und über den von dem letzteren auf der Sitzung der Konferenz der Akademie der Wissenschaften am 27. August des gleichen Jahres kurz berichtet wurde.[7] Der Brief selbst befindet sich im Archiv der Akademie der Wissenschaften der UdSSR.[8]

Die Handschrift von *Sellius* ist recht schwer zu lesen; *Sellius* ließ oft die Wortendungen, manchmal auch Worte aus; seine Orthographie ist inkonsequent, die Zeichensetzung äußerst willkürlich. In der folgenden lautgetreuen Wiedergabe wurden nur die allgemein üblichen Abkürzungen beibehalten, Orthographie und Zeichensetzung wurden dem heutigen Gebrauch angepaßt.

[4] Das genaue Datum der Ankunft von Sellius in Petersburg kann nach den gedruckten Материалы для истории императорской Академии Наук, Bd. 2 (1731–1735), Petersburg 1886, S. 140, ermittelt werden: „Weil an diesem 12. Juni [1732] aus Danzig der Medizinstudent Burchard Adam Sellius ankam und damit er eine Wohnung dieser Akademie bei dem Maler Gsell hat, deshalb ist über die Mitteilung seiner Ankunft in die Polizeimeisterkanzlei ein Promemorium zu schicken. J. D. Schumacher".

[5] Bei der Taufe erhielt Sellius den Namen Nikolaj. Das war sein „weltlicher" Name. Bei der Mönchsweihe mußte er dem kirchlichen Brauch entsprechend seinen Namen durch einen anderen, den „Mönchs"-namen, ersetzen, wobei zumindest der erste Buchstabe des alten erhalten bleiben mußte. Sellius wählte den Namen Nikodim, wahrscheinlich zu Ehren seines Taufvaters, des Bischofs Nikodim. Weil der Name Nikodim ganz am Anfang des Dokuments erwähnt wird, wird er an der Stelle, an der über Sellius' Mönchsweihe gesprochen wird, nicht wiederholt.

[6] In Auszügen wurde das vorliegende Dokument ausgewertet von S. G. Runkevič, Александро-Невская Лавра. 1713–1913, Petersburg 1913, S. 503–507.

[7] S. Протоколы заседаний конференции императорской Академии Наук с 1725 по 1803 года, Bd. I (1725–1743), Petersburg 1897, S. 302.

[8] Ленинградское отделение Архива Академии Наук СССР, ф. I, оп. 3, д. 21, Bl. 121 bis 122.

Auf der vierten Seite steht die Adresse des Empfängers (Kuverts wurden damals noch nicht verwendet): A Monsieur / Monsieur *Bayer* / Professeur et Membre / de l'Académie des Sciences à Petersburg.

Der Text des deutsch geschriebenen Briefes hat folgenden Wortlaut:

Hochedel. und Hochgelahrter H. Professor,
Großgeneigter Gönner.

Weil ich d. 22. Mai a. c. unverhofft in aller Eil Petersburg verlassen und mich nach Moskau wenden mußte, so bin ich wenigstens viermal, des Abends und Morgens, bei des H. Prof. Hause gewesen, um dem H. Prof. meinem gehörigen Abschieds-Respekt zu erzeigen, da ich aber das Unglück gehabt, daß ich den H. Prof. niemals zu Haus oder [!] aufgefunden; so ward ich gezwungen, meine Reise, ohne Ew. Hochedl. meinen Respekt zu vermelden, anzutreten. Weil ich dann nun unfehlbar hoffe, daß Ew. Hochedl. mir diesen Fehler gütigst verzeihen werden, so nehme mir die Freiheit, dasjenige schriftlich abzufassen, was ich mündlich zu proponieren festen Willens gewesen. Meine erste Bitte möchte daran bestehen, daß Ew. Hochedl. dessen geehrtestem Versprechen nach die Güte haben möchten, dem [!] defectum mei schediasmatis[9] ex catalogo propriae Bibliothecae vel aliis fontibus paulatim zu supplieren und mir nachmals zu kommunizieren, weil ich durch unterschiedlicher vornehmer und gelehrter H. Beistand meinem Catalogum schon vieles vermehret und in eine ganz andere Form umgegossen und umgetauschet. Da mir aber die von Ew. Hochedl. rezensierte auctores et editiones annoch fehlen, so wollte dienstlich um deren Kommunikation ersuchen. 2. Bei meiner Abreise nach Petersburg ist mir von des in Königsberg gewesenen und sich bis dato in Frankfurt ad Viadrum befindlichen Amanuensi Professoris *Strimesii*[10] erzählet worden, daß gedachter H. *Strimesius* einige genealogische Controversias mit der Petersburgischer [!] Akademie gehabt[11]; weil ich nun dieses noch nicht ordentlich habe erfahren können, so wollte gerne weitere Nachricht deswegen von Ew. Hochedl. erwarten. 3. So sollte mir auch gerne einige subsidia von Ew. Hochedl. ad Rossiam litteratam

[9] Es handelt sich hier um das Buch von B. A. Sellius, Schediasma litterarium de auctoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt, Revaliae 1736. Dieses Werk war die erste Bibliographie zur russischen politischen und Kulturgeschichte, die im 18. und im 19. Jh. in Rußland hochgeschätzt und vom Bischof Evgenij Bolchovitinov ins Russische übersetzt (1813) und herausgegeben wurde (1815). Vgl. N. V. Zdobnov, История русской библиографии до начала XX века, Moskau ^{3}1955, S. 63–64, und O. Feyl, Deutsche Bibliographen und Bibliothekare und ihr Anteil an der deutsch-russisch-sowjetischen Wechselseitigkeit. (Versuch eines historischen Überblicks 1700–1933). In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena, Jg. 6 (1956/57), Gesellschaft.- u. sprachwiss. Reihe, H. 6, S. 663.

[10] Samuel Strimesius (1648–1730), Professor der Theologie an der Universität in Frankfurt/Oder.

[11] Der „Amanuensis" von Strimesius ließ sich nicht ermitteln. In der Leningrader Abteilung des Archivs der Akademie der Wissenschaften der UdSSR befindet sich ein Brief von H. Huyssen an einen Strimesius in Königsberg vom 26. 1. 1722 st. v. (ф. 1, оп. 3, Nr. 7, Bl. 409–411 r), der Rußlandbeziehungen von Strimesius wahrscheinlich macht. In den Протоколы, a. a. O., erscheint der Name dieses Gelehrten nur im Zusammenhang mit Bayers Bericht über den Brief von Sellius. Vgl. oben.

atque antiquam atque novam ausbitten, als welcher ich mich jetzo auch sehr stark befleißige. Sollten Ew. Hochedl. die Güte haben, mich einer kleinen Antwort zu würdigen, so kann die Adresse an den H. Past. *Neubaur*, Past. der Neuen Deutschen Kirche in Moskau, geschehen. Im übrigen gehet es mir, Gott Lob, bis dato noch sehr wohl, es obschon sonsten in Moskau pro litteratis sehr schlecht aussiehet und sich die hier befindliche Studiosi meistenteils recht ridicule aufführen. Ich verharre nach meiner gehorsamsten Begrüßung an die Fr. *Bayerin* und den alten H. Vater *Gesell*[12]

Moskau,
A° 1736, d. 26. Jul.

Ew. Hochedl.,
meines großgeneigten Gönners
dienstwilligster
Sellius.

Aus dem Russischen übersetzt von C. Grau

[12] Georg Gsell (gest. 1740), akademischer Maler; wurde von Peter I. nach Rußland berufen und arbeitete in der Akademie der Wissenschaften seit deren Gründung. Leonhard Euler war mit seiner Tochter aus erster Ehe verheiratet. Über Georg Gsell vgl. Материалы, a. a. O., Bd. 6, Petersburg 1890, S. 95, 523. Über die Beziehungen von Sellius zu G. Gsell vgl. Anm. 4.

IV

I. НЕСКОЛЬКО ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ БИБЛИОГРАФИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В связи с проведением в Москве IV Международного съезда славистов нам представляется целесообразным и своевременным остановиться на одном чрезвычайно существенном вопросе современного состояния и дальнейшего развития славяноведения. Мы имеем в виду организацию централизованной библиографии славяноведения.

Важность этого вопроса ясна для каждого серьезного исследователя. Конечно, в наше время каждая наука находится в тесной связи не только с социально-политической жизнью своей страны, но и многих стран мира, и эта связь имеет первостепенное значение для развития науки. Однако без учета современного состояния самой науки в целом и отдельных научных проблем дальнейшее ее движение вперед невозможно. В то же время без хорошего знания истории науки и частных ее вопросов нельзя ясно представить себе особенности ее нынешнего этапа и понять тенденции ее поступательного движения. Иными словами, как бы ни зависела наука от общественно-политической жизни, как бы тесно ни была она связана с последней,— без библиографии и историографии (которая в свою очередь немыслима без библиографии) научное развитие не может осуществляться в должном направлении и нормальными темпами. Библиография — conditio sine qua non любой современной науки, и славяноведение не является в этом отношении каким-либо исключением.

До сих пор издание славяноведческой библиографии не было централизовано и не было даже взаимно согласовано с определенными научными центрами. Поэтому специалист, желающий быть постоянно в курсе новейших достижений в интересующей его области, должен следить

за множеством изданий, которые не всегда выходят регулярно, поступают в библиотеки с большим запозданием и часто попадают к заинтересованному научному работнику уже после того, как он мог бы с успехом использовать для своего очередного труда содержащийся в том или ином славяноведческом органе библиографический материал. Создание централизованной библиографии по славяноведению, на первых порах только текущей, должно быть одним из результатов IV Международного съезда славистов. Вопрос этот, как известно, поднимался не раз, но сейчас необходимо не столько возобновить его постановку, сколько принять решение для наиболее удобного, целесообразного и скорого его осуществления.

Исходя из указанных положений о роли библиографии и историографии в каждой науке, мы попытаемся наметить в настоящей работе те очередные вопросы славяноведческой библиографии, преимущественно организационного характера, правильное решение которых может, как нам кажется, помочь успешному развитию славяноведения как науки.

Предварительно необходимо напомнить, что в нашей научной литературе существует ряд терминов для обозначения понятия «славяноведение», не являющихся простыми синонимами, но отражающих то определенные этапы развития данной науки, то различное понимание ее объема и задач в настоящем. Термины эти: «славянская филология», «наука о славянстве» («études slaves»), «славистика», «славяноведение». Специальные задачи настоящей работы не позволяют нам проследить историю возникновения и развития этих терминов и изменения их содержания. Однако сопоставление двух из них,— с одной стороны, «славянской филологии», с другой, «славяноведения»,— разделенных восемью десятилетиями, поможет нам подойти к более точному пониманию современных задач славяноведческой библиографии.

В «Извещении», открывавшем первый том первого подлинно научного органа, посвященного изучению славянства, «Archiv für slavische Philologie», И. В. Ягич писал в 1876 г.: «Я понимаю филологию в широком значении, как ее трактовали А. Бек или Я. Гримм, так что в «Архиве» предметом рассмотрения будут не одни только

языки, хотя они с полным правом будут стоять на переднем плане, но также и памятники языка и литературы, произведения народного духа и вся литературная древность славян» [1]. Таким образом, для Ягича в начале последней четверти XIX в. «славянская филология» была в первую очередь наукой не о современном славянстве, а о «памятниках» и «древностях» славян.

Понимание Ягичем «славянской филологии» несколько изменилось в течение последующей трети века, в особенности тогда, когда он создавал свою монументальную «Историю славянской филологии» (1910). Утверждая в ней, что «сла́вянская филология в обширном значении этого слова обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках, в произведениях литературных то отдельных личностей, то общей силы простонародного творчества, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях», И. В. Ягич непосредственно пришел к выводу, что «в этом объеме славянская филология представляет сложный организм различных предметов, сплоченных в одно целое» [2].

Что понимал Ягич под словами «совокупная духовная жизнь славянских народов» и «сложный организм различных предметов, сплоченных в одно целое», он ни здесь, ни в каком-либо другом месте не объяснил. По существу же «славянская филология» у Ягича и многочисленных славяноведов второй половины XIX и начала XX в. являлась не «сложным организмом различных предметов, сплоченных в одно целое», а механическим конгломератом из филологий отдельных славянских народов. При этом у разных авторов то в большей, то в меньшей степени изменялся — в зависимости от их научных и общественно-политических взглядов — объем и содержание понятия «сла-

---

[1] «Ich fasse den Begriff der Philologie im weiten Sinne eines A. Boeckh oder J. Grimm auf, so dass im Archiv nicht bloss die Sprachen, wenn auch diese mit vollem Recht im Vordergrunde stehen, sondern auch Sprach- und Literaturdenkmäler, die Producte des Volksgeistes und das ganze literarische Alterthum der Slaven den Gegenstand der Behandlung bilden werden». V. Jagić. Ankündigung.— «Archiv für slavische Philologie», I. Jahrg., 1876, B. I, S. 3.

[2] И. В. Ягич. История славянской филологии, СПб., 1910, стр. 1 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1).

вянская филология»[3]. Однако, как ни изменялось понимание «славянской филологии» у разных ученых, общей характерной для них всех чертой был преимущественный интерес к языковедческим проблемам и невключение в сферу их изучений новейшей литературы славянских народов.

В современном советском определении «славяноведения» делается ударение на совсем другом: «Славяноведение,— пишет П. Н. Третьяков,— совокупность научных дисциплин, изучающих языки, историю, а также культуру и литературу славянских народов. Особенно характерно для славяноведения изучение таких явлений, которые касаются всех или большинства славянских народов. К ним относятся: происхождение славянских народов, их языков и письменности; родственные черты в языках и культуре славянских народов, исторические, языковые и литературные связи между славянскими народами; их совместная борьба против агрессоров, национально-освободительное движение в славянских странах, революционные связи между славянскими народами и т. д. В ряде случаев понятие «славяноведение» суживается до совокупности лишь филологических дисциплин»[4].

Таким образом, со времени Ягича понятие «славянская филология — славяноведение» сильно изменило свое содержание и если не переместило полностью свое внимание от древности к современности, то, во всяком случае, включило последнюю в поле своего зрения в качестве важного элемента изучения. Такое расширение понятия не могло не отразиться на закономерном стремлении отдельных частей славяноведения к обособлению и выделению в самостоятельные области ве́дения. Так, история славян почти во всех странах, где изучается славянство, а в германских странах (ГДР, ФРГ, Австрия) — история Во-

---

[3] В значительной мере «славянская филология» являлась орудием политических целей у европейских буржуазных правительств — в первую очередь в России, Австрии, Германии, а также Франции и Англии. Эта сторона вопроса становится особенно заметной, когда мы знакомимся с материалами, характеризующими возникновение кафедр славянской филологии в Петербурге, Париже, Оксфорде и т. д.

[4] П. Н. Третьяков. Славяноведение.— «Большая советская энциклопедия», изд. 2-е, т. 39, М., 1956, стр. 296—297.

сточной Европы — оформилась в настоящее время в самостоятельные научные дисциплины, хотя внутренне и связанные с остальными составными частями славяноведения.

Впрочем, соотношение языкознания, литературоведения, истории, правоведения, этнографии в современном славяноведении окончательно не определилось и по-разному решается в разных странах. Так, например, в «Oxford Slavonic Papers», наряду со статьями по истории славянских литератур и языков, печатаются статьи по истории славян; в «Revue des études slaves» статьи по истории не печатаются, но в публикуемой в этом журнале библиографии учитываются работы по истории и истории религии славян. В некоторых зарубежных органах по славяноведению встречаются статьи по советскому праву и т. д.

Все эти различия в понимании наук, посвященных изучению славянства, вносят большую путаницу в решение вопроса о том, что должно составлять содержание библиографии славяноведения.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные расхождения в трактовке понятия «славяноведение» и иных родственных его обозначений, существуют области изучения, которые в качестве составных частей входят во все определения славяноведческих наук и без которых последние не могут существовать как наука. Это — славянское языкознание, славянское литературоведение и славянский фольклор. Поэтому международная библиография славяноведения в первую очередь должна складываться из библиографии всех трех перечисленных дисциплин. При организации международной библиографии славяноведения следует, по крайней мере на первых порах, не увеличивать объем этого понятия, а строго держаться границ, общеприемлемых для всех национальных коллективов славяноведов.

Сложность вопроса об организации международной славяноведческой библиографии не исчерпывается указанной трудностью в отношении ее объема. Есть еще одно серьезное обстоятельство, которое нельзя не учитывать.

Возникновению научного понятия «славяноведение», «славистика», представляющего некоторое философское обобщение, аналогичное понятиям «германистика», «романистика», «финно-угроведение», «семитология», пред-

шествовало изучение истории и филологии отдельных славянских народов: юго-западных славян, русских, поляков, чехов и т. д. Поэтому, когда в XIX в. возникло понятие «славяноведение», оно не отменило факта существования и дальнейшего развития русистики, полонистики, чехистики и других национальных ветвей общей науки о славянстве. Таким образом, параллельно с развитием библиографии славяноведения шло и идет развитие национальных славянских библиографий.

Для славяноведов XIX — начала XX в. не существовало вопроса, каково соотношение общей науки о славянстве с науками об отдельных славянских народах; они мыслили славяноведение в качестве всепоглощающей суммы наук об отдельных славянских народах.

Проблема соотношения между славянской филологией в целом и филологиями отдельных славянских народов ни Ягичем, ни кем-либо из других славяноведов, насколько нам известно, не ставилась. Между тем, правильное решение ее является одной из основных предпосылок дальнейшего развития славяноведения. Ведь, в самом деле, прогресс русистики, полонистики, чехистики и т. д., при всей их самостоятельности и возможности, так сказать, автаркического развития, в сильной мере зависит от результатов развития славяноведения в целом, и наоборот — движение вперед славяноведения в целом зависит от итогов, к которым приходят в своих исследованиях филологи отдельных славянских народов. Впрочем, не для любой из частных работ по литературе или фольклору (и, может быть, и языку) того или иного славянского народа имеют значение общие выводы славяноведения, как и не всякие выводы из такой частной работы имеют значение для славяноведения в целом.

Сказанное сейчас о соотношении общего славяноведения с национальными славянскими филологиями полностью соответствует соотношению между библиографией славяноведения и отдельных славянских филологий: наличие общей библиографии славяноведения не влечет за собой уничтожение библиографий отдельных славянских филологий. В таком случае, естественно, встает вопрос, где кончается компетенция библиографии славяноведения и начинается компетенция библиографии отдельных славянских филологий, и наоборот.

Нам представляется, что общая международная библиография славяноведения не должна быть механической суммой национальных славяноведческих библиографий хотя бы по трем отмеченным выше аспектам — языка, литературы и фольклора. Критерий отбора материала для общей библиографии славяноведения должен определяться степенью его общеславянской значимости. В этом отношении не все из трех составных частей современного славяноведения находятся в одинаковом положении.

В самом деле, если частные разыскания по лексике и диалектологии того или иного славянского народа имеют или могут иметь значение для изучения других славянских языков или для славяноведения в целом, то историко-литературные исследования, например, о каком-нибудь второстепенном или третьестепенном славянском поэте, прозаике или драматурге, несомненно, важные для истории соответствующей славянской литературы, часто оказываются бесполезными для изучающих другие славянские литературы.

Поэтому, на наш взгляд, в библиографии славяноведения должны полностью учитываться труды языковедческие, а из литературоведческих — только посвященные писателям, деятельность которых оказывала влияние хотя бы на какую-либо одну славянскую или иную литературу. Все же те писатели, которые имеют чисто национальное значение (по крайней мере в данный момент), должны оставаться в компетенции национальной библиографии. То же самое относится и к литературным явлениям, школам, жанрам, темам и т. п. По-видимому, так же должен решаться и вопрос о библиографии произведений фольклора славянских народов.

Предлагаемое нами решение вопроса мы рассматриваем как одно из возможных и выдвигаем его скорее из соображений практических, чем теоретических. Для нас важнее сама постановка проблемы о границах между общей библиографией славяноведения и отдельными национальными славянскими библиографиями. Нам кажется, что проблема эта назрела, что без ее правильного понимания организация общей славяноведческой библиографии невозможна и, следовательно, она должна быть так или иначе решена совместными усилиями всего международ-

ного коллектива славяноведов. И чем скорее это произойдет, тем будет лучше для науки славяноведения.

Однако как ни будут решены намеченные выше вопросы о составных частях славяноведения и о пределах компетенции национальных славянских библиографий и общей библиографии славяноведения, последняя должна будет строиться с учетом существующего научного опыта, опираясь на сложившиеся научные традиции. Поэтому нам кажется целесообразным представить здесь в самом сжатом виде ход развития и современное состояние славяноведческой библиографии, так как из этого обзора можно будет сделать некоторые выводы для предполагаемой организации ее в международных масштабах.

II. КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БИБЛИОГРАФИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В том направлении, которое приняла библиография славяноведения и по которому она с некоторыми изменениями идет и сейчас, весьма значительна опять-таки роль И. В. Ягича.

Напомним, что в библиографии по хронологическому признаку принято различать библиографию ретроспективную, охватывающую литературу вопроса за какой-либо значительный отрезок времени (во всяком случае — не меньше двух лет), и библиографию текущую, включающую в принципе произведения, опубликованные в так называемом «учетном» году.

Наиболее ранней ретроспективной библиографией славяноведения следует признать «Библиографический обзор публикаций в области славянской филологии и археологии с 1870 г.» И. В. Ягича [5]. Обычно считают, что эта библиография охватывает литературу по славяноведению за шестилетие (1870—1875). На самом деле Ягич включил в свой обзор материалы и за более ранние годы. В этом смысле его «Обзор» может рассматриваться как первая попытка свести в одно целое разрозненные данные о славяноведческой библиографии до возникновения редактировавшегося им «Archiv für slavische Philologie», своего

---

[5] V. Jagić. Bibliographische Uebersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slavischen Philologie und Alterthumskunde seit Jahre 1870.— «Archiv für slavische Philologie», I Jahrg., 1876, B. I, S. 465—607.

рода библиографическим введением к которому он и должен был быть [6].

«Обзор» Ягича охватывает явления как славянской филологии, так и славянской археологии. Самый «Обзор» состоит из следующих глав: I. Общие пособия (библиография, критика, некрологи и юбилейные статьи, переписка ученых, энциклопедии); II. Публикации в области славянского языкознания (общие сочинения, работы по грамматике отдельных славянских языков, сравнительная грамматика славянских языков и этимологические работы, диалектология, лексикография, издание памятников языка); III. Достижения в области литературы (работы по истории славянских литератур в целом, работы по истории литературы отдельных славянских народов); IV. Исследования в области славянской этнографии; V. Исследования в области славянских древностей (древняя история и география, древности славянского права, славянская мифология, история быта древних славян).

Совершенно аналогичный характер имел «Библиографический обзор славянской филологии за 1876—1891 гг.» Фр. Пастрнека [7]. Составитель этого второго «Обзора» указывал в начале своей работы, что она представляет непосредственное продолжение «Обзора» Ягича, выходит под таким же заглавием и в максимальной степени использует разработанную там библиографическую схему [8]. В отличие от Ягича Пастрнек поместил вслед за вводными замечаниями к своему «Обзору» библиографическую схему («Eintheilung») [9], в которой особенно подчеркнуто понимание славянской филологии как науки о древностях. Так, в разделе III — «Достижения в области литературы» — прибавлено: «за исключением новейшего времени»; в разделе V — «Исследования в области славянской

---

[6] Термин «славянорусская библиография», применявшийся в практике русских библиографов 40—70-х гг. XIX в. (Сахаров, Ундольский и др.), имел другой смысл. См. «История русской библиографии до начала XX века» Н. В. Здобнова (изд. 3-е, М., 1955, стр. 190—194).

[7] Dr. Fr. Pastrnek. Bibliographische Übersicht über die slavische Philologie 1876—1891. Zugleich Generalregister zu Archiv Band I—XIII. Berlin, 1892. «Archiv für slavische Philologie». Supplement-Band, 415 S.

[8] Там же, стр. 1.

[9] Там же, стр. 2—3.

древности» — указывается только: «Древняя история и география славян» (в целом и отдельных групп славян: Россия; западные славяне; южные славяне). Соответственно своей позиции Фр. Пастрнек в разделе, посвященном библиографии русской литературы, остановился на Гоголе, Белинском и Герцене, т. е. приблизительно на полустолетии от времени, когда составлялся его «Обзор».

Как ни был полезен и ценен для своей эпохи «Обзор» Ягича, он был далек от необходимой полноты и содержал довольно случайный материал. Происходило это прежде всего потому, что Ягич не опирался на текущую библиографию славяноведения, которой, правда, тогда еще не было, а почти полностью зависел от книг и журналов, поступавших в библиотеку Славянского филологического семинара при Венском университете [10]; использовались Ягичем также и материалы по славянской филологии, полученные им в дар от различных ученых.

Одновременно с ретроспективным «Обзором» Ягич начал печатать в своем «Архиве» и текущую библиографию по славяноведению под разными названиями: «Список поступивших сочинений и содержание журналов», «Библиографические известия», «Библиография», «Из области библиографии» («Bibliographisches»), «Библиографический перечень присланных книг и журнальных оттисков» и т. д. [11] Все это значительно облегчило создание «Обзора» Пастрнека и послужило примером для последующих славяноведческих текущих библиографий в научных журналах.

После книги Фр. Пастрнека не было ни одной большой ретроспективной библиографии по славяноведению в течение целой четверти века: лишь в 1918 г. в Кэмбридже была напечатана книга Р. Д. Кернера «Славянская Европа. Избранная библиография на западных языках, включающая историю, языки и литературы» [12]. Как видно из заглавия книги, она ставила перед собою скорее научно-популярные, рекомендательные цели, чем чисто научные,

[10] Там же, стр. VI.

[11] См. библиографию Ягича в «Материалах для библиографического словаря действительных членов императорской Академии наук» (ч. II. Пг., 1917, стр. 257—267).

[12] Robert Joseph Kerner. Slavic Europe, A selected bibliography in the western languages comprising history, languages and literatures. Cambridge, 1918, XXIV, 402 p. (Harvard Bibliographies. Library Series. 1).

и была обращена не столько к специалистам-славяноведам, владеющим славянскими языками, сколько к тем европейским и американским читателям, для которых остается в силе высокомерное изречение: «Slavica non leguntur» («славянские книги не читаются»).

Однако и эта библиография, несмотря на ее особый характер, представляет известный интерес по своей конструкции. Она состоит из общего отдела «Славяне», распадающегося на три подотдела — «История», «Языки» и «Литературы», затем идут отделы, посвященные славянским народам, начиная с русского и польского, далее следуют славяне в Германской империи (за исключением поляков), чехи и словаки, и, наконец, южные славяне. Внутри каждого отдела и подотдела идут подразделения: «библиография», «периодические издания», «источники» и т. д.

Имеет смысл отметить, что вопреки подзаголовку книги, утверждающему, что учтена литература на западных языках, в «Славянской Европе» указываются, правда, не в особенно большом количестве, и труды на русском и некоторых других славянских языках.

Кроме общих славяноведческих ретроспективных библиографий, охватывающих литературу на многих языках, существует ряд аналогичных национальных библиографий. Таковы «Библиография польского славяноведения» Эд. Колодзейчика [13]. «Русская литература о славянстве. (Опыт библиографического указателя)» С. В. Вознесенского (Пг., 1915) и его же «Славянство в русской журналистике 1896—1914 гг. Указатель статей» (Пг., 1915).

В недавнее время в Польше возобновилась работа по библиографии польского славяноведения: в «Pamiętnikie Słowiańskim», выходящем с 1949 г., печатаются библиографические сводки, начиная с 1944 г. [14].

---

[13] Ed. Kołodziejczyk. Bibliografia słowianoznawstwa polskiego. Kraków, 1911, XX, 303 str. Рец.: В. А. Францев. Библиография польского славяноведения. «Русский филологический вестник», 1912, № 1—2, стр. 367—392, и отд.— Варшава, 1912, 26 стр.

[14] R. Kiersnowski. Bibliografia słowianoznawstwa polskiego za lata 1944—1946.— «Pamiętnik Słowiański», t. 1, 1949, стр. 215—235; * Zofia Wenzlówna. Bibliografia słowianoznawstwa polskiego za lata 1947—1948. Там же, t. II, 1951; Zdzisław Wagner. Bibliografia słowianoznawstwa polskiego za lata 1949—1950. Там же, t. IV, z. I, 1954, стр. 115—225.

Самая новая работа в этом роде — «Десять лет славистики и изучений Восточной Европы в зеркале публикаций на немецком языке, вышедших в Восточной Германии (1945—1955). Выборочная библиография для специалистов» д-ра Отмара Файля (Иена) [15].

Отсутствие больших ретроспективных библиографий славяноведения в целом после книги Пастрнека отчасти компенсируется богатым библиографическим материалом «Истории славянской филологии» И. В. Ягича, которая, как и «Панславизм в прошлом и настоящем» А. Н. Пыпина (впервые — в журнале «Вестник Европы», 1878, сентябрь — декабрь; отд. изд.— СПб., 1913), имеет не только историографическое, но и справочное значение. Но обе эти книги сейчас очень устарели.

Начатая Ягичем текущая славяноведческая библиография (см. выше) в несколько ином виде продолжалась и в XX в. Так, петербургская Академия наук с начала 1900-х гг. издавала библиографию по славяноведению, сперва без материалов по России, а затем со включением последних. В 1901—1903 гг. были выпущены отдельным изданием два выпуска «Славяноведения» [16], а затем — с 1909 по 1918 гг.— 14 выпусков «Обозрения трудов по славяноведению» за 1908—1913 гг. [17].

---

[15] O. Feyl. Zehn Jahre Slawistik und Osteuropa-Kunde im Spiegel der deutschsprachigen Veröffentlichungen Ostdeutschlands (1945—1955). Eine fachliche Auswahl-Bibliographie.— «Zeitschrift für Slavistik», B. I, 1956, H. 1, S. 112—132; 1957, H. 1, S. 105—135 (последняя часть совместно с К. Г. Мюллером). Д-ру Файлю принадлежит ряд полезных для славяноведов работ библиографического и историографического характера; частичный перечень их см. там же, стр. 137—138. Из последующих особенно отметим его статью: Deutsche Bibliographen und Bibliothekare und ihr Anteil an der deutsch-russisch-sowjetischen Wechselseitigkeit. (Versuch eines historischen Überblicks 1703—1933). Sonderdruck aus der Wissenschaftlichen Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Jahrgang 6, 1956/1957, H. 6, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, S. 661—686.

[16] Славяноведение в повременных изданиях. Систематический указатель статей, рецензий и заметок за 1900 год. СПб., 1901, XVI, 115 стр.; Славяноведение в 1901 году. Систематический указатель трудов по языкознанию, литературе, этнографии и истории. СПб., 1903, XXII, 237 стр.

[17] Обозрение трудов по славяноведению под редакцией В. Н. Бенешевича. 1908—1909 — вып. I—IV. СПб., 1909—1910; 1910 — вып. I—II. СПб., 1910—1911; 1911 — вып. I—II. СПб.,

Одновременно с «Обозрением трудов по славяноведению» и в польском «Славяноведческом ежегоднике» («Rocznik Sławistyczny») стала печататься библиография по славяноведению под заглавием «Библиография» и «Библиографический обзор». С 1908 по 1918 г. эта библиография включала все разделы славяноведения; возобновленный после почти десятилетнего перерыва «Славяноведческий ежегодник» дает сейчас только библиографию славянского языкознания (за исключением югославской, учитываемой в журнале «Јужнословенски филолог»; см. ниже). Назвать эту библиографию текущей в чистом виде нельзя, так как ввиду нерегулярного выхода «Ежегодника» часто в нем печатается ретроспективная библиография за ряд лет. Например, в т. XVI, ч. 2 (1950), стр. 163—472, помещена библиография за 1939—1945 гг.; в т. XVIII, ч. 2 (1957), стр. 122—335 — за 1949—1952 гг.

В другом польском славяноведческом издании «Славяноведческий путеводитель» («Przewodnik Sławistyczny») был напечатан «Библиографический обзор за 1915—1917 гг.» (т. 8, 1918, стр. 281—368).

В сербском журнале «Јужнословенски филолог. Повремени спис за словенску филологију и лингвистику» печатается с 1913 г. библиография по югославскому языкознанию. С 1921 г. в журнале французских славяноведов «Revue des études slaves» регулярно печатается большая систематизированная текущая славяноведческая библиография главным образом на основе поступающих в редакцию книг и журналов. В возникшей немного позже берлинской «Zeitschrift für slavische Philologie» (1925) ведется, по образцу ягичевского «Архива», отдел «Книги, поступившие в редакцию» («Bei der Redaktion eingegangene Bücher»), включающий не только книги, но и журналы (статьи из них не расписываются). Много лет прекрасная текущая журнальная библиография славяноведения была в пражской «Slavia» (1922); к сожалению, в последние годы этот отдел, составлявший одно из боль-

1911—1912; 1912 — вып. I—III. СПб.— Пг., 1913—1914; 1913 — вып. I—III. Пг., 1915—1918. За годы 1908—1911 есть «Указатели имен авторов» к «Обзору (!) трудов по славяноведению». Для истории этого издания имеет большое значение вышедшее на правах рукописи «Извлечение из протоколов заседаний сотрудников «Обозрения трудов по славяноведению за 1911—1913 гг.» (СПб., 1914, 22 стр.).

ших достоинств органа чешских славяноведов, почему-то прекратился.

Впрочем, в Чехословакии с 1956 г. регулярно выходит полезное ежемесячное издание «Библиография Славянской библиотеки» («Bibliografie Slovanské Knihovny»), с подзаголовком: «Литература, филология, история». Во вступительной статье к № 1 за 1956 г., озаглавленной также «Библиография Славянской библиотеки», редакция писала: «Мы приступаем к изданию библиографии избранных статей из журналов стран социалистического лагеря по вопросам литературоведения, филологии и истории. По возможности эта библиография будет дополняться не только сведениями о главных статьях, находящихся в чешских и словацких журналах, но также и о произведениях, помещенных в сборниках, и сведениями о книгах, в которых затрагиваются данные научные отрасли» [18].

Странное на первый взгляд решение редакции этого издания ограничиться учетом одних только журнальных статей [19] объясняется тем, что, наряду с «Библиографией Славянской библиотеки», Славянская библиотека с 1952 г. издает библиографический журнал «Новые советские книги» («Nove sovětské knihy»).

Подобное разделение библиографического материала по формальному признаку оказалось искусственным, и со второго года издания «Библиография Славянской библиотеки» оповестила своих читателей, что «предметом описания [в данном издании] являются книги, журнальные статьи, статьи сборников, рецензии, предисловия, введения и послесловия к произведениям художественной литературы и библиографические материалы» [20].

Вместе с тем редакция издания отказалась от учета материалов, выходящих лишь в странах социалистическо-

---

[18] «Bibliografie Slovanské knihovny». Ročník I, 1956, sešit 1, str. 5.

[19] Правильное было бы сказать — «статей из периодических изданий», так как здесь учитываются также газетные статьи.

[20] «Bibliografie Slovanské knihovny», Ročník II, 1957, sešit 1, str. 7—8. В русской редакции статьи «Второй год издания Библиографии Славянской библиотеки» после слова «книги» пропущены слова «журнальные статьи», которые мы восстанавливаем по другим редакциям этой же статьи (чешской — стр. 3, английской — стр. 8, немецкой — стр. 10). Во французской редакции (стр. 9) эти слова также пропущены.

го лагеря, и в цитированной выше статье указала, что «материал, подлежащий разработке, используется без географического и языкового ограничения (за исключением китайского, японского и других азиатских языков)» (стр. 8). На 1 марта 1957 г. в «Библиографии Славянской библиотеки» расписывалось 275 изданий на 19 языках.

Таким образом, в настоящее время это издание является одним из наиболее полных по охвату научного материала по славяноведению [21].

В СССР текущая библиография по славяноведению осуществляется в форме издания ряда бюллетеней, выпускаемых Фундаментальной библиотекой общественных наук Академии наук СССР (ФБОН). С декабря 1948 г. по 1950 г. выходил бюллетень «Новая литература по славяноведению». В 1948 г. бюллетень издавался раз в 3 месяца, по три выпуска в квартал. В каждом первом выпуске очередного квартала находился отдел «Славянство в целом», за которым следовала библиография Польши; каждый второй выпуск был посвящен Чехословакии, третий — Болгарии. Понятие «славяноведение» трактовалось здесь очень расширительно. В отдел «Славянство в целом» входили подотделы: «Общие сочинения», «История славянских народов» (включая «этнографию»), «Современное положение славянских стран» (включая «экономику» и «политическое, экономическое и культурное сотрудничество славянских стран»), «Славянские языки», «Искусство славянских народов», «Славяноведение, его история и современное состояние». Отсутствие в этом перечне славянских литератур объясняется тем, что последние рассматривались обособленно в соответствующем национальном выпуске.

В национальных выпусках была еще бо́льшая дробность материала: «Общие сочинения» (в основном «география»), «История», «Текущая политика», «Общественный и государственный строй», «Экономика», «Право»,

---

[21] Кроме основного издания «Библиография Славянской библиотеки» редакция выпускает и отдельные тематические книжки своего журнала. Таков, например, «Обзор общих библиографий русской и советской литературы», составленной Иосифом Стракой: Přehled všeobecných bibliografií ruské a sovětské literatury. Zpracoval Josef S t r a k a. Praha, 1957, 23 str. (Bibliografie Slovanské knihovny. Ročník I. Zvlaštní sešit 1).

«Этнография, Антропология». «Языкознание», «Литература», «Искусство», «Народное образование. Культура. Печать», «Наука и высшее образование», «Марксизм-ленинизм. Философия. Общественно-политические теории», «Религия», «СССР в [такой-то] литературе».

По существу под общим заглавием «Новая литература по славяноведению» ФБОН печатала самостоятельные библиографические бюллетени по трем славянским странам: Польше, Чехословакии и Болгарии.

С 1951 г. издание это выходит под названием «Новая литература по европейским странам народной демократии и славяноведению» и по той же программе, но по каждой стране отдельно: Болгария (с 1951 г.), Польша (с 1952 г.), Чехословакия (с 1952 г.), Румыния (с 1952 г.), Венгрия (с 1956 г.). С 1956 г. выходит также бюллетень «Новая литература по Югославии».

Кроме того, с 1953 г. той же библиотекой публикуются ежемесячные бюллетени «Новая советская литература по литературоведению» и «Новая советская литература по языкознанию», а с 1954 г.— «Новая иностранная литература по литературоведению» и «Новая литература по языкознанию».

Расположение материала в них в основном соответствует систематической схеме Всесоюзной книжной палаты в области литературоведения и языкознания.

Таким образом, бюллетени ФБОН дают возможность специалисту-славяноведу широко следить за движением определенной науки и находить материалы по более узким темам. Однако то обстоятельство, что эти бюллетени размножаются не типографским способом, а при помощи ротапринта тиражом от 100 до 300 экз. и рассылаются по крупнейшим библиотекам, делает их сравнительно малодоступными для специалистов. Было бы крайне полезно приступить к их изданию печатным способом и объявить на них подписку.

Не останавливаясь на некоторых других аналогичных попытках учета текущей литературы по славяноведению, мы отметим ценный труд по славяноведческой библиографии в новом немецком журнале, посвященном изучению славянства,— «Die Welt der Slaven» (ФРГ, 1956). Библиография эта называется «Славяноведческая библиография. Избранная литература по языку, литературе и

фольклору славян» и составляется д-ром Отто Махом. Печатается она регулярно в каждой книжке журнала и дает много полезных указаний, в особенности по западно-европейским и американским изданиям, которые к нам поступают с большим запозданием [22].

Из рассмотренных материалов явствует, что мы не имеем ни одного исчерпывающего большого сводного труда по библиографии славянской филологии и что в то же время во многих славяноведческих журналах велась и ведется текущая славяноведческая библиография. Эта последняя и превосходный библиографический труд Б. Унбегауна «Каталог периодических изданий, славянских и относящихся к изучению славянства, хранящихся в библиотеках Парижа» [23] (единственный специальный свод библиографии славянских периодических изданий) могут послужить основой для подготовки более или менее полной ретроспективной библиографии славяноведения. Конечно, одним из условий для создания такой библиографии должно явиться составление исчерпывающего списка славяноведческих научных изданий, который будет восполнять пробелы в книге Унбегауна, вызванные состоянием славянских фондов в парижских библиотеках, и служить перечнем за время с 1929 г.

Важным пособием для построения такой ретроспективной библиографии окажутся и каталоги отделов «Slavica» крупных научных библиотек. Все возрастающее политическое, экономическое и культурное значение СССР и славянских народно-демократических стран заставило правительства США и ряда европейских государств обратить внимание на необходимость комплектования своих книгохранилищ изданиями на славянских языках. В библиотечное понятие «Slavica» сейчас включается вся литература на любом славянском языке — как совпадающая с понятием «библиография славяноведения», так и выходящая

[22] Otto M a c h. Slavistische Bibliographie. Ausgewähltes Schrifttum zur Sprache, Literatur und Volkskunde der Slaven.— «Die Welt der Slaven». Jahrg. I, 1956: H. 1, S. 93—136; H. 2, S. 232—264; H. 3, S. 358—392; H. 4, S. 450—507. Jahrg. II, 1957: H. 1, S. 90—128; H. 2, S. 222—255; H. 3, S. 343—375; H. 4, S. 426—488. Jahrg. III, 1958; H. 1, S. 56—96.

[23] Boris U n b e g a u n. Catalogue des périodiques slaves et relatifs aux études slaves des bibliothèques de Paris. Avec une préface de André Mazon. Paris, 1929, XIII, 223 p.

далеко за ее пределы, со включением сюда работ на неславянских языках, но посвященных славянской тематике. Наиболее показательным примером подобного понимания этого термина являются четыре выпуска «Slavica-Neuerwerbungen 1950—1953/1954», изданные Баварской государственной библиотекой и составленные д-ром О. Махом. Во всех четырех выпусках этой библиографии зарегистрировано свыше 10 000 названий по разделу «Slavica»; при этом периодические издания не учитываются. Включенный в «Slavica-Neuerwerbungen» материал разделяется на 13 основных отделов и на ряд приложений: I. Литература о славянах, а также о Восточной и Южной Европе вообще («Schrifttum über die Slawen sowie Ost- und Sudeuropa in allgemeinen»); II. Древнецерковнославянская письменность (Schriftum), равно как труды на других языках, посвященные древнецерковнославянскому; III. Русская письменность, включая труды на других языках о СССР вообще и о России в особенности (см. также приложения) [24]; IV. Украинская письменность; V. Белорусская письменность; VI. Польская письменность; VII. Сорбская письменность; VIII. Чешская письменность; IX. Словацкая письменность; X. Словенская письменность; XI Сербско-хорватская письменность; XII. Македонская письменность; XIII. Болгарская письменность [25].

Внутри каждого из больших отделов (I, III, IV, VI, VIII, XI и XIII) проведены более дробные деления. Самая детализированная классификация материала нахо-

---

[24] Формула «включая труды на других языках о...» с соответствующими изменениями повторяется почти в каждом следующем отделе.

[25] [O. Mach]. Slavica-Neuerwerbungen 1950. München, 1953, IV, 116 S. (Bayerische Staatsbibliothek München Slavische Sammlung); ...Neuerwerbungen 1951. München, 1953, IV, 222 S.; ...Neuerwerbungen 1952. München, 1955, V, 209 S. (...Osteuropasammlung); ...Neuerwerbungen 1953/1954. München, 1956, VI, 455 S. (...Osteuropasammlung).— Библиотека Иенского университета (ГДР) также приступила к изданию каталогов по разделу «Slavica» (по материалам, находящимся в ее фондах). Сейчас изданы: «Slavica — Ausvahl-Katalog der Universitätsbibliothek Jena. Ein Hilfsbuch für Slawisten und Germanoslavica-Forscher in zwei Bänden. B. I. Allgemeine Literatur, Tschechoslowakei und Polen). Weimar, 1956, XV, 249 S. (Claves Jenesas. Veröffentlichungen der Universitätsbibliothek Jena, Herausgegeben von Waldmar Stossel).

дится в отделе III. (Русская письменность). Здесь перечислены все те рубрики, по которым учитывается печатная продукция в органах государственной библиографии ФРГ, и в принятой там последовательности: 1. Общий отдел; 2. Религия, богословие; 3. Философия, психология, педагогика; 4. Государство, право (а. государствоведение; б. правоведение); 5. Экономика, общественные науки; 6. Математика, естественные науки (с шестью подразделениями, в числе которых находятся физика, химия, астрономия и биология); 7. Медицина; 8. Техника, военное дело; 9. Сельское хозяйство и лесоводство; 10. География, геология; 11. История, политика (с шестью подразделениями); 12. Язык, литература (а. языкознание; б. литературоведение; в. художественная литература); 13. Искусства, музыка, театр, кино (с восемью подразделениями); 14. Спорт и игры [26].

Приводить содержание приложений в этом издании нам нет необходимости: они посвящены всему, что выходит за пределы «Slavica», но находится в Восточной Европе и даже Азии.

Из перечня разделов в «Slavica-Neuerwerbungen» видно, что объем учитываемого в этом издании материала значительно больше самого широкого понимания славянской филологии. Это вытекает из целей, которые преследует в комплектовании отдела «Osteuropasammlung» Баварская государственная библиотека, целей учета научных достижений славянских народов в любой отрасли знания. Поэтому славяновед может пользоваться библиографией «Slavica-Neuerwerbungen», но принимать ее в какой-либо форме за образец при построении общей библиографии славяноведения никак нельзя [27].

Сказанное в полной мере относится и к изданиям Библиотеки Конгресса (Вашингтон, США) — «Ежемесячный перечень русских поступлений» [28] и «Перечень восточноевропейских поступлений» [29]. Оба издания содержат

[26] Нами приведена схема последнего выпуска «Slavica-Neuerwerbungen 1953/1954», почти полностью совпадающая со схемой предыдущих выпусков.

[27] Некоторым подобием этой библиографии является «Osteuropäische Bibliographie» (Leipzig — Berlin, 1920—1923, Bd. I—IV), издававшаяся «Osteuropa-Institut in Breslau».

[28] «Monthly List of Russian Accessions».

[29] «East-European List of Accessions».

огромный материал (включая и журнальные статьи), расположенный по алфавиту фамилий авторов и предметных слов, и являются одними из самых полных, точных и быстро выходящих в свет пособий по разделу «Slavica». Однако и эти издания, при всей их ценности, не могут быть приняты за образец при организации общей международной славяноведческой библиографии.

III. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ БИБЛИОГРАФИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Наш краткий обзор исторического развития и современного состояния славяноведческой библиографии показал, что от широкого понимания славянской филологии как совокупности всех проявлений духовной жизни славянства наша наука в результате углубленного изучения и связанного с ним обособления отдельных частей ее — в первую очередь, истории и права,— постепенно сузила круг своего ве́дения. Сейчас большинство исследователей в состав понятия «славяноведение» включает лишь изучение славянских языков, славянских литератур и фольклора славянских народов. Соответственным образом должна строиться и библиография славяноведения, которая должна включать библиографию работ о славянских языках, славянских литературах и славянском народном творчестве. Кроме этих четко определившихся разделов славяноведческой библиографии, существует в ее составе раздел, который обозначается как «общий отдел» («Généralités» — в «Revue des études slaves», «Allgemeine Literatur» — в «Zeitschrift für Slawistik», «Slavistik und Slaventum in allgemeinen» — в «Die Welt der Slaven») и внутри последнего — «взаимообщение славян между собой» («Beziehungen slavischer Völker untereinander» — «Die Welt der Slaven»). В работе д-ра О. Файля «Zehn Jahre...» (см. выше) в разделе «Общая литература» выделен подраздел «Германско-немецко-славянско-восточноевропейские отношения» («Germanisch-deutsch-slavisch-osteuropäische Beziehungen»).

Нам представляется, что IV Международный съезд славистов, организуя работу по общей текущей библиографии славяноведения, должен был бы санкционировать установившееся в настоящее время понимание термина «славяноведение» и отнюдь не расширять его до пределов «науки о славянстве» («études slaves») и тем более «славянской филологии» в духе Ягича — Пастернека. Следует только, как нам кажется, решительно возражать против слишком узкой трактовки отдела «Взаимообщение славян между собой» и включить в него также материалы о языковом, литературном и фольклорном общении славян с другими народами. Неужели литературное общение русских и немцев или поляков и итальянцев не является фактом славяноведческого изучения? Можно назвать этот отдел «Международные языковые, литературные и фольклорные связи славянских народов» и внутри него выделить особый подотдел «Взаимообщение славян между собой».

Нам кажется, что одним из жизненно важных практических решений IV Международного съезда славистов должна быть организация работы по библиографии славяноведения — как текущей, так и ретроспективной. Трудно сказать, какая из них более важна (иногда незнание работ, вышедших в 1930-х годах, бывает для исследователя не менее вредно, чем неосведомленность в библиографии современного этапа славяноведения), и поэтому — в идеале — должна быть поведена работа в обоих направлениях. Однако из практических соображений целесообразнее начать дело с организации текущей общей международной библиографии славяноведения (в дальнейшем мы будем называть ее сокращенно ТОМБС), не отбрасывая в то же время идеи создания ретроспективной общей международной библиографии славяноведения (РОМБС).

Организация ТОМБС представляется нам в следующем виде.

Работа по ТОМБС проводится под руководством и наблюдением Бюро Международного комитета славистов, избираемого на международных съездах славистов. При Бюро действует избираемая на съездах международная комиссия по общей международной библиографии

славяноведения (ОМБС). На обязанности последней лежит координация работ национальных комиссий по славяноведческой библиографии (см. ниже) и издание двух библиографических бюллетеней ТОМБС, одного — включающего славяноведческую литературу, издаваемую в СССР и в народно-демократических странах, другого — учитывающего литературу по славяноведению, выходящую в других государствах. Подобное размежевание по территориальному принципу удобно в том отношении, что дает возможность быстрее учитывать литературу вопроса и печатно информировать о ней специалистов, тогда как в настоящее время научная западная литература текущего года обычно становится доступной славяноведам Европы с значительным опозданием; так же обстоит дело и с ознакомлением западноевропейских славяноноведов с восточноевропейской славистической литературой.

Международная комиссия по ОМБС опирается в своей деятельности на национальные комиссии по ОМБС, которые должны быть созданы при каждом национальном комитете славистов. Постоянно действующая национальная библиографическая комиссия должна иметь свой бюджет и штат и располагать печатными возможностями.

На обязанности национальной библиографической комиссии должны лежать: отбор и описание научной литературы по славяноведению, в первую очередь на данном национальном языке, а затем и на других языках, выходящей в данном государстве или в определенной его части (например, в СССР — отдельно в РСФСР, УССР и БССР; в ГДР — в местностях с сорбским населением, и т. д.).

Обзор и описание производятся на основе специальной инструкции, утвержденной IV Международным съездом славистов. Эта инструкция должна предусмотреть единообразные правила библиографического описания и научной транскрипции славянских и других имен и названий, чтобы устранить чрезвычайную пестроту, характерную для этой стороны славяноведческой библиографии.

Ограничивая материал библиографии славяноведения одними только трудами по языкознанию, литературоведению и фольклору, мы должны зато в этой области доставить специалистам сведения обо всех заслуживающих внимания работах.

Как известно, так называемая «исчерпывающая пол-

нота» в библиографии является часто помехой в научной работе: наряду с трудами, действительно ценными и двигающими науку дальше, «идеально полная», «исчерпывающая» библиография содержит книги и статьи компилятивные, популярные, рассчитанные на широкого читателя, а не специалиста. Поэтому заранее следует принять решение, что в библиографию славяноведения не включаются школьные учебники, популярные статьи и вообще компилятивные работы. Библиография славяноведения должна быть библиографией научной и в то же время рекомендательной, т. е. такой, в которой составители берут на себя ответственность за то, что включаемый ими труд действительно заслуживает внимания специалистов. Вполне возможны при этом случаи, когда по авторитетному мнению библиографа будут включаться в библиографию славяноведения отдельные работы популярные по назначению и форме изложения, но содержащие полезные или даже ценные в научном отношении материалы.

Вопрос о библиографии по истории славянства должен быть согласован с международными и национальными научными организациями собственно историков.

Описанию подлежат отдельно изданные книги (монографии, обобщающие труды, брошюры и т. д.), сборники, журналы, серийные издания типа «Ученых записок» и «Трудов», научные и научно-популярные издания полных, избранных и отдельных произведений классических и иных славянских писателей, значение которых выходит за пределы их национальной среды. Сборники, журналы, серийные издания расписываются постатейно; таким образом, если в каком-либо сборнике содержится пять статей, подлежащих включению в ОБМС, при его описании будет сделано шесть записей: одна на сам сборник и пять на содержащиеся в нем статьи.

Предисловия, вводные статьи, послесловия, самостоятельные приложения к каким-либо основным трудам описываются отдельно от издания, в котором они находятся. Предисловия подлежат описанию, когда они имеют не информационный, а принципиальный характер.

По содержанию в ОМБС должны включаться: а) общие труды по славяноведению (библиография, историография, обобщающие труды); б) работы, освещающие международные языковые, литературные и фольклорные

связи славянских народов, причем взаимосвязи славянских народов выделяются в особый подотдел; в) работы, посвященные отдельным славянским языкам, литературоведению и фольклору, не ограничивая материал какими-либо хронологическими рамками и доводя его до настоящего времени.

Лингвистическая литература учитывается полностью. Работы по фольклору и фольклористике — также.

Произведения классической художественной литературы подлежат включению в ОМБС только в случае, если издание имеет научный или научно-популярный характер, т. е. снабжено научным аппаратом. Произведения старых второстепенных писателей, также сопровожденные историко-литературным аппаратом, целесообразно вводить в ОМБС только тогда, когда данный автор имел или имеет значение не в одной лишь своей, но, по крайней мере, и в какой-либо еще другой — славянской или даже неславянской литературе, так как подобный материал свидетельствует о международном воздействии данной славянской литературы.

Произведения современной художественной литературы, как правило, не включаются в ОМБС. В случае выхода в свет какого-либо нового или старого произведения современного славянского писателя со вступительной статьей или послесловием об этом писателе или произведении в ОМБС включается только статья, и только в том случае, если писатель, которому она посвящена, имеет уже определившееся значение за пределами своей национальной литературы. То же самое относится к брошюрам и книгам о современных писателях славянских стран.

Каждое описание составляется не менее чем в шести экземплярах, из которых два остаются в картотеке национальной библиографической комиссии (по одному для алфавитной части картотеки и для систематической) и по два — для тех же целей — отправляются в те установленные международным съездом пункты, где будет централизованно производиться работа по ТОМБС. Регулярная отсылка национальных материалов в два указанных центра и пополнение ими алфавитной и систематической части картотеки даст возможность любому славяноведу получить в письменном виде более или менее исчерпывающие справки обо всей интересующей его текущей литературе

вопроса, причем в любом аспекте: и по данному авторуславяноведу, и по тому или иному вопросу. Эти картотеки текущей библиографической литературы явятся в то же время основой для создания в дальнейшем РОМБС. Создание двух параллельных картотек по ТОМБС не должно означать, что их материалы будут также печататься параллельно. Следует отличать картотеку по ТОМБС от печатных изданий по ней.

Из поступающей в центральные пункты библиографической литературы соответствующими частями Международной библиографической комиссии (подкомиссиями) комплектуются и печатаются ежемесячные бюллетени ТОМБС. Издание квартальных, тем более полугодичных и годичных библиографий едва ли улучшит существующее сейчас положение с библиографической информацией по славяноведению. Каждая из подкомиссий публикует в своем бюллетене только ту библиографическую информацию, которая территориально ей подведомственна. Поэтому из практических целей можно рекомендовать вливать карточки, поступающие со «своей» территории, в общую картотеку лишь после того, как они использованы для очередного выпуска бюллетеня.

Расположение материала в двух параллельно издаваемых, но взаимно дополняющих друг друга бюллетенях должно быть единообразное. Нам кажется оправданным опыт «Библиографии Славянской библиотеки», печатающей в каждом выпуске своего издания отдельно материалы по литературоведению, языкознанию и истории, с особым в каждом же выпуске именным указателем. Конечно, в конце каждого года должен быть издаваем сводный именной указатель — один для всех трех разделов бюллетеня, для того, чтобы можно было легко найти сведения обо всем напечатанном в учетном году данным исследователем или о данном писателе.

Расположение материала внутри каждого из трех больших разделов должно производиться по общеустановившемуся порядку: а) общий отдел; б) международные связи в области соответствующего раздела; в) язык (литература, фольклор) того или иного славянского народа (в принятой последовательности). Для большего удобства пользования бюллетенями ТОМБС, может быть, целесообразно дробить библиографический материал по более

мелким рубрикам, отправляясь от схемы советских библиографических бюллетеней, издаваемых Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР, и близкой к ней схемы «Библиографии Славянской библиотеки».

Впрочем, этот вопрос не должен быть предрешен заранее,— его следовало бы, как и ряд других, относящихся к изданию ТОМБС, обсудить на заседаниях Библиографической комиссии, которая будет функционировать во время IV Международного съезда славистов.

Издание ТОМБС и существование национальных библиографических комиссий, подготовляющих материалы для этого издания, в принципе не должно отменять имеющихся сейчас славяноведческих библиографий, печатающихся в различных национальных славяноведческих органах. Поскольку в ТОМБС включается не весь материал (в особенности в части литературы и литературоведения), постольку для целей национального изучения литературы того или иного славянского народа необходимо сохранение таких библиографий. Эти издания будут местными, национальными, более подробными, отвечающими специфическим национальным потребностям, тогда как ТОМБС будет иметь значение международное и преследовать иные цели. В то же время национальные библиографии будут неоценимым подспорьем для тех славяноведов, которые пожелают углубленно изучить тот или иной вопрос отдельной национальной славянской культуры, выходящей за пределы компетенции славяноведения. Одновременно национальные текущие библиографии смогут служить для контроля над работой национальных библиографических комиссий.

Выше мы указывали, что после организации ТОМБС должен встать вопрос о РОМБС. Поэтому было бы важно, чтобы в едином органе Международного комитета славистов, если таковой орган будет создан, или в существующих национальных славяноведческих журналах, или, наконец, и там и там печатались статьи с проектами организации РОМБС, с таким расчетом, чтобы к следующему V Международному съезду славистов позиция национальных библиографических комиссий в этом вопросе была уже ясна.

Нам кажется, что к следующему съезду должны быть подготовлены еще некоторые вопросы, тесно связанные

с ОМБС, но уже перерастающие ее. Это, во-первых, создание коллективной истории славяноведения XX в., которая в определенном смысле явится продолжением «Истории славянской филологии» Ягича, остановившейся на самом начале текущего столетия. Совершенно понятно, что в методологическом отношении «продолжение Ягича» будет решительно непохоже на «Историю славянской филологии», и поэтому после окончания этого «продолжения» закономерно встанет вопрос о написании истории славяноведения до XX в., которая должна будет заменить «Историю славянской филологии» Ягича.

В качестве подготовительного мероприятия для осуществления этих больших историографических работ следовало бы создать два справочника:

1) Список современных славяноведов типа известных справочников «Who's who?». Это должен быть краткий справочник, содержащий самые основные сведения о данном лице: биографические, библиографические и топографические (место работы и домашний адрес). Его можно было бы назвать «Who's who in slavonic studies».

2) Библиографический словарь славяноведов, старых и современных. Еще Ягич в своем «Библиографическом обзоре публикаций в области славянской филологии и археологии с 1870 года» писал: «Весьма желательно создание всеобщего библиографического словаря славяноведов, который явился бы необходимой базой для систематической истории самой науки славяноведения» [30].

Однако, высказанное более трех четвертей века назад пожелание Ягича так и не получило до сих пор осуществления, и сам автор этого предложения написал свою «Историю славянской филологии», не опираясь на «необходимую базу». То, что было не под силу одному человеку, хотя бы даже такой одаренности и работоспособности, какими отличался Ягич, может быть с успехом и сравнительно быстро сделано международным коллективом славяноведов [31].

---

[30] «Ein allgemeines biographisch-bibliographisches Lexicon der slav. Philologen wäre als nothwendige Grundlage zur systematischen Geschichte der Wissenschaft seibst sehr erwünscht».— «Archiv für slavische Philologie», Jahrg. I, 1876, B. I, S. 480.

[31] Из библиографии нам известно, что вскоре должна выйти в Висбадене (ФРГ) «Краткая славянская биография» («Kleine sla-

Наконец, нам кажется, что пора также создать международную «Славяноведческую энциклопедию», не в виде прежней «Энциклопедии славянской филологии», а в форме многотомного энциклопедического словаря. На английском языке существует «Slavonic Encyclopaedia», изданная Джозефом Слабеем Раусеком [32], но она ни по целям своим, ни по научному уровню не может ответить современным потребностям нашей науки.

Поставленные нами в настоящем докладе вопросы организации библиографии славяноведения, конечно, не исчерпывают всей совокупности связанных с ней проблем и не отражают всей сложности предстоящей работы. Нам ясно, что предлагаемые нами решения могут во многом и даже полностью не удовлетворить коллег-славяноведов, однако, поскольку в предсъездовской литературе вопросы организации библиографии славяноведения, насколько нам известно, по существу не обсуждались, постольку мы сочли уместным для начала обмена мнений выступить с настоящим сообщением.

---

vische Biographie». Wiesbaden, 1958. Otto Harrassowitz, Ca 700 S.); объявление о ней напечатано на последней странице № I «Die Welt der Slaven» за этот год.

[32] Slavonic Encyclopaedia. Edited by Joseph S. Roucek, Ph. d., University of Bridgeport. Philosophical Library. New-York, 1949, 1445 p.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
27	12 сн.	ОБМС	ОМБС
30	16 сн.	выходящей	выходящий
31	6 сн.	bibliogrähisches	bibliographisches
31	4 сн.	seibst	selbst

V

DES RELATIONS LITTÉRAIRES FRANCO-RUSSES ENTRE 1720 ET 1730 : TREDIAKOVSKIJ ET L'ABBÉ GIRARD

I

La biographie de V. K. Trediakovskij établie par P. P. Pekarskij, et qu'on trouve dans le second tome de son *Histoire de l'Académie impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg* [1], demeure, en dépit des matériaux nouveaux apportés au cours des dernières années, l'aperçu le plus complet sur la vie et l'œuvre de ce savant et poète malchanceux. Cependant, cette biographie même fait à peine mention du séjour de Trediakovskij à Paris. Or l'épisode français de la vie du poète a pourtant joué un rôle certain dans sa destinée, et par là même dans l'histoire de la littérature russe : c'est alors que Trediakovskij a découvert en même temps la vie et la littérature françaises.

Il n'est guère possible d'espérer faire dans les archives soviétiques quelque découverte importante qui nous apporterait des lumières sur les années que Trediakovskij passa à Paris : les archives personnelles de l'écrivain ont disparu dans les deux incendies qui ravagèrent sa maison; on ne peut guère compter non plus sur la trouvaille de documents dans les archives d'État, car le poète était parti pour l'étranger sur son initiative personnelle et non pas comme envoyé officiel. Peut-être existe-t-il quelques données sur Trediakovskij dans les archives de la Sorbonne, mais cela seulement dans le cas où il aurait été inscrit comme étudiant immatriculé et non pas simplement comme auditeur libre? L'ouvrage le plus complet à cet égard, celui de Gustave Dupont-Ferrier (*La vie quotidienne d'un Collège parisien pendant plus de trois cent cinquante ans : du Collège de Clermont au Lycée Louis-le-Grand* [*1563-1920*], tomes I-III, Paris, 1920-1925), ne nous apporte aucune précision sur les quelques étudiants russes qui se sont inscrits à Paris au XVIIIe siècle.

[1] История импер. Академии наук в Петербурге, Спб., 1873, p. 1-258.

Devant une telle pauvreté de matériaux, il est pourtant un passage du Слово о богатом, различном, искусном и несходственном витийстве, prononcé par Trediakovskij le 12 août 1745 au cours d'une séance de l'Académie des sciences, qui ne semble pas avoir retenu l'attention des chercheurs, alors qu'il nous fournit un témoignage d'une importance particulière. C'est celui où, abordant à propos de la richesse des langues deux points de vue opposés sur les synonymes, Trediakovskij déclare :

Часто подлинно случалось мне слыхать рассуждения о сей материи, когда еще я гостил живучи в Париже, от самых ученых людей, на обе стороны благоразумные и сильные. Однако мнение исправнейшего аббата Гирарда, которой и преизрядную книгу [1], нарочно о сей вещи, французским языком сочинил, и в народ пустил, и мне, равно как и всем нашим там же пребывающим, самой благосклонной был приятель, я здесь за мое собственное приемлю [2].

Trediakovskij nous révèle là au moins le nom d'un des Français qu'il fréquentait et que fréquentaient aussi ceux de ses compatriotes se trouvant en même temps que lui à Paris. Qui était donc cet « abbé Girard »?

On trouve peu de renseignements dans la bibliographie qui nous est accessible sur l'abbé Gabriel Girard [3], bien qu'il fût, à n'en pas douter, un personnage intéressant. L'*Éloge de Gabriel Girard, interprète du Roi,* prononcée à la mort de l'académicien par son confrère d'Alembert, en 1748, commence par cette phrase décourageante : « Ce modeste Académicien a si bien caché sa vie que nous en ignorons presque toutes les circonstances. Deux Ouvrages sur la Langue française en font à peu près tous les événements » [4]. Il nous est possible pourtant, grâce aux quelques renseignements biographiques dont nous disposons, de retracer, au moins dans ses grandes lignes, la vie de cet homme discret.

[1] *Justesse de la langue françoise* [Note de Trediakovskij].

[2] Сочинения Тредьяковского, III, изд. Александра Смирдина, Спб., 1849, p. 592.

[3] *Synonymes françois,* par M. l'abbé Girard, nouvelle édition, par M. Beauzée, II, Liège, 1775, p. III-XVIII; *Histoire des membres de l'Académie françoise, morts depuis 1700 jusqu'en 1771,* par M. d'Alembert, V, Amsterdam, 1787, p. 339-381; J. Ch. Adelung, *Fortsetzung und Ergänzungen zu Ch. G. Jöchers Allgemeinen Gelehrten-Lexico,* II, Leipzig, 1787, p. 1468; *Biographie universelle,* éd. Michaud, XVII, Paris, 1816, p. 449-452; J. M. Quérard, *La France littéraire,* III, Paris, 1829, p. 362; *Nouvelle biographie générale,* par M. Hoefer, XX, Paris, 1858, col. 657-659. L'ouvrage de P. G. Aigueperse, que M. Mazon a bien voulu consulter pour moi à Paris, *Biographie ou Dictionnaire historique des personnages d'Auvergne, illustres ou fameux par leurs écrits, leurs exploits, leurs vertus* (Clermont-Ferrand, 1834) ne nous apprend rien (t. I, 1834, p. 291) qui n'ait été rapporté quelque quarante ans plus tard par Amboise Tardieu dans son *Grand Dictionnaire biographique du Puy-de-Dôme* (1878, p. 58). On y relève surtout le mot de Piron sur l'abbé : « C'est un bon diable », et l'indication que, fils d'un riche négociant de Montferrand, Gabriel Girard, en sa jeunesse, avait été chanoine du chapitre de cette ville, puis avait résigné sa prébende à l'un de ses frères pour aller étudier la littérature à Paris, où il devint aumônier de la duchesse de Berry, fille du Régent, et secrétaire-interprète du roi pour les langues esclavonne et russe. Il semble qu'il existe également un ou plusieurs ouvrages où furent puisés les renseignements qui ont servi à la rédaction de l'article de la *Biographie universelle.* Je n'ai pas réussi à les trouver.

[4] D'Alembert, *Histoire des membres de l'Académie françoise, morts depuis 1700 jusqu'en 1771,* V, Amsterdam, 1787, p. 339.

Né à Clermont en Auvergne autour de 1677, peut-être même en 1680 [1], il avait reçu une formation théologique qui lui assurait en province une carrière aisée d'ecclésiastique [2]. Girard lui préféra cependant la littérature. Connaissant un grand nombre de langues, y compris le slavon et le russe, il se consacra entièrement à l'activité littéraire dès son arrivée à Paris. Les sources ne précisent pas où il apprit le russe, ni qui le lui enseigna, ni à quelle époque il vint à Paris. Pourtant il publie à Paris dès 1716 *L'orthographe française sans équivoque et dans ses principes naturels,* et en 1718 sa *Justesse de la langue française,* mentionnée ci-dessus par Trediakovskij, et qui devint aussitôt une œuvre classique, à laquelle il dut d'obtenir vers la fin de sa vie le fauteuil d'académicien (1744). On peut supposer qu'il avait quitté la province pour Paris au plus tard en 1716, sinon même vraisemblablement plus tôt encore. Mentionnant le fait que Girard connaissait le slavon et le russe, Gence, l'auteur de l'article de la *Biographie universelle,* note simplement : « Les liaisons qu'il forme à cette occasion, et l'aménité de son esprit, lui procurèrent la place de secrétaire-interprète du roi » [3].

Parmi les œuvres de Girard qui furent imprimées se trouve la première traduction connue d'un texte russe en français : celle de l'*Oraison funèbre sur Pierre-le-Grand,* le célèbre Слово на погребение Петра Великого de Théophane Prokopovič, édité à Saint-Pétersbourg en 1725. Cette traduction, libre transposition ou paraphrase du *Slovo* de Théophane plutôt que traduc-

[1] Les minutes de l'étude du notaire parisien Meny, déposées aux Archives nationales, fournissent les précisions suivantes, à la date du 14 juillet 1734, dans un contrat de constitution de rente viagère :

« Extrait des actes Baptistaires de la cure de Ste-Croix de l'Église de Cathedralle de la Ville de Clermont en Auvergne.

« Aujourdhuy vingt cinquième juillet mil six cent quatre vingt a été baptisé par moy Curé soussigné Gabriel Girard, fils de Me Jean Girard, marchand de soye en cette ville de Clermont et demeurant dans la paroisse de Ste-Croix, et Madeleine Breghot ses père et mère légitimes, son parein M^d^ Gabriel Breghot, marchand à Lezoux, sa mareine Jeanne Montoruer, veuve de feu Mr Girard, marchand au faubourg des Gras...

« Le présent extrait a été fait par moy Curé soussigné et expédié au Sieur Gabriel Girard, prestre gradué de Narbonne le requérant le dix mars mil sept cent douze.

« Signé : Girard, curé de Ste-Croix de l'Eglise cathedralle.

« Certifié valable, signé et paraphé contrat de constitution viagère passé le quatorze juillet mil sept cent trente quatre devant Mauthiot et Meny, notaires à Paris. »

[2] La mention « prestre gradué de Narbonne », que donne à l'abbé Girard la constitution de rente viagère de 1734, pose une énigme que M. Chomel, archiviste en chef du département de l'Aude à Carcassonne, n'a pu réussir à résoudre malgré de patientes recherches, dont il faut le remercier, dans les différents fonds ecclésiastiques narbonnais. Il ne peut que suggérer, à titre de simple conjecture, que Gabriel Girard était peut-être pourvu d'un bénéfice mineur « conducher » ou « hebdomadier » ne figurant pas dans les listes conservées par les Archives locales.

[3] Il n'est pas douteux que l'abbé Girard ait eu le titre de « Secrétaire-interprète du Roy pour les langues esclavonne et russe » qui accompagne régulièrement son nom. Mais c'est à la Bibliothèque du Roy, devenue par la suite la Bibliothèque Nationale, que l'abbé était appelé à exercer ses fonctions d'interprète traducteur, sous la direction de l'abbé Jean-Paul Bignon, l'orientaliste arabisant qui dirigeait alors cette bibliothèque. Voir plus loin, *RÉS,* XXXV, p. 000.

tion au sens moderne du mot, aurait été publiée à Paris en 1726 en une édition séparée que la Bibliothèque Nationale, d'après le catalogue de ses imprimés, ne possède pas, et qui ne se trouve non plus ni à la Bibliothèque publique d'État de Leningrad, ni à la Bibliothèque de l'Académie des sciences de l'U. R. S. S. La traduction de l'abbé, par bonheur, a été reproduite en son temps par le *Journal des savants,* dans ses deux éditions de Paris et d'Amsterdam [1]. C'en est assez pour que nous soyons en droit de voir en la personne de Gabriel Girard le premier russisant français officiellement reconnu.

Tels sont les faits dont nous disposons. Mais il en est tant qui restent confus dans les sources signalées que nous sommes contraints de recourir à des hypothèses, tout conscients que nous soyons de leur manque de fondement et de ce qu'a de précaire le « réconfort » qu'elles apportent à l'esprit. Mais on sait bien que les hypothèses ne sont pas toujours réfutées en bloc, et qu'il arrive par la suite qu'une part de ce qu'elles contiennent puisse se trouver confirmée par la découverte de matériaux nouveaux. Il se pourrait bien qu'il en fût ainsi dans le cas présent. Le fait est, comme on le verra par ce qui suit, que les hypothèses présentées ici s'appuient sur des faits qu'une autre série de documents nous fournit.

II

Trediakovskij arriva à Moscou en 1723, venant d'Astrachan', et il entra aussitôt à l'Académie slavo-gréco-latine [2]. Se distinguant par la vivacité de son caractère, il prit part très rapidement à la vie littéraire et théâtrale de l'institution où il se trouvait : il se joignit aux partisans de tendances puristes dans le domaine de la langue littéraire (le slavon lui coulait de source : « славянский речеточец »), il écrivit des vers syllabiques, composa des drames scolaires : *Jason* (Язон) et *Titus, fils de Vespasien* (Тит, сын Веспасиана), qui furent aussitôt joués, et il prit probablement part aux autres spectacles de l'Académie.

[1] Il fut alors rendu compte de cette traduction dans les *New Memoirs of Literature* (1726, June, p. 454) et dans les *Neue Zeitungen von gelehrten Sachen* (1727, 3 März, nº XVIII, p. 184).

[2] Славяно-греко-латинская Академия. La date exacte de l'entrée de Trediakovskij à l'Académie est restée longtemps inconnue. Pekarskij, dans sa biographie précitée, en indique seulement l'année (*op. cit.,* II, p. 5). L. N. Majkov, d'après certaines indications autobiographiques de Trediakovskij, place l'arrivée à Moscou au début de l'année 1723 et l'entrée à l'Académie au milieu de juillet 1723 (« Молодость В. К. Тредиаковского до его поездки за границу (1703-1726) », *Ж. М. Н. П.*, 1897, 7, sect. 2, p. 6 et 8, n. 2). Cependant, l'*Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. Синода* (t. X, Спб., 1901, col. 1342) indique que Trediakovskij entra à l'Académie dans le courant du deuxième trimestre de l'année 1723, dans la classe de *sintaksima* et dans la classe de rhétorique à partir du quatrième trimestre de l'année 1724. Comme l'enseignement de la classe de rhétorique durait deux ans, on doit placer le départ de Trediakovskij pour l'étranger, comme le supposait très justement L. N. Majkov, au cours du printemps ou de l'été 1726, et le voyage que fit Trediakovskij à pied de Hollande à Paris durant l'automne de la même année. Les premières lettres que Trediakovskij expédia de Paris et qui nous sont parvenues sont datées de janvier 1727.

C'est précisément dans la seconde moitié de l'année 1723 que trois « écoliers » (школьники), ou plutôt étudiants, qui avaient été envoyés à l'étranger en 1717 pour y faire leurs études, revenaient de Paris, passant par Saint-Pétersbourg, à l'Académie slavo-gréco-latine de Moscou. Ils se nommaient I. S. Gorleckij, T. P. Posnikov (ou Postnikov) et I. I. Kargopol'skij [1]. Deux autres étaient arrivés quelque temps auparavant : S. M. Korovin et G. Rezanov [2], venant de Paris également, mais dont on ne sait s'ils fréquentèrent alors les cours de l'Académie.

D'esprit curieux et de caractère vif comme il l'était, Trediakovskij a très probablement connu les trois étudiants qui revenaient de Paris. Il est possible que ce soit précisément en liant connaissance avec I. Gorleckij et ses compagnons, ou bien sous l'effet de récits de source directe ou indirecte, que l'idée soit venue à Trediakovskij de se rendre « outre-mer », entendons à Paris.

Parmi les « écoliers parisiens » un certain Tarasij Petrovič Postnikov retient notre attention, non pas tant en raison de sa biographie ni de ses caractéristiques personnelles que par le fait qu'il était apparemment le fils du célèbre P. V. Postnikov, le premier docteur en médecine russe ayant reçu son titre en 1694 dans une université étrangère, celle de Padoue, et qui vécut à Paris, avec quelques interruptions, de 1703 à 1710 en qualité de représentant diplomatique officieux de la Russie [3]. Un frère cadet de ce Petr Postnikov (senior), portant le même prénom, Petr Postnikov, dit junior, vivait lui aussi à Paris et y étudiait les sciences [4].

Tarasij Postnikov, par l'intermédiaire de son père, jadis diplomate russe à titre officieux et non officiel, ne pouvait-il faire la connaissance de l'abbé Girard, secrétaire-interprète du roi pour les langues slavonne et russe? On pourrait objecter que P. V. Postnikov partit pour la Russie en 1710-1711 et

[1] P. P. Pekarskij, Наука и литература в России при Петре Великом, I, Спб., 1862, p. 238-239. — Les « écoliers de Paris » (парижские школьники) revinrent à Saint-Pétersbourg en septembre 1722 (*ibid.*, p. 240), restèrent dans la capitale jusqu'au milieu de 1723 (Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. Синода, III, Спб., 1878, col. 665) et prirent leur service à Moscou dès mars 1724 (Материалы для истории императорской Академии наук, I, 1716-1730, Спб., 1889, p. 36).

[2] Pekarskij, *op. cit.*, I, p. 241-242; Материалы для истории имп. Академии, I, p. 36.

[3] Sur Petr Postnikov aîné, voir E. V. Šmurlo, П. В. Постников : несколько данных для его биографии, Юрьев, 1894, 167 p. (extrait des Уч. записки имп. Юрьевского университета, 1894, 1 : on trouvera là toute la bibliographie ancienne); A. Brückner, « Русский врач-дипломат при Петре Великом » (dans Русские ведомости, 1895, n° 27; Dm. Cvetaev, Медики в Московской России и первый русский доктор, Историко-биографический очерк, Варшава, 1896, 64 p.; I. A. Byčkov, « Новые материалы для биографии первого русского доктора П. В. Постников (Письма его к Петру Великому за 1695 и 1696 г. г.) », dans les Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, 1911, n° 4, sect. III, p. 41-51.

[4] Sur Petr Postnikov cadet, voir dans les ouvrages cités ci-dessus : E. V. Šmurlo (p. 6, 40, 43, 75, 77-78, 83, 89, 90 et 158-159) et D. V. Cvetaev (p. 33, note). Comme Postnikov cadet resta jusqu'en 1711 à Paris, où il était venu faire ses études en 1703, on peut difficilement supposer que Tarasij Postnikov soit son fils. Ce dernier serait plutôt, comme nous l'avons dit, le fils de Postnikov aîné.

que, d'autre part, nous n'avons de renseignements tant soit peu précis sur le séjour de l'abbé Girard à Paris qu'à partir de 1716 seulement, date à laquelle il publia *L'orthographe française*. Mais il n'est nullement nécessaire que ce livre ait été publié par son auteur l'année même de son arrivée à Paris. Huit ans se sont écoulés en effet entre la *Justesse de la langue française* (1718) et la traduction de l'*Oraison funèbre sur Pierre-le-Grand* (1726), et des intervalles de quinze à vingt ans ont séparé la parution de ses autres ouvrages. L'abbé Girard pouvait se trouver déjà à Paris bien des années avant 1716.

C'est là une hypothèse qui paraît être confirmée par un argument positif. On a conservé une lettre d'un certain Lionnière (de Lionnière) au comte G. I. Golovkin, datée du 12 octobre 1711, et qui contient une plainte contre Postnikov jeune, celui-ci ayant quitté Paris sans acquitter à son professeur, l'auteur de la lettre, une somme considérable représentant les honoraires de ses leçons. Lionnière indique dans cette lettre qu'en arrivant à Moscou Postnikov avait écrit à un abbé parisien (« à un abbé de cette ville ») qu'il lui enverrait l'argent pour le transmettre à Lionnière, mais qu'à la date de l'envoi de la lettre il n'avait pas encore tenu sa promesse [1]. Il va de soi qu'à cette époque l'abbé Girard n'était pas le seul abbé à Paris, et que l'abbé de qui parle Lionnière pouvait-être un tout autre personnage. Mais, si l'on se souvient des relations de Girard avec des Russes, relations qu'il entretenait sans doute dans le but de se perfectionner dans l'étude du russe et du slavon, on peut supposer que, selon toute vraisemblance, « un abbé de cette ville » n'était autre que Gabriel Girard lui-même.

Si l'on considère comme plausible la supposition que T. Postnikov ait connu Girard, on peut également supposer que, par son intermédiaire, Trediakovskij aurait fait la connaissance de l'abbé parisien. Le fait est que Trediakovskij qualifie l'abbé Girard « l'ami le plus bienveillant » (« самым благосклонным приятелем ») non seulement pour lui-même, mais pour ses compatriotes russes se trouvant à Paris (« и всем нашим там же тогда пребывающим »). C'est dire combien Girard était connu dans la colonie russe durant les années qui précèdent 1730. Ainsi, arrivé de Hollande à Paris à la fin de l'année 1726, Trediakovskij put très bien connaître l'abbé Girard par l'intermédiaire d'un des Russes demeurant dans la capitale, d'autant plus qu'il était descendu chez le prince B. I. Kurakin, alors ambassadeur de Russie en France. Il n'est fait mention de Girard malheureusement dans aucun des volumes contenant les papiers de B. I. Kurakin et de son fils A. B. Kurakin, l'un et l'autre ambassadeurs de Russie en France (Архив князя Куракина).

L'indication que donne Trediakovskij sur les rapports de Girard avec la colonie russe de Paris entre 1725 et 1730 laisse supposer qu'ils duraient depuis longtemps. Quoi qu'il en soit, la publication en 1726 de la traduction par Girard de l'*Oraison funèbre sur Pierre-le-Grand* ne put évidemment être menée à bien que grâce à des Russes habitant Paris, avec qui Girard avait

[1] E. V. Šmurlo, *op. cit.*, p. 150-151.

appris le russe, ou du moins se perfectionnait dans l'étude de cette langue, et surtout par l'intermédiaire desquels il put recevoir l'original russe du discours de Théophane Prokopovič.

Nous aurions pu conclure ici cette note sur Trediakovskij et l'abbé Girard. Mais deux faits encore valent pourtant d'être signalés.

Lorsque Pierre le Grand visita Paris en 1717, il reçut en présent une description de Paris en russe de la part du duc d'Antin qui, au dire de Voltaire, se distinguait « par un art singulier, non pas de dire des choses flatteuses, mais d'en faire » :

« Его вел. просил накануне (то есть 10 июня 1717 г.) герцога д'Антеньского (d'Antin) снабдить его описанием всего любопытного в Париже; чрез два часа, герцог принес ему книгу в красивом переплете, в которой были описаны все редкости сего обширного города. Он взял ее, не посмотревши, разговаривая в то время с чиновниками своей свиты, но развернув был чрезмерно доволен, найдя ее преведенною на славянский язык, и весьма благодарил герцога, говоря, что одни французы умеют делать такого рода учтивости [1] ».

Il est permis de ne pas tenir compte des exagérations évidentes de cette relation sur le délai d'exécution de la traduction et de la présentation du livre qui contenait soi-disant la *Description* (Описание) des curiosités de Paris, mais le fait même du présent offert par le duc d'Antin est hors de doute. Qui donc a pu traduire cette *Description* même s'il s'agissait de simples traductions de légendes de gravures en français?

On pourrait supposer que le duc d'Antin s'est adressé à un Russe demeurant à Paris ou bien à un membre de la suite du tsar, mais c'est peu probable, car c'eût été courir le risque de voir le tsar averti à l'avance de la surprise qu'on lui préparait et perdre ainsi le charme de l'imprévu. Il est plus naturel de penser que l'ingénieux duc d'Antin, de qui les curiosités et les surprises étaient intarissables [2], a eu recours à l'aide d'un étranger qui connaissait

[1] « Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого, в 1716 году » (Отечественные записки, 1822, nº 31, novembre, p. 163). Cet épisode n'est connu que par la source indiquée. On ne trouve aucune « Description des curiosités de Paris » (Описание достопримечательностей Парижа) dans la « Galerie de Pierre » (Петровская галерея) où les manuscrits ayant appartenu à Pierre sont conservés avec un soin exceptionnel; il existe une « Description des maisons nobles de France » (Описание знатных домов во Франции) qui donne un « Index à un album de vues : des palais de Paris, châteaux, parcs, etc. » (« Указатель к альбому видов : Парижских дворцов, замков, парков, фонтанов, бассейнов, триумфальных ворот, мостов, памятников, Версальского лабиринта и т. д. Всего 233 номера » М. И. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров, Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук [СССР], fasc. I, XVIIe siècle, M.-L., 1956, p. 414-415). C'est là apparemment le présent du duc d'Antin. Les légendes en russe de l'album, si celui-ci était déjà préparé, ont pu effectivement avoir été composées en un temps très court.

[2] *Biographie universelle*, XVIII, Paris, 1817, p. 62-63 (s. v. *Gondrin*). Le duc d'Antin accompagnait Pierre dans ses voyages à Versailles, Fontainebleau et dans Paris même. Un jour que Pierre dînait chez le duc d'Antin, il vit dans la salle à manger un portrait de Catherine Ire accompagné d'une dédicace (en russe?) mise en vers. Pierre fut enchanté et

la langue. Cet étranger, en ce cas, n'aurait-il pas été, cette fois encore, le même abbé Girard, interprète du roi[1] ?

Dans l'extrait précité du Слово о витийстве, Trediakovskij se déclarait d'accord avec la position de l'abbé Girard au sujet des synonymes. Ne serait-il pas rationnel de confronter dans le détail les théories philologiques de Trediakovskij avec celles de Girard qui était considéré comme l'un des plus éminents grammairiens français de son temps? Mais ici l'historien de la littérature devrait respectueusement céder la place au linguiste.

Une dernière remarque, cependant, s'impose. D. I. Fonvizin, en 1783, dans le Собеседник любителей российского слова, revue satirique et politique de l'époque de Catherine, faisait paraître son « Essai de synonymie russe » (Опыт российского сословника), satire politique où, sous couvert d'analyser les synonymes russes, l'écrivain soumettait la réalité contemporaine à une critique à peine déguisée. Il ne fait aucun doute que, si le côté de la satire politique de l'œuvre de Fonvizin est bien le fruit de son talent personnel, la conception scientifique, l'analyse et la détermination du domaine d'application des synonymes procèdent de la *Justesse de la langue françoise* de Girard dont la seconde édition s'intitulait : *Les Synonymes françois.*

Léningrad, 22 février 1958.

remercia le duc de lui avoir ménagé cette « rencontre avec sa femme » (встреча с женой). Pendant le repas on fit aussi un portrait de Pierre qui lui fut offert par le duc. Lors de la visite de l'Hôtel de la Monnaie, le duc d'Antin s'était entendu avec les autorités pour qu'une médaille fût frappée sous les yeux de Pierre à son effigie, ce qui fit également grand plaisir au tsar. On rencontre souvent le nom du duc d'Antin dans les documents officiels qui relatent le séjour de Pierre à Paris. La bibliographie ancienne de la visite de Pierre à Paris (jusqu'en 1894) est donnée dans l'article de D. V. Cvetaev : « Петр Великий во Франции » (Русское обозрение », 1894, 2, p. 608, note 1).

[1] Pierre rendit également visite à la duchesse de Berri. Rappelons que l'abbé Girard était un des chapelains de la duchesse.

VI

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ АВТОРСТВА АНОНИМНЫХ И ПСЕВДОНИМНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XVIII ВЕКА

Предпринимавшиеся несколько раз — и за рубежом, и у нас — опыты создания «истории литературы без имен» (Literaturgeschichte ohne Nahmen) успехом не увенчались.

Здесь не время и не место всесторонне анализировать причины подобных явлений. Одна из них ясна без особых доказательств: история литературы — история произведений искусства, а во всяком искусстве личность художника, индивидуальность творца не может и не должна быть сброшена со счетов науки. История русской литературы без учета значения личности Ломоносова, Пушкина, Горького не будет настоящей, точной историей литературы. Старое положение митрополита Евгения (Болховитинова), выдвинутое почти 150 лет назад в предисловии к «Словарю русских светских писателей», остается в силе, несмотря на то, что в эти слова мы вкладываем другое содержание: «История писателей есть существенная часть истории словесности».[1]

Поэтому, несмотря на все коренные изменения, произошедшие в литературоведческой методологии за последние десятилетия, издание полных собраний сочинений, избранных и отдельных произведений старых и более новых писателей остается важным условием поступательного движения литературной науки. Вполне естественно поэтому, что проблемы текстологии приобретают в советском литературоведении всё большее значение. Основа всего последующего литературно-научного изучения, текстология обязана совершенствовать свою методику, освобождаться от псевдонаучных, дилетантских приёмов исследования, разрабатывать, опираясь на другие ветви науки о литературе, новые принципы и методы анализа.

Первое и важнейшее требование, которое предъявляет к текстологии история литературы,— это установление подлинности, точности и полноты текстов изучаемого писателя. Включение в корпус произведений какого-либо автора не принадлежащих ему творений, как, равным образом, и невключение принадлежащих ему сочинений, лишает исследователя возможности правильно судить о деятельности того или иного писателя, о его вкладе в культуру своего народа, о его индивидуальности как художника.

Все сказанное определяет значение вопроса об атрибуции анонимных и псевдонимных произведений.[2] Установление авторства подобных произведений имеет большое историко-литературное значение не только

---

[1] Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. Изд. Москвитянина. М., 1845, стр. V. «Словарь», как указывает М. П. Погодин (там же, стр. IV), был закончен в 1812 году.

[2] Произведение, изданное под псевдонимом, до сих пор еще не раскрытым, в сущности ничем не отличается от произведения анонимного. В дальнейшем изложении под псевдонимным произведением понимается произведение нераскрытого псевдонима.

для характеристики самого писателя, но и для правильного соотношения анализируемого произведения с литературно-общественной борьбой соответствующей эпохи. Оно помогает исследователю точнее определить место данного произведения в развитии национальной литературы, в раскрытии подлинной расстановки борющихся идеологических сил.

Изучение русской литературы XVIII века имеет ту специфическую особенность, что здесь значительно чаще, чем в литературе XIX и XX веков, исследователь оперирует анонимными произведениями. Объясняется это прежде всего тем, что в XVIII веке наряду с печатной литературой широко (и, может быть, правильнее сказать шире) была распространена литература рукописная; значительная часть этой литературы так и не попадала в современную ей печать, а имела обращение среди тогдашних любителей чтения, часто знавших из устной традиции имена авторов анонимных и псевдонимных произведений и поэтому не всегда отмечавших на списках фамилии сочинителей. Поскольку память — источник весьма ненадежный, нередко случалось, что позднейшие читательские атрибуции оказывались неверными.

Большое значение для существования анонимных произведений имело также то обстоятельство, что прижизненное издание собраний сочинений какого-либо писателя в XVIII веке было фактом исключительным. Так, первые подобные издания — это «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» М. В. Ломоносова (1751 и 1757—1759) и «Сочинения и переводы» В. К. Тредиаковского (1752). Сочинения Кантемира, Сумарокова, Фонвизина, Радищева в полном или хотя бы избранном виде при жизни авторов изданы не были.[1] Появление в свет в 1765 году двух томиков «Сочинений и переводов» В. И. Лукина, за два года до этого начавшего свою литературную деятельность, было воспринято современниками как претенциозность и даже неприличие.

При таком отношении к собраниям своих сочинений писатели XVIII века очень строго отбирали материал и сознательно оставляли за пределами издания произведения, которые считали по разным причинам неудобным выпускать в свет под своим именем. Таким же образом поступали они, когда им приходилось перечислять свои произведения, не думая о том, в какое положение ставят они своих будущих исследователей XIX—XX веков; те немногие авторы XVIII века, которые составляли списки своих трудов, с большой разборчивостью включали в них названия сочинений. Поэтому, очевидно, впавший в конце жизни в пиэтизм православного толка Л. И. Сичкарёв не упомянул в перечне своих творений, посланном митрополиту Евгению, сатирического журнала 1769 года «Смесь». Можно не сомневаться, что так же неполны списки трудов М. Д. Чулкова и М. И. Веревкина, составленные для официальных целей.

По указанным и другим причинам исследователю литературы XVIII века приходится иметь дело с большим количеством анонимных или псевдонимных произведений, причем довольно часто с такими произведениями, которые представляют первостепенный интерес для изучения творчества выдающихся писателей данного периода и для построения истории литературы этого столетия в целом. Достаточно назвать некоторые из них, чтобы стало ясно, о чем идет речь. Так, в нашей литературной науке приписываются: Кантемиру — анонимная, так называемая «Девятая сатира», Ломоносову — анонимные «О качествах стихотворца рассуждение» и стихотворение «Правда ненависть рождает», Фонви-

[1] Сумароков сделал попытку выпустить свои избранные сочинения: в 1769 году он выпустил «Разные стихотворения», в 1774 году — «Разные духовные сочинения», «Эклоги», «Элегии любовные» и «Оды торжественные».

зину — «Письма к Фалалею», Дмитревскому, А. Волкову и В. Лукину — лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях», Радищеву — «Беседа о том, что есть сын отечества» и ряд других статей из «Беседующего гражданина». В «Избранных сочинениях» Новикова под редакцией Г. П. Макогоненко писателю приписаны многие более чем спорные произведения. «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» стал в последнее десятилетие объектом какой-то яростной кампании по атрибуции.

Всё это заставляет сосредоточить внимание на вопросе о принципах установления авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века и на определении степени обязательности подобных атрибуций.

Рассмотрение вопроса, по нашему мнению, следует начать с указания на то, что, несмотря на обилие материалов, накопившихся в литературной историографии по XVIII веку в области установления авторства анонимных и псевдонимных произведений, до сих пор не было сделано попыток разобраться в этих данных и, с одной стороны, определить, что такое анонимное и псевдонимное произведение, которое может или должно служить объектом атрибуции, с другой,— что надо понимать под термином «атрибуция».

Дело в том, что не всякое неподписанное произведение — печатное или рукописное — следует считать анонимным. Так, например, в журнале «Утренний свет» (1777, месяц сентябрь, стр. 55—61) была напечатана статья без подписи «О письменах Славенороссийских и тиснении книг в России». Однако автор статьи не скрывает от читателя фактов своей биографии: он пишет, что «в бытность... директором при синодальной типографии» (стр. 60) он разыскал в архиве этого учреждения подлинный первый оттиск гражданской азбуки с собственноручными исправлениями Петра I. Наличие автобиографического указания позволило установить, что эта статья могла принадлежать М. М. Хераскову. Совпадение этой фразы в этой статье с фразой в статье, подписанной Херасковым, подтвердило принадлежность ему названного выше произведения.[1]

Приведу еще пример неподписанной статьи, которая также не может считаться анонимной. В 1787 году в журнале «Новые ежемесячные сочинения» (ч. X, апрель, стр. 37—92) была напечатана — без подписи — статья «Рассуждение о стихотворстве Российском». Приводя иллюстрации к своим теоретическим положениям, автор ссылается на свою трагедию, из которой цитирует четыре стиха. Оказывается, что это отрывок из «Сорены и Замира» Николева.[2]

Можно ли назвать подобные статьи анонимными? Мне кажется, что наличие автобиографических элементов в неподписанной статье превращает ее из анонимной в мнимо анонимную или условно анонимную.

Собственно же анонимной статьей, как и псевдонимной, подписанной неизвестным в науке псевдонимом, должно считать такую, в которой нет никаких, так сказать, «опознавательных» признаков.

Особым видом анонимных статей следует считать такие, в которых автор, желая замаскировать себя более тщательно, приписывает себе фиктивные биографические подробности, имеющие целью сбить читателей с правильного пути атрибуции. Так, на мой взгляд, обстоит дело со статьей «Dissertation sur l'origine et les progrès de la poësie», напечатан-

---

[1] См. мою статью «Из литературного наследия М. М. Хераскова (Анонимная статья «О письменах Словенороссийских и тиснении книг в России»)» в книге: XVIII век. Сборник статей и материалов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 366—370.

[2] М. П. Штокмар. Библиография работ по стихосложению. М., 1933, стр. 23.

ной в издававшемся в 1755 году в Петербурге французском журнале «Le Caméléon littéraire» (№ 11, стр. 233—243 и № 15, стр. 325—338). Автор, несомненно крупный деятель литературы, говорит о себе как о лице, к художественному творчеству не причастном. Делается это, по моему мнению, специально для того, чтобы отвести подозрения от реального автора.

Таким образом, можно было бы анонимные произведения разделить на три группы: мнимо анонимные, собственно анонимные и зашифрованно анонимные. В практике исследовательской работы по XVIII веку приходится иметь дело со всеми тремя видами анонимных произведений. Поскольку произведения первой группы лишь условно могут считаться анонимными и раскрытие подобных анонимов полностью зависит от эрудиции исследователя, для науки важно определить принципы установления авторства в двух последних категориях: собственно анонимных и зашифрованно анонимных.

Рассмотрев, по необходимости бегло, состав анонимных произведений XVIII века, мы обратимся теперь к определению того, что надо считать атрибуцией.

Дело в том, что не всякое приписывание какому-либо лицу авторства анонимного произведения следует считать атрибуцией. Путаница и произвол в определении авторов подобных произведений XVIII века чаще всего происходит потому, что у нас не проанализированы в достаточной степени все те требования, которым должен удовлетворять выдвигаемый кандидат в авторы рассматриваемого сочинения.

Всякое литературное произведение — художественное, критическое, историко- или теоретико-литературное — является продуктом творчества автора в определенный момент его личной жизни, его писательской деятельности и развития литературы, критики, литературоведения в соответствующую эпоху. Поэтому для признания анализируемого произведения принадлежащим именно данному лицу необходимо, чтобы доводы при атрибуции состояли по меньшей мере из трех основных групп: а) биографические; б) идеологические; в) стилистические. Библиографические данные можно считать одной из разновидностей биографических.

Совершенно ясно, что прежде чем приписывать какому-либо кандидату авторство анонимного произведения, необходимо установить, что биографические данные этого кандидата совпадают или, по крайней мере, не противоречат тому, что нам известно об определяемом авторе. Так, например, выдвигая кандидатуру А. А. Волкова в авторы лейпцигского «Известия о некоторых русских писателях», мы должны быть уверены, что он действительно находился в Лейпциге в 1767 или 1768 году, так как в примечании редактора журнала, где была помещена эта статья, сказано, что она принадлежит «одному русскому дворянину, проезжавшему через этот город» («einem hierdurch reisenden russischen Cavalier»).

Однако не следует в подобных случаях принимать материалы, даже документальные, с полным и абсолютным доверием. Отвергая авторство Радищева в отношении «Отрывка путешествия», Г. П. Макогоненко приводит свидетельство уездного лекаря о том, что поехавший в начале 1772 года на побывку к родителям Радищев опасно заболел; этот документ, по мнению Г. П. Макогоненко, достаточен для того, чтобы отклонить мысль о том, что «Отрывок» был прислан Радищевым Новикову во время отпуска. Очевидно, Г. П. Макогоненко полагает, что фиктивные медицинские свидетельства, представляемые по начальству, являются новейшим изобретением и что эскулапы XVIII века бескорыстно отказывались от этого вида «безгрешных доходов», как их тогда называли.

Биографические факты в отношении авторов XVIII века нам не всегда достаточно подробно известны, и поэтому следует с особой осторожностью относиться к этой стороне атрибуции.

Так же сложно обстоит дело и с аргументами идеологическими. Основным требованием в данном случае, на наш взгляд, должно быть то, что идеологическая позиция анонимного автора и предлагаемого или предполагаемого кандидата, то есть их социальные, политические, философские, эстетические, а иногда и религиозные взгляды, если не совпадали бы во всех пунктах, то, по крайней мере, не противоречили бы друг другу. Так, например, если анонимный автор «Отрывка путешествия» в самом начале своего произведения пишет, что «ничего не нашел, похвалы достойного», что «бедность и рабство повсюду встречалися <с ним> во образе крестьян» и что «истина пером <его> руководствует» («Живописец», ч. I, л. 5), мы вправе усумниться, что концовка о Благополучной деревне и ее помещике (там же, л. 14) принадлежит тому же лицу. Конечно, можно допустить, что идея противопоставления деревни Разоренной и Благополучной входила в замысел анонимного автора, а не всплыла у редактора журнала как тактический прием после неблагоприятных суждений о первой части «Отрывка», свидетельством которых является «Английская прогулка». Но тогда мы обязательно должны считать, что все эти торжественные слова о бедности и рабстве, о господстве, тиранствующем «над подобными себе человеками», все эти патетические обращения к человечеству и добродетели, что эта клятвенно звучащая фраза: «Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!»,— только маскировка для последующего восхваления владельца благополучной деревни.

Наличие такого вопиющего противоречия неизбежно должно привести к предварительному решению вопроса об идеологической позиции анонимного автора и выдвигаемых кандидатов. И если мы знаем хотя бы частично взгляды Радищева, отразившиеся в его примечаниях 1773 года к «Размышлениям о греческой истории» Мабли,— достаточно назвать примечание о «самодержавстве»,— то мы не можем отрицать того, что автор «Отрывка» идеологически ближе к переводчику Мабли, нежели к издателю «Трутня» и «Живописца» с его утопической идиллией о «помещиках-отцах» и «крепостных-детях».

Подобно тому как к биографическим аргументам следует относиться с максимальной осторожностью, так должно поступать и с доводами идеологическими. Никаких натяжек, никаких искажений и умолчаний для торжества выдвигаемой гипотезы!

Однако биографическими и идеологическими доводами процесс атрибуции никак не может и не должен исчерпываться. Кроме них, должно уделять большое — не большее, но во всяком случае равное — внимание вопросу об аргументации стилистической. Под понятие стилистической аргументации я подвожу все те элементы, которые сейчас принято включать в так называемое «художественное мастерство».

Это означает прежде всего сопоставление лексики анонимного произведения и сочинений предлагаемого кандидата, анализ их семантики, ритмики, рифмовки, если речь идет о стихотворных текстах, мелодики, строфики, орфографии, пунктуации, принципов построения образов, присвоения имен действующим лицам, приемов озаглавливания произведений и т. д.

Надо признать, что у нас анализ художественного мастерства писателей разработан еще недостаточно. Мы только приступаем по-настоящему к изучению литературного мастерства писателей XVIII века. В этом

отношении мы сильно отстали от наших товарищей, советских литературоведов, изучающих древнерусскую литературу и литературу XIX—XX веков. По литературе XVIII века у нас нет таких работ, как исследования Д. С. Лихачева по структуре образа в древнерусской литературе, И. П. Еремина о стиле Симеона Полоцкого или Д. Д. Благого о мастерстве Пушкина.

Мы плохо следим за европейской литературой по вопросу об анализе стиля как средстве атрибуции. У нас прошла совершенно незамеченной работа недавно умершего Фердинанда Иосифа Шнейдера «Stilkritische Interpretationen als Wege zur Attribuierung anonymer deutscher Prosatexte»,[1] который считал стилистический анализ безусловным средством определения авторов анонимных произведений. Ошибка Шнейдера, предложившего ряд примеров установления авторов анонимных произведений, состоит прежде всего в том, что он в стилистико-критической интерпретации видит единственный путь атрибуции, а затем и в том, что он не учитывает таких моментов, как стилизация, имитация и т. п.

Если оставаться в пределах одной только стилистической аргументации при определении авторства анонимных произведений, отбрасывая биографические и идеологические доводы, то неизбежно придется признать недостаточность стилистико-критической интерпретации. Опыты русские (акад. Ф. Е. Корш, Н. А. Морозов с его «лингвистическими спектрами») и зарубежные об этом говорят достаточно красноречиво. Автор формалистического труда «Das sprachliche Kunstwerk» Вольфганг Кайзер пессимистически высказывался относительно возможности прийти к какому-либо положительному результату при определении авторства анонимных произведений по стилистическим признакам.[2]

Мне кажется, что нельзя полностью принять точку зрения как оптимиста Ф. И. Шнейдера, так и пессимиста В. Кайзера. Стилистико-критическая интерпретация есть не панацея от бед анонимности, а только одна из сторон анализа, проводимого в целях установления авторства. Вместе с тем, нельзя и полностью отметать ее, ссылаясь на недостаточную доказательность и обязательность ее выводов. Стилистическое исследование должно занимать в вопросах атрибуции законное место наряду с исследованием биографическим и идеологическим. Отсутствие стилистического анализа в процессе атрибуции является недостатком последнего, обнаруживает его научную неполноту, даже несостоятельность. Такую атрибуцию следует называть неполной, понимая под полной атрибуцией исследование, опирающееся на совпадение биографических, идеологических и стилистических данных выдвигаемого кандидата с материалами, содержащимися в анонимном или псевдонимном произведении или извлекаемым из других вполне достоверных источников.

Все сказанное выше относится к первому этапу в процессе установления авторства анонимных произведений, то есть когда впервые выдвигается кандидатура того или иного писателя или ученого как автора анонимного или псевдонимного произведения. Но в науке часто приходится иметь дело с такой атрибуцией, при которой подвергается сомнению существующая гипотеза об авторе анализируемого литературного или научного документа и взамен ее выдвигается новая гипотеза. При процессе «переатрибуции» — назовем так эти случаи — уже недостаточно

[1] Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch- historische Klasse, Bd. 101, Heft 2, Berlin, 1954.

[2] Wolfgang Kayser. Das sprachliche Kunstwerk. 3. Aufl. Bern, 1954, S. 287. Цитирую по работе: Teodolius Witkowsky. Stilkritische Untersuchung zur Klärung der Autorschaft des «Otryvok iz Putešestwija». Greifswald, 1956, S. 7 (Maschinendruck).

соблюсти те условия, какие обязательны при атрибуции первоначальной. В таких случаях,— очень нередких при изучении литературы XVIII века, как и более поздней,— к интерпретации положительного характера в применении к вновь выдвигаемому кандидату должна быть присоединена и интерпретация отрицательная, которая ставит своею целью обнаружить ошибочность биографической, идеологической и стилистической аргументации предшествующих исследователей.

В последнее время в той части советского литературоведения, которая занимается исследованием XVIII века, подверглись пересмотру многие гипотезы об авторстве анонимных и псевдонимных произведений. Таковы работы о «Девятой сатире» Кантемира, об «Отрывке путешествия в*** И*** Т***», «О качествах стихотворца рассуждении», о «Письмах к Фалалею», о лейпцигском «Известии о некоторых русских писателях» и др. В этих попытках пересмотреть существующие точки зрения есть несомненно здоровое зерно: советские исследователи не могут сейчас удовлетворяться атрибуционными гипотезами, выдвигавшимися в дореволюционном литературоведении, а частично и в первые годы советского литературоведения недостаточно обоснованно, без всесторонней, то есть биографической, идеологической и стилистической, аргументации.

Однако, выдвигая новые точки зрения на авторов анализируемых произведений, значительная часть исследователей ограничивается либо биографическими, либо библиографическими соображениями. Лишь немногие из них затрагивают момент идеологический. Анализ стиля почти всегда отсутствует. Таким образом, не все эти новые работы могут быть признаны всесторонне рассматривающими проблему и, следовательно, двигающими науку далее. Так, в диссертации С. В. Калачевой, посвященной сатирической деятельности Кантемира, отрицается принадлежность ему «Девятой сатиры» как идеологически противоречащей тому, что известно о философской и общественно-политической позиции сатирика.[1] В то же время автор другой диссертации о Кантемире, З. И. Гершкович, печатает в третьем выпуске сборника «XVIII век» статью, в которой доказывает, что именно «Девятая сатира» отражает в наиболее полном виде идеологическую систему Кантемира. Как С. В. Калачева, так и З. И. Гершкович, уделив некоторое внимание аргументации биографической, либо полностью обходят вопрос о стилистическом анализе «Девятой сатиры», либо делают это крайне неубедительно.

Отвергая мою гипотезу о принадлежности Ломоносову «О качествах стихотворца рассуждения» и выдвигая в качестве нового кандидата Г. Н. Теплова, покойный Л. Б. Модзалевский опирался в основном на неполно собранные, на мой взгляд, данные о ссоре Теплова с Ломоносовым в феврале—марте 1755 года, не учитывая фактов, свидетельствующих об их примирении в апреле того же года. В недостаточной мере применил покойный исследователь стилистический анализ и уж совсем обошел вопрос идеологический, вопрос о демократическом характере анонимного «Рассуждения» и аристократическом характере деятельности Теплова.[2]

Особенно «повезло» «Отрывку путешествия», которым в последние годы занимались Г. П. Макогоненко, Л. И. Кулакова, Л. В. Крестова и др. Интерес к этому анонимному произведению и его автору проник и за границу: в июне 1956 года в Грайфсвальдском университете была

[1] Статья С. В. Калачевой принята к печати в вып. IV сборника «XVIII век» в порядке обсуждения.

[2] Вопрос об авторе «Рассуждения» продолжает оставаться спорным. Против принадлежности указанной статьи Ломоносову высказался недавно В. В. Виноградов («Вопросы языкознания», 1958, № 2).— *Ред.*

защищена дипломная работа Теодолиуса Витковского «Stilkritische Untersuchung zur Klärung der Autorschaft des „Otryvok iz Putešestwija“» (100 стр.). Хорошо осведомленный о состоянии вопроса в советском литературоведении, Т. Витковский после детального разбора взглядов Ефремова, Семенникова, Макогоненко, Беркова и Крестовой применил в исследовании «Отрывка» принятые в немецком литературоведении приемы стилистического анализа немецких прозаических текстов. Эта основная часть дипломного сочинения представляет сравнение «Отрывка» анонимного автора и «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева сперва со стороны «языкового стиля» («Sprachstil»), а затем со стороны «стиля как выражения художнической позиции» («Stil als Ausdruck der künstlerischer Haltung»). Раздел «Языкового стиля» состоит у Т. Витковского, во-первых, из характеристики «лексических особенностей эмоционального характера» (стр. 56—57) и «лексических особенностей понятийного характера (notionaler Art)» (стр. 67—71), во-вторых, из «синтаксических особенностей эмоционального характера» (стр. 71—77) и, в-третьих, из «ритмических особенностей» (стр. 77—83). Эта первая часть работы Т. Витковского в целом интересна, содержит ряд ценных наблюдений. Наиболее слабой стороной ее является раздел, посвященный ритмическим особенностям «Отрывка» и «Путешествия». Молодой исследователь допускает ошибки в области русской акцентологии, в приводимых примерах у него встречаются довольно часто грубые ошибки против правил русского ударения. Например: «у них сту́пни в пять вершко́в, а мо́жет бы́ть и в ше́сть» или «где́ бы ты́ ни бы́л, вне́мли и суди́» (стр. 78).[1]

Вторая часть дипломной работы Т. Витковского, посвященная «стилю как выражению художнической позиции», состоит из характеристики восприятия автором «Отрывка» и Радищевым «человеческих образов» («Persönlichkeit») (стр. 83—89) и «природы» (стр. 89—92); завершается эта часть коротеньким рассмотрением вопроса о соотнесении стиля обоих произведений со стилем эпохи («Einordnung in den Epochenstil») (стр. 92—94). Выводы автора таковы: «Множество (eine Fülle) одинаковых слов и выражений, из которых значительная часть является любимыми оборотами Радищева, подтверждает наличие общности в языковом стиле „Отрывка“ и „Путешествия“. Исследование ритмических особенностей обоих произведений не привело к окончательному (eindeutig) результату, однако ему придется в дальнейшем уделить особое внимание. Только тогда станет ясно, в какой мере вообще возможно проведение подобных исследований ритмики. Что касается восприятия личности и природы у авторов обоих произведений, то здесь почти во всех пунктах (fast durchgehend) удалось установить общие черты в „Отрывке“ и „Путешествии“. Оба произведения следует рассматривать в качестве проявлений русского сентиментализма, что прежде всего видно из их яркой эмоциональности и сильной демократической тенденции. Однако, так как в стиле нет полной устойчивости (die Übergänge jedoch fliessend sind), в обоих произведениях заметны элементы классицизма, с одной стороны, и реализма, с другой. Все эти факты, по моему мнению, свидетельствуют о том, что Радищев и автор „Отрывка“ одно и то же лицо (identisch sind); известные же несовпадения, я полагаю, следует отнести за счет времени, протекшего между моментом завершения обоих произведений» (стр. 94—95).

Дипломное сочинение Т. Витковского, насколько мне известно, — первая и единственная работа, в которой с такой обстоятельностью и

[1] Ударения проставлены в оригинале.

систематичностью проведен стилистический анализ на материале русской литературы XVIII века. Меня радует, что молодой немецкий исследователь, применяя не встречающиеся у нас приемы стилистико-критического анализа, пришел к тем же выводам, что и я, и что в своей работе он во многом, хотя и не во всем, примыкает к моей точке зрения. Однако Т. Витковский проделал только часть работы: он сопоставил «Отрывок» и «Путешествие», но не сравнил — для получения негативного результата — «Отрывок» с произведениями, безусловно принадлежащими Новикову. Только при установлении полного или значительного расхождения между «языковым стилем» и «стилем как выражением художнической позиции», с одной стороны, автора «Отрывка» и Новикова, с другой, выводы немецкого исследователя приобрели бы полную убедительность.

Приведу пример. В настоящее время я занят вопросом об установлении автора одного анонимного послания, напечатанного в журнале середины XVIII века. Для меня ясно, что оно написано Ломоносовым. За это полностью говорят биографические, идеологические и стилистические данные. Однако нужно доказать, что это произведение не принадлежит Сумарокову, Хераскову, Елагину, Поповскому и другим поэтам тех лет. И только тогда можно будет говорить о полноте атрибуции. Результаты этого исследования будут вскоре опубликованы.

До сих пор здесь говорилось о требованиях, каким должна удовлетворять полная атрибуция. Но каковы же выводы, к которым мы должны прийти в итоге атрибуционного исследования? Имеем ли мы право окончательно включать его в научный оборот, то есть печатать атрибуированное произведение в основном корпусе сочинений писателя, которому оно нами приписывается, считать его бесспорным материалом и неопровержимым аргументом в историко-литературном исследовании?

Мне кажется, что установление автора анонимного и псевдонимного произведения до тех пор, пока не будут найдены неопровержимые документальные подтверждения принадлежности его предполагаемому лицу, должно считаться рабочей гипотезой, и только. Если в данной гипотезе учтены все перечисленные элементы — биографические, идеологические и стилистические, кроме того, проведено негативное исследование, то есть доказана непринадлежность произведения другому кандидату или другим кандидатам,— иными словами, если перед нами полная научная атрибуция,— данное произведение должно включаться в полные, а иногда и избранные собрания сочинений автора, но исключительно в качестве «дубиа». Невключение их в раздел «дубиа», равно как и включение гипотетических произведений в основной корпус произведений писателя не должно являться актом редакторской воли. Эти вопросы должны стать предметом общественного рассмотрения и по ним должны быть приняты общеобязательные решения. Нельзя допускать такого положения, когда редакторы академического собрания сочинений Ломоносова обходят полным молчанием вопрос о приписывании ему «О качествах стихотворца рассуждения» или когда Г. П. Макогоненко и другие не включают в издания сочинений Радищева в качестве приписываемого Радищеву «Отрывка». Нельзя также считать правильным, что «Девятая сатира» Кантемира напечатана сейчас в большой серии «Библиотеки поэта» в основном корпусе сочинений поэта, что «Беседа о том, что есть сын отечества» безоговорочно включается в число бесспорных произведений Радищева. Мы совершаем непростительную ошибку, когда не подвергаем серьезной научной критике так называемые «Избранные сочинения» Новикова, изданные Г. П. Макогоненко.

Вопрос о включении или невключении анонимных произведений должен быть решен как обязательный для всех редакторов принцип советской текстологии, и всякие «самостоятельные» решения должны считаться нарушениями этого принципа.

В рассматриваемом комплексе вопросов есть еще одна сторона. Можно ли исследователю, выдвигающему всесторонне обоснованную гипотезу об авторе анонимного или псевдонимного произведения, пользоваться этой догадкой в своих работах как установленным, доказанным фактом? Или он должен робко или смело высказать свое мнение, а затем говорить об этом произведении и впредь только как об анонимном? Мне кажется, что здесь не может быть одного и окончательного решения. Одно дело, когда исследователь пользуется этой гипотезой в своих работах, в которых он выступает один, неся за всё им сказанное полную ответственность. Ведь мы знаем основные положения теории науки: 1) гипотеза остается гипотезой, пока она не получает полного подтверждения, и тогда она становится теорией, или пока она не отбрасывается как неверная; 2) гипотеза, на которой, поскольку не встречаются противоречащие ей факты, строятся дальнейшие выводы исследователя, называется рабочей гипотезой и может и должна применяться, пока она не столкнется с материалами, ее опровергающими, или пока она не подтвердится полностью и станет теорией.

Почему же литературоведа, выдвинувшего в атрибуционном исследовании какую-то определенную точку зрения, следует лишать присущего ученым всех других специальностей права пользоваться рабочими гипотезами? Иными словами, в работах, печатаемых исследователем от своего имени, гипотеза должна применяться полностью, то есть в данном случае литературовед поступает так же, как и автор любой рабочей гипотезы во всякой науке.

Если же работа печатается исследователем в коллективном труде, например, в трехтомной «Истории русской литературы» или в «Большой советской энциклопедии», причем другие участники этого труда не разделяют данной точки зрения, он имеет право указать в тексте или в подстрочном примечании свое мнение, но в дальнейшем обязан рассматривать данное произведение исключительно как анонимное или псевдонимное.

Только соблюдая эти требования, мы сможем избавиться от вольных и невольных ошибок, сможем избавить нашу науку от не всегда обоснованных упреков.

VII

ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Изучение истории русской литературы XVIII века, как может заметить всякий непредубежденный наблюдатель, в последнее десятилетие несомненно вступило в полосу значительного подъема. Достаточно указать, что после 1936 года, когда были защищены две первые докторские диссертации по истории литературы XVIII века, лишь через двадцать лет — в течение 1955—1956 годов — были сразу защищены четыре докторских диссертации по литературе того же периода. В течение послевоенного десятилетия вышли три издания «Истории русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого, т. IV «Истории русской литературы» Академии наук СССР, посвященный второй половине XVIII века, «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» (в двух томах), монографии о Ломоносове (А. А. Морозова), Новикове (Г. П. Макогоненко), Фонвизине (К. В. Пигарева), ряд книг о Радищеве (В. Н. Орлова, Г. П. Макогоненко, Л. И. Кулаковой, Д. С. Бабкина и др.), о поэме XVIII века (А. Н. Соколова), о русской музыкальной культуре XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом (в двух томах, Т. Н. Ливановой), о журналистике XVIII века, и т. д. Появился ряд сборников и монографий, в которых уделено много места изучению русской философской и эстетической мысли XVIII века, русского искусства, театра, живописи, архитектуры, науки, языка этого периода. Количество литературоведческих, языковедческих, театроведческих, искусствоведческих и философских диссертаций по темам XVIII века настолько велико, что при самом тщательном учете их нет возможности не упустить что-либо. Юбилеи Радищева, Новикова, Ломоносова, Фонвизина, Державина принесли обильную литературоведческую продук-

цию в виде академического «Полного собрания сочинений» Ломоносова, однотомника «Избранных сочинений» Радищева под ред. Г. П. Макогоненко, «Избранных философских сочинений» Радищева (под ред. И. Я. Щипанова), «Избранных сочинений» Новикова (под ред Г. П. Макогоненко), переизданных «Сатирических журналов» Новикова и т. д., в виде сборников «Радищев», под ред. М. П. Алексеева, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», тт. II—III, и др., в виде многочисленных журнальных и газетных статей, брошюр, книжечек и книг. В серии «Русские драматурги» издательство «Искусство» отвело XVIII веку семь книжек (Сумароков, Лукин, Фонвизин, Княжнин, Плавильщиков, Крылов, Капнист). Появился ряд антологий по литературе XVIII в.: двухтомник «Русская проза XVIII века» под ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко, «Русская комедия и комическая опера XVIII века», «Русская народная драма XVII—XX вв.», «Хрестоматия по русской литературе XVIII века» А. В. Кокорева (два издания) и др. В малой и большой серии «Библиотека поэта» изданы стихотворения Ломоносова, Сумарокова, Радищева, Державина, Карамзина, Дмитриева, Кантемира и пр. Был опубликован ряд библиографических пособий по литературе XVIII века в целом или по отдельным авторам, например: «Русские писатели XVIII века. Рекомендательный указатель литературы» Н. П. Ждановского (1954), «Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г.» Т. А. Быковой и М. М. Гуревича (1955), их же «Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689—январь 1725 г.», «М. В. Ломоносов. Указатель основной научной литературы» покойного Г. М. Коровина (1950), «Библиография основной литературы о М. В. Ломоносове за 1911—1916 гг.» Е. Б. Рысс, «Библиография сочинений М. В. Ломоносова и литературы о нем за 1917—1950 гг.» Е. Б. Рысс и Г. М. Коровина (1951), «Юбилейная литература 1949 года об А. Н. Радищеве. (Библиографический указатель)» Т. А. Карпенко и С. К. Симкиной (1950) и др.

Уже этот беглый, далеко не полный перечень изданий, связанных с изучением русской литературы XVIII в., показывает огромный количественный рост научной и научно-популярной литературы по данному вопросу. Конечно, не все из перечисленных и из неупомянутых работ по интересующей нас теме стоят на правильных научных позициях, достаточно убедительны, а иногда и просто грамотны. При внимательном рассмотрении этой научной продукции нельзя не заметить, как много спорных вопросов общего, принципиального и частного, фактического характера имеется в изучении русской литературы

XVIII века. Однако с полной ответственностью можно утверждать, что исследование XVIII века стоит сейчас неизмеримо выше, чем в дореволюционный период.

Здесь нет необходимости делать обзор историографии литературы XVIII века. Достаточно указать, что, если не считать классических критических статей Белинского, Добролюбова и Чернышевского о литературе XVIII века, а также соответствующих глав «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, все прочее изучение художественной словесности этого периода за время с 1801 по 1917 год выразилось в пяти-шести общих курсах, в трех-четырех десятках монографий и сборников об отдельных писателях, журнальных жанрах и просветительных учреждениях XVIII века, имевших отношение к литературному делу. Нисколько не отрицая больших научных заслуг дореволюционных литературоведов, занимавшихся исследованием XVIII века, в особенности таких, как А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, П. А. Ефремов, М. Н. Лонгинов, Л. Н. Майков, В. Н. Перетц, В. В. Сиповский, В. П. Семенников и другие, мы все же не можем не признать, что и по общей концепции русского литературного процесса XVIII века, и по охвату конкретного историко-литературного материала, и, наконец, по методике его обработки труды наших досоветских предшественников не могут нас в настоящее время удовлетворить. Общий кризис буржуазного литературоведения в конце XIX—начале XX века с неизбежностью сказался и на изучении литературы XVIII века. В предреволюционное десятилетие в изучении литературы XVIII века наметились три тенденции, явно проистекавшие из указанного идейного кризиса буржуазного литературоведения.

а) библиографически-архивная, представленная работами В. П. Семенникова, Н. М. Петровского и др.,

б) эстетическая, скорее даже эстетская, являвшаяся своего рода литературоведческой параллелью к живописи «Мира искусства», посвященной XVIII веку; особенно это сказалось во время юбилея Державина в 1916 году, а несколько раньше в сборниках «Любовная лирика XVIII века» А. А. Веселовского (сына) и т. п.;

в) «идеологическая», проявившаяся в чрезмерно преувеличенной оценке значения русского масонства XVIII века (работы Г. В. Вернадского, Т. О. Соколовской, сб. «Масонство в его прошлом и настоящем», переиздание «Русского масонства» А. Н. Пыпина и т. п.), и — в другой форме — в поздних работах В. В. Сиповского (статьи «Из истории самосознания русского общества XVIII в.», «Из истории русской мысли

XVIII—XIX вв. (Русское вольтерьянство)», «Из истории русской мысли XVIII в. (Идейное содержание русской бытовой комедии XVIII в.)», «Русское свободомыслие XVIII в.» и пр.).

И работы В. П. Семенникова (в особенности), и с идеалистических позиций сделанные попытки В. В. Сиповского и исследователей масонства, и даже подчеркнуто идеалистическое эстетизированное рассмотрение поэзии XVIII века — всё это принесло известную пользу развитию нашей отрасли советского литературоведения. Однако перед историками литературы XVIII столетия, выступившими в конце 20-х годов нашего века, стояли другие задачи: надо было прежде всего понять с марксистско-ленинской, материалистической точки зрения, что представляет собой литература позапрошлого столетия в общем русском и мировом литературном процессе, каково ее значение — историческое и художественное — для нового, советского читателя; надо было переосмыслить, подвергнуть самой суровой, но в то же время объективной критике достижения дореволюционного литературоведения в области XVIII века. Эти большие исторические задачи и вызвали к жизни специальную ветвь советской литературной науки — историю литературы XVIII века.

В самом деле, в дореволюционное время и в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции, за исключением Н. Н. Булича, А. И. Незеленова, В. В. Сиповского и В. П. Семенникова, специалистов по XVIII веку в прямом смысле слова не было. Профессора университетов и духовных академий, читавшие общие курсы по истории русской литературы и очень редко занимавшиеся непосредственными исследованиями по литературе XVIII века, нередко печатали курсы своих лекций по литературе этого периода (И. Я. Порфирьев, А. М. Лобода, Е. В. Петухов, А. С. Архангельский, П. Н. Сакулин) или выступали с книгами и статьями по частным ее вопросам (И. А. Шляпкин, М. Н. Сперанский и др.). Больше других сделал в этом отношении В. Н. Перетц, посвятивший истории русского стихосложения и театра XVIII века ряд ценных исследований, но и его, и других названных выше историков литературы, каковы бы ни были их заслуги в этой области, никак нельзя назвать учеными, занимающимися исключительно литературой XVIII века. А без специалистов, отдавших себя целиком или в основном изучению какого-либо специального отдела науки, этот отдел не может развиваться по-настоящему, планомерно и быстро.

И только в советское время, как уже мы сказали выше, возникли у нас благоприятные условия для развития самостоя-

тельной ветви советской литературной науки — истории литературы XVIII века. За эти несколько десятилетий изучение XVIII века прошло большой путь; оно, как и все советское литературоведение, выростало в борьбе с различными враждебными марксизму-ленинизму течениями: культурно-исторической и филологической школой, формализмом, вульгарным социологизмом и пр. Лишь постепенно, преодолевая свои ошибки, советские исследователи русской литературы XVIII в. овладели методом марксизма-ленинизма и сумели связать изучение своего специфического материала с общими задачами советского литературоведения, сумели подчинить свои штудии общим целям всей советской науки — построению коммунизма в нашей стране.

Поэтому сорокалетний период советского изучения литературы XVIII века не представляется совершенно одинаковым на всем своем протяжении. В зависимости от того, какие задачи ставила перед исследователями XVIII века жизнь, находятся и особенности этой отрасли советского литературоведения. Грубо намечая этапы этого развития, можно говорить о трех периодах: довоенном (20-е, 30-е годы), военном периоде и о послевоенном десятилетии.

Одной из ближайших задач изучения литературы XVIII века в 20—30-е годы было широкое ознакомление советских читателей с художественным наследием XVIII столетия, популяризация творчества крупнейших писателей той эпохи. Это выразилось в издании в обеих сериях «Библиотеки поэта» стихотворений Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Крылова, Карамзина, Радищева, Капниста, сборника «Поэты XVIII века» и т. д. С той же целью, а также и с педагогической были изданы антологии, представляющие в лучших образцах либо всю литературу XVIII века («Хрестоматия по русской литературе XVIII века» Г. А. Гуковского, его же однотомник «Русская литература XVIII века»), либо наиболее характерные ее жанры («Вирши», «Ирои-комическая поэма», под ред. Б. В. Томашевского, «Русские сатирические журналы XVIII века», сост. Л. Б. Лехтблау, и пр.). Наряду с этой формой работы, проводившейся на высоком уровне советской текстологической и комментаторской техники, развертывалась углубленная научно-исследовательская деятельность, сосредоточенная в основном в литературоведческих институтах Академии наук СССР — главным образом в Группе XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) и существовавшего до войны Отдела древнерусской литературы и литературы XVIII века Института мировой литературы им. А. М. Горь-

кого. Уделял внимание вопросу о связи древнерусской литературы с литературой XVIII века Отдел Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом).

В итоге этой работы были созданы ценные сборники, содержавшие как публикации неизданных текстов, так и исследования по литературе этого периода («Литературное наследство», 9—10; «XVIII век», вып. 1—2; «А. Н. Радищев. Материалы и исследования»; «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века»; «Старинная русская повесть»). Параллельно с этим появились и первые советские монографии по литературе XVIII века — книга Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века» (1927), его же «Очерки по истории русской литературы XVIII века» (1936) и «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» (1938), В. Б. Шкловского «Матвей Комаров, житель города Москвы» (1929) и «Чулков и Левшин» (1933), работы о Ломоносове (1936) и пр.

Большое значение имело укрепление в общих курсах по истории русской литературы в высших учебных заведениях специальных разделов, посвященных литературе XVIII века. В связи с этим появляются обобщающие курсы по литературе этого периода: «Русская литература XVIII века» Г. А. Гуковского и третий том академической «Истории русской литературы» — XVIII век, первая половина.

Несмотря на многообразие проблем, разрабатывавшихся в исследованиях и обобщающих трудах по литературе XVIII века в 20—30-е годы, они могут быть сведены к нескольким основным:

а) общественно-литературная борьба;

б) самостоятельный характер русской литературы XVIII века;

в) своеобразие русского классицизма и борьба литературных стилей в литературе XVIII века;

г) место литературы XVIII века в общей концепции русского литературного процесса;

д) место русской литературы XVIII века в общеевропейском литературном движении того столетия.

В итоге дискуссий, имевших место и на страницах научной печати (в частности в «Литературном наследстве») и на специальном совещании в Институте русской литературы в 1934 году, а в особенности в результате деятельности указанных выше научных ячеек по изучению XVIII века в академических литературоведческих институтах, установился ряд положений, общепризнанных всеми или почти всеми советскими

исследователями литературы XVIII века. Коротко они могут быть сформулированы так.

Литература XVIII века, рассматривавшаяся в 20-е и начале 30-х годов только как подготовительный этап русской классической литературы XIX века, в частности как материал, объясняющий некоторые черты творчества Пушкина, либо как связующее звено между древнерусской литературой и русской классической и советской литературой, имеет, помимо этих прав на внимание, еще и то — и это главное, — что она по-своему отражает жизнь русского народа или хотя бы значительных его слоев на протяжении целого столетия. В течение XVIII века формировалась новая русская культура, освободившаяся или освобождавшаяся от сковывавшего ее развитие церковно-религиозного, авторитарного мышления. Возникала русская философия, общественная мысль, складывался общенациональный литературный язык, выросли русская журналистика, русская критика, русский театр, научные и высшие учебные заведения. Все это свидетельствовало о большой внутренней, духовной, как говорили в старину, жизни русского народа. Литература этого периода по-своему отражала все эти явления и процессы, и не только пассивно отражала, но и активно участвовала в общем движении. Больше того, только при посредстве изучения литературы XVIII века и можно уяснить многие из этих явлений и процессов. Поэтому, вполне признавая выдающийся интерес, который представляет изучение литературы XVIII века как соединительного звена в общем процессе русского литературного развития между древнерусской традицией и литературой XIX—XX вв., а также как своего рода идейно-художественного трамплина для возникновения русской классической литературы, мы все же считаем, что русская литература XVIII века важна как самостоятельный, большой и ценный раздел национальной культуры, имеющий как историческое, так и эстетическое значение.

Было отброшено в итоге исследований и дискуссий и другое положение, имевшее широкое распространение в 20-е и начале 30-х годов и представлявшее один из коренных принципов дореволюционного изучения литературы XVIII в., — о ее рабской «подражательности», о «рабском, неумелом ученичестве» писателей данного периода. Начиная с критических высказываний самих литературных деятелей XVIII века, которые отмечали заимствования своих современников у западных писателей, продолжая известными формулами Пушкина о «дитяти чужих уроков» — Сумарокове, о «переимчивом Княжнине», статьями Белинского и кандидатским сочинением Н. С. Тихонравова

(«О заимствованиях русских писателей», 1853) и т. п., и кончая недостаточно понятой книгой Алексея Веселовского «Западное влияние в русской литературе» (1883; изд. 5-е, 1916), — повсюду настойчиво проводился взгляд на несамостоятельный характер литературы XVIII века. Отрицать заимствования в подавляющей их части было бы просто бессмысленно. И литературоведы, изучавшие XVIII век в 20—30-е годы, этого и не делали. Однако к истолкованию этих заимствований они подходили совершенно иначе. Исследователи ставили своей задачей показать и доказать, с какой целью, вызванной самим развитием русской литературы, делались эти заимствования, какие задачи, стоявшие перед русскими писателями XVIII века, решались с помощью этих заимствований. Короче говоря: если дореволюционных исследователей литературы XVIII в. интересовало установление самого факта заимствований и на этом они считали себя вправе остановиться, то для советских литературоведов было важно определить, в каких исторических условиях, с какой целью делались заимствования и как органически включались они в развитие русской литературы XVIII века.

Подобный подход позволил исследователям понять заимствования писателей XVIII века не как основу развития литературы этого периода, а лишь как одно из средств литературно-общественной борьбы в тогдашней русской действительности. В результате этого отпало самое понятие «подражательности» и «несамостоятельности» русской литературы XVIII века.

Правильное понимание проблемы заимствований стало возможным только потому, что, стоя на почве марксистско-ленинской философии, исследователи русской литературы XVIII века отказались от буржуазной трактовки литературного процесса как «единого потока». Не отвергая понятия «национальная литература», не впадая в грех вульгарного социологизма, видевшего вместо единой национальной литературы механическую сумму дворянской, мещанской и крестьянской литератур, обособленно, независимо друг от друга существующих, исследователи 20—30-х годов признали основой развития литературы XVIII века идейно-художественную борьбу, аналогично тому, как собственно историки видят в истории русского общества XVIII века, разделенного на антагонистические классы, но в то же время единого, борьбу классов, борьбу общественно-экономическую и социально-политическую.

Там, где дореволюционные литературоведы, как, например, В. В. Сиповский, видели суммарное «русское общественное самосознание» или «русское свободомыслие XVIII в.», где вульгарные социологи находили «чуждую, враждебную пролетариату»

дворянскую литературу XVIII века, которую поэтому и изучать не следует, исследователи 20—30-х годов, вооруженные историко-диалектико-материалистическим методом, научились различать сложную борьбу классово обусловленных идеологических воззрений, а иногда даже и систем. Для них стало ясно, что русская литература XVIII века не представляет литературы одного только дворянского класса или механической суммы литератур (или «литературных слоев», как говорил П. Н. Сакулин) разных классов русского общества, а является отражением сложного процесса формирования «чиновничье-дворянской монархии XVIII века» (Ленин) с характерной для этого процесса борьбой дворянско-помещичьей и демократической идеологий.

Это крупное достижение тогдашнего литературоведения заставило исследователей сосредоточить свое внимание на таких явлениях, как литературные памфлеты, пародии, полемики XVIII века, как рост демократических тенденций в литературе этого периода, как подготовка, а затем и появление первого русского писателя-революционера, Радищева.

Благодаря этому было преодолено (также оставшееся в наследство от буржуазного литературоведения) положение об абстрактном характере русской литературы XVIII века, о ее оторванности от жизни, с одной стороны, и о ее верноподданнической, сплошь монархической направленности. В «подобострастных», прославляющих монархов одах были обнаружены особые формы проведения определенных, большей частью прогрессивных идей. В трагедиях были открыты явные черты политической борьбы. Казалось бы, «общечеловеческим порокам» посвященные притчи, как выяснилось, отражали опять-таки намеки на политические и общественные события. Сатирическая журналистика 1769—1774 годов перестала рассматриваться как верная союзница Екатерины II, «либеральной монархини», «ученицы философов-просветителей». Это стремление показать политическую суть литературы XVIII века, отчетливо проявившееся в печатных работах исследователей в конце 30-х годов и в части их трудов, тогда же подготовленных, но опубликованных уже после войны, особенно расцвело в истекшем десятилетии.

Усмотренная исследователями связь литературы XVIII века с современной ей действительностью, с политическими и социальными событиями и процессами, естественно привела к тому, что прежде, в 20-е годы, решительно еще оспаривавшаяся кое-кем из литературоведов необходимость изучения литературного развития в зависимости от истории обществен-

ной мысли и философских течений, стала общепризнанной. Так появились в конце 30-х годов работы по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, по характеристике философских позиций Ломоносова, Радищева, писателей 60-х годов XVIII века и т. д.

Наряду с этим исследователи 30-х годов не утратили интереса к анализу стиля русской литературы XVIII века. Здесь также наметился значительный перелом. Под влиянием изучения фактов, привлечения ранее не обращавших на себя внимания авторов и произведений, историки литературы XVIII века отказались от старой точки зрения, согласно которой вся литература этого столетия — от Феофана Прокоповича (некоторые утверждали, что еще от Симеона Полоцкого) и до Державина включительно создавалась в едином художественном стиле — классицизме. Вслед за европейскими искусствоведами стали сперва говорить о русском барокко, о позднем Возрождении, о предклассицизме, т. е. механически переносили готовые европейские схемы на русскую литературу. Это было, по-видимому, результатом еще не изжитого тогда представления о «подражательном», «несамостоятельном» характере русской литературы XVIII века, о том, что русская культура «с запозданием проходит этапы европейского развития».

Лишь постепенно, опять-таки в результате усвоения историко- и диалектико-материалистического метода, стало понятно, что русский классицизм — явление, закономерно возникшее на русской почве и отнюдь не привозное, не заимствованное, что, усваивая некоторые внешние формы, выработавшиеся в западных литературах, русский классицизм, в зависимости от национальных условий и потребностей, наполнял их местным содержанием, сплавлял их со своими литературными традициями, перерабатывал их настолько, что эти заимствованные формы приобретали русское обличье, русскую специфику. Таким образом, к концу 30-х годов сложилось представление о русском классицизме как оригинальном варианте классицизма общеевропейского.

Однако этот тезис о русском классицизме ни в коей мере не являлся рецидивом «теории единого потока», возвратом к преодоленному представлению о суммарной «русской литературе XVIII века» в понимании А. С. Архангельского или В. В. Сиповского, или, наконец, П. Н. Сакулина. Стиль русского классицизма рассматривался как форма выражения, как проявление идейно-художественных представлений русских писателей XVIII века, и поскольку эти идеологические представления находились в непосредственной зависимости от социальной по-

зиции писателей, постольку с необходимостью встал вопрос о дворянском и демократическом варианте русского классицизма. При этом наряду с борьбой вариантов в едином стиле русского классицизма исследователи установили и факты их взаимопроникновения, факты усвоения каждым из них отдельных элементов другого, а также фактов неприятия, отрицания, борьбы с другими элементами.

К концу 30-х годов исследователи накопили достаточно материалов для того, чтобы выдвинуть все более и более затем упрочивавшееся положение, что русская литература XVIII века не исчерпывается одним только классицизмом и «пришедшим ему на сцену сентиментализмом, также заимствованным на Западе», как утверждали досоветские литературоведы. Стало ясно, что уже в конце 50—начале 60-х годов XVIII века в русской литературе начался сперва незаметный, но в дальнейшем усиливавшийся процесс распада классицизма, появления, с одной стороны, тенденций реалистических, с другой — сентиментальных. Стало ясно, что и та, и другая тенденция находится в зависимости от разного отношения русских писателей тех лет к политической борьбе с самодержавием (не как принципом, а как конкретной формой) и крепостничеством. Стало ясно, что накопление реалистических черт в произведениях передовых писателей тех десятилетий XVIII века тесно связано с борьбой последних за интересы народных масс, с их борьбой против лжелиберализма Екатерины II. Так, постепенно было признано, что зарождение элементов реализма в недрах литературы классицизма явилось результатом не «имманентного саморазвития литературы», как утверждали некоторые литературоведы-формалисты, а политической борьбы.

Перечисленные выше положения, к которым пришли исследователи, определили их понимание места русской литературы XVIII века в общеевропейском литературном процессе. Стало несомненным, что дореволюционные представления о «провинциальном» характере русского литературного развития в XVIII веке не отвечают действительности и что русская литература этого периода не только не может и не должна быть признана «отсталой», «повторяющей зады европейского литературного движения», но, напротив, должна быть оценена по достоинству как оригинальное явление, своей политической направленностью и демократическими тенденциями дополняющая европейский литературный процесс.

Примерно таковы основные выводы, которые были сделаны советскими исследователями в изучении литературы XVIII века к концу 30—началу 40-х годов.

В течение четырех военных лет исследовательской работы в прямом смысле слова в области литературы XVIII века не велось — условия времени не давали возможности заниматься ею. Вместе с тем, исследователи не прекращали осмысления некоторых сторон русской литературы XVIII века. В юбилейных статьях и брошюрах о Державине (Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского, С. А. Щегловой), Новикове, Кантемире, Фонвизине больше, чем до войны, отмечались патриотизм этих писателей, национально-воспитательное значение их художественных произведений.

Несмотря на относительную хронологическую краткость военного периода в развитии изучения XVIII века по сравнению с 20—30-ми годами и с последующим десятилетием, итоги литературоведческих работ, сделанных в военные годы, не маловажны для нашей науки. Проблема национально-воспитательного значения литературы XVIII века, тесно связанная с проблемой особенностей русского классицизма и своеобразия русской литературы вообще и XVIII века в частности, если была не полностью решена, то, во всяком случае, заняла в общей проблематике исследовательской работы в послевоенное время подобающее, значительное место.

Несомненный подъем работы по изучению литературы XVIII века после 1945 года был выше охарактеризован с внешней, библиографической стороны. Но следует подчеркнуть, что этот подъем, можно даже сказать расцвет, исследовательской деятельности в данной области, сопровождался и постановкой новых целей и задач изучения.

Прежде всего встал вопрос о роли и месте Радищева в истории русской литературы XVIII века. Еще в довоенный период произошла переоценка в понимании значения «Путешествия из Петербурга в Москву» как памятника литературного развития XVIII века. Дореволюционные исследователи не только не признавали итогового и в то же время новаторского характера литературной деятельности Радищева, но даже вообще не уделяли ему сколько-нибудь серьезного внимания. В работах о Радищеве 30-х годов (сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», 1936; фототипическое переиздание «Путешествия» с дополнительным томом материалов Я. Л. Барскова, 1935; академическое издание «Полного собрания сочинений» Радищева, т. I, 1940, и ряд других изданий и статей) было установлено, что автор «Путешествия» стоит не за пределами литературного процесса и даже не на периферии его, а занимает важнейшее место в истории литературы XVIII века, не меньшее, чем Карамзин, от которого, вслед за досоветскими

литературоведами, признавалась основополагающая роль в формировании первого периода литературы XIX в.

В послевоенное время вопрос о месте и значении Радищева в истории литературы XVIII века перерос в более широкую проблему — об общем пути развития литературы этого периода, о ее философском смысле. Во время радищевских юбилеев 1949 и 1952 годов выросла огромная литература об этом писателе. Им стали заниматься не только литературоведы, но — с большей или меньшей степенью осведомленности в общем литературном процессе XVIII века — и историки, и философы, и экономисты, и юристы. Совместными усилиями всех этих специалистов, часто противоречивших друг другу в своих исходных положениях и, в особенности, в конечных выводах, «проблема Радищева» была во многих пунктах прояснена. Было признано, что, подобно тому, как и вся русская литература XVIII века представляет органическое явление, выросшее на почве национальных традиций и усвоения и переработки западных достижений, так и Радищев сложился как закономерный факт и фактор русской и европейской литературы, науки и общественной мысли XVIII века. Было также признано, что главная суть вклада Радищева в русскую литературу заключается в его последовательном демократизме и революционных выводах его философии. Однако по вопросу о характере этой революционности — демократическом или дворянском — дискуссии еще продолжаются. Больше того, высказываются даже мнения, что последовательным демократом и революционером считать Радищева не следует. Эти рецидивы досоветских трактовок Радищева не могут не вызвать огорчения.

Исследование деятельности предшественников Радищева — Ломоносова, Фонвизина, Новикова, а также его современников и ближайших сторонников, начавшееся еще в довоенный период (в работах Г. А. Гуковского, И. К. Луппола и В. Н. Орлова), было с особой углубленностью продолжено в послевоенное десятилетие в монографиях Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», 1951, и В. Н. Орлова «Русские просветители 1790-х—1800-х годов», 1950. В этих больших работах и в ряде меньших по объему статьях было освещено своеобразие русского Просвещения и отдельных просветителей. Хотя с некоторыми положениями, выдвинутыми в указанных работах, — например с узостью хронологических рамок и неполнотой признаков русского Просвещения, — согласиться нельзя, в то же время необходимо признать исключительно большое значение самой постановки данного вопроса.

Среди тем, особенно выдвинувшихся в течение последнего десятилетия и ранее занимавших едва заметное место в исследованиях по истории русской литературы XVIII века, в первую очередь должно назвать тему связи литературы этого периода с народным творчеством и несколько шире — тему фольклоризма русских писателей. Здесь следует указать работы М. К. Азадовского, Н. В. Баранской, Г. И. Бомштейна, С. Ф. Елеонского, А. В. Кокорева, В. Д. Кузьминой и др. Проблема соотношения фольклора и литературы XVIII века естественно связана и с изучением истории фольклора XVIII века. И в этом отношении в послевоенное десятилетие имеются значительные достижения, в частности в т. I и т. II, вып. 1 коллективного труда Института русской литературы (Пушкинский Дом) «Русское народное поэтическое творчество» и другого коллективного труда под таким же названием, вышедшего под ред. П. Г. Богатырева. Эти книги содержат множество ценнейших статей, широко раздвигающих границы наших прежних представлений о фольклоре XVIII века.

Вместе с тем, новые материалы показывают, что фольклоризм русских писателей изучен совершенно недостаточно. На очереди стоит обследование отношения (в теории и практике) к фольклору Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Радищева, да и всех остальных писателей XVIII века.

Близкую по характеру тему, также выдвинувшуюся в послевоенное десятилетие, представляет «старая традиция» в литературе XVIII века. Эта тема была поставлена еще А. Н. Пыпиным в статье «До-Петровское предание в XVIII-м веке» (1886). Останавливаясь в этой работе на «старине в нравах и бытовых понятиях» и «на продолжении старых понятий в литературе», А. Н. Пыпин, как и полагается большому ученому, выступил против традиционного взгляда на литературу XVIII века как на явление, полностью оторванное от старых национальных традиций. Либерал-западник по своим политическим убеждениям, А. Н. Пыпин этой своей работой, по существу, опровергал излюбленную западниками, усердно развивавшуюся ими концепцию о «несамостоятельности» и «подражательности» русской литературы XVIII века.

Однако сколько-нибудь заметного следа в литературной историографии XVIII века ни эта работа Пыпина, ни его книга «Для любителей книжной старины» (1888; перепечатано с дополнениями в «Сборнике Общества любителей российской словесности на 1891 год»), посвященная рукописной повести XVIII столетия, не оставили. Нельзя, правда, сказать, что

точка зрения Пыпина была забыта (ср. «Старорусскую повесть» Н. К. Пиксанова, 1923; книги П. Н. Сакулина по истории литературы XVIII века, 1919 и 1929), однако дальнейшей, углубленной разработки ее, привлечения нового материала, марксистского осмысления ее в советском литературоведении до послевоенного периода мы не находим.

Зато в последнее десятилетие были опубликованы очень свежие по материалу и по подходу статьи на данные темы Е. А. Касаткиной, В. Д. Кузьминой, С. Ф. Елеонского, Д. М. Молдавского и др. В результате этих работ и пересмотра старых фактов определился иной взгляд на традиционную схему. Сейчас вопроса о «разрыве» между «старой традицией», между «допетровским преданием» и литературой XVIII века не существует. Русский литературный процесс рассматривается в своем единстве и целостности. «Европеизация», если пользоваться термином, возникшим в XIX веке и применявшимся и В. И. Лениным, — европеизация русской литературы XVIII века представляла не перерыв в развитии русского литературного процесса, а лишь одну из форм этого развития.

К числу небольших, но принципиально очень важных тем, разработка которых по-настоящему началась в послевоенное десятилетие, относится изучение взаимоотношений русской литературы XVIII века и современных ей литератур народов тогдашней России. Среди немногочисленных работ на эту тему особенно следует отметить статьи киевского литературоведа Ф. Я. Шолома, посвященные изучению русско-украинских связей XVII—XVIII в., в частности связей украинских сатириков 40—50-х годов XVIII века с творчеством Кантемира («Російсько-українські літературні зв'язки після возз'єднання України с Росією в 1654 році», 1954; «Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії' XVIII століття», 1952). В своей диссертации, отдельными главами которой являются опубликованные автором статьи, Ф. Я. Шолом пошел значительно дальше и методологически правильнее старой работы В. Н. Перетца о неизвестных подражателях Кантемира (1928). Однако надо признать, что вообще в области изучения связей русской литературы XVIII века с современными ей литературами народов, уже тогда входивших или позднее вошедших в состав России (белорусы, грузины, армяне), сделано еще очень мало.

Настоящая статья не является историографическим отчетом — тем более отчетом библиографическим — о развитии изучения литературы XVIII века в послевоенное десятилетие. По-

этому имена многих литературоведов, успешно и с пользой работающих в области исследования литературы этого периода (например, Д. С. Бабкин, Л. В. Крестова, Н. Л. Степанов, А. П. Могилянский, Д. Д. Шамрай, И. З. Серман, А. В. Западов, Л. И. Кулакова, Л. Б. Светлов, Ф. Я. Прийма, Ю. М. Лотман, П. А. Орлов и др.), нами не упомянуты, так как ход изложения этого не требовал. Задача настоящего обзора иная. Нам казалось целесообразным предварить предлагаемый третий выпуск сборника «XVIII век» некоторой характеристикой сделанного и наброском того, что необходимо сделать для дальнейшего развития нашей отрасли советского литературоведения. Поэтому были выделены те вопросы, которые нам кажутся существеннейшими и характеризующими как современное состояние изучения литературы XVIII века, так и его предшествовавшие этапы.

Рассмотренные выше материалы позволяют сделать наблюдение: вопросы художественного метода в литературе XVIII века и в особенности вопросы литературного мастерства писателей XVIII века недостаточно, — чтобы не сказать вовсе, — не привлекали в послевоенное десятилетие внимания исследователей. Основательно показана органическая, хотя и своеобразная связь литературы XVIII века с современной ей русской и общемировой политической действительностью. Установлены соотношения между внутренней и внешней политикой Петра I, Елизаветы, Екатерины II и современной им русской литературой. Восстание под руководством Пугачева, американская и французская революция в их отношении к тогдашней русской литературе также исследованы достаточно внимательно. Конечно, не следует считать все сделанным, все факты установленными, все материалы исчерпывающе осмысленными. Изучать политическую связь русской литературы XVIII века с русской жизнью этого столетия необходимо. В частности очередной такой проблемой, несмотря на наличие нескольких диссертаций, остается творчество Кантемира.

Однако следует помнить простую истину, что связь русской литературы XVIII века с тогдашней современностью не отменяла ее эстетической природы как словесного искусства. Значит, не отказываясь от дальнейшего изучения этих связей, мы должны больше уделять внимания изучению теоретических, эстетических взглядов русских писателей XVIII века, их литературному мастерству, их художественной практике. Это позволит вновь вернуться к еще недостаточно выясненному вопросу о литературном стиле или литературных стилях XVIII века и решать его не умозрительно, как это делалось в 20—30-х годах

в статьях о русском барокко и русском классицизме, когда авторы оперировали очень ограниченным кругом материалов.

Предстоит большая задача продолжить изучение вопроса о русской литературе XVIII века как части мирового литературного процесса, об изучении русской литературы на Западе в XVIII же столетии, о формах, причинах и целях отдельных усвоений русскими писателями XVIII века достижений античной, западных, восточных и славянских литератур. Вопрос о связях русской литературы XVIII века с современными ей славянскими литературами, — прежде всего с польской, а также с другими, — еще почти не затронут.

В связи со всем сказанным необходимо признать, что плодотворное изучение литературы XVIII века требует всемерного расширения круга исследуемых материалов. Оставаться на том уровне фактических знаний, который был достигнут нами в предшествующем десятилетии, наша ветвь советского литературоведения не должна. Может быть, нас ждут какие-нибудь значительные находки; но дело не в них, главное заключается в широком привлечении как можно большего количества неиспользованных рукописных и печатных источников, действительно раздвигающих границы наших знаний в области литературы XVIII века. Надо помнить, что дореволюционное литературоведение вообще было мало активно в разыскании материалов. В советские годы сделано в этом отношении много больше. Однако надо систематически обследовать все государственные архивы и рукописные отделения библиотек, чтобы создать полный свод существующих рукописей анонимных и авторских произведений XVIII века.

Надо всячески способствовать созданию сводного каталога печатных изданий XVIII века, имеющихся в крупнейших научных библиотеках СССР.

Необходимо подготовить полную библиографию литературоведческих работ по изучению XVIII века хотя бы с 1901 г., считая, что для предшествующего периода до известной степени можно пользоваться «Русской словесностью с XI в. по XIX в. включительно» А. В. Мезьер.

Необходимо признать, что существующие и подготовляемые в издательстве «Советский писатель» (в обеих сериях «Библиотеки поэта») сборники стихотворений поэтов XVIII века, сыгравшие полезную роль в период популяризации литературы этого столетия, сейчас уже не могут удовлетворить потребностей нашей науки. Поэтому следует добиваться — конечно, не сразу, а постепенно — включения в серию академических изданий русских классических писателей полных собраний сочинений Кантe-

мира, Фонвизина, Капниста, Крылова, Сумарокова, Карамзина, Тредиаковского, Плавильщикова и др.

Надо совместно с советскими лингвистами приступить к созданию исторического словаря русского литературного языка XVIII века, без которого серьезное изучение вклада отдельных писателей этого периода в развитие языка невозможно.

Надо координировать наши исследования по XVIII веку с работами прогрессивных зарубежных литературоведов для совместного решения ряда проблем, которые в одиночку либо не будут рассмотрены вовсе, либо будут осуществляться много лет.

Благоприятные условия, существующие в настоящее время для всего советского литературоведения, дают основание ожидать дальнейшего успешного изучения литературы XVIII века. Эта ветвь советской литературной науки на своем материале должна решать те же задачи, что и вся советская наука в целом.

VIII

FOUGERET DE MONBRON
ET
A. P. SUMAROKOV

« Nel settembre dell'anno dopo [1760] egli moriva. Fu immediatamente dimenticato. » C'est ainsi que Franco Venturi, éminent historien italien et professeur à l'Université de Turin, conclut son brillant article consacré à un écrivain français des plus originaux du milieu du XVIIIe siècle : Fougeret de Monbron [1].

Toutefois il est difficile d'accepter sans réserve la proposition finale de l'éminent savant : sans doute Monbron fut, en tant qu'homme, vite oublié par ses contemporains; néanmoins ses œuvres — articles philosophiques, politiques et sociaux ainsi que romans pornographiques — furent lus pendant longtemps encore, tant en France qu'à l'étranger, surtout en Russie, et certains de ses livres furent réédités jusqu'au milieu du XIXe siècle [2]. On trouve le nom de cet écrivain dans nombre de dictionnaires biographiques publiés en France aux XVIIIe et XIXe siècles [3]. Cependant les nombreuses mentions du

[1] Franco Venturi, « Fougeret de Monbron », dans la revue *Belfagor, Rassegna di varia umanità*, diretta da Luigi Russo, anno II, 15 marzo 1947, n° 2, p. 186.

[2] *Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale, auteurs*, III, Paris, 1929, col. 1000-1002. Neuf éditions posthumes de la *Henriade travestie* y sont entre autres indiquées (la dernière étant de 1835). La Bibliothèque publique d'État Saltykov-Ščedrin de Leningrad possède une édition du *Cosmopolite* (Paris, an VI) non mentionnée dans le *Catalogue général*. On trouve à la Bibliothèque de l'Académie des sciences de Leningrad *Thérèse philosophe*, publiée à La Haye aux environs de 1860 (la date exacte n'est pas établie).

[3] *Nouveau dictionnaire historique*, 6e éd., Caen-Lyon, t. VI, 1789, p. 271-272; 8e éd., Lyon, t. VIII, 1804, p. 355; *Biographie universelle, ancienne et moderne*, t. XXIX, Paris (Michaud), 1821, p. 343; J.-M. Quérard, *La France littéraire*, t. III, Paris (Didot), 1829, p. 174-175; *Nouvelle biographie générale* de Hoefer, t. 35, Paris (Didot), 1865, col. 938-939; *La Grande Encyclopédie*, vol. 17, p. 886; *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle*, t. XI, Paris (Larousse), p. 427. En russe on ne trouve des renseignements sur Monbron que dans le *Slovar' istoričeskij*, č. IX, M., 1792, p. 273. Ce dictionnaire n'est qu'une traduction du *Nouveau dictionnaire historique*, complété par des matériaux russes d'après le Dictionnaire de N. I. Novikov (1772).

nom de Monbron faites par les dictionnaires biographiques et encyclopédiques ne font que reproduire, chacune à sa façon, les brèves données et la caractéristique — il faut le dire, très brillante — que l'on trouve dans le *Nouveau dictionnaire historique :* « C'étoit un de ces auteurs qui ne peuvent vivre avec eux-mêmes, ni avec les autres, frondant tout, n'approuvant rien, médisant de tout le genre humain qui les hait par représailles; ayant d'ailleurs de l'esprit, et capable de penser et d'écrire, si la bile ne l'avoit trop dominé... Quoiqu'il eût de la gaité, et même d'imagination, il étoit d'une taciturnité sombre dans la société ».

Ce n'est qu'à partir de la fin du siècle dernier que le nom de Monbron quitte les pages des Dictionnaires; ce fut pour lui une époque d'oubli complet, d'où l'a sorti notre collègue italien, d'abord dans son livre sur le jeune Diderot, écrit en français, et ensuite dans un article paru dans une revue italienne qui porte le nom étrange d'une idole phénicienne dont le culte est relaté d'une façon épique par le Pentateuque (*Nombres,* XXV). Les travaux du professeur Venturi attirèrent alors l'attention sur Fougeret de Monbron et, en 1953, à Paris, une thèse non encore publiée, semble-t-il, fut soutenue en Sorbonne par M. Broome [1].

Ainsi Fougeret de Monbron, cet écrivain « au cœur velu », comme il se caractérisait lui-même, et que Diderot surnomma « le tigre à deux pieds » [2], eut une chance inattendue : la plume intelligente d'un savant de talent, d'un excellent styliste, rendit Monbron à la vie. Toutefois qui sait si notre étrange écrivain, insociable, remuant, instable dans ses convictions — qui sait si ce *Monbronus redivivus* ne retombera pas dans un nouvel oubli et, cette fois, définitif?

Il reste que la biographie mouvementée de Monbron, faite d'incertitudes, de surprises et d'étonnantes contradictions, présente une page jusqu'à présent mystérieuse.

L'auteur de *La Henriade travestie* (1745), de *Margot la ravaudeuse* (1748), de *Thérèse philosophe* et de *Le Cosmopolite ou le citoyen du monde* (1753), avait une passion extraordinaire des voyages qui, il y a deux cents ans, n'étaient ni simples, ni faciles, ni confortables. Le dernier des livres de Monbron cité ci-dessus, et qui est en quelque sorte son autobiographie, débute par la comparaison traditionnelle de l'univers avec un livre [3] présentée éloquemment sous la forme d'une confession de misanthrope : « L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première phrase quand on n'a vu que son pays.

[1] Franco Venturi, *Jeunesse de Diderot (1713-1753)*, traduit de l'italien par Juliette Bertrand, Paris (Skira), 1939, p. 36-40, 341; Fougeret de Monbron, dans *Belfagor,* 1947, n° 2, p. 170-186; M. Broome, « Byron et Fougeret de Monbron », *Rev. lit. comp.,* 1960, p. 337-353.

[2] Venturi, « Fougeret de Monbron », p. 170 (dorénavant : Venturi). *Valerii Maximi Dictorum factorumque libri IX,* Amstedolami, 1671, p. 29 : « Aristomenis Messenii cor pilosum ».

[3] E. R. Curtius, *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter,* Bern (A. Francke), 2e éd., 1948, p. 312, 323 sqq., 341 sqq., 349; D. Čiževskij, « Das Buch als Symbol des Kosmos », dans le recueil *Aus zwei Welten, Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen,* 's Gravenhage (Mouton et Cie), 1956, p. 85-114.

J'en ai feuilleté un assez grand nombre de pages, que j'ai trouvé [*sic*] également mauvaises »[1].

Après avoir visité l'Angleterre, les Pays-Bas, la Turquie, l'Italie, l'Allemagne (à Berlin il se « brouilla à mort » avec le marquis d'Argens qui vivait à la cour de Frédéric II), l'Espagne et le Portugal, Monbron, à son retour, fut arrêté et jeté en prison. Ayant recouvré la liberté quelque temps plus tard, il quitte de nouveau la France et écrit dans les dernières pages du *Cosmopolite* publié à Londres : « ... Je me trouve bien par-tout, hormis en prison. Tous les pays me sont égaux, pourvu que j'y jouisse en liberté de la clarté des cieux, et que je puisse entretenir convenablement mon individu jusqu'à la fin de son terme. Maître absolu de mes volontés, et souverainement indépendant, changeant de demeure, d'habitude, de climat, selon mon caprice, je tiens à tout et ne tiens à rien. Aujourd'hui je suis à Londres; peut-être dans six mois serai-je à Mosckow, à Pétersbourg; que sais-je enfin? Ce ne serait pas miracle que je fusse un jour à Ispahan ou à Pékin »[2].

Il est possible que la déclaration de cette idée fantasque d'échouer six mois plus tard en Orient ne fût pas pour lui un simple procédé littéraire destiné à frapper l'imagination du lecteur par des contrastes géographiques inattendus. La visite de la Turquie, le *Cosmopolite* nous en assure, ne lui donna pas satisfaction; il est possible qu'il ait eu sérieusement l'intention de connaître des pays exotiques encore plus lointains. Étant passé par nombre d'États européens, il constatait qu'à tous les peuples on pouvait appliquer la définition qu'il donna des habitants des Pays-Bas : « ... l'intérêt, dit-on, est leur Dieu, le gain leur volupté, et l'épargne sordide leur vertu capitale »[3]. En Orient il espérait trouver autre chose. Mais il n'alla ni en Perse, ni en Chine; le fait est pourtant que, dans la seconde moitié de l'année 1753, il s'est trouvé, comme il l'avait imaginé, en Russie.

Que faisait-il donc là, dans quelles villes a-t-il vécu, qui a-t-il connu, quelle trace ce voyage a-t-il laissée dans sa mémoire? Nous chercherions en vain dans ses œuvres postérieures la moindre réponse à ces questions. « Tutto quel che sappiamo di questo viaggio lontano — écrit le professeur Venturi — è, naturalmente, che egli fu scacciato dalla corte di Pietroburgo, dopo uno di quei tanti litigi que costellano la sua vita »[4].

Il existe pourtant certaines données complémentaires qui jettent un jour nouveau sur le séjour de Monbron en Russie. Il s'avère que ce voyage fut non seulement un épisode de sa biographie, mais aussi une page dans l'histoire des relations des hommes de lettres et des savants d'Occident avec la Russie d'alors. Si étrange que cela puisse paraître, il existait déjà à cette époque des gens intéressés à gâcher les rapports entre la société russe et la culture occidentale, et ceux-là ne manquaient aucune occasion pour jeter une ombre sur le milieu où échouaient en Russie les visiteurs étrangers, ou encore pour créer

[1] *Le Cosmopolite*, par M. de Monbron, Paris, an VI, p. 15.
[2] *Ibid.*, p. 175-176.
[3] *Ibid.*, p. 17.
[4] Venturi, p. 181.

chez ces derniers le sentiment que les seigneurs russes étaient mécontents de leur présence. Monbron fut l'objet d'une de ces intrigues politiques. C'est de quoi nous informe la correspondance publiée par les *Sanktpeterburgskija vedomosti* (1753, 21 décembre, n° 102) sous le titre « Extrait d'une lettre de Moscou du 12 décembre ». Cet article rapporte des nouvelles de Russie publiées dans la *Gazette de Berlin* par le correspondant du journal :

Здесь в Москве с удивлением читали в помянутых газетах под номером 138 артикул из Москвы под 11 октября, который наполнен ругательством против господина д'Арагона и некоего Мобруна, и в котором имя Его Императорского Высочества государя Великого Князя весьма не к стати употреблено [1].

Dans l'alinéa suivant l'auteur se propose de « détruire les soupçons qu'on espère inspirer au S^r^ d'Aragon ». Ce qui ne nous intéresse guère, alors que les lignes suivantes, au contraire, sont à nos yeux plus importantes :

Что касается до Мобруна, то сия персона здесь со всем неизвестна : но ежели под сим именем разумеется господин Монброн, который живет здесь с пять месяцов, то надлежит знать, что он, как человек остроумной и искусной в науках, не оставит своими поступками снискать себе от каждого почтение, и потому без сумнения здешним своим пребыванием доволен быть имеет. По крайней мере он всегда при дворе изрядно приниман был, и самые знатные персоны вменяют себе за истинное удовольствие оказать чрез то, сколь высоко заслуги и науки здесь почитаются [2].

Évidemment, il serait essentiel de savoir quels étaient ces « injures » (*rugatel'stva*) adressées à Monbron « dans les gazettes de Berlin » et à quel propos s'y trouvait mentionné le grand-duc Pierre Fedorovič, le futur Pierre III. Il est fâcheux qu'aucune des bibliothèques de Leningrad ne possède la *Gazette de Berlin* de 1753. Il est possible que d'autres périodiques d'Occident aient alors offert quelques autres données sur le séjour de Monbron en Russie, surtout après le départ forcé de Moscou dont parle le professeur Venturi.

Ces suppositions sont fondées sur la découverte inattendue de certaines données concernant l'expulsion de Monbron hors de Russie publiées par des correspondants de Moscou dans deux numéros de la *Gazette d'Utrecht* du début de 1754. Tout d'abord, dès le 19 décembre 1753, après avoir annoncé le retour de l'impératrice Élisabeth de la Laure de la Trinité-Saint-Serge à Moscou, le correspondant écrit : « Le sieur de Maubrun, François, auteur de plusieurs ouvrages ingénieux, et à qui la qualité d'Homme de Lettres a donné accès chez la plûpart des Grands, ne paroit cependant pas déterminé à faire encore ici un long séjour. On croit, qu'il a dessein d'aller à la Cour de Prusse » [3].

[1] *Sanktpeterburgskija vedomosti*, 1753, 21 décembre, n° 102, p. 820.

[2] *Ibid.*, p. 820-821.

[3] Supplément à la *Gazette d'Utrecht*, n° VI, du vendredi 18 janvier 1754, B. I. Je suis redevable au professeur A. Mazon de son indication sur l'existence de documents relatifs à Monbron dans la *Gazette d'Utrecht* des 18 et 29 janvier 1754, et de certaines autres informations, et à M. J. S. G. Simmons (Oxford) de l'envoi des photocopies des deux numéros. J'apporte ici l'expression de ma gratitude à mes deux collègues.

Le fait que le correspondant moscovite de la *Gazette d'Utrecht* appelle Monbron du nom de Maubrun, comme le faisait celui de la *Gazette de Berlin*, fait penser que, ou bien le premier utilisait les nouvelles du journal prussien parvenu à ce jour à Moscou, ou bien — et ceci est moins vraisemblable — ils sont une seule et même personne. En tout cas il est à remarquer que dans cette correspondance Monbron paraît offensé par quelqu'un ou quelque chose à Moscou et pour cela désireux de se rendre en Prusse. Veut-on parler de la dispute de Monbron que mentionne le professeur Venturi, ou bien d'autre chose encore, cela n'est pas facile à dire.

Dans sa deuxième correspondance le correspondant moscovite de la *Gazette d'Utrecht* répare l'erreur dans le nom de l'écrivain français qu'il a commise auparavant et ajoute quelques détails plus ou moins exacts sur cet épisode énigmatique :

« Ce n'est pas Maubrun, mais Fougeret de Monbron que se nomme le François qu'on a vû arriver ici dernièrement. Ce n'est pas non-plus à la Bastille, mais au Fort-l'Evêque qu'il a été détenu et le véritable sujet n'étoit point son *Cosmopolite*, mais une autre Brochure portant le titre méprisable de *Margot la ravaudeuse*. A sa sortie du Fort-l'Evêque, il fut exilé de Paris, par le Ministre de la Police, et ce fut alors qu'il conçut le dessein de venir en Russie. Il s'étoit aussi fait connoitre par un ouvrage intitulé *La Henriade-travestie*. Le malheur a voulu pour lui que n'aïant pas été assez attentif à réprimer les saillies d'un génie trop bouillant, et n'aïant pas non-plus fait attention à ce que les bienséances lui prescrivoient dans une Cour où il avoit été accueilli assez favorablement, il en été résulté une dispute très indécente qu'il a euë avec Mr. Alexandre Somorokoff, Colonel et Aide de Camp-Général de Son Excellence le Comte de Rasoumofsky, Grand-Veneur et Grand-Chambellan de l'Emperatrice, laquelle dispute s'est passée dans le Palais même de S. M. Imp. et en la présence du Chambellan Ivan Ivanovitz Schouwalow. On est assez porté en cette Cour à excuser les démarches d'un étranger, lorsqu'elles sont commises par inadvertance, ou faute d'être instruit des usages : mais le cas du Sr. Fougeret de Monbron est different. La vivacité déplacée qu'il a fait paroitre dans le Palais de S. M. Imp. a indisposé contre lui tous ceux qui lui avoient d'abord voulu du bien, et on lui a fait entendre, qu'il seroit beaucoup mieux de quitter cet Empire, que de s'exposer au risque d'un éloignement honteux dont la Cour Impériale de Russie ne se croiroit responsable envers qui que ce soit. On a été engagé, en même temps, par principe de charité, à lui donner cet avis, parce-qu'il est assez probable, qu'un François auroit de la peine à s'accoûtumer au climat de la Sibérie » [1].

De cette longue citation il ressort que l'attitude envers Monbron du correspondant moscovite de la *Gazette d'Utrecht* a changé radicalement. Dans le premier article l'auteur du *Cosmopolite* est présenté comme une victime; dans le second, il apparaît comme pleinement coupable.

Bien que le deuxième article soit plus détaillé, il n'en découvre cependant

[1] *Gazette d'Utrecht*, n° IX, du mardi 29 janvier 1754, p. 1-2. On trouverait peut-être dans les n°s VII et VIII d'autres correspondances de Moscou contenant des renseignements biographiques sur Monbron et dont l'article cité ne serait que le complément.

pas plus les raisons authentiques du *consilium abeundi* donné à cet étranger ayant montré « une vivacité déplacée ».

Il est possible que les sources européennes ne soient pas à même d'éclaircir suffisamment le problème. Cependant il existe, par bonheur, des écrits qui jettent un certain jour sur cette histoire embrouillée. Le colonel et aide de camp-général du comte de Rasoumofsky, M. Alexandre Somorokoff, n'est autre que l'éminent dramaturge russe du XVIIIe siècle A. P. Sumarokov (1717-1777).

A l'arrivée de Monbron à Moscou, Sumarokov était non seulement l'aide de camp du comte Razumovskij, mais aussi un auteur déjà connu tant en Russie qu'à l'étranger. Des cinq tragédies composées jusqu'en 1753 l'une d'elles (*Sinav et Truvor*) fut, en 1751, traduite en français par le prince Alexandre Dolgorukij [1], et en septembre 1753 le journal de Gotsched, *Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit* (p. 684-691), publia une critique détaillée de cette traduction attribuée non sans raison par feu G. A. Gukovskij à la personne même du législateur leipzigien de la littérature allemande [2].

Ainsi Sumarokov avait le droit de se considérer comme un homme de lettres que peuvent connaître les étrangers arrivant en Russie. En tant qu'aide de camp du comte Razumovskij, favori et (comme nous en informent certaines sources du XVIIIe siècle) secrètement marié à Élisabeth Ire, Sumarokov était proche, ces années-là, de la Cour impériale. Il n'est donc pas étonnant qu'il ait fait la connaissance de Fougeret de Monbron. Mais les relations entre les deux écrivains furent rompues, comme nous l'apprend la *Gazette d'Utrecht*, par une dispute scandaleuse qui eut lieu dans le palais, en présence du nouveau favori de l'Impératrice : Ivan Ivanovič Šuvalov.

Cette histoire avec Monbron a dû intéresser les contemporains et Sumarokov a jugé nécessaire de satisfaire leur curiosité. Ses *Œuvres complètes* nous offrent en effet un bref article sur « Le Séjour de Monbron à Moscou » [3], où sont rapportés en détail les événements du palais qui ont entraîné le départ de Russie de l'écrivain français. Cet article de Sumarokov n'est pas un rapport, ni d'autant moins un procès-verbal du scandale. C'est une œuvre littéraire dans laquelle l'auteur, montrant un humour original, présente une satire de la personne de Fougeret de Monbron et en même temps expose en passant ses propres opinions, non des plus profondes, il est vrai, sur l'esthétique littéraire.

Cependant le plus intéressant dans l'article de Sumarokov c'est l'énergie avec laquelle il défend Voltaire tout en demeurant imbu de sa propre dignité, allant peut-être même à la présomption. D'ailleurs ce trait, caractéristique de Sumarokov en général, s'est particulièrement accentué après la publication,

[1] *Sinave et Trouvore, tragédie,* traduite du russe par le Prince Alexandre Dolgorouky, SPb., 1751.

[2] G. A. Gukovskij, « Russkaja literatura v nemeckom žurnale XVIII v. », dans le recueil *XVIII vek,* Sbornik 3, M.-L., Ak. nauk, 1958, p. 387.

[3] *Polnoe sobranie vsech sočinenij A. P. Sumarokova,* 2-oe izd., M., 1787, č. X, p. 150-153.

en 1755, dans le *Journal étranger*, d'une critique pleine de sympathie pour la traduction précitée de sa tragédie *Sinav et Truvor*[1].

Sumarokov commence son article comme s'il répondait à l'invitation de relater en détail, en tant que témoin et de plus participant immédiat, l'épisode du Palais :

Пребывание в Москве, отселе недавно отъехавшего для показания своих в других местах дерзновений, дурачеств и бездельств, некоего шалуна называемого Монброна, описал бы я обстоятельно, есть ли бы он того стоил, но для так непочитаемого автора, я ни многова труда, ни многова времени потерять не намерен[2].

En qualifiant Monbron de *šalun*, Sumarokov ne prévoyait évidemment pas que ce terme, employé au XVIIIe siècle dans le sens de « fou, timbré », signifierait plus tard *šalovlivyj, ozornoj rebënok*, sens qu'il conserve encore de nos jours. Croyant certainement de son devoir d'expliquer à ses lecteurs ce qu'était la *šalost'* de l'écrivain français, Sumarokov poursuit :

Только о нем скажу : как скоро Монброн въехал в Москву, неумолкно стал кричать : 1. что господин Вольтер не доброй человек, а доказывал тем, что он ево не знаю при котором дворе хотел зделать Кавалером, почитал, ласкал ево, будто опасаяся себе удара от превращения Генриады, а потом не только не исполнил своево обещания, но и знать ево перестал. Однако прочет превращенную Генриаду, кто автора ея почитать станет? 2. Что г. М. Даржанс крайний невежа и здравого рассуждения не имест, и о всем рассуждает только по наслышке. 3. Что у г. Даржанса дурная жена. 4. Что у г. М. Даржанса есть большой и нечистый зуб. 5. Что в России нет хорошева Бургонскова вина. 6. И самое главное, что нет на свете честности, ибо де я ее не имею »[3].

Nous apprenons plus loin que Monbron, « à son arrivée à Moscou, a eu la faveur d'habiter dans une villa » (c'est-à-dire une *dača* du comte Razumovskij) et, continue Sumarokov, qu'il « a été reçu par tous avec la courtoisie due aux étrangers »[4]. Et le poète lui-même, en sa qualité d'aide de camp de Razumovskij, « lui a fait toutes les politesses qu'il pouvait, l'assurant que le vin de Bourgogne en Russie n'était pas si mauvais » et, ajoute-t-il ironiquement, « en le lui prouvant par quelques expériences »[5]. Du même ton moqueur Suma-

[1] G. A. Gukovskij, *op. cit.*, p. 388. Sumarokov apprécia moins l'article du comte Šuvalov publié sous le titre « Lettre d'un jeune seigneur russe à M. de *** » dans *L'Année littéraire*, V (1760), p. 194-203. Sur cet épisode, cf. mon article « Pis'mo molodogo russkogo vel'moži » dans le recueil précité *XVIII vek* (M.-L., 1935, p. 251-266).

[2] *Œuvres complètes* de Sumarokov, *éd. citée*, p. 150. Les citations sont données d'après le principe de transcription des textes littéraires du XVIIIe siècle, admis en URSS. La ponctuation propre à Sumarokov est conservée.

[3] *Ibid.*, p. 150.

[4] *Ibid.*, p. 150-151.

[5] *Ibid.*, p. 151

rokov continue à faire part de ses impressions sur le comportement de l'écrivain en visite chez lui; il note :

О Бургонском вине мнение он переменил; однако о честности остался он с тем же мнением, с которым он за поношение оныя и за новое правоучение готовится, где прилучится, быть повешен [1].

Le récit de ses discussions avec Monbron sur Voltaire et d'Argens occupe le centre de l'article de Sumarokov :

Большая часть врак ево, в которых ево состояли разговоры, была о бездельствах г. Вольтера и г. Маркиза Даржанса и о невежестве последнего. А разговаривал он больше всех со мною, думая искоренить мое к г. Вольтеру и к г. Даржансу почтение. А не збив меня с моей дороги, солгал на меня будто я говорил, что г. Вольтер окрадывает стихотворцев, чево он от меня никогда не слыхал. А подражание ни которому стихотворцу бесславия не приносит. Я и сам — reconnaît Sumarokov — из сочинений г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелия не таясь заимствовал, что и из одной моей Трагедии, которая на Французской переведена язык всем довольно видно, а говорил я только то, что одна из новых г. Вольтера Трагедий, с одной моей Трагедиею очень сходна. Из сего не следует, что я возвышал себя и поносил г. Вольтера, которого Трагедии по достоинству их, похвалу себе у всей Европы заслужили [2].

Il est difficile d'établir si Sumarokov avait effectivement déclaré à Monbron que Voltaire « pille les poètes », ou bien si Monbron était venu à cette même conclusion en se fondant sur les propos du dramaturge russe qui constatait qu'une des nouvelles tragédies de Voltaire ressemblait à l'une des tragédies de lui-même, Sumarokov. Celui-ci pensait sans doute à *Amélie, ou le duc de Foix,* tragédie de Voltaire publiée en 1752 et deuxième version d'*Adélaïde du Guesclin* (1734). Quant à celle de ses tragédies à laquelle était « très ressemblante » une tragédie de Voltaire de 1752, il ne pouvait s'agir pour Sumarokov que de *Sinav et Truvor,* la seule que pouvait connaître son éminent contemporain, dans la traduction française de 1751. On ne trouve pourtant pas cette traduction dans la bibliothèque de Voltaire qui, comme on le sait, se trouve à la Bibliothèque publique d'État de Leningrad. Peu importe, d'ailleurs : Voltaire avait pu connaître la pièce d'après un exemplaire étranger à sa bibliothèque.

Si l'on compare la liste des personnages d'*Adélaïde du Guesclin* avec celle d'*Amélie,* on ne peut ne pas remarquer que les rivaux de la première de ces deux tragédies qui y sont étrangers l'un à l'autre (le duc de Vendôme et le duc de Nemours) sont remplacés dans la seconde par des frères (le duc de Foix et Vamir, frère du duc de Foix) [3]. Il est possible que c'est là justement, dans la présence des frères rivaux, que Sumarokov voyait une ressemblance de la tragédie de Voltaire avec son *Sinav et Truvor.*

[1] *Ibid.,* p. 151.
[2] *Ibid.,* p. 151.
[3] *Œuvres complètes* de Voltaire, *Théâtre,* t. II (Garnier Frères), 1877, p. 73-162 et p. 195-247.

La deuxième partie de l'article de Sumarokov est consacrée à la discussion avec Monbron qui eut lieu à Moscou, au palais de l'impératrice Élisabeth, où demeurait aussi I. I. Šuvalov, le favori (palais qui se trouvait à Neskučnoe, mais fut rattaché plus tard à Moscou, et qui abrite aujourd'hui le Praesidium de l'Académie des sciences de l'URSS) :

С загородного Ево Сиятельства двора, ехал Монброн в моей корете, свел со мною дружбу, которой я никогда не хотел, хотел меня посетить, но я от посещения ево избавился ссорою, которую он ни к какой стати зачал в покоях Ево Превосходительства И*** И*** Ш***, человека весьма много любящего и покровительствующего науке [1].

Sumarokov rapporte la querelle avec insuffisamment de clarté, trouvant sans doute inconvenant de confier qu'il s'agissait de l'impératrice et peut-être du grand-duc Pierre Fedorovič :

Вот за что Монброн на меня разгневаться изволил : привязался он к некоторому разговору, которой был на русском языке, и не зная нашего языка, подумалось ему, что я в рассуждении некоторой Особы соплетаю лесть, следуя страсти, свойственной Монброну и подобным ему, потому что он Монброн ни льсти, ни грубости за пороки не почитает, стал меня называть и льстецом, уповая, может быть, что я гнусному ево нравоучению зачинаю повиноваться, а когда я стал ево просить, что б он меня из числа скаредных людей, которые соплетают льсти выключил, он вступил в грубости, на которые я ему ни чево не отвечая, сказал только то, что б он оставил меня в покое, а когда ему осталось лишное время, так что б он пошел и прочел свою превращенную Генриаду. Монброн по сих моих словах, забыв то, что он во Д[ворце] и между многих знатных людей, надеясь на то только, что в так освященном месте, бить ево не можно, стал говорить такие непристойности, какие толь почтенному автору, как он себе думает, и которой во всех речах на свои книги как на Божественное посылается писание, ни мало не свойственны [2].

Apparemment Sumarokov n'a pas jugé nécessaire de narrer l'issue de sa querelle avec Monbron, connue vraisemblablement de ceux à qui était destiné l'article. Il termine par une phrase assez peu précise dont on peut conclure que l'écrivain français appréciait d'ailleurs peu les œuvres de son collègue russe :

Ето правда, conclut Sumarokov, что от автора превращенной Генриады, хотя бы он и не критиковал писем на тех языках, которых он трех слов не знает, хотя бы он и нового не проповедывал нравоучения, больше разума и лутчего поведения, и ожидать было не возможно [3].

A qui l'article de Sumarokov était-il destiné? A des lecteurs russes ou étrangers? Certaines formules, certains détails concernant les titres et fonctions de Razumovskij, Šuvalov, de Sumarokov lui-même, sont rapportés comme si l'auteur s'adressait non pas à des lecteurs russes de son temps qui, eux,

[1] *Œuvres complètes*, X, p. 151-152.
[2] *Ibid.*, p. 152-153.
[3] *Ibid.*, p. 153.

connaissaient suffisamment les personnages en question, mais à des étrangers qu'il faut informer plus en détail des circonstances de la querelle. La phrase rappelant que Monbron « fut reçu par tous avec la politesse due aux étrangers » semble particulièrement suspecte à cet égard. On y aperçoit l'intention d'assurer les étrangers qu'il n'y a pas à se vexer de l'expulsion de Monbron, ni à craindre pareille mesure à leur encontre : Monbron avait été accueilli dignement, et c'est à lui seul qu'incombe la responsabilité de ce qui est survenu.

Il n'est pas impossible que cet article de Sumarokov ait été écrit sur une suggestion du Gouvernement et à l'intention de quelque publication étrangère. Nous n'avons pas de raison suffisante pour affirmer qu'il en fut précisément ainsi. De toute manière cet article, quelque peu partial, de Sumarokov complète par des traits nouveaux ce que nous savions déjà sur « l'épisode moscovite » de la biographie de Monbron. Aussi bien, s'il n'était question là que d'une « page énigmatique » dans la biographie d'un écrivain oublié, il n'aurait pas valu la peine d'y prêter tant d'attention ni de compulser des collections de journaux vieux de plus de deux cents ans. Cet « épisode moscovite » nous intéresse en vérité par d'autres aspects.

C'est que, d'abord, derrière la façade d'une querelle personnelle entre Sumarokov et Monbron, nous saisissons le choc qui s'est produit entre deux systèmes idéologiques : la pensée des nobles éclairés partisans des lumières, d'une part, et, d'autre part, la négation de la conception optimiste du progrès. Les attaques contre Voltaire de l'auteur de *La Henriade travestie* étaient senties par les nobles éclairés comme autant d'injures faites à leur propre attitude philosophique et politique : en plaidant la cause de l'écrivain français, c'était leur propre défense qu'ils prenaient. Et puis à cette querelle entre un dramaturge russe et un écrivain français les intérêts politiques de certaines puissances européennes ne se trouvaient-ils pas liés? On ne peut se défendre de se demander : « Cui bono? Cui prodest? ». Le fait est que, moins de trois ans plus tard, la guerre de Sept Ans allait éclater [1].

Leningrad, mai 1960.

[1] L'article tendancieux du n° 138 de la *Gazette de Berlin,* qui nous est inaccessible, n'est pas chose isolée. Les *Pribavlenija k Peterburgskim vedomostjam* du 16 novembre 1753 nous apprennent que la *Gazette de Berlin* de 1753 a publié dans les nos 82 et 85-87 une série d'articles hostiles à la Russie, envoyés soi-disant de Moscou. Le démenti de ces informations parut également dans les nos 122-124 de la *Gazette de La Haye* (10, 12 et 15 octobre 1753). — Le *cor pilosum* (Valère Maxime, lib. I, cap. 8, § 15), cité plus haut, p. 30, n. 2, est celui d'Aristomen Messenius, le plus rusé des hommes, ce cœur que les Athéniens, l'ayant arraché de la poitrine du cadavre, avaient trouvé tout couvert de poils : « pilis repertum invenerunt » (*éd. citée,* p. 37).

IX

НАЧАЛО БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В газете «Литературен фронт», органе Союза болгарских писателей, недавно была помещена большая, чрезвычайно интересная статья известного болгарского литературоведа и фольклориста, члена-корреспондента Болгарской Академии наук Петра Динекова «Вопрос о начале болгарской литературы».[1] Статья интересна как непосредственно своей темой и конкретным решением ее, так и в общепринципиальном, общелитературоведческом отношении.

Согласно традиционной точке зрения болгарских литературоведов начало болгарской литературы относится к концу второй трети IX века (863—865 годы), ко времени принятия христианства болгарским князем Борисом. Вся известная науке болгарская письменность конца IX—начала X века представляет памятники церковно-учительной литературы, документы скорее истории болгарского языка и культуры, чем собственно литературы.

В болгарской и общеславяноведческой науке известны попытки отодвинуть начало болгарской (и тем самым общеславянской) литературы назад: опираясь на указание болгарского писателя X века Черноризца Храбра, утверждавшего, что до изобретения славянской азбуки братьями Кириллом и Мефодием славяне для своих письменных надобностей пользовались «чертами и резами», болгарские ученые (Й. Иванов, Эм. Георгиев) высказывали мнение о том, что еще в VII веке, т. е. за двести лет до общепринятой даты возникновения славянского алфавита, была создана болгарская азбука и даже письменность.[2] Но, как указывает П. Динеков, «эта интересная попытка все еще продолжает оставаться в области гипотез и логических рассуждений и не опирается на фактический материал. До сих пор не обнаружено ни одного памятника, написанного этой ранней, докирилловской славянской азбукой, — ни богослужебного, ни делового характера».

П. Динеков считает, что, придавая должное историческое значение христианизации болгар, нельзя забывать о том, что и до принятия христианства у болгар существовала своя культура, своя государственность. «Исторические изыскания, в особенности археологические раскопки, — пишет П. Динеков, — показывают, например, огромные достижения (болгар, — *П. Б.*) в области архитектуры: монументальные постройки в двух первых болгарских столицах Плиске и Преславе поражают своими размерами и величием. Нет никакого сомнения, что внутреннее развитие болгарского государства, социально-экономические условия, сложные международные отношения в VIII—IX веках вызвали необходимость появления письменности. В данном случае христианизация не играла никакой роли, и сама она явилась следствием создавшихся условий. Следовательно, источники появления письменности в Болгарии необходимо искать совсем в другом направлении». «Поскольку, как было уже указано, — продолжает автор, — отсутствуют факты, подтверждающие существование славянской азбуки и письменности на славянском языке перед временем Кирилла и Мефодия, мы должны предположить, что письменность в Болгарии, которая безусловно являлась общественно-государственной необходимостью, использовала другие формы — чужую азбуку и чужой язык. Факты подтверждают это предположение».

П. Динеков вначале кратко излагает результаты исследований трех так называемых «первоболгарских» надписей (VIII—IX века), в которых использовались

---

[1] Петър Динеков. Въпросът за началото на българската литература. «Литературен фронт», София, 1960, № 21, 26 мая, стр. 1—2.

[2] Й. Иванов. Северна Македония. София, 1906, стр. 58—72; Ем. Георгиев, Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, стр. 96.

греческие буквы для передачи текста на первоболгарском языке.[3] Он считает, что малочисленность этих памятников и их принадлежность к документам делового характера не отменяют важного принципиального значения этого открытия. Далее болгарский ученый пишет: «Встает вопрос о существовании письменности на первоболгарском языке, а это уже представляет новую страницу в истории письменной культуры и литературы болгарского народа, наследника первоболгарской дружины царя Аспаруха, образованной из двух этнических элементов — первоболгарского и славянского».

Больше внимания уделяет автор другой группе документов: «Потребность в письменности, возникшая в итоге внутреннего и внешнего развития болгарской государственности в VIII—IX веках, подтверждается рядом других исключительно важных фактов — существованием около 80 болгарских лапидарных надписей на греческом языке».[4] Надписи эти, преимущественно VIII—IX веков, начиная с царствования Тервела (701—718) и кончая царствованием Пресиана (836—852), сообщают о постройках, войнах, сражениях, договорах, погребениях. «Некоторые из них, — говорит П. Динеков, — очень обширны и имеют характер летописных или исторических повествований».

Анализ этих материалов, по необходимости краткий из-за недостатка места в газетной публикации (подробнее П. Динеков говорит об этом в своей большой статье, напечатанной в голландском журнале «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics»),[5] приводит автора к выводу, что «надписи эти представляют огромный научный интерес, проливая обильный свет на историю болгарского государства в VIII—IX веках, и одновременно являются свидетельством существования в Болгарии очень богатой письменности и письменной традиции до времени Кирилла и Мефодия. Правда, эта письменность — на греческом языке, но это вполне естественно для нового государства, которое только что еще создавалось и находилось в непосредственном соседстве и постоянном контакте со старой и могучей империей, обладавшей высокой культурой; влияние в таком случае исторически закономерно и представляет достаточно частое явление. Язык более старой и более культурной державы был усвоен как язык болгарской государственной канцелярии».

Охарактеризовав эти памятники, П. Динеков ставит существенный вопрос: «Имеем ли мы право пренебрегать этими многочисленными болгарскими надписями на греческом языке, когда говорим об истории болгарской литературы?»

Вопрос этот, отмечает автор, почти не привлекал внимания историков болгарской литературы; только Ив. Дуйчев косвенно затронул его в своем сборнике «Из старой болгарской письменности».[6] Коснулся его и сам П. Динеков в книге «Старая болгарская литература»,[7] но решил отрицательно. Почти так же рассматривал он этот вопрос и в статье «Заметки о периодизации болгарской литературы до Освобождения».[8] В ней П. Динеков писал: «Могут ли, однако, рассматриваться в качестве начала какой-либо национальной литературы произведения, написанные на чужом, коренным образом отличном языке? Польская литература началась с произведений, написанных на латинском языке; можно привести примеры и из других литератур. Если бы мы располагали более обширной литературой на греческом языке, возникшей в болгарской стране, созданной болгарами, связанной с историческим развитием нашего народа, у нас не было бы колебаний в данном вопросе. Однако характер памятников, которые сохранились в качестве первоболгарских надписей, не позволяет нам начинать с них историю болгарской литературы; они скорее образуют некий „доисторический“ момент в ее развитии. С этой точки зрения необходимо отвести им место в периодизации болгарской литературы».

---

[3] П. Динеков ссылается на статью: I. Venedikov. Trois inscriptions protobulgares. «Разкопки и проучвания», София, 1950, стр. 167—187.

[4] Этим памятникам, как указывает П. Динеков, посвящены работы В. Бешевлиева «Първобългарски надписи. Увод, текст и коментар» («Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет», кн. 31, 1934), «Първобългарски надписи. Добавки и оправки» (там же, кн. 32, 1936) и др. О работах В. Бешевлиева см.: Д. С. Лихачев. Отчет о командировке в Болгарию («Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», т. XVIII, 1959, вып. 5, стр. 457).

[5] P. Dinekov. Über die Anfänge der bulgarischen Literatur. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», III, 1960, 's-Gravenhage, pp. 109—121.

[6] Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, ч. I. 1940.

[7] П. Динеков. Стара българска литература, ч. I. 1950.

[8] П. Динеков. Бележки върху периодизацията на българската литература до Освобождението. «Известия на Института за българска литература», кн. IV, 1956; Писатели и творби. София, 1958.

Однако в дальнейшем П. Динеков пересмотрел свою точку зрения и уже в статье «Основные черты древнеболгарской литературы»[9] пришел к положительному решению вопроса о первоболгарских надписях как начале болгарской литературы. Мнение его совпадает с выводами исследователя этих надписей, упоминавшегося выше В. Бешевлиева. Рецензируемая нами статья П. Динекова в газете «Литературен фронт» и его статья в органе голландских славистов являются выражением его окончательного взгляда на этот вопрос.

Наибольший, однако, интерес представляет последняя часть статьи, где автор обосновывает свой тезис рядом соображений исторического и теоретического порядка.

Сначала П. Динеков отводит возможные возражения против его концепции греческого этапа болгарской литературы. «Могут сказать, — пишет болгарский исследователь, — что нельзя начинать историю литературы какого-либо народа с памятников, написанных на другом, чужом языке. Но история европейских литератур дает многочисленные примеры существования целых периодов, когда народам по той или другой причине приходилось употреблять для литературных целей чужой язык. Особенно относится это к эпохе средневековья, когда католическая церковь насаждала господство латинского языка». «В IX веке в ряде стран, — замечает далее П. Динеков, — был дан решительный бой реакционной теории, утверждавшей, что христианская культура может распространяться только на трех освещенных традицией языках — латинском, греческом и еврейском». При этом болгарский ученый упоминает и упорную борьбу Кирилла и Мефодия в защиту славянской письменности и культуры, и постановление Турского церковного собора (813 год), разрешившего чтение проповедей не на латинском, а на туземных «романских» языках, и, наконец, относящиеся также к IX веку памятники старофранцузской письменности — «страсбургские присяги» (842 год) и «кантилену св. Евлалии» (около 890 года). «В то же время развивалась на латинском языке обширная клерикальная литература. Во французской литературе латинский язык встречается даже еще позднее: в XII—XIII веках особенное развитие получает поэзия голиардов — шутливые стихи, писанные по-латыни студентами, попами-расстригами и монахами». П. Динеков бегло характеризует положение латинской письменности в английской и немецкой литературах VII—XIII веков и в славянских (польской, чешской и словенской) до XVI века включительно. «Таким образом, — заключает он, — в ряде европейских стран обстоятельства заставляют национальные литературы начинать с произведений на чужом языке, преимущественно латинском, который для западного католического мира превращается в универсальный литературный язык. В этих случаях двуязычие в развитии многих литератур представляет нормальное явление. Болгарская литература не составляет в этом отношении исключения, но болгарский народ попадает в круг влияния другой великой цивилизации — византийской... Войдя в орбиту влияния Византии, болгарское государство в VIII и IX веках использует греческий язык как язык государственной канцелярии, создает целую письменность на греческом, и это продолжается до того момента, пока зародившееся народное самосознание не привело к созданию книжности на родном, славянском языке... Возникновение славянской азбуки и славянской книжности дало полную возможность для развития и расцвета болгарской литературы и культуры. Отсюда и вырастает огромное значение дела Кирилла и Мефодия и их учеников и последователей».

Переходя ко второму серьезному возражению, которое может быть выдвинуто против его концепции греческого начала болгарской литературы, П. Динеков формулирует его так: первоболгарские надписи не имеют характера литературных памятников, следовательно, с них нельзя начинать историю болгарской художественной литературы. Это возражение П. Динеков считает возможным отвести следующими соображениями: «При определении того, какие памятники письменности должны стать предметом истории литературы, мы не можем исходить из критериев современной художественной литературы. Это относится не только к первоболгарским надписям, но и вообще ко всей древнеболгарской литературе. Понятие „художественность" представляет историческую категорию; в раннем периоде развития болгарской письменности в VIII—IX веках мы едва ли можем говорить о ясно дифференцированных художественных памятниках; трудно провести границу между письменностью и литературой. Для столь ранней эпохи, к которой относят начало какой-либо национальной литературной традиции, все письменные памятники представляют интерес. Они должны быть рассмотрены исторически и оценены как первые проявления письменно-литературного выражения параллельно с несомненно существовавшим устно-поэтическим творчеством».

---

[9] П. Динеков. Основни черти на старата българска литература. «Литературна мисъл», 1959, кн. 1.

Возражение, состоящее в том, что первоболгарские надписи слишком кратки, чтобы о них можно было говорить как о литературных произведениях, П. Динеков отводит тем соображением, что столь же кратки и народные пословицы, поговорки, загадки и т. п., однако никому не придет в голову на этом основании отказывать им в художественном, поэтическом качестве. Хотя в основном первоболгарские надписи имеют характер деловой, прикладной письменности, они не лишены элементов художественности. В некоторые из них проникли и языческие обрядовые формулы, которые недалеко отстоят от народного мифического творчества. Особенно это заметно в более обширных надписях царей Омуртага, Маламира и Пресиана; в них (как ни элементарны они) мы можем видеть своего рода начало исторического рассказа. Маламирова надпись, например, хотя она и не сохранилась в целости, имеет характер летописного рассказа.

В этом стремлении древних болгар донести в надписях сведения о современных событиях П. Динеков видит особую черту, характеризующую данные памятники как явление литературы: «Литературное значение первоболгарских надписей увеличится, если мы примем во внимание еще одно обстоятельство: они не образуют случайного явления в истории древнеболгарской культуры, а представляют некую прочную традицию в Болгарии в течение VIII—IX веков: значительные исторические события увековечивались летописными рассказами, высекавшимися на камне. Эта традиция началась с надписей на греческом языке, но продолжалась и после создания славянского письма и славянской письменности и проявилась в целом ряде исторических и летописных сочинений». Здесь автор ссылается на работу В. Бешевлиева, проследившего эту традицию, начиная с надписи Тервела (705 год) и кончая надписью Ивана Асена II (1230 год).

Все эти соображения приводят П. Динекова к важному выводу: «При решении вопроса о начале болгарской литературы мы должны принять во внимание первоболгарские надписи на греческом языке, которые обособляются в наиболее ранний период нашего литературного развития. Это заставляет нас переместить начало болгарской литературы по меньшей мере на полтора века назад, т. е. в начало VIII века... Из этого обстоятельства следуют еще два важных вывода: во-первых, христианская церковь не играла роли при первоначальном возникновении письменности в Болгарии, в эпоху язычества, и во-вторых, болгарская литература началась со светских письменных памятников, связанных с общественными и государственными событиями, с непосредственной исторической действительностью».

Свою статью П. Динеков завершает фразой, представляющей итог всего изложенного нами и в то же время являющейся серьезным новым требованием, обращенным к болгарской литературной историографии: «В историю болгарской литературы необходимо ввести новый период — первоболгарского литературного развития, предшествовавшего периоду появления славянской письменности и деятельности Кирилла и Мефодия».

Из нашего довольно подробного изложения статьи П. Динекова видно, какое существенное значение имеет она для болгарского и тем самым общеславянского литературоведения, как по-новому, свежо и интересно ставит автор важные научные проблемы. Советский читатель, следящий за развитием отечественного литературоведения, несомненно заметит в концепции П. Динекова явное методологическое влияние книги Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы» (1952), на которую болгарский ученый ссылается, правда — по частному поводу.

Однако П. Динеков сумел вполне самостоятельно и оригинально поставить и решить трудный и важный вопрос, имеющий отношение прежде всего к болгарской литературной историографии, и в этом несомненная его заслуга, как бы в конце концов ни отнеслись к предложенной им концепции его коллеги, специалисты по болгарской литературе, как на его родине, так и за рубежом. П. Динеков смело пересмотрел вековую традицию, и даже если в его концепцию будут внесены ограничения, поправки и дополнения или даже если она будет полностью отвергнута (в чем я очень сомневаюсь), за ним останется приоритет в деле пересмотра и переоценки традиционной точки зрения на роль христианизации в истории болгарской и общеславянской культуры.

Уже из сказанного видно, что в статье П. Динекова вопросы собственно болгарского литературоведения тесно переплетаются с проблематикой славяноведения в целом. Это делает статью болгарского ученого фактом, имеющим большее, чем только национальное, значение. Можно не сомневаться, что с концепцией П. Динекова должны и безусловно будут считаться славяноведы, занимающиеся древним периодом славянской письменности и, в частности, кирилло-мефодиевским вопросом.

Однако работа П. Динекова, как нам кажется, имеет и более широкий, общепринципиальный литературно-историографический интерес. Этот характер статьи П. Динекова определяет ту ее особенность, что автор для доказательства своих «болгарских», так сказать, тезисов все время обращается и вынужден обращаться

к широкому международному историко-литературному и историко-культурному материалу. В связи с этим у читателя, естественно, возникает ряд вопросов, связанных с проблематикой всеобщей литературы и даже общей истории культуры.

Первым является вопрос о том, можно ли считать надписи на камне фактом художественной литературы. Обычно подобный материал подлежит ведению вспомогательной исторической дисциплины — эпиграфики. Однако известно и то, что эпиграфические материалы используются не только историками, историками культуры, юристами, историками письма и т. д., но и историками языка. Нет поэтому ничего незаконного в том, что П. Динеков предлагает видеть в первоболгарских надписях явление литературы. В поддержку его точки зрения можно указать на то, что в истории ряда литератур также используются эпиграфические материалы и используются уже давно, например при построении древнеегипетской, ассировавилонской, финикийской и других древних передневосточных литератур. Енисейско-орхонские и таласские надписи рассматриваются как законный элемент истории киргизской литературы. Вероятно, специалисты по другим литературам пополнят этот список. По существу, ничего удивительного в этом нет: бóльшая часть подобных надписей, как указывает П. Динеков применительно к своему национальному материалу, имеет характер летописного рассказа. Летопись же давно всеми признана явлением художественной литературы. Таким образом, древние надписи как разновидность летописной литературы имеют все основания занимать место в истории любой литературы, где они существуют, в особенности на ранних ступенях ее. Вместе с тем это вовсе не означает, что эпиграфика утрачивает свои права на существование или перестает быть вспомогательной дисциплиной истории.

При рассмотрении подобных надписей, памятников истории и литературы разных народов бросается в глаза некоторая общность их стиля, будь это древнеегипетская, первоболгарская, енисейско-орхонская надпись или даже молдавские надписи из Белгорода-Днестровского XV века на славянском языке. Несомненно, перед историками литературы, которые от изучения национальных литературно-эпиграфических памятников перейдут к их изучению в сопоставительно-историческом отношении, встанет вопрос об общих стилистических принципах эпиграфических документов и о присущих им закономерностях.

И все же нам кажется, что здесь необходимо внести некоторые уточнения. Общественная функция эпиграфических памятников иная, нежели собственно литературных. При несомненном наличии элементов художественности в подобных культурных документах они все же функционально не представляют явления литературы. П. Динеков и сам это чувствует: характеризуя первоболгарские надписи «как первые проявления письменно-литературного выражения», он — как истинный ученый, одновременно литературовед и фольклорист — прибавляет: «параллельно с несомненно существовавшим устно-поэтическим творчеством». Иными словами, устно-поэтическое творчество — это бесспорная литература, а надписи — «тоже литература».

Уточнения требуют и наше словоупотребление, и стоящие за ним научные понятия: мы употребляем термин «устно-поэтическое творчество», объединяя в нем два ряда явлений — обрядовую поэзию и собственно устно-поэтическое творчество. До сих пор еще нет ясности в вопросе о том, представляет ли обряд и, следовательно, обрядовая поэзия факт «собственно» литературы в устной форме. То обстоятельство, что бóльшая часть обрядовой поэзии связана с определенными моментами общественно-семейной жизни (календарные праздники, свадьба, похороны и т. п.), и то, что такие произведения в других условиях, при других обстоятельствах не исполняются, дает основания сомневаться в их чисто литературном характере и во всяком случае в их литературной функции. Конечно, между обрядовой поэзией и собственно устно-поэтическим творчеством существует стилистическая общность. Однако если исходить только из этого, то это означает исходить из чисто формальных признаков.

В то же время нельзя упускать из вида и того, что в области искусства (включая и поэзию) в разные эпохи существовали и существуют переходные ступени между обрядом и собственно искусством (обрядовая пляска и «самостоятельные» танцы; обрядовые игрища и обособившийся театр, и т. д.). Следовательно, и эпиграфические памятники следует рассматривать в качестве не собственно литературного материала, а явления переходного, эстетически не оформившегося, не обособившегося: можно сомневаться в том, что кто-либо из современников первоболгарских надписей на греческом или даже на болгарском языке специально приходил читать их как документ литературный, для получения эстетического удовольствия.

С вопросом об эпиграфических памятниках как явлении литературы связан рассмотренный П. Динековым вопрос о литературном двуязычии, характерном для Средневековья (широко понимаемого). К приведенным в статье болгарского ученого материалам можно прибавить, кроме отмеченных выше молдавских надписей

XV—XVI веков на славянском языке,[10] обширные литературные данные об использовании арабского и персидского языков в средние века в литературах народов Кавказа и Средней Азии. При этом мы всегда можем исторически точно объяснить все подобные конкретные случаи тем обстоятельством, что «молодые» народы, только начинавшие приобщаться к письменной культуре, естественно усваивали языковую и литературную традицию своих ближайших, а иногда и не ближайших соседей (так, например, обстояло дело с латинским языком у чехов, поляков и др.).

Замечу, кстати, что в статье П. Динекова несколько схематично изложен вопрос о соотношении латинской (или латинских) и национальных литератур в средние века. Факты приведены им в такой последовательности, в таком освещении, что у неосведомленного читателя может создаться впечатление, будто в каждой отдельной стране, у каждого отдельного из упомянутых П. Динековым народов самопроизвольно, спонтанно зарождалась своя латинская литература перед возникновением литературы на национальном языке. На самом деле было вовсе не так.

Здесь необходимо было бы остановиться на вопросе о значении латинской письменности для европейских народов в период средневековья.

Надо откровенно признать, что этой проблеме в нашей советской литературной науке не уделяется должного внимания. Вопросу, с одной стороны, влияния католической церкви и, с другой, античности на начальное развитие средневековых западноевропейских литератур посвящено только несколько страниц в «Истории зарубежной литературы. Раннее средневековье и Возрождение».[11] В этом издании светской литературе на латинском языке отведена всего-навсего небольшая главка.[12]

Полностью обошли этот вопрос и те советские литературоведы, которые подвергли критике известную книгу Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье», специально посвященную выяснению роли классической и позднеантичной традиции в формировании европейских средневековых литератур (на латинском и национальных языках).[13]

Вопрос о значении латинской образованности для развития национальных европейских литератур, в том числе и русской, значительно серьезнее и сложнее, чем это обычно принято считать. Нельзя представлять себе дело таким образом, что поэзия (и проза) на латинском языке, «чужом» и «коренным образом отличном» от национального, никоим образом не была связана с формировавшимися национальными литературами. Вопрос этот, затронутый в статье П. Динекова применительно к интересовавшей его болгарской теме, неоднократно вставал перед учеными Европы. Недавно коснулся его лейпцигский германист Вернер Шредер в брошюре «Границы и возможности построения истории древневерхненемецкой литературы». Приведя ряд высказываний немецких историков и историков литературы за и против включения латинской письменности, созданной немцами, в состав немецкой литературы, В. Шредер завершает главу, посвященную этой проблеме, следующим отрицательным тезисом: «Вопрос об исторической внутренней связи между остат-

---

[10] В истории молдавской литературы имеет место аналогичное явление: первые письменные памятники ее были написаны на славянском языке.

[11] История зарубежной литературы. Раннее средневековье и Возрождение. Изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1959, стр. 13—15.

[12] Там же, стр. 53—57.

[13] Ernst Robert Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mitterlalter. Bern, 1948 (второе издание вышло в 1954 году). Книга Э. Р. Курциуса, выдержавшая два издания и переведенная на французский и английский языки, при всей своей «паневропейской» установке, при всех своих ссылках на А. Тойнби (кстати, только во введении, так как в изложении основного материала автор обходится без тойнбианской методологии), все же заметное явление в литературоведении и уже по одному этому требует более внимательного отношения к себе. Советское литературоведение не вправе ограничиться такими рецензиями, как рецензия И. Г. Неупокоевой «Современное буржуазное литературоведение и реакционная социология» («Вопросы литературы», 1958, № 11, стр. 138), и отдельными суждениями, содержащимися в докладе этого же автора, а также в докладе Р. М. Самарина, прочитанных на московской дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур (см. материалы к дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур: И. Г. Неупокоева. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. М., 1960, стр. 27; то же см.: «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1960, т. XIX, вып. 3, стр. 200; Р. М. Самарин. О современном состоянии сравнительного изучения литератур в зарубежной науке. М., 1959, стр. 24—27; то же см.: «Известия Академии наук Армянской ССР», 1960, № 5—6, стр. 41—44). Книга Курциуса должна получить в нашей науке настоящую, глубокую, подлинно марксистско-ленинскую оценку.

ками немецкой литературы должен ставиться и решаться без взятых взаймы латинских костылей».[14]

Иной точки зрения в вопросе о латинской поэзии и ее отношении к национальным литературам придерживается наш советский исследователь И. Н. Голенищев-Кутузов. В статье «Далматинская поэзия XV—XVI веков», предпосланной в качестве введения к сборнику «Поэты Далмации эпохи Возрождения XV—XVI веков», И. Н. Голенищев-Кутузов пишет: «Школой стилистики для всей европейской литературы в XV—XVI веках (в том числе и для далматинской) была латинская поэзия».[15]

В приведенных выше суждениях нельзя не заметить того, что термином «латинская поэзия» покрывается ряд явлений: и античная литература, в той или иной форме непрерывно изучавшаяся в европейских школах с конца древнего мира, и латинская поэзия и проза, разновременно возникавшая у разных западноевропейских народов до появления у них своей национальной литературы. Как ни мешает точности наших представлений о литературном процессе такое сбивчивое словоупотребление, оно все же свидетельствует о том, что существует большая область явлений в общеевропейском литературном развитии, в том числе и русском, которая нами совершенно недостаточно изучена.

Работа П. Динекова, однако, ставит еще совсем новый вопрос — о более или менее аналогичной роли византийско-греческой литературной традиции в формировании древнеболгарской литературы. Мы подчеркиваем: он именно только ставит этот вопрос и не делает попыток сколько-нибудь подробнее осветить его. А ведь сразу же напрашиваются вопросы, связанные с материалом статьи П. Динекова: в чем выразилось включение Болгарского царства в орбиту византийского культурного влияния? в частности, были ли у византийцев в VIII—IX веках надписи на камне? какова их стилистическая природа? как соотносятся с ними первоболгарские надписи? и т. д. Но все это специальные предметы дальнейших изучений.

Уже одно то, что статья П. Динекова пробуждает столько разнообразных и, как нам кажется, новых, острых и интересных вопросов, служит доказательством ее несомненной научной ценности и столь же несомненной своевременности.

---

[14] Werner Schröder. Grenzen und Möglichkeiten einer althochdeutschen Literaturgeschichte. Berlin, 1959, S. 7 («Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, philologische-historische Klasse», Bd. 105, H. 2).

[15] Поэты Далмации эпохи Возрождения XV—XVI веков. Перевод с латинского, сербо-хорватского и итальянского. Составление, вступительная статья и примечания И. Н. Голенищева-Кутузова. Переводы под ред. С. В. Шервинского. Гослитиздат, М., 1959, стр. 12. Эти же взгляды И. Н. Голенищев-Кутузов выражает в автореферате своей докторской диссертации «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» (М., 1960), говоря, что «латинская поэзия гуманизма была той школой стилистики, в которой учились поэты на народном языке, часто писавшие также по-латыни или начинавшие свою литературную карьеру как латинские авторы» (стр. 8).

X

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

В известной статье «От какого наследства мы отказываемся?» (1897) В. И. Ленин при определении идейного содержания так называемого «наследства 60-х годов» дал знаменитую характеристику русских просветителей 40—60-х годов XIX в.; попутно В. И. Лениным был сделан ряд замечаний о западных просветителях XVIII в. В то время как термин «русские просветители 40—60-х годов» В. И. Ленин нигде и никогда впоследствии не употреблял, о западных просветителях он высказывался еще несколько раз. Эти ленинские суждения о просветительстве западном и русском, взаимно дополняя друг друга, образуют целостную концепцию и имеют для советской исторической и литературной науки исключительно важное значение: они раскрывают классовое содержание общего понятия «просветительство», перечисляют его основные определяющие черты — признаки как общие, так и специально русские, дают его хронологическое приурочение для Запада и для России.

Вместе с тем из характеристики русских просветителей 40—60-х годов с неизбежностью возникает вопрос: означают ли слова В. И. Ленина, что до 40—60-х годов XIX в. у нас не было никакого просветительства, что оно только к этому времени сложилось? На этот вопрос, к сожалению, мы в произведениях В. И. Ленина ответа не находим. Он неоднократно говорил о Радищеве, о дворянских революционерах-декабристах, о революционных демократах-разночинцах, т. е. настойчиво подчеркивал революционную линию в русском освободительном движении и развивал свои взгляды на русских революционеров как на предшественников марксистов. А о просветителях после 1897 г. он не упоминал ни разу.

Несмотря на отсутствие у В. И. Ленина прямых ответов на поставленные выше вопросы, в советской исторической и литературной науках давно установилась и широко распространилась точка зрения, согласно которой в России уже в XVIII в. существовало «раннее просветительство». Так, еще в 1935 г. И. Верцман в статье «Просвещение» (Литературная энциклопедия, т. 9, стлб. 336), говорил о «раннем русском просветительстве» и называл при этом Новикова, Крылова-журналиста и, с другой стороны, Радищева. В 1940 г. Л. Бычков в статье «Просветители в России» в первом издании БСЭ писал: «Блестящими представителями раннего просветительства в России явились в конце 18 века А. Н. Радищев, Ф. В. Кречетов и Н. И. Новиков».[1] Во втором издании БСЭ в статье «Просветители в России» хронологический предел «раннего просветительства» отодвинут еще дальше назад: «Просветители 40—60-х гг. 19 в. имели своих предшественников еще во 2-й половине 18 в.».[2] Эта точка зрения нашла среди литературоведов особенно усердных сторонников в лице Г. П. Макогоненко, В. Н. Орлова и некоторых других. На этой же позиции стоит и редакция первого тома академической трехтомной «Истории русской литературы» (1958).

Однако наряду с данной концепцией все чаще и чаще приходится встречать в наших литературоведческих работах употребление терминов «просветители», «просветительство», «русское Просвещение» в применении к более ранним периодам русской литературы — к середине и даже всей первой половине XVIII в., по отношению к Ломоносову, Тредиаковскому, Кантемиру и Феофану Прокоповичу. В последнее время эта точка зрения находит все большее и большее распространение.

Но подобным расширительным толкованием терминов «просветители», «просветительство» наши литературоведы не ограничиваются. В своих работах о Симеоне Полоцком И. П. Еремин называет этого раннего представителя русской литературы «просветителем»: «Громадное значение Симеон Полоцкий, как истый просветитель, придавал всемерному развитию в Русском государстве школьного образования ⟨...⟩. Не меньшее просветительное значение придавал Симеон Полоцкий и развитию в Русском государстве книгопечатания ⟨...⟩. «Вертоград» Симеона Полоцкого ⟨...⟩ — выдающийся памятник русского просветительства второй половины XVII века».[3]

---

[1] БСЭ, т. 47, 1940, стлб. 313.

[2] БСЭ, изд. 2-е, т. 35, 1955, стр. 89.

[3] Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 228, 229, 237.

Все эти хронологические передвижки в применении интересующих нас терминов никак нельзя признать произвольными, необоснованными. В защиту своих положений авторы приводят конкретные материалы и не лишенные убедительности соображения. Таким образом, получается парадоксальный вывод: русское просветительство имело двухсотлетнюю длительность и растянулось от Симеона Полоцкого до просветителей 40—60-х годов XIX в., в то время как на Западе период Просвещения обычно исчисляется не более чем тремя четвертями века — от 1715 г. до французской революции 1789 г.[4] Впрочем, если иметь в виду не одну только Францию, но и Англию и Голландию, а также предшественников Просвещения во Франции (янсенисты, Сент-Эвремон, П. Бейль), то и здесь придется начинать не с 1715 г., а со второй половины и даже середины XVII в.

И все же можно заранее сказать, что широкое применение советскими литературоведами терминов «просветительство», «Просвещение» в отношении таких разнородных явлений, как Симеон Полоцкий и Чернышевский, оказывается возможным только при неодинаковом понимании этих терминов.

В самом деле, если применить определение, данное В. И. Лениным просветителям 40—60-х годов, к Тредиаковскому, Кантемиру, Феофану Прокоповичу, Симеону Полоцкому и даже к некоторым писателям второй половины XVIII в., то все они под эту характеристику не подойдут. Но самая постановка вопроса о применении к «ранним просветителям» ленинского определения исторически неправомерна: ленинская характеристика имеет в виду, с одной стороны, взгляды западных экономистов XVIII в., с другой, — преломление этих взглядов «через призму русских условий» 40—60-х годов XIX в. Прилагать к Тредиаковскому, Кантемиру, Феофану Прокоповичу, Симеону Полоцкому мерку, основанную на произведениях западных писателей более позднего времени, в лучшем случае современников некоторых из них, абсолютно не исторично, тем более, что и русские условия 40—60-х годов XIX в. значительно отличались от обстановки первой половины XVIII в., а еще в большей степени — от условий второй половины XVII в.

Следовательно, нельзя применять к русскому просветительству — от Симеона Полоцкого до Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Писарева — одну и ту же общую мерку, надо расчленить это суммарное понятие, определить границы, характерные признаки и последовательность отдель-

[4] М. Н. Розанов. Очерк истории французской литературы эпохи «Просвещения». М., 1916, стр. 15; M. Sommerfeld. Aufklärung. В кн.: Reallexikon der Literaturgeschichte, Bd I. Berlin, 1925/1926, стр. 92 („die Epoche von etwa 1720 bis etwa 1785").

ных этапов русского просветительства и тем самым более или менее точно очертить границы собственно русского Просвещения, затем сопоставить его с западным Просвещением и в итоге установить национальные особенности русского Просвещения. Но это только одна сторона вопроса — идеологическая; для нас, литературоведов, не менее важна и вторая сторона: как литературно-стилистически выражалось русское просветительство и русское Просвещение.

Прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению этих проблем, необходимо решить один терминологический вопрос: являются ли синонимами понятия «просветительство» и «Просвещение»? идентичны ли они, и если нет, то как они соотносятся, какое из них представляет родовое понятие и какое — видовое? Напомним, что В. И. Ленин говорил не о Просвещении, а о западных просветителях XVIII в. и о русских просветителях 40—60-х годов.

Самое слово «просветительство», по-видимому, весьма недавнего происхождения. Его нет ни в одном из четырех изданий «Словаря» Даля, т. е. ни в прижизненных изданиях второй половины XIX в., ни в осуществленных И. А. Бодуэн-де-Куртенэ изданиях 1904—1912—1913 гг. В «Словаре» Ушакова оно пояснено как «просветительная, культурническая деятельность» (т. III, 1939, стлб. 995). В «Словаре» С. И. Ожегова дано не определение, а описательное объяснение: «Просветительство — деятельность просветителей» (изд. 3-е, стр. 568), а слово «просветитель» истолковано как «прогрессивный общественный деятель, распространитель передовых идей и знаний» (там же). Насколько широко и внеисторично подобное толкование, ясно само по себе. С этой точки зрения «просветителем» должен быть назван любой передовой мыслитель и общественный деятель любой эпохи, вплоть до египетского фараона Эхнатона, Перикла и Пьера Абеляра, или всякий член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Если от толковых словарей обратиться к словарям энциклопедическим и специально философским, то, к нашему удивлению, мы увидим, что слово «просветительство» в них не объясняется.

Приведенная лексикографическая справка показывает, что понятие «просветительство» принадлежит к категории понятий неустановившихся, понятий, которые еще по-разному истолковываются лицами, употребляющими их. Поэтому для ясности последующего изложения целесообразно здесь указать, какое содержание вкладываю я в понятия «просветитель», «просветительство».

Просветитель — это общественный деятель совершенно определенной в хронологическом отношении эпохи, который видит

в распространении образования, пропаганде знаний единственное средство развития общества в экономической, социальной и юридической областях. Характеризуя в статье «От какого наследства мы отказываемся?» «тон», т. е. тактику, «просветителя» Скалдина, В. И. Ленин писал: «Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен (для 60-х годов, т. е. для революционных демократов, — *П. Б.*) по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепеновщине и т. д.».[5] Следовательно, революционным демократам, «типичным» представителям 60-х годов, свойственны не эти, а иные, по-видимому противоположные, свойства. Характерно, что, давая в своей статье примечание о «нетипичности» Скалдина для 60-х годов, В. И. Ленин говорит, что его в данной связи интересует не «тон» Скалдина, а «музыка», «т. е. содержание его взглядов», и именно по этим взглядам В. И. Ленин определяет умеренного, спокойно рассудительного, постепеновца Скалдина как несомненного представителя «наследства»[6]. Таким образом, противоположность между просветителями и революционерами заключается не в различии «содержания их взглядов», их программ, а в том, какими средствами, с помощью какой тактики полагали они осуществить эту программу. Поэтому понятия «просветитель» и «революционер» не должны рассматриваться метафизически, как понятия взаимоисключающие. Напротив, исторически может оказаться — и так и было в действительности, — что некоторые просветители (например, Руссо) были непосредственными учителями революционеров, а у некоторых революционеров-демократов (например, у Писарева) просветительские элементы были сильнее революционных.

Итак, просветительство — это такое философско-политическое течение, которое видело единственно возможное средство улучшения жизни общества в распространении образования и пропаганде знаний и в вытекающих из этого постепенных изменениях, реформах всех сторон социально-экономического и государственно-правового уклада. Течение это возможно не в любое время и не в любых социальных условиях, а лишь при определенной исторической обстановке, именно тогда, когда производительные силы общества требуют решительного технического прогресса, основанного на выводах науки, в первую очередь физики и естествознания. Совершенно очевидно, что ни в рабовладельческом, ни в раннефеодальном и развитом феодальном обществе просветительство не имело материальных

[5] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 473, примечание.
[6] Там же.

предпосылок для своего возникновения. Складываться же оно начало тогда, когда буржуазия оформилась как класс и стала идти к захвату экономической, а затем и политической власти.

Просвещением же — здесь мы об этом скажем пока только кратко — следует считать определенный этап в истории просветительства, характеризуемый четко оформившейся идеологической системой, буржуазно-революционной по своей природе, но в то же время не признававшей революции как метода переустройства общества. Поэтому просветительство оказывается шире Просвещения: просветительство может и предшествовать Просвещению, и развиваться рядом, борясь с ним, и существовать после него. В то время как Просвещение есть идеология революционной буржуазии в период широко понимаемой подготовки революции (как было отчасти в Англии, в особенности в Голландии и во Франции), просветительство в форме «просвещенного абсолютизма» может быть использовано и в интересах феодального класса, для укрепления его позиций в период разложения феодально-крепостнической системы (Пруссия при Фридрихе II, Австрия при Иосифе II, Россия при Екатерине II). При этом следует помнить основной принцип историчности: явление, становящееся на определенном этапе своего развития реакционным, могло быть на более ранних ступенях прогрессивным. Поэтому «просвещенный абсолютизм» Петра I — прогрессивное явление, тогда как «просвещенный абсолютизм» Екатерины II — явление противоречивое, по своим целям и принципам реакционное, но по некоторым результатам (организация школ, научных учреждений и обществ, развитие переводческого дела и т. п.) прогрессивное.

При таком понимании соотношения просветительства и Просвещения напугавшая нас в начале двухсотлетняя длительность русского просветительства — от Симеона Полоцкого до Писарева — перестает быть столь устрашающей.

В похвалах Симеона Полоцкого типографскому искусству:

Ничто бо так славу расширяет,
Яко же печать...
...Убо подобает,
Да и Россия славу расширяет
Не мечом токмо, но и скоротечным
Типом, через книги сущим многовечным
(Желание творца),

в словах Сильвестра Медведева, обращенных к царевне Софье:

...Ты свет наук явити
Хощешь России...
(Вручение привилия на Академию),

в призывах Карион Истомина к той же царевне Софье:

О учении промысл сотворити,
Мудрость в России святу вкоренити,
Да учатся тои юны отрочата
И навыкают зело дела свята
(Стихи царевне Софье Алексеевне),

мы спокойно можем признать проявления «раннего просветительства», применяя слова В. И. Ленина, «разумеется, с соответственным преломлением ⟨...⟩ через призму русских условий». Это значит, что если на Западе в том же XVII в. просветительство отражало интересы буржуазии, начинавшей свой путь к господству, то в России, где как раз в это время только зарождались буржуазные отношения, выразителями просветительских тенденций выступали передовые представители духовенства и относительно прогрессивного дворянства.

Таков первый период «раннего просветительства» — просветительства XVII в. Конечно, при еще более свободном, более широком пользовании этим термином можно признать в организации братских школ на Украине и в Белоруссии в XVI и XVII вв. также проявления «раннего просветительства», но сейчас мы на этом вопросе останавливаться не будем. Отметим лишь, что было бы ошибкой считать, что «просветительство» Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Кариона Истомина имело только религиозный характер. Все три стихотворца XVII в., как и представители следующего этапа русского просветительства, хорошо владели современной им латинской образованностью, по крайней мере в форме septem artes liberales — семи свободных наук, и Карион Истомин, обращаясь к царевне Софье, просил ее организовать школу именно такого характера:

Паки тя молю, деву благородну,
Да устроиши науку свободну!..
(Стихи царевне Софье Алексеевне).

Второй период русского «раннего просветительства» — период петровского «просвещенного абсолютизма». Характернейшей чертой этого периода было стремление создать сильное государство, способное не только отстоять свою территориально-политическую независимость, но и играть соответствующую его военной и экономической мощи роль в европейской и азиатской — по существу, тогдашней мировой — политике. «Просвещенно-абсолютистский» способ осуществления этой цели требовал прежде всего отказа от наиболее отсталых форм старомосковской, феодальной идеологии — от почти всеохватывающей религиозно-церковной регламентации жизни. Поэтому секуляризация быта, культуры, отказ от церковной авторитар-

ности мышления — все это и было основой петровских реформ. Пресловутая «европеизация» России при Петре состояла из двух параллельных процессов — ломки наиболее препятствовавших военному и экономическому развитию России старомосковских церковных форм культуры и быта и усвоения форм европейской культуры, наиболее необходимых для реализации поставленных целей. Таким образом, «европеизация» была только частью, причем не всегда важнейшей, тех изменений, которые произошли в России при Петре I.

Наиболее крупными идеологическими документами русского прогрессивного «просвещенного абсолютизма» были законодательные акты и прочие «письма и бумаги» Петра I, а также литературные и публицистические произведения Феофана Прокоповича. Характерно при этом, что своим воззрениям и Петр и Феофан Прокопович находили поддержку в учениях ранних западных просветителей XVII в. — Гоббса, Гуго Гроция и особенно С. Пуфендорфа, который применил прогрессивные учения английских и голландских просветителей для обоснования феодальных порядков Германии второй половины XVII в. Однако для России начала XVIII в. и это специфически препарированное просветительство было фактом несомненно передовым.[7] Особенно важно было то, что на смену церковным теориям происхождения власти пришло «jus naturae et gentium», «естественное право», или, как говорили в ту эпоху, «право натуры и народов». Заметим попутно, что широкое пользование трудами английских, голландских и немецких просветителей их русскими коллегами было возможно только потому, что почти все произведения западных просветителей XVII в. были написаны на хорошо известной в России латыни.

Со смертью Петра I прекращается второй период русского просветительства и первый период русского «просвещенного абсолютизма». Мы говорим «первый», потому что выше было уже указано, что в последнюю треть XVIII в., при Екатерине II, был второй, по внешности относительно «либеральный», по существу же реакционный, период «просвещенного абсолютизма» в России. Здесь уместно напомнить, что кратко перечисляя признаки развития монархической власти в России в XVIII в., В. И. Ленин указывал «на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма"...»,[8] т. е. он считал, что таких периодов было несколько, по крайней мере больше, чем один.

---

[7] При характеристике отношений Феофана Прокоповича к западным просветителям надо учесть и роль протестантского теолога И. Ф. Буддеуса.

[8] В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 308.

Период между прогрессивным «просвещенным абсолютизмом» Петра I и противоречивым, «либерально-консервативным», говоря сказанными по другому поводу словами Энгельса, «просвещенным абсолютизмом» Екатерины II был, как известно, периодом реакции, когда борьба за традиции Петра, за его реформы имела исключительно важное, передовое значение. Поэтому просветительство Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова и его ученика Поповского было существеннейшим звеном в истории русского просветительства, соединявшим передовые идеи Петровской эпохи с идеями эпохи Новикова, Фонвизина и Радищева. И в эту переходную эпоху, в третий период русского просветительства, действуют люди, получившие основы своего образования либо непосредственно в Славяно-греко-латинской академии, как Тредиаковский, Ломоносов и Поповский, либо от выходцев из нее, как Кантемир, бывший учеником И. Ю. Ильинского. Это давало всем названным деятелям, хорошо владевшим латинским языком, возможность черпать философско-политические знания, подобно их предшественникам, из европейско-латинской философской, юридической и исторической литературы.

Однако всех просветителей этой переходной эпохи объединяет и другая черта: к знанию латыни они присоединяют знание новых европейских языков, в первую очередь французского и отчасти немецкого. Благодаря этому просветители 30—50-х годов XVIII в. переводят не только с латинского языка («Аргенида» Барклая), но и с французского («Разговоры о множестве миров» Фонтенеля и «Письма о природе и человеке», представляющие «Трактат о существовании бога» Фенелона в переводе Кантемира, «Похождения Телемаковы» Фенелона в переводе А. Волынского и братьев Хрущевых, «Тилемахида» в переводе Тредиаковского, «Опыт о человеке» Попа, переведенный Н. Н. Поповским не непосредственно с английского, а с французского, и т. д.). К сказанному следует прибавить, что своеобразной инерцией этого периода был перевод просветительского романа «Жизнь Сифа, царя египетского» аббата Террассона, сделанный в самом начале 1760-х годов студентом Московского университета Д. И. Фонвизиным.

Последнее десятилетие эпохи Петра и весь переходный период совпадают, как известно, с началом и расцветом французского Просвещения. Однако на воззрениях Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова и Поповского ранее французское Просвещение не отразилось, во всяком случае не наложило на них сколько-нибудь отчетливой печати. В то же время едва ли подлежит сомнению, что с творениями Вольтера и Монтескье Кантемир, Ломоносов и другие просветители 1730—1750-х годов

были знакомы. Поэтому одна из предстоящих нашей науке задач — более тщательное изучение необходимых материалов для вынесения окончательного суждения по данному вопросу.

Поскольку перед просветителями переходного периода стояла задача сохранить петровские реформы, постольку важнейшее достижение прогрессивного «просвещенного абсолютизма» — «естественное право», признававшее за человеком свободу, равенство, собственность и безопасность, — продолжало играть существеннейшую роль в идеологических построениях русских просветителей 30—50-х годов XVIII в. Идеи равенства людей и значения их личных заслуг, а не заслуг рода мы находим в сатирах Кантемира и — в более общей форме, только идею равенства, — в «Письме о пользе стекла» Ломоносова. Сюда же следует отнести популярные в то время, именно с позиции «естественного права» понятые, переводы «Beatus ille» Горация (Тредиаковский, Поповский).

Вторая часть формулы «право натуры и народов» понималась представителями просветительства 30—50-х годов неодинаково: в слово «народ» Кантемир и несколько позднее Сумароков и его последователи вкладывали узкоклассовое, сословно-дворянское содержание, тогда как Ломоносов и Поповский толковали его в более демократическом смысле. Участие Кантемира, Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева в так называемых «событиях 1730 г.» — это прямое выражение их дворянского понимания «jus naturae et gentium». Впрочем, в тогдашних исторических условиях общественно-политическая позиция названных лиц была глубоко прогресивна, поскольку дворянство, по крайней мере частично, в определенной мере сохраняло роль прогрессивного класса.

Время начиная с 1760-х годов и до появления «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева — это четвертый период в истории русского просветительства. К этому моменту французское Просвещение уже достигло своего полного развития. Только в течение нескольких лет появились такие произведения, как «Общественный договор» Руссо (1762), «Система природы» Гольбаха (1770); завершается издание «Энциклопедии».

Тот, хронологический разрыв, который наблюдался в два предыдущих периода русского просветительства, когда у нас усваивались воззрения европейских авторитетов предшествующих поколений, к концу 1750-х—началу 1760-х годов постепенно ликвидировался. В Петербурге и Москве начинают внимательно следить за новейшей литературой французского Просвещения. В 1758 г. выходит в свет «De l'esprit» Гельвеция, а

через год 16-летняя княжна Екатерина Воронцова, известная потом как княгиня Е. Р. Дашкова, приобретает эту книгу и делает на ней свою владельческую надпись. Труды теоретиков французского Просвещения получают в этот период широкое распространение в среде передовой русской молодежи. Весьма существенно, что в это же время в России, с одной стороны, начинается борьба с влиянием Вольтера и тем более энциклопедистов, а с другой — кокетничающая своим философским и политическим свободомыслием Екатерина II ставит своей целью использовать авторитет наиболее популярных французских просветителей в личных и государственных — конечно, как она их понимала, — интересах. Менее всего склонны мы сводить русское просветительство 1760—1780-х годов, равно как и «либерально-консервативный» «просвещенный абсолютизм» Екатерины II, к воздействию книг и идей французских просветителей. Полностью признавая приоритет русской социально-политической, экономической и культурной действительности (вопрос о деспотизме Екатерины II, положение крепостных и т. д.), мы вместе с тем включаем в эту русскую действительность и идейное наследие предшествующих эпох русского просветительства, и новые философско-политические учения, шедшие с Запада, — в первую очередь и в преобладающем количестве из Франции.

1760—1780-е годы, по нашему мнению, являются одновременно и периодом русского Просвещения, и периодом (последним) «просвещенного абсолютизма» в России. Все зависит от того, под каким углом зрения рассматривать исторический и литературный материал. Ниже нам придется подробнее остановиться на том, что мы называем русским Просвещением, а сейчас объясним, почему появление «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева мы считаем хронологической гранью этого периода. Дело в том, что при всем своем философском и политическом радикализме французское Просвещение, даже в лице своих наиболее материалистически настроенных теоретиков, не выдвинуло никаких иных требований, кроме тех, которые заключались в учении «естественного права». Знаменитый лозунг французской революции, прямой наследницы идей Просвещения, — «Liberté, ègalité, fraternité» («Свобода, равенство и братство») — является почти простым повторением четырехчленной формулы «естественного права» — «Свобода, равенство, собственность и безопасность». «Право собственности», отсутствующее в трехчленном лозунге французской революции, находится зато во втором и особенно в знаменитом семнадцатом параграфах

«Декларации прав человека и гражданина», прокламирующих «священное право собственности».

Французская революция явилась естественной и закономерной гранью для французского Просвещения, она его диалектически «сняла». В России, как известно, в начале 1790-х годов революции не было, но книга Радищева явилась таким же диалектическим «снятием» русского Просвещения. Теоретическим рассуждениям о праве человека на свободу, равенство, собственность и безопасность, которые так и оставались просветительскими рассуждениями, Радищев противопоставил чреватое непосредственными революционными выводами положение: «Право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом».[9] Признание и оправдание Радищевым крестьянской революции означало отрицание просветительского принципа мирной пропаганды мирных реформ. Тем самым просветительство переставало существовать как просветительство и перерастало в революционный демократизм. Дальнейшая история русского освободительного движения есть история движения революционного: дворянского, разночинского, пролетарского. Просветительство оставалось, говоря словами В. И. Ленина, как «содержание», как «музыка», а не как «тон».

Вместе с тем — и в этом сказываются своеобразные условия русской истории — просветительство после Радищева не сразу прекратилось. Так называемые «радищевцы» — Пнин, Борн, Попугаев и другие, — принимавшие у Радищева, как принято считать, «все, кроме крестьянской революции», конечно, являлись просветителями, а не революционерами и тем более не революционными демократами. Просветительскими были и многочисленные кружки и тайные общества начала XIX в., преддекабристские и даже последекабристские, вроде «Общества независимых», в котором принимал кратковременное участие Кольцов, о чем писал Ю. Г. Оксман и о чем напомнил недавно Н. К. Пиксанов. Но все это уже относится к XIX в. и подлежит компетенции других специалистов.

Возвращаясь к рассмотрению идейного содержания русского Просвещения 1760—1780-х годов, мы прежде всего должны заметить, что наша наука располагает для подобной характеристики далеко не полными материалами. В нашем распоряжении имеются почти исключительно печатные тексты, предназначавшиеся для екатерининской цензуры и, следовательно, сознательно для нее приноровленные и испытавшие на

[9] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Фототипическое издание. Изд. «Academia», М., 1935, стр. 104 (глава «Новгород»).

себе ее ограничения. Рукописные материалы дошли до нас в совершенно ничтожном количестве и притом имеют случайный характер. Каковы они, можно судить по единственному номеру рукописного журнала Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум». Ни архивы Радищева, Фонвизина, Новикова, Козельского, Аничкова, Десницкого, ни иные документы, которые могли бы полнее и ярче раскрыть истинную идейную суть русского Просвещения, до нас не дошли. Поэтому приходится заранее признать, что восстанавливаемая нашей наукой на основании цензурованных печатных текстов картина является только приблизительной, а никак не точной.

Кратко характеризуя социально-политическую программу русского Просвещения, можно сказать, что оно боролось против екатерининского деспотизма, против крепостного права, против реакционного, невежественного и тунеядствовавшего духовенства, требовало права свободно мыслить и так же свободно высказывать свои взгляды, выдвигало идею создания парламентарных учреждений, отстаивало право общества организовывать учебные заведения, независимые от правительственной политики. Литературными средствами русского Просвещения были сатира, сатирическая журналистика, сатирико-политическая комедия, сатирическая или утопическая «восточная повесть», такого же характера жанр «сна», «разговора в царстве мертвых» и т. п. Часть этих литературных форм унаследовала от четвертого периода русского просветительства — русского Просвещения — русская литература 1790-х годов и начала XIX в.

Сказанное — мы хорошо это знаем и уже предупреждали об этом читателей — не исчерпывает идейного богатства русского Просвещения, здесь, как и в других областях, нашей науке предстоит сделать многое.

Движение народных масс, возглавленное Пугачевым, а затем французская революция окончательно уничтожили екатерининскую политику «просвещенного абсолютизма» — остался откровенный монархический деспотизм. Таким образом, к началу 1790-х годов и русское Просвещение, и «либерально-консервативный» екатерининский «просвещенный абсолютизм» сошли со сцены.

Нам остается рассмотреть еще одну своеобразную разновидность русского просветительства середины и второй половины XVIII в. — просветительство дворянское. Говоря о первых трех этапах «раннего русского просветительства», мы уже отмечали, что в нем заметную роль играло дворянство. При характеристике третьего периода русского просветительства, т. е. просветительства 30—50-х годов, указывалось, что дворянское про-

светительство Кантемира отличалось от демократического просветительства Ломоносова и Поповского. От этого ломоносовского просветительства пошла демократическая линия русского Просвещения, представленная Я. П. Козельским, Д. С. Аничковым, С. Е. Десницким, И. А. Крыловым и др., а также такими деятелями, как дворяне Новиков и Фонвизин, купец Плавильщиков и пр.

Но дворянское просветительство Кантемира не заглохло, не исчезло бесплодно. Оно вскоре же возродилось в деятельности такого крупного представителя русской дворянской культуры, как Сумароков — отец русского дворянского либерализма. Поэт, драматург, журналист, историк, философ, филолог, Сумароков неустанно стремился просветить дворянский корпус, убедить правящий класс в том, что звание «сынов отечества» дворяне должны оправдать своей просвещенностью, своим интеллектуальным и моральным превосходством над другими, низшими классами общества, которых он колоритно называл «рабами отечества». По существу, прямых и непосредственных учеников—просветителей, продолжателей его дворянской пропаганды (если не считать очень умеренного Хераскова, автора трех «политических» романов) Сумароков не имел, но он оказал несомненное общетеоретическое влияние на Новикова и Фонвизина. Лишь позднее, больше чем через десять лет после смерти Сумарокова, в роли дворянского идеолога-просветителя, журналиста, публициста, пропагандиста «либерально-консервативного» европеизма выступил Н. М. Карамзин.

Вкратце рассмотренная нами картина развития русского просветительства от середины XVII в. до начала XIX в. показывает, что при всей сложности и противоречивости этого процесса все же несомненно существуют какие-то общие черты у различных ветвей этого общественно-литературного течения и в разные моменты его истории. Черты эти — стремление улучшить социально-политическое и культурное положение народа, которое всеми признавалось то в большей, то в меньшей степени неудовлетворительным, и вера в то, что «слово», «пропаганда» могут оказать в этом отношении решающее воздействие.

Есть еще одна характерная для всего русского просветительства черта — его политическая направленность, его постоянная разработка темы «верховной власти». Сначала эта тема выступала в форме противопоставления образа «тирана» образу «истинного государя».

Анализируя идейное содержание поэзии Симеона Полоцкого, И. П. Еремин останавливается на одном цикле стихотво-

рений последнего; «назначение» этого цикла, по мнению исследователя, «заключается в том, чтобы наглядно показать читателю, что такое идеальный правитель государства и что такое правитель-тиран (слово «тиран» в этом именно его значении «дурного, жестокого царя» ввел в русскую поэзию впервые Симеон Полоцкий) ⟨. . .⟩. Противопоставляя первого второму, Симеон Полоцкий дал первую в русской литературе попытку обрисовать идеальный образ «просвещенного» монарха».[10]

Еще более основательно и подробно развил тему «идеального государя» Феофан Прокопович в трактате «Правда воли монаршей». Он писал: «Всякая ⟨. . .⟩ власть верховная едину своего установления конечную вину имеет: всенародную пользу». «Может монарх государь, — говорит Феофан в другом месте, — законно повелевати народу не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится, только бы народной пользе и воле божией не противно было».[11]

Проблема «верховной власти»—«идеального государя» в разном классовом понимании проходит через «Книгу о скудости и богатстве» И. Посошкова, «проекты» 1730 г., оды Тредиаковского и Ломоносова, трагедии Сумарокова, Княжнина и Плавильщикова, публицистику Новикова и Фонвизина; эта проблема является основным стержнем «комедии народной» — «Недоросля». Решению той же проблемы «идеального государя» служили упоминавшиеся ранее переводы «Аргениды», «Тилемахиды», «Жизни Сифа» и неупоминавшиеся переводы «Золотого прута, или Царей Шешианских» Виланда, а также переводы с китайского в журналах Новикова и «Та-Гио» в переводе с французского Фонвизина, равно как и оригинальные русские «политические» романы и поэмы Хераскова «Нума Помпилий», «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии», «Россиада», «Владимир», «восточная повесть» «Арфаксад» Захарьина и т. д. Завершается этот длинный ряд разнообразных по своему содержанию, трактовке вопроса и жанровой природе, но единых по теме произведений «Запиской о древней и новой России» Карамзина.

Однако наряду с разработками темы «идеального государя» и его противоположности — «тирана» в конце XVIII в. явно обозначается если не полное разочарование, то во всяком случае глубокое сомнение в самой возможности существова-

[10] Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, стр. 234. Впрочем, эта тема встречается и в более ранней русской литературе, но не имеет столь существенного значения.

[11] Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. СПб., 1722, стр. 37, 36.

ния «идеального государя». Таковы «восточная повесть» «Каиб» Крылова и трагедия «Вадим Новгородский» Княжнина. В гениальном «Путешествии из Петербурга в Москву» окончательно развенчивается просветительский «идеальный государь» и выдвигается проблема демократической республики, становящаяся основной политической темой у некоторой части декабристов и в особенности у революционных демократов 40—60-х годов XIX в.

Значительно меньшее место занимает в русском просветительстве XVII—XVIII вв., в силу особых условий политики самодержавия, борьба с церковью. Той остроты, которой достигает разработка этой темы во французском Просвещении, русское просветительство не знало. Говорить о борьбе русских просветителей XVII—XVIII вв. с церковью было бы бесспорной натяжкой, но критика, хотя и довольно осторожная, отрицательных явлений в русской церковной жизни в русском просветительстве имелась. При этом началась она, как это ни парадоксально, у первых русских просветителей — лиц духовного звания. Так, Симеон Полоцкий пишет большое стихотворение «Монах»,[12] в котором в живых ярких образах перечисляет нарушения монастырского устава и даже простого приличия представителями черного духовенства:

> Но увы бесчиния! Благ чин погубися,
> иночество в бесчинство в многих преложися.

Эта же тема разрабатывается Феофаном Прокоповичем (трагедокомедия «Владимир», отчасти «Духовный регламент»), особенно Кантемиром в сатирах, Ломоносовым (в «Гимне бороде» и других произведениях, в том числе в «Письме о сохранении и размножении российского народа»), Новиковым в сатирических журналах («Письмо отца Тарасия»). Фонвизиным («Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке», «Поучение, читанное в Духов день иереем отцом Василием»), Крыловым (в «Почте духов») и т. д.

Мы не станем подробно останавливаться на других сторонах и особенностях русского просветительства в целом и русского Просвещения в частности. Для нас существенно было очертить важнейшие моменты в этом идеологическом течении. Однако обойти один вопрос мы никак не должны и не можем — это вопрос о воспитании и сатире. На первый взгляд может показаться, что это не один, а два вопроса и к тому же нисколько не связанных. На самом деле это не так. Общая всем

[12] Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, стр. 8—10.

просветителям XVII—XVIII вв., как западным, так и русским, черта — это теория «tabula rasa», вера в то, что человек рождается «чистой доской», на которой воспитанием можно написать все что угодно (знаменитые слова Гельвеция: «L'homme est tout éducation», т. е. «человек полностью зависит от воспитания»). Другая черта, характерная для всего рассматриваемого периода, это воззрение, получившее в более позднее время окончательное выражение в виде афористической формулировки «c'est l'opinion qui gouverne le monde» — «мнения правят миром». Поэтому всем русским просветителям XVII — XVIII вв. была свойственна вера в то, что путем убеждения, распространения правильных и осмеяния неправильных, ложных «мнений» можно искоренить пороки, дурные нравы и через посредство «просвещенных государей», слушающихся своих «советодателей» — философов-просветителей, ввести разумные, справедливые законы. Поэтому у всех них такое большое место занимали проблема воспитания детей и юношества и сатира, которая рассматривалась как одна из форм общественного воспитания, воспитания взрослых. Этим, как нам кажется, объясняется наличие в литературе русского просветительства сильной сатирико-критической струи, такого явления, как сатирические журналы Новикова и Крылова, как комедии Сумарокова, Фонвизина, Крылова, Клушина и др.

Повторяем, указанными свойствами, конечно, далеко не исчерпывается содержание русского просветительства, и для того чтобы судить о его национальном своеобразии, безусловно необходимы еще длительные и подробные исследования, и не одного лица, а большого коллектива.

Кроме того, как нам представляется, при определении национального своеобразия русского просветительства необходимо сопоставлять его с Просвещением не только «трех главных европейских наций» — англичан, французов и немцев, как это до сих пор у нас принято, но и других народов, например итальянцев и поляков. В самом деле, экономически и общественно-политически англичане и французы значительно опередили Россию XVII и XVIII вв., немцы — правда, меньше, но развитие их Просвещения, как прекрасно показано в недавно вышедшей книге Г. М. Фридлендера «Лессинг» (М., 1957), шло в иной плоскости, нежели та, которая была важна для русских просветителей с их прежде всего политической направленностью. [13] Просвещение же в Италии и Польше, экономически

[13] «В силу исторической отсталости Германии немецкие просветители не могли с такой конкретностью ставить и решать в своих произведениях непосредственные политические и экономические вопросы, связанные с борьбой за буржуазное общество, как их английские и французские

и общественно-политически более близких к тогдашней России, представляет для нас несомненный интерес.

Не имея сейчас возможности входить в подробности, замечу только, что в последнее время в Италии уделяется серьезное внимание изучению национального Просвещения, называемого там «illuminismo».[14] В частности, выходит серия «Illuministi italiani» в пяти томах, напоминающая наши «Избранные произведения русских философов». Насколько мне известно, пока вышел только третий том под редакцией профессора Франко Вентури. Во вступительной статье к тому указывается, что итальянское Просвещение имело длительность всего лишь в 25 лет: началось после окончания Семилетней войны (1756—1763) и закончилось, как только разразилась французская революция. Все это движение протекало под лозунгом реформы «нравов» и «законов».[15] В серии «Illuministi italiani» собраны произведения юристов, публицистов, философов, т. е. просветителей-теоретиков. Несомненно, все это заслуживает нашего внимания (напомним, что произведениями Ч. Беккария и Г. Филанджери интересовались Пнин, Борн и другие «радищевцы»), но еще большее значение для нас имеет художественная литература итальянского Просвещения, в особенности комедии Гольдони, пользовавшиеся в России, как известно, большим успехом.

Не менее важно для нас изучение польского Просвещения, так называемого «Oświecenia». Благодаря работам покойного проф. Т. Микульского, объединенных в сборнике его статей «Ze studiów nad Oświeceniem» (Wrocław, 1956), мы получили

собратья. Их внимание привлекали не столько конкретные проблемы экономики и политики нового общественного строя, сколько более абстрактные вопросы формирования нового человека и новой морали. Преимущественный интерес немецких просветителей к вопросам философии, эстетики, морали обусловил бо́льшую теоретичность и отвлеченность их мировоззрения по сравнению с мировоззрением французских просветителей. Но вместе с тем интерес этот позволил им разработать в их сочинениях ряд важных вопросов буржуазного гуманизма. Со времен европейского Возрождения проблемы гуманистического воспитания человеческой личности нигде не поднимались с такой всесторонностью, как в произведениях Винкельмана, Лессинга, Гете и Шиллера, и это составляет несомненную заслугу немецкого Просвещения, несмотря на черты отвлеченности и умозрительности, свойственные гуманизму немецких писателей». (Г. М. Фридлендер. Лессинг. Очерк творчества. ГИХЛ, М., 1957, стр. 9—10).

[14] Подробный обзор литературы по этому вопросу см. в кн.: Illuministi italiani, t. III. Riformatori lombardi, piemontesi e toscani. A cura di Franco Venturi. Riccardo Ricciardi editore. Milano-Napoli, [1958], стр. XIX—XXIII (Bibliografia).

[15] F. Venturi. Introduzione. В кн.: Illuministi italiani, t. III, стр. IX, XII.

возможность узнать много ценного о явлении, в ряде пунктов аналогичном нашему Просвещению того же времени. Так, например, в польском «Oświecenii» большое, может быть даже преимущественное, значение имели сатира, сатирическая журналистика, комедия, «восточная повесть», очень широкое распространение получила литература рукописная, а одним из зачинателей и крупнейшим представителем польской просветительной литературы и театра было лицо духовного звания — ксендз Фр. Богомолец.

Отмечу еще один, как мне представляется, полезный объект изучения западных материалов для сопоставления с нашей литературой эпохи Просвещения. Я имею в виду немецкую литературу в Австрии. Обычно на нее не обращают должного внимания: литература Лессинга, Гете, Шиллера совершенно заслоняет собой литературу монархически-католической Австрии времен Марии-Терезии и Иосифа II. Между тем австрийский «просвещенный абсолютизм», так называемый «йозефинизм», представляет для нас несомненный интерес, хотя бы уже по одному тому, что его практика в определенной мере была использована Екатериной II, пригласившей из Австрии для проведения своей школьной реформы такого крупного умеренно либерального просветителя, как славянин Янкович-де-Мириево. Заслуживает также внимания то обстоятельство, что травестия австрийца Блумауэра «Die travestierte Aeneis» пользовалась в России большим успехом (русские ирои-комические поэмы Н. Осипова, Котельницкого) и — через русское посредство — повлияла на украинского «Энея» И. П. Котляревского. Необходимо более тщательно обследовать также такой важный факт в истории русско-австрийского литературного общения, как появление в Вене в 1787 г. немецкого перевода «Недоросля» Фонвизина.[16]

В предшествующем изложении мы рассматривали русское просветительство и русское Просвещение прежде всего как явления идеологические[17] и лишь в качестве иллюстраций

---

[16] Э. Хексельшнайдер. О первом немецком переводе «Недоросля» Фонвизина. Сб. «XVIII век», вып. 4, Изд. АН СССР, М.-Л., 1959, стр. 330—334: G. Wytrzens. Eine unbekannte Wiener Fonwisin Übersetzung aus dem Jahre 1787. Wiener slawistisches Jahrbuch, Bd. 7, 1959, стр. 118—128.

[17] Особый вопрос представляет выяснение социально-экономической основы, на которой возникло европейское и русское просветительство. В научной литературе широко распространена точка зрения, согласно которой Просвещение есть идеология складывающегося капитализма, или, более точно, первого, мануфактурного периода капитализма. Проф. Эд. Винтер, член Берлинской академии наук, считает Просвещение «идео-

привлекали материалы собственно литературные. Однако после выяснения характерных признаков русского просветительства литературоведы обязаны заняться вопросом о том, каково было выражение Просвещения в области эстетики и искусства вообще и литературы в частности, иными словами, каково было литературно-стилистическое выражение русского просветительства и Просвещения.

В советской научной литературе вопрос этот не ставился. Поднят он был в 1958 г., незадолго до IV международного съезда славистов проф. Э. Винтером. Оспаривая взгляды Д. И. Чижевского (Гейдельберг) и доц. А. Андяла (Дебрецен, Венгрия), считающих, как утверждает проф. Винтер, что в XVII—XVIII вв., даже в начале XIX в., в славянских литературах безраздельно господствовало течение барокко, сменившееся затем сразу и непосредственно романтизмом, этот видный немецкий историк предложил поместить между названными литературными стилями особый стиль — «Просвещение». «По мере того, — пишет проф. Винтер, — как во всеобщей истории постоянно возрастает понимание особого характера Просвещения, будет оно пробивать себе путь и у историков литературы. У Просвещения в славянских литературах нельзя будет уже отнять его самостоятельного места между барокко и романтизмом».[18]

Концепция проф. Винтера вызывает некоторые возражения. Во-первых, Д. И. Чижевский вовсе не отрицает того несомненного факта, что между барокко и романтизмом в славянских литературах — точнее только в русской и польской литературах — существовало особое литературное течение, классицизм. В своей обзорной работе «Очерк сравнительной истории славянских литератур» (1952) он посвятил классицизму целую

логией ранней стадии общественного процесса становления буржуазных наций на основе развивающегося мануфактурного способа производства» (E. Winter. Die Aufklärung bei den slawischen Völkern und die deutsche Aufklärung. Zeitschrift für Slawistik, Jahrg. II, 1957, H. 2, стр. 153). Становление буржуазных наций — это, как известно, одна из сторон развития капитализма. Характерно, однако, что в таких странах, как Россия и Польша, где развитие капитализма происходило медленнее, чем на Западе, и где буржуазия была очень слаба, главными деятелями Просвещения были не представители буржуазии, еще не окрепшей и не осознавшей себя в качестве силы, возглавляющей антифеодальное движение, а передовое дворянство. Ср. по этому поводу другую работу проф. Э. Винтера: E. Winter. Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker. Сб. «Славянская филология», сб. III, Изд. АН СССР, М.-Л., 1958, стр. 283—294.

[18] E. Winter. Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker, стр. 291.

главу,[19] правда, написанную в явно неприязненных тонах, в особенности на тех страницах, где речь идет об «Enlightment» («Просвещение»). Впрочем, это вполне понятно: Чижевский открыто симпатизирует всяким мистическим и полумистическим направлениям в философии и искусстве, например барокко, реакционному романтизму и символизму, и слово «реализм» употребляет только иронически. Таким образом, ссылаться на точку зрения Чижевского проф. Винтеру нельзя. Остается один только А. Андял, экстравагантное мнение которого стоит особняком в научной литературе, никак не обосновано и никем не признано.

Во-вторых, проф. Винтер не учел того, что в русском литературоведении с 20—30-х годов прошлого века и до наших дней главный литературный стиль XVIII столетия определяется как «классицизм». Следовательно, то, что предлагает проф. Винтер, фактически уже существует, с той только разницей, что, по мнению нашего немецкого коллеги, этот литературный стиль должен получить название идеологического направления — «Просвещения».

В-третьих, вовсе не является общепризнанным — и в данном случае авторитет Д. Чижевского и А. Андяла не помогает — что предшественником классицизма в русской литературе было барокко. Это вопрос частный и спорный; дискуссия на IV международном съезде славистов показала это с достаточной очевидностью.[20] То, что Чижевский, Андял и другие исследователи, в частности И. П. Еремин, относят в русской литературе XVII—XVIII вв. к «барокко», в действительности представляет собой общую для европейского, латински мыслившего и писавшего средневековья (вплоть до XVIII в. включительно) трактовку античной литературы. Я не могу сейчас на этом задерживаться и сошлюсь только на местами спорные, но чрезвычайно интересные и дающие возможность во многом по-новому понять русскую литературу XVII—XVIII вв. книги Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье»[21]

[19] D. Cizevsky. Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic Civilization, vol. I. Boston, Mass., American Academy of Arts Sciences, 1952, стр. 70—84.

[20] Наиболее слабой частью «барочной» концепции славянских литератур Чижевского являются его суждения о русском барокко (там же, стр. 68—69). Он то относит Ломоносова и Тредиаковского к стилю барокко, то признает, что оба поэта «восприняли незначительные (minor) элементы поэзии классицизма, но не были в состоянии следовать им» (там же, стр. 80). В другом месте Чижевский утверждает, что некоторые славянские поэты были способны «объединять (to combine) влияния барокко и классицизм» (там же, стр. 70—71).

[21] Ernst Robert Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, A. Francke, 1948; 2. Aufl., 1954.

и П. ван-Тийгема «Латинская литература эпохи Возрождения. Этюд из истории европейской литературы».[22] Итак, предложение проф. Винтера не меняет существующего в данной области порядка вещей. Вопрос, поставленный выше, остается нерешенным, и нам надо на него так или иначе ответить. Можно ли считать, что идеологическое течение просветительство, столь существенно изменявшееся в продолжение второй половины XVII и всего XVIII в., не нашло никакого литературно-эстетического, стилевого выражения? Напомню, что в нашей науке высказывалось мнение, будто историю русского классицизма надо начинать с Симеона Полоцкого (П. Н. Сакулин).

Не имея возможности подробно обосновать сейчас свою точку зрения и предполагая сделать это в особой работе, я в тезисной форме изложу свой взгляд на этот вопрос. Охарактеризованные выше первый и второй периоды русского просветительства (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.) имели литературно-стилистическое выражение в виде «предклассицизма» (т. е. исходили, с одной стороны, из европейского средневеково-латинского понимания античной литературы, с другой — опирались на традиции древнерусской литературы и, с третьей, — учитывали идеологические и общеэстетические потребности современности). Третьему периоду (30—50-е годы XVIII в.) соответствует классицизм (в двух вариантах — демократическом и дворянском). Литературно-стилистическое выражение четвертого периода — эпохи русского Просвещения — суммарно можно было бы назвать «постклассицизмом»: здесь мы встречаем и элементы сентиментализма в классицизме, и перерастание классицизма в реализм, и черты преромантизма. Было бы, однако, ошибкой прямолинейно называть это многообразие стилистических исканий каким-либо одним термином, например сентиментализмом, реализмом или преромантизмом. Это сильно обеднило бы наше представление о художественной, эстетической жизни последней трети XVIII в.

Мы любим вспоминать — и правильно делаем, что не забываем, — что русская культура в течение 100—150 лет, т. е. с конца XVII в. до Пушкина, прошла путь идейного и художественного развития, который европейские литературы проделали с VIII по XIX в., т. е. в течение более чем тысячи лет. Это верно, но нельзя забывать, что мы не только жадно усваивали и приноравливали к своим условиям достижения Запада, но и воспринимали их на основе традиций древнерусской куль-

[22] Paul van T i e g h e m. La littérature latine de la Renaissance. Etude d'histoire littéraire européenne. Paris, Droz, 1944.

туры: секуляризированная при Петре, она в форме языка, этических и эстетических ценностей продолжала существовать. И не только воспринимали, но и создавали новые ценности. Внимательно, всесторонне и строго научно изучить их, изучить историю русского просветительства XVII—XVIII вв., историю русского Просвещения XVIII в. и их литературно-художественные выражения — это, по нашему мнению, генеральная задача, стоящая перед современным поколением советских литературоведов, посвятивших себя исследованию данной эпохи.

XI

ТОМАС КОНСЕТТ, КАПЕЛЛАН АНГЛИЙСКОЙ ФАКТОРИИ В РОССИИ

(К истории русско-английских литературных связей в 1720-е годы)

Мне выпало на долю быть первым среди моих соотечественников переводчиком со славянского и русского языков

Т. Консетт

Свою книгу «Открытие России Британией (1553—1815)», посвященную истории «возрастания в Англии знаний и представлений о России», М. А. Андерсон характеризует «как вклад в изучение существенно важной проблемы, которая сравнительно мало привлекала внимание ученых Великобритании».[1] К этим словам английского исследователя можно прибавить, что и в трудах русских ученых тема русско-английских культурных связей занимала небольшое место.

Более четырехсот лет прошло с того времени, как Уилоуби и Ченслер «открыли» для англичан Россию; экономические, политические и культурные связи между обеими странами хотя и с переменным успехом, но все же росли и укреплялись, становились все более заметным моментом в их истории, а до сих пор не создано сколько-нибудь значительного, обобщающего труда, в котором получили бы всестороннее освещение многовековые отношения двух великих культур. Первая попытка собрать воедино хотя бы основные факты, сделанная более двадцати пяти лет назад Э. Д. Симмонсом в книге «Английская литература и культура в России, 1553—1840» (Кэмбридж, Массачузетс, 1935),[2] ставила своей целью анализ только одной части двустороннего процесса культурного общения английского и русского народов. Ряд работ акад. М. П. Алексеева, в том числе и его не изданная полностью диссертация «Очерки из истории англо-русских отношений

---

[1] M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia 1533—1815. London, 1958, p. VII.

[2] E. J. Simmons. English literature and culture in Russia, 1553—1840. Cambridge, Mass., 1935.

(XI—XVII вв.)»,[3] свободен от этой односторонности и рассматривает связи обоих народов в области литературы параллельно, в их исторической реальности.

Однако как ни полезны книги, подобные трудам Э. Д. Симмонса и М. П. Алексеева, они не исчерпывают существующих материалов; напротив, они стимулируют дальнейшие разыскания, толкают на более специальные и подробные разведки только слегка тронутых источников, направляют внимание исследователей на недостаточно освещенные или вовсе неизвестные эпизоды в истории англо-русских культурных связей. Одному из таких эпизодов и посвящена настоящая статья.[4]

В двух ранних источниках по истории русской культуры первой четверти XVIII века находятся не обращавшие на себя внимания исследователей сведения об одном английском авторе, имевшем отношение к русской литературе 1720-х годов.

В статье состоявшего на русской службе врача Михаила Схенда ван дер Беха «Современное состояние русской образованности» (Praesens Russiae literariae status, 1725) сказано: «Мы не можем также не назвать и ученого Томаса Консетта, первого священника английской церкви в России, члена Берлинской академии наук, замечательного своими философскими, богословскими и филологическими работами:

Коего имя вовек, хвалы и слава пребудут».[5]

Второй раз Т. Консетт упоминается в «Литературной записке об авторах, своими произведениями поясняющих государственную и церковную историю России» (1736) Бурхгарда Адама Селлия: «Консетт Т., диакон британской колонии в России, затем диакон Ост-Индской компании в форте св. Георгия, опубликовал „Современное состояние и церковные законоположения России" (Лондон, 1730). Это перевод славянского „Катехизиса", употребляемого в русской церкви <...> Много

---

[3] М. П. Алексеев. Очерки из истории англо-русских литературных отношений (XI—XVII вв.). Тезисы диссертации на степень доктора филологических наук. Л., 1937, 6 стр.

[4] Автор настоящей работы выражает свою благодарность уважаемым коллегам Д. С. Д. Симмонсу (Оксфорд) и д-ру Х. Грассхофу (Берлин), предоставившим в его распоряжение многие архивные и библиографические материалы.

[5] Acta Physico-Medica Academiae Caesareae Naturae Curiosorum, vol. I cum Appendice, Ed. 2. Norimbergae, 1727, App., p. 148. О М. Схенде ван дер Бехе см.: П. Н. Берков. Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке. «Язык и литература», т. 5, 1931, стр. 96—99.

из этой книги почерпнул для своего „Известия о России" Мартини».[6]

Если обратиться к названной Селлием книге Консетта, становится ясно, что сообщенные в «Литературной записке» сведения, более полные, чем у М. С. ван дер Беха, хотя и не во всем точные, извлечены из предисловия к «Современному состоянию и церковным законоположениям России».

Ни в каких других источниках по истории русской литературы XVIII века, ни в английских биографических справочниках XVIII—XX веков обнаружить данные о Т. Консетте не удалось. Лишь постепенно, в результате поисков и находок и главным образом благодаря помощи зарубежных коллег оказалось возможным составить более или менее связный очерк жизни и деятельности Т. Консетта, не лишенный, правда, пробелов, но все же освещающий одну из первых страниц англо-русских литературных связей.

Потомок старинной йоркской фамилии, из которой вышел ряд гражданских должностных лиц, Томас Консетт родился в Йорке,[7] по-видимому, в конце 1670-х или в самом начале 1680-х годов: точной даты его рождения не удалось найти ни в одном из церковно-приходских списков этого периода.[8] Надо полагать, что отец Томаса, Генри Консетт, к началу 1690-х годов обеднел, и поэтому 7 апреля 1694 года будущий английский священник в России был принят в колледж св. Иоанна (Кэмбридж) в качестве школяра-стипендиата (sizor).[9] Очевидно, он обладал к этому времени достаточными знаниями и учился хорошо: в 1697—1698 годах он получил степень бакалавра,[10] а 5 марта 1698/99 года был рукоположен в диакона.[11] Через три с половиной года, 20 сентября 1702 года, Т. Консетт был уже священником.[12] Когда он получил степень магистра (М. А.), пока установить не оказалось возможным.

О последующих пятнадцати годах его жизни найти сведений не удалось. Однако несомненно, что Консетт продолжал заниматься теми науками, знатоком которых называет его М. С. ван дер Бех. Печатался ли он в это время, где, в каких изданиях, английских или иностранных — пока также не установлено.

---

6 Burchhardi Adami S e l l i i. Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt Revaliae, 1736, pp. 14—15; А. С е л л и й. Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю. М., 1815, стр. 39.—Указания Селлия неточны: книга Т. Консетта вышла в 1729 г. «Катехизиса» Петра Могилы она не содержит. О Хр. Мартини см. там же, стр. 44.

7 J. and J. A. V e n n. Alumni Cantabrigienses, pt. I, vol. I. [1922], p. 380.— Сведения эти сообщены Д. С. Д. Симмонсом в письме от 3 апреля 1958 г.

8 Из письма Д. С. Д. Симмонса от 5 мая 1958 г.

9 J. and J. A. V e n n, op. cit., p. 380.

10 Ibid.

11 По данным йоркского церковного архива. Из письма Д. С. Д. Симмонса от 5 мая 1958 г.

12 Там же.

В каталогах крупнейших библиотек мира (Москвы, Лондона, Вашингтона, Парижа, за исключением Ленинграда) никаких книг Консетта, кроме «Современного состояния», не указано.

Впрочем, возможно, что литературная деятельность Консетта началась только в России. Основанием для этого предположения является то, что, когда в конце 1723 года его избрали в члены-корреспонденты (Abwesendes Mitglied) Берлинской академии наук, он представил стихотворение (оду) на русском и латинском языках на победу Петра I над турками, латинскую проповедь на смерть императора, латинскую и русскую редакции стихотворения Стефана Яворского («Плачевное книгам целование»), а также английский перевод «Духовного регламента» и латинский перевод славянской грамматики Мелетия Смотрицкого.[13] О некоторых из этих произведений Консетта подробнее будет сказано далее. Сейчас следует лишь отметить, что никаких произведений, написанных на нерусские темы, Консетт в Берлинскую академию не представил. Из этого можно сделать вывод, что либо он не придавал серьезного значения литературной продукции первых двух десятилетий своей научной деятельности, либо, кроме представленных работ, у него и в самом деле не было никаких печатных и рукописных трудов, которые могли бы служить основанием для избрания его в Берлинскую академию.

Более подробные сведения о Консетте относятся ко времени его пребывания в России, но и здесь не все в точности известно,— например, даты его приезда и отъезда не установлены.

Таким образом, нет возможности пополнить сведения о Консетте из каких-либо других источников, кроме его собственных трудов, и в первую очередь книги «Современное состояние». Но, к сожалению, в своих литературных произведениях он очень скупо говорит о себе, и многие вопросы, встающие при изучении его биографии, пока не могут быть решены.

Так, ничего не известно о причинах, побудивших его поехать в Россию. Не знаем мы также, где, когда и от кого научился Т. Консетт русскому языку. Нет у нас сведений и о том, когда началась его литературная деятельность, связанная с русской тематикой. Если принять 1718 год за дату его приезда в Россию, то о первом пятилетии его пребывания здесь мы не располагаем никакими данными.

Возможно, что присланный им в Берлинскую академию наук латинский перевод русского стихотворения на победу Петра I над турками — это перевод какого-либо «канта» по случаю взя-

[13] Сведения эти сообщены д-ром Х. Грассхофом в письмах от 9 апреля и 8 мая 1960 г. Они извлечены из неразобранных материалов (ungeordnete Varia) архива Берлинской академии наук. Из этих источников явствует, что Т. Консетт обратился к барону Г. фон Гюйсену с просьбой содействовать его избранию в Берлинскую академию наук. Представление Гюйсена о Консетте и князе Д. К. Кантемире было удовлетворено. Д-р Грассхоф подготовил публикацию переписки Консетта и Гюйсена с Берлинской академией. В этой публикации содержатся интересные сведения об Антиохе Кантемире.

тия Дербента (1721), стихотворения, распевавшегося при торжественном въезде императора в Москву.

В двух работах недавнего времени сообщается, без указания источника, что Т. Консетт провел в России десять лет — с 1718 по 1728 год — в качестве священника англиканской церкви в Петербурге.[14] Из его книги действительно явствует, что в 1720 году он был в Москве, в январе 1722 — в Петербурге, в феврале 1723 года снова в Москве.[15] По-видимому, Т. Консетт поочередно выполнял свои обязанности священника то в Москве, то в Петербурге.

К сожалению, ни в русской, ни в известной и доступной нам английской исторической литературе нет никаких сведений об истории английских общин в России, вроде книг А. В. Фехнера о немецкой протестантской общине в Москве и Р. Тастевена о французской колонии там же.[16] В «Дипломатической переписке английских послов и посланников при русском дворе»[17] мелькает множество имен английских купцов и других англичан, в частности лиц, находившихся на службе у Петра I, но о Консетте никаких упоминаний не встречается. Это, впрочем, естественно: как раз на время его пребывания в Петербурге приходится разрыв дипломатических сношений между Россией и Англией, а возобновляются они уже после его отъезда,[18] с прибытием консула Томаса Уорда и резидента К. Рондо.

Из дошедших до нас датированных оригинальных и переводных произведений Консетта, имеющих отношение к России, наиболее ранним является сделанный им в феврале 1723 года латинский стихотворный перевод «Плачевного книгам целования» Стефана Яворского.

Один из влиятельнейших церковных деятелей петровского времени, митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский был не только крупным писателем-богословом, но и видным русско-украинским поэтом

---

[14] E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, Akademie-Verlag, 1953, S. 126; М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1 (XVIII век). М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 117.— Э. Амбургер пишет, что Т. Консетт был в Петербурге до 1727 г. («Die Mitglieder der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1700—1950». Berlin, Akademie-Verlag, 1950, S. 64).

[15] T. Consett. The Rresent State. London. 1729, p. 139, note, 451.

[16] A. W. Fechner. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. M., 1876; F. Tasteven. Histoire de la Colonie française de Moscou. M.-Pb., 1908.

[17] «Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе», напечатанная в сборниках РИО, охватывает период с 1704 по 1719 г. (тт. 39, 50 и 61) и с 1728 по 1733 г. (т. 66). Пробел с 1719 по 1728 г. объясняется разрывом в этот период дипломатических отношений между Англией и Россией и отсутствием официальных дипломатических представителей Англии при русском дворе.

[18] Первое донесение К. Рондо из Петербурга датировано 7 августа 1728 г. (Сборник РИО, т. 66, стр. 2).

конца XVII — начала XVIII веков.[19] Ему принадлежала одна из наиболее значительных по объему частных русских библиотек того времени (609 названий), уступавшая по величине и ценности своего состава только книжному собранию другого выдающегося русского церковного писателя Феофана Прокоповича, имевшего свыше 3000 книг.[20] Библиотекой своей Стефан Яворский гордился, очень любил ее и был озабочен ее дальнейшей судьбой. «В конце 1721 года, за год до смерти, — пишет С. И. Маслов, — он завещал Благовещенскому монастырю в Нежине, на Украине, всю свою библиотеку».[21] Около этого же времени Стефан Яворский написал на латинском языке, которым он хорошо владел как в стихах, так и в прозе, элегию к своей библиотеке и включил ее в каталог завещанных книг, озаглавив ее «Possessoris horum librorum luctuosum libris vale»:

Ite meis manibus gestati saepe libelli,
Ite meus splendor, luxque decusque meum!
Pergite felices, alias jam pascite mentes
Et nectar vestrum fundite nunc aliis!..[22]

Элегия Стефана Яворского сразу обратила на себя внимание современников, «ее переписывали, переводили на русский язык прозою, перелагали в русские стихи».[23] Прозаический русский перевод, как указывает С. И. Маслов, под заглавием «Поссессора сих книг плачевное книгам целование», начинающийся словами: «Грядите моими рукамы часто пестовании книжици», сохранился в ряде современных списков.[24] Однако в истории элегии Стефана Яворского совершенно неизвестен факт, связанный с Т. Консеттом.

Во время пребывания Консетта в Москве в 1722—1723 годах в его руки попал русский перевод стихотворения Стефана Яворского. «Эта элегия, в которой так ярко выразилась тихая грусть человека, когда на краю могилы он обращает последний взор к тому, что любил в течение всей жизни»,[25] даже в переводе произвела впечатление на английского священника, и он, очевидно, не зная, что она написана по-латыни и что в его распоряжении находится не оригинал, а перевод, решил перевести ее на латин-

[19] Наиболее полная библиография литературы о Стефане Яворском приведена в кн.: С. И. Маслов. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914, стр. 3—10. О нем как поэте — там же, стр. 5—6.

[20] Там же, стр. 64—65.

[21] Там же, стр. 21.

[22] Там же, стр. 30. Полный текст — там же. Приложения, стр. V—VI. Автограф элегии (начало) воспроизведен там же на вкладке между стр. 40 и 41. Первая печатная публикация латинского текста находится в книге Феофана Прокоповича «Miscellanea sacra». Vratislaviae, 1744, pp. 216—217; ed. 2. Vratislaviae, 1745, pp. 216—217.

[23] Там же, стр. 40. См. также: История русской литературы, т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 41—42.

[24] С. И. Маслов, ук. соч., стр. 40, прим. 2.

[25] Там же, стр. 40; ср. там же, стр. 41, прим. 5.

ский язык. Впоследствии в своей книге он параллельно напечатал транскрипцию русского перевода и свой латинский перевод.

Не имея возможности привести здесь полностью оба текста, хотя они представляют несомненный интерес, мы ограничимся сопоставлением начальных четырех строк; отметим при этом, что русский текст в записи Консетта, несмотря на ряд опечаток, лучше сохранился, чем в списках, указанных С. И. Масловым. Вот эти тексты.

Possessora sih knig plachevnoye kenigam tsealovaniye.
Griadite moima roukama chasto pestovani knizitsi
Griadite Sweate moi leavoto i krasoto moya
Shestpuite blagopolouchno ouze inih rozum pasite
I sladost washou drougiim ouze Izlivaite.

Possessoris horum librorum Ultimum Vale, libris dictum,
Ite meis manibus versati saepe libelli,
Ite meum lumen, mi nitor, atq; decus,
Vadite, solertes alibi nunc pascite mentes,
Jam vestras aliis fundite mellitias...[26]

Сравнение латинского оригинала Стефана Яворского строка за строкой с переводом Т. Консетта дает любопытные результаты. Некоторые стихи (например, 10-й и 27-й) целиком совпадают,[27] ряд других — очень близок. Однако нет никаких оснований заподозрить в данном случае плагиат: и совпадения и близость объясняются тем, что, с одной стороны, находившийся в распоряжении Консетта русский перевод отличался большой точностью и что, с другой — английский переводчик хорошо владел латинским поэтическим языком. Еще одним доказательством самостоятельности «обратного» перевода Консетта является следующее: и латинский оригинал Стефана Яворского и русский подстрочный перевод, напечатанный в «Современном состоянии», имеют по 38 стихов, тогда как перевод английского священника состоит из 40 стихов вследствие того, что стихи 29—32-й оригинала превратились у Консетта в стихи 29—34-й. Наибольшее подозрение вызывает полное совпадение у Стефана Яворского и Т. Консетта стиха 27-го:

O maris et terrae et summi moderator Olympi.

Дело в том, что этот стих в русском прозаическом переводе передан в транскрипции Консетта без упоминания Олимпа:

O moria i zemli i vuisochaishago
nebese oupravitelu!

---

[26] T. Consett. The Present State, pp. 448—449.— В транскрипции Консетта ea = ѣ, z = ж. В словах leavoto и shestpuite опечатки: вместо leapoto (лѣпото — звательный падеж от слова лѣпота — украшение) и shestvuite. В тексте Консетта «Каталог книг Стефана Яворского» датирован августом 1722 г., в книге С. И. Маслова более точная дата — август 1721 г. (Прилож., стр. 5).

[27] V. 10: Vos paradysus, amor. delitaeque meae; V. 27: O maris et terrae et summi moderator Olympi.

Однако это совпадение, как и совпадение стиха 10-го («Vos paradisus, amor, deliciaeque mea» — «Vui moya lubi, rai i outeaha odina»), является, как нам кажется, только так называемой «счастливой случайностью»: в обоих случаях и порядок слов, и правила латинской метрики сами подсказывали такое, а не иное оформление стиха. Это литературный штамп, попавший в элегию Стефана Яворского из источника, известного Т. Консетту, — скорее всего из «Метаморфоз» Овидия. Таким образом, наличие этих двух совпадений и близость других мест перевода Консетта к подлиннику никак не могут быть признаны доказательством того, что английскому переводчику был известен и латинский оригинал Стефана Яворского.

Перевод Консетта, как уже было сказано, датирован февралем 1723 года, т. е. был сделан через два-три месяца после смерти Стефана Яворского. Мы не располагаем сведениями о причинах, побудивших Консетта перевести «Плачевное книгам целование». В коротенькой биографии Стефана Яворского, помещенной в «Современном состоянии», Консетт отмечает, что этот русский духовный сановник был муж образованный, но весьма фанатичный, что «он, как передают, сочинил три тысячи проповедей, которые после его смерти были сданы в Киево-Печерский монастырь; это может быть свидетельством его исключительного благочестия».[28]

Русский текст стихотворения Яворского Консетт напечатал параллельно со своим латинским переводом, как он объясняет, «прежде всего для того, чтобы удовлетворить многие сделанные ему вопросы о родстве между славянским и русским языками, с одной стороны, и греческим — с другой, поскольку они в письме и печати сходны с греческим».[29]

Следующая группа произведений Т. Консетта, имеющих отношение к русской жизни его эпохи, состоит из двух проповедей 1724—1725 годов на латинском языке. Первая сохранилась только в рукописном виде, представляя оригинал, написанный не особенно тщательно, с рядом исправлений текста. Экземпляр этой проповеди находится в составе личной библиотеки Петра Великого, хранящейся сейчас в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде. Полное заглавие этого произведения Консетта таково: «Concio congratulatoria de Augustissima Imperatrice Catharina nuper Mosquae coronata in Anglorum Templo habita 30mo die Julij ad celebrandum istam Inaugurationem, ex mandato Imperiali stituto, a Thoma Consett, Ecclesiae Anglicanae Presbytero et R<egiae> S<ocietatis> B<erolinensis> Soc<io>. D^{vae} Petropolis, 1724» (Слово поздравительное по случаю недавней коронации в Москве августейшей императрицы Екатерины, произнесенное в построенной по именному императорскому Указу английской

[28] T. Consett. The Present State. p. 113, note.
[29] Ibid., p. LXVIII.

церкви 30 июля для торжественного ознаменования этого посвящения Томасом Консеттом, пресвитером англиканской церкви и членом Берлинского королевского общества. Петербург, 1724).[30]

Сравнение почерка данной рукописи с почерком писем Консетта, хранящихся в Британском государственном архиве (Public Record office) и любезно предоставленных нам в виде микрофильма Д. С. Д. Симмонсом, не оставляет сомнений в том, что перед нами подносный экземпляр проповеди. Перед текстом помещено посвящение Петру I и Екатерине, занимающее вторую страницу рукописи и кончающееся словами: «Сия проповедь всенижайше посвящена преданнейшим Вашему императорскому величеству и послушнейшим слугой Томасом Консеттом».

Проповедь Т. Консетта в самой незначительной степени касается события, послужившего поводом для ее произнесения, — коронации Екатерины. Отправляясь от евангельского текста (I Тим., 2, 1, 2), английский проповедник всячески призывает своих слушателей воздавать должное властям, напоминает слова апостола Павла: «Несть власти, аще не от бога» и в связи с этим упрекает тех, кого он считал настроенными антимонархически. Дело в том, что среди петербургских англичан были сторонники Претендента — Якова III,[31] которые, очевидно, не желали присутствовать на той части церковной службы, на которой возглашались молитвы за короля Георга I. Подобных людей Консетт сравнивал с участниками казни Карла I.[32]

Гораздо больший интерес представляют последние разделы проповеди Консетта, где он говорит о Петре Великом. Из одной фразы можно заключить, что к моменту произнесения проповеди и даже поднесения ее Петру английский священник не был знаком с русским императором, которого он высоко ценил и которому здесь же дал блестящую характеристику: «Есть у нас невыразимо сильное желание лицезреть того самого Монарха, чьи величайшие и достойнейшие деяния бесспорно вызовут у поздних потомков любопытство и страстное стремление узнать о нем подробнее; им в высшей степени будет горестно, что на их долю не выпало быть свидетелями столь огромных событий его царствования, которое никогда в должной мере не сможет быть прославлено. И из этих событий не самым маленьким является то, которое мы сейчас празднуем; едва ли какое-либо другое более достойно того, чтобы быть отмечен-

---

[30] Шифр: Собр. иностр. рукописей. Q № 26. Ср.: М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров, ук. соч., стр. 420; ср. стр. 117, где буквы R. S. B. расшифрованы неправильно, как «Британское королевское общество».

[31] M. S. Anderson, op. cit., p. 71.

[32] «Concio...», p. 8.

ным по причине как выдающегося великодушия и доброты самого императора, так и особливого провидения божия, которое ясно зрится в этом поразительном происшествии».

Присутствовал ли Петр при произнесении этой проповеди и познакомился ли с ним английский священник и, если познакомился, то когда, нам точно неизвестно.

Вторая проповедь Т. Консетта дошла до нас в двух видах: как напечатанный латинский оригинал и как рукописный русский перевод. И тот и другой сохранились в единственном экземпляре. Печатная проповедь Консетта находится в Библиотеке Академии наук (Ленинград) и имеет такой титульный лист: Concio In qua plorata est mors semper lugenda Petri M. Beatae et immortalis memoriae; Totius Russiae Imperatoris, etc. etc. etc. 7mo die Februarii MDCCXXV in templo Anglorum, Petropoli commorantium, habita a Thoma Conset(!) Ecclesiae Anglicanae Sacerdote et R<egiae> S<ocietalis> Sc<ientiarum> B<erolinensis> Sod<ali>. Revaliae, Typis Johannis Köhleri, civitatis et Gymnasii ordin. Typographi» (Слово, в коем оплакивается вечно прискорбная смерть блаженной и вечной памяти Петра Великого, императора всероссийского и т. д., произнесенное 7 февраля 1725 года в церкви англичан, пребывающих в Петербурге, Томасом Консеттом, англиканской церкви священником и членом Берлинского королевского общества наук. Ревель, Типография Иоганна Келера, государственного и гимназического печатника).[33] На следующей странице помещено изображение ранней русской императорской короны, и под ним напечатано посвящение Екатерине I. Заключительная формула последнего отличается от посвящения в предшествующей проповеди большей сдержанностью, может быть, объясняемой тем, что здесь мы имеем дело не с рукописным, а с печатным текстом: «...сию проповедь покорно посвящает и подносит вашего императорского величества послушнейший подчиненный (cliens) Томас Консетт».

И эта проповедь построена по тому же принципу, что и предыдущая. Отправляясь от темы, взятой из стихов 6—7-го псалма 82, Консетт на протяжении семи с лишним страниц (5—12) развивает и с помощью ссылок на библейские тексты доказывает едва ли нуждающуюся в аргументах мысль о том, что и цари подчинены закону смертности.

Для нашего современного читателя интерес представляет не эта традиционная часть проповеди, а та, в которой конкретно отразилась тогдашняя общественно-политическая обстановка. Последние страницы «Слова» английского пресвитера посвящены непосредственно Петру и содержат яркую, восторженную характеристику его.

---

[33] Шифр: $\frac{XJg}{5^a}$ Annex 7.

При этом следует помнить, что речь Консетта от 7 февраля 1725 года была первым вообще ораторским откликом на смерть Петра Великого: знаменитое надгробное слово Феофана Прокоповича было произнесено при погребении императора 10 марта 1725 года, другое известное слово того же Феофана — 29 июня 1725 года и, наконец, третье слово Гавриила Бужинского — 28 января 1726 года, в годовщину смерти Петра I. Следовательно, у Консетта не было никаких русских образцов для непосредственного подражания. В целом же, насколько может судить неспециалист по английской церковно-ораторской литературе, Консетт строил свои «слова» в подражание знаменитому английскому проповеднику XVII века Джону Тилотсону, продолжавшему и в XVIII веке считаться недосягаемым мастером гомилетического искусства.

Для Т. Консетта умерший Петр — «сияющее солнце этого полушария», «величайший пример всяческого человеческого совершенства», «божественный герой» и т. д.

«Действительно,— говорит Консетт в одном месте,— это был муж, в высшей степени украшенный дарами природы; это был величайший монарх, обладавший опытностью истинного правителя; это был деятельнейший творец всевозможных добрых дел на всем земном пространстве. Воистину, он был таков, каковы должны быть все государи,— испытаннейший и прославленнейший, подобный в этом пространном государстве богу и в самом прямом смысле слова отец отечества во всех начинаниях и поступках».[34]

В заключительной части своей проповеди Т. Консетт говорит о Екатерине I как о законной преемнице и продолжательнице дел умершего царя. При этом особого внимания заслуживает та часть проповеди, где говорится, что в первые дни после смерти Петра некоторые слои петербургского общества опасались народных волнений и выступлений против новой царицы. Обращаясь к богу, Консетт просит его расположить и преклонить сердце народа к повиновению и спокойствию, к почитанию и сбожанию,— чтобы не последовало «никаких возмущений и воплей на сих улицах».[35]

Как указывалось выше, сохранился и современный русский перевод этой проповеди Консетта. Он находится в Государственном историческом музее в Москве в бывшем собрании графа Уварова (№ 605 (349), лл. 334—345). Его заглавие таково: «Проповедь о плачевном преставлении императора Петра Великого, говоренная в 7-й день февраля в англиканской церкви от

---

[34] T. Consett. The Present State, p. 14.
[35] Последняя фраза — цитата из Псалм., 143, 14.

пречестного Фомы Консета (!), Англиканския церкви священника (!) в Санктпетербурге 1725 года».[36]

Уже из анализа предшествующей речи Т. Консетта было видно, что образ Петра I произвел на английского проповедника сильное впечатление, но в 1724 году Консетт, как было сказано выше, едва ли был знаком с царем. Вероятно, поднесение проповеди Петру послужило поводом для их знакомства. По крайней мере, такое косвенное заключение можно сделать из одного места в предисловии к «Современному состоянию», где говорится о том, что заграничные путешествия Петра дали ему возможность познакомиться с иноземными и церковными учениями и сравнить их с учением греческой церкви: «... как было видно из всех его бесед, он был одновременно и беспристрастным, и превосходным судьей в самых различных спорных религиозных вопросах».[37] Мы полагаем, что слова «как было видно из всех его бесед» могут рассматриваться в качестве свидетельства об их личном знакомстве.

В том же предисловии Консетт сообщает, что у него возникла (когда — он не указывает) мысль собрать для будущих западных историков Петра I достоверные материалы о нем, почерпнутые из русских источников.[38] Можно предположить, что эта идея зародилась у него вскоре после смерти Петра.

Уже в следующем, 1726 году, в Берлине был напечатан сделанный Консеттом латинский перевод упоминавшегося выше «Слова» Гавриила Бужинского в годовщину смерти Петра. Полное заглавие перевода таково: «Concio Die Anniversario Parentalium Pie Defuncti Augustissimi Principis Petri M., Patris Patriae Imperatoris et Autocratoris totius Russiae Ad Majestatis Suae Tumulum Petropoli, habita In Cathedrali Templo primis Apostolis Petro et Paulo dicato, a reverendissimo et illustrissimo Gabriele Anno 1726 Januarii 28. Ex idiomate Slavonico transtulit R. Tho. Consett, coloniae Britannicae ibidem commorantis Capellanus, Ecclesiae Anglicanae Sacerdos et R. S. S. Ber. Sod.», Berolini, Haude, 1725, 24 p.[39]

«Слово» Гавриила Бужинского — не только искусное ораторское произведение на возвышенно-печальную тему, но и по-

---

[36] Архим. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 1. М., 1894, стр. 499; А. И. Соболевский. Из переводной литературы петровского времени. СПб., 1908, стр. 8.

[37] T. Consett. The Present State, pp. XIV—XV.

[38] Ibid., p. II.

[39] Известный нам единственный экземпляр этого перевода Консетта находится в отделе Rossica. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Оригинал проповеди Гавриила Бужинского, озаглавленной «Слово в день годищного помяновения в блаженной памяти преставлшегося благочестивейшего Государя Петра Великого <...> Архимандритом Гавриилом проповеданное лета 1726, Генваря в 28 день. Напечатася в Санкпетербургской Типографии того же лета, Февраля в 16 день», перепечатан в «Проповедях Гавриила Бужинского (1717—1727)», изданных проф. Е. В. Петуховым (Юрьев, 1901, стр. 578—596).

пытка показать, что своими делами, своими реформами Петр, физически умерший, стал бессмертен, что «дух Петров живет в его преемнице», т. е. в Екатерине I. Эта проповедь ставила своей целью поддержать, укрепить и упрочить общеполитическую линию Петра.

Опытный и несомненно по-своему одаренный церковный оратор, Гавриил Бужинский вложил в свое «Слово» немало труда и искреннего чувства. За обычной для этого оратора массой цитат из Ветхого и Нового заветов, из творений отцов и учителей церкви, за иллюстрациями, заимствованными из сборников, содержащих эффектные «примеры» для проповедников, а также из биографии Петра, явно чувствуется подлинная и вполне понятная взволнованность оратора.

Гавриил Бужинский был одним из близких к Петру и сочувствовавших ему церковных деятелей. По предписанию царя он перевел с латинского «Введение в гисторию европейскую» Самуила Пуфендорфа (1718), «Феатрон, или Позор исторический» В. Стратемана (Theatrum historicum, 1724) и ряд других произведений европейской и античной литературы и науки. Долгое время он по приказу царя ведал всей школьной и печатной деятельностью в стране. Вслед за Феофаном Прокоповичем он энергично поддерживал и проводил в жизнь церковные и общекультурные реформы Петра.

Поэтому вполне естественно, что тема «Слова», переведенного Консеттом, сильно увлекла Гавриила Бужинского. И как искренний сторонник Петра, как настоящий патриот, Гавриил Бужинский был заинтересован в продолжении политической линии преобразователя, в том, чтобы «дух Петров» жил дальше.

Были у него при этом и личные причины желать упрочения петровской программы в деятельности Екатерины I: за год, протекший со смерти императора, начали явственно обнаруживаться признаки наступавшей общеполитической и церковной реакции. И хотя гонения на самого Гавриила Бужинского со стороны так называемых «ревнителей православной старины» начались позже — в 1727 году, умный и опытный в подобных делах человек, он не мог не предвидеть последствий усиления своих противников как для обновленной России в целом, так и для себя лично.

Этими общественными и личными мотивами и объясняется политическая тенденция «Слова», особенно подчеркнутая в последней его части.

Как указывают историки русской гомилетики XVIII века, «проповедь Гавриила в день годичного поминовения Петра Великого считается лучшею из всех его проповедей».[40] В ней мы находим смелые, хотя и не очень удачные, попытки охарак-

[40] В. Шереметевский. Гавриил Бужинский.— Русский биографический словарь («Гааг—Гербель»). М., 1914, стр. 30.

теризовать различные психологические состояния людей. Таково, например, приводимое в «Слове» описание картины древнегреческого живописца Тиманта, изображающей принесение Агамемноном Ифигении в жертву. Еще более интересно место в «Слове», где Гавриил Бужинский говорит об описании в Ветхом завете скорби Иакова по поводу сообщенного ему сыновьями известия о смерти Иосифа: «Краткими, но зело сострадательными словеси сию его скорбь Священное изъявляет писание».[41] Слово «сострадательный» Т. Консетт перевел: «patheticus», «pathetic».[42]

При оценке идейной и художественной структуры «Слова» Гавриила Бужинского следует учесть одно обстоятельство: эта проповедь, как уже указывалось, была третьим по счету русским откликом на смерть Петра — ей предшествовали упомянутые выше два «Слова» Феофана Прокоповича: «На погребение Петра Великого» и «На день тезоименитства блаженныя и бессмертныя памяти Петра Великого». Каждая из речей Прокоповича являлась выдающимся произведением ораторского искусства этого замечательного русского литератора. В первой из них, относительно короткой, произнесенной через полтора месяца после смерти Петра, не следует вопреки обыкновению видеть то, что называется первыми, непосредственными впечатлениями от неожиданного горя, постигшего тогда Россию. Это хорошо обдуманная, хотя и сжатая, характеристика основных линий петровской политики — в области военной, морской, законодательной, просветительной и церковной. Все это было необходимо оратору, чтобы выдвинуть основной тезис своего «Слова»: «Какову он <Петр> Россию свою сделал, такова и будет<...> Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам».[43]

Второе «Слово» Феофана Прокоповича только более подробно развивает главные положения его первой надгробной проповеди. Оба «Слова» Феофана Прокоповича, хорошо понимавшего опасность реакции, также ставили своей целью убедить Екатерину I продолжать реформаторскую политику ее предшественника, сохранить верность «духу Петрову» и громогласно заявить об этом.

Таким образом, двукратное выступление крупнейшего и авторитетнейшего из тогдашних русских церковных ораторов, которому и при Петре часто поручались ответственные официозные выступления, имело отчетливо выраженный политический характер.

Вполне закономерно, что, выступая с третьей по счету речью о Петре в годовщину его смерти, Гавриил Бужинский должен

---

[41] Проповеди Гавриила Бужинского, стр. 385.

[42] T. Consett. The Present State, pp. 349, 384.

[43] Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 128.

был принять во внимание ряд обстоятельств: во-первых, он должен был либо примкнуть к политической линии, намеченной в «словах» Феофана Прокоповича, либо занять в отношении ее отрицательную или, по крайней мере, уклончивую позицию; во-вторых, Гавриил Бужинский должен был подвести итоги событий за целый год; наконец, в-третьих, не обладая бо́льшим ораторским дарованием, чем Феофан Прокопович, он все же должен был так или иначе проявить заботу о чисто литературной стороне своего выступления, на которую слушатели обращали тогда немалое внимание.

Из содержания проповеди Гавриила Бужинского явствует, что она полностью связана с политической программой «петровской партии», возглавлявшейся Феофаном Прокоповичем.

Приведенные материалы показывают, что «петровская партия» в лице Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского развила активную литературную деятельность в целях сохранения, укрепления и публичной пропаганды политической линии скончавшегося царя-реформатора.

Вторая, не менее важная часть литературной деятельности «петровской партии» состояла в обращении к европейскому общественному мнению.

В самом начале 1725 года был напечатан в переводе на немецкий язык манифест о вступлении Екатерины I на престол, а также некоторые другие, связанные со смертью Петра, документы, но эти издания преследовали скорее информационные, чем политически-пропагандистские, цели.

Совсем иную направленность обнаруживают переводы известных уже нам литературных произведений, сделанные в 1725—1726 годах. По-видимому, первыми такими переводами надо признать немецкое и шведское издания «Слова» Феофана Прокоповича «На погребение Петра Великого».[44] Кем были они осуществлены — у нас нет никаких данных. По некоторым, очень, впрочем, шатким, основаниям можно предположить, что к изданию этих переводов имел отношение известный сотрудник Петра по вопросам европейской печати — барон Генрих фон Гюйсен.

В следующем, 1726 году, выступил со своими латинскими переводами сам Феофан Прокопович, издавший в Ревеле книгу «Слезы российские» (Lacrymae Roxolanae), содержавшую упомянутые выше произведения, посвященные Петру. В том же году эта книга была переиздана в Гамбурге и переведена на немецкий язык.

Издание этих произведений на латинском языке несомненно преследовало политические цели: убедить западноевропейских

[44] Catalogue de la Section des Russica de la Bibliothèque Impériale Publique de Saint Pétersbourg, vol. II. SPb., 1873, p. 412, n° 400—411; R. Minzloff. Rierre le Grand dans la littérature étrangère. SPb., 1872, p. 447 (n° 9), p. 448 (n° 10).

читателей разных стран (именно поэтому и был выбран международный, понятный многим тогдашним читателям латинский язык) в том, что со смертью Петра ничего в России не изменилось и не изменится,— петровская традиция прочна, на престоле находится Екатерина, правительственную политику направляет и интерпретирует тот же самый Феофан Прокопович, который и раньше выступал в качестве истолкователя разных мероприятий Петра I; следовательно, иностранцам не следует опасаться ни за судьбу новой России, ни за положение европейцев в стране.

Однако, если Феофан Прокопович сам взялся за перевод своих речей и «Краткой повести» на латинский язык, очевидно, понимая важность скорейшего распространения этих политических документов как в Европе, так и в России, то иначе обстояло дело со «Словом на годовщину смерти Петра Великого» Гавриила Бужинского. Будучи в то время архимандритом Троице-Сергиевской лавры, находящейся в 50 км от Москвы, Бужинский вынужден был возвратиться в монастырь и не имел возможности заняться дальнейшей судьбой «Слова», а может быть, и не ставил перед собой этой задачи. Но за него сделали это другие.

Барон Генрих фон Гюйсен, давно уже находившийся в дружеских отношениях с Т. Консеттом, предложил ему перевести это произведение на латинский язык, указывая на занятость самого автора. Консетт, приняв предложение, в короткое время закончил работу. «Слово» Гавриила Бужинского, произнесенное 28 января 1726 года, в продажу поступило не раньше марта.[45] А уже 7 апреля 1726 года Т. Консетт сообщил Гавриилу Бужинскому о том, что одновременно с письмом посылает ему свой перевод на латинский язык его «прославленной проповеди», и, так как «не подобает такой сокровищнице учености пребывать неизвестной внешним (зарубежным,— *П. Б.*) народам», он просит разрешения опубликовать «отличнейший образец дарования» своего адресата. Положительный ответ Гавриила Бужинского помечен «последними днями мая» 1726 года.[46] Перевод Консетта был напечатан в Берлине в 1726 году, по-видимому, не ранее июля-августа того же года.

Весьма возможно, что издание латинского перевода Т. Консетта было осуществлено на средства Гавриила Бужинского. Так, по крайней мере, можно заключить из примечания, сделанного после текста английского перевода того же «Слова» в книге Консетта «Современное состояние». «Письма,— говорит он в примечании, имея в виду свое письмо от 7 апреля 1726 года

---

[45] См.: А. Гаврилов. Очерк истории Санктпетербургской синодальной типографии, вып. 1 (1711—1839). СПб., 1911, стр. 157.

[46] Письма Т. Консетта и Гавриила Бужинского напечатаны на последней странице «Concio Die Anniversario Parentalium Petri Magni» и перепечатаны в «The Present State», p. 404.

и ответ Гавриила Бужинского,— здесь не переведены, но сохранены в настоящем издании, потому что по желанию архимандрита они были напечатаны в предшествующем берлинском издании 1726 года на латинском языке».[47]

Анализируя материалы, связанные с переводом «Слова» Гавриила Бужинского, сделанным Т. Консеттом, нельзя обойти молчанием следующее место в его письме. Указав, что работу по переводу «Слова» Бужинского он предпринял по настоянию барона Гюйсена, Т. Консетт свою просьбу о разрешении напечатать перевод начинает словами: «И все мы просим...» Неясно, кого имеет он здесь в виду: только ли Гюйсена и себя, намекает ли, что за ним и Гюйсеном стоят еще и другие заинтересованные в издании перевода лица, или это просто формула эпистолярного стиля той эпохи.

Издание Т. Консеттом латинского перевода «Слова» Гавриила Бужинского не было, таким образом, случайным моментом в его литературной биографии, а было продиктовано всем предшествующим ходом его политических и литературных интересов и в то же время связано с деятельностью «петровской партии».

Нам неизвестно, каковы были литературные занятия Т. Консетта после перевода «Слова» Гавриила Бужинского и до отъезда из России. Можно только предполагать, и не без основания, что именно в это время он продолжал осуществлять свой замысел, т. е. переводил с русского на английский те политические и литературные произведения, которые по возвращении в Англию были опубликованы им в виде книги «Современное состояние».

Причины, заставившие Т. Консетта покинуть Россию, нам также неизвестны. Очень любопытно, однако, поставить возвращение его на родину в связь со вступлением на престол Георга II (1727), который, как известно (в отличие от своего предшественника), стал вести по отношению к России примирительную политику. Обращает на себя внимание, что вскоре после отъезда Т. Консетта из Петербурга в Россию, как бы на смену ему, прибывают английский консул Т. Уорд и английский резидент К. Рондо, бывший в прошлом секретарем английского посольства. В «Современном состоянии» сохранились сведения о том, что английские дипломаты в беседе с бароном Гюйсеном уверили последнего в предстоящем возвращении Консетта в Петербург. По крайней мере, так писал Гюйсен своему «беспристрастнейшему другу» Консетту в письме от 12 сентября 1728 года из Москвы: «Меня обнадежили, что ты намерен сюда возвратиться (te huc reversurum)».[48] Если принять слово «reversurus» в самом прямом смысле —

[47] T. Consett. The Present State. p. 404.
[48] Ibid., p. XXI.

«имеющий намерение вернуться», то из этого можно заключить, что Консетт оставил Россию против своего желания, а также и не по требованию русского правительства; очевидно, он был вызван в Англию правительством Георга II как человек, проживший в Москве и Петербурге десять лет, хорошо знавший русскую политическую обстановку и, может быть, в отсутствие официальных английских дипломатических представителей в разных формах обеспечивавший особые интересы королевского правительства.

С подобными объяснениями причин отъезда Консетта из России вполне согласуется то обстоятельство, что в 1729 году, находясь в Лондоне, Консетт издал наиболее известный свой труд — «Современное состояние и законоположения церкви в России», проникнутый явными симпатиями к стране, ее истории и культуре и объективно способствовавший укреплению нового политического курса правительства Георга II.

Неоднократно упоминавшаяся исследователями XVIII—XX веков, но, насколько нам известно, не подвергшаяся еще ни разу сколько-нибудь внимательному рассмотрению, книга Т. Консетта имеется в библиотеке Британского музея, Вашингтонской библиотеке Конгресса, Национальной библиотеке в Париже и, конечно, во всех крупных научных библиотеках СССР. Есть она и в некоторых частных собраниях, например у Д. С. Д. Симмонса.

Титульный лист книги Консетта по обычаям того времени очень подробен и рассчитан на то, чтобы сразу заинтересовать английского читателя, знавшего из газет, т. е. в общих чертах, не только о реформах, военных действиях и смерти Петра I, но и о событиях совсем недавнего времени, в частности о падении всесильного князя Меншикова. Вот он в переводе: «Современное состояние и церковные законоположения России, установленные по указу покойного царя. А во втором томе также коллекция различных документов, относящихся к его флоту, походу на Дербент и т. д. Переведено с подлинников на славянском и русском языках. С точной картой Каспийского моря, а также с предисловием к обеим частям, в котором содержится полный и достоверный рассказ о возвышении и падении князя Меншикова. Сочинение Томаса Консетта, магистра, бывшего капеллана британской фактории в России и члена Королевского общества наук в Берлине. Лондон, 1729».

Сама книга Консетта состоит: из двух введений — собственно предисловия (стр. I—XXII) и «Истории возвышения и падения князя Меншикова» (стр. XXIII—LXVI; стр. LXVII—LXXVI поясняют композицию и некоторые особенности книги и содержат сведения о работах автора), а также перевода ряда законодательных, исторических и литературных документов времени Петра I и последующего пятилетия, а именно:

стр. 3—202 — перевод «Духовного регламента», одного из

важнейших памятников церковной политики Петра, написанного Феофаном Прокоповичем. Этот перевод, как и некоторые другие, сопровожден многочисленными подстрочными примечаниями реального, лексического, исторического и биографического характера;

стр. 203—220 — перевод предисловия к «Морскому уставу» (о возникновении и росте русского флота);

стр. 221—253 — перевод документов, связанных с персидским походом Петра, как известно, привлекавшим живейшее внимание в Англии в связи с интересами Ост-Индской компании, опасавшейся русской конкуренции;

стр. 254—278 — перевод «Краткой повести о смерти Петра Великого» Феофана Прокоповича;

стр. 279—287 — перевод «Слова на погребение Петра Великого 10 марта 1725 года» Феофана Прокоповича;

стр. 288—336 — перевод «Слова на похвалу Петра Великого 29 июня 1725 года» Феофана Прокоповича;

стр. 337—370 — перевод на латинский язык, и стр. 371—404 — перевод на английский язык «Торжественного слова» Гавриила Бужинского 28 января 1726 года (стр. 404: «Заметка о письмах, упомянутых выше»);

стр. 405—417 — «Затишье или общественная скорбь по Петре Великом» (на латинском языке — произведение Гюйсена);

стр. 418—430 — перевод предыдущего на английский язык;

стр. 431—440 — перевод «Слова на преставление Екатерины Алексеевны» 16 мая 1727 года Феофана Прокоповича;

стр. 441—446 — перевод манифеста Петра I о коронации его супруги Екатерины Алексеевны;

стр. 447—451 — транскрипция и латинский перевод «Плачевного книгам целования» Стефана Яворского;

стр. 452—455 — «Объяснения русских слов, встречающихся в этой книге».

Из перечисления составных частей книги Т. Консетта явствует, что английский переводчик объединил в своем труде все важнейшие литературно-политические документы, характеризовавшие как реформаторскую деятельность Петра, так и стремления его сторонников закрепить политическую линию покойного императора. Таким образом, книгу Консетта можно охарактеризовать как труд, ставивший своею целью познакомить английское общественное мнение с передовыми явлениями недавней и современной русской общественной мысли и литературы. Очевидно, для того, чтобы показать, кроме образцов русского ораторского искусства, также и примеры русской поэзии, Консетт приложил свой перевод стихотворения Стефана Яворского, представителя и главы русской «реакционной партии».

В основном же, как уже говорилось, книга Т. Консетта

способствовала упрочению мирной политики Георга II по отношению к России и поэтому оказалась очень своевременной. В этом, как нам кажется, ее существенное историческое значение.

Для литературоведа книга Консетта имеет интерес как источник, по которому английский читатель впервые мог познакомиться с лучшими образцами тогдашней русской литературы, прежде всего ораторской, высоко ценившейся в то время во всей Европе.

В этой связи естественно возникает вопрос, в какой мере владел Т. Консетт русским языком и насколько точны и литературно-художественны сделанные им переводы.

Следует заметить, что Т. Консетт хорошо различал русский народный язык, который он называл «the Language of the Country», и литературный славянский (по его терминологии — «the Slavonian Tongue»). В этом последнем английский переводчик сумел оценить даже стилистические красоты, — например, «Катехизис» Петра Могилы Т. Консетт характеризует как книгу, написанную «возвышенным славянским стилем».[49]

Вместе с тем Консетт основательно знал и славянский, и русский языки, хотя правильным произношением так и не овладел; это подтверждает транскрипция отдельных русских и славянских слов, а также целого текста (стихотворения Стефана Яворского).

Для историков русского языка могут тем не менее оказаться не лишенными интереса некоторые наблюдения Консетта, например о произношении «ѣ» как «еа» и «ж» — как «жз».[50]

Своими знаниями русского языка и церковной литературы Консетт выделялся среди иностранцев, проживавших в то время в России. Это отметил в своем письме к нему Гавриил Бужинский. Если даже принять во внимание особенности тогдашнего вежливого эпистолярного стиля, рекомендовавшего преувеличения в похвалах адресату, все же слова крупного русского писателя, каким был в то время Гавриил Бужинский, производят несомненное впечатление. «Не многих знаю я иностранцев, — писал Бужинский, — которые, кроме владения нашей обиходной речью, могли бы не скажу переводить написанное церковным стилем на другой язык, но даже просто понять его. Я удивляюсь и высоко почитаю, муж ученейший, Ваше трудолюбие, благодаря которому Вы в кратчайшее время не только научились говорить, читать и писать, но можете и переводить на другие языки».[51]

Для историков английского языка могут представить интерес материалы, помещенные на стр. 452—455 книги Консетта.

[49] T. Consett. The Present State, p. XIII.
[50] Ibid., p. 451.
[51] «Concio», p. 24, Ср.: T. Consett. The Present State, p. 369.

В частности, заслуживает внимания его замечание о правописании слова «Tsar» (царь), которое до книги Консетта и довольно долгое время после ее выхода в свет писалось по традиции «Czar»; Консетт первый применил такое написание, обосновав его соответствием русскому произношению: «Чтобы моим английским читателям стало понятно, почему я пишу Tsar, смею уверить их, что и славяне и русские пишут и произносят это слово так, как я; и так как мне выпало на долю быть первым среди моих соотечественников переводчиком со славянского и русского языков, я использую удобнейшую возможность дать русскому царю его настоящее имя».[52]

Как ни полезен был для своего времени подбор переведенных Консеттом русских литературных и политических материалов, однако сейчас больший, как нам представляется, интерес имеют его предисловия и примечания, в которых сохранились отдельные биографические подробности. Так, например, из последних страниц второго предисловия мы узнаем, что он успешно переводил книгу Мавро Орбини «Царство славян» (Il Regno degli Slavi; в петербургском издании 1722 г. она называлась «Книга историография») (по-русски писалось: Мавроурбин, — так и у Консетта). Далее из этого предисловия становится известно, что Консетт «предполагал опубликовать латинский перевод славянской, так называемой Московской грамматики, лучшего и наиболее полного введения в славянский и русский языки».[53] Еще более любопытны дальнейшие замыслы английского священника-филолога и обоснования этих намерений: «Так как русский разговорный язык отклоняется от совершенства своего оригинала и во многих подробностях отличается от него, я думаю приложить к своему переводу Московской грамматики „Грамматику" Лудольфа с рядом добавлений и исправлений».[54]

Наконец, Консетт сообщает, что он имел намерение присоединить к задуманному переводу «Славянской грамматики» «Orbis pictus» Яна-Амоса Коменского на английском, латинском и русском языках.

Естественно, что его как священника очень интересовал вопрос о славянских переводах Библии и их значении для уяснения некоторых спорных чтений в ее переводах на европейские языки. Вообще богословским вопросам Консетт уделил много внимания в своей книге и обнаружил хорошее знакомство с русской церковной историей, жизнью и письменностью. Такую же основательную осведомленность проявил он и в отношении светской истории России и современной для той эпохи

---

52 T. Consett. The Present State, p. LXVIII.

53 Ibid., p. LXIX.

54 Ibid. — О Лудольфе см.: Henrici Wilhelmi Ludolfi. Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI. Ed by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959.

борьбы придворных группировок. Конечно, не обошлось здесь без неизбежных у иностранца промахов, — такова, например, характеристика барона А. И. Остермана, как «человека несомненной честности и бескорыстности».[55]

Имеют значение исторического источника также письма Консетта и письма к нему, включенные в состав его книги. Так, например, из письма Гюйсена, помещенного в первом предисловии, мы узнаем о знакомстве Консетта с тогда еще совсем молодым князем Антиохом Кантемиром, в 1727 году выпустившим в свет свой первый печатный труд — «Симфонию на Псалтырь».[56] «Через Гарднера,[57] — пишет Гюйсен, — я послал Вам „Симфонию, или Конкорданцию на Псалтырь", составленную известнейшим князем Кантемиром и напечатанную в большом формате. Псалтырь с русскими примечаниями и Новый завет он пошлет Вам сам».[58]

Из этого же письма Гюйсена явствует, что Т. Консетт был близко знаком с Феофаном Прокоповичем, которого Гюйсен называет: «наш общий друг и благодетель», — через Гюйсена Консетт из Лондона послал Феофану Прокоповичу «fasciculum suum», возможно, какую-то брошюру или, может быть, номер какого-то журнала.[59]

Консетт был в дружеских отношениях и с академиками Бюльфингером и Германном: Гюйсен пишет ему, что передал этим лицам «его дружеский и усердный привет».[60]

Наконец, письмо Гюйсена интересно также и тем, что он сообщает Консетту о своей помощи английским дипломатам, прибывшим в Россию в 1728 году.[61]

Может показаться удивительным, даже странным, что в книге, изданной в 1729 году, Т. Консетт никак не откликнулся на важнейшее событие в русской общественной и литературной жизни 1728 года — на выход книги Стефана Яворского «Камень веры», резко антипротестантской по своему содержанию, откровенно враждебной по отношению к немцам, голландцам и англичанам и проникнутой явными симпатиями к католицизму. На фоне общеевропейского внимания, возбужденного появлением «Камня веры», молчание Т. Консетта может быть объяснено только так: покинув Россию в 1727 году, он не имел

---

55 T. Consett. The Present State, p. XLIII.

56 П. П. Пекарский. Подробности о печатании «Симфонии на Псалтырь» князя Антиоха Кантемира, посвящение и предисловие этой книги. «Библиографические записки», 1858, № 17, стлб. 531—535.

57 Дж. Гарднер (Gardiner) — английский купец, одно время казначей английской колонии в Петербурге. О нем см.: Сборник РИО, т. 66, 1889, стр. 408—409, 454, 521. Сам он писал свою фамилию Gardner (там же, стр. 521).

58 T. Consett. The Present State, p. XXI, note.

59 Ibid., p. XIX, note.

60 Ibid., p. XXI, note.

61 Ibid.

возможности познакомиться с книгой Стефана Яворского и тем самым включиться в полемику.

Однако в «Современном состоянии» есть прямое указание автора на то, что он знал о существовании «Камня веры» в рукописи и даже сделал попытку получить список с нее. В одном из примечаний к переведенному им «Духовному регламенту», характеризуя Стефана Яворского, Т. Консетт писал, что последний сочинил «книгу, оставленную в рукописи, которую царь Петр Алексеевич не позволил ему опубликовать, так как Стефан Яворский не пожелал вычеркнуть из текста несколько резких суждений о религии иностранцев, особенно лютеран и кальвинистов; это богословский трактат, в котором каждый параграф собственноручно засвидетельствован автором. Один из моих почтенных друзей достал для меня эту рукопись у некоего Стрешнева, русского купца, и договорился с переписчиком, но русский владелец книги, возможно из религиозного рвения, немедленно отобрал ее назад и не позволил воспользоваться ею».[62]

Вероятно, Т. Консетт включил этот биографический эпизод в примечание о Стефане Яворском для того, чтобы оправдаться перед читателями в молчании по поводу злободневного литературного события. Собственно, появление «Камня веры» было не просто литературным или историко-церковным фактом — это был сильнейший удар по концепции, распространявшейся «петровской партией» — Феофаном Прокоповичем, Гавриилом Бужинским, бароном Гюйсеном, — о том, что «жив дух Петров». Издание «Камня веры» было первой крупной победой реакционных сил.

Как уже указывалось, в письме от 12 сентября 1728 года Гюйсен сообщал, что прибывшие в Петербург английские дипломаты передавали ему о намерении Консетта вернуться в Россию. Сведения эти оказались неточными, или, возможно, планы Консетта неожиданно изменились. В конце второго предисловия к «Современному состоянию» он перечисляет начатые им филологические работы в области славяноведения и затем пишет: «Мои теперешние обстоятельства вынуждают меня отказаться от предпринятых работ и отложить мысль о выполнении еще каких-либо трудов, связанных с изучением славянского и русского языков: в то время, как я заканчиваю настоящее предисловие, мне оказана честь (я верю, что вследствие указаний Провидения) — высоким советом директоров Ост-Индской компании я избран капелланом в форт св. Георгия».[63]

Вероятно, эти слова были написаны Т. Консеттом еще в 1728 году или в самом начале следующего, потому что весной

---

[62] Ibid., p. 113, note.
[63] Ibid., p. I, XXVIIб.

1729 года он с женой и тремя детьми отправился из Лондона в Индию.[64] В середине 1729 года они прибыли на Коромандельский берег, а на место своей службы, в форт св. Георгия, Консетт прибыл лишь в конце 1729 года. Перемена ли климата или какие-то другие причины вызвали скорую смерть Т. Консетта. 21 июля 1730 года он умер.

Один из забытых пропагандистов русско-английских культурных и литературных связей, Т. Консетт представляет интересную фигуру этой далекой и исторически важной эпохи. Богослов и историк, ученый и переводчик, друг передовых русских людей того времени и тайный дипломат, он заслуживает подробного изучения.

Конечно, для нас Консетт всего интереснее как переводчик со славянского и русского языков. Сам он был убежден, что является первым по времени переводчиком среди своих соотечественников. Увы! Он ошибался. Но об этом в другой статье.

---

[64] F. Penny. The Church in Madras. London, 1904, pp. 157, 158, 672.— Из письма Д. С. Д. Симмонса от 3 апреля 1958 г.

XII

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(Литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы)

Будущий историк советского литературоведения, излагая материалы, характеризующие состояние нашей науки во второй половине 50-х — начале 60-х годов XX в., несомненно отметит особо обостренный интерес, проявленный как отдельными нашими учеными, так и всей многонациональной советской литературной наукой к проблеме межнациональных литературных отношений. Этот будущий литературный историограф не сможет пройти ни мимо большого количества докладов, посвященных этой проблеме и представленных советскими литературоведами IV международному съезду славистов, ни мимо интересной дискуссии 1957 — 1958 гг. на страницах «Дружбы народов», ни мимо малосодержательной, но симптоматичной записки «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», составленной бригадой ученых под руководством профессора И. И. Анисимова. Особо должен будет остановиться этот будущий историк советского литературоведения на «Дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур» в Москве в январе 1960 г. и на «Первой научной сессии, посвященной литературным связям русского, азербайджанского, армянского и грузинского народов» в Тбилиси в феврале того же года.

Несомненно, у нашего будущего историка возникнет вопрос: чем объяснить тот факт, что проблема эта стала столь актуальной после Великой Отечественной войны и, — точнее, — во второй половине 1950-х годов. И несомненно, что для него станет ясно также, как это ясно и для нас, что теоретический интерес советской литературной науки к проблемам межнациональных литературных отношений представляет идеологическое отражение и выражение тех величайших исторических изменений, которые произошли в судьбах человечества после возникновения — впервые во всемирной истории — лагеря социализма, могучего, сплоченного и все больше приобретающего решающее значение в международной жизни, а также после выступления на историческую арену ранее порабощенных, колониальных и полуколониальных народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Если Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» уже в 1848 г. говорили о том, что к тому времени стала возникать всемирная литература, если эту же мысль в несколько иной форме и в иных связях высказывал еще раньше Гёте, то в настоящий период мы являемся свидетелями небывалого, необычайного развития литератур разных народов, количественного и качественного роста понятия «мировая литература» и в то же время, необыкновенного значения, которое приобретает межнациональное литературное общение, международный литературный обмен.

История всемирной литературы знает ряд периодов литературных общений разных народов, начиная с переводов Библии на языки греческий («Септуагианта») и латинский («Вульгата»), включая связи римской и эллинской и эллинистической литератур, общение европейской средневековой литературы на латинском языке с литературой арабской, и кончая связями европейских литератур между собой с эпохи крестовых походов и дальше. Однако все это обилие фактических данных, имевших порою исключительное значение для развития мировой культуры, безусловно уступает и по объему и по идейно-художественному воздействию тому огромному размаху, который приобрело межнациональное литературное общение в середине XX в., когда сложилось монолитное единство народов социализма и когда голосу советской литературы и литературы стран народной демократии, а также голосу прогрессивных писателей капиталистического мира внимают десятки, даже сотни миллионов читателей во всех частях земли.

Несмотря на то, что международный литературный обмен существует уже тысячелетия и даже изучение его имеет уже многовековую историю, все же это широко распространенное явление в мировом литературном процессе только понемногу и то в самое последнее время начинают рассматривать не как простую сумму фактических материалов, а как некоторую историческую закономерность, как некий процесс, который может и должен быть научно проанализирован и формула которого может и должна быть научно выведена.

Бесспорно, исследователи могут обнаружить в литературном общении разных народов то, что на фоне большого процесса покажется случайным, мелким, выросшим из частных отношений отдельных писателей соответствующих литератур; например, когда какой-нибудь незначительный писатель «по знакомству» или по недостаточной осведомленности переводчика переводится на другой язык или характеризуется в энциклопедиях на иностранных языках как выдающийся представитель определенной литературы. Однако эти «индивидуальные факты» не могут отменить общего положения: межнациональное литературное общение есть общение в области идеологии[1], и, следовательно, международный литературный обмен строго подчиняется общим законам развития идеологий как в классово-антагонистическом, так и в социалистическом обществе. Подобно тому как в каждый отдельный момент у отдельных людей есть свои частные интересы и воли этих людей направлены на осуществление этих частных интересов, а из этого все же складывается история[2], так из частных фактов переводов, подражаний и т. д., сде-

[1] Даже тогда, когда усваиваются «технические» элементы литературы — стихосложение, новые жанры, новые литературные формы и т. д.

[2] «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные сознательные цели, а в результате множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир получается история». — Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочин., т. XIV, М.—Л., 1931, стр. 667.

ланных писателями другой литературы в соответствии с их осознанными или неосознанными классовыми интересами, складывается межнациональное литературное общение. При всем порою «случайном» характере отдельных проявлений этого литературного обмена в целом он представляет важную и все возрастающую область идеологической жизни человечества.

Признание существенной роли межнационального литературного общения закономерно выдвигает задачу изучения не только отдельных фактов этого процесса в историческом плане, но и самого процесса и, — чтобы быть более точным, — диалектики этого процесса, то есть, изучения в плане теоретическом. Предваряя дальнейшее изложение, мы сейчас выдвинем основной тезис нашего доклада: «Межнациональный литературный обмен может быть правильно понят только в его соотношениях с национальными традициями, национальной спецификой и литературным новаторством».

Для того чтобы обосновать и в полной мере раскрыть смысл этого положения, мы должны предварительно сделать то, что в формальной логике требуется для плодотворности спора, — «условиться о терминах». Это тем более необходимо, что все термины, включенные в наш тезис, — межнациональный литературный обмен, национальные традиции, национальная литературная специфика, литературное новаторство, — понимаются разными авторами по-разному как в разные эпохи, так и в наше время, как в социалистическом, так и буржуазном литературоведении. Поэтому мы далеки от мысли о том, что предполагаемые ниже толкования этих терминов будут безоговорочно, а может быть, и вообще приняты нашими читателями. Однако объяснения, а также и определения употребляемых нами терминов мы даем для того, чтобы в дальнейшем не возникли недоразумения при восприятии нашей позиции в данном вопросе.

Понятием «межнациональный литературный обмен» покрывается ряд литературных явлений, в которых обнаруживается использование деятелями какой-либо одной литературы характерных особенностей другой литературы в целом или в частностях или создание самостоятельных произведений под импульсом произведений инонациональной литературы.

Так, например, усвоение грузинскими гимнографами X в. ямбических размеров, употреблявшихся в то время в византийской гимнологии, являлось фактом межнационального литературного общения или обмена. Возникновение в азербайджанской литературе середины XIX в. в творчестве Мирзы Фатали Ахундова драматических жанров под несомненным впечатлением русского и, возможно, грузинского театра несомненно должно быть отнесено к явлениям межнационального литературного общения. Широкое использование образа соловья и розы в литературах Средней Азии и Закавказья, а потом в европейской и русской поэзии XVIII — XX вв., не менее широкое распространение строфы «рубайя» (с рифмовкой а а б а) в тех же среднеазиатских и закавказских литературах, и многое, многое другое — все это единичные и почти наугад взятые примеры того, что мы понимаем под термином «межнациональный литературный обмен» или «межнациональное литературное общение». Таким образом, в это понятие входит усвоение стихосложения (силлабического, силлаботонического, тонического и т. д.), строфики, рифмовки, литературных родов и жанров, литературных стилей и направлений. Под это же понятие мы подводим и использование писателями одной литературы отдельных произведений другой литературы или их элементов в виде пересказа, перевода (вольного, точного, обработанного), переделки (переработки, подражания), создания самостоятельного произведения на основе чужого сюжета, взятого полностью или частично, пародирования, приведения цитат, упоминаний, намеков и т. п. Сюда же относятся всякие — и сочувственные, и враждебные, — отзывы писателей одной ли-

тературы о писателях или художественно-поэтических произведениях другой литературы, а также литературоведческие работы об иноязычных авторах и литературах в целом.

Количество фактов подобного рода настолько велико, что здесь больше, чем когда-либо и где-либо, применимо известное французское выражение „embarras des richesses" («затруднение из-за обилия выбора»). Поэтому мы ограничимся только несколькими примерами, причем не ставим своей целью выбирать наиболее яркие или показательные. Остановимся на такой форме межнационального литературного общения, как «отталкивание от чужого произведения», то есть создание самостоятельного произведения на основе чужого сюжета, взятого полностью или частично, или, — что бывает еще чаще и что в литературоведческом отношении интереснее, — на основе идеи произведения другой литературы. Можно ли, например, не видеть идейно-художественной связи между повестью И. Чавчавадзе «Человек ли он?» и «Старосветскими помещиками» Гоголя в критическом освещении Чернышевского? Или между рассказом Э. Ниношвили «Охотник» и «Записками охотника» Тургенева? А Молла-Насреддин (Дж. Мамедкулизаде) свой рассказ «Курбанали-бек», в котором применительно к азербайджанским условиям переработана сюжетная схема гоголевской «Коляски», прямо и откровенно снабжает эпиграфом: «Да благословит аллах твою память, Гоголь!». Еще более заслуживает внимания поэма Самеда Вургуна «Дастан-Баку», которая написана, как говорил сам поэт, под впечатлением пушкинского «Евгения Онегина»: хотя в сюжетном, строфическом, языковом и т. д. отношениях между произведениями азербайджанского и русского поэтов нет ничего общего, «Дастан-Баку» тесно связан с «Евгением Онегиным» гуманистической трактовкой центрального женского образа.

Мы ограничимся приведенными примерами и не станем вдаваться в анализ их — ни одно из перечисленных произведений не перестает быть украшением своей национальной литературы, несмотря на свою зависимость от соответствующего русского образца. И с нашей точки зрения установление этого русского образца, как и всякого другого, — это будет видно из дальнейшего изложения, — не наносит урона репутации данного национального писателя и данной литературы. При этом для ряда литератур и для определенных исторических эпох очень характерно сознательное обращение писателей к разработке сюжетов уже использованных в своей или в чужой литературе другими авторами. Психологические основания подобного явления заключаются в стремлении писателя по-своему, индивидуально обработать и разработать знакомый читателю сюжет, рассказать этот сюжет так, чтобы читатель почувствовал своеобразие и самостоятельность данного автора в его трактовке и раскрытии. Эту точку зрения отчетливо сформулировал еще Овидий, сознательно обрабатывавший общеизвестные его читателям античные мифы; он писал:

Difficile est proprie communia dicere...
Нелегко рассказать по-своему общее...

Именно этим стремлением преодолеть такие трудности объясняется существование разных обработок мифологических сюжетов как в античных литературах, так и в европейских, в особенности, в эпоху классицизма и даже романтизма; этим же объясняется наличие многочисленных вариаций сюжета Фауста, Дон-Жуана, Прометея, Дон-Кихота, Лейли и Меджнуна, Фархада и Ширин, Александрии, Мгера из Сасуна и т. д. Не учитывать указанной особенности мирового литературного процесса — это значит не видеть творческого характера межнационального литературного общения.

Признание же творческого характера межнационального литературного обмена есть отличительная черта марксистско-ленинского литературоведения.

В самом деле, буржуазный западный компаративизм и его русская разновидность — так называемый сравнительно-исторический метод — признают литературный обмен лишь в форме «влияний» и «заимствований», в конечном счете якобы свидетельствующих о культурном превосходстве одной стороны («влияющей») и культурной отсталости или неполноценности другой («заимствующей»)[1]. Самое понятие «сравнение» предполагает, что при этом устанавливается отличие одного из сравниваемых от другого — отличие по качеству, по величине, по значению и т. д. Если буржуазный компаративист устанавливает, например, зависимость «Заздравного тоста, или пира после Ереванской битвы» Гр. Орбелиани от «Певца во стане русских воинов» Жуковского или «Светланы» Жуковского от «Леноры» Бюргера, или «Леноры» Бюргера от английской народной баллады «Дух милого Вильяма» („Sweet William's Ghost") из сборника Перси, — и т. д., то этим самым уже предопределяется вывод о меньшей художественной ценности «подражания».

В противоположность такому отражающему европейское высокомерие по отношению к «менее культурным нациям» пониманию межнационального литературного обмена советское литературоведение видит в нем естественное, закономерное явление в культурном развитии человеческого общества, ибо, как сказал К. Маркс в предисловии к первому тому «Капитала», всякая нация может и должна учиться у других, и, — прибавим мы от себя, — это не свидетельствует ни о ее общей или литературной отсталости, ни о какой-либо ее неполноценности.

Здесь уместно уделить внимание тем спорам, которые имели место на январской московской дискуссии по вопросу о том, как следует называть изучение межнациональных литературных связей. Одни настаивали на возвращении к прежнему обозначению — «сравнительно-исторический метод», другие предлагали название «взаимосвязи и взаимодействие литератур».

Споры эти представляются нам неправильными и по существу и по форме. Начнем с последней. Сторонники возврата к употреблению термина «сравнительно-исторический метод» обозначают этим термином — правильно или неправильно, другой вопрос, заранее скажем, что, по нашему мнению, неправильно, — прием, способ изучения данной группы литературных явлений. В противоположность им сторонники применения термина «взаимосвязи и взаимодействие» обозначают не прием или способ изучения межнационального литературного обмена или общения, а отдельные виды или разделы этого общения. Таким образом, с формальной точки зрения спорящие стоят не на одной, а на разных плоскостях, и естественно, прийти к согласию не могут. Как известно, соглашение по этому вопросу в Москве и не было достигнуто.

Однако споры эти были неправильны не только по форме, но и по существу. Как мы выше видели, «сравнительно-историческое», «компаративистское» изучение межнационального литературного общения исходит из оценочного, чуть ли не измерительного принципа рассмотрения отдельных

[1] Это не всегда лежит на поверхности в работах старых, более тонких компаративистов, как Ф. Бальдансперже, Поль ван-Тигем, но у их современных эпигонов, — например, у В. П. Фридриха (см. его книгу, написанную совместно с Д. Г. Мейлоном: „Outline of Comparative Literature from Dante Alighieri to Eugene O'Neill". Chapel Hill, 1954, 451 p. University of North Carolina Press) — сразу бросается в глаза, как бы автор ни ополчался на словах против „политического или литературного национализма".

литературных произведений, в итоге чего делается вывод, фактически уже заранее предрешенный, — «подражание» есть всегда «подражание», и наличие его у писателя и в данной литературе — признак его и ее слабости. Кроме того, применяя к данному способу изучения межнационального литературного общения термин «метод», советские сторонники такого употребления забывают, что м е т о д в советском литературоведении — один, диалектико-материалистический, марксистско-ленинский и других методов быть не может и не должно.

Сторонники употребления термина «взаимосвязи и взаимодействие» не раскрывают в применяемом термине принципа изучения. Из того, что мы назовем явления межнационального литературного общения «взаимосвязями и взаимодействием национальных литератур», вовсе еще не следует, что эти «взаимосвязи и взаимодействие» не могут изучаться или не изучаются компаративистами. Поэтому я предлагаю иной термин для обозначения приемов изучения того, что называю межнациональным литературным общением, а именно — к о р р е л я т и в н о е, с о о т н о с и т е л ь н о е изучение литератур. Впервые я предложил этот термин в своем докладе на IV международном съезде славистов, но не в печатной редакции доклада, а в устном изложении. К сожалению, это мое выступление не было записано на магнитофоне и не попало в печатающийся отчет о съезде. Между тем, я считаю свое предложение весьма принципиальным и был бы рад услышать о нем мнение товарищей.

В отличие от компаративного, сравнительного, оценочного изучения литературных взаимосвязей и взаимодействия коррелятивное или соотносительное изучение означает отказ от вынесения оценочных суждений о подражательности и слабости, а ставит своей целью рассмотрение данного национального литературного произведения на фоне всех литературных условий его возникновения, как внутринациональных, так и внешненациональных. К числу первых относятся прежде всего национальная литературная специфика и литературные традиции, к числу вторых — то, что можно было бы назвать «инонациональными литературными импульсами».

Последние слова требуют некоторого пояснения. Нам представляется, что всякий акт литературного творчества, то есть создания нового произведения, состоит —правильнее было бы сказать, должен состоять, — из двух непременных частей, — из использования того языкового, идейного и художественного запаса, который застает в своей национальной литературе автор к моменту написания своего нового произведения, и из чего-то действительно нового, вносимого им «от себя», чего-то, в данной национальной литературе еще неизвестного, не существовавшего. Таким образом, акт литературного творчества есть (или, в идеале, должен состоять) из сочетания элементов традиционализма и элементов новаторства. Новаторство не всегда, — это мы увидим дальше, — является обязательно самостоятельным творчеством: оно может быть новаторством относительным. Так, Гораций вменял себе в заслугу то, что ввел в римскую поэзию «эолийские», греческие, размеры. «Литературные импульсы»» автор может в процессе творчества испытывать и от своей национальной литературной традиции и от традиции инонациональной. Усвоение каких-либо элементов последней и является фактом межнационального литературного общения.

Как мы уже отметили выше, усвоение фактов иноязычной или инонациональной литературной продукции происходит обязательно на фоне национальной литературной традиции и, — даже в тех случаях, когда это усвоение идет вразрез с национальной традицией в целом или с отдельными ее элементами, — оно так или иначе связано с национальной литературной спецификой, прежде всего при посредстве национального языка.

Что же следует понимать под национальными традициями? Мы все широко пользуемся этим термином и, в то же время, в научной литературе нет ни полного, ни сколько-нибудь уточненного определения соответствующего этому термину понятия. Нам кажется, что понятие национальные литературные традиции можно будет правильно определить только в том случае, если мы предварительно внесем в него некоторые ограничения.

Прежде всего, понятие национальных традиций, как и всякое другое идеологическое понятие, исторично, исторически изменяемо, а не метафизически неподвижно; оно динамично, а не стабильно и не статично; оно диалектично. Механика, так сказать, возникновения и развития традиций еще не изучена, и поэтому самый процесс складывания их, роста, укрепления и отмирания нам приходится представлять себе логизированно, по аналогии с другими явлениями общественной жизни. Несомненно, например, что всякая традиция, в момент своего возникновения, есть нечто новое, иногда вызревающее внутри уже существующей традиции, а иногда и совершенно чуждое ей, представляющее полное новшество. Так, например, упоминавшееся выше введение ямбических размеров в грузинскую средневековую религиозную поэзию в самом начальном этапе своего существования безусловно было новшеством, которое, может быть, вызывало даже протесты тогдашних традиционалистов. Однако через некоторое время это нововведение упрочилось, закрепилось и в течение определенного периода являлось традицией грузинской гимнографии. Прошло несколько десятилетий, и эта традиция стала хиреть и, в конце концов, умерла. Почему, — это должны выяснить грузинские литераторы-медиевисты, но факт этот неоспорим. Аналогичное положение можно видеть с так называемой персидской традицией в грузинской поэзии.

Иногда мы являемся свидетелями сознательной борьбы литературных новаторов с традиционалистами в своей литературе. Это — также законное явление в идеологической жизни общества; выступление новаторов не есть результат так называемого имманентного развития замкнутого в себе литературного ряда, а представляется отражением и выражением более общего процесса — процесса общественной борьбы, например, характерной для нашей эпохи борьбы с пережитками старой идеологии в сознании людей. В этом отношении очень показательно стихотворение замечательного армянского поэта Геворка Эмина «Кафанские холмы».

Что мне петь Арарат? Он и так вознесен
В поднебесье глазами армян.
Не пою Арагац — ведь и так уже он
Весь ушел в песнопений туман.
Но, отринув пристрастье старинных певцов
К воспеванью привычных красот,
Воспеваю я скромность Кафанских холмов,
Незаметность Кафанских высот.
... мне
Все ж способность поэта дана
Видеть жизнь, на какой глубине
Ни была бы сокрыта она.
Ты милей мне, Кафанский брат,
Чем губами красивых слов
Зацелованный Арарат [1].
(пер. Л. Мартынова).

[1] Геворк Эмин. Новая дорога. Стихи, авторизов. перевод с армянского. Советский писатель, М., 1950, стр. 109—110.

Не менее показательно глубоко оригинальное стихотворение Симона Чиковани «Вечер застает нас в Хахмати» (из цикла «По следам Важа Пшавела»), где говорится о том, что пшавский горец, живущий в традиционной среде горных земледельцев и охотников, задумывает стать шофером, то есть нарушает вековую традицию, чтобы начать новую для этих мест и людей профессию и создать новую традицию.[1]

Изучение материалов, характеризующих борьбу новаторов с традиционалистами, приводит к выводу, что очень часто новаторы, одновременно с тем, что они являются борцами с существующей традицией, выступают в качестве зачинателей новой традиции. В этом, может быть, больше чем в чем-либо другом обнаруживается диалектический, противоречивый характер жизни традиций[2].

В приведенном выше примере со стихотворением Геворка Эмина, как и во многих других аналогичных фактах, мы видим, что и понятие новаторства есть понятие историческое, динамическое и диалектическое. В это понятие включается то, что вырастает как из постоянно изменяющихся условий внутринациональной жизни, так и из межнационального и — шире — мирового культурного обмена. Так, например, многие явления литературной жизни многонациональной советской литературы возникают одновременно или почти одновременно вследствие того, что народы нашей страны живут в одних и тех же социально-экономических и общественно-политических условиях, что они совместно строят коммунизм на базе уже завершенного построения социалистического общества. Литературные новые явления подобного происхождения, например, возникновение социалистического реализма, отражение в литературе новой, коммунистической морали, новой, социалистической эстетики, в частности — эстетики труда, — все это выросло и вырастает из уже изменившихся и из все время меняющихся условий внутринациональной или, — точнее, — внутримногонациональной жизни нашей страны.

Но есть и сейчас, и было в прошлом не мало примеров того, как литературное новаторство возникало на почве межнационального литературного общения. История литератур народов Закавказья дает в этом отношении обильный, интересный и поучительный материал, наталкивающий на серьезные теоретические размышления. Здесь я имею в виду в первую очередь такой литературный феномен, как деятельность гениального Саят-Новы, великого поэта армянского, грузинского и азербайджанского народов. Сколько важных и трудных проблем ставит перед исследователем небольшое по объему триязычное поэтическое наследие несравненного ашуга! Какими национальными традициями определялась его поэтическая деятельность как художника армянского, грузинского и азербайджанского слова? Обогатил ли он грузинскую и азербайджанскую поэзию какими-либо элементами армянской национальной специфики? Какую творчески зиждущую и какую тормозящую роль играло в его поэтическом процессе его литературное многоязычие? Представляло ли его творчество на каждом из трех языков, которыми он владел, нечто обособленное, рядом положенное, независящее от

---

[1] Ср. интересную статью Мухтара Ауэзова «О традиционном и новаторском» — «Литературная газета», 1960, 16 августа, № 97, стр. 1, 3.

[2] Замечу здесь мимоходом, что гетевский Мефистофель, это, казалось бы, полное воплощение скептически разлагающего мышления, — был неправ, утверждая в знаменитой сцене со студентом:

Weh dir, daß du ein Enkel bist! («Беда тебе, что ты лишь только внук»!)

Каждый внук будет или может быть дедом.

другого, или оно является каким-то блистательным органическим единством, отражающим исторически предопределенное мирное, братское сосуществование трех великих народов? — Вот несколько вопросов, которые прежде всего приходят на ум, когда размышляешь о таком единственном в мировой литературе явлении, как Саят-Нова.

Включенный нами в анализ материал о Саят-Нове настолько обширен и важен, что он несколько заслонил ту проблему, для раскрытия и иллюстрации которой он был приведен. Возвращаясь вновь к вопросу о новаторстве, возникающем в результате межнационального литературного общения, мы должны внести некоторые уточнения в сказанное выше. Во-первых, нельзя говорить о литературном новаторстве вообще: как явление общественно-идеологическое — литературное новаторство определялось и определяется классовыми позициями новаторов. Поэтому, закономерно, что оно, рассматриваемое с точки зрения народных интересов, может быть прогрессивно, но может быть и реакционно, может быть полезно и может быть вредно. Мне известно, что некоторых товарищей пугает в моих тезисах формулировка «реакционное новаторство», и они предлагают заменить ее термином «лженоваторство». Я нисколько не настаиваю на букве формулы, а заинтересован в существе дела и поэтому полагаю, что прогрессивное, порожденное интересами народа, народной культуры, новаторство может и должно стать новой традицией и войти в состав национальных литературных традиций. И, вероятно, быстро или сравнительно быстро отмирающие «традиции» (пример— опять-таки ямбические стихи грузинских гимнографов) — являлись «лженоваторством».

Если какая-то форма литературного новаторства представляет собой усвоение факта иной литературы, является результатом межнационального литературного обмена, то это, между прочим, означает, что литературный новатор, во-первых, примыкает к чужой литературной национальной традиции, переносит ее на свою национальную литературную почву и, во-вторых, по-своему воспринимает и истолковывает чужую литературную национальную специфику и делает опыт переплавки этой чужой специфики в свою природную. Нет и не может быть простого механического перенесения литературного новшества — произведения чужеязычного происхождения в какую-либо «свою» литературу: нововводителю, даже когда он борется со старой национальной традицией, приходится так или иначе считаться с существованием «своего» литературного языка, «своих» литературно-этических и литературно-эстетических норм, «своей» литературной национальной специфики в целом.

Поэтому межнациональный литературный обмен должен рассматриваться как частный случай, как элемент литературного новаторства, приходящий во взаимодействие с национальными литературными традициями и — шире — с национальной спецификой. Иными словами, межнациональный литературный обмен есть процесс ассимиляции чужой литературной национальной традиции «своей» национальной традицией, процесс амальгамирования чужой литературной национальной специфики «своей» национальной спецификой. И очень часто в этом процессе перемешаны элементы прогрессивные и реакционные, что придает ему внутреннюю противоречивость. Так, когда грузинские эмигрантские колонии Москвы и Петербурга в XVIII в. снабжали свою кавказскую метрополию переводами произведений разных русских авторов: Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Тредиаковского и Сумарокова и вводили в язык своих переводов множество руссизмов, то это был случай внутренне противоречивого литературного новаторства, — в определенном отношении прогрессивного (Феофан Прокопович, просвещенный абсолютизм), в определенном — реакционного (Стефан

Яворский, консервативная воинствующая церковность, не вызванное необходимостью перенесение в грузинский язык русских слов).

Неоднократно употребляя в своем докладе термин «национальная литературная специфика», мы не раскрывали того содержания, которое вкладываем в это широко применяемое в нашем литературоведении понятие. Несмотря на то, что по этому вопросу написано очень много, порою тонко, умно и остроумно, порою тяжеловесно и педантично, все же полного и убедительного решения проблемы нет до сих пор. И мы поэтому считаем себя вправе высказать и свое понимание данного вопроса, нисколько не претендуя на то, что оно является единственно правильным. Мы приводим его в данной связи потому, что оно помогает, как нам кажется, правильному решению основного вопроса, занимающего нас сегодня, — вопроса о межнациональном литературном общении.

Итак, по нашему мнению, национальная литературная специфика — так же, как и рассмотренные выше другие литературные категории — категория историческая, динамическая и диалектическая. Она представляет органический результат литературно опосредствованного преломления, отражения и выражения элементов, образующих понятие нации — то-есть общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности культуры. Понимая подобным образом категорию «национальной литературной специфики», мы прежде всего учитываем, что историчен, динамичен и диалектичен каждый из элементов, образующих анализируемое нами понятие. Затем мы, конечно, сознаем, что слова «нация» и «национальный» имеют строго историческое значение и, следовательно, может возникнуть возражение, что литература создается часто задолго до формирования нации и никогда не бывает без определенных национальных специфических свойств. Однако это возражение мы можем, как нам кажется, отвести указанием на то, что слова «нация» и «национальный», наряду со своим строго историческим употреблением, применяются и в более широком смысле, для обозначения явлений, предшествовавших возникновению современных наций. Насколько эта широкая трактовка смысла указанных понятий влияет на наше словоупотребление, видно из того, что в приведенных выше возражениях,— они не вымышлены, а вполне реальны, — говорится о наличии «национальных специфических свойств» в литературах, возникающих до появления наций. Значит, употребляя слова «нация» и «национальный», мы захватываем более широкий круг фактических материалов, чем тот, который свойственен эпохе существования исторических наций.

В нашем определении понятия «национальная литературная специфика» существенными являются следующие моменты:

Во-первых, это есть целостный, единый комплекс, хотя и разложимый на образующие его составные части, но в то же время эти части нерасторжимы, немыслимы одна без других. Не может быть категории «национальной литературной специфики», в которую не входил бы национальный литературный язык, не входила бы, — пускай для некоторых только периодов,— общность территории, в виде характерного для данной литературы пейзажа, описания или упоминания дорогих данному народу рек (Волга, Днепр, Занга, Кура, Рейн), гор (Арарат, Эльбрус), городов (Москва, Баку, Тбилиси, Ереван) и т. д. Не может существовать понятие «национальной литературной специфики» без литературного отражения общности экономической жизни, что проявляется прежде всего в изображении основных классов каждого данного общества, для феодального периода — феодалов и крепостных, для буржуазного — буржуазии и пролетариата, для социалистического общества — тружеников города и колхозов.

Наконец, не может быть понятия «национальная литературная специфика» без общности психического склада, проявляющегося в общности культуры. Ряд исследователей проблемы национальной литературной специфики пытался определить последнюю, исходя из одного только принципа — «психического склада». В результате этого получались чрезвычайно сходные, даже просто совпадающие формулы для определения национальной специфики разных литератур. В особенности это заметно в работах, посвященных характеристике того или иного национального эпоса. Возникла стандартная формула: «Такой-то эпический памятник отражает лучше черты национального характера такого-то народа: свободолюбие, смелость, ум, стойкость и т. д.». Нет никакого сомнения, что в каждом отдельном случае эти формулы правильны, но свободолюбивы, смелы, умны, стойки и т. д. народы всякий раз по-своему, и если бы они были одинаково, без наличия национальной специфики свободолюбивы, умны и т. д., то и был бы один общий национальный характер у всех народов и не было бы самого понятия «психический склад» или «национальный характер». Не было бы также и разных культур, притом не только у народов, живущих далеко друг от друга, но и живущих на одной и той же территории, одной общей экономической жизнью. В исторически изменяющееся понятие национальной культуры — культуры материальной и культуры так называемой «духовной» — входит все то, что является отстоем исторического бытия народа, — его нравы, обычаи, исторические воспоминания, национальные историко-патриотические и литературные предания («традиции») и т. д. Таким образом, мы видим, что понятие «национальная специфика» и даже «национальная литературная специфика» шире понятия «национальные литературные традиции», последние порождены национальной литературной спецификой, входят — исторически, динамически и диалектически — в ее состав.

Спор может итти только по одному вопросу: нам могут сказать, что литература и ее традиции представляют отражение национальной жизни и характера, а в нашем докладе речь идет не о литературе как таковой, а о том, что мы понимаем как «национальную литературную специфику». Нет ли здесь противоречия и разрыва? На этот вопрос мы можем ответить, что здесь как раз такой случай, о котором говорят: «спор о словах, о терминах». Естественно, что когда речь идет о «национальной литературной специфике», то, значит, речь идет о специфике национальной литературы, и никакой подмены понятий, никакого внутреннего противоречия тут нет.

Так обстоит с первым существенным моментом в предлагаемом нами понимании категории «национальной литературной специфики».

Во-вторых, элементы, образующие понятие нации, входят в понятие национальной литературной специфики не прямо и непосредственно, а литературно опосредствованно, преломленно, отраженно: язык — как язык литературный, территория — как национальный пейзаж [1], экономическая жизнь — как изображение общественных классов в их социальном бытии (в классовом обществе — в классовой борьбе; в социалистическом обществе — в строительстве социализма и коммунизма); наконец, психический склад и культура—во всем, начиная с языка, пейзажа, социально-политиче-

[1] Вполне понятно, что по мере изменения исторического элемента территории в многонациональных капиталистических и особенно социалистических государствах изменяется в количественном и качественном отношении и литературное ее преломление и отражение — пейзаж. И русские писатели Пушкин и Лермонтов могут изображать картины природы Грузии и Армении, белорусский поэт Якуб Колас может рисовать поэтические пейзажи Узбекистана и т. д.

ской жизни, продолжая историей, фольклором, кончая — народной этикой и эстетикой.

Решение проблемы национальной литературной специфики особенно трудно потому, что в силу привычности для исследователя этой «своей» национальной специфики он не способен не только логически, строго научно определять, но даже и эмпирически, описательно характеризовать ее. Мы легче замечаем чужую национальную литературную специфику, чем свою или даже чем родственную, близкую. На опыте многолетнего преподавания литературы народов СССР в Ленинградском гос. университете я установил, что для студентов доступнее и усвояемее национальное своеобразие грузинской и армянской литератур, с произведениями которых они знакомятся только в переводах, чем украинской и белорусской, произведения которых многие из них читают в оригинале, не говоря уже о русской литературе. И в этом отношении особенно показателен известный рассказ Ованнеса Туманяна о том, что на вопрос В. Г. Короленко, какое произведение русской поэзии нравится ему больше всего, армянский поэт назвал «Зимний вечер» Пушкина. Для него национальное своеобразие этого литературного шедевра было особенно ощутимо и явственно.

Из сказанного, как нам представляется, вполне закономерен вывод, что явление межнационального литературного общения или обмена тесно связаны с проблемами национальных литературных традиций, национальной литературной специфики и литературного новаторства.

Заметим, однако, что во взаимодействии новаторства и национальных традиций может брать верх то новаторство, то национальные традиции. В первом случае перед нами будет перевод, переработка, оригинальное произведение под импульсом инонационального. Во втором — может получиться такое произведение национальной литературы, которое полностью будет погружено в литературно-традиционную атмосферу и не станет ни у кого вызывать сомнения в своей национальной самобытности. А если мы имеем дело с великим поэтом, то такое произведение может стать шедевром национальной и даже мировой литературы, несмотря на свое происхождение в результате межнационального литературного общения. Один такой пример я приведу в заключение своего доклада.

В немецкой (точнее — австрийской) поэзии середины XIX в. существовал второстепенный поэт Иоганн Непомук Фогль (1802 — 1866). Из его произведений особенно повезло стихотворению „Das Erkennen" («Узнавание»), которое было переложено на музыку и стало народной песней. Не особенно даровитый поэт, Фогль сумел, однако, уловить и передать в своем «Узнавании» характерные черты бытового уклада немецкой средневековой, докапиталистической жизни. В стихотворении изображен маленький городок, откуда уходили на заработки подмастерья-ремесленники, оставляя своих благочестивых невест („Schätzelfromm"), своих богомольных матерей-старушек. И вот Фогль в ритме старых немецких песен-баллад, знакомых нам по „Erlkönig" («Лесному царю») Гёте, рисует возвращение такого подмастерья-неудачника в свой родной маленький город:

УЗНАВАНИЕ

Из дальней чужбины с дорожной клюкой
Бредет подмастерье назад домой.
Он весь в пыли, и лицо сожжено.
Узнать его первым кому суждено?
Он входит в местечко; у старых ворот
Таможенный сборщик прохожих ждет.

Был сборщик друг его в прошлые дни,
Стакан не один пропустили они.
И что ж? — не признал ведь сборщик его,
Так было солнцем лицо сожжено.
Наш парень сборщику сделал кивок —
И дальше, пыль отряхая с сапог.
Он видит — в оконце невеста глядит.
«Красавица, здравствуй!» — он ей говорит
И что ж — не узнала девица его,
Так солнцем было лицо сожжено.
И дальше наш парень шагает вперед.
Слеза по щеке его смуглой течет.
Из церкви идет его старая мать.
«Бог с вами!» — ей молвит. Что ж больше сказать?
И что же — старушка вздрогнула чуть,
«Сынок!» и упала парню на грудь.
Как ни было солнцем лицо сожжено,
Глаз матери сразу признал его.

Нельзя отказать этому произведению в целом в поэтичности, но его автору недостает уважения к читателю. Поэт считает нужным подсказывать своему читателю вопросы, делать за него выводы, словно не доверяя художественному чутью той аудитории, к которой обращено стихотворение. Именно это отношение поэта к своему читателю и создало длинноты стихотворения и пропитало его немецким филистерским духом.

Обратимся теперь к стихотворению великого армянского поэта Аветика Исаакяна «С посохом в руке дрожащей...». Вот его прозаический перевод, сделанный в 1915 г. П. Н. Макинцяном и любезно предоставленный нам доктором филологических наук К. Н. Григорьяном:

С горем в сердце, бедный и несчастный, с клюкой
в руке,
После многих лет скитаний, с поникшей головой
(я) вновь вернулся на родину.
Со сгорбленной от ноши жизни спиной, с рассеянной
и растерянной мыслью,
Из-за семи гор, из-за семи морей, я вернулся вновь
на родину.
На полях моего родного села (я) увидел друга детства.
Ах, друг мой... с затосковавшим по нему сердцем
бросился ему навстречу, я сказал:
«Здравствуй, бесценный друг, разве не узнаешь ты
меня?»
Ведь я очень изменился... Он меня не узнал.
С клюкой в руке (я) вошел в село, прошел мимо дома
моей милой,
Увидел (я) мою милую с розой в руке, одну, стоящую
у ворот
(Я) сказал: «Сестрица, наконец я удостоился увидеть
тебя»
И она не узнала меня. Я был беден, в пыли.
С горем в сердце я дошел до нашего дома, увидел
свою бедную старуху-мать.

Я сказал: «Я, матушка, путник (странник), не примешь ли меня в гости на ночь?»
Ах, милая мама. Бросилась мне на шею, прижала к сердцу и заплакала
«Ах, милый сынок,' гариб сынок. Это ты?...»

Существуют два русских стихотворных перевода этого перла армянской поэзии: В. Иванова и М.' Петровых. Оба они достаточно близки к оригиналу, — точнее, к подстрочному переводу П. Н. Макинцяна. Сопоставление стихотворения Ав. Исаакяна с «Узнаванием» И. Н. Фогля не оставляет и тени сомнения в том, что армянский поэт отправляется при создании своего шедевра от немецкой народной песни: таких полных совпадений в мировой литературе не бывает, и мы глубоко убеждены, что в мемуарах о годах жизни Ав. Исаакяна в Вене найдутся подтверждения факта его знакомства со стихотворением Фогля.

Однако как подлинно поэтически изменилось содержание этого стихотворения под чудодейственным пером тогда еще молодого варпета!

Все действие перенесено в Армению, немецкий ремесленник-подмастерье превращается в измученного многолетними скитаниями за фольклорными «семью горами», «семью морями» странника, в хорошо знакомого нам по армянской народной поэзии и по произведениям армянских поэтов и писателей несчастного, тоскующего по родине, по матери гариба, пандухта. И возвращается он не в городок, не в местечко, а в родное село, именно село, столь многократно воспетое армянским фольклором и художественной литературой. Друга своего гариб встречает на полях родного села как трудолюбивого крестьянина, а не как чиновника—таможенного досмотрщика немецкой песни. И не «благочестивое сокровище» — невеста—смотрит, может быть из любопытства, — на неузнанного ею странника в оконце городского домика, а «милая с розой в руке» стоит у ворот, вероятно, ожидая так и не опознанного ею возлюбленного. Но разительнее всего переработка последней строфы. Встреча гариба с матерью происходит не возле церковной тропинки, по которой спускается в стихотворении Фогля богомольная старушка, а возле «нашего дома». И образ матери, так трогательно разработанный в армянской поэзии, — вспомним стихи Иоаннисиана, Туманяна, Цатурьяна и самого Ав. Исаакяна, — здесь нарисован немногословно, сжато и предельно выразительно, как мог сделать только гениальный поэт. Художественная сила этого замечательного произведения заключается в том, что усвоенный инонациональный сюжет Ав. Исаакян целиком погрузил и растворил в армянской национальной литературной традиции, насквозь пропитал его армянской национальной литературной спецификой. Он связал содержание стихотворения с вековыми, традиционными в тогдашней армянской поэзии темами — с темами «гариба» и «матери». И в итоге всего, вместо филистерской загадки И. Н. Фогля: Узнать его первым кому суждено? — получилось глубокое по мысли и совершенное по форме произведение высокого искусства. Образ матери в стихотворении Ав. Исаакяна приобрел черты матери-родины, которая, в отличие от дружбы и юношеской любви, признает в страннике-гарибе свое детище, как ни изменила черты его лица и весь его внешний вид «ноша жизни».

Так представляется нам история и внутренний смысл стихотворения Ав. Исаакяна «С посохом в руке дрожащей...». Нам могут возразить: — Допустим, что действительно стихотворение Ав. Исаакяна написано под импульсом, полученным армянским поэтом от знакомства с песней Фогля „Ein Wanderbursch mit dem Stab in der Hand", допустим, что перед нами действительно факт межнационального литературного общения,

но можно ли в нем видеть явление литературного новаторства, внесение чего-то нового, ранее армянской поэзии неизвестного, ей неведомого? Ведь Вы сами все время говорите, что сила стихотворения в его связях с вековыми традициями? А где же здесь новаторство?

На это мы можем ответить так: во-первых, не следует понимать термин «литературное новаторство» или «литературное новшество» как нечто, обязательно отменяющее существующие традиции или, по крайней мере, отклоняющее их от исторически сложившегося в данной литературе пути. Литературное новаторство мы понимаем как категорию так или иначе обогащающую национальную культуру. И если Пушкин пишет свою «Сказку о рыбаке и рыбке» под импульсом французского перевода немецкой народной сказки из сборника братьев Гримм „Vom Fischer und seiner Frau", если Исаакян создает свое чудесное «С посохом в руке дрожащей...», отправляясь от „Das Erkennen" И. Н. Фогля, то это есть обогащение национальной литературы, то есть литературное новаторство, а не топтание на одном месте, не пережевывание давно известного.

Во-вторых, вовсе не обязательно, чтобы факты межнационального литературного общения имели отчетливо проявляющийся, легко обнаруживающийся, так сказать, осязаемый характер. Они могут оставаться долгое время и даже навсегда скрытыми. И тем не менее они не перестают от этого быть фактами межнационального литературного общения. Не перестают они также быть фактами литературного новаторства, хотя бы последнее также не было отчетливым, легко обнаруживаемым, осязаемым.

В рассмотренных нами фактах межнационального литературного обмена были материалы, связанные с усвоением идейного, философского, политического, этического, эстетического содержания, с восприятием новой проблематики, новых тем, образов; были, однако, также и материалы, говорившие о заимствовании стихосложения, строфики, литературных жанров и родов и т. д., то есть характеризовавшие усвоение формы. При всей диалектической взаимосвязанности и взаимопроникновении содержания и формы в понятиях литературного новаторства и межнационального литературного общения нужно различать и особо изучать случаи усвоения содержания и случаи усвоения формы. Но как они ни специфичны сами по себе, они ни в целом, ни в частностях не отменяют сказанного выше и подчиняются намеченным нами закономерностям.

Проблема межнационального литературного обмена приобретает особый, как научный, так и политический интерес и практическое значение в условиях развития социалистических наций и в свете проблемы мирного сосуществования, когда в мире четко обозначались два лагеря — две системы: социалистическая и буржуазно-капиталистическая и когда вопросы чистоты нашей идеологии тесно связаны с будущей судьбой человечества.

Мы являемся свидетелями невероятно выросшего межнационального литературного общения. Наши журналы, наши издательства, наши критики и литературоведы уделяют большое внимание проблемам ознакомления наших советских читателей с произведениями классической и современной литератур народов всего мира. Этот процесс не должен быть стихийным, не должен быть предоставлен самому себе. Выделение передового, прогрессивного, идейно и художественно ценного должно быть при этом руководящим принципом, равно как и отметание всего косного, реакционного, идейно и художественно вредного.

XIII

Ostslavische Studenten an deutschen Hochschulen in der vorpetrinischen Zeit

Inmitten der schwierigen Probleme, die mit der Erforschung der russisch-deutschen Kulturbeziehungen zusammenhängen, zeichnet sich neuerdings die Frage ab nach den Ostslaven, die an deutschen Universitäten insbesondere vor dem 18. Jh. studierten.

Schon seit langem findet man hauptsächlich in den russischen biographischen Quellen den Besuch europäischer Hochschulen durch einige Ostslaven im 17. Jh. und sogar früher erwähnt. Niemand hat jedoch bisher diese verstreuten Angaben gesammelt und miteinander in Einklang gebracht. Vor mehr als 75 Jahren veröffentlichte der populär-wissenschaftliche „Istoričeskij Vestnik" einen auf Archivmaterial zurückgehenden, wenn auch vielleicht nicht aus den Originalquellen[1]) schöpfenden Aufsatz von A. V. Arseńjev[2]) über die angeblich erste Entsendung russischer Studenten ins Ausland unter Boris Godunov, aber auch Arseńjev ließ das oben angedeutete biographische Material außer acht.

Zu den erwähnten, es sei zugegeben spärlichen, Quellen, kamen neuerdings interessante Angaben hinzu, die von westlichen Gelehrten so wertvollen und recht zuverlässigen Quellen wie den Universitätsmatrikeln entnommen wurden. So begann sich allmählich ein Material anzuhäufen, das eine genauere Orientierung über das Vordringen von Osteuropäern an deutschen Universitäten ermöglicht.

Der vorliegende Aufsatz bezweckt, wenigstens das dem Unterzeichneten zugänglich gewordene Material zu dieser Frage zusammenzufassen[3]) und die kulturhistorische Bedeutung des Studiums ost-

---

[1]) Die erste Nachricht über die Entsendung dieser Studenten ins Ausland erschien auf Grund von Archivmaterial in der „Istorija gosudarstva Rossijskago" von N. M. Karamzin Bd. XI und der Anmerkung dazu (1824). Ausführlich, wenn auch nicht erschöpfend, wurde dieses und anderes Archivmaterial ausgewertet von P. P. Pekarskij im Aufsatz „Izvestije o molodych ljudjach, poslannych Borisom Godunovym dlja obučenija v Angliju v 1602 godu". Sbornik 2-go otd. Imp. Akademii nauk 1867 S. LXVI—LXXI und Zapiski IAN 1867, Bd. 2 Buch 1 S. 91—96.

[2]) A. V. Arsen'jev „Pervyje russkije studenty za granicej". Istoričeskij Vestnik 1881, Juli, S. 544—555, erneut herausgegeben unter dem Titel „Istorija posylki pervych russkich studentov za granicu pri Borise Godunove", Petersburg, D. F. Fedorov 1887, 20 S.

[3]) Mir waren einige ausländische Quellen nicht zugänglich, so der größte Teil der gedruckten Matrikel der deutschen und der übrigen europäischen Universitäten (vgl. ihre Bibliographie bei Wilhelm Falckenheimer Universitäts-Matrikeln, Göttingen 1928, 25 S. (= Göttingische Nebenstudien 6), sowie die Arbeiten von I. Losskij Ukrainer auf Studien in Deutschland im 16.—18. Jahrh. Lemberg 1931, ders. Ukrainische Studenten in Rostock und Kiel in „Analecta ordinis s. Basilii Magni" Bd. IV Žolkva 1932 S. 326—329, D. Oljančyn Über die studierenden Ukrainer in Breslau „Vistnyk" 1934 H. 6 S. 467—471, ders. Aus dem Kultur- und Geistesleben der Ukraine, „Kyrios" Bd. I—II 1939, u. a. — Den Aufsatz von I. Losskyj Zur Geschichte der kulturellen Beziehungen zwischen Deutschland und der Ukraino im 17. und 18. Jahrhundert, „Deutsche

slavischer Studenten an deutschen Universitäten zu umreißen. Unter Ostslaven verstehen wir hier Großrussen, Ukrainer und Weißrussen, die an deutschen Universitäten studierten, selbst wenn einige von ihnen aus Orten stammten, die damals zu Polen gehörten und in den Matrikeln als *poloni* oder *lituani* bezeichnet wurden. Aufgenommen wurden auch die in der Moskauer Fremdländer Sloboda geborenen Studenten.

14. Jahrhundert

Es gibt, soweit mir bekannt, in der wissenschaftlichen Literatur keine Angaben darüber, ob Angehörige der Kiever, der Galizisch-Wolhynischen oder der Novgoroder Ruś an europäischen Universitäten — Paris, Bologna, Salerno — im 12.—13. Jh. studiert haben. Die erste europäische Universität, von der man mit Bestimmtheit behaupten kann, daß sie von Ostslaven besucht wurde, ist Prag (gegr.1348). Wir wissen es dank der eigenartigen mittelalterlichen Organisation der Universität — ihrer Einteilung in sog. „Nationen".

„Unter allen Einrichtungen hoher Schulen", schrieb C. Meiners, einer der ersten Historiker der europäischen Universitäten, „ist keine älter, als die Eintheilung ihrer Mitglieder in gewisse Nationen. Diese Eintheilung war die Grundlage der ursprünglichen Verfassung der ältesten Universitäten, und die Quelle der ersten Vorrechte, welche die ältesten Universitäten erwarben. Unter Nationen auf den hohen Schulen des zwölften und der folgenden Jahrhunderte verstand man Haufen von Lehrern allein, oder von Lernenden allein, oder von Lehrern und Lernenden zusammengenommen, die aus gewissen Ländern gebürtig, und ohne Rücksicht auf die Wissenschaften, welche sie lehrten, oder lernten, zu privilegirten Corporibus vereinigt waren, die ihre eigenthümlichen Vorgesetzten und Beamten erwählten, ihre eigenthümlichen Satzungen machten, ihre gemeinschaftlichen Vorrechte, Cassen, Schulen, Archive und andere Anstalten, Versammlungs-Oerter, Feste und Gebräuche hatten"[1]).

Wissenschaftliche Zeitschrift für Polen" Bd. XXIX S. 151—159 kenne ich nach einer Photokopie, die mir Fräulein Annemarie Rau (Gera) freundlichst zusandte, wofür ich ihr auch an dieser Stelle meinen Dank ausspreche. In gleicher Weise wie ihr danke ich Prof. A. V. Florovskij und dem Assistenten des Leipziger Instituts für Slawistik E. Hexelschneider für eine Reihe bibliographischer Ermittlungen, die sie auf meine Bitte durchführten.

[1]) C. Meiners Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils, Göttingen, Joh. Fr. Röwer, 1802, Bd. I, S. 29—30.

In den Statuten und Privilegien der europäischen Universitäten stand unbedingt verzeichnet, welche Nationen durch die Obrigkeit in der betreffenden hohen Schule anerkannt wurden. Bei der Eröffnung der Prager Universität wurden auch die Nationen aufgezählt, in die die Studenten und ihre Lehrer zerfielen: „In Universitate sint quattuor Nationes, ut de facto sunt: scilicet Bohemorum, cui nationi conjuncti sunt Moravi, Ungari atque Slavi. Alia sit natio Polonorum, alia Bavarorum, alia Saxonum, et de quacunque natione quis fuerit, ad illam inscribatur"[1]).

Tatsächlich gehörten jedoch diesen Nationen auch Vertreter anderer europäischer Völker an. So wurden z. B. in den Bestand der polnischen Nation der Prager Universität im 14. Jh. außer den Polen selbst auch noch „Schlesier, Litthauer, Russen" mit eingeschlossen, wie der Historiker der Prager Universität A. Voigt, der im letzten Viertel des 18. Jhs. schrieb, ohne nähere Quellenangabe behauptet[2]).

Was man unter „Russen" zu verstehen hat, ist schwer zu entscheiden. Wir wissen nicht, ob es sich um Personen aus Galizien-Wolhynien und der Podkarpatśka Ruś, aus der Novgoroder, Kiever oder Nordöstlichen Ruś handelte, da die Matrikeln der Prager Universität des 14. Jhs. nur unvollständig erhalten sind.

Zieht man jedoch in Betracht, daß sich die Kiever und die Nordöstliche Ruś seit dem zweiten Drittel des 13. Jhs. unter der Herrschaft der Tataren befanden und die Beziehungen zu den westlichen Staaten damals abbrachen, so muß wohl angenommen werden, daß die „russischen" Studenten an der Prager Universität aus der Karpaten- oder Westukraine stammten, aus den den Čechen am nächsten benachbarten ostslavischen Gebieten. Uns ist jedoch kein einziger Name eines „russischen" Studenten an der Prager Universität des 14. und 15. Jhs. überliefert, und selbst ein so hervorragender Kenner der russisch-čechischen Beziehungen wie A. V. Florovskij konnte in seinem Werk Čechi i vostočnyje slavjane keine konkreten Angaben zu dieser uns interessierenden Frage machen. Er zitiert bloß eine Stelle aus einer nicht datierten Rede des Prager Professors Ondřej z Broda (1360—1427): bei Aufzählung der Völkerschaften, deren Angehörige damals an der Prager Universität studierten, äußerte er: „Ecce Pruteni, ecce Ruteni, ecce Poloni"[3]).

---

[1]) Adauctus Voigt Versuch einer Geschichte der Universität zu Prag 1776 S. 30. Der Text ist den „Statuta Officii Rectoratus Acad. Prag. Msc." entnommen.

[2]) a. a. O. S. 30. [3]) A. V. Florovskij Čechi i vostočnyje slavjane. Očerki po istorii češsko-russkich otnošenij (X—XVIII vv). Bd. II, Prag 1935, S. 338.

Die Organisation der Prager Universität fand auch in Rußland Beachtung und erhielt später ihren schriftlichen Niederschlag. Wie A. V. Florovskij angibt, vermerkt der Chronograf des 16. Jhs., daß Karl IV. „für die Čechen in Prag ein Kollegium begründete"[1]).

Die Deutung der „natio polonica" im Statut der Prager Universität als eines Sammelbegriffs, der zumindest die Annahme rechtfertigt, daß sich inmitten der „poloni" auch ostslavische Studenten befanden, legt den Gedanken nahe, daß auch an den übrigen mittelalterlichen westlichen Universitäten, an denen gleichfalls eine solche „natio" bestand wie z. B. in Bologna[2]), Padua[3]) usw., sich Studenten ostslavischer Herkunft befunden haben könnten. Diese Frage wird aber erst endgültig zu beantworten sein nach einer sorgfältigen Durchforschung der gedruckten und archivalischen Quellen zur Geschichte dieser Universitäten.

Es scheint keinem Zweifel zu unterliegen, daß es an der 1365 begründeten Wiener Universität, der geographischen Lage dieser österreichischen Hauptstadt entsprechend, auch Studenten aus den ukrainischen und russischen Ländern gegeben haben müßte. Aber inmitten der vier „nationes", die von Rudolf IV., dem Gründer der Universität, festgesetzt wurden, wird weder eine polnische, geschweige denn eine russische genannt. Leider fehlen in Leningrad das 1892 als Manuskript veröffentlichte Buch von Wenzel Hartl und Karl Schrauf Die Matrikel der Wiener Universität Bd. I: Von der ältesten Zeit 1377 bis incl. Sommer-Semester 1420 und das seit 1954 erscheinende Werk Die Matrikel der Universität Wien (bisher 2 Bände, die bis 1518 reichen)[4]).

15. Jahrhundert

Die älteste Nachricht über einen Russen, und zwar einen Großrussen, der seine Ausbildung außerhalb der Grenzen Rußlands erhielt, gehört dem letzten Viertel des 15. Jhs. an. Es handelt sich um den

[1]) Ders. Čechi i vostočnyje slavjane. Bd. II Prag 1947 S. 83 (mit Verweis auf das Polnoje sobranije russkich letopisej Bd. XXII S. 223—224).

[2]) Meiners Bd. I S. 48. — A. V. Florovskij schrieb in seinem Aufsatz Pražskij universitet i slavjanskij vostok. (K šestisotletiju osnovanija Karlova universiteta) Zs. „Svet pravoslavija" Prjašev ČSR 1948 Nr. 8, Einlegeblatt unnum. S. 2: „In der Universität in Bologna in Italien, wo damals nur Studierende, keine Professoren, Rektoren waren, war ein Mediziner „de Russia" 1481—82 Rektor". Wie uns der Verf. mitteilte, hatte er diese Angaben aus dem Aufsatz von N. P. Ljubovič Ital'janskije archivy i biblioteki (Otčet o zagraničnoj komandirovke v 1887 g.). „Varšavskije universitetskije izvestija" 1888 Nr. 8 S. 7, Anm. 1, entnommen. [3]) Meiners a. a. O. S. 53.

[4]) Vgl. Deutsche Literaturzeitung Jg. 1959 Nr. 11 Sp. 961—962.

bekannten Übersetzer aus der Wende des 15./16. Jhs. Dmitrij Gerasimov, der sich mitunter in den Dokumenten als Mitja Tolmač oder Mitja Malyj bezeichnete.

Spärliche biographische Mitteilungen über ihn hat der italienische Gelehrte Paolo Giovio überliefert, der hauptsächlich auf Grund der Erzählungen von Gerasimov sein Libellus de legatione Basilii Magni principis Moschoviae ad Clementem VII. Pont. Max. in quo situs Regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores et causae legationis fidelissime referuntur, Romae 1525, schrieb. Hierin wird berichtet, daß Gerasimov trotz seines Alters von 60 Jahren ein sehr lebhafter und fröhlicher Mensch war. Diese Äußerung von Giovio wird von einigen Forschern wörtlich genommen. Da die Gesandtschaft 1525 erfolgte, nehmen sie an, daß Gerasimov also 60 Jahre früher, d. h. 1465, geboren wurde. Andere wiederum behaupten vorsichtiger, Gerasimov sei in den 60er Jahren des 15. Jhs. geboren worden[1]). Wo er geboren wurde, ist unbekannt, vermutlich im Gebiet von Pskov oder Novgorod, denn nach Giovio beherrschte dieser Dmitrij sehr ordentlich die lateinische Sprache, da er in seiner Jugend die Schule in Livland besuchte, wo er auch seine Elementarausbildung erhielt[2]). Es liegt nahe anzunehmen, daß in Livland am ehesten ein Jüngling aus den territorial angrenzenden Gebieten des damaligen Rußlands seine Ausbildung erhalten konnte. D. Gerasimov selbst gibt in der Nachschrift zum Vorwort seiner Übersetzung der lateinischen Grammatik von Elias Donatus (Donatus sireč grammatika i azbuka) an, daß er in der Schule zwei Alphabete und zwei Sprachen, die lateinische und deutsche, lernte (dvema gramotam i dvema jazyki latyńskia i nemeckia)[3]).

P. Giovio behauptet, Gerasimov habe in Livland die prima literarum rudimenta erhalten, worunter im Sprachgebrauch des 16. Jhs. nur das Trivium verstanden werden konnte, und damit stimmt auch

---

[1]) Die vor 1917 über Gerasimov erschienene Literatur ist am vollständigsten von V. S. Ikonnikov Maksim Grek i jego vremja. Istoričeskoje issledovanije. 2. Aufl. Kiev 1915 S. 32 Anm. 2 erfaßt. Eine Aufzählung der in der Sowjetzeit erschienenen Literatur findet sich im Artikel über Gerasimov in der 2. Aufl. der Bol'šaja sovetskaja enciklopedija Bd. 10, 1952, S. 599.

[2]) Pauli Jovii Novocomensis Libellus de legatione ... Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII. Basileae 1527 p. 4.

[3]) A. I. Artem'jev Opisanije rukopisej, chranjaščichsja v biblioteke imperatorskogo Kazanskogo universiteta, Petersburg, Archäographische Kommission, 1882 S. 319 (Sonderdruck aus den „Letopisi zanjatij Archeografičeskoj komissii" Lief. 7). Vgl. auch S. K. Bulič Očerk istorii jazykoznanija v Rossii Bd. I Petersburg 1904, S. 157—158.

der Umstand überein, daß Gerasimov die Grammatik des Donatus übersetzte.

Man darf daher annehmen, Gerasimov habe irgendeine Schule besucht, in der die ersten drei von den im Mittelalter berühmten septem artes liberales unterrichtet wurden. Solche Schulen hat es in Riga, einer der wichtigsten Städte Livlands, bereits im 14. Jh. gegeben. C. Ed. Napiersky führte in seiner wenig umfangreichen, den Schulen Rigas gewidmeten Untersuchung Beweise dafür an, daß es hier 1391 zumindesten zwei solcher Lehranstalten gab: die Schule an der Petrikirche („schole to sunte Petre") und die „Klosterschule im Dom", vielleicht sogar drei: in den Dokumenten aus dem Ende des 14. Jhs. wird noch die Schule „bei St. Jacobikirche" erwähnt[1]). Die St. Petrischule existierte auch noch im Jahre 1477. In ihrem Programm werden erwähnt Grammatik, Logik, Musik und andere Elementarwissenschaften.

Wir haben keinerlei Anhaltspunkte dafür, um mit Sicherheit zu behaupten, daß Gerasimov gerade eine Schule in Riga besuchte. Zu Livland gehörte damals nicht nur das heutige Lettland sondern auch Estland, und Schulen in der Art der rigaer hat es zweifellos auch in anderen Städten gegeben. Livland besaß aber damals noch keine Hohen Schulen: die Universität in Dorpat wurde von Gustav Adolf 1632 und die in Pernau 1698 gegründet. Daher haben wir keine direkten Gründe zur Annahme, daß D. Gerasimov der erste russische Student an einer deutschen Universität war, wohl aber müssen wir in ihm einen der ersten Moskowiter sehen, der eine deutsche Schule außerhalb der Grenzen Rußlands besuchte.

Man darf aber nicht etwa meinen, daß in jenen entlegenen Zeiten zwischen der höheren und mittleren Ausbildung ein so bedeutender Unterschied bestand wie im 18. und 19. oder gar 20. Jh. „Die Unterrichtsgegenstände, welche gelehrt werden", schrieb ein Forscher des vorigen Jahrhunderts, „waren die sogenannten drei Höheren Wissenschaften und die sieben freien Künste. Zu jenen rechnete man die Theologie, das geistliche und bürgerliche Recht und die Medicin, zu diesen Grammatik, Rhetorik, Dialektik, Mathematik, Physik, Metaphysik und Moral. Alles, was nicht in diesen Kreis der Wissenschaften paßte, war lange Zeit von den Universitätsstudien ausgeschlossen"[2]).

[1]) C. Ed. Napiersky Einiges aus der älteren Geschichte der öffentlichen Bildungs-Anstalten Rigas. „Mitteilungen aus der livländischen Geschichte" Bd. V St. 2—3 S. 276, 278.

[2]) Oskar Dolch Geschichte des Deutschen Studententhums von der Grün-

Als Gerasimov eine deutsche Schule besuchte, die nicht die Bezeichnung einer Universität trug, betrieb er vermutlich die Elementarfächer einer Universität.

Es ist möglich, daß sich auf diesen Dmitrij Gerasimov auch die in den diplomatischen Akten aus dem Beginn des 16. Jhs. erhaltenen Nachrichten über Dmitrij Ščerbatov, einen Einwohner von Ivangorod, beziehen, der nach dem Zeugnis des Kaiserlichen Gesandten die deutsche Sprache beherrschte und persönlich den Gesandten kannte[1]).

Im 16. und 17. Jh. traten bei diplomatischen Verhandlungen auch andere Übersetzer hervor, die des Deutschen mächtig waren[2]). Es fragt sich natürlich, auf welche Weise Russen im 16. und 17. Jh. mit der deutschen Sprache bekannt werden konnten. Beim Mangel an überlieferten Quellen und ihrer geringen Erforschung ist die Beantwortung dieser Frage schwierig. Es ist aber durchaus denkbar, daß abgesehen von der Möglichkeit, Deutsch bei den zeitweilig oder ständig in Rußland lebenden Deutschen zu lernen[3]), sich einige Russen Sprachkenntnisse aneigneten, indem sie deutsche Schulen und besonders Universitäten besuchten.

Als Persönlichkeit, die ihre Ausbildung gerade an einer deutschen höheren Lehranstalt erhielt, ist mit Sicherheit Silvester Malyj zu nennen, der sich 1493 an der Rostocker Universität inskribieren ließ. In der Dissertation von H. Raab „Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern", die an faktischem Material und interessanten Verallgemeinerungen reich ist, wird darauf hingewiesen, daß sich in der Matrikel der Rostocker Universität unter dem 14. Juni

---

dung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Ein historischer Versuch. Leipzig, F. A. Brockhaus 1858, S. 56.

[1]) Pamjatniki diplomatičeskich snošenij drevnej Rossii s deržavami inostrannymi Bd. I Petersburg 1851, S. 125—126. M. I. Suchomlinov O jazykoznanii v drevnej Rossii in den Issledovanija po drevnej russkoj literature Petersburg 1908 S. 367 (= Sbornik otd. russk. jaz. i slov. imp. Akademii nauk Bd. LXXXV, 1908, Nr. 1 S. 367).

[2]) Suchomlinov S. 367—368 und S. 382—383.

[3]) V. J. Savva Neskol'ko slučajev izučenija inostrannych jazykov russkimi ljud'mi vo vtoroj polovine XVI v. in Sbornik statej v čest' Vladislava Petroviča Buzeskula, Charkov 1914 S. 161—162, berichtet auf Grund der Memoiren des Polen Maskiewicz, daß der Bruder des Bojaren Fedor Golovin bei einem Deutschen in Moskau heimlich Deutsch und bei einem Polen Latein lernte und daß er Bücher in diesen beiden Sprachen hinterließ. Vermutlich handelte es sich dabei um Vladimir Vasil'jevič Golovin (vgl. Fürst P. V. Dolgorukij Rossijskaja rodoslovnaja kniga, Teil III, Petersburg 1856, S. 106).

1493 eine Eintragung über die Aufnahme von „Silvester Minor alias Maloy in Ruteno de Nouagardia“[1]) befindet. Weder H. Raab noch mir ist es gelungen, nähere biographische Angaben über Silvester Malyj zu finden: sein Name wird in den Novgoroder Annalen nicht erwähnt, er fehlt auch in den diesbezüglichen Quellen. Es lassen sich nur Vermutungen äußern über die Umstände, unter denen dieser aus Novgorod Gebürtige in Rostock auftauchen konnte.

Raab neigt dazu, diese Tatsache mit solchen religiös-politischen Bewegungen im Rostocker und Wismarer Gebiet in Verbindung zu bringen wie der Ketzerei der Waldenser und Hussiten einerseits und den Judaisierenden in Novgorod und Pskov andrerseits. „In diesem Zusammenhang“, schreibt Raab, „kann der Aufenthalt des Silvester Maloj in Rostock mehr als ein kurioser Zufall sein. Zwischenstationen jener unterirdischen, die Reformation in Nordeuropa vorbereitenden und, wie wir sehen, vielleicht bis nach Rußland hinüberreichenden Bewegung mögen sich im Baltikum befunden haben“[2]). Gleichzeitig äußert Raab aber noch die Vermutung, daß Silvester „im Auftrag des Novgoroder Erzbischofs Gennadij und seiner Mitarbeiter westliche Vorlagen für die damals ihrer Vollendung entgegenreifende Gesamtübersetzung der Bibel ins Russische zu besorgen hatte“[3]).

Uns scheint die zweite Vermutung von Raab wenig überzeugend zu sein: um Material zu besorgen, das Gennadij für die Übersetzung der Bibel ins Russische benötigte, brauchte der von ihm Entsandte sich nicht an der Rostocker Universität immatrikulieren zu lassen. Der mögliche Hinweis auf jene zahlreichen Fälle, daß sich durchreisende Ausländer pro forma an deutschen Universitäten immatrikulieren ließen, könnte von Bedeutung sein, wenn es aktenmäßig erwiesen wäre, daß solche Vorfälle schon im 15. Jh. vorkamen und daß es inmitten solcher „zufälliger“ Studenten auch aus Rußland Gebürtige gegeben

[1]) „Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald“. Festjahrgang zur 500-Jahrfeier, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe Nr. 4/5, Jg. V 1955/56, S. 359, vgl. auch Adolf Hofmeister Die Matrikeln der Universität Rostock, Bd. I, Rostock 1889, S. 267. Ph. Schwarz Die Livländer auf der Universität Rostock 1419—1499 „Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte der Ostseeprovinzen Rußlands aus dem Jahre 1890“, Riga 1892, S. 142.

[2]) a. a. O. S. 360. Vgl. auch H. Raab Germanoslawisches im Ostseeraum an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. „Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald“. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe Nr. 1—2, Jg. VI, 1956/57, S. 58—59.

[3]) WZ Greifswald 1955/56, S. 360; 1956/57, S. 58, Anm. 14.

hat. Die erste Hypothese von Raab ist so allgemein und unbestimmt gefaßt, daß es schwer fällt zu erklären, inwiefern die Immatrikulation von Silvester Maloj an der Rostocker Universität unmittelbar verknüpft sein sollte mit dem Vorhandensein von „Zwischenstationen jener unterirdischen Bewegung" im Baltikum.

Wir dagegen halten es für notwendig, auf ein Ereignis im religiös-politischen Leben von Novgorod aus dem Anfang der 90er Jahre des 15. Jhs. aufmerksam zu machen, das, wie wir meinen, das Auftauchen eines Studenten aus Novgorod in Rostock in irgendeiner Weise erklären könnte.

Bekanntlich unternahm Erzbischof Gennadij eine Verfolgung der Judaisierenden. In der unveröffentlichten Prostrannaja redakcija Novgorodskoj III letopisi wird unter 1491 (6999) berichtet:

„Сей, убо Генадей архиепископъ лѣта # ЅЦЧѲ еретиков изыска и обличи в Великомъ Новѣградѣ и повелѣниемъ Великого князя Івана Васильевича всеа Руссіі и преосвященнаго митрополита Зосимы благословением владыка Генадий овых велѣл жещи на Духовскомъ поле а иных торговой казни велѣ предавати а овых в заточение посла а иные збѣгоша в Литву а овиі в Нѣмцы"[1]).

Obgleich im Prosvetitel' von Josif Volockij, der den Kampf Gennadijs gegen die Ketzer schildert, einem Dokument, das chronologisch dem beschriebenen Ereignis am nächsten steht, die Erwähnung der Flucht von Judaisierenden ins Ausland fehlt und erst in den Novgoroder Annalen auftaucht, deren erhaltene Abschriften aus einer späteren Zeit stammen, so darf man trotzdem der Flucht einiger Gegner der damals herrschenden Kirche nach Litauen und Deutschland nicht skeptisch gegenüberstehen. Die erwähnte Flucht wird erhärtet durch die Tatsache, daß man den Namen eines nach Litauen emigrierten Judaisierenden kennt. Und wenn man bisher keine direkten Mitteilungen über Judaisierende besaß, die nach Westen

[1]) Leninbibliothek OIDR 127 Bl. 386—386 v. Für den Hinweis auf diese Handschrift und die Überlassung einer Fotokopie spreche ich S. N. Azbelev meinen Dank aus. Sämtliche veröffentlichten Ausgaben der 3. und 4. Novgoroder Annalen beruhen auf späteren Abschriften als die zitierte Handschrift, die aus den 90er Jahren des 17. Jhs. stammt. Vgl. Novgorodskije letopisi. (Tak nazyvajemyje Novgorodskaja vtoraja i Novgorodskaja tret'ja letopisi) Ausgabe der Archäographischen Kommission, Petersburg 1879, S. 57, 141 und 311; Polnoje sobranije russkich letopisej Bd. IV, Novgodskije i pskovskije letopisi. Petersburg 1848, S. 158—159; PSRL Bd. IV Teil 1 Lief. 2, Leningrad 1925, S. 528—529.

(v Nemcy) flohen, so lernen wir in Silvester Maloj erstmalig eine solche Persönlichkeit kennen.

Zeitlich liegen die Verfolgung der Judaisierenden durch Gennadij (1491) und die Immatrikulation des Silvester Maloj (1493) so nahe beieinander, daß man unwillkürlich die nicht immer zutreffende Formel post hoc, ergo propter hoc anwenden möchte.

Ob Silvester Maloj Judaisierender war oder nicht, ob er an die Rostocker Universität als Flüchtling aus Novgorod kam[1]) oder als eine von der Kirchenbehörde gesandte Persönlichkeit zur Beschaffung von Texten oder gar als Mitglied der Gesandtschaft des Jurij Trachaniot[2]) ist nicht so wesentlich. Wichtig ist aber, daß man in ihm nunmehr den ältesten der uns bekannten russischen Studenten sehen muß, die im Auslande studierten. Das Verdienst dieser Entdeckung kommt, wie oben erwähnt, H. Raab zu.

16. Jahrhundert

1812, während der französischen Besetzung Moskaus, verbrannte die wertvolle Sammlung von Büchern und Handschriften des kurz zuvor verstorbenen Professors der Moskauer Universität T. Bause (1752 bis 1812). Ein handschriftlicher Katalog dieser Sammlung ist erhalten, er befindet sich in der Staatlichen Historischen Bibliothek (Moskau). 1862 wurde dieser Katalog in den „Čtenija v Imperatorskom obščestve istorii i drevnostej rossijskich" veröffentlicht. Seine erste bibliographische Eintragung erwies sich unerwartet als Quelle zur Feststellung eines weiteren russischen Studenten, der in Deutschland studierte, und zwar Mitte des 16. Jhs. Die Eintragung lautet: „1. Slovar' latynskogo i rossijskogo jazykov, sobrannyj i pisannyj v Tubingenskom universitete rossijskim monachom Ivanom Aleksandrovym v 1560 godu"[3]). „Wahrscheinlich", fügt Bause hinzu, „das erste aller russischen Wörterbücher", und er gibt „Quart" als Format des Wörterbuches an.

Die Analyse der anderen Eintragungen im Katalog von Bause ergibt, daß sie nicht eine genaue bibliographische Wiedergabe der Titel enthalten, sondern entsprechend der damaligen Katalogisierungs-

[1]) Auf Grund des Beinamens Maloj von Silvester dürfte man annehmen, daß er noch im Jünglingsalter war, vielleicht der Sohn irgendeines Novgoroder Flüchtlings.

[2]) H. Raab WZ Greifswald 1956/57, S. 58, Anm. 14.

[3]) V. N. Karazin Katalog slavjano-rossijskim rukopisjam (pogibšim v 1812 godu) professora Bause. „Čtenija v Imperatorskom Obščestve istorii i drevnostej rossijskich" 1862 Buch II Abt. V Vermischtes S. 45.

technik eine kurze Wiedererzählung des Titelblattes oder der Benennung der Handschrift boten. Es unterliegt jedoch keinem Zweifel, daß in der Eintragung von Bause der Inhalt der Überschrift trotz allem genau war.

Es gelang uns nicht, in den uns zugänglichen Quellen zur Geschichte der russischen Kultur des 16. Jhs. Angaben über diesen Mönch Johannes Aleksandrov zu finden[1]). Aber in den Matrikeln der Tübinger Universität fand sich eine Persönlichkeit, die man, wie uns scheint, zweifellos mit dem uns interessierenden Verfasser des Wörterbuchs identifizieren kann. Am 24. Juli 1559 wurde ein gewisser Joannes Rosdrasousky Polonus immatrikuliert[2]). In den von uns durchgesehenen Verzeichnissen der Tübinger Studenten gibt es noch einige Personen aus Polen, darunter zwei, die den Vornamen Johannes tragen[3]), beide „pueri nobilium Polonorum Coronensium et Premeschlentium (!)" (1558). Aber die orthographische Verschiedenheit in der Schreibung des Namens Rosdrazousky (Joannes) und der Adligen Jasmanius und Pignozeck (Johannes) läßt aufmerken. Sie klingt nicht polnisch. Man könnte das zwar für eine zufällige Verschreibung oder einen Druckfehler halten, aber das Suffix im Familiennamen Rosdrazousky ist nicht polnisch, sondern weißrussisch oder ukrainisch. Bekannt ist die polnische Adelsfamilie der Rozdrażewskie, denen das Dorf Rozdrażew albo Rozdrażewo, Rozrażewo gehörte[4]).

Folglich ist Joannes Rozdrazousky nicht identisch mit dem polnischen Adligen Rozdrażewski, sondern vermutlich weißrussischer oder ukrainischer Bauer, gebürtig aus dem Dorf Rozdrażew oder weißrussisch Rozdražova bzw. Razdrazova. Dieses Dorf befindet sich im Kreise Krotoszyn der Wojewodschaft Poznań, 6 km südöstlich von der Stadt Koźmin[5]).

---

[1]) In der russischen wissenschaftlichen Literatur ist das Wörterbuch des Ivan Aleksandrov nicht weiter beachtet worden. Die einzige kurze Erwähnung seiner Persönlichkeit fand ich nach Abschluß dieses Aufsatzes im Buch von I. A. Šljapkin Sv. Dimitrij Rostovskij i jego vremja (1651—1709 g.) Petersburg 1891, S. 78.

[2]) Dr. Heinrich Hermelink Die Matrikeln der Universität Tübingen. Bd. I Die Matrikeln von 1477—1600. Stuttgart 1906, S. 403.

[3]) Ebenda S. 397: H. Johannes Jasmanius ... 65 Johannes Pignozeck.

[4]) Słownik geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. IX, Warschau 1888, S. 830: „R⟨ozdrażew⟩ jest gniazdem Rozdrażewskich herba Doliwa których heraldycy wywodzą od Świętomira z R⟨ozdrażewa⟩ żyjącego w r. 1270".

[5]) Ebenda.

Im Einklang mit der von uns oben angeführten Tradition wurden in den Matrikeln der deutschen Universitäten Vor- und Beinamen (Familiennamen) des Studenten eingetragen, auch die Ortschaft vermerkt, aus der er herstammte, und die Nation, zu der er gehörte. Fast alle ostslavischen Studenten, über die wir hier zu handeln haben, hatten keinen Familiennamen, stattdessen stehen Adjektiva, die von der Ortschaft abgeleitet sind, meist vom Namen des Dorfes, aus dem der Immatrikulierte herstammte. Als Ergänzung wurde eine ethnische Angabe — russus, ruthenus — oder eine politische — Polonus — angefügt.

In methodischer Beziehung ist für uns das Beispiel des russischen Mönchs Ivan Aleksandrov (1560) wichtig, der, wie wir annehmen, mit dem Tübinger Studenten Joannes Rosdrazousky (1559) identisch ist: wenn der Beiname des ostslavischen Studenten, der in den Matrikeln der deutschen Universitäten bis zum 18. Jh. registriert ist, ein Adjektiv darstellt, das von einem Dorfnamen abgeleitet ist, so muß man diesen im Słownik geograficzny królewstwa Polskiego nachschlagen: fast alle ukrainischen und weißrussischen Länder gehörten ja im 16.—18. Jh. bis zur Teilung Polens zum Bestande der Rzecz Pospolita. Diese Feststellung kann zu einer wichtigen Hilfe werden bei der Durchsicht des Materials über ostslavische Studenten im 17. Jh., deren Zahl in ständigem Wachsen war.

Leider bieten die Matrikeln der Universität Tübingen außer den angeführten keine weiteren Angaben über den Studenten Ioannes Rosdrasousky. Übrigens betrifft das fast alle ostslavischen Studenten, die deutsche, vermutlich auch andere westeuropäische Universitäten besuchten. Außer Vor- und Familiennamen sowie Datum der Immatrikulation sind auf uns fast keine anderen Nachrichten über sie gekommen.

Weitere russische Studenten sind uns aus dem 16. Jh. vorläufig nicht bekannt.

Nebenbei bemerkt wurde bisher in der wissenschaftlichen Literatur verhältnismäßig wenig die Mitteilung einer anscheinend durchaus vertrauenswürdigen westlichen Quelle des 17. Jhs. beachtet über die Absicht Ivans IV., in Pskov und Novgorod Schulen zu errichten „in quibus juventus Rhutenica in lingua latina et germanica instituatur“[1]).

[1]) Daniel Printz a Buchau. Moscoviae ortus et progressus. Nissae Silesiorum 1668 p. 80; Suchomlinov S. 408.

In die ersten Jahre des 17. Jhs. gehört das Vorhaben von Boris Godunov, das vielleicht eine Weiterentwicklung der Absicht Ivans IV. darstellt, in Moskau eine Universität ins Leben zu rufen. Dieser Plan ist nicht verwirklicht worden infolge des Widerstandes der reaktionären Geistlichkeit[1]). In Zusammenhang damit steht eine andere Maßnahme von Godunov, die bereits oben erwähnt wurde, die Entsendung einiger russischer Adliger in die europäischen Schulen „dlja nauki raznych jazykov i gramot" (1601—1602). Im ganzen wurden nach Frankreich, England und Deutschland (Lübeck) 18 Personen gesandt. Von allen ins Ausland Geschickten kehrte, wie Konrad Bussow mitteilt, nur einer, ein gewisser Dmitrij, in die Heimat zurück. P. Petrejus de Erlesund berichtet, daß drei von ihnen später am Hof des schwedischen Königs Karl IX. dienten und „mit ehrlicher Besoldung versorget wurden"[2]).

Über die nach Lübeck geschickten fünf Jünglinge erfahren wir nur aus der Antwort des Lübecker Magistrats, die November 1606 auf die Anfrage des Zaren Vasilij Šujskij erfolgte:

„Чинимъ вѣдомо вашему царскому величеству, что прежней царь и великій государь Борисъ Федоровичъ блаженныя памяти, какъ третево году были послы наши на Москвѣ, и какъ отпущены съ Москвы, и ѣдучи къ Новугороду, прислано къ намъ русскихъ пятеро робятъ, чтобъ наши послы тѣхъ робятъ взяли въ Любку учити языку и грамотѣ нѣмецкой, и поити, и кормити, и одежду на нихъ класти; и мы тѣхъ робятъ давали учити, и поили, и кормили, и чинили имъ по нашему возможенью все добро; а они не послушливы, и поученья не слушали, и нынѣ двое робятъ отъ насъ побѣжали, невѣдомо за што . . . Бьемъ челомъ, штобъ ваше величество пожаловали отписали о достальныхъ робятахъ, ещо-ли намъ ихъ у себя держати, или ихъ къ себѣ велите прислать[3])."

[1]) Skazanija inostrannych pisatelej o Rossii, Bd. I Moskovskije letopisi Konrada Bussova i Petra Petreja. Petersburg, Archäographische Kommission 1851, S. 8—9. Über den Plan von Boris Godunov, in Moskau eine Universität zu begründen, informiert der Brief des Licentiaten der Rechte Tobias Loncius, der am 24. Januar 1601 aus Hamburg an den Zaren gesandt wurde. Der Brief ist ediert in der Istorija gosudarstva Rossijskogo von Karamzin Bd. XI, Anmerkung 125.

[2]) Peter Petrejus Historien und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschow, Lipsiae 1620, p. 272.

[3]) A. V. Arsen'jev Istorija posylki pervych russkich studentov za granicu pri Borise Godunove. Petersburg 1887, S. 8.

Das Schicksal dieser Jünglinge ist nicht bekannt. Da es in Lübeck aber keine Universität gab, dürfen wir in ihnen nicht Studenten in der eigentlichen Bedeutung dieses Wortes sehen. Sie gehören zu jenen Russen, die die damalige Regierung ins Ausland sandte, damit sie die Sprachen der nächsten Nachbarn Rußlands erlernten, um sie künftig in Angelegenheiten der Diplomatie und des Handels zu verwenden.

Der erste uns bekannte ostslavische Student, der tatsächlich an einer deutschen Universität im 17. Jh. studierte, war Jevstratij Ivanovyč Zjalovśkyj (Zialowski, Eustratius Johannides). Nachrichten über ihn haben sich im Vorwort zu seinem Buch erhalten, das 1681, 60 Jahre nach der Abfassung durch Wolfgang Gundling, den Vater „des berühmten Hallischen Gundling“[1]) unter dem Titel „Brevis delineatio ecclesiae orientalis graecae“ (Nürnberg) herausgegeben wurde. Nach W. Gundling studierte E. J. Zialowski, Ruthenus, an der Universität in Altdorf und lebte nachher eine Zeitlang in Nürnberg. Hier schrieb er auf Anraten des Altdorfer Professors G. Mauritius das oben genannte Buch. 60 Jahre später wurde dieses Werk, wie bereits erwähnt, von Gundling gedruckt, dem Schwiegersohn des Rektors der Nürnberger Schule zu St. Sebald, Johannes Vogel, nach einem Manuskript, das dieser von Vogel erhalten hatte. „Der Verfasser“, schreibt der Autor des Aufsatzes über Zialowski im Lexikon von Zedler, „berühret in diesem Werk mehr die Kirchen-Ceremonien als die Lehren und Glaubens-Artikel der griechischen Kirche, und hält sich, den Protestanten zu gefallen, meistens bey denjenigen Stücken auf, in welchen die Griechen mit den Protestanten einig sind; in gleichen siehet er mehr auf die Rußische, als überhaupt auf die Griechische Kirche“[2]).

Das Buch von Zialowski erregte die Aufmerksamkeit der damaligen westlichen Gelehrten und in der ersten Nummer der 1682 zu erscheinen beginnenden „Acta eruditorum“ erschien eine ausführliche wohlwollende Rezension. Durch diese Rezension wurde die Arbeit von Zialowski später auch in Rußland bekannt[3]).

[1]) Zedlers Großes vollständiges Universal Lexicon aller Wissenschaften und Künste Bd. 62, Leipzig-Halle 1749, Sp. 402.

[2]) Ebenda Sp. 402.

[3]) A. B. Sellius Schediasma litterarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt, Revaliae 1736, p. 37—38; A. Sellij Katalog pisatelej, sočinenijami svojimi objasnjavšich graždanskuju i cerkovnuju, rossijskuju istoriju. Moskau 1815, S. 36; Metropolit Jevgenij (Bolchovitinov) Slovar' russkich svetskich pisatelej, sootečestvennikov i čužestrancev, pisavšich v Rossii. Bd. I, Moskau 1845, S. 237—238; Russkij bio-

W. Gundling bezeichnete Zialowski als „ruthenus", was im 17. und 18. Jh. sowohl Großrusse als auch Ukrainer bedeuten konnte. Im 18. Jh. begann man mit dem Wort „ruthenus" hauptsächlich die Ukrainer und zwar die Westukrainer zu bezeichnen. Daher weichen die deutschen biographischen Nachschlagewerke bei der Angabe der Nationalität von Zialowski voneinander ab: ZEDLER bezeichnet ihn als „einen gebohrenen Russen"[1]), JÖCHER bewahrt die lateinische Form „Ruthenus"[2]), SELLIUS ersetzt diese Bezeichnung durch „Rossus"[3]) und der Metropolit JEVGENIJ übersetzt „Ruthenus" durch „malorossijanin"[4]), d. h. Ukrainer. In den „Matrikeln der Universität Altdorf", herausgegeben von Elias VON STEINMEYER, Würzburg 1912 Bd. I S. 93 und Bd. II S. 639 wird Zialowski als Russe bezeichnet. Steinmeyer bringt auch ergänzende Angaben über Zialowski. Es erweist sich, daß er vor seiner Immatrikulation in Altdorf in der Ingolstadter Universität am 23. Okt. 1606 inskribiert wurde als Begleiter von zwei litauischen Adligen, den Brüdern Alexander und Samuel Bogdanovič Ogiński. Merkwürdig ist natürlich, daß, falls man beiden Daten (Immatrikulation und Abreise) glauben wollte, Zialowski in Ingolstadt und Altdorf 15 Jahre studierte. Diese lange Frist erweckt Zweifel, die wir zu beseitigen versuchen wollen.

Die von uns bei der Durchsicht des Materials über I. Razdrousky gemachte Beobachtung, daß die Beinamen der ostslavischen Studenten im 16. und 17. Jh. nicht Familiennamen darstellen, sondern Bezeichnungen der Ortschaften (Dörfer), aus denen die betreffenden Personen stammten, erlaubt uns, die biographischen Mitteilungen über Zia-

---

grafičeskij slovar' (Žabokritskij-Zjalovskij) Petrograd 1916, S. 588. In diesem Werk ist ein Druckfehler aus dem Slovar' des Metropoliten Jevgenij wiederholt, worin es heißt: „Kratkaja, no obstojatel'naja recenzija. Sija kniga napečatana v Lejpcigskich „Učenych aktach" („Acta eruditorum", 1682, Januar, pag. 6)" statt „Kratkaja, no obstojatel'naja recenzija na siju knižku napečatana" usw.). Es ist uns nicht gelungen, das Buch von Zialowski in einer der staatlichen Bibliotheken Leningrads zu finden. Wie mir Prof. A. V. FLOROVSKIJ mitteilte, hat sein Bruder, der Professor der Harvard Universität, G. V. Florovskij, vor kurzem ein Exemplar dieser höchst seltenen Ausgabe bei einem Antiquar in New York gekauft. Habent sua fata libelli! Prof. G. V. Florovskij war so liebenswürdig, mir einen Mikrofilm dieses Buches zur Verfügung zu stellen, wofür ich ihm auch hier meinen Dank ausspreche. — Eine kurze Besprechung des Werkes von Zialowski, die auf Grund der „Acta eruditorum" verfaßt ist, erschien gleichfalls im „Journal des Savants" (1682, 27. Juli, Nr. XX, S. 279—281).

[1]) ZEDLER a. a. O. Sp. 402.

[2]) JÖCHER Allgemeines Gelehrten Lexicon Bd. IV, Leipzig 1751, Sp. 2195.

[3]) SELLIUS Schediasma S. 37. [4]) JEVGENIJ Slovar' S. 237.

lowski zu erhärten. Anfang des 17. Jhs. gab es in Polen das Dorf Zialow oder Dzialow[1]), das später verschwand. Es befand sich im Kreis (powiat) Jampol[2]).

Die bei der Darlegung der Biographie von Zialowski erwähnten Persönlichkeiten sind aus der Geschichte der deutschen Literatur und Wissenschaft bekannt. Professor Georg Mauritius (1570—1631) unterrichtete an der Universität Altdorf Rhetorik und Poetik und schrieb selbst Verse. Sie wurden in den Sammelband „Deliciae poetarum Germanicorum"[3]) aufgenommen. Johann Vogel (1589—1663), „ein Schulmann und gekrönter Poet", war, wie ZEDLER angibt, „einer von den ersten gewesen, welche die Deutsche Sprache mit den Schlesiern zu exkoliren angefangen, und verschiedene Schriften, welche ... von seinen guten Verstanden zur Genüge ediret hat"[4]).

W. GUNDLING bezeichnet J. Vogel als einen „Wohltäter" von Zialowski. Das mag damit zusammenhängen, daß Vogel um 1614 eine Reise „in Sarmatien, Pohlen und Ungarn" machte. Während seines Aufenthalts in Polen kann Vogel mit Zialowski bekannt geworden sein und, nachdem er erfahren, daß jener in Ingolstadt studiert und seine Ausbildung nicht abgeschlossen hat, ihn überredet haben, sein Studium zu beenden. Da Vogel selbst gleich Martin Ruarus, seinem Reisegefährten durch Polen, an der Universität Altdorf studiert hatte, so ist wohl Zialowski auf ihren Rat hin in die gleiche Hohe Schule eingetreten und nicht in die Universität zu Ingolstadt.

Im Oktober 1621 verließ Zialowski Nürnberg und kehrte wohl in die Heimat zurück. Es ist mir nicht gelungen, weitere Nachrichten über ihn zu finden. Wie dem auch sei, haben wir es in der Person des Zialowski mit dem ersten ostslavischen schriftstellernden Gelehrten zu tun, der in der europäischen wissenschaftlichen Literatur hervortrat und dazu mit einem eignen Originalwerk.

Einige Jahre später erschien an einer anderen deutschen Universität, in Rostock, noch ein Student, ein Ukrainer, Alexander Giesel Cijoviensis Russus, wie es in der Matrikel heißt, in die er Januar 1635 eingeschrieben wurde[5]).

Außer den Angaben über die Immatrikulation von A. Giesel fand

[1]) Słownik geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, Bd. XIV, Warschau 1895, S. 587.

[2]) Der Kreis Jampol befand sich im jetzigen Gebiet von Vynnycja der USSR.

[3]) ZEDLER Bd. 19, Sp. 2219. [4]) Ebenda Bd. 50, Sp. 183.

[5]) Harald COSACK Ein Rostocker Student des 17. Jahrhunderts aus Kijew. „Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock", Jg. V, 1955/56, Sonderheft S. 73—74.

Cosack „eine Rostocker Konzilsakte vom 21. Januar 1635", „in der ein häßlicher Konflikt, den Giesel in der Mensa gehabt hat, verhandelt und mit einer schweren Rüge der deutschen Kommilitonen abgeschlossen wird. In der Akte wird Alexander Giesel als „polonus" bezeichnet, er selbst bezeichnet sich als „religionis graecae", gibt zu Protokoll vor dem Studium in Rostock „per biennium se Krakoviae vixisse, etiam in alia adhuc una Acad (emia)" ...[1]).

H. Cosack vermutete, daß Alexander Giesel identisch ist mit dem bekannten und später bedeutenden ukrainischen Kirchenfürsten Innokentij Gizel (Beginn des 17. Jhs. bis 1683). Dieser war „im früheren Preußisch-Polen von Eltern reformierten Glaubensbekenntnisses geboren", dort aufgewachsen und geschult worden. In jungen Jahren kam er nach Kiev, trat zur griechisch-russischen Kirche über und nahm das Mönchtum an der Kiever Pečerskaja Lavra[2]) an. Vermutlich geschah das Ende der 20er oder Anfang der 30er Jahre des 17. Jhs. September 1631 begründete der Archimandrit der Kiever Pečerskaja Lavra, der spätere Kiever Metropolit Petr Mohyla eine Schule. Kurz zuvor soll er, wie wenig autoritative Quellen berichten, angeblich um künftige Lehrer ausbilden zu lassen, eine Reihe geeigneter Mönche („monachov ugodnych") an ausländische Universitäten gesandt haben[3]). „Unter ihnen befand sich der verstorbene Innokentij Gizel'", wie Ende des 17. Jhs. einer der damaligen Kirchenfürsten, Gavriil Domeckij (geboren nicht vor den 40er Jahren des 17. Jhs., gestorben 1709) berichtet[4]). S. T. Golubev, Professor an der Geistlichen Akademie in Kiev, hat in seinen Untersuchungen über Petr Mohyla die Mitteilungen von Gavriil Domeckij in keinem einzigen Punkt bestätigt, obgleich er gleichzeitig geneigt war, in Domeckij „fast einen Zeitgenossen" der von ihm beschriebenen Ereignisse zu sehen. Trotzdem schrieb Golubev: „Wie dem auch sei, die Tatsache der Ent-

[1]) Ebenda S. 74 (Universitätsarchiv Rostock R III 22 [431]).

[2]) Metropolit Jevgenij Slovar' istoričeskij o byvšich v Rossii pisateljach duchovnogo čina greko-rossijskoj cerkvi. 2. Aufl., Bd. I, Petersburg 1827, S. 197.

[3]) Die ersten Lehrer für die von Petr Mohyla gegründete Schule wurden 1631 aus Lemberg verschrieben, vgl. Dionisij Zubrytskij Letopis' L'vovskogo stavropigial'nogo bratstva po drevnim dokumentam sostavlennaja. Übersetzt aus dem Polnischen von I. B. Petersburg 1850, S. 75. Es waren dies: Isaja Trofimovič Kozlovskij und Sil'vestr Kossov vgl. Je. N. Medynskij Bratskije školy Ukrainy i Belorussii v XVI—XVII vv. i jich rol' v vossojedinenii Ukrainy s Rossijej. Moskau Akademija pedagog. nauk RSFSR 1954, S. 95.

[4]) S. T. Golubev Kijevskij mitropolit Petr Mogila i jego spodvižniki. Opyt istoričeskogo issledovanija Bd. I, Kiev 1883, S. 425.

sendung befähigter Leute durch Mohyla an ausländische Schulen zur Vervollständigung ihrer Bildung unterliegt keinem Zweifel. Unabhängig von der Äußerung darüber fast eines Zeitgenossen findet diese Tatsache eine Stütze sowohl in der hohen Wertschätzung, die Mohyla der westeuropäischen Bildung entgegenbrachte als auch im Fehlen von vorhandenen Professoren, die befähigt gewesen wären, die breiten Ansprüche des neugeschaffenen Kollegiums zu befriedigen"[1]).

Diese fadenscheinige Folgerung, die in Widerspruch steht zu den negativen Ergebnissen der Untersuchung des Forschers selbst, überzeugt uns nicht davon, daß Peter Mohyla die zu Professoren ausersehenen Kandidaten an ausländische Universitäten entsandte. Wir halten die Mitteilung des Metropoliten Jevgenij für glaubwürdiger, daß Innokentij Gizel' an die Lemberger Akademie geschickt wurde[2]). H. Cosack, der über die Entsendung von Innokentij Gizel' an die Lemberger Akademie aus einer anderen Quelle wußte[3]), stellte sie in Zweifel, weil jene Lehranstalt erst 1661 eröffnet wurde[4]). Aber sowohl in der alten als auch in der neuen Literatur sind solche Fälle recht häufig, daß die Vorläufer irgendeiner staatlichen oder wissenschaftlichen Institution, sogar Städte, anachronistisch mit ihrem späteren Namen bezeichnet werden (z. B. Leningrad statt Petersburg, Slavjanogreko-latinskaja akademija statt Zaikonospasskije školy usw.). Zweifellos meinte Metropolit Jevgenij, als er von der Lemberger Akademie sprach, die Lemberger Bruderschaftsschule, die Peter Mohyla gut bekannt war und aus der er, wie wir oben sahen, zwei Professoren: Isaja Trofimovič Kozlovskij und Silvester Kossov an die neugegründete Lavra-Schule, die spätere Kiever Mohylanische Akademie, berief.

Innokentij Gizel', der vor kurzem noch protestantischer Konfession war und in Schlesien gelernt hatte, an eine europäische Universität zu schicken, hätte bei weitem weniger Sinn gehabt, als ihn in die berühmte Lemberger Bruderschaftsschule zu entsenden. Ein gewisses Interesse verdient folgender Umstand. In der oben erwähnten Letopiś L'vovskogo stavropigial'nogo bratstva des Dionisij Zubryckij lesen wir

[1]) Ebenda S. 427.

[2]) Metropolit Jevgenij Slovar' istoričeskij o byvšich v Rossii pisateljach duchovnogo čina greko-rossijskoj cerkvi 2. Aufl., Bd. I, 1827, S. 197—198. Vgl. auch N. I. Petrov Kijevskaja akademija vo vtoroj polovine XVII veka. Kiev 1895, S. 10 und 135. Das von N. I. Petrov auf S. 135 gebrachte Dokument wird von ihm in die 20er Jahre des 19. Jhs. datiert, und es ist wahrscheinlich vom Metropoliten Jevgenij zusammengestellt bzw. für ihn angefertigt worden.

[3]) Russkij biografičeskij slovar' (Ibach-Ključarev), Petersburg 1897, S. 116.

[4]) H. Cosack WZ Rostock 1955/56, Sonderheft S. 76, Anm. 4.

gerade unter dem Jahre 1631: „Zu jener Zeit blühten die Wissenschaften in der Bruderschaftsschule ... niemand wird bestreiten, daß Lemberg und die arme Lemberger Bruderschaft Quellen der Wissenschaft für Rußland waren“[1]). Man könnte den Autor der Letopiś eines allzu starken Lokalpatriotismus verdächtigen, aber mit seiner Bewertung deckt sich auch das Ergebnis des sowjetischen Historikers der russischen Pädagogik: „Die Lemberger Schule übte nicht nur durch ihre frühere Entstehung, sondern auch auf Grund ihres Statuts und des hohen Niveaus der schulisch-erziehenden Arbeit und ihres aktiven Kampfs gegen Polonisierung und Katholisierung einen großen Einfluß aus auf alle ukrainischen und viele weißrussischen Bruderschaftsschulen ⟨....⟩ Blüte und Einfluß der Lemberger Schule waren besonders stark Ende des 16. und im ersten Drittel des 17. Jhs. (bis zur Begründung der Kiever Bruderschaftsschule)“[2]).

Daher wäre es für Petr Mohyla sinnvoller gewesen, Innokentij Gizel' an eine Lemberger Schule zur Vorbereitung auf seine Professorentätigkeit an einer orthodoxen Akademie zu entsenden, wo der Proselyt der Orthodoxie eine spezielle kirchlich-dogmatische und religiöspolemische (apologetische) Ausbildung erhalten konnte. Alles das zwingt uns, die Hypothese von H. Cosack, daß der Rostocker Student Alexander Giesel mit Innokentij Gizel' identisch ist, abzulehnen. I. Losskyj hatte bereits in seinen den ukrainischen Studenten an der Rostocker und Kieler Universität gewidmeten Arbeiten auf die Immatrikulation des Alexander Giesel an der Rostocker Universität hingewiesen, aber in seinem letzten Aufsatz (1935) ließ er die Identität von Alexander und Innokentij Gizel' offen[3]).

Aus der oben erwähnten Dissertation von H. Raab (S. 360 Anm. 185) wissen wir, daß D. Oljančyn in seinem Aufsatz „Aus dem Kultur- und Geistesleben der Ukraine“ (Kyrios Bd. II S. 361 Anm.) behauptet, daß der Familienname des Rostocker Studenten aus Kiev nicht Gizel' sondern Kisiel war. Auszügen aus dem genannten Aufsatz, die wir dank der Liebenswürdigkeit von Fräulein Annemarie Rau erhielten, entnehmen wir, daß Oljančyn für seine Annahme keinerlei Argumente anführt[4]).

[1]) B. Zubryckij ebenda S. 75.

[2]) Je. N. Medynskij Bratskije školy Ukrainy i Belorussii v XVI—XVII vv. i jich rol' v vossojedinenii Ukrainy s Rossijej. Moskau 1954, S. 35.

[3]) I. Losskyj Zur Geschichte der kulturellen Beziehungen zwischen Deutschland und der Ukraine im 17. und 18. Jahrhundert. „Deutsche Wissenschaftliche Zeitschrift für Polen“ Bd. XXIX, 1935, S. 153, Anm. 7.

[4]) „Ich bin der Ansicht, daß unter Alexander Gizeel, in diesem Falle Ale-

Und doch scheint uns diese Annahme durchaus berechtigt zu sein, denn: 1. gab es zu jener Zeit in der Ukraine das Adelsgeschlecht der Kisel', das im 16. und 17. Jh. eine bedeutende Rolle in der Lokalgeschichte spielte. Einer dieser Kisel' war der bekannte Kiever Vojevode Adam Grigor'jevič Kisel' (1600—1633), der 1646 oder 1647 einer Gesandtschaft nach Moskau vorstand, um die Demarkationslinie der Moskauer-ukrainischen Grenze festzulegen[1]). Leider fehlt im „Malorosijskij rodoslovnik von V. L. Modzalevskij (Bd. II, Je—K, Kiev 1910) die Genealogie der Kisel', und es ist daher nicht möglich festzustellen, wieviele Personen dieses Adelsgeschlechts den Namen Alexander während des ersten Drittels des 17. Jhs. trugen. Über einen Alexander Kisel', der sich chronologisch mit dem Rostocker Studenten des Jahres 1635 deckt, sind Angaben erhalten. I. P. Novickij führt in dem in der Anmerkung erwähnten Aufsatz über Adam Kisel' eine kurze Genealogie dieses Adelsgeschlechts an und nennt unter Nr. 23 Alexander Kisel'. Dieser wird erwähnt als Černigover podstolij, als Gesandter auf dem Sejm von 1637, als gewählter Deputierter in das Tribunal von Radom. 1647 ist er wiederum Mitglied des Sejm, er wurde gewählt zum Kommissar bei der Grenzziehung mit dem Moskauer Staat. 1647 nahm er an der Gesandtschaft des Adam Kisel' nach Moskau teil[2]). In einer Urkunde aus dem Jahre 1683—84 wird ein Oleksandr Kisel' als Besitzer des Dorfes Norinskij erwähnt[3]). Wir wagen es nicht zu entscheiden, ob es sich dabei um den oben Erwähnten oder um einen anderen Kisel' handelt. Sollte es der gleiche sein, was durchaus möglich wäre, so wird er damals vermutlich 70 bis 75 Jahre alt gewesen sein, wenn man berücksichtigt, daß er in den 30er Jahren des 17. Jhs. in Krakau und Rostock studierte.

Zweitens würde sich das zweijährige Studium zuerst an der Krakauer Universität[4]) und darauf an irgendeiner Akademie, das Aleksandr

---

xander Kisiel, und nicht Innozenz Giesel zu verstehen ist" (Kyrios Jg. 2, 1937, S. 361 Fußnote 51).

[1]) I. P. Novickij Adam Kisel', vojevoda Kijevskij (1580 ?—1653 g.) Istoriko-biografičeskij očerk. „Kijevskaja starina" 1885 Nr. 9—12; vgl. auch „Kijevskaja starina" 1886 Nr. 4; Russkij biografičeskij slovar' („Ibak-Ključarev"), Petersburg 1897, S. 717—719.

[2]) Novickij a. a. O. Kijevskaja Starina 1885, Nr. 9, S. 58.

[3]) „Archiv Jugo-Zapadnoj Rossii" Teil IV, Bd. I, Kiev 1867, S. 49.

[4]) Prof. W. Jakubowski (Krakau), teilte mir mit, daß Alexander, Theodori filius, Gizel, gebürtig aus dem Wilnaer Bistum, im Sommersemester 1630/1631 die Krakauer Universität besuchte („Album Studiosorum universitatis Cracoviensis", T. IV [1607—1642], p. 134).

Kisel' bei der Vernehmung aus Anlaß des Skandals in der Mensa erwähnte, sich eher auf einen Adligen aus Kiev als auf einen Mönch, der früher Protestant war, d. h. auf Innokentij Gizel', beziehen lassen.

Drittens wäre ein Zusammenstoß in der Mensa von den deutschen Studenten kaum mit Innokentij Gizel' angezettelt worden, der ja Deutscher seiner Herkunft nach war und zweifellos ausgezeichnet Deutsch sprach, während der Zusammenstoß mit dem Ukrainer Aleksandr Kisel' eine durchaus befriedigende Erklärung durch die Strafe findet, die die Radaubrüder ereilte.

Aus diesen Gründen neigen wir zur Annahme, daß der Rostocker Student nicht Innokentij Gizel, sondern der Adlige Aleksandr Kisel' war, der wohl um 1610 geboren und nach 1683—84 gestorben ist.

Schließlich haben wir noch über einen anderen Rostocker Studenten zu handeln, dessen Name bei H. Cosack (a. a. O. S. 73) nicht erwähnt wird, auf den aber H. Raab in seiner Dissertation ausführlicher eingeht. Nach Raab ist in der Matrikel der Rostocker Universität im Dezember 1672 ein Lemberger Johannes Gorbkouski „antehac monachus, nunc Dei gratia confessus" inskribiert. Auch über diese Persönlichkeit finden wir nichts in den uns zugänglichen Quellen. Mit Hilfe der gleichen Methode, die wir in bezug auf Rozdrazousky und Zialowski anwandten, sei darauf hingewiesen, daß sich im powiat Tarnów am Flüßchen Biały Dunaj ein Dorf befindet, das polnisch Garbek heißt[1]) und ukrainisch Gorbky. Vermutlich stammte daher der Rostocker Student und ehemalige Mönch Ioann Gorbkouski aus diesem Dorf.

H. Raab vermutet, daß Johannes Gorbkouski zwei Jahre später sein Universitätsstudium in Kiel unter dem Familiennamen Gontkovskij Rußus Leopoliensis[2]) fortsetzte. Raab geht nicht auf die Gründe ein, die Gorbkouski veranlaßt haben könnten, seinen Familiennamen in Gontkowski zu verändern. Man könnte vermuten, daß er an einen einfachen Schreibfehler bei der Immatrikulation entweder in Rostock oder in Kiel dachte. Aber diese Hypothese wäre nur annehmbar, wenn die Methode der geographischen Identifizierung von Familiennamen russischer Studenten ergebnislos in diesem Falle verlaufen würde, aber ein Dorf poln. Gątki ist im Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego registriert (vgl. Bd. II S. 512, ferner S. 507: Gądki).

Daher besteht keine Veranlassung, die zwei Russi-Leopolienses für

[1]) Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego Bd. II, Warschau 188., S. 483.

[2]) Raab S. 360, Anm. 186, vgl. Adolf Hofmeister, Matrikeln der Universität Rostock Bd. III, 1895, S. 98.

eine Person zu halten. Bei einer Immatrikulation von Gorbkouski in Kiel (sofern man einen Schreibfehler bei der Aufzeichnung seines Namens annehmen wollte) hätte man kaum den für eine protestantische Universität so wichtigen Umstand, daß er „antehac monachus nunc Dei gratia confessus" ist, unerwähnt gelassen.

Es mag merkwürdig erscheinen, daß sich Gorbkouski und Gontkowski als Leopolienses bezeichneten, obgleich beide aus Dörfern gebürtig waren, die recht weit von Lemberg entfernt lagen. Vermutlich haben sie beide aber zuerst in Lemberg studiert und dann ihre Ausbildung an einem anderen Ort fortgesetzt.

Auffällig ist ferner, daß die beiden Russi-Leopolienses um 1672 an nördlichen deutschen Universitäten studierten. Vielleicht hängt das damit zusammen, daß 1672 „ein unglückliches Jahr für Lemberg und das Stauropegium war"[1]: die Stadt wurde von türkischen Heeren belagert, nach einigen Tagen der Verteidigung schlossen die Einwohner Lembergs Frieden mit den türkischen Heerführern mit der Verpflichtung, eine für damalige Zeiten sehr hohe Kontribution zu zahlen. Vermutlich hat deswegen eine gewisse Anzahl von Einwohnern Lemberg verlassen und mit ihnen vielleicht auch die Studenten Gorbkouski und Gontkowski.

Mit den obigen Ausführungen haben wir die uns aus der Literatur bekannten Angaben über ostslavische Studenten an deutschen Hochschulen bis zum 18. Jahrhundert erschöpft. Die von uns gesammelten Materialien enthalten auch Hinweise auf Ostslaven, die während der uns interessierenden Periode auch an nicht-deutschen Universitäten studierten, hauptsächlich polnischen und italienischen (Georgij-Francisk Skorina, Iosif Kononovič-Gorbackij, Simeon Polockij, Stefan Javorskij, Feofan Prokopovič, Palladij Rogovskij, Petr Posnikov u. a.). Über Jepifanij Slavineckij wird andeutungsweise erwähnt, daß er an „ausländischen Akademien" oder „Schulen" lernte[2]). Zweifellos sind unsere Kenntnisse bei weitem nicht sehr vollständig, wir hoffen aber, daß sie nicht nutzlos sind für eine weitere Erforschung dieser Frage.

Was ergeben die aufgezählten Tatsachen? Bilden sie nur einen kuriosen Zufall oder stellen sie etwas Wichtiges dar? Wer waren all diese Persönlichkeiten wie Silvester Maloj, Ivan Rozdrouzky, Je. Zialowski

[1]) D. Zubryckij S. 116.

[2]) Metropolit Jevgenij Slovar' istoričeskij o byvših v Rossii pisateljach duchovnogo čina greko-rossijskoj cerkvi. Bd. I, S. 172; N. I. Petrow Kijevskaja akademija vo vtoroj polovine XVII veka S. 135; I. Rotar Jepifanij Slavineckij, literaturnyj dejatel' XVII veka. Kiev 1901, S. 9—10.

usw. ? Jünglinge, die beseelt waren vom Durst nach wissenschaftlichen Kenntnissen ? Entfernte Vorläufer des Studenten der Sorbonne Trediakovskij und von Lomonosov, der in Marburg und Freiberg studierte ? Oder heimatlose Vagabunden, wie es damals viele in jenen stürmischen Jahren gab, Leute, die zufällig an das Herdfeuer der deutschen Wissenschaft gelangten und bald wiederum ohne Nutzen für sich selbst und ihre Landsleute die deutschen Universitäten verließen ? Wir wissen es nicht und werden es kaum erfahren, was sie bewog, die höheren Lehranstalten Deutschlands und nicht Polens, Italiens usw. zu beziehen. Wir wissen nicht, wohin sie später nach Abschluß ihrer Universitätsstudien kamen oder ob es ihnen gelang, ihr Studium zu beenden. Brachten sie in das Leben ihres Volkes irgendetwas Neues, oder sind sie spurlos im deutschen Milieu untergegangen, wo sie ihre Universitätsausbildung erhielten ? Sollten sie oder wenigstens einige von ihnen in die Heimat zurückgekehrt sein, wie fühlten sie sich inmitten ihrer Artverwandten ? Wie wurden sie von ihren Stammesgenossen aufgenommen, die in ihrer erdrückenden Mehrheit fanatisch-religiös waren wie fast alle in diesen Jahrhunderten der Unduldsamkeit und des religiösen Haders ?

Ich betone, wir wissen das alles nicht und werden es vermutlich auch nie erfahren. Zweifellos gab es inmitten der von uns behandelten Studenten Menschen verschiedener geistiger Haltung, verschiedenen Charakters, verschiedener geistiger Fragestellungen, nicht alle werden von dem gleichen edlen Suchen nach Wissen, Wahrheit und Licht ergriffen gewesen sein.

Eins ist aber gewiß. Es handelte sich bei ihnen um außergewöhnliche Menschen. Nicht ein jeder Einwohner von Novgorod oder Kiev, geschweige denn der Dörfer Razdrazovo, Zjalovo, Gorbki, Gontki war im 15. bis 17. Jh., besonders aber während des 30jährigen Krieges und bald nachher fähig, seine Heimat um der Wissenschaft willen zu verlassen. Allein dieser Umstand gibt den erwähnten Persönlichkeiten das Recht, beachtet zu werden nicht nur von den Erforschern der russisch-deutschen Kulturbeziehungen, sondern auch von einem jeden Leser, dem Bekundungen des geistigen Lebens vergangener Jahrhunderte teuer sind, den Mitteilungen interessieren über Menschen, die suchten, die strebten, die etwas erreichten und dann zu Opfern wurden des kalten und gleichmütigen Vergessens der launischsten aller Wissenschaften — der Geschichte und der Literaturgeschichte.

Leningrad

XIV

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в. И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII—XX вв.

(В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА О ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТАХ)*

В связи с результатами второй мировой войны и созданием лагеря социалистических стран во главе с СССР славянские народы, составляющие значительную часть этого идейного, политического и экономического объединения, сделались как в социалистической, так и в западной буржуазной науке предметом многочисленных исследований, преимущественно в историческом, языковедческом и литературоведческом отношениях. В советской же литературной науке, в частности, обнаружился особый интерес к изучению проблемы взаимоотношений между русской литературой (в целом и в лице отдельных ее представителей) и другими славянскими литературами.[1] Со все возрастающей интенсивностью эта группа вопросов привлекает внимание также и ряда литературоведов в славянских странах.[2] Правда, и в дореволюционное и отчасти и в послереволюционное время изредка появлялись в русском и славянском литературоведении работы, посвященные данной теме, но по своим политическим установкам, научной методологии и технике выполнения эти статьи и книги, как бы почтенны ни были в качестве ученых отдельные из их авторов, сейчас уже не могут нас удовлетворить и представляют известный интерес то собранными в них фактическими материалами, то некоторыми удачными наблюдениями и заслуживающими внимания и учета обобщениями.

И в старых, и в современных исследованиях, посвященных теме взаимоотношений русской литературы и литератур славянских народов, анализировались преимущественно материалы, относящиеся,

---

* Примечания см. в конце статьи.

с одной стороны, к древнему периоду, с другой — к XIX—XX вв. Взаимоотношения же этих литератур в XVIII в. почти не привлекали внимания исследователей, хотя нельзя сказать, что ученые, добросовестно собиравшие литературные материалы, проходили мимо соответствующих фактов. Благодаря наблюдениям А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича, И. И. Первольфа, П. А. Кулаковского, П. А. Заболотского, В. А. Францева, Н. М. Петровского, М. Н. Сперанского, В. Н. Перетца и других мы располагаем сейчас известным количеством сведений о знакомстве литературных деятелей славянских народов XVIII—первой половины XIX в. с русской литературой XVIII в., в частности с произведениями Державина, Ломоносова и некоторых второстепенных русских писателей позапрошлого столетия.

Однако до недавнего времени самостоятельной научной проблемы «взаимоотношения русской и славянских литератур в XVIII в». не существовало. Молчаливо предполагалось, что русская литература XVIII в., «ученическая» и «подражательная», была тогда связана с одной только французской литературой и никакого интереса к другим литературам, в частности — славянским, не проявляла, тем более что, за исключением польской, в XVIII в. остальные славянские литературы либо переживали период полного упадка, либо находились в самом начале своего нового подъема.

В свою очередь славянские литературы XVIII в., предполагалось, не могли проявлять интерес к «ученической» и «подражательной» русской литературе XVIII в., и если некоторые из славянских народов (сербы и болгары) и обращались в XVIII в. к русской литературе, то в силу исторических условий исключительно к памятникам церковно-религиозным, а не светским и в основном к литературе XII—XVII вв., продолжавшей и в XVIII—начале XIX в. находиться в читательском обиходе русского духовенства и консервативных кругов русского купечества, т. е. тех слоев русского народа, с которыми в первую очередь общались сербские и болгарские книжники интересующего нас периода.

Развитие советской литературной науки в целом и в той ее части, которая занимается изучением истории русской литературы XVIII в. во всех ее аспектах — и связях с фольклором и древнерусской литературой, и с литературой античного мира и новолатинской, и с литературами новоевропейскими и восточными, и с теми, которые входят сейчас в понятие литературы народов СССР, и, наконец, с литературами славянскими, — показало, что представление об «отсталости», «провинциальном» характере, «робком ученичестве» русской литературы XVIII в. совершенно ошибочно.

Русская литература XVIII в., как выяснено советскими литературоведами, в своем быстром развитии сделала для народной культуры то, что в других литературах, в частности западноевропейских, осуществлялось в течение нескольких столетий. В самое короткое время был создан превосходный литературный язык, освоены многочисленные жанры античной и европейских литератур, формировались на этой основе новые жанры, и — главное — литература, вопреки политике самодержавия, смело и решительно стала выражать мнения передовой части общества, стала критиковать деспотизм самодержавия, крепостничество, чиновничий произвол, презрительное отношение дворянства к простому народу, отсутствие у части образованных классов национального достоинства и пр. Чего стоит, например, одна из ломоносовских записей, представляющая план какого-то его обращения к своим современникам: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы — холопи, а моя слава падает и с вашею».

Советские литературоведы показали, что литература в России в XVIII в. была отражением жизни народа за целое столетие, полное больших исторических событий огромной национальной и всемирной важности, столетия, в течение которого страна, еще так недавно стоявшая вдали от мирового политического процесса, сразу и раз навсегда заняла одно из самых первых мест в реальной судьбе человечества. И не только из-за своей величины и физической силы. Исследования советских литературоведов показали, что для русских писателей XVIII в. типична не «подражательность», не «вялая абстрактность», а самостоятельный подход к общекультурному — античному и европейскому — наследию, свободное и полное достоинства критическое отношение к западным литературам и западной культуре. Для подтверждения сказанного вспомним, что говорили Феофан Прокопович, Кантемир и Ломоносов о «внешних» (т. е. зарубежных) историках России, как отрицательно относился Ломоносов к литературе итальянского (и не только итальянского) барокко, как он, еще будучи студентом Марбургского университета, авторитетно и с сожалением говорил о том, что французы и поляки не используют естественных данных своих языков, применяя силлабическое стихосложение вместо более гармоничного тонического. Достаточно также вспомнить, как уверенно и с позиций равного Сумароков критиковал классиков французской трагедии в письме, адресованном Вольтеру («Мнение во сновидении о французских трагедиях»), как судили о французском обществе, литературе, философии и театре Фонвизин, Новиков и Радищев. Необходимо к этому же прибавить, что передовые западные литераторы и журналисты XVIII в., как выясняется сейчас, внимательно следили за развитием современной русской литера-

туры, информировали своих читателей о стихах Феофана Прокоповича, которого называли «decus ecclesiae rossicae» («украшение русской церкви»), ставили в пример и в образец сатиры Кантемира, освещали научную и отчасти литературную деятельность Ломоносова, благожелательно оценивали трагедии Сумарокова, переводили «Недоросля» и «Путешествие из Петербурга в Москву» и т. д.

Такая картина русско-европейских литературных контактов в XVIII в. могла возникнуть только в результате преодоления «компаративистского», «сравнительно-исторического» метода и применения метода марксистско-ленинского, дающего возможность коррелятивного, историко-соотносительного, историко-сопоставительного рассмотрения материалов о литературных взаимоотношениях разных народов, позволяющего анализировать факты межнационального литературного общения, не оскорбляя народного самолюбия, не унижая одни литературы и не вознося другие.

Новые сопоставительно-исторические исследования, посвященные взаимоотношениям русской и славянских литератур в XVIII—начале XIX в., появились в основном в связи с IV Международным съездом славистов и представляют один из полезных результатов его. Однако здесь к изучению привлекались только русско-польские материалы.[3] Хотя в данной области сделано довольно много, все же этого теперь уже недостаточно.

Сейчас, как нам представляется, наступило время, когда от «двусторонних» изучений (русско-польских, русско-чешских, русско-сербских, русско-болгарских и т. д.) можно и нужно перейти к «многосторонним» изучениям, когда вообще можно и должно поставить вопрос шире, попытаться собрать и объединить известные уже в науке материалы и подлежащие обобщению факты, наметить круг проблем и предложить пути и приемы исследования.

Однако прежде чем мы приступим к изложению своих соображений по данному вопросу, должно внести некоторое, как нам кажется, безусловно необходимое методологическое уточнение и указать, что отмеченное выше возникновение в последние годы интереса к проблеме русско-славянских литературных взаимоотношений в XVIII в. является результатом не только создания лагеря социалистических стран, но и действия своеобразных «законов» развития литературной науки. Точнее говоря, создание социалистического лагеря народов способствовало новой, подлинно научной постановке данного вопроса, сделало целесообразным выдвижение его именно сейчас, ускорило это выдвижение, однако сама проблема русско-славянских литературных связей в XVIII в. естественно вырастала в процессе формирования той ветви русской национальной культуры, которая обозначается именем литературоведения.

Иными словами, интересующая нас проблема исторически и научно закономерна и не является, как это представляют некоторые западные слависты, «случайным» результатом политической «конъюнктуры».

Закономерность возникновения этой проблемы станет особенно отчетливой, когда мы — хотя бы в самой сжатой форме — проследим развитие самой литературной науки в целом, постепенное расширение круга ее интересов, ее движение от частного к более общему, от узконационального к межнациональному, международному, всемирному.[4]

В истории литературной науки давно уже замечено, что изучение любой национальной литературы — по крайней мере в новый период истории человечества — проходит последовательно несколько более или менее обязательных этапов.

Начало первого этапа изучения национальной литературы обычно составляют небольшие по объему и не особенно существенные по содержанию критические суждения современников о произведениях, появившихся при их жизни и пользовавшихся большим или меньшим успехом. Изредка при этом сообщаются и биографические сведения об авторах, получивших прижизненную и посмертную известность. Затем на том же первом этапе возникает более широкий и стойкий интерес к национальному литературному прошлому, к писателям предшествующих десятилетий и веков. Параллельно с этими зачатками критических и историко-литературных штудий складываются то более, то менее самостоятельные национальные теоретико-литературные воззрения как в области стихосложения, стилистики, вообще норм литературного языка, так и в области идейной — философии литературного процесса, национальной специфики данной литературы и т. д. На этом первом этапе внимание национальных литературоведов направлено единственно и исключительно на памятники и на деятелей собственной литературы. Проблемы же отношения данной национальной литературы к литературам иноязычным (античным, соседним — западноевропейским или восточным, и проч.) на первых порах либо вовсе не стоят перед исследователями, либо привлекают их в очень малой степени, и то лишь в конце этого периода, подготовляя переход к следующему этапу. Чаще всего это проявляется в том, что определенному национальному автору придается похвальное определение, состоящее из этнического обозначения и имени какого-либо прославленного иноязычного писателя, например: «итальянский Тибулл», «российский Расин», «киргизский Пушкин» и т. д.

Однако отмеченное невнимание ранних литературоведов к связям их литературы с литературами других народов вовсе не означает, что реально этих связей не существовало. Можно с полной

уверенностью сказать, что литературное развитие всех известных нам народов, начиная с древних египтян, протекало в условиях то большего, то меньшего литературного (включая фольклор) общения. Абсолютно самостоятельных, «чистых» литератур, можно думать, не было и нет.

Раз возникшее критическое, историко-литературное и теоретическое изучение национальной литературы продолжает существовать и развиваться, причем под воздействием общественно-политических условий меняются (или по меньшей мере могут меняться) философские, эстетические, т. е. методологические, подходы и практические приемы изучения.

Было бы, однако, ошибкой полагать, что изучение национальной литературы — в особенности в теоретическом отношении — представляет всякий раз факт самостоятельного происхождения и самопроизвольного возникновения.

Во многих случаях знакомство ранних писателей какой-либо определенной национальной литературы с античной и средневековой латинской литературой, ее классиками и школьными поэтиками оказывало на них и через них на данную литературу стимулирующее воздействие, побуждало к самостоятельному творчеству и т. д. На мусульманском Востоке примерно такую же роль играли арабская и персидская литературы. Вероятно, в индийском и китайском культурных кругах аналогичное значение соответственно имели классические литературы этих народов.

На следующем этапе к уже сложившейся ранее литературоведческой тематике и проблематике присоединяются вопросы международных литературных отношений и связей данной литературы. Читатели, писатели, исследователи начинают проявлять интерес к тому, как воспринимается их собственная национальная литература людьми других наций, что из произведений «своих» писателей переведено на иные языки, «влияет» ли «своя» литература на чужие и как. В свою очередь внимание исследователей привлекает литературная судьба великих художников слова других наций в данной национальной литературе, «воздействие» иностранных литературных направлений, течений, школ на тех или иных национальных писателей и т. д. В результате подобных изучений возникает более или менее отчетливая картина развития литературы определенного народа, как в ее внутренней, исторической, социально-политической обусловленности, так и в ее внешних связях и зависимостях от других культур и литератур.

В сущности вопросы этой последней подгруппы являются составной частью предшествующей подгруппы, так как и связи, и зависимости, и разные формы отношений между данной национальной литературой и другими никогда не бывают случайными,

а всегда так или иначе обусловлены историческими, социально-политическими причинами.

Подобно тому как возникшие на первом этапе аспекты литературоведческого изучения продолжают с соответствующими изменениями существовать и развиваться, так вопросы отношений национальной литературы к литературам иноязычным продолжают существовать и привлекать внимание исследователей и на дальнейшем этапе, являющемся закономерным результатом исторического прогресса в человеческом обществе.

На этом этапе в результате все возрастающих экономических и политических взаимоотношений между странами и народами, как дружескими, так и враждебными, в результате интенсивного развития средств сообщения, связи, печатного и издательского дела, распространения знания иностранных языков возникает проблема «всемирной литературы», о которой говорили в свое время Гете [5] и затем — в «Манифесте коммунистической партии» — К. Маркс и Ф. Энгельс.[6]

Одно время термин «всемирная литература» заменялся вышедшим уже сейчас из употребления термином «всеобщая литература». С 30-х годов — возможно, под влиянием выражений «мировая торговля», «мировая война» (дословный перевод немецких терминов «Welthandel», «Weltkrieg») — у нас упрочилось обозначение «мировая литература» — перевод немецкого термина «Weltliteratur». Оно сейчас настолько вытеснило все другие обозначения этого понятия, что в недавно вышедшем первом томе «Краткой литературной энциклопедии» нет ни статьи о всемирной или всеобщей литературе как теоретико-литературном понятии (есть статья о созданном по инициативе М. Горького издательстве «Всемирная литература»), ни даже простой отсылки от этого термина к термину «Мировая литература».

Как ни обозначать это теоретико-литературное понятие, в связи с ним с принудительной необходимостью возникает в качестве его дополнения вопрос о месте каждой данной национальной литературы в системе или по крайней мере в рамках понятия всемирной («мировой») литературы. На наших глазах все большее число литератур, еще недавно представлявших интерес только для своих национальных читателей, выступает на арену всемирной литературы.

При всех различиях наименований — «всеобщая», «всемирная», «мировая литература» — и при всех различиях отношения к этому понятию оно, как и проблемы двух предшествующих этапов, раз возникнув, продолжает существовать и оставаться одной из важнейших проблем национальной литературной науки все большего количества народов.

История русской литературной науки показывает, что русское литературоведение прошло все охарактеризованные выше этапы. Однако исследование отдельных моментов русского литературного процесса в каждом из этих этапов происходило по ряду причин неравномерно: литературы XIX и XX вв. изучены с большей степенью подробности по всем трем аспектам, а литературы древнего периода и XVIII в. исследованы в гораздо меньшем объеме; связи и отношения русской литературы к западным выяснены — для нового периода — тщательнее, чем отношения к литературам восточным и славянским, чем к литературам народов СССР и т. д. Все это не может не сказаться на решении интересующей нас проблемы — «русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв. в их связях и отношениях».

Во избежание ошибочных, «компаративистских» и близких к ним, толкований и для достижения полной ясности в решении этого вопроса нам необходимо в самой сжатой форме определить, что мы разумеем, употребляя выражение «литературные связи и отношения».

В старом дореволюционном и отчасти в советском литературоведении был в большом ходу термин «литературное влияние». Под это расплывчатое, многосмысленное обозначение подводились весьма различные литературные явления: собственно «влияние», т. е. следование писателя какой-либо определенной литературы за одним или несколькими произведениями писателя другой литературы в идейном и формальном отношении; «подражание»; «воздействие» (без строгого следования за определенным «образцом»); «восприятие»; «усвоение»; «импульс», «веяние», «переработка» и т. д. Как различны ни были идеологические позиции сторонников этого, так называемого сравнительно-исторического, «компаративистского» метода, сознательно или бессознательно они исходили из положения, что литература, оказывающая «влияние» на какую-либо другую, выше, богаче, оригинальнее испытывающей это «влияние». В конечном счете подобные изучения то более, то менее откровенно преследовали политические цели — литературоведческими фактами обосновать экспансионистскую политику своих правительств в отношении «бедных в культурном отношении» народов.

Перед исследователями, принадлежавшими к данной школе, никогда, насколько можно судить по доступным нам источникам, не вставал вопрос о соотношении между «восприятием», «влиянием» и национальными традициями, между «чужим» и «своим».

Однако еще Г. В. Плеханов, первый из марксистских теоретиков стремившийся установить закономерности «влияний» в области литературы и — шире — искусства, высказал мысль, что определенный народ, заимствуя что-либо у другого народа, берет

только то, что соответствует его потребностям в той или иной сфере жизни, усваивает то, что в зачаточной форме уже существует или намечается в национальном обиходе, принимает только то, что необходимо для его развития. При этом чем ближе в социально-политическом отношении эти народы, тем большим будет реальный эффект заимствования.[7] Это важное положение Плеханова подверглось в марксистском литературоведении тщательной проверке на многочисленных фактах общения различных культур и литератур и в результате всего было уточнено и приведено в соответствие с разнообразием реальных отношений, имеющих место в действительности. В том, к чему раньше механистически прилагали понятия «влияние» — «заимствование», «воздействие» — «усвоение» и т. д., стали видеть сложный процесс межнациональных литературных контактов, литературного обмена, зависящего, с одной стороны, от степени различия культурного уровня литературно-обменивающихся народов и даже отдельных классов в этих народах, а с другой — от явлений национальных традиций и новаторства.

Понятие межнациональных литературных контактов, литературного общения вовсе не означает, что обе стороны, участвующие в этом процессе, обязательно испытывают одинаковые импульсы и получают одинаковые результаты этого общения. Например, когда европейские культуры в новое время, с эпохи Возрождения и по конец XVIII в., испытывают в области архитектуры, живописи, скульптуры, литературы и театра то большее, то меньшее «влияние» или «воздействие» античности, то ничего взамен дать не могут, так как «берут» не у живого народа, а у народов, исчезнувших с лица земли. Здесь перед нами пример контактов или обмена одностороннего, с положительным итогом в пользу европейских наций и «нулевым» — для народов античности.

Этот пример не должен быть понят прямолинейно и механично: европейские народы воспринимали в новое время античную культуру не непосредственно от древних греков и римлян, а через посредство других европейских народов, ранее познакомившихся с наследием мира классической древности. Таким образом, из этого примера явствует, что при рассмотрении проблемы литературных контактов, литературного общения необходимо учитывать и понятие «мирового культурного наследия» (античность, Библия).

Другое дело, когда мы обращаемся к нациям и народам, сосуществующим во времени. Здесь процесс контактов — мы будем говорить только о литературных — может иметь разные формы и разную степень интенсивности. Так, все европейские народы в начальном периоде своей литературы много переводят, т. е. берут из литератур других народов, дают им в обмен очень мало — в лучшем случае у этих других народов, обычно ранее развившихся

в литературном отношении, появляются сведения о состоянии образованности и литературы «молодого» народа. Но чем богаче и самостоятельнее становится литература такого народа, тем более усиливаются взаимные литературные контакты, тем больше изменяется «баланс» литературного обмена в его пользу: он уже больше дает другим народам, чем получает сам. Перевод перестает играть роль одного из основных источников обогащения национальной литературы, а становится средством ознакомления с жизнью, культурой, литературой других народов.[7а] При этом, конечно, не исключается возможность возникновения и на этом этапе национального литературного развития каких-либо инонациональных литературных «влияний», «воздействий», «импульсов», «стимулов» и т. п. Процесс литературных контактов, литературного обмена сложен, многообразен и порою противоречив.

Ошибочность механистического «компаративистского» подхода к изучению литературных контактов заключается еще и в том, что сторонники этого направления обычно рассматривают материалы о взаимоотношениях каких-либо двух писателей разных литератур или вообще каких-либо двух литератур, из которых один (или одна) является «воздействующим» (или «воздействующей»), а другой (или другая) — «воспринимающим» (или «воспринимающей»). Между тем при более широком охвате материала обнаруживается, что процесс литературного обмена гораздо более гибок и диалектичен, чем это кажется при «бинарном» («парном») изучении материала. Один и тот же писатель может оказаться и «воспринимающим», когда речь идет о его отношении к писателю другой, более развитой литературы, — например, Ломоносов в его связях с античными и новоевропейскими литературами, и «воздействующим», если рассматривать переводы из его произведений на славянские языки и на языки народов СССР, скажем на грузинский.[8] Еще в большей степени можно проверить это положение при анализе взаимоотношений русской литературы XVIII в., с одной стороны, с западноевропейскими литературами, а с другой — опять-таки с литературами народов СССР, например с тою же грузинской[9] или армянской.[10]

Рассмотрение материалов литературных контактов под таким диалектическим углом зрения показывает, что иногда в истории распространения идей «воспринимающая» литература, приобретя роль «воздействующей», имеет большее значение, чем литература — первоисточник, по крайней мере для какой-нибудь определенной территории и периода.

Сторонники «сравнительно-исторического» изучения литературных взаимоотношений не учитывают, например, такого существенного явления в области межнационального культурного общения, как близость, а иногда и почти полное единство литературного

языка у разных, но родственных в этническом и языковом отношении народов. Например, известно, что так называемый церковнославянский язык с XI по начало XIX в. был основой литературных языков всех восточно- и южнославянских народов, и поэтому русский читатель тех столетий без особенных затруднений мог читать памятники сербской, болгарской, украинской и прочих письменностей, а болгарин, серб, украинец — литературные произведения Московской Руси.

Если ко всем этим сложным вопросам межнационального литературного обмена подходить с позиций не компаративистского, сравнительно-исторического литературоведения, а марксистско-ленинского, многие трудности, встречающиеся на нашем пути, отпадут и многие неясные проблемы прояснятся. Надо только пользоваться приемами коррелятивного, историко-соотносительного или историко-сопоставительного анализа, лишенного «европоцентрического» высокомерия компаративистов, проникнутого глубоким уважением ко всем народам, ко всем литературам, признающего за всеми нациями право и обязанность учиться, оставаясь самими собой, право брать отовсюду, где это окажется нужным и полезным, исходя из своих национальных традиций, творя на своем национальном языке, создавая из этих своих и чужих элементов качественно новые литературные ценности.

Марксистско-ленинское литературоведение не может признать правильным парадоксальный афоризм, принадлежащий, кажется, В. Гюго: «Народы — великие плагиаторы». Нет, в отличие от плагиаторов, просто и внешне присваивающих чужие произведения, чужие мысли, чужое творчество, народы берут новое у своих соседей или вообще у других народов с тем, чтобы творчески переработать это, влить в свою национальную культуру и создать сплав из своего и из заимствованного, сплав, до того органичный, что порою в нем только путем кропотливого анализа можно определить составные элементы.

Чтобы убедиться в том, какое значение для правильного понимания литературного процесса имеют сделанные выше замечания, достаточно привести следующий факт, свидетельствующий о сложности взаимоотношений, которые существовали в XVIII в. между славянскими литературами и русской. Факт, о котором будет сказано ниже, говорит также и о значении русской литературы в истории возрождения некоторых славянских литератур XVIII в., но именно о значении, о стимулирующем ее воздействии, об импульсе, данном этим литературам, а не о пресловутом «влиянии». И вместе с тем нельзя рассматривать излагаемые ниже материалы в качестве свидетельства «посреднической» роли русской литературы, как рекомендуют теоретики компаративизма, обращающие преувеличенное и в то же время одностороннее, однобокое внима-

ние на так называемых посредников, но не придающие должного значения идейной позиции последних.[11] Самое понятие «литературного посредничества» нельзя рассматривать, как это опять-таки делают компаративисты, вне учета национальных традиций, новаторства, переосмысления, полемики и иных идейно и художественно преобразующих условий местного литературного процесса.

Факт, к изложению которого мы приступаем, не нов, в отдельных своих частях достаточно хорошо известен в славяноведении, но, как можно судить по существующим работам, в полном объеме не привлекал к себе внимания и не получил соответствующей своему значению оценки.

В несомненной связи с интересом Петра Великого к южным славянам как потенциальным союзникам в его внешнеполитических планах[12] около середины 1710-х годов был предпринят перевод на русский язык известной в то время книги хорватского ученого, бенедиктинского аббата Мауро Орбини «Storia sul regno degli slavi, hoggi corrottamente detti schiavoni» («История царства славян, ныне неправильно называемых скьявонами». Pesaro, 1601).[13]

Мауро Орбини (или Орбинич) (середина XVI в.—1618) — поздний представитель далматинской образованности. Увлеченный идеей прошлого величия славянских народов и с горечью переживавший политическую несамостоятельность и тяжелую судьбу балканских славян, находившихся под властью турок, Мауро Орбини собрал в своей книге обширные материалы из разных источников и свел воедино разбросанные сведения обо всех тех племенах и народностях, которые действительно были славянского происхождения или представлялись автору славянами. Хотя в итальянском заглавии своего труда Орбини указывал, что в книге, «в частности, рассматриваются доблестные деяния царей, которые в древности правили Далмацией, Кроацией, Боснией, Сербией, Россией и Болгарией», однако он много места уделил тем племенам, которые жили либо раньше, либо позже на территориях, которые упоминались в истории славян, но сами никакого отношения к последним не имели. Такое неправомерно расширительное понимание объекта изучения вместе с характерным, впрочем для той эпохи некритическим, отношением к источникам сильно ослабило позицию М. Орбини как историка, и книга его впоследствии утратила научное значение.

Русский перевод вышел под длинным заглавием, дающим достаточное представление о содержании труда Мауро Орбини: «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их цареи и владетелеи под многими имянами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. Собрана из многих книг исторических чрез господина Мавроурбина архимандрита рагужского. В которои описуется початие, и дела всех народов,

бывших языка славенского, и единого отечества, хотя ныне во многих царствиях рассеялися чрез многие воины, которые имели в Европе, во Азии, и во Африке. Расширения их империи, и древних обычаев, в разных временах, и познание веры, Христа Спасителя, под многими владетельми. Переведена со италианского на россиискои язык и напечатана повелением и во время счастливого владения Петра Великого, императора всероссииского, и протчая, и протчая, и протчая. В Санктпетербургскои типографии, 1722 году, августа в 20 день».

История этого перевода еще недостаточно выяснена. На основании одной рукописной копии этого перевода, хранящейся в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Q.IV.98) и содержащей известие, что книга Орбини переведена «на российский язык от некоторого доброжелателя в С.-Петербурге, 1714 г.»,[14] можно заключить, что, во-первых, переводчик — не русский, а иностранец (доброжелатель) и, во-вторых, что по каким-то причинам выход этой книги в свет задержался на восемь лет.

Вопрос о переводчике сейчас решен точно: в письме Петра Великого в Синод от 18 октября 1722 г. содержится просьба прислать ему новинку — «книгу, которую переводил Сава Рагузинской, о славянском народе с италиянского языка». Это письмо было опубликовано только в середине XIX в.; однако литературная традиция XVIII в. и без документальных данных приписывала перевод книги М. Орбини далматинцу Савве Лукичу Владиславичу, графу Рагузинскому, одному из деятелей Петровского времени.[15] Инициативу же перевода, редактирование его и послесловие к книге традиция приписывала Феофану Прокоповичу, однако на этот раз, кажется, без достаточных оснований. В известном труде И. Чистовича «Феофан Прокопович и его время» приведен отрывок из письма Феофилакта Лопатинского от 27 июля 1716 г., где говорится о том, что ему была прислана И. А. Мусиным-Пушкиным, ведавшим в то время вопросами печатного дела в России, выписка из книги Мавроурбина и что он написал ответ «на повесть ложную о славенских наших апостолах — Мефодии и Кирилле».[16] По-видимому, этот ответ и есть послесловие, напечатанное с особой пагинацией в «Книге историографии» после перевода текста (несколько сокращенного) М. Орбини. Если учесть, что перевод был сделан в 1714 г., возражение Феофилакта Лопатинского было написано в конце июля 1716 г., а Феофан Прокопович прибыл в Петербург из Киева 14 октября 1716 г., то станет ясно, что он едва ли мог быть инициатором перевода, осуществленного до его приезда в Петербург. Однако не исключена все же возможность, что перевод он редактировал и что, хотя Феофилакт Лопатинский и сочинил послесловие-опровержение, Феофан мог признать его неудачным и написать новое. Этим, может быть, и объясняется традиция, иду-

щая из XVIII в. и приписывающая Феофану редактирование перевода и написание послесловия. Кстати сказать, очень заманчива идея путем стилистического анализа решить вопрос об авторе послесловия.

Однако вопрос этот менее существен, чем самый факт необходимости сопроводить книгу Мавроурбина послесловием, опровергающим «ложную повесть» о Кирилле и Мефодии. Чем был вызван ответ Феофилакта Лопатинского или Феофана Прокоповича?

Дело в том, что М. Орбини, хотя и был страстным поклонником идеи единства и величия славянства, все же был и оставался католическим монахом и под влиянием своих религиозных убеждений тенденциозно изложил историю христианизации славян, утверждая, что просветительская деятельность Кирилла и Мефодия осуществлялась с санкции Ватикана. Именно против этих страниц книги М. Орбини и написано послесловие. Оно построено на ссылках из авторитетных писателей восточной церкви и тем самым парализовало в сознании православных читателей католическую тенденциозность хорватского монаха. И именно антикатолическое послесловие помогло последующим читателям в России и на Балканах отделить полезное в книге М. Орбини от неприемлемого для них, враждебного и чуждого в религиозном отношении.

Незадолго до выхода в свет русского перевода книги М. Орбини в Москве была напечатана «Церковная история», или «Церковные летописи», кардинала Чезаре Баронио (латинизированная форма: Цезарь Бароний; 1538—1607), называвшаяся в русском переводе «Деяния церковная и гражданская».[17] Труд Барония, написанный по-латыни и изданный в 12 томах, был проконспектирован польским церковным писателем иезуитом Петром Скаргой, затем этот конспект был переведен на польский язык и напечатан в одном томе (Краков, 1603). Русский перевод был сделан не непосредственно с оригинала, а с польской обработки П. Скарги. Подобно книге Орбини, «Церковные летописи» Барония из-за своей католической тенденции подверглись в России редактированию, сокращениям и некоторым дополнениям в виде предисловия, предупреждавшего православного читателя об особенностях переведенного труда, и стихотворного заключения («Пристежения»), вновь напоминавшего о необходимости осторожного («опасного») отношения к переводу книги Барония—Скарги.

На долю этих двух книг, вышедших из русских типографий и оказавшихся в середине XVIII в. на Балканском полуострове, выпала великая честь послужить побудительным толчком к национальному возрождению — непосредственно болгарской и посредственно сербской литературы.

Во второй половине 50-х годов XVIII в. в руках болгарского иеромонаха, проигумена Хилендарского монастыря (Афон) Паисия

оказались книги М. Орбини и Баронiя в русских переводах. Благодаря своему языку они были совершенно доступны и балканскому читателю. С помощью этих трудов Паисий, еще ранее задумавший написать книгу по истории родного народа, получил возможность осуществить свое намерение. В 1762 г. он закончил «Историю славено-българскую о народахъ и царѣхъ и святыхъ българскихъ и о всехъ дѣяніяхъ българскихъ», которая в рукописном виде получила широкое распространение в болгарской среде. Несмотря на явные недочеты названной «Истории», эта книга, по словам А. Н. Пыпина, «замечательное произведение, с которого начинают теперь историю болгарского Возрождения».[18] Эту оценку труда Паисия разделяют все историки новоболгарской литературы, включая и самых новейших. Так, например, в статье «Паисий Хилендарски в развитието на българската литература» проф. П. Динеков пишет, что «История славено-болгарская» Паисия — «новое явление в истории болгарской литературы ... начало нашего литературного возрождения ... первое значительное произведение новоболгарской литературы».[19]

«История славено-болгарская» представляет для науки интерес и как начало новоболгарской литературы, и как памятник общеславянского литературно-идеологического движения середины XVIII в., и, наконец, как произведение, опирающееся на ряд источников, о которых Паисий упоминает в своем труде. Для целей настоящей работы, рассматривающей связи русской литературы XVIII в. со славянскими литературами, именно этот третий аспект представляет специальный интерес. Теме отношений Паисия к его источникам — М. Орбини и Баронию—Скарге — посвящен ряд работ: болгарского литературоведа Велчо Велчева и итальянских славистов — А. Крониа и Риккардо Пиккио.[20] Однако преимущественное внимание этих исследователей привлекали вопросы языка Паисия и языка его источников и в меньшей мере та идеологическая концепция, которая легла в основу «Истории славено-болгарской», и ее отношение к русским переводам М. Орбини и Баронiя—Скарги.

Между тем как раз эта идеологическая сторона, по нашему мнению, особенно важна и по своему национально-воспитательному воздействию на болгарских читателей XVIII—XIX вв., и потому, что «лингвистико-культурный фонд православной Славии», о котором говорит проф. Р. Пиккио в своей работе 1958 г., существовал не сам по себе, а как языковое и стилистическое выражение определенной национально-прогрессивной идеологии. Только с такой точки зрения и должно подходить к изучению отношения «Истории славено-болгарской» Паисия к ее источникам.

Однако на «Истории славено-болгарской» Паисия Хилендарского не кончаются контакты «Книги историографии» Мауро Орбини со славянскими литературами. Как раз в то самое время,

когда Паисий создавал свой труд по истории Болгарии, в Хилендарском монастыре появился серб Йован Раич (1726—1801), позднее ставший архимандритом одного из сербских монастырей. Из его биографии известно, что он последовательно учился в низшей школе у иезуитов, в средней — у лютеран и в высшей — в православных Киево-Могилянской и Московской академиях. Впоследствии Раич вторично побывал в Киеве и там, под влиянием своих местных друзей, задумал, подобно болгарину Паисию, написать историю своего народа. Весьма возможно, что до него каким-то образом дошли сведения о том, что кто-то в Хилендарском монастыре пишет историю болгар, и он, очевидно, пожелал познакомиться поближе с автором подобного труда. Во всяком случае, как уже сказано было выше, в 1758 г. Й. Раич прибыл в Хилендарский монастырь, «чтобы собрать, — как пишет А. Н. Пыпин, — источники, но невежественные и подозрительные монахи не дали ему свободно пользоваться библиотекой».[21] Можно, однако, думать, что причиной неприязненного отношения хилендарских иноков к пришельцу было не невежество, а понятное опасение, что Раич опередит в своей истории сербов проигумена Паисия, воспользовавшись теми же самыми источниками, на которые опирался болгарский историк. Когда писалась и была закончена «История разных славянских народов, наипаче же болгар, хорватов и сербов» Йована Раича, мы точно не знаем,[22] напечатана она была в Вене в 1794—1795 гг. (в 4 частях). Она имела большой успех у сербских читателей конца XVIII и первой половины XIX в. и, по словам Пыпина, даже в последней четверти прошлого столетия «по некоторым подробностям» сохраняла цену.[23] Вполне понятно, что книга Паисия Хилендарского была Раичу известна, а через нее, а может быть, и независимо от нее, — и «Книга историография» Мауро Орбини.

Таким образом, русские переводы итальянской книги хорватского бенедиктинца XVI—XVII вв. и польской переделки «Церковных летописей» Барония оказались «первым толчком болгарского возрождения» и определенную роль сыграли и в деле возрождения сербской литературы.

Нам могут возразить, что русской литературе XVIII в. в данном эпизоде принадлежит очень скромная роль литературы-посредницы и что видеть в «Историях» Паисия Хилендарского и Й. Раича результат воздействия русской литературы XVIII в. нельзя, не впадая в преувеличения. Мы, однако, и не думаем утверждать, во-первых, что перевод «Книги историографии» Мауро Орбини может рассматриваться в качестве оригинального произведения русской литературы XVIII в. и, во-вторых, что перед нами факт «влияния» или «воздействия» русской литературы на славянские. Гораздо существеннее другое — то, что не итальянский ори-

гинал, не доступный ни болгарину Паисию, ни сербу Раичу, а именно русский перевод оказался важным элементом литературного возрождения этих народов. Конечно, то случайное обстоятельство, что Паисий во время своего путешествия по Австрии нашел русский перевод книги М. Орбини, не сыграло роль побудительного импульса в истории создания трудов хилендарского проигумена и — косвенно — архимандрита Й. Раича. Однако несомненным фактом остается то, что «Книга историография» М. Орбини, один из основных, хотя и сильно критически переработанных источников Паисия, оказалась доступной ему только благодаря своему славяно-русскому языку. Не учитывать этого факта никак нельзя.

А главное, как мы уже указывали, русские переводы Орбини и Барония—Скарги были обработками, отвечавшими потребностям русской культуры начала XVIII в., и поэтому, в определенном смысле, они являются все же фактами если не русской литературы, то русской литературной жизни.

Приведенный нами пример характерен еще в одном отношении: судьба «Storia sul regno degli slavi» М. Орбини показывает, что процесс общения славян на почве изучения собственного и родственного исторического прошлого — процесс длительный и подверженный прихотливым закономерностям, поражающий своими зигзагообразными движениями во времени и в пространстве: русский перевод появляется почти через 125 лет по выходе оригинала и печатается на севере далеко от Пезаро, где впервые увидела свет «Storia» М. Орбини; экземпляр русского перевода болгарин Паисий «обретает», как он пишет в предисловии к своему труду, в Австрии; свое сочинение он пускает в обращение через сорок лет после выхода из печати «Книги историографии»; наконец, «История» Й. Раича публикуется в Вене в конце XVIII в., почти через двести лет со дня издания произведения хорватского монаха. И все же это несомненные звенья одного и того же процесса.

Можно было бы считать судьбу русского перевода книг М. Орбини и Барония—Скарги в славянских литературах не заслуживающей внимания, если бы это был единичный и случайный эпизод в истории общения балканских славян с русской литературой в XVIII в. Между тем давно известно, какой оживленный обмен в области педагогической и тем самым литературной между русскими и сербами имел место в XVIII в.[24] Достаточно напомнить так называемую русскую школу в Сербии во второй трети XVIII в.[25] и приглашение большой группы сербских педагогов (Ф. И. Янкович де Мириево, Г. И. Терлаич и др.) в Россию.[26] Довольно подробно освещены в научной литературе, как русской, так и сербской, вопросы собственно литературных взаимоотношений между сербами и русскими в XVIII в.[27]

Я останавливался до сих пор на материалах, относящихся к болгарской и сербской литературам XVIII—начала XIX в. В специальной работе, изданной к IV Международному съезду славистов, я рассмотрел русско-польские связи в XVIII в. Существуют также данные о связях русской литературы XVIII в. с другими славянскими литературами как в XVIII в., так и позднее, — характерна в этом отношении книга В. А. Францева «Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст.» (Прага, 1925), в которой собран обширный, ценный и интересный материал, почерпнутый почти из всех славянских литератур (за исключением надднепрянско-украинской и белорусской).

Все это дает нам основание полагать, что выдвигаемая нами тема «русская литература XVIII в. и славянские литературы XVIII—XX вв.» законна и если на первых порах своей новизной может показаться неожиданной и даже неправомерной, то это не может и не должно служить препятствием к изучению соответствующих материалов. Опыт изучения русско-польских литературных отношений в XVIII—начале XIX в. является достаточным основанием и серьезной порукой для постановки более широкой темы. Важнее всего сейчас говорить не о том, нужно ли и можно ли изучать эти взаимоотношения, а условиться о том, как изучать их.

Не в меньшей мере, чем при изучении русско-польских литературных отношений XVIII—начала XIX в., успешный ход работы по исследованию взаимоотношений русской литературы XVIII в. и славянских литератур в XVIII—XX вв. зависит от участия в ней как историков русской литературы XVIII в., так и литературоведов-славистов в СССР и специалистов по отдельным славянским литературам в соответствующих славянских странах. Время таких славяноведов-универсалистов, как А. Н. Пыпин, И. В. Ягич, даже В. А. Францев, прошло. В. А. Францев мог еще около 50 лет назад (его книга о Державине у славян была написана в 1916, но напечатана в 1924 г.) создать обобщающее исследование об одном, правда очень крупном, русском поэте XVIII в. в отражении почти всех славянских литератур. Сейчас, при колоссально разросшемся материале, такая задача едва ли по силам кому-либо из современных ученых-славистов. Только совместный труд большого коллектива со строгим и четким разграничением участков работы в состоянии исчерпывающе охватить все известные и обнаружить неизвестные факты, подлежащие изучению. Необходимо для достижения этой цели объединить вокруг данной работы всех заинтересованных литературоведов как в СССР, так и в славянских странах, предоставив им возможность публиковать результаты своих исследований в различных литературоведческих изданиях, и

прежде всего в сборнике «XVIII век», издаваемом Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР. Необходимо уже сейчас понять, что не могло бы осуществиться такое основательное знакомство и глубокое восприятие в славянских странах русской классической, а затем и советской литературы, если бы им не предшествовало или не шло рядом ознакомление с русской литературой XVIII в., хотя неравномерное, запоздалое, во многом зависевшее от индивидуальных интересов тех славянских авторов преимущественно XIX—XX вв., которые своими переводами или историко-литературными статьями знакомили своих единоземцев с деятельностью Ломоносова, Державина, Фонвизина, Богдановича, Капниста и т. д.

Предлагая приступить к изучению намеченной темы, мы должны также указать, что в совокупности проблем, входящих в нее, в особом положении находится исследование русско-украинских и русско-белорусских литературных отношений в XVIII в., и вот почему. Изучение этой группы вопросов входит в состав двух самостоятельных разделов советского литературоведения — истории литературы народов СССР и истории славянских литератур.

Такое двойственное положение взаимоотношений и взаимосвязей русской литературы и литератур украинской и белорусской не должно смущать исследователей; при кажущемся совпадении исходных точек зрения и конечных итогов в обоих случаях, а также материалов, подлежащих анализу, на самом деле перед ними встают разные задачи — определить, с одной стороны, связи русской литературы и данных литератур в процессе формирования единой многонациональной советской литературы и, с другой — охарактеризовать их взаимоотношения, рассматриваемые не в плане политической, а этнической общности, в разные исторические периоды.

Приходится сразу отметить, что так как XVIII век является наиболее печальной эпохой в развитии белорусской культуры,[28] никакие факты русско-белорусских литературных контактов до сих пор не обнаружены. Можно, однако, полагать, что вхождение части Белоруссии в состав Российской империи послужило почвой для более близких культурных контактов между русскими и белорусами. Не исключена возможность, что в дальнейшем будут обнаружены конкретные данные и о литературных контактах. Во всяком случае, в настоящее время история русско-белорусских связей в XVIII в. совершенно не исследована, и поэтому на них мы не можем сейчас останавливаться. Отношения же русско-украинские более или менее основательно изучаемы.[29]

Не следует забывать, что до конца XVIII в., когда появляется «Еней» И. П. Котляревского, написанный на народном языке, украинская литература создавалась на том славяно-украинско-рус-

ском языке, который был очень хорошо понятен и жителям Украины, и жителям Великороссии, хотя самые тексты фонетически читались не вполне одинаково. Поэтому и стихотворец XVII в. Симеон Полоцкий, белорус по происхождению, обучавшийся в Киево-Могилянской академии и затем живший в Москве в качестве придворного поэта царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, и украинцы Стефан Яворский, Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский, даже Г. С. Сковорода являются авторами как русскими, так и украинскими, а первый из них — и белорусским. Литературное единение русских и украинцев в XVIII в., подкреплявшееся единством литературного языка или во всяком случае исключительной близостью литературных языков, было культурным фактом чрезвычайного значения. Этим объясняется наличие на севере России, даже в кругах старообрядцев, списков произведений Ивана Вишенского и Григория Сковороды и на Украине — произведений Кантемира и Ломоносова, переводы которого из Псалтыри пелись еще в XIX в. украинцами-слепцами. Характерно, что одним из первых последователей реформы Тредиаковского в области русской версификации оказался преподаватель Харьковского коллегиума Стефан Витынский. Заметными деятелями русской литературы середины и второй половины XVIII в. были украинцы Кириак Кондратович, племянник Гавриила Бужинского, Иван Голеневский, В. Г. Рубан и в особенности В. В. Капнист, кстати сказать, переведший на русский язык одно из стихотворений Г. Сковороды «Ой ты, птичко желтобоко»,[30] не указав, правда, при этом своего источника.

Кроме того, существенное методологическое ограничение состоит в том, что при изучении русско-украинских литературных связей и взаимоотношений в XVIII в. надо отделять контакты наддне-прянских и слободских украинцев и русских, жителей одного государства, от контактов галицийско-буковинских и закарпатских украинцев, живших в Польше и Австро-Венгрии, и русских, т. е. народов, разделенных политическими границами. Изучение последней группы вопросов началось в самое недавнее время. Однако и здесь накопились небезынтересные материалы. Так, профессор Ужгородского университета П. В. Линтур пишет: «Знакомясь с книжными фондами Ужгородской университетской библиотеки (б. епархиальной), Областного краеведческого музея, Мукачевской монастырской библиотеки и др., мы встретились с множеством московских, петербургских, киевских и других изданий восемнадцатого столетия. Эти издания свидетельствуют о том факте, что литература русского классицизма была хорошо известна в Закарпатье. Здесь читались не только произведения Ломоносова, Сумарокова, Новикова, Державина, Хераскова, но и Татищева, Крашенинникова, Курганова и др.».[31] Слова П. В. Линтура подтвер-

ждаются описью книг библиотеки Ужгородского университета, недавно вышедшей в свет.[32]

Таким образом, и самые отдаленные от северной России украинцы — закарпатские — не остались в стороне от контактов с русской литературой XVIII в., хотя эти литературные отношения в основном приходятся не на XVIII, а на XIX в. Впрочем, подобное «запоздание» наблюдается и в болгарской, и в ряде других славянских литератур. Поэтому тема наша сформулирована именно с учетом того, что в значительном числе случаев знакомство славянских народов с русской литературой XVIII в. хронологически запаздывает, что переводы и подражания делались в XIX и XX вв., а изучения, за единичным исключением,[33] приходятся на XX в.

Тема «русская литература XVIII в. и славянские литературы XVIII—XX вв.» имеет ряд аспектов, у каждого из которых есть свое особое право на специальное внимание исследователей.

Прежде всего должны быть поставлены вопросы о том, каковы были сведения у русских о славянах и у славян о русских, существовали ли в XVIII в. какие-либо отражения славянских литератур в русской и русской в славянских, наличествовали ли какие-либо связи между русской литературой того времени и современными же литературами славян, каков бы ни был характер и уровень их развития, имелось ли хотя бы элементарное знакомство в России с литературами других славянских народов, а у других славянских народов — с русской литературой.[34]

Следующая группа вопросов хронологически выходит за рамки позапрошлого столетия и относится уже к XIX—XX вв., когда русская литература XVIII в. перестала быть «современной», злободневно-актуальной и постепенно превратилась в культурное прошлое русского народа. Собственно только с XIX в. и можно говорить о знакомстве славянских народов с русской литературой XVIII в. — сначала в форме большей частью случайных переводов,[35] переделок и подражаний,[36] а затем и в виде популярных критических статей и историко-литературных обзоров. Необходимо при этом, конечно, помнить, что эволюция отношения самого русского общества к собственной литературе XVIII в. в значительной мере сказалась и сказывается на интенсивности и характере восприятия славянскими народами русского литературного наследия того столетия. Вопрос о знакомстве русских читателей XIX в. со славянскими литературами XVIII в. входит в пределы нашей темы на правах самостоятельного экскурса.

Наконец, следует поставить вопрос о вкладе славянских литературоведов в научную разработку истории русской литературы XVIII в. Здесь имеется в виду вся та совокупность многочисленных фактов, падающих преимущественно на XX в. и главным образом на время после второй мировой войны, которые свиде-

тельствуют о том, что в славянских литературах постепенно возникает живой исследовательский интерес к истории русской литературы XVIII в. Начиная с 20-х годов текущего столетия различные славянские литературоведы, опираясь на архивные и печатные источники своих стран, вносят ценный вклад в изучение русской литературы XVIII в. как публикацией первоисточников (например, профессор Загребского университета И. Бадалич своими работами по истории русского театра при Петре Великом и в ближайшие десятилетия),[37] так и анализом отдельных сторон тогдашнего литературного процесса в России. Среди современных славянских историков русской литературы XVIII в. необходимо назвать имена профессора Софийского университета Велчо Велчева,[38] Евдокию Метеву (София),[39] профессора Ягеллонского университета Виктора Якубовского (Краков),[40] профессора Варшавского университета Самуэля Фишмана,[41] профессора Вроцлавского университета Марьяна Якубца,[42] профессора Варшавского университета Анатолия Мировича,[43] д-ра Рышарда Лужного (Краков),[44] д-ра Францишка Селицкого (Вроцлав),[45] д-ра Юлиана Леваньского (Варшава),[46] Целину Бобиньску (Варшава),[47] Паулину Левин (Варшава),[48] Ярослава Вавру (Прага),[49] Светлу Матхаузерову (Прага),[50] Ярослава Мандата (Брно),[51] Марию Коутну (Брно) [52] и др.

Нельзя здесь не выразить прискорбия о преждевременной смерти выдающегося знатока истории польской литературы эпохи Просвещения, профессора Тадеуша Микульского (Вроцлав), который проявлял живой интерес к аналогичным явлениям русской литературы XVIII в. и предполагал выступить с докладом на тему о русско-польских литературных отношениях в XVIII в. на IV Международном съезде славистов в 1958 г. Его статья «Жизнь Игнатия Быковского» осталась единственным, насколько мне известно, документом интереса к русско-польским литературным контактам.[53]

Большой интерес для анализа нашей проблемы представляют многочисленные работы известного специалиста в области русско-чешских отношений, правда главным образом несколько более ранней поры, профессора-историка А. В. Флоровского (Прага).[54]

Естественно встает вопрос, в какой мере способствуют развитию наших знаний о русской литературе XVIII в. сведения о том, как она воспринималась в славянских литературах в XVIII—XX вв. и как изучается славянскими литературоведами в настоящее время. На него следует ответить так: литература каждого народа является не только отражением его собственной жизни в тот или иной момент, но также в какой-то мере и отражением жизни человеческого общества в целом, поэтому переводы, переделки и подражания литературе данного народа в любой иноязыч-

ной представляют интерес как раскрытие новых, иногда неожиданных сторон в этом национальном материале. Такое же значение имеют и научные исследования славянских литературоведов по истории русской литературы XVIII в.: выросшие на традициях своей национальной культуры, они подходят к исследуемому материалу с иных, хотя, может быть, и близких к нашим, позиций, и это в принципе делает их работы полезными и ценными для исторически точного и научно объективного понимания русского литературного процесса XVIII в.

Если такой ответ не удовлетворит критиков-утилитаристов, нам придется сослаться на близкое по характеру и далекое по материалу заключение в статье профессора Калифорнийского университета (США) Г. Френкель-Конрата «Вирусы — на границе живого и мертвого». Этот выдающийся вирусолог, которому удалось осуществить ресинтез расщепленных вирусов, завершает свою статью вопросом: «Что же это дает людям?» — и отвечает: «Исследуя тайны природы, многие ученые не задумываются над практическим значением результатов исследования, руководствуются желанием узнать тайны природы. Но они никогда не сомневаются, что открытые ими истины будут полезны человечеству».[55]

Литературоведение не может сравниваться с вирусологией и какими-либо другими экспериментальными или точными науками. У него своя область изучения, своя методология, свои приемы изучения, свои задачи и цели. Но открываемые им истины также полезны человечеству, полезны хотя бы тем, что правильно познанное прошлое позволяет понять настоящее, помогает угадывать тенденцию движения вперед, в будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассматривая настоящую статью как программу большого исследования, довести которое до конца (если вообще в науке можно что-либо «довести до конца») можно будет только дружными совместными усилиями большого числа литературоведов-славистов СССР и славянских стран в первую очередь, — и не в очень короткое время, — я счел целесообразным придать примечаниям к моей работе несколько более широкий характер, чем это принято для обычных подстрочных ссылок, а именно — характер подготовительных библиографических и историко-литературных (фактических) материалов, которые могут и должны облегчить отдельным будущим исследователям собирание первоначальных сведений по разным аспектам данной темы. Подобное понимание задачи по необходимости привело к тому, что наряду с простыми библиографическими примечаниями-ссылками возникли маленькие исследовательские экскурсы разного содержания, иногда представляющие самостоятельные справки-разыскания (например, прим. 11 — о путях проникновения русской книги на Балканы в XVIII в.), иногда — только библиографические

«заготовки» для них. По этой причине примечания в большей части случаев очень разрослись, и помещение их сразу же под строкой могло бы оказаться неудобным для некоторой части читателей, так как чтение столь пространных сносок нарушало бы последовательность в восприятии текста статьи. Безусловно трудным было бы в результате этого также и типографское ее оформление. Поэтому я предпочел поместить примечания в конце настоящей работы, хотя сознаю, что для другой части читателей это может оказаться также неудобным. В примечаниях указывается большое количество литературных материалов; считаю, однако, нужным предупредить читателей, что мною учитывалась преимущественно литература последнего пятилетия.

[1] Перечислить здесь работы советских ученых на частные темы, например по вопросу о Пушкине, Л. Толстом, Чехове, Горьком, Маяковском и о других русских писателях в славянских литературах, не представляется просто возможным и целесообразным. Укажу только на многочисленные работы Н. И. Кравцова, А. Л. Григорьева, К. А. Копержинского и других, на ряд изданий Института славяноведения АН СССР («Краткие сообщения», «Литература славянских народов», «Славянский архив» и т. д.). Из специальных работ, посвященных общим обзорам, следует особенно отметить значительную по объему статью Н. И. Кравцова «Русско-югославские литературные связи» в сборнике «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии» (М., 1957, стр. 200—289) с обширной библиографией вопроса. См. также статьи общеисторического характера в «Славянском сборнике» (М., 1947) — М. Н. Тихомирова «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.» (стр. 125—201) и С. К. Богоявленского «Связи между сербами и русскими в XVII—XVIII вв.» (стр. 241—261).

[2] Из огромного числа общих работ, посвященных данной теме, отмечу только наиболее существенные, вышедшие преимущественно в последние пять лет. а) **Болгария:** В. Велчев и С. Русакиев. Изучване на руско-българските и съветско-българските литературни връзки за петнадесет години. — «Годишник на Софийския университет. Филологически факултет», т. LIV, 2, 1959, стр. 87—131; отд. оттиск, София, 1960; Георги Веселинов. Петнадесет години нова филологическа наука. — Там же, стр. XX—XXI; отд. оттиск, София, 1960; В. Велчев. Воздействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през XIX век. София, 1958, 115 стр.; С. Русакиев. Традициите на руската советска литература в развитието на българската литература. — Славистичен сборник, т. II, София, 1958, стр. 213—264; Боньо Ст. Ангелов. Материали за проникване на руската книга в България (XV—XVIII в.). — «Известия за 1959 г. Народна библиотека „Васил Коларов". Библиотека при Софийския държ. университет», т. I (VII), София, 1961, стр. 262—273 (предыдущие работы Б. С. Ангелова см.: В. Велчев и С. Русакиев, ук. соч., стр. 95). б) **Польша:** Marian Jakóbiec. Literatura rosyjska wśród polaków w okresie pozytywizmu. — «Pozytywizm», cz. I, Wrocław, 1950, стр. 259—345; Samuel Fiszman (Warszawa). Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830. — Z polskich studiów slawistycznych. Pracehistoryczno-literackie na IV Międzynarodowy Kongres slawistów w Moskwie 1958, Warszawa, 1958, стр. 101—120; Marian Jakóbiec (Wrocław). Kluczowe problemy stosunków literackich polsko-rosyjskich w latach trzydziestych-czterdziestych wieku XIX. — Там же стр. 121—143. в) **Чехословакия:** Josef Jirásek. Rusko a my, t. I—IV. Druhé vydání. Praha—Brno, 1946; Jan Jiša. Česko-ruské literarní vztahe v minulosti. — «Praha—Moskva», 1955, № 11, стр. 15—28; Andrej Mraz. Z ruskej literatury a jej ohlasov u slovakov. Bratislava, 1955, 213 стр.; E. Panová. Klasické ruské literatura na slovensku od oslobodenia. — «Sovětská literatura», 1955, № 3—4, стр. 303—309; Ján Stanislav. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollégo a L'udevíta Stura. Brati-

slava, 1957, 130 стр.; Ivan Pfaff, Vladimir Zavodský. Tradice česko-ruských vztahů v dějinach (Projevy a doklady). Praha, 1958; Helena Prochazkova. Po stopach dávniho přátelství. Kapitoly z česko-ruských literárnich styků do konce 17. století. Praha, 1959, 164 стр. г) **Югославия:** Josip Badalić. 1) Ruski pisci u književnosti hrvatskoga preporoda. — Hrvatsko Kolo (Matica Hrvatska), 1946, стр. 330—376; отд. оттиск с дополнительным текстом, Zagreb, 1946; 2) Русские писатели в литературе хорватского Возрождения. — «Slavia», 1947, ч. XVIII, стр. 316—342; 3) Ruski pisci u hrvatskej književnosti. Odrazi i utjècaji. — «Јужнословенски филолог», XXIII кн., 1—4, Београд, 1958, стр. 121—139; Mate Ujević (red.). Bibliografija rasprava, članaka i književnosti radova. I. Nauka o književnosti. A—K. Zagreb, 1956, XIII, 859 стр.; L—Z. 1957, [IV], 771 стр.; Bratko Kreft. Fragmenti o slovensko-ruskih stikih. — «Slavisticna revija», 1958, г. 11, стр. 90—108; Радован Калић. Копитањ у руског утицаја на књижевност српског реализма. — «Летопис Матице Српске», кн. 386, св. 2—3, 1960, стр. 155—166. — Ценный обзор представляет статья А. Л. Григорьева: Изучение русской классической литературы в славянских странах. — «Русская литература», 1958, № 3, стр. 196—214. Ср. также: К. И. Ровда. Литературоведы стран народной демократии о русско-славянских литературных связях. — Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г., М., 1961, стр. 384—387; Л. С. Кишкин. Больше внимания изучению связей славянских литератур. — Там же, стр. 380—384.

[3] Начало изучения этих связей было положено несколько раньше. В 1950 г. Ц. Бобиньска опубликовала статью «St. Staszic i A. Radiszczew», в 1953 г. ряд интересных статей был помещен в «Kwartalnikie Institutu Polsko-Radzieckiego», № 2—3, посвященном 250-летию со дня смерти Радищева (подробнее об этом см. ниже). Работал в этом направлении и покойный проф. Тадеуш Микульский, крупнейший специалист в области польской литературы эпохи Просвещения. Однако все это были только отдельные, от случая к случаю написанные работы. Систематическое изучение проблемы началось, как сказано выше, перед IV Международным съездом славистов. См.: Julian Lewański (Warszawa). Związki literackie polsko-ruskie w dziedzinie dramatu wieku XVII i XVIII. — Z polskich studiów slawistycznych. Prace historycznoliterackie na IV Międzynarodowy kongres slawistów w Moskwie 1958, Warszawa, 1958, стр. 63—88; Samuel Fiszman (Warszawa). Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830. — Там же, стр. 101—120; П. Н. Берков. 1) Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958, 63 стр. (IV Международный съезд славистов. Доклады); 2) Русско-польские литературные связи в XVIII веке. [Сокращенная редакция предыдущей работы]. — Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. Доклады советских ученых к IV Международному съезду славистов. М., 1960, стр. 77—105; Ruszard Łużny (Kraków). Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyiskich w XVIII w. — «Slavia orientalis», 1960, № 3, стр. 499—502; O. Spiridowicz. Z problematyki stosunków literackich polsko-rosyjskich w XVIII wieku. — «Język rosyjski», 1960, № 1, стр. 1—6.

[4] Ср. мою статью «Проблемы изучения межнациональных литературных отношений (литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы)» — в сб. «Материалы Первой научной сессии, посвященной литературным связям русского, азербайджанского, армянского и грузинского народов» (Тбилиси, 1962, стр. 8—22). — Ср. также сборник Института мировой литературы им. Горького: Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г. М., 1961, 439 стр.

[5] Н. П. Верховский. Тема «мировой литературы» в эстетических взглядах позднего Гете. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», 1939, серия филологич. наук, вып. 3, стр. 122—150; Fernand

Baldensperger and Werner P. Friedrich. Bibliography of Comparative Literature. New York, 1960, стр. 10 (библиография западных работ об отношении Гете к теме «Weltliteratur», 16 работ с 1835 по 1946 г.).

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Сочинения, т. IV, 2-е изд., стр. 328; Г. М. Фридлендер. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. М., 1962, стр. 323—332. Из старых работ можно указать книгу А. И. Белецкого: К. Маркс, Ф. Энгельс и история литературы. М., 1934, 116 стр. (I. Мировая литература в сочинениях Маркса и Энгельса; II. Литературная критика и литературная политика Маркса и Энгельса).

[7] Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Сочинения, т. VII, М.—Л., 1926, стр. 212.

[7а] История изменений понятия «перевод» и методов работы переводчиков хорошо освещена в последнее время в советской литературоведческой науке. Для целей нашей статьи нет необходимости входить в подробности — достаточно иметь в виду два исторически сменившихся главных типа перевода, охарактеризованные в тексте.

[8] К. М. Колобова. Разговор М. В. Ломоносова с Анакреоном. — «Вестник Ленинградского университета», 1951, № 2, стр. 89—99; П. Н. Берков. 1) Ранние русские переводчики Горация (К 2000-летию со дня рождения Горация). — «Известия АН СССР. Отдел. обществ. наук», 1935, № 10, стр. 1039—1056; 2) Литературные интересы Ломоносова. — Литературное творчество М. В. Ломоносова, М.—Л., 1962, стр. 14—68; Г. А. Талиашвили. Наследуя идеи великого мыслителя. О роли Ломоносова в развитии грузинской общественной мысли. — «Вечерний Тбилиси», 1961, 20 ноября, № 268, стр. 3.

[9] Т. О. Рухадзе. Из истории грузинско-русских литературных связей (XVI—XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси, 1962, 41 стр.; Л. С. Шепелева. 1) Из истории русско-грузинских культурных связей в XVIII веке («Ефигения» Давида Чолокашвили). — «XVIII век», сб. 4, М.—Л., 1959, стр. 355—371; 2) Георгий Авалишвили — переводчик Сумарокова. — Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, стр. 353—359.

[10] Русет Оганнисян. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван, 1952, стр. 16—17 и 211—214; К. Н. Григорьян. 1) Армянская культурная колония в Петербурге в XVIII в. — «Известия АН АрмССР», 1953, № 9, стр. 53—74; 2) Русские печатные источники конца XVIII—начала XIX в. об Армении. — Там же, 1955, № 6, стр. 79—94; 3) Из истории русско-армянских литературных отношений X—начала XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1955, 36 стр.

[11] P. Van-Tieghem. La littérature comparée. Paris, 1931, стр. 152—167 («Les Intermédiaires»). Изд. 3-е (1946) мне было недоступно. Подробную библиографию вопроса см.: F. Baldensperger and W. P. Friedrich. Bibliography of Comparative Literature. New York, 1960, стр. 32—54. Здесь рассматривается «посредническая» роль переводчиков, путешественников, политических и религиозных эмигрантов, колонистов, журналов и газет, университетов, школ, библиотек, ученых, студентов, дипломатов, авторов, пишущих на двух языках, и т. д. В изучении славяно-русских культурных отношений мы сталкиваемся с такими типами «посредников», которые, насколько можно судить по доступным нам материалам, неизвестны в компаративистском литературоведении, а именно правительство и книгопродавцы. В работах по связям балканских славян с русскими постоянно приходится сталкиваться с тем, что приезжавшие в Россию представители православных славян обращались к московским царям с просьбой выдать им потребные для богослужения церковные книги на славянском языке (см. статью С. К. Богоявленского, указан-

ную в прим. 1). В дальнейшем, в конце XVII—начале XVIII в., русское правительство по своей уже инициативе посылало богослужебные книги сербам, как находившимся под австрийским, так и турецким владычеством. Подобные посылки имели не просто благотворительный, но и чисто политический характер, так как способствовали борьбе сербов против политики австрийского правительства, ставившего своею целью окатоличение всего славянского населения империи. В 1728 г. при императоре Карле VI венское правительство запретило ввоз любых книг из России, тем не менее славяне продолжали получать печатные издания на славянском и русском языках. Несколько ранее этого времени крепостные крестьяне помещика Бутурлина из села Палех вели обширный торг иконами со славянами, проживавшими в Турции. И, по-видимому, они торговали также и книгами. Несмотря на запрещения турецких властей, торговля эта продолжалась и в дальнейшем. В дополнение к сведениям, сообщенным в упомянутой выше статье С. К. Богоявленского, можно указать, что в рецензии проф. Н. М. Петровского на книгу П. А. Заболотского «Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. I, 1. Русская струя в литературе сербского Возрождения» (Варшава, 1908) приведена чрезвычайно интересная и важная выписка из старинной книги, проливающая свет на пути проникновения русских печатных изданий в XVIII в. в Болгарию, Сербию, Карпатскую Украину, Галицию, Молдавию и Валахию и пр. Интересно, что речь здесь идет опять-таки о крестьянах Бутурлина и других соседних помещиков («Журнал министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 427—429). Материалы, на которые указал в своей рецензии Н. М. Петровский, позволяют понять казавшийся ранее не совсем ясным и даже правдоподобным факт привоза русских книг «многими подводами» в Закарпатье (ср.: А. Л. Петров. К истории «русских интриг» в Угрии в XVIII в. — Карпаторусский сборник, Ужгород, 1931, стр. 123—136). Сохранились сведения и о том, что предприимчивые книгопродавцы из сербов наладили получение книг из России и в таком количестве, что для них имело смысл даже издать в 1804 г. печатный каталог продаваемых русских книг и журналов. Подробнее об этом см. в статье Н. А. Попова «Заметка о торговле русскими книгами между австрийскими сербами в начале сего столетия» («Русский архив», ч. I, № 2, 1873, стлб. 159—163); здесь приведены сведения о «Каталоге разных церковных, молитвенных, исторических и школьных славяно-сербских и славянских (т. е. русских) книг, которые находятся у г. Дамиана Каулици, книгопродавца в Новом Саде» (В Будине, 1804, 39 стр.). Весьма возможно, если судить по составу книжного ассортимента у Каулици, он получал книги из Москвы от Н. И. Новикова. Продажа русских изданий в Новом Саде продолжалась до 20-х годов XIX в. (см.: В. А. Францев. Державин у славян. Прага, 1925, стр. 53). Дополнительные сведения по этому вопросу см.: Др. Мита Костић. Рускосрпска књижарска трговина Терезијанског доба. — «Изветшај српске прав. велике гимназије Карловачке за школ. годину 1911/12». Књига 53, година 60, Карловцы, 1912, стр. 1—18; Ј. Скерлић. Историја нове српске књижевности. Изд. потпуне. Београд, 1914, стр. 133; Евгений Недзельский. Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932, стр. 81—82.

[12] А. А. Кочубинский. 1) Сношение России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М., 1872 (отд. оттиск из «Чтений в имп. Московск. общ. истории и древностей российских», 1872, кн. 2, стр. 1—98); 2) Сношения румынов и юго-славян при Петре. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1872, ч. 162, июль, стр. 52—140; С. К. Богоявленский. Из русско-сербских отношений при Петре Первом. — «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 19—41; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. Под ред. Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко, М., 1954, стр. 529—530.

[13] Об этой книге см: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Под ред. П. Н. Беркова, М.—Л., 1955, стр. 384—386. — Книга Л. Равы (L. Rava. Mauro Orbini. 1913) осталась мне недоступна. Литература о Мауро Орбини на русском языке невелика: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 331—332; В. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867, стр. 97—100; А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. СПб., 1879, стр. 187; И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 9; Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 43 (1897), стр. 91; Новый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 29 (1916), стлб. 609. — Ср. также: М. Решетар. Орбини Мавар. Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка, III књига. Н.—Р. Загреб, 1928, стр. 212; Arturo Cronia. Il «Regno degli slavi» di Mauro Orbini (1601) e la «Istoria slavenobolgarskaja» del monaco Paisi (1762). — «Bulgaria», I, n. 1—2, 1939, стр. 45—48; n. 3, стр. 138—152; отд. изд.: Roma, 1940; Arturo Cronia. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Bilancio bibliografico di un millennio. Padova, 1950, стр. 228—230 (с небольшой библиографией).

[14] П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 577.

[15] Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Под ред. П. Н. Беркова, М.—Л., 1955, стр. 384. О Савве Лукиче Владиславиче — Рагузинском см.: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 252—255; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV. Изд. 3-е, «Общественная польза». СПб., б. г., см. по «Указателю к Истории России с древнейших времен Сергея Михайловича Соловьева» (составил С. М. Соловьев. СПб., б. г., стлб. 429—430). Письмо Петра I о переводе книги Орбини С. Л. Владиславичем — Рагузинским приведено (в отрывке) в «Истории России» С. М. Соловьева (кн. II, стлб. 802).

[16] И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 30, прим. 4.

[17] Полное заглавие: «Деяния церковная и гражданская от рождества господа нашего Иисуса Христа. Из летописи Кесаря Баронiя собранная, переведенная с польского языка на славенски, кроме явных с церковию православною восточною противностей римских у Баронiя и Скарги обретающихся, повелением же его царского пресветлого величества всероссийского Петра Перваго напечатанная. В царствующем граде Москве, первое: лета господня 1719». Подробнее об этом издании см.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. Под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., 1958, стр. 208—211; П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 327—328; т. II, стр. 446—447.

[18] А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1879, стр. 105.

[19] Проф. Петър Динеков. Възрожденски писатели. София, 1962, стр. 31.

[20] Велчо Велчев. Отец Паисий Хилендарски и Цезарь Бароний. Принос към изследване изворите на паисиевата история. София, 1943; A. Cronia. Il «Regno degli slavi» di Mauro Orbini (1601) e la «Istoria slavenobolgarskaja» del monaco Paisi (1762). — «Bulgaria» (Roma), 1939, I, n. 1—2, стр. 45—48; n. 3, стр. 138—152; R. Picchio. Gli annali del Baronio—Skarga e la Storia di Paisij Hilendarski. — «Ricerche slavistiche», t. III, 1954, стр. 211—233; R. Picchio. La «Istorija slavenobolgarskaja» sullo sfondo linguistico-culturale della Slavia ortodossa. Roma, 1958, 16 стр. (Associazione

italiana di filologia slava. Comunicazioni al IV congresso internazionale degli slavisti. Mosca, Settembre, 1958).

[21] А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1879, стр. 204.

[22] И. В. Ягич в «Истории славянской филологии» (стр. 184) указывает как дату завершения работы И. Раича 1768 г.

[23] А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1879, стр. 205.

[24] Основной материал см.: П. А. Заболотский. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. I, 1. Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава, 1908, 431 стр. Эта книга вызвала разные нападки со стороны Н. М. Петровского (см. его рецензию в «Журнале Министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 417—437) и В. Н. Перетца («Известия Отделения русского языка и словесности», т. XIV, кн. 4, 1909, стр. 282—304; отд. отт.: Новый труд о сербско-русских литературных отношениях. СПб., 1910, 23 стр.). Ср. ответ П. А. Заболотского: К вопросу о русской струе в литературе сербского возрождения. (Ответ на рецензию проф. В. Н. Перетца). — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XV, кн. 3, 1910, стр. 229—269. Хотя рецензенты во многом были правы, но все же нельзя не согласиться с оценкой, данной книге П. А. Заболотского проф. В. А. Францевым, как исследованию, которое «заключает весьма интересный и обильный материал для характеристики русско-сербских литературных отношений первой половины XIX ст.» (В. А. Францев. Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1925, стр. 54). Можно только прибавить — и для характеристики русско-сербских отношений в XVIII в.

[25] П. А. Кулаковский. Начало русской школы сербов в XVIII в. Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы. — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. VIII, кн. 2, 1903, стр. 246—311; кн. 3, стр. 190—297; отд. отт., СПб., 1903. Очень ценна анонимная статья «Суворов, Максим Терентьевич» в «Русском биографическом словаре» («Суворова—Ткачев», СПб., 1912, стр. 94—96), не привлекавшая внимания исследователей и содержащая дополнительные сведения об одном из крупнейших деятелей русской школы в Сербии. Ср. о нем также в рецензии Н. М. Петровского («Журнал Министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 428) и в статье С. К. Богоявленского «Связи между сербами и русскими в XVII—XVIII вв.» («Славянский сборник», М., 1947, стр. 254—257). В книге 49 «Споменика Српске краљевске Академије» (1910) напечатаны Письма Максима Суворова (стр. 74—95; 103—115).

[26] В. И. Григорович. Об участии сербов в наших общественных отношениях. Одесса, 1876; Н. И. Петров. 1) Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе. Киев, 1876; 2) Воспитанники Киевской академии из сербов с начала синодального периода и до царствования Екатерины II (1721—1762 гг.). — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. IX, кн. 2, 1904, стр. 227—255; А. С. Воронов. Ф. И. Янкович де Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858, 168 стр.; анонимная статья «Янкович де Мириево, Федор Иванович» в «Русском биографическом словаре» («Яблоновский—Фомин»; СПб., 1913, стр. 135—139); Большая советская энциклопедия, изд. 2-е, т. 49, 1957, стр. 567—568; Josef Matl. Die Leistungen der theresianisch-josefinischen Schulreform für den Kulturfortschritt der Südslaven. — «Österreich in Geschichte und Literatur. Sonderheft — 200 Jahre Osterreichische Unterrichtsverwaltung», Wien, 1960, стр. 20—21.

[27] См. указанную в прим. 24 книгу П. А. Заболотского и рецензии на нее Н. М. Петровского и В. Н. Перетца, а также рецензии, перечисленные

в ответе П. А. Заболотского. — Полезны также следующие труды: М. Н. Сперанский. 1) Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на югославянскую. — «Русский филологический вестник», 1896, № 3—4, стр. 193—223; отд. отт., Варшава, 1896, 31 стр.; 2) К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. (Русские памятники письменности на юге славянства). — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XXVI, 1921, стр. 143—206; 3) К вопросу о русском влиянии в сербской литературе XVIII в. — Труды Института славяноведения, т. II, 1934, стр. 27—33; Ј. Скерлић. Историја нове српске књижевности. Београд, 1914, стр. 37—40 («Руско-словенски писци. I. Руски утицаји код Срба у XVIII веку»); Јаша Продановић. Утицаји руске књижевности на српску књижевност (у XVIII и XIX в.). — «Живот и рад», 1940, т. XXX, стр. 32—39 и 129—135. Последняя работа была мне недоступна. Ср. также упомянутую в прим. 1 статью Н. И. Кравцова.

[28] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III. Очерк словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном языке. Пгр., 1922, стр. 3—4; М. К. Дабрынін. Беларуская літаратура. Старажытны перыяд. Мінск, 1952, стр. 300; Віталі Вольскі. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры эпохі феадалізма. Мінск, 1958, стр. 157—159 («Заняпад кніжнай культуры у XVIII стагоддзі»).

[29] Л. Ф. Стеценко. Українська література в боротьбі за возз'єднання і зміцнення дружби України з Росією. — «Єднання братніх літератур». Київ, 1954, стр. 18—21; Ф. Я. Шолом. 1) Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття. I. Сатири А. Д. Кантеміра та українські сатиричні вірші XVIII століття. II. Шоста сатира А. Д. Кантемира «На состоянії віка (свѣта) сего. К солнцу» за новознайденим київським списком середини XVIII століття». — «Наукові записки Київського державного університету ім Т. Г. Шевченка», т. XI, вип. IX, Філологічний збірник, № 4, Київ, 1952, стр. 125—151; 2) Російсько-українські літературні зв'язки після возз'єднання України з Росією в 1654 році. Нариси з історії російсько-українського літературного єднання у другій половині XVII—XVIII ст. — «Наукові записки...», т. XIII, вип. II. Збірник Філологічного факультету, № 5, Київ, 1954, стр. 27—60; 3) Общественно-политическая поэзия XVIII века на Украине. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1950, 16 стр.; ср. также: сб. «Російсько-українське літературне єднання. Збірник статей за загальною редакцією О. І. Білецького та М. К. Гудзія», Вип. перший, Київ, 1954, 461 стр., Н. Є. Крутікова. Російсько-українські літературні зв'язки та їх значення для української літератури XIX століття — «Доповіді наукової сесії Інституту української літератури ім. Т. Г. Шевченка Академії наук Української РСР (17—22 червня 1950 р.)», Київ, 1950, стр. 107—126; Н. Е. Крутикова. Литературные связи русского и украинского народов. Материалы в помощь учителю. М., 1954, 52 стр.; С. Ф. Елеонский. Из истории русско-украинских отношений в русской литературе XVIII—первой половины XIX вв. — «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. XLVIII, вып. 5, 1955, стр. 47—80.

[30] D. Čyževśkij. Literarische Lesefrüchte. V, 44. V. Kapnist und Skovoroda. — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1937, H. 3—4, стр. 337—346.

[31] П. В. Линтур. Ломоносов и традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX ст. — «Доклады и сообщения, посвященные 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Серия филологическая, № 8», Ужгород, 1962, стр. 33 (Ужгородський держ. університет).

[32] В. Л. Микитась. Давні рукописи і стародруки. Опис і каталог. Ужгород, 1961, 95 стр. (Ужгородський держ. університет. Бібліотека).

[33] V. Jagić. Ruska književnost u osmnaestom stoljecu. Zagreb, 1895, 281 стр.

[34] Рассмотрение этого круга материалов целесообразно начать с предисловия к «Лексикону треязычному» Федора Поликарпова (М., 1704). Объясняя читателям построение своего славяно-греко-латинского словаря и напомнив, что, по преданию, на кресте, на котором якобы был распят Иисус Христос, была надпись на трех языках — древнееврейском, греческом и латинском, — предопределившая мировое значение этих трех языков, Федор Поликарпов продолжал: «Два убо языка, сиречь греческий и латинский, сами собою суть креста Христова начертания. Вместо же языка еврейского наш предпоставихом славенский, яко поистине отца многих языков благоплоднейша. Понеже от него аки от источника неисчерпаема, прочиим многим произыти языком, сиречь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссиискому и иным множайшым всем есть явно. Не малую же и отсюду наш язык славенский имеет почесть, яко начало восприят от самыя Славы. Ибо еже греком есть δόξα, латином gloria, сие нам есть слава. Отнюду же чрез имене производство от славы, славенский и род, и язык преславное свое начало восприяша. Тем же убо, юже древле божественное писание воспе похвалу Вифлеемскому граду: И ты (рече) Вифлееме, земле Иудова ничим же менши еси в владыках Иудовых, тую похвалу, мало нечто изменише, о языце нашем славенском, славе соименитом, можем проповедати: И ты, роде и языче славенский, ничим же менши еси в началных родех и языцех. Сей убо язык наш славы Сына или паче рещи Отца...». Далее необходимо привлечь материалы из всех русских трудов XVIII в. по истории России (в особенности Татищев, Ломоносов, Ф. Эмин, Елагин), где говорится о генеалогии русских славян. В этой связи специальный интерес приобретает статья в «Новом санктпетербургском вестнике» «Перечень [конспект] письма г. Говеля и грамота Александра Великого, данная славянам» (1786, кн. II, стр. 145—146). О грамоте Александра Македонского славянам см.: F. Pfister. Das Privilegium Slavicum Alexanders des Großen. — «Zeitschrift für Slawistik», B. VI, H. 3, 1961, стр. 323—345. Имеют значение и географические представления русских людей XVIII в. о западных и южных славянах, а также данные о знании в России языков западных и южных славян. О славянской тематике в русской журналистике XVIII в. см.: А. Н. Неустроев. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому розысканию о них. СПб., 1898 (под словами: «Славяне», стр. 627; «Язык», стр. 797; Народы», стр. 422; «Богемия», стр. 58; «Польша», стр. 510—512, и т. д.).

[35] Очень существенную помощь могут оказать в этом отношении библиографические работы, к сожалению немногочисленные, о переводах на разные славянские языки с других языков, в том числе и с русского, включая переводы произведений XVIII в. Укажу некоторые библиографии подобного рода. **Болгария:** Маньо Ст. Манев. Руската книга в България до Освобождението. — «Известия за 1953 г. Държавна библиотека „Васил Коларов". Юбилеен сборник». София, 1955, стр. 193—219. Существующие в литературе указания, будто в Кишиневе в 1895 г. была напечатана работа П. Д. Драганова «Русские ученые, писатели и публицисты в болгарском переводе с возникновения новоболгарской литературы до нашего времени» (см.: Новый сборник по славяноведению. Составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905, Приложение, стр. XLIV; В. А. Францев. Державин у славян. Прага, 1925, стр. 67), не верны: очевидно, работа П. Д. Драганова не была напечатана — ее нет ни в одной ленинградской библиотеке, не упомянута она и в «Списке изданий, вышедших в России» в 1894—1896 гг.; ср. об этом в моей книге: Библиографическая эвристика. (К теории и методике библиографических разысканий). М., 1960, стр. 103; **Чехословакия:** Josef Bečka a druhí. Slavica v české řeči. I. České překlady ze slovanských jazyků do r. 1860. Praha, 1955, стр. 83—112 (переводы с русского учтены: Державин,

стр. 87; Херасков, стр. 90; Кантемир, стр. 92; Карамзин, стр. 92—94; Ломоносов, стр. 97. Ряд переводов учтен в качестве анонимных; возможно, что среди них есть и переводы произведений XVIII в., например «Rajský pták», стр. 105, № 1774, может быть «Райская птичка» Карамзина); Co čist z literatur slovanských? Praha, 1957, стр. 49 (Радищев); N. Andrić. Prijevodna beletristika u Srbâ od god 1777—1847. Književna studija, Zagreb, 1892; для более позднего времени см.: Доц. Г. Чуич. Русская литература на сербском языке. (Отдельный оттиск из «Трудов Воронежского гос. университета», т. III, 1926). Воронеж, 1926, 25 стр. (учтены: Фонвизин. Всеобщая придворная грамматика, стр. 6; Карамзин. Марфа-посадница, стр. 8). П. А. Заболотский в не раз называвшихся выше «Очерках русского влияния в славянских литературах нового времени» указывает, что в сербской литературе конца XVIII и первой половины XIX в. ему не удалось найти ни переводов, ни упоминаний передовых русских писателей XVIII в. — Кантемира, Радищева, Новикова (стр. 376—377). В рецензии на книгу Заболотского В. Н. Перетц, опираясь на данные «Каталога рукописей и старопечатных книг Сербской академии наук» Л. Стояновича, отметил, что сохранился список «Сатир» Кантемира, сделанный И. Раичем (Новый труд о сербско-русских литературных отношениях. СПб., 1910, стр. 11). Желательно было бы выяснить, с какого текста была сделана эта копия, если она сохранилась. О знакомстве сербских читателей с Новиковым — по крайней мере с его «Опытом исторического словаря о российских писателях» — см. следующее примечание. Кроме того, о связях сербского книгопродавца Д. Каулици с Новиковым см. выше, прим. 11.

В «Каталоге» Каулици отмечены «Живописец» Новикова и другие его издания. — Полезный материал содержится в несколько раз цитировавшейся книге В. А. Францева «Державин у славян» (Прага, 1925). Отмечу, что на стр. 15 В. А. Францев упоминает «некоего Литынского» и прибавляет, что «о нем мы, к сожалению, не имеем никаких других сведений». Тад. Н. Литынскому принадлежат пять томиков «Pisma różne wierszem i prozą» (Wilno, 1808—1817), где есть ряд переводов с русского. — Необходимо пересмотреть истории славянских литератур и выбрать (хотя бы по указателю имен) все упоминания о встречающихся в славянских литературах переводах, подражаниях, переделках и т. д. произведений русских писателей XVIII в. См., например, у Пыпина и Спасовича и у Скерлича о переводе «Нумы Помпилия» Хераскова Г. Терлаичем, у Е. Недзельского упоминания о Фонвизине в связи с комедией И. И. Даниловича «Семейное пражднество» и т. д. Нельзя забывать и того, что многие переводы, сделанные на славянские языки якобы с европейских, на самом деле являлись переработками русских переводов.

[36] П. А. Заболотский в «Очерках русского влияния в славянских литературах нового времени» приводит любопытные сведения о том, что сербский литератор П. Стаматович «почти буквально» перевел державинскую «Оду на смерть князя Мещерского» и, несколько видоизменив текст, напечатал как «Плач на смерть преосвященного г. Иосифа Путника» на страницах своего альманаха «Сербская пчела» (1832, стр. 145, прим. 2). Подробнее см. об этом в книге В. Францева «Державин у славян» (стр. 60—61). На стр. 282—283 П. А. Заболотский указывает, что другой сербский литератор Н. Шимич также совершил плагиат, напечатав ломоносовский «Псалом 26. Утешение благочестивого человека» как собственное произведение под заглавием: «У Турецкой Сербіаномъ утѣшеніе по XXVI псалму Н. Шимичемъ преложенное». Наконец, в рецензии на книгу П. А. Заболотского Н. М. Петровский приводит установленный им самим факт «обработки сербами русских стихотворений»: «Стихи на смерть Федора Александровича Эмина», помещенные в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и, по всей вероятности, им и сочиненные, были переделаны в 1800 г. каким-то сербским автором в стихотворение «В память Петра, епископа Темишварского» («Жур-

нал Министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 431—432).

[37] Работы проф. И. Бадалича по истории русского театра XVIII в.: Spomenici ruske drame XVIII vijeka u zagrebačkoj sveučilišnoj knjižnici. — «Ljetopis Jugoslavenske akademije znanostii i umjetnosti u Zagrebu za god 1922», Zagreb, 1923, sv. 37, стр. 85—95; Iz ruske dramatike epohe Petra Velikoga «Strašnoje izobraženie...» — «Споменик Српске Академије наука», књ. 62, 1925, стр. 1—61; Русские интерлюдии первой половины XVIII века. — «Slavia», IV, seš. 3, 1925, стр. 523—537; Об одном драматическом памятнике Петровского времени. Акт или действие о Петре Златых Ключах. — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XXXI, 1926, стр. 231—266; Споменици руске школске драме Јелисаветинскога времена. — «Споменик Српской АН», књ. 67, 1927, стр. 7—57; Dvije sumarokovljeve tragedije u rukopisima Zagrebačke sveučilišne knjižnice. Две трагедии Сумарокова среди рукописей Университетской библиотеки в Загребе. — «Zbornik radova. Filozofski fakultet. Sveučilište u Zagrebu», Knjiga I, God. 1951, стр. 287—310; Комическая опера «Матросские шутки» и ее автор. — «XVIII век», сб. 4, 1959, стр. 422—425. (Совместно с П. Н. Берковым).

[38] Руска литература в образци и очерки, ч. II, XVIII век. София, 1955, 457 стр. (Литографир. издание).

[39] Евдокии Метевой принадлежит «специальная и обширная работа о проникновении и воздействии Фонвизина» в Болгарии (В. Велчев и С. Русакиев. Изучване на руско-българските литературни връзки за петнадесет години. Отделен отпечатък, София, 1960, стр. 97). Называется работа «Фонвизин у нас». Опубликована она в 1958 г.

[40] Nieznane polonicum Radiszczewa. — «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», t. LI, № 1, 1950, стр. 21; также в журнале: «Pamiętnik Słowiański», t. II, 1950, стр. 121—126. — Alexander Radiszczew. Podróż z Petersburga do Moskwy (Wybór). Przełożył Seweryn Pollak. Opracował i wstępem opatrzył Wiktor Jakubowski. «Książka i Wiedza», Warszawa, 1951; Alexander Radiczczew. — «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», 1953, № 2—3, стр. 13—25; Alexander Radiszczew. Podróż z Petersburga do Moskwy. Przełożył Seweryn Pollak. Opracował Wiktor Jakubowski, Professor Uniw. Jagiell. Wrocław, 1954, CXIII, 289 стр. (стр. CIII—CIX: V. Radiszczew w Polsce); Antologia literatury rosyjskiej XVIII wieku. Część pierwsza. 1700—1760. Teksty. Warszawa, 1954, 113 стр.; Przypisy, 76 стр.; Antologia literatury rosyjskiej XVIII wieku. Część druga. 1760—1800. Teksty. Warszawa, 1957, 194 стр.; Przypisy, 100 стр.; Antologia literatury rosyjskiej XVIII wieku. Część trzecia. Warszawa, 1959, Teksty, 258 стр.; Przypisy, 108 стр.

[41] Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830 г. — «Z polskich studiów slawistycznych», t. II, Warszawa, 1958, стр. 101—120; Zoriana Dołęgi-Chodakowskiego «Notacje o Łomonosowie». — «Slavia orientalis», 1962, № 2, стр. 153—158.

[42] Kilka sądów polskich o Radiszczewie. — «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», 1953, № 2—3, стр. 40—51.

[43] O języku Radiszczewa. — «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», 1953, № 2—3, стр. 52—58.

[44] «Historia» Ignacego Krasickiego po rosyjsku (Z dziejów powiązań kulturalnych polsko-rosyjskich okresu Oświecenia). — «Slavia orientalis», 1960, № 2, стр. 329—342; Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w XVIII st. — «Slavia orientalis», 1960, № 3, стр. 499—502; Monografia «Jabiedy» Kapnista. — «Slavia orientalis», 1960, № 4, стр. 155—160. — Rosyjskie czasopiśmenictwo satyryczne XVIII w. (Wybór źródeł). Przełożył i opracował Ryszyrd Łużny. Wrocław—Kraków, 1960, CLX, 347 стр. (Biblioteka narodowa, Seria II, № 120). — Z badań nad rosyjskim czasopiśmenictwem satyrycznym okresu Oświecenia. Warszawa—Kraków, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962, 163 стр.

[45] Łomonosow w Polsce. — «Slavia orientalis», 1962, № 2, стр. 159—182.
[46] Związki literackie polsko-ruskie w dziedzinie dramatu wieku XVII i XVIII. — «Z polskich studiow slawistycznych». Warszawa, 1958, стр. 63—88.
[47] St. Staszic i A. Radiszczew wobec kwestii spoleczno-gospodarczych (Próba porównania historycznego). — «Przegląd historyczny», t. XL, Warszawa, 1950, стр. 210—252.
[48] Перу Паулины Левин принадлежит ряд содержательных рецензий и отчетов, связанных с историей русско-польских литературных отношений с древнейших времен и до XVIII в. включительно; они печатаются в «Slavia orientalis» и в «Pamiętnikie literackim».
[49] K charakteru a vývoji česko-ruských vztahů a slovanské vzájemnosti u 18. a na počátku 19. století. — «Historický časopis», 1960, № 2—3, стр. 238—242. Ср. там же: Anna Horákova-Gašpariková. Poznámka o slavensko-ruských vzťahoch v 18. stor. (стр. 242—243). Обе статьи представляют собой выступления авторов по докладу Яна Тибенского (Ján Tibenskij. Predstavy o slovanstve na Slovensku v 17. a 18 storočí, там же, стр. 198—224). Как материал для истории словацко-русских литературных отношений укажу факт, насколько мне известно, не учтенный исследователями. В журнале Н. И. Новикова «Живописец» (1773, ч. II, лист 4) помещена «Надпись к реке Волге, сочиненная в Вене на латинском языке г. Колларом, библиотекарем книгохранительницы цесарской, 1772» (см.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. ст. и комментарии П. Н. Беркова, М.—Л., 1951, стр. 392; прим., стр. 579). Речь идет о словацком просветителе Франтишке Адаме Колларе (1718—1783), о котором известно, что в его библиотеке были произведения Ломоносова на русском языке (Ján Mišianik, Josef Minárik, Milena Michalcová, Andrej Melicherčik. Dejiny staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1958, стр. 263—266); из более ранней литературы о Ф. А. Колларе см.: Dr. Constant v. Wurzbach. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich, XII. Th. Wien, 1864, стр. 324—325. Вурцбах считает Коллара не то венгром, не то немцем. — В своем выступлении Я. Ваврa правильно обратил внимание на отношение славянских ученых XVIII в. к Петербургской Академии наук. Следовало бы вообще поставить вопрос о роли нашей Академии наук в развитии русско-славянских литературных и научных контактов в XVIII в. Попутно отмечу, что в Архиве АН СССР имеются письма Матея Беля (см. статью Е. С. Кулябко в настоящем сборнике, стр. 168—171).
[50] Ruský «Roman ve veršich» XVIII století. — «Československá rusistika», 1959, № 1, стр. 1—14 и 64; Ruský zdroj monologické románové formy (M. D. Čulkov). Praha, 1961, 123 стр. и 4 табл. (Rozpravy Československé Akademie věd, 1961, seš. 1, r. 71).
[51] M. D. Čulkow — předchůdce Herderův na Rusi (Nástin života a tvorby). — Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací, Praha, 1958, стр. 428—440; Lidová pohádka v ruském vývoji literárním. Praha, 1960, 150 стр. (Spisy university v Brně. Filosoficka fakulta, svazek 69).
[52] Satirik Antioch Kantemir. — Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací, Praha, 1958, стр. 88—99.
[53] Zycie Ignacego Bykowskiego. — «Pamiętnik literacki», 1950, № 3—4, стр. 1045—1071; также в кн.: Ze studiów nad Oświeceniem. Zagadnienia i fakty. Warszawa, 1956, стр. 463—503. — Dodatek z korespondencji Bykowskiego. — Ze studiów nad Oświeceniem. Zagadnienia i fakty. Warszawa, 1956, стр. 504—516.
[54] А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935, XVI, 527 стр.; Vliv staré ceské literatury v oblasti ruské. — Co daly naši země Europě a lidstvu? Praha, 1939, стр. 136—143; Чешские элементы в старорусской литературной традиции. (Тезисы). — «Саопштења и реферати [III конгресса сла-

вистов]». Београд, 1939, стр. 100—102; К вопросу о чешском элементе в развитии русского театра. — «Slavia», 1940, seš. 4, стр. 549—557; Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. II. Прага, 1947, VIII, 548 стр.; Чехи и восточные славяне в X—XVIII веках. Автореферат. — «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 66—73; Чешские струи в истории русского литературного развития. — Славянская филология. Сборник статей, III, М., 1958, стр. 211—251. — Для истории русско-закарпатско-украинских культурных отношений большое значение имеют статьи А. В. Флоровского: «Карпаторосс И. А. Зейкан — наставник императора Петра II-го» (Карпаторусский сборник, Ужгород, 1930; отд. отт., Ужгород, 1930, 11 стр.) и печатающаяся в настоящем сборнике «И. А. Зейкан — педагог из Закарпатья».

[55] Г. Френкель-Конрат. Вирусы — на границе живого и мертвого. — «Техника молодежи», 1961, № 11, стр. 18.

XV

HISTOIRE DE L'*ENCYCLOPÉDIE* DANS LA RUSSIE DU XVIIIe SIÈCLE

Comme on l'a remarqué depuis longtemps, l'influence littéraire et sociale exercée par les grandes œuvres de l'intelligence humaine dans le milieu national qui les a vu naître ne correspond presque jamais à celle qu'elles ont eue hors de ce milieu. Fruits de l'évolution historique d'une nation déterminée, ces œuvres ne pénètrent dans la vie culturelle d'autres peuples que par certains aspects nouveaux de leur essence artistique ou scientifique. Ces aspects sont quelquefois proches de ceux sous lesquels lesdites œuvres s'étaient révélées dans leur milieu d'origine; le plus souvent il s'agit d'aspects particuliers, originaux, parfois inattendus étant donné le caractère fondamental de l'œuvre considérée, mais qui répondent toujours à certaines exigences locales, nationales. Cette non-correspondance des fonctions littéraires, idéologiques et politiques que remplissent les grandes créations du génie humain dans le milieu culturel qui est le leur et dans un milieu étranger donne un intérêt particulier et même un attrait scientifique à l'étude de la fortune « hors-frontières » de ces œuvres.

L'*Encyclopédie* de Diderot, cette manifestation littéraire, sociale et philosophique assurément la plus remarquable de l'époque des lumières, a aussitôt retenu l'attention des lecteurs russes. Ils se la procuraient, la lisaient avec ardeur, en suivaient attentivement la parution; ils prenaient à cœur les désagréments essuyés par Diderot et Le Breton; ils savaient que Catherine II, une semaine après son accession au trône, avait proposé aux éditeurs de transférer l'impression de l'*Encyclopédie* à Saint-Pétersbourg ou à Riga [1],

[1] M. F. Šugurov, « Дидро и его отношения к Екатерине II », Осмнадцатый век, I, M., 1868, p. 260-263; V. A. Bil'basov, Дидро в Петербурге, Спб., 1884, p. 24-25; M. Tourneux, *Diderot et Catherine II*, Paris, 1899, p. 3; A. I. Molok, « Дидро о России » dans : D. Diderot, *Œuvres*, X, *Rossica*. Œuvres se rapportant à la Russie, M., 1947, p. 9-10, ОГИЗ; D. Diderot, « De l'*Encyclopédie* », *ibid.*, p. 254-259 et notes, p. 533-534. Voir aussi l'article signé N, « Проект издания в России естественно-исторической энциклопедии Адансона (1772) », Русский библиофил, 1914, 1, p. 48-51. Sur l'accueil de l'*Encyclopédie* en Russie au XVIIIe siècle, outre les travaux de M. N. Longinov et de M. M. Strange cités plus loin, voir le livre célèbre d'Aleksej Veselovskij, Западное влияние в новой русской литературе, 5e éd., M., 1916, p. 65.

et beaucoup connaissaient les réponses de Diderot et les lettres de Voltaire à ce sujet. Les journaux russes du temps, les *Nouvelles de Saint-Pétersbourg* et les *Nouvelles de Moscou,* informaient leurs lecteurs de la publication de chacun des tomes de l'*Encyclopédie* et des suppléments illustrés. On en parlait dans la correspondance privée, on en faisait des citations; des articles étaient traduits et publiés à part, et des extraits étaient édités sur tel ou tel sujet.

Durant toute la seconde moitié du XVIIIe siècle et jusqu'au début du XIXe, la société russe ne cessa pas de s'intéresser d'une manière ou d'une autre à l'*Encyclopédie* en tant que manifestation vivante de la culture française et universelle. Les grands événements de la fin du XVIIIe siècle et du début du XIXe suscitèrent de nouvelles préoccupations, des problèmes neufs, et l'*Encyclopédie* perdit de son actualité, tant en France qu'à l'étranger : elle devint un fait du passé, l'histoire s'en empara. Et en effet, les XIXe et XXe siècles virent naître au sujet de l'*Encyclopédie* une littérature des plus vastes [1]. Le moment était donc venu, semble-t-il, de porter un jugement d'historien et de critique sur le sort de l'*Encyclopédie* en Russie, mais malheureusement il n'en a rien été ni alors ni plus tard.

L'histoire de l'*Encyclopédie* en Russie a peu retenu l'attention des chercheurs, les publications qu'elle a inspirées sont fort peu nombreuses. Voilà plus d'un siècle que M. N. Longinov, historien de la littérature et bibliographe alors fort connu, rappelait aux lecteurs russes du milieu du XIXe siècle qu'en 1767 il avait paru à Moscou trois petits volumes de *Traductions tirées de l'Encyclopédie* (Переводы из Энциклопедии) contenant 27 articles sur différentes branches de la science; il précisait que 19 personnes avaient promis de participer à cette publication [2].

Le court article de Longinov est presque entièrement consacré à la biographie des collaborateurs des *Traductions tirées de l'Encyclopédie.* Compte tenu de la rareté des sources biographiques et bibliographiques sur l'histoire de la vie intellectuelle dans la Russie du XVIIIe siècle, à l'époque où Longinov réunissait ces renseignements, son article eut son utilité, du moins au moment de sa parution et dans les décennies suivantes [3]; mais à l'heure actuelle cet article a vieilli à tous points de vue. Il garde le mérite d'être le

[1] Voir la bibliographie la plus importante dans le livre de F. Venturi, *Le origini dell' Enciclopedia,* Torino, 1963, p. 157, Piccola Biblioteca Einaudi.

[2] M. N. Longinov, « Библиографические записки, XLVII. Ученое предприятие в Москве (1767) », Современник, LXIV, 1857, 7, V^e section, p. 73-78; réédité dans M. N. Longinov, Сочинения, I, M., 1915, p. 173-178.

[3] Il était d'ailleurs possible, dès 1857, de trouver sur certains traducteurs plus de renseignements que n'en donna Longinov. C'est ainsi que, citant parmi les collaborateurs de la publication un certain M. G. Sobakin, il écrit : « Мне ничего неизвестно об этом лице » (Современник, *loc. cit.,* p. 76, et Longinov, Сочинения, p. 177). Il existait pourtant des renseignements assez nombreux sur ce traducteur dans les publications sur l'histoire de la littérature et l'histoire de la Russie au XVIIIe siècle auxquelles Longinov avait accès : voir P. N. Berkov, « У истоков дворянской литературы. Поэт Михаил Собакин », Литературное наследство, 9-10, M., 1933, p. 421-432.

premier travail sur l'histoire de l'*Encyclopédie* en Russie. Ajoutons que, pendant plus d'un siècle, ce fut aussi l'unique étude sur cette question, l'article suivant relatif à l'*Encyclopédie* en Russie n'ayant paru qu'en 1961. Il s'agit d'un article de M. M. Štrange plus riche en matériaux et en faits : « L'*Encyclopédie* de Diderot et ses traducteurs russes » [1]. L'auteur commence par extraire de la presse russe entre 1751 et 1770 des renseignements sur la parution des tomes successifs de l'*Encyclopédie* et des tableaux et dessins explicatifs. Il trace ensuite une histoire succincte des traductions russes : d'après Štrange, « les premières traductions russes de l'*Encyclopédie* parurent en 1767. Dans l'espace de onze années, jusqu'en 1777, près de 480 grands articles ou courtes notices documentaires furent traduits, sur les sujets les plus divers, abstraits ou d'actualité, politiques et philosophiques ou scientifiques et techniques... La sélection de ces articles reflétait l'essentiel des idées contenues dans l'*Encyclopédie* » [2].

Štrange donne plus de détails que Longinov sur les *Traductions tirées de l'Encyclopédie* de 1767, publiées sous la direction du poète M. M. Cheraskov, curateur de l'Université de Moscou. Il émet l'hypothèse que l'édition fut interrompue parce que « la situation s'était quelque peu compliquée à l'université de Moscou », et cela plus précisément à cause de l'apparition d'une « libre pensée » dans les cours de quelques professeurs de l'université [3]. Štrange consacre la fin de son article à l'analyse des traductions de l'*Encyclopédie* publiées entre 1769 et 1777 par la « Société pour la traduction des livres étrangers » (Собрание, старающееся о переводе иностранных книг) [4]. Relatant la parution en 1777 de l'article « De l'économie politique » de J.-J. Rousseau, Štrange ajoute : « Cet article de Rousseau fut en fait le dernier du cycle des traductions de l'*Encyclopédie* faites en Russie au XVIIIe siècle » [5]. À propos de l'interruption de leur publication, l'auteur écrit : « Il se peut que la cause en ait été l'aggravation de la situation du pays à la suite de la révolte paysanne de 1773-1775 » [6].

Štrange classe d'après leurs traducteurs les extraits de l'*Encyclopédie* publiés par le *Sobranie* et, en analysant les thèmes des articles choisis par les traducteurs, il tente de délimiter le cercle des intérêts personnels de chacun d'eux, leur « portrait idéologique ». C'est dans le même but qu'il donne sur chaque traducteur les principaux renseignements biographiques, souvent tirés des archives, et qu'il résume ensuite les positions principales des articles traduits, en particulier de ceux qui, par leur contenu philosophique ou politique, pouvaient avoir un intérêt pour le milieu russe de la fin des années 60 et du début des années 70 du XVIIIe siècle.

[1] Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции (1959), M., 1961, p. 76-87 (résumé en français p. 88), Ак. наук.
[2] *Ibid.*, p. 77.
[3] *Ibid.*, p. 77-78.
[4] *Ibid.*, p. 78-87.
[5] *Ibid.*, p. 86.
[6] *Ibid.*, p. 86.

Il est aisé de constater que le principe des biographies adopté là pour le classement des renseignements procède de l'idée de Longinov (Štrange, d'ailleurs, ne cite pas l'article de ce dernier). Si utile soit-il, le travail de Štrange n'est pas exempt de défauts : le principe d'étudier les matériaux d'après les traducteurs lui fait omettre l'article *Paris* dont le traducteur est inconnu; Štrange omet aussi la traduction de l'article *Turquie* par S. Bašilov en 1769, l'année où fut publié le recueil en deux volumes des articles de l'*Encyclopédie* concernant la Turquie [1]. Notons que le titre d'un des articles est erroné; « Греки » pour l'article intitulé « Греция ».

Si le principe adopté par Štrange pour étudier les traductions russes de l'*Encyclopédie* à partir des traducteurs est parfaitement licite, on peut cependant regretter qu'ait été laissé de côté le rôle organisateur des animateurs du *Sobranie* dans le choix des textes. L'auteur suppose *a priori* que les traducteurs choisissaient dans l'*Encyclopédie* les articles qui répondaient à leur goût et à leurs intérêts, qu'ils les traduisaient et que le *Sobranie* publiait tout ce qu'on lui proposait. La réalité est bien différente : V. P. Semennikov, dans une étude consacrée au *Sobranie*, écrit que « les animateurs de la Société, lorsqu'ils entreprenaient ces traductions [des auteurs occidentaux les plus avancés], s'efforçaient d'observer une certaine prudence quant à l'influence de ces œuvres sur les lecteurs russes. C'est pourquoi ils tenaient compte de l'accueil que réserverait le pouvoir spirituel à certains ouvrages d'écrivains comme Montesquieu ou Voltaire » [2]. Semennikov remarque qu'au début la préférence était donnée aux partisans du progrès, et il souligne que « trois ou quatre ans plus tard, on commença à réserver une place prépondérante aux auteurs antiques, grecs et latins » [3]. Le *Sobranie*, par conséquent, jouait un rôle bien déterminé dans le choix des textes à traduire, et Štrange n'en a pas tenu compte.

L'analyse des traductions de l'*Encyclopédie* classées par traducteurs ne permet pas à l'auteur d'étudier la succession chronologique de leur parution : elle ne permet pas par là-même d'en déduire la dépendance éventuelle des conditions historiques de l'époque qu'accuserait telle ou telle traduction. A cause de cette méthode « biographique », le lecteur peut croire fortuite la traduction publiée en 1769 des articles *Turquie, Grèce, Sparte, Péloponnèse ou Morée*, et surtout la publication du recueil en deux volumes des « Articles de l'*Encyclopédie* concernant la Turquie ». Il ne fait pourtant aucun doute que cet intérêt pour la péninsule balkanique est lié au début de la première guerre russo-turque de 1769-1774 [4].

[1] Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции (1959), M., 1961, p. 84.

[2] V. P. Semennikov, Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II 1768-1783 гг., Историко-литературное исследование, Спб., 1913, p. 9.

[3] *Ibid.*, p. 10.

[4] En 1770, le *Sobranie* publia un livre traduit par Vas. Svetov : Османское государство в Европе и республика Рагузская (Из Бишинговой географии).

Mais le principal défaut de l'article de Štrange est l'insuffisance des renseignements réunis. On verra par ce qui suit que l'histoire de l'*Encyclopédie* en Russie ne s'arrête pas en 1777 comme il le pense et qu'elle se poursuivra pendant un quart de siècle.

Le trait le plus caractéristique de l'histoire de l'*Encyclopédie* dans la Russie du XVIIIe siècle est que l'œuvre n'a été traduite ni en entier, ni par tomes. Toutes les traductions datant du dernier tiers du siècle étaient des traductions d'articles variés qui couvraient plus ou moins tel ou tel domaine de la science. Il en résulte que le lecteur russe qui ne savait pas le français ou celui qui, le sachant, n'avait pas la possibilité de lire l'*Encyclopédie* dans le texte original, ne pouvait à l'aide de ces traductions se faire une idée complète de la grande réalisation française.

En abordant l'*Encyclopédie* les traducteurs — et aussi, bien entendu, ceux qui suscitaient les traductions — visaient toujours, plus ou moins consciemment, des buts concrets : les articles traduits touchaient parfois la morale (les articles de ce genre étaient d'ailleurs particulièrement nombreux); d'autres la philosophie générale, la géographie, l'économie politique. Il n'est pas douteux que le choix des articles était déterminé, non seulement par les intérêts individuels ou collectifs, mais aussi par un principe constant : répondre aux exigences de la société russe d'alors. C'est cette subordination des traductions aux conditions historiques de la vie russe qui apparaît comme l'un des problèmes essentiels que pose l'histoire de l'*Encyclopédie* en Russie.

Cette histoire ne pourra être écrite qu'une fois connues toutes les traductions russes de l'*Encyclopédie*, ou tout au moins les principales. Les travaux existants pourraient faire penser qu'un très petit nombre d'articles seulement auraient été traduits, et que l'intérêt de la société russe pour l'*Encyclopédie* n'a été qu'un épisode passager de l'histoire de la culture russe à la fin des années 60 et durant les années 70 du XVIIIe siècle. La liste de traductions qu'on trouvera ci-dessous, bien qu'incomplète, montre qu'il n'en est rien. Elle permet en outre de délimiter les étapes principales de l'histoire de l'*Encyclopédie* dans la Russie du XVIIIe siècle.

Avant d'énumérer ces traductions, il faut indiquer que, seules, les traductions publiées à part sont dénombrées dans les sources bibliographiques dont dispose le chercheur actuel. La bibliographie analytique de la presse périodique russe au XVIIIe siècle d'A. N. Neustroev [1] est relativement bonne, mais elle ne donne aucun renseignement sur les traductions de l'*Encyclopédie*. On peut néanmoins mettre en doute le fait qu'aucune de ces traductions n'a paru dans les revues russes d'alors; c'est que, tout simplement, elles ne devaient pas être mentionnées comme tirées de l'*Encyclopédie*. C'est pourquoi un travail spécial reste encore à faire pour déterminer si ces traductions existent dans les périodiques russes de la seconde moitié du XVIIIe siècle,

[1] A. N. Neustroev, Указатель к историческому розысканию о русских периодических изданиях и сборниках 1703-1803 гг., Спб., 1899.

et quelles seraient ces traductions. La tâche est beaucoup plus aisée en ce qui concerne les traductions publiées à part et celles qui indiquent explicitement leur origine.

La liste de traductions reproduite ci-dessous comprend deux parties. La première contient celles qui sont désignées comme extraites de l'*Encyclopédie*, la seconde donne les articles qui, à ma connaissance, ont été publiés séparément, ou inclus dans d'autres livres, mais dont l'origine n'est pas toujours indiquée. Dans chacune des parties les descriptions sont classées par ordre chronologique et, à l'intérieur d'une année, dans l'ordre alphabétique des matières. La liste est limitée à la période de 1767-1804, pour laquelle on compte environ 500 articles et notices traduits en russe et 24 volumes publiés séparément, en incluant les *Traductions tirées de l'Encyclopédie* de 1767.

LISTE DES TRADUCTIONS

1767

1. Переводы из Энциклопедии, I-III, M., 1767. 1re partie, [4]-122 p.; 2e partie, 159 p.; 3e partie, 128 p.

   Articles traduits : Histoire; Géographie; Narration; Nature; Conciles; Éternuement; Étymologie; Magie; Bains; Économie; Choléra morbus; Minéralogie; Vêtements des Romains; Hamac; Doctorat; Docteur en médecine; Dogmatique; Doigt; Doigts; Bile; Droit naturel; Médiocrité; Draconcules; liste des termes de navigation se trouvant dans le tome XVI de l'*Encyclopédie*. M. N. Longinov a compté 27 articles car il compte les suites comme des articles à part. Traducteurs de ces articles : A. A. Rževskij, S. G. Domašnev, M. M. Cheraskov, N. N. Trubeckoj, F. A. Kozlovskij, S. G. Zybelin, A. V. Naryškin, P. D. Veniaminov, A. E. Musin-Puškin, S. V. Naryškin et P. I. Pogoreckij.

1769

2. Греция. Из Енциклопедии, [Спб., 1769], [2]-98 p.

   Trois articles de Louis de Jaucourt, trad. S. Bašilov. Imprimé à 1.200 ex.

3. О ласкательстве. Из Энциклопедии. Пер. С. Б[ашилов], [Спб., 1769], [2]-32 p.

   Trois articles de Jaucourt et d'Alembert. Tirage : 1.200 ex.

4. Статья о любви. Пер. С. Б[ашилова], [Спб., 1769], [2]-69 p.

   Article de l'abbé Claude Yvon. Tirage : 1.200 ex.

5. Пелопонис, или Морея с находившимися и находящимися в оной городами, областями и другими примечания достойными местами. Из Енциклопедии [*sic*]. Пер. Ивана Туманского, Спб., 1769, [4]-216 p.

   Article de Jaucourt. Tirage : 1.200 ex.

6. Спарта, [Спб., 1769], [2]-43 p.

   Article de Jaucourt. Trad. S. Bašilov. Tirage : 1.200 ex.

7. Турция. Пер. С. Башилова, [Спб., 1769], [2]-31 p.
   Article de Jaucourt. Tirage : 1.200 ex.
8. Статьи из Енциклопедии, принадлежащие к Турции. Пер. с фр. С. Башилова. Т. I, содержащий статьи светские, то есть придворные, военные и гражданские, Спб., 1769, [4]-186 p.
   Т. II, содержащий статьи духовные, Спб., 1769, [4]-172-[2] p.
   212 articles de Jaucourt, E. Mallet, N. Lenglet du Fresnoy, Diderot, G. Leblond. Tirage : 1.200 ex.

1770

9. О государственном правлении и разных родах оного. Из Енкиклопедии [*sic*] переводил Иван Туманский, правительствующего Сената переводчик, Спб., 1770, [2]-175-[2] p.
   24 articles de Jaucourt. Tirage : 600 ex.
10. Статьи из Енциклопедии о любопытстве и гадании. Перевел Иван Ванслов, Спб., 1770, [2]-56 p.
   5 articles de Diderot, d'Alembert, Jaucourt, Landois. Tirage : 606 ex.
11. О надзирателях при воспитании. Из Енциклопедии. Пер. С. Б[ашилов], Спб., 1770, [2]-106 p.
   3 articles d'André Lefèvre. Tirage : 1.200 ex.
12. Париж. Статья из Енциклопедии, Спб., 1770, [2]-137 p.
   Article de Jaucourt. Tirage : 600 ex. Le traducteur est inconnu.
13. Статьи о философии и частях ее. Из Энциклопедии переведенные надворным советником Яковом Козельским, Спб., 1770.
   Ч. I, [2]-148 p.
   Ч. II, [6]-248 p. En sous-titre : О нравоучительной философии.
   75 articles de Jaucourt, d'Alembert, A.-G. Boucher d'Argis. Tirage : 606 ex.

1771

14. Статьи о времени и разных счислениях оного. Из Енциклопедии переводил Вас. Тузов, Спб., 1771, [2]-244-[8] p.
   26 articles de Jaucourt, de l'abbé Prêtre, de Diderot et de d'Alembert. Tirage : 300 ex.
15. Статьи из Енциклопедии о клевете, презрении и несчастии. Пер. И. Ванслов, Спб., 1771, [2]-21 p.
   8 articles de Jaucourt, de l'abbé Prêtre, de Diderot et de d'Alembert. Tirage : 300 ex.

1774

16. Статьи из Енциклопедии о пороке и добродетели. Пер. И. Ванслов, Спб., 1774, [2]-83 p.
   4 articles de Jaucourt et J.-E. Romilly. Tirage : 300 ex.
17. Статьи о философических толках. Из Енциклопедии пер. коллежский переводчик Яков Костенский, Спб., 1774, [2]-162 p.
   6 articles de Diderot, Jaucourt, Claude Yvon, E. Mallet. Tirage : 300 ex.

1775

18. Статья о роскоши, переведенная из Энциклопедии, Спб., 1775, [2]-67 p.
L'article figurant dans le tome IX de l'*Encyclopédie* est anonyme; on lit dans le tome I que les articles non signés appartiennent à Diderot et d'Alembert. Traduction d'Alexandre Vojnov. Tirage : 300 ex.

1776

19. Статья о вере. Переведена из Енциклопедии, Спб., 1776, [2]-80 p.
Article de Jaucourt. Traduction de A. I. Lužkov. Tirage : 300 ex.

1777

20. Статья о политической экономии, или о государственном благоучреждении. Переведена из Енциклопедии, Спб., 1777, [2]-96 p.
Article de Rousseau. Traduction de A. I. Lužkov. Tirage : 300 ex.

1781

21. Перевод из Энциклопедии о коммерции, М., [1781], 95 p.
Article de Voltaire (signé : V. D. F.). Traduit par des élèves de l'École commerciale de Moscou : Vas. Antipov (14 ans), Al. Barsov (12 ans), Ivan Novikov (13 ans) et Nikanor Rubcov (14 ans). Tirage inconnu.

1789

22. О китайском правлении. Взято из Энциклопедии, сочиненной собранием ученых мужей. Пер. Иван Ждановской, М., 1789, [4]-230-[4] p.
Tirage inconnu.

1800

23. [Diderot], Всеобщая система познаний человеческих, обстоятельно изъясненная и при Энциклопедии изданная под именем Энциклопедического древа. Пер. с фр. с присовокуплением картинного оной изображения на одном листе, Спб., 1800, 43-[5] p.
Édité probablement par V. S. Sopikov car à la fin du volume figure une liste de livres vendus par lui. Traducteur et tirage inconnus.

1804

*24. Рассуждение о воспитании, извлеченное из Энциклопедии. Пер. с фр., М., 1804.
Article «Éducation» écrit par Du Marsais. Décrit d'après Sopikov, n° 9.554; Smirdin, n° 1.463. Traducteur : Vladimir Sergeevič Filimonov.

*Traductions de l'*Encyclopédie *incluses dans d'autres publications.*

1769

25. Монтескиэ. Опыт о вкусе в делах естества и искусства. Пер. С. Башилова.
Dans le livre : Лисимах. Из сочинений г. Монтескиэ. Спб., [1769], p. 35-96. Tirage : 1.200 ex.
L'article de Montesquieu parut dans l'*Encyclopédie*, t. VII, p. 762-767.

1784

26. Собрание разных рассуждений, касающихся до словесных наук, истории и филозофии. С фр. яз. на российской перевел Московского Покровского собора протоиерей Иван Харламов. Т. I, [Спб.], 1784, [2]-360 p., tableau.

Sont traduits : « Предварительное рассуждение об Енциклопедии » (« Discours préliminaire »), p. 1-223 et « Подробное изъяснение системы познаний человеческих », p. 224-251.

Dans le Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725-1800, t. I, А-И, M., 1962, p. 265, № 1684 (Гос. Библиотека СССР имени В. И. Ленина), ce livre est attribué à d'Alembert, ce qui est inexact, le second article étant écrit par Diderot (voir plus haut, n° 23).

1803

27. Вольтер, Опыт о вкусе (p. 225-233); Монтескье, Опыт о вкусе в творениях природы и искусства. Недовершенный отрывок, найденный между бумагами покойного г. председателя Монтеския (p. 232-272); д'Аламбер, Рассуждение о правильном и неправильном употреблении философии в материях вкуса (p. 206-224).

Dans le livre : О вкусе, творение г. Жирарда, с присовокуплением рассуждения о том же предмете д'Аламберта, Вольтера и Монтескье, M., 1803, [4]-272 p. Les articles de Voltaire, Montesquieu et d'Alembert figurent dans l'*Encyclopédie*, t. VII, p. 761, 762-767 et 767-770. Voir aussi n° 25.

Je n'ai pas fait figurer dans cette liste les traductions des articles de l'*Encyclopédie* (« Gloire », par exemple) écrits par Voltaire (à l'exception du n° 27), qui auraient surchargé cette étude. Pour la même raison, je n'ai pas décrit non plus le livre du célèbre Ioil' Bykovskij, Истинна или Выписка о истинне (Jaroslavl', 1787, 366 p.) qui est un choix de citations de sources diverses, dont l'*Encyclopédie* [1].

Il ressort de cette liste que l'histoire des traductions de l'*Encyclopédie* en Russie au XVIIIe siècle se divise en trois périodes : moscovite en 1767, pétersbourgeoise en 1769-1777, mixte de 1781 à 1804.

Au seuil de l'histoire proprement dite de l'*Encyclopédie* en Russie se place un court épisode témoignant de la popularité de la publication de Diderot parmi la société russe, popularité que tentèrent de mettre à profit des traducteurs entreprenants. En 1763 parut à Moscou une petite plaquette intitulée Энциклопедия, или собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях, сочиненная [!] по алфавиту и с французского языка на российской переведенная коллежским ассессором Иваном Приклонским. Ce petit livre de 76 pages comprend 92 articles de longueurs variées, de deux ou trois lignes à quelques pages; on y trouve surtout des

[1] Voir plus loin l'article de M. André Mazon, p. 59-88.

citations de l'abbé de Bellegarde, et aussi d'Épictète, La Bruyère, La Rochefoucauld, Bossuet, Bacon, Oxenstiern, du *Spectateur*. Si l'on compare certains des articles de cette plaquette avec l'*Encyclopédie*, on constate que ce sont deux ouvrages entièrement distincts. Je n'ai pas encore pu déterminer quel livre français a servi d'original à la traduction russe, mais il ne fait aucun doute que traduction et édition en Russie furent suscitées par l'intérêt porté à la véritable *Encyclopédie*.

Les documents d'archives ou imprimés relatifs aux Переводы из Энциклопедии de 1767 faisant défaut — ou, peut-être, n'étant pas encore découverts — l'histoire de l' « entreprise scientifique de Moscou », comme l'appelle Longinov, ne peut à l'heure actuelle être éclairée de façon satisfaisante. Il est seulement permis de penser que ce fut dès l'origine une initiative peu sérieuse : sur les 19 personnes qui avaient exprimé le désir de traduire des articles de l'*Encyclopédie*, onze seulement collaborèrent réellement à l'édition, c'est-à-dire à peine plus de la moitié. Il est aisé de constater que l'assemblage des articles traduits est purement fortuit. Si les deux premières parties font encore apparaître un certain souci de composition du recueil, la troisième partie révèle une hâte et une absence totale de plan. Une rapide analyse de la rédaction des articles des trois petits volumes de *Traductions* suffit pour conclure que M. M. Cheraskov, considéré comme l'éditeur du recueil, n'a donné à ces articles aucune uniformité.

M. M. Štrange suppose que l'édition par Cheraskov des Переводы из Энциклопедии avait été interrompue pour des raisons politiques : par suite des désagréments causés par la « libre pensée » de plusieurs professeurs de l'université de Moscou. Mais les faits mentionnés par Štrange ont eu lieu en 1768, par conséquent après la parution de la 3e partie des *Traductions*. Une autre explication de l'interruption de cette « entreprise scientifique » de 1767 me paraît plus vraisemblable : c'est qu'elle survenait probablement avant l'ouverture à Moscou des sessions de la Commission de rédaction du projet de Nouveau Code, la célèbre commission législative réunie par Catherine en 1767. Beaucoup de personnages qui s'étaient inscrits au nombre des collaborateurs aux Переводы, comme A. I. Bibikov et A. P. Mel'gunov, jouaient précisément un rôle important dans la Commission de 1767 (Bibikov, par exemple, était maréchal, c'est-à-dire président de la Commission). En 1768, celle-ci quitta Moscou pour Saint-Pétersbourg, et le groupe des traducteurs de l'« entreprise scientifique » perdit tous ses collaborateurs, à l'exception de ceux qui étaient liés à l'université de Moscou. On peut donc penser que les *Traductions tirées de l'Encyclopédie* publiées à Moscou ont été interrompues à cause du départ pour Pétersbourg de la plupart des collaborateurs, et non par suite des tensions de 1768 à l'université.

V. P. Semennikov, dans ses travaux cités plus haut sur le *Sobranie*, émet l'idée que celui-ci aurait pris la succession des *Traductions* de Cheraskov. Cette hypothèse ne me paraît pas suffisamment convaincante. Les données citées plus haut sur l'activité de la Société dans une partie des traductions de l'*Encyclopédie* montrent que le travail le plus intensif se situe en 1769 et

1770 (respectivement 7 et 5 volumes publiés), puis cette activité diminue brusquement pour prendre fin définitivement en 1777. Le tirage des traductions tombe également de 1.200 à 300. Il ne faut d'ailleurs pas croire que cette baisse des tirages soit due à un manque d'intérêt des lecteurs. V. P. Semennikov rapporte que les publications du *Sobranie,* y compris les traductions de l'*Encyclopédie,* étaient vendues à Saint-Pétersbourg par des colporteurs. « Il faut reconnaître, écrit Semennikov, que le fait de voir les classiques, et en particulier les œuvres des Encyclopédistes, vendus dans la rue est très caractéristique de cette époque » [1].

Il existe un témoignage précieux du succès des traductions russes de l'*Encyclopédie.* En 1808, l'Académie des sciences vendit au poids des publications invendues, aussi bien les éditions de l'Académie elle-même que celles de la Société pour la traduction des livres étrangers. La liste de ces livres est donnée par Sopikov dans son *Essai de bibliographie russe* (2e édition, 2e partie, p. 126-129). Or, on ne trouve parmi ces livres invendus aucun exemplaire d'une traduction de l'*Encyclopédie.*

On peut donc être certain que la baisse de tirage des traductions de l'*Encyclopédie,* de 1.200 à 600 et 300 exemplaires, n'est pas due à une diffusion insuffisante des premiers fascicules édités, mais à des considérations d'un autre ordre. Le premier livre qui vit son tirage diminué (à 600 exemplaires) fut О государственном правлении и разных родах оного, les Статьи о философических толках furent tirés à 300 exemplaires. Il est possible que la diminution du tirage de ces publications vienne, d'une part, de l'incertitude du succès de leur vente, et d'autre part de ce que Semennikov appelle justement « une certaine prudence » des animateurs du *Sobranie,* et cela « quant à l'influence sur les lecteurs russes » des œuvres des écrivains occidentaux partisans du progrès.

Nous avons vu que Štrange impute à la révolte paysanne de 1773-1775 l'interruption en 1777 de la publication des traductions de l'*Encyclopédie.* Notre liste des traductions montre que, dès 1771, deux traductions seulement ont été éditées, aucune en 1772 et 1773, deux en 1774, et une seule pour chacune des trois années suivantes. On voit donc que la publication de ces traductions avait déjà tendance à disparaître avant la révolte de Pugačev, les événements de la révolte paysanne n'ont pu avoir qu'une importance secondaire.

Malgré la disparité et l'absence de cohésion entre ces traductions, la troisième période de l'histoire de l'*Encyclopédie* dans la Russie du XVIIIe siècle est particulièrement significative, car c'est alors que parurent les traductions des articles les plus importants : « Предварительное рассуждение » et « Всеобщая система познаний человеческих ». C'est seulement grâce à ces traductions que le lecteur russe ne sachant pas le français put avoir connaissance des principes généraux de l'*Encyclopédie* et se faire une idée globale de son plan et de son orientation.

[1] V. P. Semennikov, *op. cit.,* p. 20.

Les traductions publiées après 1777 ne suivaient aucune ligne directrice et dépendaient plus que jamais des intérêts individuels ou collectifs des traducteurs. C'est ainsi que le livre publié en 1781 sous le titre Перевод из Энциклопедии о коммерции fut réalisé par des élèves de l'École commerciale de Moscou en tant que « первый опыт успехов во французском и немецком языках и в переводах с оных ». Par ailleurs, on voit d'après la dédicace de ce livre à Catherine II que les promoteurs de la publication, certainement les auteurs véritables de la dédicace, se rendaient bien compte de la signification du commerce et de l'importance qu'il y avait à diffuser des vues sur le commerce et l'industrie plus favorables aux négociants russes. Ils écrivaient :

Распространение коммерции есть одно из важнейших средств к умножению благосостояния всякой страны : ибо чрез нея народы состоят между собой в некоторой зависимости, снабдевая друг друга взаимно тем, кто в чем имеет надобность; чрез нея сокровища Востока являются в странах Западных и Северных; чрез нея утверждается согласие и дружелюбие между отдаленнейшими народами.

C'est ainsi que la traduction d'un article de l'*Encyclopédie* sur le commerce contribua dans une certaine mesure à la prise de conscience de la bourgeoisie russe.

Bien différent est le rôle social joué par la traduction de l'article de 1789 « О китайском правлении » qui se plaçait dans une longue tradition consacrée à l'étude des vues politiques des philosophes chinois, tradition qui remontait en Russie au premier tiers du XVIIIe siècle et qui avait moins le caractère impassible de la science que celui d'allusions, invulnérables à la censure, aux mœurs de la Cour, aux favoris, à la conduite de Catherine.

Les traductions du « Discours préliminaire sur l'*Encyclopédie* » et du « Système général des connaissances humaines » occupent une place à part. Mais il conviendrait, avant de déterminer leur rôle dans l'histoire des traductions russes de l'*Encyclopédie*, d'établir dans quelle mesure ces traductions sont complètes et exactes. Cette question, qui s'applique d'ailleurs à toutes les traductions énumérées plus haut, ne peut être traitée dans le présent article.

Il reste aux chercheurs futurs une série de questions à résoudre, à la fois celles qui viennent d'être évoquées, et celles qui ne manqueront pas de surgir au cours de l'étude des documents. Je voudrais notamment attirer leur attention sur des problèmes linguistiques : dans quelle mesure les traductions de l'*Encyclopédie* ont-elles influé sur la formation de la terminologie scientifique en russe? Les équivalents trouvés par les traducteurs sont-ils toujours en usage? Il m'est apparu que les traductions de l'*Encyclopédie* abondent en matériaux de cet ordre.

Leningrad, juin 1964.

XVI

Cesare Beccaria e la Russia.

Nella scienza storica esiste una certa legge secondo la quale l'attenzione degli studiosi, e specialmente di quelli avanzati, viene attratta soprattutto dalle epoche che costituiscono i grandi momenti di rottura nella storia dell'umanità. Ben è naturale che tali storici indirizzino gran parte dei loro lavori verso simili idee, le quali sono i risultati, le conclusioni, gli elementi dello sviluppo dell'umanità e possono diventare, se le condizioni sono favorevoli, dei fattori di questo medesimo sviluppo. Questo metodo genetico e funzionale nell'indagine delle idee ci fornisce la possibilità di intendere quale sia il ruolo effettivo tanto dei creatori delle idee quanto dei movimenti popolari che esse suscitano.

Così, senza alcun dubbio, deriva dalla connessione esistente tra le idee dei grandi pensatori del XVIII secolo e la rivoluzione francese quel vivissimo interesse che la scienza progressiva — tanto in Occidente quanto nell'Urss — ha dimostrato in questi ultimi decenni per l'epoca dell'Illuminismo. Precisamente come uno dei momenti di questo generale interesse dobbiamo considerare il convegno internazionale indetto dalla Accademia delle Scienze di Torino in occasione del secondo centenario dell'anno in cui vide la luce l'opera di Cesare Beccaria, *Dei delitti e delle pene*.

Non v'è dubbio che un'amichevole e collettiva indagine sull'apporto di Beccaria alla storia della cultura, della filosofia, della scienza giuridica ed economica molto porterà di nuovo e di prezioso, sia nell'indagine sulla sua vita, la sua opera, la sua attività, che nel delucidare la situazione storica entro la quale si esercitò l'influenza del grande pensatore italiano nei diversi stati europei durante il Sette e l'Ottocento. Prender parte ad un simile lavoro collettivo è un grande onore, ed io considero mio dovere ringraziare nel modo più sincero l'Accademia delle Scienze di Torino, nella persona del suo presidente, il prof. Giuseppe Grosso, per il lusinghiero

invito a prender la parola nella presente riunione con un rapporto su *Beccaria e la Russia*. Mi rendo insieme conto di quanto sia difficile il mio compito dopo l'apparizione, più di dieci anni fa, nella rivista fiorentina « Il Ponte », d'un articolo, ottimo per ricchezza di materiale e per eleganza di forma, del prof. Franco Venturi su *Beccaria in Russia*. L'autore modestamente scrive che nel suo lavoro « senza pretesa di completezza » intendeva soffermarsi soltanto su singoli momenti del tema che lo interessava. Ma poi egli ha raccolto una tal quantità di fatti e tanto profondamente li ha illuminati, in tanto esauriente completezza di intendimento ha incluso l'opera di Beccaria nel pensiero sociale russo degli ultimi duecento anni, che non resta in sorte agli altri studiosi, come alla biblica Ruth, che raccoglier, dopo un'accurata messe, alcune poche spighe cadute.

1. L'opera di Beccaria come « libro russo ».

Presentare in questo convegno un rapporto sul problema *Beccaria e la Russia* è far cosa utile non soltanto perchè la storia della diffusione di *Dei delitti e delle pene* è, di per se stessa, ricca e significativa, ma — soprattutto — perchè il destino di questo libro nella vita sociale russa è straordinariamente interessante, nè si esaurisce nella utilizzazione, che a tutti è nota, delle idee dell'illuminista italiano da parte dell'imperatrice Caterina II nella sua *Istruzione* (*Nakaz*). Uno dei traduttori del libro di Beccaria, un giurista liberale della metà del secolo scorso, il senatore S. I. Zarudnyj, nella prefazione che egli scrisse per la sua versione, diceva: « ... questo libro, inserito tre anni dopo la sua pubblicazione in uno degli atti più importanti della legislazione russa, questo libro, trapassato poi inavvertitamente, nel corso di un intero secolo, nella carne e nel sangue della nostra legislazione, questo libro affatto a noi contemporaneo e che pure tale è nel modo più assoluto, questo libro non è *italiano*, ma ben piuttosto *russo*. D'*italiano* non ha che la lingua in cui è scritto. Caterina lo fece suo per adozione ». Notando più oltre che Beccaria « non risolvette tutti i problemi da lui posti nell'opera sua », che alla soluzione di tutta una serie di questioni « ancor si stanno affaticando le generazioni che si susseguono », Zarudnyj proseguiva dicendo: « Da questo punto di vista questo libro non è *italiano* e non è *russo*. Questo libro dovremmo dirlo di *tutta l'Europa* ... O ben piuttosto, universale » (1).

---

(1) S. I. ZARUDNYJ, *O prestuplenijach i nakazanijach C. Bekkarija v sravnenii s glavoju X Nakaza Ekateriny II i s sovremennymi russkimi zakonami* (*Dei delitti e delle pene* di C. Beccaria, in raffronto col capitolo X dell'Istruzione di Caterina II e con le contemporanee leggi russe), Spb., 1879, p. VII.

Il problema della funzione di Beccaria nella storia del pensiero penale della Russia ha attratto l'attenzione degli autori nostri dal XVIII secolo fino ad oggi. Il principe M. M. Ščerbatov, nei suoi *Razmyšlenija o smertnoj kazni* (Riflessioni sulla pena di morte) aveva scritto nel 1788: « L'Europa osservò l'opera del signor Beccaria, innalzò un meritato elogio ai suoi umanitari pensieri, ma in nessun luogo, salvo in Russia, questi vennero seguiti » (1). Dopo tre quarti di secolo, uno dei maggiori giuristi russi, il prof. A. F. Kistjakovskij, consacrò a questo tema una specifica indagine: *Vlijanie Bekkarii na russkoe ugolovnoe pravo* (L'influenza di Beccaria sul diritto penale russo) (2). Dopo aver elencato quanto avevano compiuto, in Europa, sotto l'influenza di Beccaria, Federico II, Giuseppe II, l'arciduca della Toscana Leopoldo, Kistjakovskij proseguiva: « Ebbene? Passarono appena dieci anni, ed il regime *quo ante*, con insignificanti eccezioni, era tornato in tutti questi paesi », mentre che in Russia il libro aveva dimostrato d'essere grandemente efficace (3).

Un punto di vista simile venne condiviso da molti altri studiosi di questo problema del periodo prerivoluzionario. « Per la Russia l'opera di Beccaria ha un significato particolare », scrisse Ivan Sobolev nella sua prefazione alla traduzione di *Dei delitti e delle pene*: « In nessun altro luogo esso penetrò altrettanto direttamente e velocemente nella legislazione penale quanto da noi » (4). L'autore ne traeva la conseguenza che « descrivere tutto quello che il libro di Beccaria operò nella legislazione russa significava scrivere l'intera storia della nostra legislazione dall'Istruzione di Caterina II (1767) ai Regolamenti giudiziari del 1864 » (5).

Con maggior cautela e in maniera piuttosto contraddittoria valutò la funzione del libro di Beccaria nella storia del pensiero giuridico russo S. Ja. Belikov, uno dei primi che si dedicasse, nella metà del secolo scorso, alla propaganda delle idee dell'autore di *Dei delitti e delle pene* (6) e che,

---

(1) Kn. M. M. Ščerbatov, *Sočinenija* (Opere), tomo I, Spb., 1896, col. 428; cfr. la col. 443: « Dissi più sopra che l'Europa, dopo aver letto l'opera del signor Beccaria, lodò il desiderio di questi di mostrarsi umano, ma in nessun luogo accettò le sue regole per quanto riguardava la pena di morte, se non in Russia ».

(2) A. A. Gorodisskij (A. F. Kistjakovskij), in « Žurnal Ministerstva justicii » (Rivista del Ministero della giustizia »), tomo XXI, 1864, n. 9, pp. 459-470.

(3) *Ibid.*, p. 469.

(4) Beccarija, *O prestuplenijach i nakazanijach* (*Dei delitti e delle pene*), trad. di Iv. Sobolev, Radom, 1878, p. 15.

(5) *Ibid.*, p. 17.

(6) S. Ja. Belikov, *Bekkarija i značenije ego v nauke ugolovnogo prava* (Beccaria e il suo significato nella scienza del diritto penale), in « Žurnal Ministerstva justicii » (Rivista del Ministero della giustizia), 1863, n. 7, pp. 69-108.

più tardi, doveva pubblicare una sua versione di quest'opera (1). Nel saggio accluso a questa traduzione sul *Significato di Beccaria nella scienza e nella storia della legislazione penale russa*, Belikov constatò che nell'*Istruzione* di Caterina II erano presenti 114 elementi tratti in prestito da Beccaria (2), ed ebbe pure a notare che l'*Istruzione* « nel nostro paese fu a lungo considerata un segreto di stato, a pochi soltanto accessibile. Venne diffusa nelle alte istituzioni dello stato, per conoscenza, con modalità tali da impedire che alcuno dei funzionari di rango inferiore e delle persone estranee potesse, nonchè trarne copia, neppure leggerla » (3). E se più tardi il *Nakaz* venne ristampato nella *Raccolta completa delle leggi*, non per questo esso divenne più accessibile alla società e in particolare agli strati democratici di essa. Ci par dunque che S. Ja. Belikov si contraddica quando termina affermando: « Il libro di Beccaria diede vita al *Nakaz*, il quale, malgrado tutta la sua imperfezione, portò la luce nelle menti oscure e servì di bandiera del progresso per il corso di un secolo » (4).

Un apprezzamento altrettanto alto di Beccaria e della sua funzione nella storia della legislazione russa troviamo nell'articolo del prof. A. K. Vul'fert, *Čezare Bekkaria. Sto let so dnja ego smerti* (Cesare Beccaria a cento anni dalla sua morte). « V'è in questo nome qualcosa di magico », scriveva. « Suscita sentimenti luminosi e lieti. È legato ad una gloria pura d'ogni rimprovero. È caro all'umanità colta ». « Anche per noi russi », proseguiva A. K. Vul'fert, « questo nome è caro quasi come quello d'una persona di famiglia » (5). Completando quanto avevano detto prima di lui A. F. Kistjakovskij e S. Ja. Belikov, A. K. Vul'fert dedicava la parte conclusiva del suo articolo (pp. 80-86) « all'influenza che Beccaria ebbe sulla nostra patria legislazione ».

Non sarà necessario proseguire nelle citazioni che provano l'interesse che i giuristi russi prerivoluzionari dimostrarono per la personalità

---

(1) BEKKARIJA, *O prestuplenijach i nakazanijach. Perevod s ital'jansk. S etjudom «Značenie Bekkarija v nauke i v istorii russkogo ugolovnogo zakonodatel'stva»*. Izd. S. JA. BELIKOVA (Dei delitti e delle pene, traduzione dall'italiano con uno studio sul « Significato di Beccaria nella scienza e nella storia della legislazione penale russa ». Edizione di S. Ja. Belikov), Char'kov, 1889, XIV, 232 pp.

(2) Uno studioso posteriore, N. D. Čečulin, ne contò soltanto 108.

(3) *Op. cit.*, p. 216. Il documento di cui parla Belikov è l'*Ukaz* del Senato del 24 settembre 1767. Cfr. *Polnoe sobranie zakonov* (Raccolta completa delle leggi), n. 12.977. Questo *Ukaz* è riprodotto nell'opera *Nakaz imperatricy Ekateriny II, dannyj Kommissii o sočinenii proekta Novogo Uloženija. Pod red. N. D. Čečulina* (L'*Istruzione* dell'imperatrice Caterina II, data alla Commissione per la compilazione del progetto del Nuovo Codice, a cura di N. D. Čečulin), Spb., 1907, pp. CXLVII-CXLVIII.

(4) *Op. cit.*, p. 231.

(5) In « Žurnal Ministerstva justicii » (Rivista del Ministero della giustizia), 1894, n. 1, novembre, p. 39.

di Beccaria, per l'opera sua e la sua influenza nella storia della legislazione penale e nel pensiero giuridico della Russia (1).

Chiamando l'opera di Beccaria « non italiana, ma ben piuttosto russa, scritta in lingua italiana », S. I. Zarudnyj forse non sapeva di non far altro che parafrasare le parole del barone M. Grimm su *Dei delitti e delle pene* come d'un « libro francese, scritto in italiano ». Può dirsi che, se non era formalmente nel vero, avesse ragione tuttavia nella sostanza: l'opera di Beccaria ebbe una funzione molto importante nella vita sociale russa, non soltanto nella scienza del diritto penale, ed essa attrasse e continua ad attrarre l'attenzione. A quanto pare in nessuna letteratura occidentale possono contarsi sei traduzioni stampate di *Dei delitti e delle pene*, e certamente in nessuna letteratura occidentale il libro dell'illuminista italiano fu tanto strettamente legato alle circostanze della lotta sociale quanto nella Russia del Sette e dell'Ottocento.

2. Il trattato di Beccaria nella storia della società russa del XVIII-XIX secolo.

a) *Caterina II e Beccaria.*

Passando all'analisi dei numerosi documenti che testimoniano della funzione del libro di Beccaria in Russia dobbiamo innanzi tutto preav-

(1) P. Ja. Levenson, *Bekkaria i Bentam, ich žizn' i obščestvennaja dejatel'nost'. Biografičeskie očerki* (Beccaria e Bentham. La loro vita e attività sociale. Saggi biografici), Spb., 1893, pp. 44-47 e 51-52 (« Žizn' zamečatel'nich ljudej. Biografičeskaja biblioteka F. Pavlenkova ») (Vita di uomini celebri. Biblioteca biografica di F. Pavlenkov). Confronta le recensioni di quest'opera: 1) « Žurnal graždanskogo i ugolovnogo prava » (Rivista del diritto civile e penale), 1893, n. 7, pp. 38 sgg.; 2) Ja. N. Kolubovskij in « Filosofskij ežegodnik » (Annuario filosofico), 1893, p. 94; 3) « Severnyj vestnik » (Messaggero del nord), 1894, n. 1, Bibliografia, p. 140 (senza firma), *Čezare Bekkaria Bonezana* (15 marzo 1738-16 novembre 1794) in « Juridičeskaja gazeta » (Gazzetta giuridica), 1894, n. 91, p. 2 (senza firma), *Stoletie so dnja smerti Čezare Bekkaria* in « Pravitel'stvennyj vestnik » (Messaggero del governo), 1894, 20 novembre, n. 256, p. 2, 23 novembre, n. 257, pp. 2-3; A. A. Žižilenko, *Beccarija, Čezare*, « Slovar' juridičeskich i gosudarstvennich nauk » (Dizionario delle scienze giuridiche e amministrative), Spb., 1902, tomo I, fasc. II, col. 811-815; G. S. Fel'dstejn, *Glavnye tečenija v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii* (Le principali correnti nella scienza del diritto penale in Russia), Jaroslavl', 1909; I. P. Brichničev, *Apostoly gumannosti i svobody. Čezare Bekkarija* (Apostoli dell'umanità e della libertà. Cesare Beccaria). Moskva, 1912. Oltre a ciò, vedi « Nastol'nyj slovar' » (Dizionario fondamentale) di G. Toll', tomo I (1863), pp. 231 e 854; « Enciclopedičeskij slovar' » (Dizionario enciclopedico), edizione di Brokgauz e Efron, tomo V (1891), pp. 344-346; « Bol'šaja enciklopedija » (Grande enciclopedia), tomo II (1903), col. 776-777;

vertire che non considereremo la « storia russa » di *Dei delitti e delle pene* come una bibliografia annotata, cronologicamente ordinata, delle versioni e dei giudizi che quest'opera suscitò, ma come la determinazione dei motivi sociali e politici che portarono, in questo o quel momento, a rivolgersi a questo trattato e che condizionarono l'interpretazione di esso.

Se il libro di Beccaria, consacrato apparentemente ad uno specifico problema giuridico — il quale poteva interessare, così come centinaia di simili lavori su questo medesimo tema, unicamente una stretta cerchia di teorici e di pratici del diritto —, ebbe un tanto ampio e meritato successo tra i lettori di tutta Europa, ciò fu dovuto al fatto che, al di là del suo involucro, più immediatamente esterno e visibile, che ne faceva un trattato di diritto penale, stava in esso racchiusa una miriade di problemi concernenti la teoria, la filosofia generale. Ben è vero che alcuni di questi problemi, non soltanto non erano risolti, ma venivano posti dall'autore in forma nebulosa, come, ad esempio, la questione del diritto di proprietà, « terribile e forse non necessario diritto », come egli stesso diceva (1). L'opera di Beccaria dimostrò tuttavia d'essere uno degli strumenti più coraggiosi ed energici nella lotta per « la causa dell'umanità » (2).

Ciò vivamente sentirono tutti i numerosi partigiani europei delle idee illuministe. E forse con ancor maggiore vivezza e forza intesero la funzione rivoluzionatrice del libro di Beccaria i sovrani d'Europa, i rappresentanti dell'assolutismo illuminato, i quali perciò decisero, a modo loro, allo scopo di conservare il sistema feudale rifiutandone i suoi più invecchiati istituti, di utilizzare il contenuto, le idee del trattato. È compito degli specialisti di storia della Prussia, dell'Austria, della Toscana, del Württemberg, di accertare — se ciò non è stato ancor fatto — in quale misura e in qual forma i pensieri di Beccaria venissero utilizzati dai « monarchi illuminati » di questi paesi. A noi tocca soffermarci sulla questione se è esatto il punto di vista tradizionale riguardo all'utilizzazione delle idee di Beccaria da parte di Caterina II, nel suo *Nakaz*.

« Novyj enciklopedičeskij slovar » (Nuovo dizionario enciclopedico), ediz. di BROKGAUZ e EFRON, tomo V (1911), col. 676-680; « Nastol'nyj slovar » (Dizionario fondamentale), ediz. dei fratelli GRANAT, ediz. IX, tomo V, (1912), col. 206-211 (M. P. ČUBINSKIJ); « Bol'šaja sovetskaja enciklopedija » (Grande enciclopedia sovietica), tomo V (1930), col. 266-267 (JA. STAROSEL'SKIJ); « Bol'šaja sovetskaja enciklopedija », II ediz., tomo IV (1950), col. 402-403; « Filosofskaja enciklopedija » (Enciclopedia filosofica), tomo I (1960), p. 138 (G. ZEL'MANOVA).

(1) CESARE BECCARIA, *Dei delitti e delle pene*, in *Illuministi italiani*, tomo III, *Riformatori lombardi, piemontesi e toscani*, a cura di Franco Venturi, Milano-Napoli, Riccardo Riccardi Editore, 1958, p. 65.

(2) *Ibid.*, p. 73.

I primi studiosi che si occuparono delle « appropriazioni » che Caterina II operò dall'opera di Beccaria (Kistjakovskij, Belikov e, parzialmente, Čečulin) affrontarono il problema, senza approfondire il problema testuale, ma secondo un criterio puramente « statistico ». In fondo interessava loro il fatto che l'imperatrice si fosse rivolta a questo o quel paragrafo di Beccaria, indipendentemente dal come e con qual grado di esattezza fosse stato da lei utilizzato il materiale così preso in prestito. Già tuttavia gli studiosi prerivoluzionari notarono che i metodi usati da Caterina nelle sue citazioni erano grandemente arbitrari, per non dire inammissibili. Caterina stessa, nella sua ben nota lettera a Federico II, del 17 ottobre 1776, là dove dichiarava di aver « saccheggiato il presidente di Montesquieu », aveva affermato che il *Nakaz* consisteva di estratti dall'*Esprit des lois* e da *Dei delitti e delle pene* e che a lei non apparteneva altro se non « la disposizione delle questioni per articoli e, in diversi luoghi, là una riga, là una parola » (1). Essa non diceva tuttavia quali righe e quali parole fossero state da lei inserite, nè indicava come le sue citazioni fossero spesso incomplete, qua e là tralasciando una frase, una parola, una negazione, e dando così talvolta al testo preso in prestito un significato contrario a quello che esso aveva nell'originale (2).

Negli studi russi dedicati al *Nakaz* è stato pure posto il problema di quali fossero i principi secondo i quali Caterina operò la sua scelta dall'opera di Beccaria. Il prof. N. S. Tagancev, attirando l'attenzione dei lettori ed ascoltatori suoi sul libro di S. I. Zarudnyj, dove il *Nakaz* era stato ravvicinato a *Dei delitti e delle pene*, aveva notato: « Infinitamente più interessante sarebbe un'analisi critica non di quello che è preso in prestito nel *Nakaz*, ma di quello che è stato tralasciato dalla compilatrice dell'*Istruzione* » (3).

---

(1) *Sbornik imperatorskogo russkogo istoričeskogo obščestva* (Raccolta della Società storica imperiale russa), tomo XX (1877), p. 236.

(2) Per le prime osservazioni in proposito vedi Kistjakovskij nel suo articolo del 1864 e poi il prof. F. V. Taranovskij, *Političeskaja doktrina v Nakaze Ekateriny II* (La dottrina politica nell'*Istruzione* di Caterina II), in *Sbornik statej po istorii russkogo prava, posvjaščennyj prof. M. F. Vladimirskomu-Budanovu* (Raccolta di articoli di storia del diritto russo dedicata al prof. M. F. Vladimirskij-Budanov), Kiev, 1904, pp. 44-86 ed infine, il lavoro di G. S. Fel'dštejn, *Ugolovno- pravovye idei Nakasa Ekateriny II i ich istočniki* (Le idee penali dell'*Istruzione* di Caterina II e le loro fonti), Jaroslavl', 1909. Vedi pure A. A. Kizevetter, *Kritičeskie zametki po istorii političeskich idei v Rossii. I. Političeskaja teorija « Nakaza » Ekateriny II* (Note critiche di storia delle idee politiche in Russia. I. La teoria politica dell'« *Istruzione* » di Caterina II), in *Naučnye trudy Russkogo narodnogo universiteta v Prage* (Studi scientifici dell'Università nazionale russa a Praga), tomo I, Praga, 1928, p. 76.

(3) N. S. Tagancev, *Russkoe ugolovnoe pravo. Lekcii* (Il diritto penale russo. Lezioni), tomo I, Spb., 1902, p. 203, n. 1.

Alcuni degli studiosi sovietici (M. M. Isaev, B. S. Ošerovič) hanno fatto qualche osservazione su quanto *non* venne incluso nel *Nakaz*, ad esempio il passo sulla religione, ecc. Si può comunque affermare *a priori* che l'imperatrice non traesse dal libro di Beccaria tutto quanto poteva contraddire la sua posizione di « sovrano dell'assolutismo illuminato », tutto quanto poteva, sia pure in qualche misura, scuotere le strutture economiche, sociali e politiche d'uno stato basato sulla servitù contadina.

Queste affermazioni fatte *a priori* vengono confermate da una verifica dei fatti. Lo studioso prerivoluzionario V. Vitt, compiendo un minuto raffronto tra il testo del *Nakaz* ed il trattato di Beccaria era giunto alla conclusione che l'imperatrice « *prendendo in prestito, cancella* [il corsivo è nell'originale] da *Dei delitti e delle pene* tutto quanto riecheggia l'appassionata e combattiva difesa della maggioranza dei deboli dall'oppressione dei socialmente potenti », e che « nell'*Istruzione* nulla verrà a ricordare neppure l'eco dello scatenarsi della tempesta sociale che andava avvicinandosi all'Occidente per opera della democrazia » (1). Nelle parole conclusive del suo libro, V. Vitt si volgeva di nuovo al problema del rapporto intercorrente fra Caterina e Beccaria. « Da *Dei delitti e delle pene* vien tratto nel *Nakaz* soltanto quello che non contraddice in alcun modo l'ideale del montesquieuiano "saggio legislatore", nè le tendenze assolutistiche di Caterina. In genere si può affermare che l'imperatrice segue Beccaria ... fin dove le esigenze di quest'ultimo possono essere conciliate con le concezioni e le tendenze della autocrate russa ... Ma quando il contenuto d'una qualsiasi esigenza di Beccaria sgorga da principi del tutto diversi e distinti, allora non ne rimane traccia nell'*Istruzione*. In particolare viene lasciato cadere tutto l'elemento sociale della dottrina di Beccaria » (2).

Parlando dei rapporti di Caterina II e di Beccaria tanto gli studiosi occidentali che quelli russi immancabilmente si sono soffermati sulla questione dell'invito rivolto dall'imperatrice al pensatore italiano, vedendovi una particolare manifestazione del suo interesse per l'autore del celebre libro. Ma bisogna ricordare che Caterina invitò a Pietroburgo anche Voltaire, d'Alembert, Diderot, Mercier de la Rivière e Senac de Meilhan, che propose di trasferire l'edizione dell'Enciclopedia in Russia, ben sapendo che tutto ciò non erano che frasi. Era la sua tattica, e nulla più.

Errato sarà dunque continuare a considerare, senza aver compiuto le dovute verifiche, l'imperatrice Caterina II come una autentica, effettiva seguace di Beccaria. Si potrebbe dire dei suoi rapporti coll'autore di *Dei delitti e delle pene* quel che G. B. Plechanov osservò del rapporto

---

(1) V. Vitt, *Ekaterina II kak kriminalistka* (Caterina II come penalista), Spb., 1910, p. 66.

(2) *Ibid.*, p. 126.

di Caterina II con Montesquieu: «Non bisogna pensare che essa lo "saccheggiasse" senza circospezione. Ben sapeva mantener la misura in tutte le cose, né mai si lasciava andare» (1).

Quest'ultima frase di Plechanov s'inserisce nell'interpretazione che egli ha data di Caterina quasi fosse guidata sempre dal suo interesse «personale», dalla sua volontà di rafforzarsi sul trono illegittimamente conquistato. Negare la presenza di un interesse «personale» nelle azioni di Caterina sarebbe ridicolo, ma altrettanto ridicolo sarebbe racchiudere tutta l'attività di una persona posta alla testa di un enorme stato nel suo interesse «personale». Caterina II, come ogni altro monarca ed in genere ogni altro uomo di stato, esprimeva gli interessi della classe dominante, da questa classe era stata portata al trono, attraverso la Guardia, la parte più attiva della nobiltà russa nel XVIII secolo. Dalla nobiltà dei *pomeščiki* essa fu sostenuta al trono, per la durata di tutto il suo regno — e ciò soltanto perchè in tutta la sua politica interna ed estera essa rappresentava, coscientemente o incoscientemente, gli interessi di questa nobiltà. I suoi interessi «personali», se si guarda la sfera della sua attività politica, coincisero sempre con gli interessi della classe dominante, da questi erano dettati e circoscritti. Il «liberalismo» di Caterina II era quella forma del suo interesse «personale» che non disturbava la nobiltà russa, così come le misure praticamente liberali dell'imperatrice non intaccavano le basi economiche e politiche d'uno stato fondato sulla servitù contadina. Con ciò non si può negare che Caterina si preoccupasse dello sviluppo della Russia, e non soltanto della nobiltà, ma anche delle altre classi. Ma se ne preoccupò non a danno degli interessi della nobiltà, ma da questi prendendo le mosse e nella misura in cui era cosa indispensabile in quella fase dello stato nobiliare. Il carattere dei suoi rapporti con Beccaria è dettato non da interessi «personali» ma, in ultima analisi, da quelli dei nobili.

b) *Il libro di Beccaria e la società russa del XVIII secolo e dell'inizio del XIX.*

Il prof. Franco Venturi, nell'articolo già citato, sostiene che *Dei delitti e delle pene* fu noto in Russia quasi esclusivamente nella traduzione francese di Morellet. Ma egli stesso fornisce l'esempio d'una eccezione, citando una lettera del conte S. R. Voroncov del 9 giugno 1767, dalla quale risulta che in Russia esisteva pure il testo italiano del libro di Beccaria: lo storico G. F. Miller, giunto proprio in quel mentre da Mosca a Pietroburgo, vi

(1) G. B. Plechanov, *Sočinenija* (Opere), tomo XXII, p. 39.

raccontava le impressioni da lui provate alla lettura tanto dell'originale italiano che della traduzione francese (1).

Si può inoltre supporre che anche Caterina II utilizzasse pure l'edizione italiana del libro di Beccaria. È noto da tempo agli studiosi che nel manoscritto autografo del *Nakaz* sta una nota dell'imperatrice in cui si dice che, per quanto riguarda il famoso capitolo X di quest'opera, essa aveva adoperato una traduzione eseguita per lei da G. V. Kozickij. Non è da escludere che Caterina abbia incaricato Kozickij, grande autorità in fatto di lingua russa, di tradurre le parti che le erano necessarie dell'opera di Beccaria, con lo scopo di aver così di fronte agli occhi dei modelli di terminologia giuridica russa, la quale non le era indubbiamente nota con sufficiente larghezza.

Comunque stiano le cose, nelle biblioteche di Leningrado esistono diversi esemplari del libro di Beccaria, tanto in italiano che in francese, nelle edizioni del 1766-1767. Indubbiamente legata all'interesse suscitato da *Dei delitti e delle pene* è pure la versione russa della debole opera di Giacinto Dragonetti, *Delle virtù e de' premi* (*Traité des vertus et des recompenses*), compiuta dal giovane letterato F. G. Karin e pubblicata nel 1769 (2). Il traduttore stesso e la «Società per la versione dei libri stranieri», la quale incaricò Karin della traduzione di quest'opera, dovettero esser tratti in inganno dalla seconda parte del titolo francese, che suonava: « pour faire suite au Traité des délits et des peines, de Beccaria » (3).

Gli avvenimenti della fine degli anni '60 e del principio degli anni 70 — l'insuccesso della Commissione per la compilazione del progetto del nuovo codice e l'insurrezione di Pugačev — misero fine ai gesti liberali di Caterina II. Con la seconda metà degli anni '70 ebbe inizio il periodo della reazione, e ciò spiega l'assenza d'ogni eco del trattato di Beccaria tra le opere che apparvero a stampa in Russia nell'ultimo quarto del XVIII secolo. Tuttavia alcune versioni manoscritte di *Dei delitti e delle pene* circolarono tra i lettori. Così nella biblioteca di M. G. Černjakov, professore dell'Istituto pedagogico di Char'kov, si conserva un pacco di documenti dove vediamo il *Nakaz*, nell'edizione del 1767, le traduzioni di esso in varie lingue straniere e una traduzione manoscritta del libro di Beccaria. Sono dolente di non essere in grado di dare maggiori dettagli su questa versione: nè il nome del traduttore, nè la data della traduzione e neppure gli elementi che si potrebbero trarre dalla filigrana della carta sulla quale è scritta mi sono noti.

---

(1) F. Venturi, *op. cit.*, p. 164, nota 3.

(2) *Ibid.*, p. 168.

(3) Sul libro di Dragonetti vedi *Svodnyj katalog russkich knig XVIII veka* (Catalogo completo dei libri russi del XVIII secolo), tomo I, Moskva, 1962, p. 313 (n. 2015).

Nel novero pure delle traduzioni del libro di Beccaria in questo periodo è da considerare quella, inedita, condotta sulla versione francese, del pubblicista conservatore, principe M. M. Ščerbatov (1). In quali rapporti si trovi la versione di Ščerbatov, conservata nella Biblioteca Pubblica di Leningrado, con la traduzione della collezione del prof. M. G. Černjakov non sono in grado di dire.

Gli studiosi di Beccaria hanno rivolto da tempo, cominciando dalla recensione di A. F. Kistjakovskij alla traduzione di S. I. Zarudnyj, la loro attenzione all'articolo di Ščerbatov, *Razmyšlenija o smertnoj kazni* (Considerazioni sulla pena di morte) (2). Con tutto il suo conservatorismo nobiliare non possiamo negare la logicità di alcune obiezioni formulate da questo autore.

Non è stata tuttavia presa in considerazione un'interessante affermazione di Ščerbatov su Beccaria contenuta nell'articolo *O sposobach prepodavanija raznyja nauki* (Sui mezzi di insegnare diverse scienze) (3). Elencando i libri concernenti la scienza del diritto, i quali « nelle mani d'un maestro ragionevole possono grandemente servire all'istruzione della gioventù » e cioè lo *Spirito delle leggi*, *Dei delitti e delle pene* e il *Nakaz*, Ščerbatov scriveva: « Il signor Beccaria, tutto pieno di amore per l'umanità, concentrò tutto il suo ingegno nello sforzo di compenetrare di questo le leggi; l'intenzione è lodevole, ma impossibile spesso l'esecuzione » (4).

In tal modo, nell'interpretazione di Ščerbatov Beccaria è un filantropo, meritevole di rispetto, ma impratico e, ancor più, utopistico. Proponendo di portare alla conoscenza della gioventù, « per farne delle ottime menti », lo *Spirito delle leggi*, l'opera di Beccaria ed il *Nakaz*, Ščerbatov, come si può vedere dalle sue *Considerazioni sulla pena di morte*, aveva l'intenzione non soltanto di far assimilare dagli allievi le idee di queste opere, ma di fornire una indagine severamente critica di esse, condotta dal punto di vista della nobiltà conservatrice. Questo egli intendeva fare appellandosi ad un maestro ragionevole.

In Russia tuttavia l'opera di Beccaria non era caduta soltanto nelle mani di Caterina II o del principe Ščerbatov, ma anche in ambienti più democratici, sui quali non mancò di esercitare una certa influenza.

---

(1) F. VENTURI, *op. cit.*, pp. 169-170.

(2) Pubblicato dapprima parzialmente nei « Bibliografičeskie zapiski » (Rivista bibliografica), 1859, parte II, col. 435-438, e integralmente poi nei « Čtenija v Imperatorskom obščestve istorii i drevnostej rossijskich » (Letture della Società imperiale di storia e di antichità russe), 1860, fasc. I, parte II, pp. 57-72. Ristampato nei *Sočinenija* (Opere) di Ščerbatov, tomo I, Spb., 1896, col. 427-456. Cfr. F. VENTURI, *op. cit.*, p. 170-171.

(3) *Sočinenija* (Opere), tomo II, Spb., 1898, col. 439-602.

(4) *Ibid.*, p. 591.

Nello stesso anno in cui appariva la prima edizione della traduzione francese di *Dei delitti e delle pene* giungeva, come è noto, a Lipsia, per frequentarvi l'università, A. N. Radiščev, insieme ad altri giovani russi, tra i quali era un ragazzo molto dotato: F. V. Ušakov. Questi studenti russi frequentarono le lezioni di diritto, e particolarmente piacque loro il prof. K. Hommel, quello stesso che era uno dei più energici propagandisti delle idee di Beccaria in Germania e che più tardi tradusse *Dei delitti e delle pene* in tedesco. Su indicazione del prof. Hommel, F. V. Ušakov scrisse il suo *Razsuždenie o smertnoj kazni* (Meditazione sulla pena di morte) nella quale, accanto ad altre sue fonti, indica anche « l'autore del libro sui delitti e le pene » (1).

Nelle opere di Radiščev il nome di Beccaria e il titolo del suo trattato non s'incontrano. *Dei delitti e delle pene* non compare nella lista di libri francesi e tedeschi di carattere giuridico che appartennero alla biblioteca di Radiščev e che furono venduti dal figlio Nicola, dopo la morte del padre, alla Commissione per la compilazione delle leggi, malgrado il fatto che in questa lista si trovi il libro di G. Dragonetti e, in genere, si possa notare una gran cura nella scelta di opere legate al mondo delle idee di Beccaria (2). Tuttavia la mancanza di quest'opera in questa lista non significa affatto che Radiščev non la possedette, e può essere anzi spiegato col fatto che questi non desiderò separarsi da questo libro. Ed ecco per quali ragioni.

N. A. Radiščev era membro della Libera società degli amatori della letteratura, delle scienze e delle arti, la quale, precisamente nel 1802, si interessò particolarmente del libro di Beccaria. Nel verbale delle sedute di questa società dal 15 luglio al 15 agosto 1802, in mezzo alle « prose » presentate è indicata, al sesto posto, l'opera di Beccaria nella traduzione di D. I. Jazykov. Più oltre si aggiunge: « La Società, apprezzando lo scopo dell'autore e del traduttore, propone di dedicare la prossima riunione di preferenza all'esame di questa versione ... ». Nella parte conclusiva del rendiconto di nuovo si dice: « In tutte queste riunioni la Società si occupò di preferenza della lettura della traduzione dell'opera di Beccaria » (3).

---

(1) A. N. Radiščev, *Polnoe sobranie sočinenii* (Opere complete), Ediz. dell'Accademia delle scienze dell'Urss, tomo I, Moskva-Leningrad, 1938, p. 194.

(2) Ja. L. Barskov, *Knigi iz sobranija A. N. Radiščeva* (Libri della biblioteca di Radiščev), in « Dela i dni » (Le opere e i giorni), fasc. I, 1920, pp. 397-402. A p. 398 sono ricordati dei *Traités des crimes* (in 3 voll.) e a p. 399 il *Traité des vertus et des recompenses*. Può darsi che questi *Traités des crimes* siano una miscellanea in 3 tomi, nella quale fosse incluso anche il trattato di Beccaria.

(3) « Periodičeskoe izdanie Vol'nogo obščestva ljubitelej slovestnosti, nauk i chudožestv » (Opera periodica della Libera società degli amatori di letteratura, delle scienze e delle arti), 1804, fasc. I, pp. X-XI.

La Libera società era in contatto con uno degli scrittori progressisti russi della fine del XVIII secolo e dell'inizio del XIX, l'illuminista I. P. Pnin, grande ammiratore della cultura italiana (1), e attraverso Pnin anche con A. N. Radiščev. Non abbiamo nessuna base per pensare che l'iniziativa d'una traduzione dell'opera di Beccaria derivasse da Radiščev o da Pnin, ma si può pensare che l'uno e l'altro dei due scrittori l'approvassero. In ogni caso non è possibile condividere l'idea formulata da alcuni studiosi secondo i quali la traduzione di Jazykov venne, in qualche modo, compiuta per ordine dell'imperatore Alessandro I. Nel rendiconto ora citato della Libera società si dice chiaramente che la versione fu intrapresa da Jazykov autonomamente. « La Società ... manifestando riconoscenza al proprio socio chiese che quest'opera fosse presentata al Sovrano; il desiderio della Società fu esaudito e la letteratura russa si è arricchita di questa preziosa opera di legislazione, stampata a spese di S. M. I. » (2).

La traduzione di Jazykov venne dunque soltanto stampata per ordine di Alessandro I, e non intrapresa per desiderio del giovane sovrano, da poco salito al trono. Benchè i membri della Libera società vengano considerati da alcuni studiosi sovietici come dei « seguaci di Radiščev », non è tuttavia possibile consentire con loro: in massima parte essi erano degli illuministi, i quali — come del resto i loro predecessori occidentali — guardavano con speranza ai monarchi inclini alle idee dell'« assolutismo illuminato ». Le concezioni rivoluzionarie di Radiščev non erano da loro condivise. Proprio per questo la Libera società reputò possibile ed anzi necessario « presentare » il trattato di Beccaria nella traduzione di Jazykov ad Alessandro I, che precisamente in quel periodo tentava di rafforzare con alcune riforme parziali il cadente edificio della Russia feudale. L'opera di Beccaria fu uno dei mezzi positivi con i quali si venne così operando sull'apparato governativo russo.

La traduzione di Jazykov ebbe un indubbio successo. Nella rivista progressiva « Severnyj vestnik » (Messaggero del nord) venne inserita una recensione, certo breve ma non per questo meno indicativa: « Da tempo la nostra letteratura mancava di questa importante opera, che da anni

---

(1) I. P. PNIN, *Sočinenija* (Opere), Moskva, 1934, pp. 127-130. Beccaria è ricordato da Pnin due volte, alle pp. 128 e 172.

(2) « Periodičeskoe izdanie », cit., p. X. Il titolo completo del libro è il seguente: BEKKARIA, *Rassuždenie o prestuplenijach i nakazanijach. Perevedeno s italijanskogo jazyka francuzskoj Andreem Morelletom a s onogo na rossijskoj Dmitriem Jazykovym. S priloženiem primečanij Diderota i perepiski sočinitelja s Morelletom. Pečatano po vysocajšemu ego imperatorskogo veličestva poveleniju* (Trattato sui delitti e le pene, tradotto dall'italiano dal francese André Morellet e da questo in russo da Dmitrij Jazykov, con aggiunta delle note di Diderot e della corrispondenza dell'autore con Morellet, stampato per supremo ordine di S. M. I., Spb., 1803, XLIV, 268 pp.

è già tradotta in tutte le lingue europee. Questo libro è così famoso che noi consideriamo inutile parlarne in dettaglio; desidereremmo soltanto che esso sia più spesso nelle mani dei nostri giuristi » (1). Il libro si esaurì rapidamente, e presto ne venne preparata una seconda edizione la quale, tuttavia, per una qualsiasi ragione, non vide mai la luce (2). Ben presto, nel 1806, apparve la seconda traduzione russa a stampa, quella di Al. Chruščev (3). È possibile che proprio questa versione abbia impedito la pubblicazione della seconda edizione della traduzione di Jazykov.

Benchè nel rendiconto della Libera società si indichi che per una serie di sedute essa si occupò del controllo della traduzione di Jazykov sul testo francese di Morellet, tuttavia nell'opera stampata troviamo uno strano errore, il quale ben sembra piuttosto risultare da un intervento della censura. Nel capitolo sui furti la celebre definizione di Beccaria del diritto di proprietà suona, nella traduzione di Jazykov: « Pravo strašnoe, no možet byt' nebespolesnoe » (diritto terribile, ma forse non senza utilità) (4). In altre parole, nella traduzione è saltata la negazione « non ». Controllare se effettivamente il testo fosse modificato per ordine della censura non è possibile, visto che l'archivio della censura di Pietroburgo, fino all'anno 1804, non è stato conservato.

Si può affermare senza incertezza, comunque, che la censura ecclesiastica proibì nella traduzione di A. Chruščev il paragrafo sui « Delitti di prova difficile », consacrato ai problemi della religione. Cosicchè il rimprovero mosso ad A. Chruščev per l'incompletezza della sua traduzione non è giustificato (5).

L'apparizione, verso la metà del primo decennio del XIX secolo, di due traduzioni stampate del libro di Beccaria non mancò di essere notata negli ambienti democratici della società russa. L'accademico A. V. Niki-

---

(1) 1804, tomo I, fasc. I, pp. 111-112. Indubbiamente l'autore di questa recensione era il direttore di questa rivista, I. I. Martynov. Su di lui come traduttore delle *Meditazioni sull'economia politica* di Pietro Verri vedi F. VENTURI, *op. cit.*, p. 172.

(2) S. A. VENGEROV, *Russkie knigi* (Libri russi), Spb., 1898, tomo II, p. 172. Su uno degli esemplari di questa traduzione di Beccaria si legge la seguente nota manoscritta: « Dai libri dell'accademico Jazykov. Questa è la seconda edizione, pronta per la stampa, ma che non vide mai la luce ».

(3) BEKKARIJA, *O prestuplenijach i nakazanijach. Perevel s francuzskogo Aleksandr Chruščev* (Dei delitti e delle pene. Tradusse dal francese A. Chruščev), Spb., 1806, VIII, 200 pp.

(4) *Op. cit.*, p. 207. In tutte le altre traduzioni russe questo passo è tradotto esattamente.

(5) ČEZARE BEKKARIA, *O prestuplenijach i nakazanijach. Biografičeskij očerk i perevod knigi Bekkaria prof. M. M. Isaeva* (*Dei delitti e delle pene.* Saggio biografico e traduzione dell'opera di Beccaria a cura del prof. M. M. Isaev), Moskva, 1939, p. 438.

tenko, vissuto da giovane in provincia, ricordò più tardi che i piccoli borghesi della sperduta cittadina di Ostrogožsk avevano nelle loro biblioteche private dei libri seri, tra i quali anche Beccaria, li leggevano e discutevano su quanto avevano letto. Queste notizie si riferiscono agli anni 1815-1817. È difficile supporre che la piccola Ostrogožsk costituisse allora un'eccezione.

Una seria attenzione rivolsero a Beccaria anche i decabristi. Il prof. F. Venturi ha citato le prove della lettura del libro del pensatore italiano da parte dei decabristi Pestel', Poggio e Ljublinskii (1). Esso era noto anche ad altri membri delle società segrete. Così il decabrista N. Komarov nelle sue deposizioni di fronte alla Commissione inquirente disse che sotto l'influenza di Pestel' egli stesso ed i suoi amici, ufficiali dello stesso reggimento, leggevano l'opera di Beccaria e di altri autori (2). Nella biblioteca del decabrista principe F. P. Šachovskij, nipote del noto pubblicista conservatore del XVIII secolo il principe M. M. Ščerbatov, pure stava il libro di Beccaria, forse già di suo nonno (3). Il decabrista principe E. P. Obolenskij, secondo le parole dello storico V. I. Semevskij, amava ripetere il motto di Bentham: « La massima felicità per il maggior numero » (4), evidentemente ignorando che queste parole erano tratte da Beccaria. A conferma dell'interesse dimostrato dai decabristi per *Dei delitti e delle pene* può servire il fatto dell'inclusione di un articolo su Beccaria nell'« *Enciklopedičeskij slovar'* » (Dizionario enciclopedico) che non venne poi pubblicato e che era stato preparato dai decabristi barone V. I. Štejngel, V. K. Kjuchel'beker ed altri nel 1823-25 e stampato nella tipografia di S. Selivanovskij (5).

---

(1) F. Venturi, *op. cit.*, pp. 173-174.

(2) M. V. Dovnar-Zapol'skij, *Memuary dekabristov. Zapiski, pis'ma, pokazanija, proekti konstitucii, izvlečennye iz svledstvennogo dela, s vvodnoj stat'ej* (Memorie dei decabristi. Note, lettere, deposizioni, progetti di costituzione, tratti dagli incartamenti processuali, con un articolo introduttivo), Kiev, 1906, p. 28.

(3) V. I. Semevskij, *Političeskie i obščestvennye idei dekabristov* (Le idee politiche e sociali dei decabristi), Spb., 1909, p. 678.

(4) *Ibid.*, p. 229, nota 2.

(5) *Bekkarija Cezar'*, tomo III, pp. 38-39. « ... Egli divenne celebre per l'opera sua, degnissima di nota, sui delitti e sulle pene, che spira un alto amore per l'umanità. In essa, con ogni l'eloquenza, piena di forza e di fiammeggiante immaginazione, egli confuta la giustezza della pena di morte e delle torture. Questa opera costrinse a volgere una particolare attenzione al problema della riforma della legislazione penale e suscitò repulsione per la severità inumana dei giudici ». Sulla partecipazione dei decabristi a questo « *Dizionario enciclopedico* » vedi *Obščestvennye dviženija v Rossii v pervuju polovinu XIX veka* (I movimenti sociali in Russia nella prima metà del XIX secolo), tomo I, Spb., 1905, p. 305. Questa edizione è di straordinaria rarità. Cito dall'esemplare dell'Istituto di letteratura russa (Casa di Puškin). Manca il titolo e perciò la sua indicazione è qui chiusa tra virgolette.

Nell'epoca della reazione che seguì la fine dell'insurrezione dei decabristi, il nome di Beccaria scomparve per lungo tempo dalle pagine della stampa russa. Un'unica volta lo si incontra nel *Dizionario enciclopedico* di Pljušar, che tanto esattamente riflette gli elementi più caratteristici del regno di Nicola I. « Nella dottrina di Beccaria — scriveva l'anonimo autore del piccolo articolo consacrato all'illuminista italiano — stanno spesso i pensieri errati messi in circolazione dagli enciclopedisti. I suoi giudizi sono sovente deboli fin dalle basi. I fatti storici scivolano su di lui perchè egli non conosceva l'antichità » (1).

c) *Echi in Russia e traduzioni di Beccaria nella seconda metà del XIX secolo.*

Il fermento politico manifestatosi in Russia nella metà del secolo scorso in connessione con la sconfitta all'epoca della guerra di Crimea, fermento che indusse Alessandro II ad operare una serie di riforme, tra le quali anche quelle riguardanti la struttura giudiziaria, portò di nuovo in primo piano il libro di Beccaria. Le idee che stavano alla base di *Dei delitti e delle pene* nel 1764 erano ancora del tutto contemporanee in Russia, dopo il suicidio di Nicola I, e tali restarono ancor molto più tardi. Discutere il vecchio libro di Beccaria e tradurlo in russo era, in qualche modo, un porsi dei problemi d'attualità, che, a causa della censura, era impossibile esaminare direttamente e apertamente nella pubblica stampa. Impossibile era legalmente proibire l'analisi scientifica del contenuto ideale del celebre trattato, così come impedirne la traduzione. E pur tuttavia anche gli articoli su Beccaria e le versioni dell'opera sua vennero stampati in edizioni giuridiche specializzate, o furono destinati principalmente a lettori in un modo o in un altro legati alla struttura giuridica — avvocati, istruttori, giudici, procuratori. Queste edizioni non costituivano, proprio per questo, un pericolo.

Nel 1863, nel numero di luglio dell'ufficiale « Rivista del Ministero della giustizia » venne stampato il primo articolo russo su Beccaria, dovuto alla penna dell'ancor giovane giurista S. Ja. Belikov (2). Basandosi sui libri di C. Cantù e Faustin Hélie, sulla recensione di Philarète Chales

---

(1) *Enciklopedičeskij leksikon* (Lessico enciclopedico), edito da A. A. Pljušar, tomo V, Spb., 1836, p. 198.

(2) S. Ja. Belikov, *Bekkarija i značenie ego v nauke ugolovnogo prava* (Beccaria e il suo significato nella scienza del diritto penale), in « Žurnal Ministerstva justicii » (Rivista del Ministero della giustizia), 1863, luglio, pp. 69-108. Già nel 1862 nell'opera di compilazione del prof. S. O. Bogorodskij, *Očerk istorii ugolovnogo zakonodal'stva v Evrope s načala XVIII v.* (Saggio di storia della legislazione penale in Europa dal principio del XVIII secolo), Kiev, 1862, tomo I, brevemente si parlava di Beccaria.

al primo di questi libri, apparsa nel « Journal des Débats » (1862-1863) e sull'articolo di Walter su Beccaria, nel *Deutsches Staatswissenschaften Wörterbuch*, Belikov vi aveva trattato non senza abilità dei problemi fondamentali di *Dei delitti e delle pene* e delle questioni sollevate in questo libro che potessero avere un interesse teorico e pratico per i lettori russi. Era questa la prima rondine, se così vogliam dire, lanciata dai giuristi progressivi al momento e a proposito della riforma giudiziaria allora in preparazione. A distanza d'un anno e più, nella stessa rivista si leggeva: « Nelle attuali trasformazioni del diritto e della giurisprudenza penali l'apparizione nella stampa russa di articoli su Beccaria e sui suoi seguaci non può essere più opportuna » (1). Come si vede, lo scritto di S. Ja. Belikov su questo tema storico-giuridico era tutt'altro che casuale.

Un carattere anche più apertamente propagandistico aveva la serie degli articoli del professore di Kiev A. F. Kistjakovskij, nei quali si discorreva del significato dell'opera di Beccaria per la legislazione russa e della indispensabilità di ulteriori riforme in quest'ultima. Nel rendere un omaggio, tradizionale nel XIX secolo, a Caterina come legislatrice, A. F. Kistjakovskij, evidentemente esagerando la funzione dell'imperatrice — la quale sarebbe stata sinceramente intenzionata a trasformare e rinnovare la vita dello stato russo — aveva analizzato con particolare attenzione le ragioni dell'insuccesso del *Nakaz*, così come della Commissione per la compilazione del progetto del nuovo codice e di altre iniziative liberali « degli allievi degli enciclopedisti ». Ma quando leggiamo le parole dedicate da Kistjakovskij alle cause degli insuccessi di Caterina, subito diventa chiaro che, parlando della seconda metà del XVIII secolo, l'autore allude all'epoca a lui contemporanea, parlando in modo velato delle cause della recente sconfitta militare della Russia, e finendo col pronunziare una integrale condanna di tutto lo stato nobiliare. « L'effettiva (ragione dell'insuccesso) stava nella situazione mentale, morale e sociale del popolo e della società russa. Questa era una situazione di rozzezza dorata, di mancato sviluppo, una situazione più adatta ad un eccessivo sviluppo della servitù contadina che ad una realizzazione dei pensieri di Beccaria e di Montesquieu — assolutamente inconciliabili con una tale situazione nazionale » (2).

L'idea principale dell'articolo di Kistjakovskij, che politicamente era un liberale moderato, veniva da lui espressa nella parte finale. Era partigiano delle riforme graduali, lente, attraverso le quali le masse popolari si sarebbero istruite e moralmente nobilitate. Accanto alle riforme era indispensa-

---

(1) A. Gorodisskij (A. F. Kistjakovskij), *Vlijanie Bekkaria na russkoe ugolovnoe pravo* (L'influenza di Beccaria sul diritto penale russo), in « Žurnal Ministerstva justicii » (Rivista del Ministero della giustizia), 1864, settembre, p. 459.

(2) *Ibid.*, pp. 468-469.

bile la difesa «da ogni attacco contro di loro da parte delle forze oscure ed antisociali che esistono in ogni società». Dopo aver affermato che «in Russia queste ultime forze erano state considerevolmente indebolite dalla riforma contadina», Kistjakovskij terminava il suo articolo esprimendo la speranza «nel successo delle riforme in preparazione del diritto penale» (1).

Così, per Belikov e Kistjakovskij, Beccaria e l'opera sua erano diventati un mezzo di grande efficacia per tentare di influire in senso positivo sulle trasformazioni in corso del diritto penale e della giurisprudenza russa (2).

Nel 1864 furono pubblicati i «Regolamenti giudiziari», che avrebbero dovuto, secondo le intenzioni, sostituire la legislazione precedente anche per quanto riguardava il diritto penale. Apparentemente «la dottrina del pensatore italiano vi ebbe il maggior suo sviluppo» (3). Ma questi «Regolamenti», tanto vantati nella scienza giuridica liberale della Russia, non ebbero alcuna pratica applicazione nel susseguente periodo di reazione. In vigore fino alla grande rivoluzione d'ottobre, come notò un celebre penalista dell'epoca prerivoluzionaria, il prof. M. P. Čubinskij, essi «vennero talmente rielaborati da nuove disposizioni, inconciliabili con lo spirito che li aveva dettati, da sostituir loro un conglomerato del tutto diverso dal modello originale» (4).

Per questo dunque la lotta dei più avanzati giuristi russi per la democratizzazione e la modernizzazione del diritto penale non venne a cessare neanche dopo la formale adozione dei «Regolamenti giudiziari» del 1864 e l'opera di Beccaria rimase, per molti decenni ancora, il loro fido alleato. Gli articoli di Belikov e di Kistjakovskij, degli anni 1863 e 1864, non costituirono così un episodio passeggero nella storia della letteratura giuridica russa, ma divennero un importante anello nella storia del libro di Beccaria in Russia.

---

(1) *Ibid.*, pp. 469-470.

(2) Su Beccaria Kistjakovskij scrisse pure altri lavori: *Izloženie načal ugolovnogo prava po Nakazu imperatricy Ekateriny II* (Esposizione dei principi del diritto penale secondo l'*Istruzione* dell'imperatrice Caterina II), in «Žurnal Ministerstva justicii» (Rivista del Ministero della giustizia), 1864, n. 10, pp. 1-21; *Glavnejšie momenty razvitija nauki ugolovnogo prava. C. Bekkarija* (I principali momenti dello sviluppo della scienza del diritto penale. C. Beccaria), in «Kievskie universitetskie izvestija» (Notizie universitarie di Kiev), 1874, pp. 7-20; *Issledovanie o smertnoj kazni* (Ricerca sulla pena di morte), *ibid.*, 1867; *Elementarnyj učebnik ugolovnogo prava* (Manuale elementare di diritto penale), Spb., 1882 ed altri. Molto pregevoli le recensioni di Kistjakovskij alle traduzioni di Beccaria compiute da I. Sobolev in «Kritičeskoe obozrenie» (Rassegna critica), 1879, n. 10, pp. 17-26 e da S. I. Zarudnyj in «Žurnal graždanskogo i ugolovnogo prava» (Rivista di diritto civile e penale), 1880, n. 1, pp. 159-167.

(3) *Stoletie so dnja smerti Čezare Bekkaria* (Il centenario della morte di C. Beccaria), in «Pravitel'stvennyj vestnik» (Messaggero del governo), 1894, 23 novembre, n. 257, p. 2.

(4) M. P. Čubinskij, *Ugolovnoe pravo* (Il diritto penale), in *Enciklopedičeskij slovar'* (Dizionario enciclopedico), ed. dei fratelli Granat, tomo XLII, Mosca, (1917), col. 49.

La fase susseguente ci porta alla fine degli anni '70, quando, nel corso di due anni, vennero pubblicate, l'una dopo l'altra, le versioni di I. I. Sobolev, nel 1878, e di S. I. Zarudnyj nel 1879. Questo periodo, come è noto, fu contraddistinto dal tentativo compiuto dal governo di Alessandro II di dare un carattere più liberale alla politica interna. Si parlò allora persino di una « costituzione ». Nel 1880 era nominato ministro dell'interno M. T. Loris-Melikov, ed il suo breve periodo di governo fu chiamato, dapprincipio seriamente, e poi ironicamente, quello della « dittatura del cuore ».

Così come gli articoli di S. Ja. Belikov e di A. F. Kistjakovskij, stampati quindici anni per l'innanzi, così anche le versioni di Sobolev e di Zarudnyj avevano un valore politico immediato. In quel periodo continuava ad essere in vigore, malgrado l'esistenza dei « Regolamenti giudiziari » del 1864, la « Disposizione sulle condanne penali e amministrative », che rimontava al 1845 e che era ormai irrimediabilmente invecchiata, tanto da essere definita, anche da parte di alti dignitari, in un rapporto allo zar, come un ostacolo al buon funzionamento della giustizia russa. I giuristi progressivi della fine degli anni '70 ottennero dei cambiamenti in questa « Disposizione », ma essa continuò a restare in vigore, è indispensabile sottolinearlo, fino alla rivoluzione d'ottobre. Le traduzioni dell'opera di Beccaria compiute da I. I. Sobolev e S. I. Zarudnyj, così come le pregevoli recensioni che di queste versioni fece A. F. Kistjakovskij (vedi p. 270 n. 2), costituirono un elemento della lotta contro questo reazionario testo giuridico dell'epoca di Nicola I. Può darsi che in qualche misura l'apparizione di queste traduzioni fosse legata al moltiplicarsi delle condanne a morte pronunziate contro i terroristi della « Narodnaja Volja », alla fine degli anni '70.

La versione di S. Ja. Belikov, pubblicata nel 1889, era accompagnata da un interessante studio, che già abbiamo avuto occasione di ricordare, intitolato *Značenie Bekkarija v nauke i v istorii russkogo ugolovnogo zakonodatel'stva* (Il significato di Beccaria nella scienza e nella storia della legislazione penale russa), dove l'autore riconosce con obiettività e fondatezza il carattere superficiale dell'assimilazione, da parte della legislazione ufficiale russa, delle dottrine dell'illuminista italiano. Come molti altri giuristi russi, anche Belikov espresse il significato fondamentale che egli attribuiva alla sua versione e al suo studio su Beccaria nell'ultima frase del suo libro: « La realizzazione dell'idea di Beccaria sui mezzi più atti a lottare contro i veri delitti esige riforme radicali e molteplici, che dipendono non meno dall'allargarsi della cultura in tutta la nazione che dall'opera del governo » (1). Se confrontiamo queste parole con la conclu-

(1) BEKKARIJA, *O prestuplenijach i nakazanijach* (*Dei delitti e delle pene*), Ed. S. Ja. Belikov, Char'kov, 1889, p. 232.

sione dell'articolo che A. F. Kistjakovskij aveva consacrato al medesimo problema, evidente diventa il loro significato politico — il riconoscimento cioè dell'indispensabilità delle riforme governative, il richiamo all'impossibilità di rinviarle ulteriormente.

Un simile carattere politico ebbero gli articoli apparsi nella stampa giuridica russa nel 1894, in occasione del primo centenario della morte di Beccaria. Ricordando gli articoli di Belikov e di Kistjakovskij, del 1863-64, il prof. A. K. Vul'fert scriveva nel « Žurnal Ministerstva justicii » (Rivista del Ministero della giustizia): « Oggi, al momento in cui si compie il centenario della morte di Beccaria, delle circostanze simili a quelle che suscitarono questi due articoli inducono a rievocare per i lettori russi, nelle pagine di questa medesima rivista ... l'immagine di Beccaria ». Più oltre l'autore chiarisce di quali circostanze si trattasse: « Siamo alla vigilia d'un nuovo codice penale, le nostre disposizioni penali vengono sottoposte ad una revisione integrale e completa » (1). Alludeva così al nuovo « Codice penale » che era già stato elaborato in realtà nel 1885, ma di cui la pubblicazione si ebbe soltanto nel 1903, per non essere poi mai effettivamente messo in vigore.

Nel giornale liberale « Juridičeskaja gazeta » (Gazzetta giuridica), si faceva notare che « la generale approvazione suscitata dal libro di Beccaria l'aveva fatta oggetto dell'odio dei sostenitori della superstizione e del dispotismo » (2). Nel linguaggio della stampa russa d'allora, sottoposta alla censura, le parole « superstizione » e « dispotismo » eran sinonimi, a tutti comprensibili, di « religione » e « monarchia ».

Un'eco del centenario della morte di Beccaria troviamo pure nel reazionario « Pravitel'stvennyj vestnik » (Messaggero del governo). In un ampio articolo, che riprendeva in genere il materiale di quello di A. K. Vul'fert, sul « Žurnal Ministerstva justicii » (Rivista del Ministero della giustizia), s'esprimeva il pensiero che Beccaria era un monarchico convinto e un pensatore estremamente guardingo. Questa evidente falsificazione forniva all'anonimo autore l'occasione di pronunciare un panegirico degli imperatori russi, a cominciare dalla « contemporanea ed allieva di Beccaria », Caterina II, e finendo con i suoi successori imperiali, i quali, a sentir lui, avrebbero « esaudito i voti della Sua Istruzione in una serie di benefiche ed umane riforme » (3).

---

(1) A. K. VUL'FERT, *Čezare Bekkaria. Stolet so dnja ego smerti* (Cesare Beccaria. Centenario della sua morte), 1894, n. 1, novembre, p. 40.

(2) *Čezare Bekkaria Bonezana*, 1894, 16 novembre, n. 91, p. 2.

(3) *Stoletie so dnja smerti Čezare Bekkaria* (Il centenario della morte di Cesare Beccaria), in « Pravitel'stvennyj vestnik » (Il messaggero del governo), 1894, 20 novembre, n. 256, p. 2; 23 novembre, n. 257, p. 2.

Quali fossero queste « benefiche ed umane riforme » la storia lo dice abbastanza e perciò non è necessario far menzione di esse. Notiamo soltanto che il « Codice penale », al quale aveva indirettamente alluso A. K. Vul'fert, benchè avesse una serie di meriti in confronto con la precedente legislazione penale, « riuscì ad invecchiare senza quasi entrare in vigore », secondo il generale riconoscimento dei giuristi progressisti dell'età prerivoluzionaria (1). « La conservazione accanto ad essa ed il mantenimento in vigore della vecchia disposizione del 1845 introduce nel nostro diritto la duplicità, confonde la coscienza giuridica, rende difficile lo studio del materiale legale e, in genere, costituisce un caso inusitato e del tutto intollerabile: l'uno accanto all'altro il vecchio è in vigore e il nuovo non lo è, e l'uno e l'altro sono dichiarate leggi » (2).

È del tutto chiaro come in una simile complessa e confusa situazione, in cui venne a trovarsi la legislazione penale russa al passaggio tra l'Otto e il Novecento, l'opera di Beccaria conservasse, anche dopo il 1894, la propria funzione di alleato dei giuristi progressivi nella loro lotta per la riforma giudiziaria.

Nel periodo attorno e dopo il 1894 la valutazione di Beccaria e del suo trattato non si manifestò tuttavia nella forma di articoli e di traduzioni, ma passò nei manuali di diritto penale (3), nelle ricerche della storia di questo (4), nella storia delle punizioni (5) e della pena di morte in Russia (6), così come nei lavori d'analisi del *Nakaz* di Caterina II (7).

---

(1) M. P. Čubinskij, *op. cit.*, col. 49.

(2) *Ibid.*

(3) B. N. Latkin, *Učebnik istorii russkogo prava. Period imperii. XVIII i XIX st.* (Manuale di storia del diritto russo. Periodo imperiale. XVIII e XIX secolo), Spb., 1899; N. S. Tagancev, *Russkoe ugolovnoe pravo. Lekcii* (Il diritto penale russo. Lezioni), Spb., 1902, tomo I; M. P. Čubinskij, *Očerki ugolovnoj politiki* (Saggi di politica penale), Moskva, 1905; N. D. Sergievskij, *Russkoe ugolovnoe pravo* (Diritto penale russo), VIII ed., Spb., 1910 e molti altri.

(4) G. S. Fel'dštejn, *Glavnye tečenija v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii* (Le principali tendenze della storia della scienza penale in Russia), Jaroslavl', 1909.

(5) I. Ja. Fojnickij, *Naučnaja razrabotka istorii nakazanija* (Elaborazione scientifica della storia della pena), Spb., 1888; ID., *Učenie o nakazanii* (Dottrina della pena), Spb., 1889; A. G. Timofeev, *Istorija telesnych nakazanij v russkom prave* (Storia delle pene corporali nel diritto russo), Spb., 1897.

(6) N. P. Zagoskin, *Očerk istorii smertnoj kazni v Rossii* (Saggio di storia della pena di morte in Russia), Kazan', 1892; A. A. Piontrovskij, *Smertnaja kazn' v Evrope* (La pena di morte in Europa), Kazan', 1908; N. S. Tagancev, *Smertnaja kazn'* (La pena di morte), Spb., 1913; M. N. Gernet, *Smertnaja kazn'* (La pena di morte), Moskva, 1913.

(7) N. D. Čečulin, *Ob istočnikach Nakaza* (Sulle fonti dell'*Istruzione*) in « Žurnal Ministerstva narodnogo prosveščenija » (Rivista del Ministero dell'istruzione pubblica), 1902, n. 4, pp. 306-317; F. V. Taranovskij, *Političeskaja doktrina v Nakaze impe-*

d) *Beccaria nella scienza sovietica.*

Nei primi mesi dopo la rivoluzione di febbraio 1917 M. P. Čubinskij, esprimendo l'opinione e le speranze dei giuristi progressivi, tratteggiò il programma minimo delle riforme da compiersi nel diritto penale; egli voleva « si passasse definitivamente agli archivi il Regolamento del 1845, si prendesse come punto di partenza il Codice penale del 1903, sottomettendolo ad una rielaborazione radicale, onde metterlo in armonia con la struttura d'uno stato effettivamente rinnovato e con le esigenze giuridiche che erano venute maturando » (1).

L'articolo di M. P. Čubinskij vide la luce dopo la grande rivoluzione socialista d'ottobre. Agli « archivi » furono passati non soltanto i Regolamenti giudiziari del 1864 e il Codice penale del 1903, ma tutta la struttura sociale, politica ed economica della Russia nobiliare e borghese. Ebbe allora inizio la fondazione della società, dello stato, della legislazione socialista. Tutto ciò si andò costruendo su principi giuridici del tutto differenti e, naturalmente, il libro di Beccaria, che rappresentava una tappa diversa dei rapporti sociali, non poté conservare quel carattere d'attualità che, come abbiamo visto, gli era stato riservato per il corso di centocinquanta anni. Per l'autore del trattato *Dei delitti e delle pene* era giunta l'ora d'una valutazione puramente storica.

Quando, negli anni '20, nella scienza giuridica sovietica sorse il problema dei fondamenti filosofici del nuovo atteggiamento di fronte al diritto penale, alcuni giuristi della generazione anziana, prerivoluzionaria (A. A. Žižilenko, V. N. Širjaev, e, in parte, E. Ja. Nemirovskij) espressero il pensiero che il diritto penale russo doveva essere trattato dal punto di vista della scuola classica. Nella polemica che essi condussero con i criminalisti marxisti, Beccaria venne naturalmente menzionato come iniziatore della scuola classica del diritto penale, e venne inoltre notato che, a differenza di altri posteriori rappresentanti di questa corrente, l'autore

---

ratricy Ekateriný II (La dottrina politica nell'*Istruzione* dell'imperatrice Caterina II) in « Sbornik statej po istorii russkogo prava posvjaščennych prof. M. F. Vladimirskomu-Budanovu » (Raccolta di articoli di storia del diritto russo dedicati al prof. M. F. Vladimirskij-Budanov), Kiev, 1904, pp. 44-86; *Nakaz imperatricy Ekateriny II, dannyj kommissii o sočinenii proekta Novogo Ulozenija* (L'*Istruzione* dell'imperatrice Caterina II, data alla Commissione per la compilazione del progetto del nuovo codice), a cura di N. D. Čečulin, Spb., 1907, Introduzione, pp. CXXXII-CXXXIII; V. Vitt, *Ekaterina II kak kriminalistka* (Caterina II come penalista), Spb., 1910.

(1) M. P. Čubinskij, *Ugolovnoe pravo* (Diritto penale) in *Enciklopedičeskij slovar'* (Dizionario enciclopedico), ed. fratelli Granat, tomo XLII, Moskva (1917), col. 50.

del trattato *Dei delitti e delle pene* rappresentava le posizioni rivoluzionarie della borghesia settecentesca.

A questo punto di vista aderirono pure i giovani giuristi sovietici che celebrarono, nel 1938, il secondo centenario della data di nascita di Beccaria: M. M. Isaev (1), B. S. Man'kovskij (2) e B. S. Ošerovič (3).

Legata indubbiamente al secondo centenario di Beccaria, nel 1938, è pure l'edizione della sesta traduzione russa di *Dei delitti e delle pene*, per opera del prof. M. M. Isaev, apparsa nel 1939. La versione è preceduta da un ampio saggio biografico, che costituisce un intero libro (176 pagine) e alla fine di esso si trovano tre appendici: 1) un frammento di Beccaria che esiste manoscritto ma che non entrò a far parte del testo stampato (« La vita e la libertà dell'ultimo cittadino ... »); 2) una bibliografia, con una descrizione dettagliata delle versioni russe del XIX secolo; 3) l'opera *Dei delitti e delle pene* nella redazione di Morellet.

Il compito che M. M. Isaev si era posto nel saggio biografico, e cioè di restituire « l'autentico Beccaria » (p. 165), rendeva necessario andar oltre i limiti di un esame della vita e dell'opera dell'illuminista italiano. Notando che « nel XIX secolo era andata affermandosi l'idea d'un Beccaria "penalista soltanto", M. M. Isaev afferma che questo giudizio e questo punto di vista « portavano ad una svalutazione di lui come pensatore e come pubblicista ». Lo studioso sovietico, in modo conciso e insieme persuasivo fino a eliminare ogni dubbio, dava una definizione della posizione filosofica e pubblicistica di Beccaria. « La forza del libro suo, egli afferma, era racchiusa nella sua profondissima convinzione di essere il difensore degli interessi di tutta l'umanità » (p. 175). Senza entrare in aperta polemica con i sociologi volgari che dominavano allora la scienza sovietica e che in genere prendevano una posizione nettamente negativa di fronte ai rappresentanti della cultura borghese di ogni periodo, facendo di loro degli egoistici difensori degli interessi della propria classe, M. M. Isaev soggiungeva: « A lui (Beccaria) più che ad ogni altro, possono essere appli-

---

(1) *Čezare Bekkaria* in « Problemy socialističeskogo prava » (Problemi di diritto socialista), fasc. III, Moskva, 1938, pp. 102-147.

(2) *Čezare Bekkarija i nauka ugolovnogo prava* (Cesare Beccaria e la scienza del diritto penale) in « Sovetskoe gosudarstvo » (Lo stato sovietico), 1938, n. 4, pp. 102-111.

(3) *Čezare Bekkaria, ibid.*, pp. 93-102; *Ugolovno-pravovye vozzrenija Bekkaria* (Le concezioni di diritto penale di Beccaria) in « Problemy socialističeskogo prava » (Problemi di diritto socialista), fasc. III, Moskva, 1938, pp. 73-102. Dalle note in calce al primo di questi due articoli risulta che esso costituiva una parte d'una monografia consacrata a Beccaria, già preparata dall'autore, ma che poi non vide mai la luce.

cate le parole di Lenin sugli illuministi del XVIII secolo », e citava le parole seguenti:

«Non dobbiamo dimenticare, scrive Lenin, che all'epoca in cui scrissero gli illuministi del XVIII secolo (che una universale opinione include tra i capi della borghesia), così come quando scrivevano i nostri illuministi tra gli anni '40 e '60 del XIX secolo, tutti i problemi sociali si concentravano nella lotta contro la servitù e contro le sue sopravvivenze. I nuovi rapporti sociali ed economici e le loro contraddizioni erano ancora in germe. Nessun egoismo perciò si manifestava negli ideologi della borghesia; al contrario, in Occidente e in Russia, essi credevano del tutto sinceramente nel bene generale e sinceramente lo desideravano, sinceramente non vedevano (e in parte non potevano ancora vedere) le contraddizioni di quella struttura che andava sviluppandosi dal regime servile » (1).

Questo punto di vista metodologico, l'unico giusto per quel che riguarda gli illuministi del secolo XVIII e, tra questi, Cesare Beccaria, fa sì che il lavoro di M. M. Isaev costituisca la migliore opera della letteratura russa sul filosofo penalista italiano.

L'opera di M. M. Isaev suscitò una interessante recensione del prof. N. Poljanskij, nella quale vien fatta una importante aggiunta parlando della frase di Beccaria che già abbiamo avuto occasione di ricordare sul diritto di proprietà, frase che già aveva attirato l'attenzione degli autori russi che avevano scritto sul trattato *Dei delitti e delle pene* (2). Citando le *Elegantiae juris criminalis* di G. Radbruch (1938), (pp. 61-62), il prof. Poljanskij riferisce la risposta di Beccaria ad una lettera nella quale gli veniva chiesto se « questa riga sul diritto di proprietà non costituisse semplicemente un errore di stampa ». Beccaria rispondeva che « non si trattava affatto di un errore e che questa riga esprimeva la sua effettiva opinione » (3).

---

(1) V. I. Lenin, *Sočinenija* (Opere), ed. V, tomo II, Moskva, 1958, p. 520. Isaev citò una edizione anteriore.

(2) S. Ja. Belikov nello studio unito alla sua traduzione aveva scritto « Cantù (p. 127) si era fermato con meraviglia all'espressione di Beccaria " terribile e forse non necessario diritto "; nei manoscritti che si conservano e nella prima edizione dell'opera era detto soltanto " terribile, ma forse necessario diritto "; in che modo poi sia stata compiuta la correzione nella seconda e nelle seguenti edizioni non è cosa nota. Indubbiamente, del resto, le parole ora citate di Beccaria non sono dirette contro il principio stesso della proprietà, ma contro l'abuso di essa. Lo stesso Beccaria riconobbe: " le ricchezze sotto la tutela della legge sono il premio dell'industria " (cap. XXVII) ». Č. Bekkarija, *O prestuplenijach i nakazanijach* (*Dei delitti e delle pene*), ed. di S. Ja. Belikov, pp. 202-203.

(3) Recensione del prof. N. Poljanskij all'opera C. Bekkaria, *O prestuplenijach i nakazanijach* (*Dei delitti e delle pene*), traduzione del prof. M. M. Isaev, Moskva,

Gli scritti commemorativi su Beccaria del 1938-1940 fissarono la posizione dei giuristi sovietici rispetto al trattato ed al suo autore. E se più tardi si incontrano alcune oscillazioni nella valutazione di Beccaria, queste rappresentano degli errori tipici di quell'epoca, risultati dall'abbandono dei principi leninisti nell'interpretazione del passato (1).

In conclusione Beccaria, pensatore intrepido, ardito combattente contro la struttura feudale, filosofo che aveva chiamato il diritto di proprietà « terribile e forse non necessario diritto » è particolarmente inteso e vicino ai cittadini del paese dove non esiste « l'oppressione della maggioranza da parte della minoranza », là dove è realizzato l'ideale di Beccaria: « la massima felicità divisa nel maggior numero » (2).

(*Traduzione di Franco Venturi*).

1939, in « Sovetskoe gosudarstvo i pravo » (Stato e diritto sovietico), 1940, n. 10, p. 143.

(1) Vedi, ad esempio, nel libro del prof. B. S. UTEVSKIJ, *Istorija ugolovnogo prava buržuaznych gosudarstv* (Storia del diritto penale degli stati borghesi), Moskva, 1950, pp. 116-118, come pure il suo libro *Ugolovnoe pravo. Obščaja čast'* (Diritto penale. Parte generale), Moskva, 1948, pp. 204-205. Notiamo, nella restante letteratura sovietica su Beccaria: B. S. OŠEROVIC, *Očerki po istorii russkoj ugolovno-pravovoj mysli* (*Vtoraja polovina XVIII veka — Pervaja četvert XIX veka*). (Saggio di storia del pensiero penale russo [Seconda metà del XVIII secolo - primo quarto del XIX]), Moskva, 1946, pp. 56-73; M. M. ISAEV, *K voprosu o političeskoj ocenke idej klassičeskoj školy ugolovnogo prava v pervoj polovine XIX v.* (Sul problema della valutazione politica delle idee della scuola penale classica nella prima metà del XIX secolo), Moskva, 1947; A. A. GERCENZON, *K izučeniju istorii ugolovnogo-pravovych teorii XVIII-XIX vv.* (Per lo studio della storia delle teorie penali nei secoli XVIII e XIX), Moskva, 1947, 45 pp.

(2) C. BECCARIA, *Dei delitti e delle pene*, in *Illuministi italiani*, tomo III, p. 32. Nella traduzione di M. M. Isaev la citazione si trova a p. 195.

XVII

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Можно предполагать, что, если бы литературоведческие термины употреблялись всеми лицами, работающими в данной научной области, одинаково, большая часть затруднений в изучении литературных явлений и литературного процесса в целом отпала бы и литературоведение большее время и силы могло бы посвятить решению важных задач, стоящих перед ним как наукой. Это обстоятельство вынуждает исследователя прежде, чем приступить к рассмотрению интересующей его проблемы или темы, «условливаться о терминах», т. е. разъяснять, какой смысл вкладывает он в термины, которые будут употребляться им в предпринимаемой работе. Конечно, подобная предосторожность не устраняет полностью неудобств, возникающих в результате разного понимания предварительно неразъясненных терминов, однако она уменьшает возможность недоразумений, которые являются неизбежным следствием вкладывания читателем «своего» содержания в «чужие» термины.

Мне кажется, что из всех областей литературной науки наиболее трудной и запутанной в результате терминологической разноголосицы является исследование и изучение фактов и процесса международного литературного общения или межнациональных литературных контактов.

Какие только термины ни применялись литературоведами в разные времена и в разных условиях при изучении того несомненного факта, что темы, образы, сюжеты, идеи, художественные приемы, жанры, виды, стихотворные размеры и т. п., существующие или существовавшие в практике одних народов, живых или даже и исчезнувших с лица земли, появляются у других — соседних, а иногда и далеких — народов! Напомню хотя бы некоторые из таких терминов: теория «влияния», теория «заимствования», теория «самозарождения», теория «сравнительно-истори-

ческого изучения», «сравнительно-исторический метод», «сравнительное литературоведение», «сравнительная литература», «международный литературный обмен», «взаимосвязи и взаимодействие литератур» и т. д. * Сюда же надо прибавить и термины «стадиальное» и «типологическое» изучение литературных явлений и процессов.

И хотя приведенный выше перечень употреблявшихся и употребляющихся терминов не является исчерпывающим, все же он показывает, насколько важен самый предмет изучения, столько лет привлекающий внимание многих поколений литературоведов разных стран и народов. Очевидно, сам материал этой области литературной науки таков, что требует рассмотрения, так же очевидно, что применявшиеся и применяющиеся теории и методы не всегда могут в настоящий момент удовлетворить исследователя в полной мере или, если и удовлетворяют, то чаще литературоведов, слепо приверженных своей концепции.

Я не предлагаю в настоящей статье какого-то нового метода взамен прежних; читатель мог заметить, что я не отрицаю применяющихся теорий и методов, а только утверждаю, что в полной мере они нас в настоящий момент удовлетворить не могут. Вполне закономерно, что читатель захочет узнать, почему они в настоящий момент не могут нас удовлетворить. Ответом на этот вопрос явится первая часть статьи, предлагаемой его вниманию.

I

Основным недочетом господствующих нередко еще и в настоящее время теорий изучения перехода литературных явлений, существующих или существовавших у одних народов, к другим нужно, на мой взгляд, признать отсутствие в этих теориях должного исторического подхода к исследуемому материалу. Для компаративиста или для сторонника теории взаимосвязей и взаимодействия литератур проблема состоит в том, чтобы установить закономерности, якобы действующие в этой области изучения у всех народов и во все времена. Если это не говорится прямо, т. е. не формулируется так отчетливо, как это сделано в нашей предыдущей фразе, то не говорится и обратное, т. е. не указывается, что переход литературных явлений у разных народов и в разные времена имеет каждый раз свои характерные особенности и поэтому не может изучаться совершенно одинаково.

Прежде чем мы перейдем к более подробному обоснованию этого положения, я считаю нужным «условиться» о содержании некоторых терминов, которые я буду употреблять в дальнейшем

* Упоминая термины «сравнительно-историческое изучение», «сравнительно-исторический метод», «сравнительное литературоведение», автор имеет в виду то содержание этих терминов, которым их наполняли в прошлом (Прим. ред.).

изложении. Первый из них — «литературные контакты». В понятие «литературных контактов» я включаю все виды и формы перехода литературных явлений, возникших у одних народов, к другим народам: усвоение сюжетов, образов, приемов, жанров, стихосложения и т. п.; переводы — переработки и точные переводы; подражания иноязычным литературным произведениям, полемика с ними в художественной форме, пародии на них; творчество писателей одного народа на языке другого народа или языках других народов; критические или историко-литературные суждения одного народа о литературе или отдельных писателях и произведениях другого народа; проникновение имен литературных персонажей или писателей одного народа в ономастический репертуар другого (Изольда, Лаура, Беатриче, Гораций, Овидий и т. д.), преломление явлений чужих литератур в творческом сознании писателей, композиторов, художников, в искусстве кино, декламации и т. п. Словом, под понятие «литературных контактов» я подвожу все формы активной деятельности одного народа по отношению к литературе другого.

Употребляя выше термин «литературный переход», я не уточнил своего понимания этого термина, что также может повести к недоразумениям. «Литературный переход», конечно, образное выражение, а не точное определение. Конечно, сама литература какого-либо народа никогда не переходит, ее воспринимают люди другого народа, в той или иной степени владеющие языком первого народа, и, по-своему поняв, передают ее на языке своего племени, народа, нации. Поэтому знание чужих языков — непременное условие международных литературных контактов. И поэтому знание или по крайней мере понимание родственных языков является важной предпосылкой межплеменных литературных контактов. Таким образом, к тем видам и формам изучения литературных контактов, которые перечислены выше, должно прибавиться установление степени распространенности «чужого» языка среди народа, вступающего в контакт с литературой этого языка, т. е. установление того, какими путями приобретается знание этого языка,— во время пребывания в стране данного языка; у себя на родине от людей, знающих этот язык; путем книжного изучения. Особую роль в этом отношении играют в разные эпохи города с многонациональным и потому многоязычным населением — Александрия, Рим, Константинополь, Самарканд, Тбилиси и т. д., языковая «обстановка» которых создавала условия для «литературных контактов», в области фольклора прежде всего, а затем и собственно литературы.

Чем отличается понятие «литературные контакты» от понятия «литературные влияния» и «литературные заимствования?» Имеет ли оно какие-нибудь преимущества перед ними, перед другими понятиями, применяющимися при изучении разных форм перехода литературных явлений одного народа к другому,

например, перед понятиями «международного литературного обмена», «взаимосвязей и взаимодействия литератур» и пр.?

Определяя понятие «литературных контактов» как совокупность всех форм активной деятельности одного народа по отношению к литературе другого, мы тем самым отвергаем основной принцип теории «литературных влияний», состоящий в том, что активной признается «влияющая» литература, а литература, «испытывающая» или «воспринимающая» «влияние», является «пассивной» стороной. Теория «литературных влияний» не объясняет, почему именно данная литература «влияет» на другую данную литературу и почему именно данная литература испытывает «влияние» или «воздействие» другой данной литературы. Теория «влияний» не вдается в рассмотрение причин перехода литературных явлений от народа к народу, а ограничивает свои задачи анализом конкретных фактов, не замечая того, что активный процесс обращения одной литературы к другой изображается в качестве пассивного. Но неумение правильно понять и объяснить процессы «литературного перехода» не отнимает у теории «литературных влияний» огромной заслуги в накоплении большого количества конкретных фактов и создания методики исследования и изучения этих фактов; переработанная на основе других научных принципов, эта методика может быть с пользой применена, хотя бы частично, и в наше время.

Может показаться, что предлагаемая мной теория «литературных контактов», понимаемая как совокупность форм активной деятельности одного народа по отношению к литературе другого, не содержит ничего принципиально нового по сравнению с теорией «заимствования», которая тоже отрицает активность «влияния» и пассивность «восприятия». На самом деле это не так. Теория «заимствования» в разных ее модификациях — от простой замены термина «влияние» термином «заимствование» без пересмотра существа теории «влияний» и до выдвижения понятия «отбор того, что отвечает общественным потребностям заимствующего народа»,— в конечном счете опять-таки не объясняет всех причин обращения писателей какой-либо одной литературы к писателям какой-либо другой. Ведь «отбор того, что отвечает общественным потребностям заимствующей литературы», не означает, что искомое имеется только в той литературе, из которой оно берется. Механистичность теории «влияний» наличествует и в теории «заимствования», представляющей по существу попытки улучшить, исправить явные недочеты и провалы теории «влияний».

Теория «литературных контактов» имеет бесспорные преимущества и перед теориями «международного литературного обмена» и «взаимосвязей и взаимодействия литератур». Как «международный литературный обмен», так и «взаимосвязи и взаимодействия литератур» предполагают, в отличие от односторон-

ней «активности — пассивности» теорий «влияния» и «заимствования», процесс обоюдного, двустороннего «обмена» или «взаимосвязей и взаимодействий литератур», процесс взаимного обогащения каждой из участвующих сторон. Однако на практике нередко встречаются случаи, которые не укладываются в схему «литературного обмена» и «взаимосвязей и взаимодействия». Таковы случаи «восприятия» живыми литературами художественного наследия народов умерших, например, древнеегипетской лирики, вавилонского эпоса, богатейшей литературы античных народов, словесности народов Древнейшего Востока от шумеров до угаритской письменности. Так как в таких случаях невозможно говорить о «взаимообмене, взаимосвязях, взаимодействиях», сторонники соответствующих теорий для обозначения подобных ситуаций употребляют математическое понятие «нулевой»: «нулевой обмен», «нулевая связь», «нулевое воздействие», т. е. признают одностороннее «восприятие» живым народом наследия вымерших культур. Но применение математического термина положения не спасает. Чтобы быть последовательными, сторонники названных теорий должны были бы признать, что их концепции приложимы только к изучению литератур живых народов, т. е. должны отказаться от претензий на «всеобщность», от притязаний объяснить с позиции своих теорий всю сумму явлений «литературных переходов» в любом месте земного шара и в любой исторический момент.

Какие же преимущества имеет перед этими «двусторонними» теориями теория «литературных контактов»? Прежде всего то, что она по прямому значению слова «контакт», т. е. «соприкосновение», не предполагает «взаимности», «взаимообмена», «взаимосвязи», «взаимодействия». «Соприкосновения» какой-либо живой литературы могут иметь место и имеют с литературами как живыми, так и мертвыми, как с современными, так и с прошлыми этапами истории литературы этих живых народов, и с литературами угасшими, в том числе и искусственными, как, например, новолатинская литература эпохи Возрождения и вплоть до наших дней.

Вместе с тем самое понятие «литературный контакт» означает больше, чем простое «соприкосновение». Оно охватывает и ознакомление с чисто познавательными целями, и творческое усвоение в любой форме, и участившиеся личные контакты между писателями и литературоведами разных стран и народов, и многое другое. Если приезд Дидро в Россию в XVIII в., Адама Мицкевича (хотя и вынужденный) и Александра Дюма-отца в XIX в, Верхарна и Анатоля Франса в начале XX в. были фактами настолько редкими, что оставляли значительный след в сознании современников и последующих поколений, то со времени Великой Октябрьской социалистической революции и в особенности после Великой Отечественной войны литературные контакты подобного

рода стали обычным явлением, что, однако, не влечет за собой утрату ими соответствующего литературоведческого (не говоря уже об общественном) значения. Таким образом, теория «литературных контактов» имеет ряд несомненных преимуществ перед другими концепциями, применяемыми при изучении явлений «литературных переходов».

Одним из таких преимуществ теории «литературных контактов» является то, что она, в отличие от «сравнительно-исторического» метода, включая и теорию «влияния» и теорию «заимствований», лишена того обидного «чувственного тона», который был присущ этому методу и этим теориям. В самом деле, что означает слово «сравнение» и производное от него прилагательное «сравнительный»? Установление количественных и качественных или только каких-либо одних отличий одного предмета, явления, процесса и т. д. от другого объекта того же ряда, исходя из каких-то определенных для данной операции признаков. В результате сравнения обязательно устанавливается, что один объект больше, другой меньше, один лучше, другой хуже, выше — ниже, оригинальнее — несамостоятельнее, богаче — беднее, значительнее — менее значителен, ценнее — менее ценен и т. д. В таких тонких вопросах, как национальное самолюбие, применение теорий «влияний», «заимствования» и т. д. порою влечет за собой обиды, пусть не всегда обоснованные и мешающие иногда развитию наших точных знаний, но все-таки обиды. А между тем в перечисленных методах и теориях самое существенное нередко заключалось как раз в том, чтобы установить оригинальность литературного явления у одного народа и вторичность у другого, т. е. в конечном счете бедность культуры другого народа, его недостаточную способность к самостоятельному творчеству и лишь в лучшем случае его одаренность в области усвоения и подражания. С точки зрения политики, в особенности международной, хотя не в меньшей степени и внутренней, в многонациональных государствах XIX — начала XX в. компаративистика, сравнительно-исторический метод, теория «влияний» и «заимствования» иногда оказывались полезными для оправдания империалистических, великодержавных целей господствовавших классов господствовавших народов. Читатель мог заметить, что я пишу: «оказывались полезными средствами», а не «являлись» или «были созданы». Вполне, конечно, возможно, что у некоторых ученых политические цели определяли характер и конечные задачи их компаративистских исследований. Однако в целом и «сравнительно-исторический метод», и теории «влияний» и «заимствования», казавшиеся их адептам далекими от политики их правительств, вольно или невольно возникали на одной и той же — преимущественно позитивистской — философской основе.

Теория «литературных контактов», строящаяся на методе диалектического материализма, свободна от предпосылки пере-

численных методов и теорий, состоящей в признании деления народов на исторические и неисторические, на одаренные и обделенные. Она свободна от этой предпосылки, потому что она исторична, потому что она на материале истории видит, как менялись понятия «культурных народов» и «варваров», «исторических» и «неисторических», «прогрессивных» и «отсталых», «одаренных» и «обделенных», наконец, «Запада» и «Востока».

Таким образом, мы одновременно с разъяснением смысла термина «литературные контакты» вернулись к вопросу о неисторичности методов, изучающих «литературные переходы», и тем самым к вопросу, поставленному в качестве заглавия настоящей статьи, об историческом подходе к изучению международных литературных контактов.

II

Говоря о необходимости исторического подхода к изучению какого-либо явления или процесса, мы часто вкладываем различное содержание в это понятие. Не вдаваясь в перечисление и анализ тех толкований термина «исторический подход», которые встречаются у историков литературы, занимающихся изучением международных литературных отношений, или, как мне кажется более правильным, литературных контактов, я изложу ниже свое понимание этого вопроса.

Мне представляется, что литературные контакты — явление, имеющее очень древнюю историю и менявшееся в процессе своего существования весьма значительно. Поэтому «исторический подход» к изучению международных литературных контактов не должен быть одинаковым для всех периодов существования этого явления, а должен особо пониматься и применяться для каждого отдельного периода. Конечно, в целом он остается единым на всем протяжении существования литературных контактов между разными народами, но меняется соотносительно с изменением причин и форм этих контактов.

Чтобы это основное и существеннейшее положение моей концепции стало понятно в полной мере, мне придется сделать некоторое отступление и заняться вопросом, который на первый взгляд не имеет отношения к нашей теме, но который, как станет видно из дальнейшего изложения, позволит нам найти правильное решение рассматриваемой проблемы.

Литературоведы, как известно, в некоторой своей части с большим вниманием относятся к тем революционным изменениям, которые происходят в области техники и близких к ней физико-математических науках. Это вполне правильно, но, к сожалению, мы, литературоведы, мало осведомлены о тех огромных изменениях, которые произошли в самой близкой к нам науке, в истории, в результате изумительных достижений археологии. Некоторые специалисты в области археологии склонны

даже утверждать, что в исторической науке благодаря раскопкам последних десятилетий произошли еще более революционные изменения, чем в современной технике и физико-математических науках. Мне кажется, что подобные утверждения мало целесообразны: для того, чтобы судить, в какой области наук произошли бо́льшие революционные изменения, надо в одинаковой мере владеть и теми и другими, а так как это a priori невозможно, то эти утверждения и суждения лишены убедительности. Однако самый факт колоссальных изменений в исторической науке под влиянием археологии не подлежит сомнению.

В самом деле, еще в конце XIX — начале XX в. считалось, что история человечества или какого-нибудь народа возникает с того момента, когда появляется письменность; все, что происходило до появления письменности, хотя бы потом и было записано в качестве предания, определялось как «доисторический» период. Даже название недавно вышедшей, нашумевшей книги американского востоковеда С. Крамера «История начинается в Шумере», переведенной на русский язык, свидетельствует о живучести подобных взглядов. Вполне естественно, что, перечисляя «источники», которыми пользуется история для своих построений, историки на первом месте называли письменные источники, документы, и лишь затем упоминали о вещественных источниках. Вера в значение письменных источников доходила до того, что в XVIII в. сложился афоризм: «Чего нет в документах, не было в действительности».

Раскопки, которые стали производиться систематически со второй половины XIX в., со времен Г. Шлиммана и с особенной интенсивностью с 20-х годов текущего столетия, доставили такой неопровержимо точный фактический материал об «истории» доисторического периода, что произошло то, что один немецкий археолог, Корнелиус, метко назвал «расширением картины истории» (Erweiterung des Geschichtsbildes). Еще более обильный и убедительный материал был получен в результате раскопок в Месопотамии, Малой Азии, Сирии, Палестине и Египте. И здесь получилось «расширение картины истории», но, кроме того, и «уточнение» этой картины.

Для литературоведа теоретические итоги развития археологии за последние 100 лет имеют то значение, что сейчас начало экономического и тем самым культурного общения человечества отодвигается на многие тысячелетия назад и что замкнутое, обособленное существование отдельных племен, создававших строго самостоятельную духовную культуру, включая и фольклор, считавшееся ранее историками нормой, признается редким исключением. Иными словами, раздвинувшаяся далеко в доисторический период и уточнившаяся картина истории должна заставить историков литературы, включая и фольклористов, решительно пересмотреть свои принципиальные положения, в частности — в

области теории «самозарождения». Если археологи на основании химических способов анализа вещественных остатков древнейших культур прослеживают с полной научной достоверностью передвижения («миграции») племен за многие тысячелетия и с такой же научной точностью устанавливают проникновение («диффузию») культур различных древнейших племен к другим племенам, они, тем самым, ставят перед литературоведами, изучающими международные литературные контакты, неотложную задачу пересмотра многих конкретных решений. Там, где мы раньше с полной уверенностью говорили о самостоятельном возникновении каких-либо фольклорных и литературных явлений у разных территориально отдаленных племен или народов «в результате одинаковых исторических условий», сейчас мы можем, опираясь на данные «расширенной картины истории», говорить о сохранившихся звеньях когда-то существовавшей большой цепи, начало которой установить не представляется еще возможным и, может быть, нужным.

Таким образом, археология приводит нас к заключению, что литературные контакты в форме фольклорного обмена (особенно заметные в области сказочного и пословичного творчества) существовали в гораздо более древние времена и в гораздо более интенсивной форме, чем можно было предполагать ранее, в период, когда история рассматривалась как наука, строящаяся только на письменных источниках.

Таков ранний, не подтверждаемый документами, гипотетический, но несомненный этап международных, точнее сказать междуплеменных, литературных контактов. Подобно тому, как в сравнительной истории языков ранние периоды строятся учеными ретроспективно, исходя из наличных остатков, так литературоведы могут и должны воссоздавать этот ранний этап междуплеменных литературных контактов и, может быть, на первых порах даже не столько воссоздавать, сколько постулировать существование этого раннего периода.

Археология установила также неравномерность культурного развития различных племен и наличие в разные времена, наряду с миграциями и диффузией, «культурных очагов», возникавших обычно в более благоприятных климатических и географических условиях. Однако появление этих «культурных очагов» вовсе не означало отсутствие какой бы то ни было культуры у племен, обитавших вдали от «очагов», в менее благоприятных природных условиях. Еще в начале XX в. получил признание термин «культура бескультурных народов», звучавший парадоксально, но при всех возможных злоупотреблениях им по существу правильный: бескультурных народов и племен нет. Есть разные формы и разная степень культуры, но даже у самого исторически неблагоприятно развивавшегося племени или народа имелась и имеется своя культура. При «встрече», контакте с культурой дру-

гого,— соседнего или в результате миграции встреченного племени,— данное племя не оказывалось «чистой доской» (tabula rasa), а воспринимало новые культурные явления на основе *своих* культурных традиций. Так и возник «механизм» культурных усвоений, приноровлений, приспособлений, переработок. И самое главное в этом процессе то, что это был процесс творческий, а не пассивный, хотя выше мы и употребили термин «механизм».

Едва ли нужно специально отмечать, что все сказанное о культурных контактах имеет непосредственное отношение к контактам в области фольклора, а с возникновением и развитием письменности и в области литературы.

Неравномерность культурного развития человечества уже в древнейшие времена и возникновение «культурных очагов» наряду с «культурой бескультурных народов» привели к тому, что уже в глубокой древности создается понятие «культурных народов» и в противоположность им — «варваров». И у древних египтян существовало понятие «варвар» (обычно «азиат»), и у народов Месопотамии, и у древних евреев, и т. д. Понятие «варвар» как человек из чужого племени, стоящего на низшей ступени культурного развития, чем данное племя или народ, находится в языках любых древних культурных народов: у китайцев, индусов, персов и пр. И особенно любопытно, что иногда два народа взаимно честили друг друга нелестным названием «варваров» или «нечестивцев»: египтяне и древние иудеи, греки и римляне, арабы и европейцы, восточные славяне и немцы.

На определенном, довольно позднем, этапе культурного развития человечества противоположение «культурный народ» (т. е. «мы») и «варвары» (т. е. «не мы») постепенно изменяется: вместо «культурный народ» (т. е. «мы» в един. числе) возникает понятие «культурные народы» (т. е. «мы» во мн. числе), а «варвары» заменяются словами «некультурные народы», «азиаты». Можно исторически проследить, как итальянцы постепенно расширяли круг народов, на которые они распространяли понятие «мы». То же самое можно сделать и в отношении французов. Знаменитый в свое время (XVII в.) французский публицист аббат Буур (Bouhours) отказывался считать немцев культурным народом, другой французский автор, остроумец Биэвр (Bièvre) на рубеже XVII и XVIII вв. говорил то же о русских.

Сейчас трудно установить, когда и кто первый в XIX в., продолжая тенденцию к расширению понятия «мы», выдвинул противопоставление «Запад» и «Восток». И хотя Р. Киплинг с его пресловутой формулой «Запад есть Запад и Восток есть Восток, и с места они не сойдут» и многие, применявшие это противоположение до него, одновременно с ним и после него, придавали словам «Запад» и «Восток» метафорический смысл, мы видели, что формула эта возникла исторически из более ранних противопоставлений, в результате исторических же, т. е. экономических,

политических и культурных, изменений эпохи империализма конца XIX — начала XX в. и эпохи социальных революций и заката империализма.

Совершенно ясно, что изучение литературных контактов между различными народами в разные исторические периоды, схематически намеченные выше, должно сообразоваться с историческими особенностями каждого этапа и конкретной ролью в тогдашней истории того или иного народа, например, греков и римлян в эпоху расцвета Римской империи или эллинистического Востока и народов Передней Азии, Византии и христианских народов Балканского полуострова, Киевской Руси и Кавказа и т. д. Должна быть учтена роль зональных «универсальных» языков как языков литературного творчества — латинского в средневековой и даже более поздней Европе (новолатинская литература), арабского и персидского у мусульманских народов Азии, древнеболгарского (церковнославянского), у южных и восточных славян, китайского — для народов Восточной и Юго-Восточной Азии и т. д.

Исторический подход теории литературных контактов диктует также внимательное рассмотрение литературных взаимоотношений в многонациональных государствах XIX—XX вв., таких, как Россия, Австро-Венгрия, отчасти Турция, и в колониальных империях начиная с Испании и Португалии в Латинской Америке, затем Франции, Англии, Голландии и кончая современными Североамериканскими Соединенными Штатами.

И опять-таки иной исторический подход должен применять сторонник теории литературных контактов при изучении литературных взаимоотношений в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции в таких многонациональных государствах, как СССР и Югославия, далее — в странах социалистического лагеря, в капиталистических государствах, у народов, освободившихся и освобождающихся от колониальной зависимости, и т. д.

III

Теория литературных контактов, как мы видели, применяет исторический подход по-разному в разные исторические периоды. Но этим ее историчность не ограничивается. Она рассматривает исторические причины возникновения литературных контактов и самые формы их.

Было бы ошибкой утверждать, например, что во все времена и у всех народов экономические факторы были причиной возникновения культурных — как следствие — литературных отношений. Несомненно, на самых ранних этапах литературные контакты возникали в результате экономических отношений, складывавшихся между первобытными племенами и более культурными народами. Но так же несомненно, что значительную роль

играли и факторы политические, например, войны между племенами и народами, увод в плен больших масс населения или, напротив, оседание больших масс завоевателей-пришельцев в покоренных странах, в итоге чего возникали новые этнические образования со своей особой культурой (наиболее яркий пример — этногенез англичан). На этих этапах литературные контакты проявлялись прежде всего в форме фольклорной: в усвоении сказочных сюжетов, пословиц, сюжетов героического эпоса и пр.

После возникновения и в особенности в результате развития письменности у культурных народов складывается понятие «литературное наследие», знать которое для некоторых общественных групп становится обязательным. Таково было положение в позднеантичной Греции и в Риме, еще раньше в древних восточных государствах Египте, Месопотамии, Китае, Индии и т. д. Часто это литературное наследие имело религиозный характер, как было у древних евреев. В этот период уже возникла — на религиозной почве — потребность в более высокой форме литературных контактов, в переводах произведений религиозной литературы. Так появляются переводы Библии с древнееврейского на греческий (Септуагинта) и на латинский (Вульгата) языки. Поэтическое же наследие римского народа на многие столетия становится обязательным фондом образования, а латинский язык — международным языком новосоздававшейся науки и культуры. С соответствующими изменениями то же самое можно сказать и об арабском и персидском языках, и о древнеболгарском, о чем уже упоминалось выше. Но здесь мы говорим об этом в другой связи.

Дело в том, что по мере культурного развития человечества отношение людей к литературе (и в виде фольклора, и в виде собственно литературы) меняется: сказки, героический эпос и другие формы фольклора складывали, заучивали и рецитировали только специалисты-сказители, а остальные члены племени коллективно слушали и запоминали; после внедрения в общественный обиход письменности начинается период индивидуального отношения к литературе, появляется принципиальная возможность обращения любого грамотного человека к любому письменному литературному памятнику в любое время, т. е. создается возможность изучения, усвоения, переработки, подражания. Однако этот процесс индивидуализации отношения к литературе был тесно связан с упоминавшимся уже понятием обязательного усвоения «культурного наследия». Постепенно возникает потребность в письменной фиксации также и фольклорного «наследия» и фольклорной «современности». Из усвоения фольклорного «наследия» и письменного «культурного наследия» (религиозного и светского), а также и тогдашней «современной» литературы складываются национальные литературные традиции со-

временных народов. Легко заметить, что одной из составных частей этих традиций было то, что является «литературными контактами» с религиозными и светскими памятниками древности. И поскольку европейская и возникшая из нее американская и австралийская культуры связаны, с одной стороны, с Библией, а с другой — с наследием греко-римской античности, постольку можно сказать, что культуры и литературы современных народов в значительной степени выросли на «литературных контактах» особого рода, контактах с литературами прошлого.

Напомним, что явления, однажды возникшие в культурной жизни человечества, почти никогда не исчезают бесследно, но под влиянием исторических факторов принимают новые формы и в свою очередь нередко становятся новыми факторами. Если раньше обязательным было обращение каждого культурного человека любой нации к изучению религиозного и классического наследия древности, в новое время создается понятие нового культурного наследия — своего национального и «общечеловеческого», причем последнее понимается так, как было показано выше, когда мы говорили о модификациях понятия «мы» у европейских народов, т. е. постепенно увеличиваясь в объеме. Мадам Сталь «открыла» «Франции и Европе» немецкую литературу, Мельхиор де Вогюэ — русский реалистический роман, Валерий Брюсов в изданной под его редакцией антологии «Поэзия Армении» познакомил русского и знающего русский язык европейского читателя с изумительными сокровищами армянского народа и т. д.

Чаще всего подобные «литературные контакты» были сопряжены с конкретными, так сказать, практическими выводами, они знакомили свою национальную аудиторию с теми достижениями чужой литературы, которых не было в своей национальной литературе и усвоение, применение которых обогащало ее. Таков был немецкий романтизм, с которым познакомила мадам Сталь французов, таков был Шекспир, открытый Европе немцами во второй половине XVIII в., таков, наконец, был русский критический реализм, введенный М. де Вогюэ в литературное сознание и литературную практику французов конца XIX в. и через них и ряда других европейских народов.

Но можно ли сказать то же о вкладе, сделанном брюсовской «Поэзией Армении»? Вызвала ли эта замечательная книга какие-либо подражания на русской почве, обогатила ли она конкретно кого-либо из русских поэтов новыми сюжетами, образами, ритмами, стиховыми формами, хотя бы самого Брюсова? На все эти и им подобные вопросы мы должны ответить категорическим «нет». Значит ли это, что данный литературный контакт был бесплоден, бесполезен, ненаучен? Конечно, нет. Анализ роли «Поэзии Армении» убеждает нас, что польза (если употреблять такие понятия в такой точной сфере, как поэзия) подобных литератур-

ных контактов заключается не в непосредственных практических результатах, а в расширении наших представлений о художественных богатствах разных народов, о их поразительной оригинальности в прошлом и настоящем, в облагораживающем нас самих чувстве уважения и глубокой симпатии к народам, создававшим великие человеческие ценности в нечеловечески трудных исторических условиях. Следовательно, могут быть и есть литературные контакты, которые обогащают данную литературу идеологически, а не практически, делают ее более чуткой к художественным достижениям других литератур, более восприимчивой к иным эстетическим принципам и, следовательно, делают ее менее национально замкнутой, национально ограниченной. Каждый новый литературный контакт обогащает национальную литературу, расширяет ее пределы, ее границы. Огромное количество переводов, печатающихся у нас в последние годы с языков народов СССР, славянских языков, европейских, восточных, африканских, Северной и Латинской Америк, с древних языков, античных и азиатских не только не денационализируют русскую советскую литературу, но, напротив, придают ей особый колорит, особую прелесть.

Не меньшее значение имеют и такие формы литературных контактов, которые заключаются в критических и историко-литературных работах о иноязычных литературах, писателях, произведениях литературных и фольклорных. Здесь надо различать два этапа: когда какой-либо писатель впервые знакомит своих соотечественников с литературными ценностями другого народа и когда эта другая литература уже достаточно широко знакома читателям данного народа. В первом случае писатель, открывающий соотечественникам чужую литературу или отдельных ее деятелей, или отдельные памятники, чаще всего смотрит на материал, с которым он знакомит свою национальную аудиторию, глазами тех «чужих» критиков и историков литературы, авторитет которых представляется ему вполне достойным доверия. Так, например, поступают переводчики Маяковского, Блока, Брюсова на чешский язык. Я имею в виду конкретно переводчика Иржи Гонзика, прекрасно переведшего Брюсова, но в своей интерпретации этого поэта исходящего из взглядов некоторых советских литературоведов, явно недооценивающих роль Брюсова в истории русской дореволюционной и советской литературы.

Во втором случае — на втором этапе — литературовед высказывает суждения о чужой литературе, ее памятниках и деятелях, хотя и хорошо зная взгляды критиков и историков литературы, принадлежащих к тому, чужому народу, но имея собственное представление об изучаемом материале, свое понимание литературных явлений и литературного процесса. Может быть, он не всегда прав или даже вообще неправ, но эта оговорка делается нами скорее всего из осторожности. Обычно же у каждого чест-

ного, добросовестного исследователя, опирающегося на свою национальную литературоведческую традицию, всегда можно найти свежие, интересные, иногда полезные и даже ценные суждения, раскрывающие в изучаемом им предмете такие стороны, которые ранее не были замечены национальными литературоведами. Здесь польза подобных литературных контактов настолько очевидна, что подробнее на этом останавливаться нет нужды.

IV

Неравномерность культурного развития человечества на ранних этапах его существования хотя и умерялась явлениями миграций и диффузии, однако длилась довольно много времени и не изжита и до сих пор. Но по мере роста техники связи и вытекающего из нее убыстрения процесса культурной диффузии, которые, конечно, возникли не спонтанно и развивались не имманентно, а по законам материалистической диалектики, процесс культурного выравнивания народов, задержавшихся в своем поступательном движении, с народами, ушедшими дальше, происходит быстрее, интенсивнее и очевиднее. Характерно, что наряду с употребляемой еще в целях политической борьбы формулой «Запад» и «Восток» в западной публицистике и философии появилась новая формула — «меняющийся мир» (changing world). Она приобретает с каждым днем все большее признание и распространение.

Как любая идеологическая формула, и формула «меняющийся мир» может наполняться и реакционным, и прогрессивным содержанием, может пониматься как средство в борьбе за переустройство общества на справедливых основаниях и как угрожающее предупреждение задержать процесс заката старого мира. Однако, как ни подходить к этой формуле, и как ни пользоваться ею в политически-идеологических целях, важно одно: она несомненно отражает реальное явление современного этапа развития человечества, и в этом ее философское и практическое значение.

Какова же роль литературных контактов в эпоху «меняющегося мира»? Дать точный ответ на этот важнейший вопрос можно будет только тогда, когда большие и разнонациональные коллективы литературоведов обследуют, проанализируют и обобщат большое количество фактов из области современных литературных контактов, взятых из разных литератур, и не по случайному выбору, а по заранее разработанной программе, построенной по определенной научной системе.

Однако каковыми ни окажутся итоги такого широкого фронтального обследования, некоторые наблюдения и соответствующие выводы можно сделать уже сейчас, и, вероятно, они будут подтверждены дальнейшими литературоведческими работами.

Так, например, уже в XIX в., а тем более в XX почти исчез тот вид литературных контактов, который заключался в усвоении каким-либо писателем сюжета чужелитературного произведения и в разработке этого сюжета то более, то менее самостоятельно на своем национальном языке и нередко с приноровлением к своей национальной обстановке. Многочисленные разработки сюжетов Дон Жуана, Фауста, Прометея, Каина и т. д. в европейских литературах, Лейли и Меджнуна, Фархада и Ширин, Кер-Оглы и проч. в литературах тюркоязычных и соседних с ними народов, столь характерные для литературных вкусов до XIX в., сменяются в последние 150—100 лет индивидуальной разработкой образов особенно полюбившихся героев, но и разработки подобных образов («Гамлет Щигровского уезда», «Степной король Лир», «Леди Макбет Мценского уезда» и т. д.) имеют уже совершенно иной характер, чем, например, «Сцена из Фауста» Пушкина или «Дон-Кихот» Д. Мережковского. Достаточно напомнить оперу чешского композитора Яна Хануша (либретто Ярослава Покорного) «Факел Прометея» или «Прометея» украинского поэта Андрия Малышко.

Для второй половины XIX и первой XX в. характерно усвоение писателями не сюжетов чуженациональных литератур, а идей и ситуаций, например, идеи «отцов и детей», «лишних людей», «новых людей», «проблематических натур», «героев нашего времени». Особенно показательный материал в этом отношении дают литературные контакты литератур народов СССР за последние 100 лет. В частности, поразительно интересны данные о развитии темы Октябрьской революции, гражданской войны, социалистического строительства в нашей стране в русской советской литературе и — в результате литературных контактов — в различных литературах народов СССР. Но можно привести факты подобного рода и из других литератур, например, сатирический роман словацкого писателя Владимира Минача «Кузнец счастья», героя которого Франтишка Ойбабу называют «родственником» Остапа Бендера из «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова.

Теория литературных контактов благодаря своему историческому подходу вовсе не исключает возможности возникновения в одинаковых исторических условиях одинаковых литературных явлений, не только идей, ситуаций и т. п., но и целых литературных направлений. Так, социалистический реализм, представляющий собой эстетику диалектико-материалистической философии, одновременно зародился и в литературно-критических статьях В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, и Фр. Меринга, в художественном творчестве М. Горького с 1905 г., в поэзии Яна Райниса, романах Андрея Упита, повестях А. Серафимовича и т. д. Однако вследствие интенсивных литературных контактов нашей эпохи вместе с идеями марксизма-ленинизма, вместе с историческими

уроками Великой Октябрьской революции народы социалистического лагеря усваивают и новую революционную эстетику, эстетику социалистического реализма.

Мне уже приходилось говорить выше, правда, в другой связи, что в каждом случае литературного контакта активная, воспринимающая сторона подходит к акту усвоения, опираясь на свои национальные литературные традиции, подходит не как «чистая доска», а как творческое начало. Это относится и к более ранним эпохам литературных контактов, и к последующим, и, конечно, и тем более,— к нашей современности. Освоение и восприятие социалистического реализма передовыми писателями социалистического лагеря и прогрессивных слоев остального «меняющегося мира» есть также акт творческий, акт сращения новых эстетических идей, опирающихся на новое диалектико-материалистическое мировоззрение, и своих литературных традиций. Напомню также, что понятие «литературные традиции» исторично и что каждый писатель, в особенности большой, не только застает готовые национальные традиции и не только продолжает их, но и развивает, создает новые их элементы. Поэтому заранее можно сказать, что нет единого, раз навсегда данного неизменного социалистического реализма, а есть социалистический реализм русский, украинский, белорусский и т. д., чешский, польский, болгарский и проч. Конечно, у них всех есть основное общее — то, что это эстетика диалектико-материалистического мировоззрения, но это основное общее в каждой отдельной литературе получает свое национальное выражение. Впрочем, то же самое получается и внутри каждого отдельного национального социалистического реализма: социалистический реализм М. Шолохова не тот, что у К. Федина, у Федина не тот, что у Леонова или Эренбурга, Вл. Лидина, В. Каверина и т. д.— так же, как не похожи и индивидуальные манеры Яна Дрды, Зденка Плугаржа, Яна Отченашека.

Задолго до того, как мир стал «меняться», Гете говорил о мировой литературе как определенном этапе художественного развития человечества. Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» усматривали в современной им литературе черты мировой литературы. Со времени выхода в свет «Коммунистического манифеста» прошло почти 120 лет. На наших глазах понятие «мировая литература» обретает все более осязательные черты. Однако по-настоящему литература станет мировой, когда идеи марксизма-ленинизма победят во всем мире и когда диалектико-материалистическая эстетика утвердится у всех народов.

Одной из задач теории литературных контактов является изучение процесса образования мировой литературы, процесса сложного и трудного, но неизбежного и непреложного, как несомненна и непреложна победа коммунизма во всем мире.

XVIII

РУССКИЕ — НОВОЛАТИНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ XVII-XX вв.

(Период первый — с 30-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в.)

В истории русской литературной культуры есть непрочитанная и даже ненаписанная страница, которая, однако, представляет, как мне кажется, несомненный национальный и общий интерес: это — участие русских авторов XVII-XX вв. в развитии европейской новолатинской и греческой поэзии.

Если мы обратимся к таким прекрасным обобщающим трудам по истории латинской поэзии послеантичного периода, как *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* (1948; 1958[3]) Э.-Р. Курциуса и *La Littérature latine de la Renaissance* (1944) П. Ван-Тигема, то ни в той, ни в другой не найдем никаких упоминаний о русских авторах, писавших на латинском языке.

Впрочем, было бы несправедливо упрекать почтенных ученых за невнимание к русским материалам, так как, во-первых, опыты латинской поэзии в России начались в XVII в., то есть в тот период, на котором уже не останавливались ни Курциус, ни Ван-Тигем, а во-вторых, еще и потому, что и в самой России этой теме по ряду причин, о которых будет сказано ниже, не уделялось никакого внимания.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что единственное упоминание о русских новолатинских поэтах представляют несколько строк в статье известного филолога-классика, проф. Ф. Ф. Зелинского (1859-1944) «Новолатинские поэты», помещенной в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (1916). Не ошибусь я также, если скажу, что это упоминание не свидетельствует о специальном исследовании данного вопроса автором статьи. Вот эти несколько строк: «В России писание латинских стихов процветало в духовных академиях, особенно Киевской. В XVIII в. латинские стихи на торжественные случаи писались иногда членами Академии Наук. Действительных новолатинских поэтов у

нас, однако, не было. Хорошо владеет латинским языком Г. Э. Зенгер и покойный Ф. Е. Корш» (1).

Мнение такого авторитетного ученого, как Ф. Ф. Зелинский, полностью определило отрицательное отношение русских филологов к дальнейшим изучениям проблемы. Никаких других попыток осветить историю новолатинской поэзии в России в печати, насколько мне удалось установить, после этого не делалось.

По-видимому, пренебрежительное отношение русских авторов к этому вопросу связано с тем, что со второй половины XIX в. классические языки и литературы служили в руках реакционного правительства средством борьбы с естественно-научным, «реалистическим» направлением в педагогике и «классицизм», насаждавшийся министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым, вызывал к себе на протяжении ряда десятилетий неприязнь передовых слоев русского общества. Поэтому даже те немногие лица, которые писали стихи по-латыни и по-гречески в XIX-XX вв. (Ф. Э. Видеман, К. А. Котельников, Вяч. И. Иванов, Ал-др Я. Брюсов, С. А. Аннинский и др.), редко или совсем не печатали своих произведений.

Поэтому не удивительно, что в новейших западноевропейских работах по истории новолатинской поэзии в XX в. упоминаются только два советских автора — проф. Я. М. Боровский (Ленинград) и Р. С. Цесюлевич (Рига), но никаких сведений об их предшественниках мы там не найдем (2).

А о русских авторах, писавших на греческом языке, нет даже и таких упоминаний.

Таким образом, можно с полной определенностью сказать, что данная тема совершенно не разработана и даже больше того — для нее не собраны и предварительные библиографические и

(1) Новый энциклопедический словарь, изд. *Брокгауз и Ефрон*, т. 28 (1916), столб, 765. Странный, нелогичный характер последней фразы объясняется тем, что во время печатания статьи *Ф. Ф. Зелинского акад. Ф. Е. Корш умер* (1915) и автор или редакция Словаря в корректуре неудачно изменили первоначальный текст, который, вероятно, звучал так : « хорошо владеют латинским языком Г. Э. Зенгер и Ф. Е. Корш».

(2) J. Ijsewijn-Jacobs, *Latijnse Poezie van de twintigste eeuw* (s.l.), 1961 ; Viva Camena, *Latina huius aetatis carmina collecta et edita ab Josepho Eberle*, cum commentariolo Josephi et Linae Ijsewijn-Jacobs, *De litteris latinis recentioribus*, Turici et Stuttgardiae, 1961.

биографические сведения. Поэтому только как на «строительные материалы» должно смотреть на предлагаемую статью.

Сначала я поставил своей целью дать хотя бы самый беглый очерк истории русской новолатинской поэзии приблизительно за 325 лет, и, главным образом, о поэтах более близкого к нам времени. Однако материалов, — даже заведомо неполных и по некоторым периодам несомненно случайных, — оказалось так много, что от первоначального замысла мне пришлось отказаться: надо было бы написать не статью для юбилейного сборника, естественно, ограниченную объемом (1), а целую брошюру в 4-5 листов. В процессе собирания материалов выяснилось, что история новолатинской поэзии в России может быть разделена на четыре периода: I. со второй трети XVII в. по тридцатые годы XVIII в. — условно можно назвать его периодом барокко, хотя творчество крупнейшего новолатинского поэта тех лет Феофана Прокоповича было явно направлено против эстетических принципов барокко; II. с тридцатых годов XVIII в. по начало XIX в. — условно — период классицизма; III. последняя четверть XIX в. — до 1917 г. — период перехода от реализма к символизму и период символизма; IV. современный период.

В итоге я решил ограничиться в настоящей статье изложением материалов одного только первого периода, оставляя завершение намеченного плана до другого времени.

I

История новолатинской поэзии достаточно подробно освещена в многочисленных роботах европейских авторов, начиная с книги Лилио Грегорио Джиральди (Lilius Gregorius Gyraldus, (1478-1552) *Dialogi duo de poetis nostrorum temporum*, (Florentiae, 1551), и кончая упомянутыми выше работами Иосифа Эйсевейна-Якобса. Поэтому нет необходимости излагать здесь более или менее полные итоги проделанных исследований. Для уяснения условий, в которых возникла новолатинская поэзия в России, следует только напомнить основные выводы, к которым пришли специалисты по истории европейской новолатинской поэзии.

(1) Хотя Редакиця Сборника любезно предупредила меня, что размер статьи ею не ограничивается, все же мне не представляется возможным злоупотреблять оказанным мне гостеприимством.

Новолатинской поэзией, в противоположность среднелатинской или средневековой латинской поэзии, принято называть литературные результаты совокупной деятельности многочисленных авторов, живших в разное время, но не ранее XIII в., а также и живущих сейчас в разных странах Европы и, — позднее, — Южной и Северной Америки и писавших или пишущих на латинском языке. Начало новолатинской поэзии относят ко времени Данте, но «истинным отцом» ее считают Петрарку. Несмотря на «интернациональный» характер этой поэзии, историю ее всегда рассматривают по странам (1) и считают, что лучшие новолатинские поэты были в Италии, Голландии, Англии и более слабые во Франции и Германии. Хотя произведения многих из этих поэтов были известны в России, судя по переводам из них, упоминаниям о них в разных курсах пиитик XVII-XVIII вв. и наличию их книг в сохранившихся каталогах и в различных библиотеках, но наибольшее значение для русских новолатинских поэтов имела новолатинская поэзия в Польше. Имена М. Сарбьевского, Я. и П. Кохановских, С. Твардовского и др. были хорошо известны русским читателям и писателям-латинистам.

Первые опыты восточнославянских поэтов (украинцев, белоруссов и великороссов) в области новолатинской поэзии относят к началу второй трети XVII в., когда на территории Украины, затем Белоруссии и, наконец Московии частью уже существуют, частью возникают братские и государственные училища, построенные по образцу средневековых европейских и, — точнее, — польских школ с латинским языком преподавания и схоластической системой и программой обучения. Они, как известно, создаются в целях борьбы с полонизацией и католической пропагандой на территории Украины и Белоруссии.

Один из ранних историков украинского типографского дела проф. М. А. Максимович (1804-1873) более ста лет назад указал, что в 1633 г. в связи с тем, что архимандрит Киевопечерского монастыря Петр Могила был посвящен в митрополиты, «ученики Могилинской гимназии (...) воспели митрополитство своего протектора польскими стихами, напечатанными тогда же в Лавре, под

(1) F. Baldensperger and Werner P. Friedrich, *Bibliography of Comparative Literature*, N.-Y., Russel and Russel, 1960, pp. 304-306. Упоминаемая здесь на стр. 304 книга L. Biadene, *La Storia comparata delle letterature neolatine* (Treviso, 1901) осталась мне недоступной.

названием « Mnemosyne»...« С вышеупомянутой «Mnemosyne »,— продолжает Максимович, — начинается ряд киевских книг на польском и латинском языках... » (1).

Максимович не приводит точных сведений о том, в каких именно перечисляемых им далее киевских изданиях имеются латинские стихи, и только попутно замечает, что « по примеру Киева, печатались латино-польские издания и в Чернигове, и в Новгород-Северске в последней четверти XVII века ». В качестве образца изданий последней группы Максимович называет книгу известного украинского церковного писателя той эпохи Лазаря Барановича « Naiasneysza nieba y zemie Carica Panna Matka Matka Panna Marya ». (Чернигов, 1683). Эта книга посвящена царевне Софии Алексеевне, тогдашней московской регентше ; после посвящения,— сообщает далее Максимович, — « идет самое песнопение польскими стихами, с текстами славянскими и коегде со стихами латинскими » (2). По принятому плану М. А. Максимович не считал нужным приводить цитаты из описываемых изданий, но с текстами несомненно знакомился. Так, бегло охарактеризовав несколько произведений этого рода на религиозные темы, он пишет : « Впрочем, не духовные предметы собственно любила воспевать латино-польская муза у малороссиян : она преимущественно трудилась над панигириками разным сановным людям, светским и духовным ; и сколько русского дарования истратилось в них попусту ! » « Но можно порадоваться, — с удивительной наивностью пишет Максимович далее, — по крайней мере тому, что вся эта беспредельная лесть, весь этот холодный, риторический, стекляный блеск ума и слова выражался по-польски и по-латыни, а не языком южнорусским ». « Вышеупомянутая « Мнемозина », — заключает Максимович, — была зерном, из которого под исход XVII века вырос у нас целый лесок панигириков, до сих пор еще неведомый для русской библиографии ; надо же ей и с ним ознакомиться ! » (3).

Пренебрежительный отзыв М. А. Максимовича, поэта, филолога и профессора ботаники (!), человека эпохи романтизма, до конца дней сохранившего свои юношеские эстетические взгляды, вполне

(1) М. А. Маскимович, *Книжная старина южнорусская.* — В кн. : М. А. Максимович, *Собрание сочинений*, Т. III. *Языкознание. История словесности*, Киев, 1880, стр. 706.

(2) Там же, стр. 707.

(3) Там же, стр. 700.

понятен: латинские стихи киевских профессоров XVII в., написанные по принципам польско-украинского барокко, были неприемлемы для поэта и профессора, хотя и жившего в Киеве, но идейно примыкавшего к харьковской школе украинских романтиков.

К сожалению, почти ничего не говорит о латинских произведениях киевских стихотворцев и автор новейшего превосходного исследования о взаимоотношениях между писателями Киево-Могилянской академии и польскими писателями доц. д-р Рышард Лужный (Краков) (1).

Отсутствие большей части упоминаемых М. А. Максимовичем изданий в ленинградских библиотеках лишает меня возможности более подробно изложить данные о латинских стихотворениях киевских и иных авторов, обучавшихся пиитике в Киево-Могилянском коллегиуме (а затем — Академии) и несомненно подвизавшихся на стихотворческом поприще.

Переход так называемой «югозападной схоластической образованности», то есть латинской школьной системы с Украины в Москву обычно изображается так: в Киево-Могилянском коллегиуме в сороковые-пятидесятые годы XVII в. обучался белорусс Симеон Полоцкий (1629-1680), перенесший усвоенные знания сначала в Белоруссию, а затем в Москву. Исследования акад. А. И. Белецкого и др. внесли исправления в эту слишком простую схему: Симеон Полоцкий был только крупнейшим деятелем «югозападной образованности», как в Белоруссии, так и в Москве, но не единственным. К сожалению, кроме некоторых имен, мы почти ничего не знаем о литературной деятельности предшественников и товарищей Симеона Полоцкого.

Стихотворное наследие Симеона Полоцкого на белорусском, русском, польском и латинском языках, — очень велико по объему (2) и до сих пор не издано полностью. По мере того как

(1) Ryszard ŁUŻNY, *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodnosłowiańskich w XVII-XVIII w*, Kraków, Uniwersytet Jagelloński, 1966.

(2) «Общее количество стихотворных строк, написанных им за все годы его литературной деятельности, достигает пятидесяти тысяч» (А. И. Белецкий, *Силлабическая поэзия. I. Симеон Полоцкий*— В кн.: *История русской литературы*. Т. II, ч. 2, М.-Л., *Академия Наук*, 1948, стр. 345).

публикуются отдельные его произведения, становится ясным, что перед нами вовсе не «виршеписец», не «стихотворец», как считали долгое время в XIX-XX вв., а настоящий серьезный поэт. Естественно, что каждый исследователь, обращавшийся к громадным сборникам Симеона Полоцкого (Л. Н. Майков, А. И. Белецкий, И. П. Еремин, В. М. Пузиков, Н. И. Прашкович, Р. Б. Лужный), отбирал только те стихотворные материалы, которые соответствовали сложившемуся у литературоведа представлению о старом поэте. В результате этого литературный портрет Симеона Полоцкого постепенно, но неуклонно становится все ярче и интереснее. Казалось, первое более или менее значительное по объему и разнообразное по составу собрание стихотворений Симеона Полоцкого, изданное в 1953 г. под редакцией И. П. Еремина, достаточно широко и разносторонне открыло читателям внутренний мир белорусско-московского поэта. Но не прошло и десяти лет, как В. М. Пузиков обнаружил в рукописях Симеона стихи, удивительные, совершенно неожиданные для XVII в. Приведу только одно из новоопубликованных стихотворений Симеона, посвященное проблеме возникновения войны:

Брань

Брани в мире откуду начало имеют,
яко чюждая люди своити (1) умеют?
Два местоимения «мое се, не твое»
кроволитие деют во мире многое.
Аще бы речения то в людях не быша,
не бы взаим мечами кровей си пролиша.

*
* *

«Мое» и «твое», речь да упразднится,
вместо же тое «наше» да слышится.
Тогда желанный мир во мире будет,
всяк о богатстве (2), нищеты забудет (3).

(1) Своити — заставить опасаться, остерегаться.
(2) О богатстве — будучи богат, имея богатство.
(3) Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI — начала XIX в. Минск, *Академия Наук БССР*, 1962, стр. 237.

К сожалению, из произведений Симеона Полоцкого, написанных по-латыни, до сих пор ничего не опубликовано.

Благодаря любезности Н. И. Прашковича и Т. А. Быковой мы можем привести здесь два неопубликованных латинских произведения Симеона Полоцкого, находящихся в его черновых рукописях (1). По содержанию эти стихотворения можно точно датировать : они были написаны во время войны Москвы с Польшей в связи с приездом царя Алексея Михайловича в Полоцк 5 июля 1656 г. (2). Очевидно, в подносном экземпляре отдельные буквы внутри стихотворения были особо выделены (может быть, красными чернилами или более крупным размером) и образовывали очертания чаши. Только так можно объяснить то обстоятельство, что над этими стихотворениями, писанными рукой Симеона Полоцкого, другми почерком помечено «Catina» (то есть «Чаши»).

Вот тексты обоих стихотворений :

1

Salve, spes Rossiae, salve, fortissime victor,
Alexi, salve, famâ super aethera note,
Quem zelus traxit fidei vibrare mucronem
Et spretâ vitâ belli sufferre pericla.
Haud tibi sunt terrae finis, sed commoda Christi,
Id lucro ducis, complex quod caelum animasque,
Errantes agnos in Christi pellis ovile,
Faucibus eripiens hydrae aeternum moribundos,
Procuras caelis prodromus, venturus et ipse,
Sol veluti stellas post, ceu post agmina Caesar,

(1) *Центральный государственный архив древних актов* (Москва), фоид 381, собрание Типографской библиотеки, № 1800, л. 6. Приношу искреннюю благодарность Н. И. Прашковичу, указавшему мне эти стихотворения Симеона Полоцкого и приславшему их список, а также Т. А. Быковой, снявшей, по моей просьбе, контрольную копию публикуемых текстов.

(2) Текст приветствия Симеона Полоцкого на славяно-белорусском языке см. : Н. И. Прашкович. *Из ранних декламаций Симеона Полоцкого* («Метры» и «Диалог краткий»), — в кн. : *Труды отдела древнерусской литературы*, Т. XXI. М.-Л., *Академия наук*, 1965, стр. 29-38.

Ast numerata prius felix trophaea triumphans,
Post nitidis effers (1) stellis super astra corollas.

2

Rex volucrum volitans pennis ad sidera fertur,
Mens aquilae generosa volat nostrae super astra.
Inque perita ales nandi vastum fugit aequor,
Immensum Maria mare est, portus tibi, Alexi.
Te Maria fovet, a te Maria fovetur,
Iam mare te placidum debebit (2) ferre libenter,
Matre Dei mandante ingentes solvere fluctus.
Haec cum sit rectrix undarum stella marisque,
Es cultor, tibi postque Maria, tu maris undas (3),
Et portus collesque coles summo Jove dante.

Хотя перед нами только плохо сохранившаяся черновая запись, и притом, по-видимому, не вполне точно воспроизведенная, по этим стихотворениям можно предположить, что они не были первым опытом Симеона Полоцкого в области латинского стихотворства. Так, Н. И. Прашкович сообщил мне, что еще ряд латинских двустиший и четверостиший находятся в других рукописях Симеона Полоцкого. Кроме того в рукописи № 1800 имеются «черновые записки Симеона Полоцкого разнообразного характера на латинском языке (лл. 68-110, 140-150)» (4). Они, к сожалению, не обследованы.

Можно не сомневаться, что, преподавая латынь в Полоцке и Москве, Симеон Полоцкий знакомил своих учеников с латинской метрикой и заставлял их писать стихи на латинском языке. О лучшем питомце Симеона Полоцкого, Сильвестре Медведеве, известно, что свое программное стихотворение на русском языке «Вручение привилия на Академию» он перевел и на латинский язык; впрочем, в стихах или в прозе, — источник не указывает. Трагическая судьба Сильвестра Медведева (как сторонник царев-

(1) Чтение предположительное: чернила почти полностью выцвели.
(2) Чтение предположительное по указанной выше причине.
(3) Чтение предположительное.
(4) Н. И. Прашкович, *Из ранних декламаций Симеона Полоцкого*, *Труды ОДЛ*, т. XXI, стр. 30.

ны Софьи он был казнен) повлекла за собой утрату многих его произведений.

Первые, сколько-нибудь конкретные, сведения о поэтических произведениях киевских стихотворцев на латинском языке до нас дошли о Стефане Яворском (1658-1722). По крайней мере, он не только писал латинские стихи, но и печатал их. Уже цитированный нами М. А. Максимович писал о нем так: «Первенство между малороссийскими панигиристами принадлежит, бесспорно, Стефану Яворскому. Известно, что по возвращении из чужестранных училищ (1) в Киев, он так прославился здесь искусством слагать латинские и польские стихи, что удостоился почести лавроносного пиита» (2). О присвоении Стефану Яворскому звания poeta laureatus один из современников писал: «И коронован бысть по чину академическому венцем неувядаемыя славы» (3).

Однако сведения, которые приводит М. А. Максимович о первом печатном латинском панегирике Стефана Яворского, свидетельствуют, что он прекрасно владел латинским языком еще в годы, предшествовавшие его отъезду в Польшу: панегирик «Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pondus sustinens», был написан Стефаном Яворским по поводу избрания его покровителя и учителя Варлаама Ясинского архимандритом Киево-Печерского монастыря после смерти Иннокентия Гизеля (1684); «Это и значит, — прибавляет Максимович, — «Геркулес после Атланта»» (4). В этом панегирике, напечатанном в Чернигове без указания даты, Стефан Яворский, по словам Максимовича, «не означил на нем прямо своего имени, а сказался затейливыми полустишиями (?)»:

Jam tibi, mi lector, supra mea nomina dixi:
Nam platanum baculo junge, sciesque virum (5).

(1) Стефан Яворский посещал польские иезуитские коллегии во Львове, Люблине, Вильне и Познани.

(2) М. А. Максимович, *Собрание сочинений*, т. III, стр. 711. Эти сведения Максимович почерпнул из «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина» Евгения (Болховитинова), Изд. 2-е, т. II, СПб, 1827, стр. 252.

(3) С. И. Маслов, *Библиотека Стефана Яворского*, Киев, 1914, стр. 11.

(4) Там же, стр. 710. То есть Иннокентий Гизель — Атлант, Варлаам Ясинский — Геркулес.

(5) Там же.

Максимович раскрывает смысл этой криптограммы так : « Platanus — явор, Baculus — кий » (1), то есть : Явор + с + кий.

В другом панегирике своему протектору « Arctos » (1690), — по случаю избрания Варлаама в митрополиты киевские — Стефан Яворский поместил перед каждым из четырех акростихов на польском языке по латинской стихотворной и прозаической laudatio. « Одна из этих похвал, — пишет Максимоич, — состоит в беседе стихотворца с эхом, представляющей игру латинским языком ; например :

Dic identidem loquax dialogista Echo,
Quem illa electionis dies caelitus implorabat
Per suum divum Iustinum Philosophum ? Sophum.
Sophum certe implorabat fascibus viduatae Sophiae
Ut par pari gauderet, auderet.
Gemit enim honorarius Scipio, si indignis manibus tangitur, angitur,
Et non firmatis Sapientia humeris
Quid quaeso est Thronus ? Onus (2).

Несмотря на барочную « затейливость » этого стихотворения, одно его достоинство надо признать : « эхические » рифмы в нем безукоризненны, тогда как у других стихотворцев тех лет « ответы » Эхо имеют очень отдаленное сходство со словами, отголосками которых они якобы являются.

Из остальных стихотворных произведений Стефана Яворского на латинском языке в печати известны только два : знаменитая « Элегия к библиотеке » (« Possessoris horum librorum luctuosum libris vale ») и четверостишие « O tituli... ».

« Элегия к библиотеке » или, как она называется в ранних русских переводах, « Стяжателя сих книг последнее книгам целование », была написана при следующих обстоятельствах. Родившийся в местечке Явор (на Волыни или в Галиции), Стефан Яворский с детских лет воспитывался в селе Красиловке под

(1) Там же.

(2) Там же, стр. 711-712. К третьему стиху к словам « Iustinum Philosophum » Максимович делает примечание, что избрание Варлаама Ясинского в митрополиты киевские происходило 1 июня в день св. Иустина философа в Софийском соборе. — Отсюда и дальнейшие намеки Стефана.

Нежином. С этим городом у него были связаны теплые воспоминания, и впоследствии, когда Стефан достиг высшей тогдашней иерархической степени местоблюстителя патриаршего престола, он построил в Нежине на свои средства Благовещенский монастырь. Незадолго до смерти Стефан Яворский решил передать монастырю свою библиотеку и для этой цели составил ее каталог. В последний момент перед отправкой книг в августе 1721 г., как писал сам Стефан, « cum ex Divina gratia morbo pulsante sentiret se morti vicinum », он сочинил « Элегию », которую переписал собственноручно и поместил в начале перечня книг, передававшихся в монастырь. Кроме того, Стефан составил « Тестамент», в котором сделал распоряжения об условиях хранения и пользования библиотекой ; в конце завещания Стефан поместил второе стихотворение « O tituli... » (1).

Вот текст первого из названных стихотворений :

Possessoris horum librorum
luctuosum libris vale.

Ite, meis manibus gestati saepe libelli,
Ite, meus splendor, luxque decusque meum !
Pergite felices, alias jam pascite mentes
Et nectar vestrum fundite nunc aliis !
Hei mihi, quod meus, a vobis avulsus ocellus,
Non poterit mentem plus saturare meam !
Vos mihi dulcedo, vos mel, vos nectar eratis,
Vobiscum, libri, vivere dulce fuit.
Vos mihi divitiae, vos gloria magna fuistis,
Vos paradysus, amor delitiaeque meae,
Vos illustrastis, vos nomina clara dedistis,
Per vos magnatum conciliatus amor.
At nunc fata negant vobiscum (proh dolor ingens !)
Ducere jucundos et sine nube dies.
Jam mihi in aeternam claudentur lumina noctem,
Non jam vos manibus sollicitabo meis.
Aeternus liber ante oculos proponitur alter,
Quem mihi venturus vult aperire deus.
Omnis in hoc sua dicta et facta volumine cernet
Et capiet meritis premia quisque suis.

(1) С. И. Маслов, *Библиотека Стефана Яворского*, стр. 43.

O liber horrendus, qui tunc erit ante tribunal,
Nudatum faciens omnibus omne scelus !
Hunc ego mente librum dum volvo, mox tremor artus
Occupat, et cordi fixa sagitta manet.
O Deus, o pater, o summae charitatis abyssus,
O pietatis fons, o bonitatis apex,
O maris et terrae et summi moderator Olympi,
Qui manibus flectis fraena tumentis aquae,
Stelliferosque poli sapienter dirigis orbes,
Te precor, indignus vermis, inane, nihil :
Respice et in libro vitae mea nomina pinge
Sanguine Christi, qui vita salusque mea est.
Vos autem, mea scripta tomique librique, valete,
Parta labore meo bibliotheca, vale !
Terricolaeque omnes fratresque hominesque, valete,
To quoque, cara parens, hospita terra, vale !
Suscipe maternis, peto te, complexibus artus,
Namque animam caelis, reddimus ossa tibi ! (1)

Роль Стефана Яворского в истории России петровского времени далеко не положительная, фактически он возглавлял все реакционные силы первых двух десятилетий XVIII в. Печатание написанного им антилютеранского, антипетровского трактата « Камень веры » при Петре было категорически запрещено ; когда же в начале царствования Петра II эта книга вышла в свет, это было воспринято всеми как крупная победа антипетровской партии. Все это создает впечатление о Стефане Яворском как о суровом фанатике-реакционере, неспособном любить что-либо или кого-либо, кроме своих церковно-политических идей и недоступном никаким другим чувствам.

Тем большее впечатление производит на нас его « Элегия к библиотеке ». Оказывается, в душе этого одинокого старика, озлобленного непонятной ему эпохой петровских реформ, которые вопреки своему желанию он должен был санкционировать сначала как местоблюститель патриаршего престола, а затем первоприсутвующий в Синоде, — в душе этого сухого и замкнутого человека была одна искренняя, глубокая привязанность, —

(1) Маслов, *Приложения*, стр. V-VI.

книги. « По личному характеру, по складу своего ума, — пишет С. И. Маслов, — Яворский был человеком, созданным для созерцательной жизни. Книги и научные занятия, составление проповедей — вот сфера более всего приходившаяся ему по душе » (1). Можно сказать, что, после Симеона Полоцкого, Стефан Яворский был следующим типично-кабинетным ученым, далеким от жизненных интересов, но волею исторических обстоятельств вынужденным последние два десятилетия своей жизни все время иметь дело с политикой, сложной, трудной, поглощавшей и истощавшей его силы. И вот, оказывается, у него было « прибежище от бурь и горести земной », — библиотека. Прав С. И. Маслов, который говорит о стихотворении Стефана Яворского, что это подлинная « элегия, в которой так ярко выразилась тихая грусть человека, когда на краю могилы он обращает последний взор к тому, что любил в течение всей жизни » (2).

Трогательна была любовь Стефана Яворского к книгам, это делает ему честь, и в то же время огорчительно, что книги он любил больше людей.

По-видимому, свою « Элегию » Стефан Яворский не только оставил в каталоге, но и позволил снять с нее копии : она получила широкое распространение в первые же годы после своего написания. Известны ее многочисленные перепечатки и переводы на русский язык, начиная с 1722 г. и кончая 1917 г (3).
В конце XVIII в. она была переведена архиепископом Евгением Булгарисом (греком) на древнегреческий язык. А вскоре после смерти Стефана Яворского в руки пастора английской « фактории » в России Томаса Консетта попал русский прозаический перевод « Элегии », который был им принят за оригинал ; произведение Яворского произвело на англичанина такое сильное впечатление, что в феврале 1723 г он перевел русский текст на латинский язык и напечатал в 1729 г в своей книге « The Present State and Regulations of the Church of Russia » (London, p. 2, pp. 448-449). (4).

(1) Маслов, стр. 16.
(2) Там же, стр. 40.
(3) Маслов, *назв. соч.*, стр. 40 (примеч. 1 и 2), стр. 41. В 1917 г. перепечатана в « Похвале книге » проф. И. А. Шляпкина, стр. 25-26 ; стр. 26-28 — перевод на русский язык К. А. Иванова (в стихах).
(4) Подробнее об этом см. в моей статье « Томас Кóнсетт, ка-

Поэтический стиль « Элегии » Стефана Яворского высоко ценился русскими любителями латинской музы. Превосходный знаток латинского языка, митрополит Евгений (Болховитинов) говорил, что « Элегия к библиотеке » сочинена « прекрасными латинскими стихами » (1). Другой ценитель, профессор латинского языка Нежинского лицея И. Г. Кулжинский, учитель Гоголя, утверждал, что в « Элегии », « кроме легкости и иеобыкновенного искусства латинской версификации, так много рассыпано перлов истинной христианской поэзии, что, читая эти стихи, кажется, читаешь поэтическое произведение св. Григория Назианзена ». Наконец, не меньший авторитет, преосвящ. Филарет (Гумилевский) считал что « элегия написана таким прекрасным языком, от которого не отказался бы Вергилий » (2).

Второе стихотворение Стефана, упоминавшееся выше, таково :

O tituli, scopuli potius meliusque vocandi,
Heu ! quibus allisae tot periere rates !
Et quid sunt tituli, nisi fumus, ventus et umbra
Bullaque, quae vitreis turgida fertur aquis (3).

Об этом четверостишии митрополит Евгений заметил, что оно является « пародией Германна Гугона » (4). В самом деле, в библиотеке Стефана Яворского имелась книга бельийского иезуита Г. Гугона (Hugo vel Hugon, Herman, 1588-1629) (5), « Pia desideria, emblematibus, elegiis et affectibus SS. Patrum illustrata » (Antverpiae, 1624) (6). Чтобы понять смысл указания Евгения,

пеллан английской фактории в России (К истории русско-английских литературных связей в 1720-е годы) ». — В кн. : « Проблемы международных литературных связей. Под ред. проф. Б. Г. Реизова ». Л., *Ленинградский университет*, 1962, стр. 7-10.

(1) Евгений, *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина*, СПб., 1827, ч. II, стр. 260.

(2) Маслов, *назв. соч.*, стр. 41, примеч. 5. В « Обзоре русской духовной литературы » Филарет писал : « Латинский стих его — верх совершенства » (Изд. 3-е, СПб., 1884, стр. 270).

(3) Маслов, стр. 43.

(4) Евгений, *назв. соч.*, т. II, стр. 261.

(5) *Biographie universelle ancienne et moderne*, P., 1818, t. 21, pp. 26-27.

(6) Возможно, в библиотеке Стефана Яворского было какое-то другое из многочисленных переизданий пользовавшейся популярностью книги Гюгона. См. Маслов, *приложения*, стр. XXXVI, № 536 : « Piae animae desideria versibus et symbolis ».

следует помнить, что в его времена пародией (как и у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Уж не пародия ли он?») называлось подражание. Вот какое определение этого термина мы находим в «De arte poetica» Феофана Прокоповича: «Videlicet cum ad normam poematis ab aliquo auctore editi nostrum opus ita aptamus, ut veluti vestigiis insistentes, et verba verbis, et sententiis sententias similes vel, si libuerit, contrarias et e regione oppositas conferamus» (1).

Как установил С. И. Маслов, в двух первых строках своего четверостишия Стефан Яворский «почти дословно» воспроизвел «следующее место стихотворения Гуго на тему «Averte oculos meos, ne videant vanitatem.» Psal. CXVIII (CXIX) v. 37:

O oculi! scopuli titulo meliore vocandi!
Heu, quibus allisae tot periere rates» (2)!

Предположение С. И. Маслова, что вторая часть четверостишия Стефана Яворского, «может быть, навеяна» другим стихотворением Гюгона, малоубедительно, и мы приводить его не станем.

Кажется, это все сведения, которые дошли до нас о латинских стихотворениях Стефана Яворского. Мы не знаем, однако, за какие поэтические достижения он получил звание poeta laureatus. Не знаем мы, писал ли он латинские стихи во время своего пребывания в Москве и в Петербурге. Перед нами материал, очень недостаточный для вынесения обобщающей оценки.

Можем ли мы сказать, что Стефан Яворский был поэтом барокко? Какие для этого у нас есть основания? То, что заглавие одного стихотворения «Геркулес после Атланта»? Что «барочного» есть в «Элегии к библиотеке»? Мне кажется, что никакой барочной вычурности, хотя бы такой, какую мы видли в «расшифровке» фамилии «Яворский» («platanum baculo junge») и в laudatio с эхическими рифмами, в «Элегии» нет. И если некоторые литературоведы настаивают на том, что Яворский — поэт барокко, то это, вероятно, делается только потому, что в Европе в то время господствовало барокко и, следовательно (почему «следовательно»?), и он был также барочным поэтом. Но достаточны ли подобные доводы?

(1) Феофан Прокопович, *Сочинения*, Под ред. И. П. Еремина. М.-Л., *Академия Наук*, 1961, стр. 246, русский перевод — стр. 356.

(2) Маслов, стр. 44, примеч. 1 (к стр. 43).

Вероятно, потому что Стефан Яворский мало писал латинских стихов и публиковал еще меньше, он не только не создал школы, но не имел даже отдельных учеников.

Следующим по времени крупным русским новолатинским поэтом был Феофан Прокопович (1681-1736), знаменитый сподвижник Петра Великого, образованнейший человек своего времени, превосходно владевший латинским языком. В девяностые годы XVII в., обучаясь в Киево-Могилянском коллегиуме, он, вероятно, слушал лекции по пиитике у Стефана Яворского. Продолжив образование в Польше и в Риме, Прокопович изучал польских и, возможно, итальянских поэтов (1). По возвращении в Киев в 1702 г. он в течение ряда лет вел в своей alma mater различные курсы и, конечно, как было принято в то время в высших учебных заведениях Европы, — на латинском языке. Стихи (на латинском, славяно-русском и польском языках) Феофан писал, вероятно, еще до поездки за границу и за границей, но среди сравнительно многочисленных его стихотворений раннего периода лишь три-четыре по содержанию могут быть отнесены к первым годам его поэтической деятельности. Большая же часть их была написана в Киеве в самом начале XVIII в.

(1) В одном месте своего курса пиитики Феофан Прокопович приводит пример из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо в польском переводе П. Кохановского, «quia ignoto nobis idiomate scriptus est» («Сочинения». М.-Л., *Академия наук*, 1961, стр. 244; русский перевод — там же, стр. 354). Все ссылки на итальянских поэтов и теоретиков поэзии в своем курсе (Т. Тассо, Я. Санназаро, М. Майорагус, Ф. Страда) Феофан делает либо по переводу Кохановского, либо по их произведениям на латинском языке. Наличие среди его русских стихотворений некоторых, написанных в форме октавы и одиннадцатисложным размером, не может служить доказательством знакомства Феофана с итальянским языком: Кохановский перевел «Освобожденный Иерусалим» октавами. Все эти данные как будто говорят за то, что Прокопович не знал итальянского языка. Но его слова о Т. Тассо: «так как он писал на языке, нам незнакомом» могут быть поняты и как риторический оборот: вместо того, чтобы сказать «на языке вам незнакомом», Феофан употребил «множественное число вежливости» — «нам незнакомом», чтобы не подчеркнуть свое превосходство. Затем, трудно допустить, что, живя в Риме и свободно владея латинским языком, Прокопович так-таки ничего не знал по-итальянски.

Ряд латинских стихотворений Феофана Прокоповича содержится в его « De arte poetica », курсе, неоднократно читанном в Киево-Могилянской академии и недавно, вместе с русским переводом, перепечатанном в его « Сочинениях » под ред. И. П. Еремина. Для иллюстрации теоретических положений, выдвигавшихся в курсе, Феофан Прокопович брал примеры в первую очередь, конечно, из римских классических поэтов, но иногда приводил образцы и своего творчества на латинском языке. Естественно, он делал это с соблюдением требовавшихся тогда правил приличия. Так, например, в разделе, посвященном « различным видам упражнений и преимущественно — в синонимике », Феофан приводит для подтверждения своей мысли отрывок « Qua ratis egit iter », который он, согласно тогдашней традиции, приписывает « главе всех поэтов Марону », а затем прибавляет : « К этому Виргилиеву упражнению мы присоединим наше, которое хотя и несравнимо с ним по стихотворному искусству и, может быть, менее латинское, но сочинено с целью служить более новым образцом для начинающего поэта » (1).

Наиболее крупными латинскими стихотворениями Прокоповича, включенными в « Поэтику » являются « Brevis situs urbis Kijoviae descriptiuncula » (2), « Elegia in qua Divus Alexius spontanei sui exsilii seriem narrat » (3), « Comparatio vitae monasticae cum civili, in qua filius ad monasterium sponte profugus respondet patri ab incepto illum retrahenti » (4), « Laudatio Borysthenis » (5) ; кроме того,там находятся десять эпиграмм (6),

(1) Феофан Прокопович, *Сочинения*, стр. 243 и 353.

(2) Там же, стр. 243 : русский перевод — стр. 352-353.

(3) Там же, стр. 246-249 ; русский перевод — стр. 357-359. Об этом стихотворении см. : О. Грузінський, « *Elegia Alexii* » *Теофана Прокоповича*. « Записки наук. т-ва Шевченка », 1909, № 4, стр. 20-40.

(4) Там же, стр. 262-263 ; русский перевод — стр. 374-375.

(5) Там же, стр. 265-266 ; русский перевод — стр. 377-378.

(6) I. In Christum crucifixum (« Dum trepido, mea vita ! tuas male conscius iras ») ; II. In imaginem Beatissimae Virginis gladio transfixae (« Et roseas pallere genas et in ore nitorem ») ; III. In divum Hieronymum extremum judicium meditantem (« Saepe in Bethlemico latitans Hieronymus antro ») ; IV. Memoria quattuor novissimorum (« Quattuor, informi ne praeceps labe traharis ») ; V. Urbs Roma hinc montibus inde mari cingitur (« Nubifero hinc illinc, erecta cacumine tellus ») ; VI. In imaginem Beati Virginis Mariae puerum Jesum tenentis (« Quid

несколько переделок античных образцов (1) и пр.

При чтении этих произведений сразу видна большая техническая сноровка автора, прекрасное владение латинским языком, остроумие и даже некоторый вкус, но в то же время нас почти не оставляет ощущение какой-то холодности, ставки на преодоление технических трудностей, какой-то самоцельной игры. Это впечатление подтверждается советами, которые Феофан Прокопович в разных местах дает слушателям своего курса: «Первым упражнением, — пишет он, — пусть будет: выразить одно и то же разными словами, в различном или одинаковом стихотворном размере. Это называется синонимией, и весьма полезно, и даже само по себе в высокой степени облегчает сочинение стихов» (2). Еще отчетливее эта мысль изложена Феофаном далее: «Второй вид стилистического упражнения очень похож на первый, равно полезен и еще более приятен, а именно: он состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или — наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в стихи» (3).

Все же было бы несправедливо утверждать, что нигде Феофан не преодолевает своего понимания ars poetica как обучения ремеслу поэзии. Так, мне представляется удачной шестая «эпиграмма» (In imaginem Beatae Virginis Mariae puerum Jesum tenentis):

Tyrio matris chlamydem maculare veneno?»); VII. De divo martyre Mammate, quem mater in carcere peperit («Dum tenebrosa tuam premerent ergastula matrem»); VIII. De fugitivo, qui vestito trunco et pro se substituto custodiae erupit («Fallere custodum cum lumina, Batte, nequires»); IX. In quendam laudes suas immodeste audientem («Rebar ego, quod forte tuae praeconia laudum»); X. Ad sartorem («Fecisti collare mihi, mi sartor, hiatu»). — Там же, стр. 328-330; русский перевод — стр. 449-451. Есть еще эпиграмма Ф. Прокоповича «Cur naturae agilem vexas, papa impie, mystam?» (См: Franco Venturi, Teofan Prokopovič, *Annali della Facoltà delle Lettere... del' Università di Cagliari*, t. XXI (1953), parte 1, p. 632).

(1) Сокращение басни Горация о деревенской и городской мыши (22 стиха вместо 38) (там же, стр. 267-268 и 380-381); передача четверостишия Катулла, написанного одиннадцатиложником и тремя другими размерами. (Там же, стр. 246 и 356).

(2) Там же, стр. 241 и 350.

(3) Там же, стр. 244 и 353.

32

Quid Tyrio matris chlamydem maculare veneno?
Quid prodest sobolis tingere flore togam?
Hic nec Hydaspaeos simules ardere lapillos,
Nec Lybicum, pictor, finge micare jubar.
Pingatur roseis arctari dulciter ulnis
Cum Puero Genetrix, cum Genetrice Puer.
Murice nobilior, puro pretiosior auro,
Splendidior gemmis unio talis erit (1).

Мне кажется неожиданной эта живая, я бы сказал, «реалистическая» черта у поэта, видевшего вокруг себя одни только образцы искусства барокко. Не исключена возможность, что это стихотворение было написано в Италии и имеет в виду какую-то конкретную картину, — Мадонна с младенцем Иисусом. Вообще все эпиграммы на темы религиозной живописи, вероятно, были написаны Фѳофаном в Италии.

Еще больший интерес вызывает другое стихотворение Феофана Прокоповича «Laudatio Borysthenis», от которого протягиваются несомненные нити к гоголевскому «Чуден Днепр при тихой погоде».

Salve, magne Pater, magnarum dives aquarum,
Ut cunctos opibus vincis, sic laudibus amnes
Exsuperare potes. Quae tam spatiosa fluenti
Est moles? Ultra teli disjuncta volantis
Litora sunt jactum. Fusa est speciemque referre
Aequoris et Ponti fieri Thetis aemula gaudet.
Aut quaenam ista furit rapidi violentia fluctus
Annosas quercus radicibus abstrahit altis;
Quin etiam excelsi vehemens ingentia montis
Membra rapit patiturque nihil durare, quod obstet,
Cursibus horrisonis; tractumque exosus eundem
Saepe locum mutat, spretasque relinquit arenas.
Praetereo puris nitidus quod fulgeat undis,
Quod potus faciat sitienti dulce palato
Libamen, crudosque cibos fervore subactus
Molliat exiguo, fundo quod flavus in imo

(1) Там же, стр. 329 и 450. В текст русского перевода вкралась досадная опечатка: вместо «тога», напечатано «нога». Может быть, по признаку «тога окрашена пурпуром» окажется возможным определить, какую картину имел в виду Прокопович.

Clareat et fallax mentitum venditet aurum.
Quis satis istarum mirari possit amoenos
Riparum tractus, ut lucet utrinque decora
Naturae facies ! Roseum Titanis ad ortum
Pinguia prata virent, pecorique alimenta ministrant ;
Occasum versus montana cacumina surgunt,
Innumeras ubi nutrit apes densissima silva.
Et bene majores dixere Borysthenis amnem
Jam mellis plenos, jam lactis volvere fluctus.
Quid memorem laetis tot rura, tot oppida ripis,
Tot positas urbes quae tot tibi tantaque vitae
Munera et ingentum fluviorum maxime partem
Acceptam referunt ? Et, quae suprema tuarum
Sunt laudum monumenta, tibi tot commoda debet
Urbs haec ipsa, decus patriae, materque potentis
Imperii. Illius tu moenia perluis ampla
Exhilarasque plagam, solis quae spectat ad ortum.
Quid quod comportas tantas ad litora merces,
Lignorum lapidumque struem calcemque tenacem
Materiam templis et magnis aedibus aptam.
Adde, quod instructas numeroso milite naves
Expedias, ipsique minas gelidumque timorem
Incutias Ponto : patriam sed fortior omni
Muro defendas et dirum finibus hostem
Excludas aditumque tui formidine claudas (1).

Я не могу утверждать, что Гоголь безусловно знал « Похвалу Днепру » Феофана Прокоповича, но если мы вспомним, что латинский язык во времена Гоголя в Нежинской гимназии преподавал И. Г. Кулжинский, отзыв которого о латинском стихотворении Стефана Яворского приведен выше, то кажется вполне вероятным, что для оживления преподавания он мог привести « Laudatio Borysthenis » Феофана Прокоповича. Но, конечно, при всей близости, местами текстуальной, гоголевского « Чуден Днепр » и « Похвалы » Феофана, Гоголь остается Гоголем, а Прокопович—Прокоповичем.

Курс пиитики Феофан читал в 1705 г. К последующим годам

(1) Феофан Прокопович, стр. 265-266.

относится « Эпитафия Варлааму Ясинскому », который умер в 1707 г., произведение, не представляющее интереса (1).

В хронологическом порядке следующим стихотворным произведением Феофана Прокоповича на латинском языке является небольшая поэма по случаю Полтавской победы 27 июня 1709 г., названная автором «Epinicium, sive Carmen triumphale de eadem victoria nobilissima». Торжества в Киеве состоялись 10 июля, то есть менее чем через две недели после события (2). Феофан успел за эти считаные дни написать на славяно-русском языке « Панегирикос или слово похвальное о преславной над войсками

(1) Об этом произведении см.: А. С. Грузинский, « *Epitaphius Metropolitae Barlaamo Jasinski* », *Русский филологический вестник*, 1910, т. 64, стр. 337-352.

(2) Вопрос о дате произнесния Феофан Прокоповичем « Панегирикоса », казалось, бы, столь ясный после датировки « июля дня 10 » на титульном листе книги, неожиданно был осложнен рядом обстоятельств. В « Журнале или поденной записке (...) Петра Великого с 1698 даже до заключения Нейштатского мира » (*СПб.*, 1770, ч. 1, стр. 241) указано, что в Киев Петр после победы под Полтавой прибыл 22 июля и оставался там до 25 августа и что в этот его приезд Феофан Прокопович произнес свой «Панегирикос». Это указание « Журнала Петра Великого » заставило Е. П. Подъяпольскую в примечаниях к *Письмам и бумагам Петра Великого*, т. IX, ч. 2-я, М., *Академия Наук*, 1952, стр. 1134, затем Т. А. Быкову и М. М. Гуревича в *Описании изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г*, М.-Л., *Академия Наук*, 1958, стр. 162, и, наконец, И. П. Еремина в примечаниях к *Сочинениям* Феофана Прокоповича, стр. 460-461, — усумниться в датировке 10 июля. Между тем, для этого нет никаких оснований: дело в том, что в *Предисловии до его царского священнейшего величества всероссийского*, предпосланном печатному изданию *Панегирикоса*, перепечатанном в *Сочинениях* Прокоповича (стр. 459-460), совершенно отчетливо разделяются два факта — произнесение панегирика и поднесение его в печатном виде: « при твоем же собственном присутствии проповедати сподобихся » — « ныне... вторицею приносимый есть ». И далее с неоставляющей сомнения ясностью Феофан указывает, что панегирик был произнесен в « найпервое по победе в Киев вашего царского величества пришествие », а « ныне убо » подносится печатный текст с дополнениями в виде « песни торжественной ».

Таким образом, выясняется, что после Полтавской победы Петр был дважды в Киеве: около 10 июля 1709 г. и затем с 22 июля по 25 августа.

свейскими победе», затем, после отъезда Петра в Переволочную, Прокопович, по приказу царя, перевел свою речь на латинский язык, а также, по собственному желанию, сочинил на латинском же языке «песнь торжественную» или «Epinicium», которую перевел на славяно-руский и польский языки, и все это в какие-нибудь две недели было написано и даже напечатано и затем поднесено императору во второй его приезд в Киев (22 июля - 25 августа).

О том, что «Эпиникион» был написан по-латыни и потом по-славянорусски и польски, явствует из последовательности языков, которые перечисляет Феофан, говоря о том, что к печатному панегирику присоединил свои стихи, «тройственным диалектом, латинским, славенским и польским, сложенные...» (1).

«Эпиникион» содержит 169 стихов (2), и построен он по всем тем правилам, которые Феофан излагал в «De arte poetica». Так как «Epinicium» определен автором как «carmen triumphale», то к нему должны быть применены требования, предъявлявшиеся к произведениям эпического жанра. Естественно, поэма написана гекзаметром. Затем она полностью соответствует тому, что Феофан говорит «о трех частях эпопеи и прежде всего об определении темы и призывании божества». «Частей эпопеи, — пишет он, — три: определение темы, призывание божества, повествование» (3).

Начинается «Epinicium» с определения темы (propositio), однако не с первого стиха:

Si quando licuit, sané nunc poscere centum
Ora licet, centum linguas optare sonoras.
Nam nec Apollineae, vatum solatia, chordae,
Nec tua, magne fori Princeps Cultorque Quirini
Suada fatis poterit fortunam dicere nostram.
Vicimus: o tandem non aversare tuorum
Vota Deus!

Также и invocatio у Феофана имеет более развернутый характер: после краткого описания политических результатов Полтав-

(1) Феофан Прокопович, *Сочинения*, стр. 460.
(2) В русском тексте 174 стиха, в польском — 180.
(3) Феофан Прокопович, стр. 273 и 387.

ской победы, как в отношении шведов, так и мятежных казаков, ушедших с Карлом XII и Мазепой в Турцию:

Calcata jacet lugetque Tyrannis,
Commeritasque dedit vesana rebellio paenas, —

поэт говорит о ликовании природы:

Nunc radio meliore diem Sol spargit, et aucta
Lux esse, et flores melius ridere videntur.

Только после этого Прокопович переходит непосредственно к invocatio, при том не к христианскому божеству, а к античной громогласной Славе:

Vocalis tu fama canas, totumque repente
Quaqua versum orbem laetis clamoribus imple!

Затем следует повествование, состоящее из нескольких неодинаковой величины разделов, обозначенных абзацами. Первый по тем же обязательным законам пиитики вводит нас in medias res и, как сразу же признает Феофан, — навеян «Илиадой»:

Jam bellum decimas messes immane terebat
(Trojani excidii spatium) quo saevior anno
Non fuit...

Первый раздел говорит о том, как бог предупреждает шведов, что будет содействовать Петру:

mea clara triumphis
Et victrix Erebi bellabit dextera Petro.

Во втором разделе характеризуется, говоря современным языком, моральное состояние русского войска.

Далее изображается начало боя:

ruit horrida ferro
Suecia, concurrunt volitante rebellia cursu
Agmina.

Картина Полтавского боя нарисована Феофаном в традиционных формах, знакомых мировой литературе с тех пор, как кровопролитные сражения стали привлекать внимание поэтов:

...Micuêre acies: pugnatur utrinque
Fulmine multiplici; non sic fremit unda furentis
Ponti, cum Boreas una concurrit et Auster.

Nec tantum fracta mugit de nube tonitru
Ingeminant quantos belli tormenta fragores,
Jamque diem eripuit mixtus cum pulvere fumus:
Nec lux est, nisi quae fatali spargitur igne:
Incensos pugnare putes, unaque flagrare:
Fulgura crebra micant, et plumbi plurima grando
Pervolitat, mortesque serit...

Далее Феофан подробно описывает успех полков Петра и характеризует, опять-таки говоря современным языком, международное значение победы русских войск.

В заключительной части поэмы Феофан как бы заглядывает в будущее:

Hoc opus, hoc facinus, raram hanc in carmine laudem
Cantabit vasto late vagus aequore nauta;
Cantabit residens acclivi in colle viator:
Atque olim proavus teneris narrabit alumnis,
Quodque suis oculis, quae narrat, viderit ipse,
Felix ille senex teneris dicetur alumnis.

Свою «песнь триумфальную» Феофан завершает призывом к Петру начать военные действия против Турции:

Ut quoque diram illam perdas feliciter hydram,
Monstrum immane, ingens, sanctorum sanguine potum,
Et fera perrumpas Machometis vincula saevi,
Nostrosque educas diuturno e carcere fratres.
Tandem signa tui statuas fulgentia Christi
Victricesque aquilas Solymeae in moenibus urbis.

Я не сомневаюсь, что в поэме Прокоповича, в особенности в связи с ее концовкой, призывом сокрушить Турецкую империю, — «турецкая тема»! — , сторонники «барочного славизма» увидят явные признаки стиля барокко. Не стану с ними спорить, но большего противника барокко, чем Феофан в это время в России трудно найти.

После «Эпиникиона» Феофан надолго замолчал как поэт, — не только на латинском, но и на русском языке. Ни в печатных изданиях его произведений, ни в известных списках его сочинений нет указаний на стихотворения, которые по содержанию можно было бы отнести к периоду между 1709 г. и серединой двадцатых годов XVIII в. Зато с 1724-1725 г. и чуть ли не до

последних дней своей жизни Феофан писал стихи на латинском и русском языках.

К стихотворениям Феофана этого периода следует отнести In effigiem Petri Magni (« Haec facies Petri est, toto qui inclaruit orbe» (1), In effigiem Catharinae Augustae Imperatricis (« Cernis, ut innato radiet Catharina decore») (2), « Expetitur conjunx Petro Catharina Secunda» (3).

По содержанию эти стихотворения относятся скорее всего к 1724-1726 гг. и интересны тем, что являются латинскими предшественниками популярного позднее жанра « надписи », особенно нравившегося Ломоносову.

Среди прочих латинских стихотворений Феофана Прокоповича последнего десятилетия его жизни особо следует выделить оду, написанную им малолетнему императору Петру П. Вступивший на престол 27 мая 1727 г., (4) Петр II, сын царевича Алексея Петровича, к суду над которым Феофан Прокопович имел бизайшее отношение, внушал архиепископу новгородскому (им Феофан был назначен Екатериной I в 1725 г.) законные опасения, хотя последний и подписал « тестамент » Екатерины I, возводивший одиннадцатилетнего наследника на престол (5). Вскоре стало известно, что Петр П в конце 1727 г. (6) поедет из Петербурга в Москву на коронование. По настоятельной просьбе Феофана было решено, что Петр по дороге в Москву заедет в Новгород. Прокопович предполагал устроить императору пышный прием и этим самым расположить в свою пользу Петра П, во враждебности которого он имел все основания не сомневаться.

В это время большое влияние при дворе получила сильная антипетровская и, следовательно, антифеофановская партия, во главе с ярыми противниками Прокоповича, епископом ростовским Георгием (Дашковым) и митрополитом коломенским Игнатием (Смолой), приверженцами первой жены Петра, царицы Ев-

(1) И. А. Чистовоч. *Феофан Прокопович и его время, СПб*, Академия Наук, 1868, стр. 601-602.
(2) Там же, стр. 602.
(3) Там же, стр. 602.
(4) К. И. Арсеньев, *Царствование Петра П. СПб.*, 1839, стр. 135.
(5) Там же, стр. 145, прим. 62.
(6) Из-за болезни Петра П поездка была отложена на начало января 1728 г.

докии (Лопухиной) и ее сына казненного царевича Алексея Петровича. В результате происков этой партии «постановления петровского царствования по церковным делам одно за другим отменялись указами Верховного тайного совета» (1). В июле 1727 г. были запрещены и отобраны повсюду манифесты, публикованные по делу царевича Алексея Петровича, и в первую очередь написаннюй Феофаном Прокоповичем трактат «Правда воли монаршей» (2). «В октябре того же (1727) года закрыта Невская типография, в которой были напечатаны почти все сочинения Феофана Прокоповича, подавшие повод к разного рода толкам о введении в России лютеранства и пр.; в ноябре — разрешено печатание «Камня веры» и т. д.» (3) Особенно сильным ударом для Феофана было разрешение печатания антилютеранского «Камня веры» Стефана Яворского.

В таких труднейших условиях Феофан Прокопович быстро предпринял ряд шагов к укреплению своих почти безнадежных позиций к сохранению даже не своего прежнего положения, а и просто жизни (4).

Поэтому приезду Петра П в Новгород Феофан придавал исключительное значение.

Одним из эффектных мероприятий, задуманных архиепископом новгородским для снискания благоволеия малолетнего императора, было вручение последнему латинской оды и русских стихов, специально написанных Феофаном к приезду Петра П. Подобные стихи не были новостью в руской придворной практике. Новым было то, что они были не рукописными, а печатными: Прокопович заказал в типографии Академии Наук, только в 1727 г. начавшей печатать издания латинским шрифтом, небольшое число экземпляров своей оды, которые после торжественной встречи Петра П, — с колокольным звоном, пушечными выстрелами, церковной службой и пышным обедом, — были вручены гостям. В напи-

(1) А. Черкас, *Дашков Георгий.* — В кн.: *Русский биографический словарь* (Дабелов-Дядьковский), СПб., 1905, стр. 136.

(2) *Чистович*, стр. 223, примеч. I.

(3) *Черкас*, стр. 137.

(4) В письме к одному из близких к нему лиц Феофан писал в конце 1727 г.: «Мое положение было так стесненно, что я думал, что все для меня уже кончено». (*Чистович*, стр. 227, прим. 3 к стр. 226; текст приведен Чистовичем в переводе — оригинал написан по-латыни).

санном позже Феофаном Прокоповичем отчете о посещении Петром II Новгорода об этом сказано так: «По окончании стола (11 января 1728 г.) роздаваны от его Преосвященства изданные на латинском языке печатные вирши, к предшествию восприятия короны его императорского величества» (1).

Название оды Феофана Прокоповича таково: «Ad augustissimum totius Rossiae imperatorem Petrum Secundum, cum Mosquam tenderet insignia regni capessurus» (2).

Ода эта довольно велика — в ней семнадцать строф: лишь немногие стихотворения Горация были длиннее. Написана она, как и полагалось оде, не гекзаметром; Феофан, подражая Горацию, воспользовался алкеевой строфой. Как будет показано ниже, это не был первый случай употребления данной строфы в практике русских новолатинских поэтов, но опыт предшественника Феофана не привлек к себе внимания читателей. Можно не сомневаться, что Прокопович сознательно выбрал необычную для тогдашней русской новолатинской поэзии строфу, — чтобы еще больше подчеркуть как свою преданность Петру II, для прославления которого он, старый церковный сановник, не щадит усилий, так и свое поэтическое мастерство, для которого нет непреодолимых трудностей.

Однако важнее формальных особенностей этой оды ее идейное содержание, ее политический замысел. Впрочем, может быть, правильнее будет сказать, — отражение в ней личных надежд и пожеланий Феофана.

Ода, как большая часть произведений этого жанра, начинается воззванием:

Contende felix, auspice Numine
Quo te serenis nutibus evocat
Votisque perducit Tuorum,
Petre, decus columenque nostrum.

(1) Феофан Прокопович, *Пришествие в Новград его императорского величества государя императора Петра Втораго 1728, января 11 дня* — В кн.: *Древняя российская вивлиофика*, Изд. 2-е, ч. IX, М., 1789, стр. 487.

(2) Экземпляр этой оды, хранившийся в Библиотеке Академии Наук СССР (Ленинград), в настоящее время передан в архив АН. Цитирую по тексту, перепечатанному в *Miscellanea sacra Theophanis Prokopowicz* (Wratislaviae, 1744, pp. 150-153).

Тебя, — продолжает Феофан, — горя нетерпением, ожидает Москва, по изволению небес спешит поднести тебе священный дар и готовит, радостная, для твоего чела венец.

В следующих шести строфах Прокоповиу рисует горячее желание подданных, людей всех сословий, увидеть скорее императора, воссевшего на родительский престол. С девятой строфы, то есть как раз с середины оды, начинается поэтический и политический урок молодому монарху: он должен уметь беспристрастно разбираться, кто его враги и кто подлиные сторонники и друзья:

Namque inde cunctas despicies plagas
Visurus atri si quid acerbius
Examen, et si quid meretur
Judicium nivei lapilli.

В каждой из дальнейших семи строф содержатся намеки на отдельных тогдашних государственных деятелей, вполне понятные современникам, несмотря на свою недостаточную конкретность, и лишь с известной приблизительностью угадываемые нами:

Tu justus ultor criminis horridi
Saevum vibrabis fulmen in improbos
Primumque mores versipelles
Fraudis et artifices fugabis.

По-видимому, crimen horridum — это преступная деятельность кн. А. Д. Меншикова, месяца за два-три до написания оды отправленного в ссылку. Можно предполагать, что в последних стихах строфы Феофан подразумевает своих врагов, — Игнатия Смолу, Георгия Дашкова, Маркелла Родышевского и др.

В одной из следующих строф Феофан неприкрыто противопоставляет себя разным клеветникам, ненасытным грабителям и высокомерным людям:

At quos probabit simplicitas pia
Et sancta Regi, sancta Deo fides
Nos semper adjunctos ministros
Inque epulis socios habebis.

Кончается ода призывом к perennis Christe Diespiter исполнить то, о чем пел автор:

Quae canimus, fieri jubeto.

Мне кажется, что из всех дошедших до нас латинских стихо-

творений Феофана Прокоповича « Ода к Петру II », если не самое художественное, то, во всяком случае, самое политически ловкое.

« Ода Петру II » произвела впечатление в среде читателей, владевших латинским языком. Кто-то из академических приятелей Прокоповича переслал экземпляр ее в Лейпциг, где она была перепечатана в одном из ученых журналов с очень похвальным эпитетом по адресу автора.

Через несколько лет В.К. Тредиаковский писал о ней в « Рассуждении о оде вобще » (1734), что ее автор « поистине, как другий Гораций, толь благородно и высоко, славно и великолепно вознесся в предражайшей своей оде, сочиненной им на латинском языке (...), что Гораций бы сам, посмотрев оную, в удивление пришел и ту ж бы его преосвященству справедливость похвалы учинил, которую я ему теперь отдаю ». « Я, — добавляет Тредиаковский к сказанному, — когда приехал из Франции в Санктпетербург, и через приятство одного мне друга, в Санктпербургской императорской Академии Наук достоиного адъюнкта (1), лишь впервые стал читать ту сообщенную мне оду, и почувствовал энтузиасм ее превысокий, то в толь великий энтузиасм удивления сам пришел, что не мог, свидетельствуюся совестию моею, удержаться, чтоб с дважды или с трижды не вскричать : « Боже мой ! Как эта ода хороша, и мастерски сделана »... (2).

Конечно, можно полагать, этот не только лестный, но и льстивый отзыв об оде Феофана, напечатанный при жизни последнего, содержал в себе явные элементы captatio benevolentiae, но все же факт остается фактом : знатокам латинской поэзии ода понравилась.

К оде Феофан Прокопович присоединил двустишие, содержащие указание на дату его написания посредством выделения в стихе букв, обозначающих римские цифры, — 1727 :

ReX regVM Petro sanCIVIt regna seCVnDo
nVnC DeCVs IMperII trIbVet bonVs arbIter IpsI.

Это — так называемый carmen chronasticum, жанр, очень популярный тогда и в русском стихотворстве.

К последним годам жизни Феофана Прокоповича относится

(1) Имеется в виду В. Е. Адодуров (1709-1780).

(2) П.П. Пекарский, *История Императорской Академии Наук в Петербурге*, Т. II, СПб., Академия Наук, 1873, стр. 46.

ряд стихотворений, посвященных императрице Анне Иоанновне: «Annae est imperium, cujus finesque plagasque» (1), « Parva quidem villa haec parvos est nacta colonas» (2). Одно стихотворение было написано Феофаном, по-видимому, в связи с посещением императрицей в 1732 г. строившегося тогда Ладожского канала («Qua Ladoga immitis Petri vexaverat urbem») (3). К 1734 г., в связи с бегством короля польского Станислава Лещинского, Прокопович сочинил сатирические стихи « In Stanislavum Leszczynski bis regno Poloniae occupato excussum » (« Stanislave, suum finxit quem gloria nomen »). После заглавия автор дает пояснение к стихотворению: « Alluditur ad Stanislavi nomen, quod quasi statorem gloriae sonat et ad vetustam Romanorum historiam, ubi a sistendo in fuga exercitu Jupiter a Romulo Stator appellatus » (4).

Наконец, еще несколько стихотворений было написано Феофаном по частным поводам: эпитафия иеродиакону Адаму (« Ridebas o Adam ! curas mundi hujus inanes» (5), к преподавателям Сухопутного кадетского корпуса Луке и Варлааму (« Pressi pauperie nostros ditastis alumnos », « Ante diem, Luca, proprias invadis in arcas » (6)).

Все это — « стихотворные мелочи », хотя и нелишенные историкобытового и культурного интереса. По-видимому, все же Феофан дорожил ими и придавал какое-то значение. Дело в том, что все перечисленные выше латинские стихи Феофана имеются и в русской редакции. Естественно, возникает вопрос, на каком языке писал он эти свои произведения первоначально, — на русском или латинском. Комментируя русский текст стихотворения Феофана « Новопреставившемуся иеродиакону Адаму эпитафион », И. П. Еремин, вслед за старым биографом Феофана, И. А. Чистовичем, с полной определенностью писал: « первоначально на латинском языке (...) Сам же Ф. Прокопович и перевел эти стихи на русский язык тринадцатисложным размером » (7). В других

(1) Феофан Прокопович, *Сочинения*, стр. 485.
(2) Там же, стр. 486.
(3) Там же, стр. 485-486.
(4) Там же, стр. 487.
(5) Там же, стр. 486.
(6) Там же, стр. 488.
(7) Там же, стр. 486-487; И. А. Чистович, *Феофан Прокопович и его время*, СПб., 1868, стр. 640; ср. там же, стр. 295, прим. к предыдущей стр. 340, прим. 1.

случаях комментатор просто констатировал наличие латинского текста. Между тем, И. А. Чистович, в руках которого были рукописи Феофана, сейчас, кажется, утраченные (1), без каких-либо колебаний утверждал: « Он писал стихи по-латыни и потом некоторые сам же перевел на русский язык стихами силабического размера » (2).

По-видимому, Чистович прав: сопоставление латинского и русского текста стихотворений Феофана Прокоповича показывает, что в большей части случаев латинский текст полнее и отчетливее выражает идею автора, чем русский. В одном только случае, в стихотворении, посвященном бегству Станислава Лещинского, и построенном на смысловом значении его имени, больше оснований видеть в русском тексте оригинал, чем перевод.

Забавна эпиграмма Феофана на его домашнего врача (с 1734 г.) адъюнкта Академии Наук Георга Вильгельма Штеллера или Стеллера (1709-1746), — In moram Stelleri medici:

Dum bonus aegroto querit medicamina Steller,
Lenta morte animam squalidus aeger agit.
Ducitur et funus, lacrimae et siccantur amicis,
Riteque legatae distribuuntur opes.
Omnis Stellerum condemnat turba moratum,
Haerens, cur equidem, nescio, salus amat.
Tum redit et medicus, faciesque irascitur ipsis
Praevertit reditum quod fera Parca suum (3).

Но у Феофана были не только такие более или менее добродушные подшучивания (см. неупомянутую выше эпиграмму « In sartorem », о плохом портном). Его острый, наблюдательный и едкий ум фиксировал различные отрицательные явления современной ему эпохи, и в ряде случаев Феофан писал сатирические произведения. Один из его первых биографов, — по предположению И. А. Чистовича, акад. З. Т. Байер, — писал, что Феофан « composuit quoque varia poematum genera, odas plures ad imitationem Horatii, imprimis, quando Petrum S(ecundum) No-

(1) Латинские сочинения Ф. Прокоповича находятся в Москве в Центральном Государственном архиве древних актов. (См. *Путеводитель*, 1946, стр. 137).
(2) И. Чистович, *Феофан Прокопович и его время*, стр. 395.
(3) *Чистович*, стр. 623, прим. 2.

vogrodiam intrantem solenniter excepit, quin et in Deam Febrin, cum qua tunc temporis laboravit hypochondria etc. Satyras contra corruptos saeculi mores, contemptatores bonarum artium, contra insulsos poëtastros aliosque frigidos scriptores» (1).

К сожалению, из произведений Феофана в этом роде до нас дошли самые ничтожные отрывки. Из всех сатир, перечисленных биографом Феофана, нам известны только два с небольшим стиха, сохраненные Антиохом Кантемиром в примечании к одной из его сатир:

Dote tuum nummum Gallam nupsisse relatum est
Fongilio juveni; post quam damnabilis, inquit,
Invaluit luxus.

(Феофан Прокопович в сатире русской) (2)

Ни сама цитата, ни место в сатире Кантемира, вызвавшее примечание, не позволяют понять, в чем соль этих двух стихов. Существенно, что произведение Феофана называлось «русской сатирой».

К числу сохранившихся мелких произведений Прокопьича относится эпиграмма на епископа ростовского Георгия (Дашкова), носившегося с мыслью о восстановлении в России патриаршества. По вступлении Петра II на престол Георгий Дашков надеялся добиться своей тайной цели — стать патриархом — и для этого, чтобы привлечь на свою сторону влиятельных придворных сановников, послал им лошадей из своего конского завода. Энергичные меры, принятые Феофаном, положили конец домогательствам Георгия Дашкова. Очевидно, тогда же, в 1728 г. Феофан написал эпиграмму:

Nobilium antistes vesanus amor equorum
Qui mirari unquam nil nisi novit equos,
Nunc jam donat equos, proceros dum praestat avaros
Quos sibi propicios conciliare studet.
Donat equos, brutisque datis veneranda supremi
Munera Pontifices vanus equiso rogat.

(1) *Nordische Nebenstunden, Das ist: Abhandlungen über die alte Geographie, Geschichte und Alterthümer Nordens*, Frankfurt und Lpz., 1776, S. 265.

(2) А. Д. Кантемир, *Сочинения, письма и избранные переводы*, СПб., 1867, т. I, стр. 79.

Nec vero mirum est, cupit hoc quod cultor equorum
Dum tibi Consul equus, Roma profana, fuit (1).

Наконец, напомню еще о трех эпиграммах Феофана Прокоповича, бывших в рукак И. А. Чистовича и не приведенных им в виду неисправности списков; первые две — без заглавия:

I. Cernis, ut in tristi spectatur papa theatro, —
II. Numen in auguriis (A. N.) sic disquiritur.

Третья эпиграмма имеет заглавие: Ad lectorem incumbentem libro Kwiatkewitz и начинается она так:

Non tibi vana fluent lustranti haec otia, lector... (2).

Последняя эпиграмма любопытна тем, что подтверждает интересный факт, недавно установленный польским ученым д-ром Рышардом Лужным: в «Поэтике» Феофана в одном месте без имени упоминается «современный болтун, который описывает Хотинскую войну таким неясным стихом, будто он не воспевает, а бушует, таким темным — будто не войну описывает, а ночную драку» (3). Комментируя это место, И. П. Еремин высказал предположение, что Феофан Прокопович имел в виду панегириста короля Сягизмунда Ш, Якова Собеского, автора книги, Commentariorum Chotinensis belli libri tres (Dantisci, 1664) (4) Однако д-р Р. Лужный с полной несомненностью доказал, что автором, высмеиваемым Феофаном Прокоповичем, был иезуит Ян Кватковеч, сочинивший «огромный, насчитывающий 1400 стихов панегирик», названный им «Laurus prodroma ad Coronam seu Carmen triumphale victori Orientis» (5). Наличие у Феофана Прокоповича эпиграммы «К читателю, лежащему на книге Кватковеча» еще в большей мере подтверждает открытие д-ра Лужного.

Насколько высоко ценили латинские стихи Феофана знатоки в XVIII в., настолько сдержаны немногочисленные отзывы о них историков русской литературы в XIX в. Филарет Гумилевский,

(1) *Чистович*, стр. 611, примеч. 2.
(2) *Чистович*, стр. 602.
(3) Феофан Прокопович, *Сочинения*, стр. 276 и 389.
(4) Там же, стр. 496.
(5) Ryszard ŁUŻNY, *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*, Kraków, 1966, str. 67-68.

автор «Обзора русской духовной литературы», относившийся, впрочем, к Прокоповичу с предубежденностью, писал: «Хотя Прокопович, когда нужно было уязвить других чем-нибудь, указывал на стихотворство как на слабость; но сам он не прочь был и от того, чтобы выставлять в себе пииту. Из охлажденной эгоизмом души его конечно не могло изливаться истинно поэтических песней; все, чего можно ожицать от него — это сарказмы и разве подогретые страстями бедной души пения. Латинские стихи Прокоповича отличаются по крайней мере чистотою языка. В этом отношении Carmen gratulatorium — верх совершенства» (1).

По числу дошедших до нас латинских стихотворений, по их жанровому разнообразию и правильному языку Феофан Прокопович занмает в русской новолатинской поэзии XVII — начала XVIII в. первое место. Однако это не дает нам основания переоценить художественные достоинства его поэтических произведений.

Имена Стефана Яворского и Феофана Прокоповича как русских новолатинских поэтов в достаточной степени известны. О других же менее крупных авторах сведения приходится собирать по крупицам, и в ряде случаев оказывается, что обнаруженные материалы свидетельствуют о том, что мы имеем дело с поэтами не меньшего, а может быть, и большего дарования чем названные выше.

Таковы, например, архиепископ тверской Феофилакт Лопатинский, епископ смоленский Гедеон Вишнёвский, архимандрит новоспасский Феофаил Кролик и некоторые другие.

Феофилакт Лопатинский в основном известен как ярый и неудачливый противник Феофана Прокоповича, окончивший жизнь в ссылке. В печати сохранилось только одно его стихотворное произведение на латинском языке, дающее достаточные основания утверждать, что Фиофилакт был несомненно одаренный поэт и что опубликованная ода едва ли была первым и единственным его опытом в области латинской поэзии.

Речь идет о следующем. В 1722 г. вышло в свет в переводе на русский язык сочинение князя Дмитрия Кантемира, отца сатирика, Антиоха Кантемира, носившее название «Книга систима

(1) Филарет (Гумилевский), *Обзор русской духовной литературы*, Изд. 3-е, СПб., 1884, стр. 298.

или состояние мухаммеданския религии» (1). В начале книги была помещена «Ode in laudem operis serenissimi Principis Demetrii Kantemiri Sistema dicti de religione et statu imperii Turcici», со следующей надписью в конце: «Ita cecinit Eius celsitudinis Devinctissimus servus et Archimandrita Theophylactus, Scholarum Mosquensium Rector» (2).

В отличие от всех до того опубликованных русских новолатинских стихов, в которых применялись только гекзаметр или элегический дистих, ода Феофилакта была написана алкеевой строфой, которую у нас чаще называли горацианской, в силу того что она считалась излюбленным метром Горация. Хронологически ода Феофилакта была первым русским опытом в этой области: «Ода Петру II» (1727) Феофана Прокоповича была написана через восемь лет, а стихи Феофила Кролика «К сочинителю сатир» («Ars est celebris stulticiae genus» (см. ниже) — через десять лет после «Оды князю Дмитрию Кантемиру».

Приходится пожалеть, что стихотворение Феофилакта напечатано небрежно, так что в трех местах нарушен размер (vv. 31, 52, 57); трудно предположить, что автор стал бы печатать недоработанное произведение, которое в целом производит приятное впечатление:

Si quem cupido noscere Turcica
Urit: scelesti Muhamedi genus
Illique cognatam Gelonum
progeniem vitiosiorem,
Regni nefandi quanta potentia
diri potentis faedera, bellaque
artes, doli, status fidesque
relligio malesana Turcae,
Illi, relicto pulvere patriae
non est rotundis Iapeti rotis
aut Thessalum impigro caballo
Odrysias properandum ad oras;
Non est necessum carbasa navium

(1) Это сочинение было написано по-латыни.

(2) Хотя под стихотворением Феофилакта нет даты, можно предполагать, что оно было написано в 1719 г., как и напечатанная вслед за ним laudatio Гедеона Вишневского, датированная этим годом.

depicta pandi remige plurimo
aut alitis vastas per auras
Fulmineae volitare pennâ.
Intra penatum dulcia limina
inclusus, haerens absque periculis
hoc non fatigatus volumen
mente terat manibusque verset,
Istic videbit cuncta Othomanica
quidquid profanum, quidve sacrum impiis,
totum velut magno in theatro
vel speculo nitidoque vitro.
Authoris ingens gloria Principis
lectoris ingens utilitas pii
illi laboris stat corona,
huic opus emolumenta donat.
Scripsêre multi Bistona, non nego,
multi sed unus certius et satius (1)
haec Princeps serenus (2)
visa aliis nisi per Dioptram
Praeclarum opus vel marmore firmius
insigne scriptum ipso aere perennius
Authore dignum Cantemiro
Principe Demetrio celebri
Demitte fastus perfida Turcia
terrere spectris desine inanibus
fucos adhuc jactare contra
Christiadas copiasque divum.
Jam nota nobis omnia somnia,
fastus tuorum, vel penetralia
nudata iam prostant Deorum
fana, domus, populus, senatus.
Ligno licet se comparet inclytus
ferroque princeps et volucri alitum
penna, sed his junctis per artem
quâ rapidam faciunt sagittam.
Ex his timenda est Russiaci tibi

(1) Может быть, опечатка — вм. satis.
(2) Так напечатано в оригинале. Возможно, пропущенное слово — descripsit.

Petri tonantis sceptrigera manu
effecta fatalis sarissa
in iugum (1) ruitura, Princeps.
Dodona clavam procreat Herculis
ferrum Gradivi cudit Acinaces
lethum velox penna feretur
mille dabunt sociata mortes
Turcis ferales, at non (2) tibi Rossia
grandis refulget spes reparabilis
tantae pellasgorum ruinae
Hellados atque Orientis omnis
Franges tumentis cornua Bosphori (3)
solvesque Graium ferrea vincula
intende robustos lacertos
et scythicos scythicis seca arcus.

Мне кажется, приходится пожалеть, что до нас дошло только одно это стихотворение Феофилакта, которому удалось, с одной стороны, уловить манеру Горация (4), и с другой — выразить идеи своей эпохи, включая мечту об освобождении греков.

Названному выше Гедеону Вишнёвскому (5) (1678-1761) принадлежат два произведения на латинском языке: длинное прозаическое восхваление автора « Книги систимы », занимающее девять страниц и напечатанное так, что каждая отдельная часть каждого предложения воспроизведена как отдельный стих. Гедеон неумеренно превозносит Д. Кантемира, который по его словам:

Novum in eloquentia Tullium,
Redivivum in politicis Lypsium,
Rossiacum in sensu Catonem in omnibus
Principem ingeniorum et ingenium principum miratur (6).

(1) Так напечатано. Должно быть — jugulum.
(2) Так в оригинале. Non — нишнее.
(3) В оригинале опечатка: Boshori.
(4) Феофилакт не удержался и ввел в свой текст горациево « aere perennius ».
(5) Стихотворение Д. Кантемиру Гедеон подписал: « Vestrae serenitati devinctissimus Hiern Gedeon Wiszniowski ».
(6) Д. Кантемир, *Снига систима*, стр. 4-5 (второй пагинации), Липсий — бельгийский гуманист Юст Липсий (1547-1606).

По этому примеру можно судить обо всем этом восхвалении.

Гедеону Вишнёвскому биографы приписывают еще латинские стихи в книге «Песнь приветственная государю Петру Великому от Московской духовной академии на пришествие его в Москву» (1). Однако самая книга не сохранилась и известна только по библиографическим источникам (2).

Из произведений остальных русских новолатинских поэтов двадцатых годов XVIII в. до нас дошли четыре небольших стихотворения одного из образованнейших сторонников Феофана Прокоповича, архимандрита Новоспасского монастыря, Феофила Кролика (ум. 1732 г.) Его «Syngrammata» были написаны после прочтения первой сатиры Антиоха Кантемира и посланы молодому автору, который впоследствии прилагал их вместе с приветственными стихами Феофана Прокоповича («Не знаю, кто ты, пророче рогатый...»), к спискам своих сатир (3).

Стихи Феофила делятся на две группы: три из них («Ars est celebris stultitiae genus», «Quas tibi condignas referet Sapientia laudes», «Quae contra doctos jactat convitia stultus») объединены обращением «К сочинителю сатир» (сюда же входит и русское двустишие

Как тя мудрость похвалить достойно! Кто чает,
Егда тя и хулена глупость похваляет,

представляющих перевод второго стихотворения); четвертое стихотворение имеет особое заглавие — «К читателю сатир» и представляет следующий дистих:

(1) Филарет (Гумилевский), *Обзор русской духовной литературы* (1720-1858), Кн. 2-*я*. СПб., 1861, стр. 42; Г. Н. Геннади, *Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях*, Т. I, Берлин, 1876, стр. 198.

(2) В. С. Сопиков, *Опыт российской библиографии*, Изд. 2-е, СПб., 1905, ч. 4, стр. 172 (№ 9363); Т. А. Быкова и М. М. Гуревич, *Описание изданий гражданской печати. 1689 — январь 1725 г.* *М.-Л.*, 1955, стр. 470 (№ 862).

(3) Кстати отмечу, что указание на чин Феофила Кролика — «архимандрит Новоспасский» может служить основанием для датировки списков: в этот сан Феофил Кролик был возведен 17 сентября 1730 г. (*Русский биографический словарь* [Яблоновский-Фомин], СПб., 1913, стр. 475).

Si te pungo, tace, quia te non nomino ; clamas ?
Proditor es vitii (non ego culpa) tui (1).

Из стихотворений Кролика первой группы больший интерес представляет первое, написанное алкеевой (горацианской) строфой :

Ars est celebris stultitiae genus
Pernosse, naevos carmine pungere
Cornuto, ut expungas nocens si
Fors animis dominetur error.
Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile et
Miscere dulci sic, voluntas
Ut faciat meliora sponte.
Utrumque praestas indole principis
Dignus latenti nomine quisquis es ;
Vitabis at si quae reprehendis,
Omne feres, venerande, punctum.

Бесспороно, это стихотворение Феофила Кролика уступает одам Феофилакта Лопатинского (к Д. Кантемиру) и Феофана Прокоповича (к Петру П), написанным тем же размером, как в образности, так и в изящности языка. Все же оно свидетельствует о том, что Феофил Кролик не только переводнл с латинского на русский и с русского на немецкий (2), но и делал опыты в области латинского стихотворства.

По-видимому, перечисленнымм авторами и названиями произведений не исчерпываюгся материалы о первом периоде новолатинткой поэзии в России.

К сожалению, бумаги большей части русских писателей XVII - нач. XIX в. не сохранились, а в печатных описаниях архивов учре-

(1) Все стихи Феофила Кролика см. в кн. : Антиох Кантемир *Сочинения, письма и избранные переводы*, СПб., Глазунов, 1867, т. I, стр. 23-24. Четвертое двустишие также сопровождено авторским переводом :

Кольнул тя ? молчи, ибо тя не именую ;
Воплишь ? Не я, ты выдал свою злобу злую.

(2) *Русский биографический словарь* (Яблоновский — Фомин), стр. 474, 475.

ждений, рукописных отделений научных библиотек и частных собраний латинские стихотворения русских поэтов за единчными исключениями не выделяются. Поэтому приходится в данной статье ограничиться только печатыми источниками.

Последние годы рассмотренного нами периода русской новолатинской поэзии совпадают с открытием Академии Наук и началом академического латинского стихотворства, а также с появлением латинских стихотворений и торжественных речей таких поэтов, как А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, Ломоносов и др. Все это уже относится ко второму периоду новолатинской поэзии, рассмотрение которого мы оставляем до другого времени.

Сейчас же — несколько слов в заключение. Новолатинская поэзия в России в XVII — первой трети XVIII в., как и на Западе в те же столетия, была литературой кругов, получивших образование в латинских школах. Более широкие слои тогдашних читателей, не учившихся по-латыни, интереса к ней, по-видимому, не проявляли. Единственное исключение — несколько переводов «Элегии к библиотеке» Стефана Яворского. То обстоятельство, что Феофан Прокопович переводит почти все свои латинские стихотворения на русский язык, является свидетельством того, что круг читателей его произведений этого рода в оригинале был ограничен и что автор стремился сделать их известными возможно большей аудитории на русском языке.

Впрочем, это не удивительно. В 1700 г. прогрессивный профессор Х. Томазиус, философ и юрист, впервые осмелился прочесть лекцию не на латинском, а на немецком языке. Этот, по существу индивидуальный, акт был началом заката латинской образованности в Европе. В XVIII в. ни одна европейская новолатинская литература не выдвинула сколько-нибудь значительных писателей. Русская литература нового характера, начавшая свое развитие позднее своих европейских сестер, в ускоренном темпе усваивала в XVIII в. достижения античной и европейской литературы; то, что итальянская, французская, английская и немецкая литературы проделали в течение нескольких столетий до выступления русской, последней пришлось осуществить в убыстренном порядке в течение одного XVIII в. Естественно, что новолатинская поэзия, складывавшаяся у европейских народов с XIII-XIV вв. и клонившаяся к началу XVIII в. к упадку, развивалась в России также в ускоренном темпе.

Эти обстоятельства позволяют понять особенности русской новолатинской поэзии первого периода, как, впрочем, и последовавших за ним (1).

Ленинград

(1) За помощь, оказанную мне в данной работе, приношу сердечную благодарность проф. Я. М. Боровскому и канд. филолог. наук Н. Д. Кочетковой.

XIX

Puškins „Сказка о царе Салтане" und die „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" in der „Weltchronik" Jans Enikels (1277)

Puškins „Сказка о царе Салтане" gehört zu einer Gruppe von Märchen, die *Aarne-Thompson* unter Nr. 707 in „The Types of the Folktale" aufführt. In N. P. Andreevs „Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне" wird das Märchen unter dem Titel „Чудесные дети (Царь Салтан)" beschrieben. In der letzten Auflage (1964) des Buches von *Aarne-Thompson* werden im Anschluß an die Charakterisierung des Typs Nr. 707 alle Motive aufgezählt, die in den verschiedenen Varianten dieses Märchens Verwendung finden. Für die Zielsetzung unseres Artikels sind folgende Motive von Interesse: „Treacherous sister." „Calumniated wife." „Persecuted wife." „Animal-birth slander." „Disposal of cast-off wife." „Children exposed." „Person thrown into the water and abondened." „Miller (fisher) rescues abondened child."[1] In der Bibliographie zu Nr. 707 werden für diesen Märchentyp unter anderem finnische, finnisch-schwedische, estnische, lettische, litauische, schwedische, norwegische, dänische, isländische, irländische, baskische, französische, spanische, katalonische, flämische, deutsche, österreichische, italienische, rumänische, ungarische, tschechische, slowenische, serbokroatische, russische, albanische, griechische, türkische, indische Quellen angegeben. Bei einer derartig weiten Verbreitung des Typs Nr. 707 erscheint es kaum möglich, den Ursprung dieses Märchens festzustellen. Dieses Problem interessiert auch uns im Augenblick nicht.

In der Literatur über *Puškins* „Сказка о царе Салтане" wurde auch die Frage nach den Quellen gestellt, die der Dichter benutzt hat. So nimmt E. E. Aničkova an, daß *Puškin* einige hunnisch-mongolische Märchen, die Sammlung „Tausendundeine Nacht" sowie auch *Chaucers* „Canterbury Tales" bekannt waren, in denen ähnliche Sujets wie im „Märchen vom Zaren Saltan" vorkommen[2]. M. K. Azadovskij führt außer den Erzählungen aus „Tausendundeiner Nacht" noch die „Contes de fées" der Mdme. d'*Aulnoy* an, einer französischen Schriftstellerin gegen Ende des 17. Jahrhunderts[3]. All diese Quellen stehen jedoch dem Sujet von *Puškins* Märchen noch sehr fern. Andere Forscher vermuten, der Dichter habe ein

[1] S. Thompson, The Types of the Folktale, 2., verb. Aufl., Helsinki 1964, S. 243 (FFC N 184).

[2] E. E. Аничкова, Опыт критического разбора происхождения Пушкинской сказки о царе Салтане, in: Язык и литература, 2 (1927), H. 2, S. 92—139.

[3] M. K. Азадовский, Источники сказок Пушкина, in: ders., Литература и фольклор, Л. 1938, S. 89—98.

Märchen bearbeitet, das er in Michajlovskoe von seiner alten Amme Arina Rodionovna hörte. Die Sache wird noch dadurch kompliziert, daß unter den von *Puškin* 1822 in Kišinev und 1824 in Michajlovskoe[4] in Prosa aufgezeichneten Volksmärchen kein einziges vorkommt, das völlig mit dem Sujet vom Zaren Saltan übereinstimmt. Die Ansicht, *Puškin* habe einen nicht schriftlich festgehaltenen Text der Arina Rodionovna benutzt, wird von der Forschung bezweifelt, da sie durch kein dokumentarisches Beweismaterial ihre Bestätigung findet. Der Zweifel ist um so mehr begründet, da die russischen Aufzeichnungen des Märchentyps Nr. 707 erst nach der Veröffentlichung der „Сказка о царе Салтане" erfolgten und Spuren aufweisen, die auf eine Bekanntschaft mit der gedruckten Fassung hinweisen.

Dennoch würde die Auffassung von einer mündlichen Quelle des Märchens Glaubwürdigkeit erlangen, falls man beweisen könnte, daß bereits vor Beginn des 19. Jahrhunderts ein russisches Märchen mit einem derartigen Sujet existiert hat. Versuche, ein derartiges Märchen zu finden, wurden auch unternommen, sie brachten aber bisher keine positiven Ergebnisse, zumindest konnten wir in der bisher zu dieser Frage veröffentlichten Literatur nichts darüber finden.

Um so größeres Interesse scheint uns daher eine Episode in der gereimten „Weltchronik" *Jans Enikels*, eines Wiener Bürgers aus der zweiten Hälfte des 13. Jahrhunderts, zu besitzen. Es handelt sich um die Episode „Von der Tochter eines russischen Königs", die wir im Verlaufe unserer Arbeiten zur Erforschung russisch-deutscher Literaturbeziehungen im Mittelalter entdeckten.

Jans Enikel (1230/40 — gegen 1280) verfaßte seine „Weltchronik" anhand mündlicher Überlieferungen, die sich auf die verschiedensten Länder, Völker und Epochen erstrecken. Indem er seine Quellen überaus gewissenhaft als historische Zeugnisse behandelte, schuf der österreichische Dichter ein Werk, das eine weitschweifige Sammlung von interessanten Erzählungen und geradezu von Märchen darstellt und daher nicht als eine historische Arbeit im eigentlichen Sinne angesehen werden kann. Trotzdem nahmen die Herausgeber der „Monumenta Germaniae historica" die „Weltchronik" und weitere Chroniken *Jans Enikels* in ihre Quellensammlung zur Geschichte des deutschen Volkes auf[5]. Soweit uns bekannt ist, gibt es zur Zeit keine Spezialarbeit über *Jans Enikel*. Es finden sich nur sehr kurze Angaben in der Geschichte der deutschen bzw. österreichischen Literatur des Mittelalters[6] sowie in den Anmerkungen zu den „Monumenta Germaniae historica".

[4] Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печати и коммент. Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер и М. А. Цявловский, М.-Л. 1935, S. 405—407.

[5] Monumenta Germaniae historica. Deutsche Chroniken, Bd. 3, 1. Abt., Hannover 1891.

[6] G. Ehrismann, Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters, T. 2, Mittelhochdeutsche Literatur. Schlußband, München 1935, S. 430—432; Verfasser-Lexikon, Bd. 2, 1936, Sp. 575—580; H. Rupprichs, Das Wiener Schrifttum des ausgehenden Mittelalters, Wien 1954, stand mir nicht zur Verfügung.

Zweifellos nahm *Jans Enikel* die „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" in seine „Weltchronik" auf in der Meinung, es handle sich um Tatsachenmaterial aus der Geschichte Rußlands. Eine Einzelheit im Text der Erzählung (s. u.) deutet darauf hin, daß *Jans Enikel* seine „Erzählung" aus einer westlichen — in bezug auf Wien — und offensichtlich mündlichen Quelle geschöpft hat. Da uns keine Arbeiten über *Jans Enikel* und die Quellen der übrigen in der „Weltchronik" enthaltenen Erzählungen und Märchen bekannt sind, müssen wir uns mit der Annahme begnügen, daß dieser die „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" ohne jede — zumindest wesentlichen — Änderungen übernommen hat.

Die Erzählung von der Tochter des russischen Königs umfaßt 680 Verse[7] und hat folgenden Inhalt:

Ein russischer König verspricht seiner sterbenden Gattin, sich nach ihrem Tode wieder zu verheiraten und eine Frau zu nehmen, die ihr ähnlich ist. Zu guter Letzt fällt die Wahl des Königs auf seine eigene Tochter. Der römische Papst erteilt seine Einwilligung zu dieser Ehe, und der russische König sendet seiner Tochter ein prachtvolles Hochzeitskleid, das diese hocherfreut entgegennimmt in dem Glauben, sie werde irgendeinen ausländischen Prinzen heiraten. Als die Tochter aber schließlich die Wahrheit erfährt, eilt sie voller Verzweiflung in ihr Zimmer, schneidet sich mit einer Schere ihr Haar ab, legt statt des Brautkleides ein schlichtes graues Kleid an und zerkratzt sich mit ihren Fingernägeln das Gesicht bis aufs Blut. Als sie in diesem Zustand in den Festsaal zurückkehrt, entsteht eine große Aufregung, und ihr Vater fällt ohnmächtig zu Boden. Als er wieder zu sich kommt, sendet er alle Gäste nach Hause und beschließt, sich an seiner Tochter zu rächen. Der König befiehlt, seine ungehorsame Tochter, angetan mit ihrem prächtigen Kleid, in ein Faß zu setzen, dies fest zu verschließen und ins Meer zu werfen. Die Tochter aber zog auch eine solche Strafe einer Ehe vor, von der man unter Christenmenschen noch niemals reden gehört habe. Schließlich spülte sie das Meer an die Küste von Griechenland. Der griechische König stand gerade am Ufer, erblickte das Faß und befahl einem Fischer, es herauszuholen und an Land zu ziehen. Nachdem man das Faß geöffnet hatte, fand man darin das schöne Mädchen mit dem prächtigen Kleid und brachte es zum König. Der fragte sie, wer ihr so etwas Schreckliches angetan habe. Sie erwiderte darauf, sie könne den Schuldigen nicht nennen und ihr sei offensichtlich solch ein Schicksal beschieden. Der König fragte sie, ob sie noch unvermählt sei. Die russische Königstochter bejahte diese Frage und fügte hinzu, sie sei ein für allemal entschlossen, niemals zu heiraten. Der König erklärte darauf, ihn betrübe ihr Unglück sehr und er sähe an ihrer Kleidung ihre fürstliche Herkunft. So blieb die Königstochter am Hofe des griechischen Königs, wurde ein halbes Jahr später seine Frau und trug auch bald ein Kind von ihm unter dem Herzen.

Der griechische König jedoch hatte eine sehr böse Mutter, die man besser im Rhein ertränkt hätte. Sie haßte ihre junge Schwiegertochter und überschüttete ihren Sohn mit Vorwürfen wegen seiner Heirat, so daß der König schließlich befahl, sie in ein entlegenes Schloß zu schaffen. Bald darauf überfiel ein heidnischer König Griechenland und brachte viel Leid über das Land. Der griechische König zog ihm entgegen und bekämpfte erfolgreich den eingedrungenen Feind. Zur gleichen Zeit genas die junge Frau eines schönen Knäbleins, und der Hofmarschall schickte eilends einen berittenen Boten mit einem Brief über das glückliche Ereignis an den König. Der Bote aber machte unterwegs zufällig in demselben Schloß halt,

[7] Monumenta Germaniae historica, a. a. O., S. 520—532, Vers 26677—27356.

wohin die böse Mutter des griechischen Königs verbannt war. Als der Bote schläft, vertauscht das arglistige Weib den Brief, und der König erhält die erschütternde Nachricht, seine Frau habe einen Teufel zur Welt gebracht, ein Ungeheuer, über das alle Welt entsetzt sei. Daraufhin erteilt der König den Befehl, die junge Mutter mit dem Kind in ein Faß zu sperren und ins Meer zu werfen. Als der Hofmarschall diesen Befehl erhielt, wagte er keinen Widerspruch und führte zu seiner und aller großen Betrübnis die unverständliche Anweisung des Königs aus.

Die Meeresströmung trieb das Faß bis vor die Stadt Rom. Dort stand gerade auf dem Ufersteg ein Römer, der am „apuleischen Fieber" („Püllisch vieber") erkrankt war. Als er das Faß im Wasser erblickte, bat er einen Fischer, es ans Ufer zu schaffen, und versprach ihm dafür eine Belohnung. Als man das Faß öffnete, entstieg ihm eine schöne Frau mit einem wunderschönen Knäblein. Der Römer führte beide zu sich in sein Haus, und seine Frau nahm erfreut die unerwarteten Gäste auf.

Anschließend geht *Enikel* zum zweiten Teil der Erzählung über:

Nachdem der griechische König aus dem Krieg als Sieger zurückgekehrt war, klärte sich das furchtbare Mißverständnis auf. In seinem Zorn befahl er dem Hofmarschall, die Schuldige an allem Vorgefallenen in einem Kerker einzumauern, damit sie bis an ihr Lebensende in Kummer, Leid und Not ihre Untat bereue. Da er sich vor seiner Frau und seinem Sohn schuldig fühlte, reiste der griechische König nach Rom zum Papst, um dessen Vergebung anzuflehen. Zur selben Zeit traf in Rom der russische König in der gleichen Absicht ein.

Währenddessen hatte der Papst von der edlen Tat des römischen Bürgers erfahren und ihm seine Sünden vergeben. Als der Papst die reumütigen Schilderungen des russischen und des griechischen Königs hörte, erriet er, daß die von dem Römer gerettete Frau mit ihrem Kind die Tochter des russischen Königs und die Gattin des griechischen Königs war. Daher ließ er beide Könige zu sich rufen und befahl dem Römer, die junge Frau und das Kind herbeizubringen. Als alle versammelt waren, gab er die Wiedergefundenen den Königen zurück, die wegen ihrer tiefen Reue die Vergebung ihrer Sünden erhalten hatten. Bei dieser Gelegenheit zitiert der Papst einen entsprechenden religiös-erbaulichen Ausspruch über Gottes Allmacht und Gnade.

Der russische wie auch der griechische König werden in der Erzählung *Enikels* sehr schematisch gezeichnet. Es findet sich in der gereimten „Weltchronik" nicht das geringste Anzeichen eines Lokalkolorits. Wenn man sich mit dem Inhalt der „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" näher vertraut macht, bemerkt man die überraschende Ähnlichkeit ihres Mittelteils mit *Puškins* „Сказка о царе Салтане". Wie und womit ist dies zu erklären?

Deutsche Forscher wollen in der „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" eine Variante des Wandersujets „Mai und Beaflor" sehen[8]. Aber bereits F. Strauch, der Herausgeber der „Weltchronik" *Jans Enikels* in den „Monumenta Germaniae historica", stellte fest, daß die „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" „sehr wenig Berührungspunkte mit der zeitgenössischen Geschichte von Mai und Beaflor besitze"[9].

[8] E. Frenzel, Stoffe der Weltliteratur. Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte. 2. Aufl., Stuttgart 1963, S. 399–401 („Mai und beaflor"). Vgl. F. H. von der Hagen, Gesamtabenteuer, Bd. 3, Stuttgart und Tübingen 1850, S. CLIV–CLXII.

[9] Monumenta Germaniae historica. Deutsche Chroniken, Bd. 3, T. 2, Hannover 1900, S. 520–521.

Tatsächlich zeigt eine Gegenüberstellung der „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" mit der „Geschichte von der französischen Königin und dem arglistigen Hofmarschall", daß abgesehen vom gemeinsamen Sujet der „unschuldig vertriebenen und zum Schluß rehabilitierten Frau", keine Berührungspunkte miteinander vorhanden sind.

Ein Vergleich mit den bei F. H. VON DER HAGEN, F. STRAUCH, E. FRENZEL und anderen angeführten Sujets erlaubt die Schlußfolgerung, daß *Enikels* „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" unter den ihrer Struktur nach ähnlichen Erzählungen eine Sonderstellung einnimmt. Die ihr weit näher stehende „Erzählung des Juristen" in *Chaucers* „Canterbury Tales" ist 90 Jahre jünger.

Wie die Forscher bereits feststellten, vereinigt *Enikels* Erzählung in sich zumindest zwei selbständige Sujets: 1. Ein Vater will seine Tochter heiraten und verfolgt sie nach ihrer Weigerung mit seiner Rache und 2. eine unschuldige Frau wird verleumdet und wieder rehabilitiert[10]. *Puškins* „Сказка о царе Салтане" weist bis in die auffallendsten, kleinsten Einzelheiten Ähnlichkeiten mit dem zweiten Sujet der Erzählung *Enikels* auf: der Feldzug des Zaren Saltan (bzw. des Königs), die Geburt eines wunderschönen Knäbleins, die Nachricht darüber an den Vater, der vertauschte Brief, beinahe gleichlautende Formulierungen und Redewendungen, die Beschreibung des angeblich von der Zarin (bzw. Königin) geborenen Ungeheuers, der Befehl des Vaters, die junge Mutter mit ihrem Kind in ein Faß zu sperren und ins Meer zu werfen, ihre glückliche Ankunft auf der „steilen Insel" (bzw. in Rom). Das Faßmotiv kommt noch einmal im ersten Teil der „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" vor.

Darf man daher noch annehmen, alle diese Motive, vor allem auch ihre Reihenfolge in *Puškins* Märchen seien rein zufällig, „spontan und unabhängig" als Ergebnis einer „typologischen Übereinstimmung" entstanden? Es dürfte kein Zweifel daran bestehen, daß es derartige weitreichende Übereinstimmungen nicht gibt.

Enikels „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" wurde erst 1850 erstmalig von F. H. VON DER HAGEN nach einer Handschrift veröffentlicht und konnte daher natürlich *Puškin* nicht bekannt sein. Da die umgekehrte Abhängigkeit ebenfalls völlig ausgeschlossen ist, mußte man offenbar traditionsgemäß annehmen, daß sowohl *Enikels* Erzählung wie auch *Puškins* Märchen „auf eine gemeinsame, uns unbekannte Quelle zurückgehen" und entsprechend dieser Schablone schlußfolgern, die Frage sei damit gelöst oder auch nicht gelöst, zumindest entsprechend dem gegenwärtigen Stand unserer quellengeschichtlichen Kenntnisse.

Mir scheint jedoch, man sollte dennoch versuchen, diese noch nicht ermittelte gemeinsame Quelle näher zu bestimmen. Bei der Inhaltsangabe der „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" hoben wir hervor, daß die Mutter des griechischen Königs als ein derart böses Weib charakterisiert wird, das man besser im Rhein ertränken sollte. Weshalb verwendet *Enikel*, ein Bürger der an

[10] E. Frenzel, a. a. O., S. 400.

der Donau gelegenen Stadt Wien, solch einen widersinnigen Vergleich? Ohne Zweifel beweist diese Formulierung, daß er die „Erzählung" nicht selbst erfunden, sondern sie irgendeiner westdeutschen Quelle aus dem Rheingebiet entnommen hat. Dies zufällig erhaltene Detail berechtigt zu der Vermutung, *Enikel* könnte seine „russische Erzählung" von einem Bewohner eines am Rhein liegenden Landes, beispielsweise Westphalens, durch Vermittlung des Deutschen Ritterordens gehört haben, der Beziehungen zum Gebiet um Pskov und Novgorod unterhielt, ungefähr zu jener Gegend, in der *Puškin* 550 Jahre später durch Arina Rodionovna die grundlegenden Einzelheiten zu seinem „Märchen vom Zaren Saltan" hörte.

Man kann einwenden, daß wir uns auf allzuviel Vermutungen und auf keine Beweise stützen und daß das Sujet der „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" das Motiv von einem Vater, der seine Tochter heiraten will und sie nach ihrer Weigerung mit seiner Rache verfolgt, und das Motiv der „чудесные дети" in sich vereinigt, während in *Puškins* „Сказка о царе Салтане" nur das zweite Motiv vorkommt. Wenn man aber annimmt, daß unser Gewährsmann *Jans Enikel* das russische Märchen aus dem 12.—13. Jahrhundert in seiner ursprünglichen, vollständigen Gestalt gekannt hat, könnte man dann nicht unter den aufgezeichneten russischen Märchen auch die vollständige Fassung dieses Märchens oder zumindest ein Märchen finden mit dem Sujet von einem Vater, der seine Tochter heiraten will und sie nach ihrer Weigerung mit seiner Rache verfolgt? Wir wollen bei dieser Gelegenheit noch bemerken, daß — soweit wir aus *Aarne-Thompsons* „Types of the Folktale" ersehen konnten — nirgends die beiden Motive (Nr. 510b und Nr. 707) gleichzeitig vorkommen.

Unter den russischen Märchen findet sich tatsächlich ein Märchen mit dem Motiv von einem Vater, der seine Tochter heiraten will. Dieses russische Märchen, das große Ähnlichkeit mit *Enikels* „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" besitzt, wurde 1854 im Dorf Bogorodickoe-Golicyno, im Gebiet von Saransk, im Gouvernement Pensa, aufgezeichnet und von A. M. Smirnov in der 2. Lieferung des „Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества", Petrograd 1917, S. 675—677, veröffentlicht. Offensichtlich waren der Archetyp dieses Märchens und der Archetyp der „Сказка о царе Салтане" zu jener Zeit selbständige, in sich abgeschlossene Märchen. Darauf deutet die Wiederholung des Motivs von der in ein Faß eingesperrten Heldin hin, nur *Jans Enikels* Gewährsmann (oder er selbst) verschmolz beide Motive miteinander.

Puškins „Сказка о царе Салтане" enthält noch eine Einzelheit, die übrigens keine Beziehung zu *Enikels* „Erzählung" besitzt. Es handelt sich um den Anfang des Märchens, wo von drei Schwestern am Spinnrad die Rede ist. Wie aus der Literatur über die moldauischen, rumänischen, türkischen, neugriechischen und andere Märchen hervorgeht, beginnen so gewöhnlich die lokalen Varianten aller Märchen über „чудесные дети". Zu jener Zeit findet sich unter den russischen Märchen dieses Motiv nicht. Ja, auch der Zar, der die Gespräche seiner Untertanen belauscht, erinnert weit mehr an einen verkleideten Harun al Raschid als an den traditionellen Zaren des russischen Märchens.

Abschließend möchten wir noch einmal unterstreichen, daß trotz unserer zahlreichen Vermutungen und nur wenigen Beweise schon allein die Tatsache, daß *Jans Enikel* in seiner „Weltchronik" die „Erzählung von der Tochter des russischen Königs" als Tatsachenmaterial über Rußland aufgenommen hat, zeigt, daß bestimmte Kreise diese Erzählung für ein russisches Märchen hielten. Selbstverständlich heißt dies nicht, daß diese Erzählung tatsächlich in Rußland, und zwar erst kurze Zeit zuvor entstanden ist. Man darf annehmen, daß die Erzählung — genauer gesagt, ihr erster Teil, in dem ein Vater seine Tochter heiraten will — ins tiefe Altertum zurückreicht, noch in jene Zeit, als in der Urgesellschaft der Begriff des Inzest aufkam. Jene uralten Auffassungen wurden unter den Bedingungen des Feudalismus den neuen historischen und geographischen Vorstellungen angepaßt. Aber das ist eine andere Frage, auf die wir in diesem Artikel nicht eingehen können.

XX

ПУШКИН И ИТАЛЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА *

После того, как с конца двадцатых годов нашего века в форме ряда статей была опубликована большая монография акад. М. Н. Розанова « Пушкин и итальянские поэты » [1], а в 1937 г. была напечатана обширная статья Ады Биолато Миани Puškin e l' Italia » [2], - работы в которых почти с исчерпывающей полнотой освещена интересующая нас тема, новое обращение к данной проблеме естественно требует объяснения и обоснования.

---

* *Текст лекций предусмотренных для прочтения в Русском Семинаре Восточного Института в Неаполе. Редакция благодарит семью покойного Академика предоставшую ей рукопись.*

[1] Пушкин и Данте. - Пушкин и его современники, вып. XXXVII, Л., 1928, стр. II-41; Пушкин и Петрарка. - Московский пушкинист, вып. II, М., 1930, стр. 116-154; об источниках стихотворения Пушкина « Из Пиндемонте ». - Пушкин. Сб. II. Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1930, стр. III-142; Пушкин и Гольдони. К вопросу о прототипах « Скупого рыцаря » - Пушкин и его современники, вып. XXXVIII-XXXIX, Л., 1930, стр. 141-150; Элегия Пушкина « Андрей Шенье » и стихотворения Пиндемонте из эпохи революции. - Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей. М., 1931, стр. 250-255; Итальянский колорит в « Анджело » Пушкина. - Сборник статей к сорокалетию деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 377-389; Пушкин и Ариосто. - Известия АН СССР. Отд. общ. наук, 1937, № 2-3, стр. 375-412; Пушкин, Тассо, Аретино. - Там же, стр. 369-374; Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века. - Там же, стр. 337-368. О подготовке монографии « Пушкин и итальянские поэты » М. Н. Розанов говорит в статье « Пушкин и Гольдони » и в других местах.

[2] Ada Biolato Mioni. Puškin e l' Italia. - Alessandro Puškin. Nel primo centenario della morte. A cura di Ettore Lo Gatto. Roma, 1937, pp. 249-297.

I

История литературной науки учит нас тому, что исследование каждой значительной проблемы обязательно проходит несколько основных этапов: 1) осознание необходимости постановки данного вопроса как самостоятельной научной проблемы; 2) накопление максимально полного свода соответствующих фактов; 3) определение внутреннего смысла собранного материала; 4) соотнесение выводов исследования данного частного вопроса с общей или, по крайней мере, более широкой проблематикой изучаемого явления.

Правильность только что приведенного положения наглядно подтверждается на материале истории поставленной нами проблемы «Пушкин и итальянская культура».

Несмотря на то, что в произведениях Пушкина, изданных как при его жизни, так и в посмертных собраниях его сочинений, находится множество материалов по интересующей нас теме и немалое количество дополнительных данных содержится в мемуарной, критической и исследовательской литературе о Пушкине, вышедшей в течение XIX в., первые работы, в которых ставился вопрос об отношении творчества великого поэта к иностранным литературам, либо вовсе обходили молчанием отношение Пушкина к итальянской литературе, либо уделяли этой теме один небольшой абзац. Так поступили Н. И. Стороженко [3], Н. И. Кареев [4], Н. П. Дашкевич [5], Ю. А. Веселовский [6],

---

[3] Н. И. Стороженко. Отношение Пушкина к иностранной словесности. - Русский курьер. 1880, 8 июня, № 154, стр. 1-2; перепеч.: Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 216-227; В. И. Покровский. А. С. Пушкин. Его жизнь и сочинения. М., 1905, стр. 691-702 (и последующие издания).

[4] Н. И. Кареев. Пушкин как поэт европейский. - Филологические записки, 1880, вып. V, Воронеж, стр. 1-10.

[5] Н. П. Дашкевич. Общеевропейское значение поэзии Пушкина. - Киевлянин, 1887, 31 января - 2 февраля, № № 25-27; А. С. Пушкин в ряду великих поэтов нового времени. - Университетские известия, Киев, 1899, № 5, отд. I, стр. 85-257 (гд. П. Отношение поэзии Пушкина к западноевропейской). - Обе статьи перепечатаны в книге Д. «Статьи по новой русской литературе». Пг., 1914.

[6] Ю. А. Веселовский. Пушкин как европейский писатель. - Новости и Биржевая газета, 1899, 26 мая, № 143, стр. 1-2; перепеч. в книге В. «Литературные очерки». М., 1900, стр. 392-402.

Алексей Н. Веселовский[7] и И. П. Созонович[8]. Впрочем, Алексей Н. Веселовский не ограничился простым перечислением основных сведений о переводах Пушкина из итальянских поэтов; он первый отметил « живой интерес .Пушкина) к итальянской литературе » и « постоянно восторженные отзывы » о Данте. В том же 1899 г., когда была напечатана цитированная работа Алексея Н. Веселовского, в журнале « Образование » появилась статья А. П. Налимова « Отзвуки итальянской поэзии у Пушкина »[9]. Автор, видный в то время петербургский педагог, сделал нечто большее, чем другие лица, мимоходом затрагивавшие ту же тему. Он не только собрал больше материала, но и сопоставил соответствующие тексты Пушкина с отрывками из Данте, Петрарки, Тассо и Ариосто. Через статью настойчиво проводится мысль, что по мере перехода Пушкина к « поэтическому реализму » меняется его понимание старых итальянских поэтов и что его интерес к этим поэтам в конце жизни подтвержает гипотезу автора. Несмотря на предвзятость и неаргументированность изложенной концепции и очень плохую корректуру и искажающие смысл опечатки (вм. « ставились » - « сразились » - см. ниже), статья А. П. Налимова содержит несколько не лишенных значения соображений и не заслуживает забвения. Она не обратила на себя внимание современников и последующих исследователей, в особенности после того как В. В. Сиповский в своей « Пушкинской литературе » дал ей нелестную характеристику.

Статьи А. П. Налимова и М. Н. Розанова не обратили на себя должного внимания пушкинистов, поэтому, как результат следования создавшейся традиции было то, что в обширной превосходной статье акад. В. М. Жирмунского « Пушкин и западные литературы », занимающей 38 страниц, данному вопросу уделено всего три с четвертью строки,

---

[7] Алексей Н. Веселовский. А. С. Пушкин и европейская поэзия. - Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборник. Издание редакции журнала « Жизнь ». СПб., 1899, стр. 108-129; перепеч. в кн. В. « Этюды и характеристики ». Изд. 3-е, М., 1907, стр. 629-647.

[8] И. Созонович. Пушкин и его отношение к европейским литературам. - Варшавские университетские известия, 1900, I, стр. 1-19.

[9] Образование, 1899, № 5-6, стр. 54-60.

причем, здесь говорится только «об интересе Пушкина к Италии эпохи Возрождения»[10]. Этот факт тем более показателен, что в упомянутых выше работах зкад. М. Н. Розанова, опубликованных за несколько лет до появления статьи В. М. Жирмунского, уже высказывалась иная точка зрения. Не обратила на себя внимания советских пушкинистов и ценная работа Ады Билато Миони, а также и статья проф. Этторе Ло Гатто «Пушкин и Парини»[11], опубликованная в том же сборнике «Alessandro Puškin».

За последние тридцать с лишним лет, то есть со времени пушкинского юбилея 1937 г., не появилось, насколько мне известно, ни одной работы, посвященной теме «Пушкин и итальянская литература».

Уже одно то, что, как было указано выше, работы М. Н. Розанова и Ады Биолато Миони не привлекли должного внимания пушкинистов и что после 1937 г. эта тема оказалась обойденной в пушкиноведении, делает целесообразным новое обращение к проблеме «Пушкин и итальянская литература». Это тем более необходимо, что в известном обобщающем труде, изданном в 1966 г. Институтом русской литературы, «Пушкин. Итоги и проблемы изучения», тема «Пушкин и мировая литература» не была рассмотрена и намечена как предмет дальнейших исследований[12]. Тема нашей теперешней конференции дает мне законное основание обратиться к проблеме «Пушкин и итальянская культура».

II

Недостаточное внимание советского пушкиноведения к несколько раз упоминавшимся работам М. Н. Розанова и Ады Биолато Миони заставляет меня, прежде чем обратить-

---

[10] В. М. Жирмунский. Пушкин и западные литературы. - Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. (вып.) 3. М.-Л., 1937, стр. 101.

[11] Ettore Lo Gatto. Puškin e Parini. - Alessandro Puškin, pp. 301-329; перепечатано в книге Ло Гатто: «Puškin - Storia di un poeta e del suo eroe». Milano, 1959, pp. 614-637.

[12] Пушкин. Итоги и перспективы изучения. Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова и Б. С. Мейлаха. М.-Л., 1956, стр. 7.

ся к изложению своих соображений по данной теме, остановиться, - по возможности, сжато, - на позициях названных исследователей и охарактеризовать их вклад в разработку изучаемого вопроса.

Точка зрения М. Н. Розанова на роль итальянской литературы в творчестве Пушкина была высказана еще робко и осторожно. Отправляясь от фразы Пушкина в письме к С. П. Шевыреву от 29 апреля 1830 г., посланном в Рим, - « Возвратитесь обогащенный воспоминаниями, новым знанием, вдохновениями, возвратитесь и оживите нашу дремлющую северную литературу », - М. Н. Розанов писал: « Этому делу оживления " дремлющей " русской литературы воздействием итальянского поэтического гения служил сам Пушкин в течение многих лет. Правда, итальянские отголоски в его поэзии звучат, может быть, несравненно слабее и реже, чем английские, французские и некоторые другие; правда, что исследователю приходится здесь иметь дело с разрозненными фактами, незаконченными попытками, неуловимыми созвучиями и мимолетными мотивами ». « Тем не менее, - заканчивает свою мысль М. Н. Розанов, - было бы большою ошибкою упускать из виду эту *итальянскую струю* в величавом и полноводном течении его поэзии. Изучение ее необходимо для законченности картины его художественного творчества » [13].

Своими статьями о Пушкине и Данте, Петрарке, Тассо, Ариосто, Гольдони, Пиндемонте и других итальянских поэтах, об итальянском колорите в « Анджело » и т. д. М. Н. Розанов дал если не исчерпывающую, то, во всяком случае, довольно полную картину отношений великого поэта к итальянской литературе. Приходится искренно пожалеть, что его монография « Пушкин и итальянские поэты » не была издана отдельной книгой [14]. Но и то, что было опубликовано при жизни М. Н. Розанова из его большой работы дает значительно больше, чем намечал сам автор. Отчасти

---

[13] М. Н. Розанов. Пушкин и Данте. - Пушкин и его современники, вып. XXVII, Л., 1928, стр. 14.

[14] Сведения об архиве акад. М. Н. Розанова в печати отсутствуют.

к этому выводу, - опять-таки, робко и с оговорками, - подошел, как мы увидим, и сам М. Н. Розанов.

В результате кропотливого изучения произведений и писем Пушкина и обширной пушкиноведческой литературы М. Н. Розанов констатировал: « В итальянской литературе Пушкин был довольно начитан. Список известных ему писателей включает в себя Данте, Петрарку, Боккачьо, Боярдо, Ариосто, Тассо, Маккиавелли, Аретино, Касти, Альфиери, Пиндемонте, Джанни, Уго Фосколо, Сильвио Пеллико, Манцони ». « Одним из них, - продолжает М. Н. Розанов, - он (Пушкин) прямо подражает (Данте, Аристо, Пиндемонте), других переводит (Ариосто, Альфиери, Джанни), у третьих улавливает стиль (Боккачьо), четвертых рецензирует (Сильвио Пеллико), пятым даёт мимоходом беглую характеристику (Петрарка, Тассо, Маккиавелли, Касти, Уго Фосколо, Манцони) и т. д. » [15].

Мы не станем анализировать методологические позиции и исследовательские приемы М. Н. Розанова. Для нас в данной работе существенно отметить, что из всех русских литературоведов он больше всех собрал материалов и сделал ряд существенных наблюдений в интересующей нас области. Добавлю еще, что статья Ады Биолато Мионн в значительной своей части построена на материалах М. Н. Розанова.

Среди наблюдений М. Н. Розанова в первую очередь должно отметить следующее: « Чем больше изучаешь вопрос об отношении Пушкина к итальянским поэтам, - писал М. Н. Розанов, - тем более убеждаешься, что поэт довольно много читал по-итальянски, не менее, может быть, чем по-английски, и более, по-видимому, чем по-немецки » [16]. Это соображение исследователя тем более интересно, что оно несколько уточняет приведенные выше его же слова о том, что « итальянские отголоски в его (Пушкина, - П. Б.) поэзии звучат, может быть, несравненно слабее и реже, чем английские, французские и некоторые другие ». Какие это

[15] М. Н. Розанов. Пушкин и Гольдони. К вопросу о прототипах « Скупого рыцаря ». - Пушкин и его современники, вып. XXXVШ-XXXIX, стр. 141.

[16] М. Н. Розанов. Пушкин и Гольдони. стр. 149.

« некоторые другие », неясно; немецкие, польские, испанские? Во всяком случае, из работ М. Н. Розанова, - при всех возможных возражениях против частных его суждений, - можно с полной несомненностью сделать вывод, что Пушкин был отнюдь не поверхностно знаком с итальянской литературой, а также с итальянским языком [17], что как известно, без серьезных оснований в начале нашего века подверг сомнению Ф. Е. Корш. Попутно М. Н. Розанов остановился также и на вопросе об отношении Пушкина к итальянской опере, правда, лишь как источнику усвоения итальянского языка.

Самым уязвимым местом в концепции М. Н. Розанова об изучении Пушкиным итальянского языка и литературы является, по нашему мнению, мысль о том, что побудительным мотивом к этому было увлечение поэзией Байрона в начале 20-х годов прошлого века. « Неудивительно, - писал М. Н. Розанов, - что его (Пушкина, - П. Б.) порывы к Италии, - кроме влияния со стороны Батюшкова, пионера нашей итальяномании, - зародились при ближайшем участии воздействий байроновской поэзии » [18].

Этот исходный пункт в построении М. Н. Розанова приводит исследователя к шаблонному построению работы: анализируя отношение Пушкина к отдельным итальянским поэтам, он каждый раз подробно рассматривает соответствующие места в поэзии и в переписке Байрона, а также Гете и, - где позволяют материалы, - и Вольтера, с целью показать непосредственный, как ему кажется, литературный источник Пушкина или, по крайней мере, возможный импульс. Особенно большое значение М. Н. Розанов придает словам Пушкина в « Евгении Онегине » об Италии, об итальянском языке:

---

[17] М. Н. Розанов. Пушкин и Данте, стр. 14-16; Пушкин и Гольдони, стр. 149.

[18] Пушкин и Данте, стр. 15. Статья Б. В. Томашевского « Пушкин и итальянская опера » (Пушкин и его современники, вып. XXXI-XXXII, 1927, стр. 49-60) не могла быть использована М. Н. Розановым, так как его работа была к этому времени в печати.

[19] М. Н. Розанов. Пушкин и Данте, стр. 12.

Он свят для внуков Аполлона.
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной...

(гл. I, XLIX).

Таким образом, по М. Н. Розанову выходит, что интерес Пушкина к итальянской литературе имел исключительно книжное происхождение и был результатом прямого влияния Байрона. Эта ошибочная точка зрения значитечьно снижает ценность обильной материалами и некоторыми полезными наблюдениями работы М. Н. Розанова. И все же, как ни далека от нас методологическая позиция М. Н. Розанова, за ним остается несомненная заслуга первого серьезного исследователя проблемы «Пушкин и итальянская литература». И если он ставил своею целью доказать наличие «итальянской струи» в поэзии Пушкина, то можно безусловно сказать, собранные им материалы и сделанные сопоставления и наблюдения дают гораздо больше.

К более решительным выводам, чем М. Н. Розанов, в отношении интересующей нас темы, пришла Ада Биолато Миони в статье «Пушкин и Италия». Исследовательница свела воедино много сведений по данному вопросу из русской и итальянской литературы о Пушкине[20]. После тщательной и осторожной критики собранного материала она сделала заключение, что, хотя в силу разных причин, - и прежде всего в результате недоступности в тогдашней России многих произведений итальянских писателей, - у нашего поэта не могло составиться полной картины развития итальянской литературы, тем не менее «Пушкин не только углубленно в пределах возможного изучил нашу (т.е., итель-

[20] Из цитируемых ею статей на итальянском языке мне не удалось прочесть ни одной. Привожу их названия для читателей, которые могут оказаться в более благоприятном положении: 1) P. Carlandi. Il «5 maggio» di A. Manzoni ed il «Napoleone» di A. Puškin. - Gazzetta letteraria, 1894, 30 giugno, N. 26; 2) S. Di Frisco. Una fonte italiana dell'Eugenio Onieghin del Puškin. - Rassegna nazionale, terza Serie, vol. IX, 1930, febbraio; 3) A. M. Pizzigalli. Puškin e l'Italia. - Rendiconti del R. Istituto lombardo di Scienze e Lettere, vol. LXVIII, fasc. XVI-XVIII, 1935; 4) P. Bizilli. Puškin e l'Italia. - Meridiano di Roma, 1937, 21 febbraio, N. 8.

янскую, - П. Б.) литературу, но и с успехом извлек из нее богатые данные для своего творчества »[21].

Кроме детального анализа материалов, относящихся к вопросу о степени осведомленности Пушкина в истории итальянской литературы, Ада Биолато Миони с такой же подробностью суммировала сведения, известные ко времени написания ею статьи, о знании Пушкиным итальянского языка, о его интересе к итальянской музыке, живописи и скульптуре и, наконец, о его зрительных представлениях об Италии. Кстати, заслуживает внимания высказанная итальянской исследовательницей мысль о том, что пейзажи Крыма отчасти послужили Пушкину материалом для составления представлений об Италии. В конце статьи Ада Биолато Миони пишет: « Во всех проявлениях внимательного и страстного интереса, - который, как мы выше констатировали, - Пушкин обнаруживал в разных отношениях к нашей стране, мы не должны видеть просто бесплодное и педантское обращение к чужой культуре или дань современной моде, но, напротив, реально ощутимое стихийное влечение »[22].

III

Независимо от вопроса об отношении Пушкина к итальянской литературе, в пушкиноведении рассматривалась также и проблема отношений поэта к итальянской музыке и итальянской живописи. Наиболее полные суждения и материалы по поводу интереса поэта к итальянской музыке находятся в работах Б. В. Томашевского « Пушкин и итальянская опера »[23], в обширном примечании к рецензии М. П. Алексеева на т. I « Писем Пушкина », под ред. Б. Л. Модзалевского[24] и - особенно - в книге И. Р. Эйгеса « Му-

---

[21] Ada Biolato Mioni. Puškin e l'Italia. - Alessandro Puškin, p. 283.

[22] Там же, стр. 291.

[23] Б. Томашевский. Пушкин и итальянская опера. - В кн.: Пушкин и его современники. Вып. XXXI-XXXII, Л., 1927, стр. 49-60.

[24] М. Алексеев. Пушкин. Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Том I. (1815-1825). М.-Л., 1926. - Известия отделения русского языка и словесности, 1928, т. I, кн. I, стр. 322.

зыка в жизни и творчестве Пушкина»[25]. Много библиографических данных по этому же вопросу приведено в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского[26].

Хотя выводы исследователей очень осторожны и немногословны, однако несомненно, что Пушкин был знаком с современной ему итальянской музыкой, по крайней мере, оперной, и, по-видимому, имел представления о предшествующих этапах ее истории.

Вопрос о степени осведомленности Пушкина в области истории итальянской живописи меньше привлек внимание пушкинистов, и, кроме весьма интересной, хотя и несколько парадоксальной книги А. М. Эфроса[27] и нескольких статей М. Я. Варшавской[28] и Г. М. Коки[29], никаких обобщающих работ указать нельзя.

Наибольший интерес представляет для нас книга А. М. Эфроса. Исследователь пришел к выводу, очень близкому к основному тезису М. Н. Розанова: «Источники пушкинских впечатлений искусства, - писал он, - можно назвать литературными в очень узком и непосредственном смысле. Пушкин не соприкоснулся ни с одним сочинением, ни с одним трудом, который последовательно бы провел его через важнейшие этапы истории художеств и дал осмысленность ее мастерам. В Лицее этого не требовалось; позднее - не довелось[30]. Литературными источниками Пушкина А. М. Эфос считает в первую очередь «Письма русского путешественника» Карамина, «настольную книгу всех и каждого еще с последних годов XVIII века»[31].

---

[25] И. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., Музгиз, 1937, стр. 165-214.

[26] М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. I. М., Иад. АН СССР, 1951.

[27] А. М. Эфрос. Рисунки поэта. Изд. 2-е. М., 1933, (стр. 19-25: гл. П. Пушкин и искусство).

[28] М. Я. Варшавская. Стихотворение Пушкина и картина Рафаэля. Л., 1949; О стихотворении Пушкина «Недоконченная картина» - в сб.: Пушкин и его время. Вып. I, Л., 1962, стр. 363-367.

[29] Г. М. Кока. Художественный мир Пушкина. - В. кн.: Пушкин об искусстве. М., Изд. Академии художеств СССР, 1962, стр. II-13; 21-25.

[30] А. М. Эфрос, стр. 83.

[31] Там же, стр. 88.

Однако из семи имен художников, упоминаемых Пушкиным в поэме « Монах », этой, - по словам Эфроса, « своего рода пушкинской энциклопедии искусства » [32], трех (Тициан, Альбани и Верне) нет у Карамзина. Значит, поэту эти живописцы были известны из другого источника.

По мнению А. М. Эфроса, таким прямым « ключом » является статья К. Н. Батюшкова « Прогулка в Академию художеств ». Но, кроме беглого упоминания имен Рафаэля, Корреджио, Тициана и Альбани (Альбана), статья Батюшкова решительно ничего не дает нам для понимания « пушкинской энциклопедии искусства ». К тому же « Прогулка в Академию художеств », была написана в 1814 г., а « Монах » без каких-либо колебаний датируется пушкинистами 1813 г., и неясно только, в июне или в июле работал над ним Пушкин [33]. И хотя исчерпывающе убедительная аргументация датировки « Монаха » 1813 годом была приведена П. Е. Щеголевым при первой публикации поэмы в 1928-1929 гг. [34], это не остановило А. М. Эфроса, и он выдвинул свою особую гипотезу: « ... " Прогулка " является одним из наиболее веских доказательств того, что " Монаха " следует датировать этим (1814) годом » [35].

Гипотеза А. М. Эфроса не встретила поддержки пушкинистов, и Б. В. Томашевский, занявшийся поэмой Пушкина в т. I своей известной монографии, датирует ее 1813 г., хотя некоторые другие соображения Эфроса принимает, например, о « непосредственном знакомстве юного Пушкина с картинами Верне и, вероятно, с репродукциями мифологических пейзажей Пуссена » [36].

Б. В. Томашевский также остановился на списке имен

---

[32] Там же, стр. 66.

[33] Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I., Академия наук СССР, 1937, стр. 436. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием тома римскими цифрами и страницы — арабскими); М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. I. М., Академия наук СССР, 1951, стр. 48.

[34] П. Е. Щеголев. Поэма А. С. Пушкина « Монах ». - Красный архив, 1928, т. 6(31), стр. 160-201.

[35] Эфрос. Назв. соч., стр. 92.

[36] Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1813-1824). М.-Л., Академия наук СССР, 1956, стр. 44; ср. Эфрос, назв. соч., стр. 75-76 и след.

художников в «Монаже: «Этот перечень, - пишет он, - очень характерен. Господствуют имена живописцев итальянской школы, с которыми конкурируют французы. Имена Корреджио и особенно Альбани типичны для вкусов XVIII в.» [37].

В противовес А. М. Эфросу с его «литературными источниками» пушкинского перечня художников в «Монахе» Б. В. Томашевский выдвигает другую гипотезу: «Вообще же эти «живописные» отступления являются результатом лицейского преподавания. Лицейские уроки, повидимому, отражали академические вкусы, характерные для конца XVIII и начала XIX в., когда увлекались мифологическими сюжетами в нынешней трактовке» [38].

При всей заманчивости гипотезы Б. В. Томашевского она не опирается на факты. В программе лицейского преподавания во времена Пушкина вопросы истории живописи могли рассматриваться либо в курсе эстетики, который читал П. Е. Георгиевский в 1816 г. [39], то есть через три года после написания Пушкиным «Монаха», либо на уроках рисования, что едва ли возможно. Последний предмет, как известно, с 1812 г. преподавал С. Г. Чириков (1776-1853) [40]. В воспоминаниях лицеистов, отзывавшихся о нем всегда исключительно благожелательно, ни разу не говорится о том, что он читал лекции по истории живописи или хотя бы упоминал о живописцах на своих уроках. Впрочем, молчание, как известно, не может быть признано достаточным аргументом. Вполне возможно, что, бывая на квартире С. Г. Чирикова [41], Пушкин мог видеть у своего учителя рисования гравюры по картинам художников, которых потом упомянул в «Монахе». Что Чириков не просто преподавал рисование, а и продолжал интересоваться живописью, можно предположить по его письму к лицеисту С. Д. Комов-

[37] Там же, стр. 44.
[38] Там же, стр. 44.
[39] Там же, стр. 677.
[40] В. Горский. Чириков, Сергей Гаврилевич. - Русский биографический словарь («Чаадаев - Швитков»). СПб., 1905, стр. 395-396. - О назначении гувернера Чирикова преподавателем рисования в 1812 г. см. - Цявловский, стр. 728.
[41] Цявловский, стр. 29-30.

скому от 6 сентября 1814 г. из Петербурга; здесь он сообщает, что еще с двумя лицейскими гувернерами - Р. П. Калиничем и А. Н. Уконниковым - идет в Академию художеств « смотреть различные произведения любителей художеств » [42].

Если наше предположение и не может считаться достаточно подтвержденным, то, во всяком случае, нет никаких документальных материалов, которые могли бы служить аргументами в пользу гипотезы Б. В. Томашевского о том, что сведения Пушкина по истории западной живописи « являются результатом лицейского преподавания » [43]. Остается допустить, что интерес Пушкина к живописи в 1812-1813 гг. возник независимо от лицейского преподавания. Может быть, остатки библиотеки Лицея дадут ответ, не почерпнул ли автор « Монаха » сведения о художниках какого-нибудь печатного пособия по истории художеств. - Во всяком случае, аргумент А. М. Эфроса о том, что Пушкин не был в Эрмитаже « в эти годы », то есть в годы написания « Монаха », может быть парирован тем, что незадолго до того, в 1805-1809 гг. была издана роскошная по тому времени « Эрмитажная галлерея », в которой воспроизведены штрихами картины Рафаэля, Корреджо, Тициана, Пуссена, Альбани, Сальватора Розы, Ван Дика, даже Пармиджанино (о котором Пушкин слышал в Лицее в курсе « Введения в эстетику » под именем Пармезана). Здесь нет, правда, ни одной репродукции картин Ж. Верне. Следовательно, Пушкин почерпнул сведения о « лунном » Верне из иного источника. Вполне вероятно, что он мог видеть издания, подобные « Эрмитажной галлерее », - Дрезденской и др. (Ср. стихотворение « Кипренскому »: « Так Риму, Дрездену, Парижу) Известен впредь мой будет вид »).

Мы видели, что отдельные стороны проблемы « Пушкин и итальянская культура » в той или иной степени были предметом исследования советских и итальянских ученых, но в целом, в обобщающей форме она не была рассмотрена.

---

[42] К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811-1817). Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911, стр.

[43] Томашевский, стр. 44.

Настоящий доклад, конечно, не может исчерпать все наличные материалы и с должной степенью полноты осветить поставленную проблему. Моя цель пересмотреть существующую традицию, не признающую значения поставленной проблемы, и попытаться определить роль и место итальянской культуры в пушкинской концепции мировой литературы.

IV

Интерес Пушкина к итальянской культуре - истории, географии, языку, литературе, живописи и музыке - нельзя рассматривать как простую сумму отдельных знаний, внутренно между собой не связанных. Как будет указано ниже, для подобного утверждения есть достаточные основания. Кроме того, современному советскому читателю, интересующемуся Пушкиным, для правильного понимания проблемы « Пушкин и итальянская культура » нужно отрешиться от наших теперешних исторических представлений и помнить, что в начале XIX в., тогда, когда великий поэт учился в Лицее, а затем находился на юге, Италия, хотя и политически раздробленная и в значительной части не самостоятельная, занимала одно из самых важных мест в жизни тогдашней Европы.

Мы, люди последней трети XX в., привыкли строить свои современноисторические представления, исходя из своеобразной иерархии, сложившейся в послевоенное время. Для нас, кроме нашей Родины, основными политическими силами современности являются США, далее Англия и Франция, и отчасти ФРГ. Во времена Пушкина положение было несколько иным. И это видно вот из чего. В 1815-1816 гг. лицеисты I курса, к которому принадлежал Пушкин, слушали лекции проф. И. К. Кайданова по « Новейшей истории или истории трех последних столетий », сохранившиеся по записям А. М. Горчакова. Профессор во вступительной лекции перечислял главные государства того, что он определял как Южную Европу, - то есть без России, Скандинавских стран, Польши и отчасти Пруссии. Кайданов

в первом периоде новейшей истории называл Испанию, которой принадлежали Сицилия и Сардиния, Францию, Англию, Австрию, захватившую Северную Италию, затем Германию, Папские владения и Турцию [44]. О Венецианской республике Кайданов сообщил, что она « наслаждалась своими богатствами и пренебрегала все прочие дела » [45]. Говоря о Папских владениях, профессор отметил, что власть пап уменьшилась, « ибо народное мнение, на коем она основывалась, поколебалось » [46].

Вторая лекция Кайданова была посвящена « делам и спорам за Италию ». Рассказав слушателям о походах французского короля Карла VIII, Кайданов заметил: « Легче было завоевать Италию, нежели удержать ее за собою » [47]. И так, на протяжении курса Кайданов постоянно в той или иной форме, обращался к теме Италии. У его слушателей неизбежно возникало представление об Италии как об одном из важнейших, если не факторов, то объектов новейшей истории. Народные восстания в Италии, о которых хотя и бегло говорилось в лекциях Кайданова, не могли не обращать на себя внимание лицеистов, так как рассказ об этих выступлениях итальянцев против завоевателей и своих собственных властителей явно шли вразрез с теоретическими утверждениями профессора о том, что « народы (в последние три столетия, - П. Б.) весьма мало принимали участия в делах государственных » и что « внутренние возмущения прекратились » [48].

По-видимому, лицеисты заметили, - и скорее остальных Пушкин, - что последнему утверждению Кайданова противоречит предложенная им периодизация новейшей истории. Деля три столетия на периоды - с конца XV в. по середину XVII, со второй половины XVII до конца XVIII в. и с конца XVIII в. « до наших дней », то есть до 1812 г., - Кайданов утверждал, что « характер первого периода составляют войны за религию, второго - торговля и войны

---

[44] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 244, оп. 25, № 357, л. 5.
[45] Там же, л. 6.
[46] Там же, л. 6.
[47] Там же, л. 7 об.
[48] Там же, л. 3.

за нее; третьего - революции »[49]. « Первый, - продолжал Кайданов, - можно назвать происхождением, второй - утверждением, третий - разрушением политического равновесия » (там же).

Как ни несамостоятелен был Кайданов при построении курса[50], всё же он умело вводил своих слушателей в существо политических фактов, - конечно, в том смысле как тогда понимали историю. Свой курс он начал с характеристики « нового порядка », сложившегося в Европе после XV в. (Эпиграфом к записям лекций Кайданова А. М. Горчаков поставил « Novus ordo nascitur rerum »; (возможно, это было указано и самим профессором).

« Европейская система государств, - читаем мы в записях Горчакова, - или соединение пограничных между собою держав, сходствующих в нравах, образовании, религии и соединенных взаимною пользою, есть важнейшее явление новейшей истории »[51]. И далее Кайданов обращается к злободневной проблеме - проблеме политического равновесия, и хотя он тут же утверждает, что « многие тщетно покушались разрушить равновесие государств », у его слушателей не могло не создаться впечатление о большой непрочности этой системы и о зависимости этой непрочности от национального характера важнейших европейских народов. « В каждом народе, - говорил Кайданов, - есть общие идеи, имеющие влияние на образ жизни его, которые должно стараться узнать »[52].

В дальнейшем изложении своего курса Кайданов неоднократно показывал, что итальянские дела на протяжении XV-XIX вв. были причиной нарушения пресловутой европейской ситемы равновесия.

У нас нет никаких данных, чтобы судить о том, с какой

---

[49] Там же, л. 4.

[50] « Новейшую или историю трех последних веков, до напечатания своего учебника, он (Кайданов, - П. Б.) читал по Герену « Handbuch der Geschichte des Europäischen Staaten Systems und seiner Colonien » ... « (И. Я. Селезнев. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея. СПб., 1861, стр. 115).

[51] ИРЛИ, Там же, л. 2.

[52] Там же, л. 2.

степенью серьезности усваивали лицеисты I курса идеи, излагавшиеся Кайдановым. Однако известно, что как раз к истории Пушкин проявлял в Лицее живой интерес и получал очень лестные отзывы Кайданова. Например, « при малом прилежании оказывает очень хорошие успехи, и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям » [53]. Может быть, что Кайданов считал « малым прилежанием » Пушкина, объяснялось тем, что поэт явился в Лицей уже подготовленным: С. Л. Пушкин в своем прошении об определении сына в Лицей указывал, что тот « дома приобрел сведения » в разных школьных предметах, в том числе « географии и истории » [54].

С особой ролью Италии в европейской исторической жизни Пушкин в Лицее знакомился не только на лекциях по истории. В курсе статистики, под которой тогда понимали экономическую географию, лицеисты на первой же лекции, с первых же фраз слышали о том, что « Венеция как хитрейшая республика, содержа везде в Европе своих посланников, поручала им узнавать » сведения об экономической жизни разных государств » [55].

Можно сказать больше, об Италии Пушкин в Лицее слышал очень часто на лекциях по самым различным дисциплинам и при его феноменальной памяти запоминал прочно. В дальнейших его высказываниях как общетеоретических, так и конкретно исторических и историко-литературных легко узнаются импульсы лицейских лекций. Например, вышеприведенной фразе из вводной лекции Кайданова: « В каждом народе есть общие идеи, имеющие влияние на образ жизни его, которые должно стараться узнать », - очень близка известная запись Пушкина 1826 г. о народности в литературе: « Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию — которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и по-

[53] Селезнев. Приложение, стр. 13-14.
[54] Там же, приложение, стр. 6.
[55] Институт русской лит-ры, рукоп. отд., ф. 244, оп. 25, № 371, л. 5.

верий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу ». (XI, 40).

Вполне естественно, что больше всего должен был Пушкин обращать внимание на то, что говорилось в лекциях лицейских профессоров об итальянской литературе. Мы не знаем, читал ли П. Е. Георгиевский лицеистам I курса в своем « Введении в эстетику » раздел об истории словесности, который имеется в обоих изданиях его « Руководства к изучению русской словесности » (1836 и 1842). Так как в целом его « Введение в эстетику », известное нам по незаконченным конспектам А. М. Горчакова, во многом совпадает с печатным текстом « Руководства » [56], то можно предположить, что Георгиевский читал лицеистам и раздел о словесности древних и новых народов. Если это допущение правильно, то полезно привести здесь основные положения Георгиевского при характеристике итальянской литературы, - это тем более необходимо, что у исследователей вопроса « Пушкин и итальянская литература » единственными источниками знакомства поэта с литературой Италии признаются « История итальянской литературы » Женгене, имеющаяся в библиотеке Пушкина, и « История литературы Юга Европы » Сисмонди. Ознакомление с горчаковскими занисями лекций Георгиевского по « Введению

---

[56] Ср. « Введение в эстетику ». « Таковая Аристотелева односторонность причинила многие споры. Италианцы - одни старались дать преимущество Ариосту пред Тассом, другие - пред первым последнему, долго спорили, основываясь на том, который из них более или менее подходит под правила Аристотеля, между тем как они оба превосходные стихотворцы, только каждый в своем роде. Тот писал во вкусе греческом, другой в романическом, который совсем неизвестен был Аристотелю, но тем не менее открывает обширное поле для отменного искусства ». - Красный архив, 1937, № 1(80), стр. 167. « Руководство ».

« Такая Аристотелева односторонность была причиною многих споров между италианцами. Одни из них отдавали преимущество Ариосту пред Тассом, а другие сему последнему, основываясь на том, который из этих поэтов более или менее подходят под правила Аристотеля; между тем как они оба превосходны, только каждый в своем роде. - Тасс писал во вкусе греческом, Ариост же в романическом, неизвестном Аристотелю, но тем не менее открывающем обширное поле для искусства ».

П. Е. Георгиевский. Руководство к изучению русской словесности. СПб., 1836, ч. I, стр. 3-4; изд. 2-е. СПб., 1842, ч. I, стр. 3-4.

в эстетику » и с более поздним его « Руководством к изучению русской словесности » дают полное основание считать, что Пушкин уже в Лицее получил возможность составить себе общее представление об итальянской литературе.

Уже в общем обзоре новой истории литературы в Европе Георгиевский говорил: « Италия была тою счастливою страною, где, в исходе XIII и в продолжении XIV веков, науки и изящные искусства начали оказывать ощутительные успехи... В XV веке с новым блеском воссиял свет наук на небосклоне Италии... XVI столетие было блистательнейшее в Италии: явились стихотворцы, ученые и школы живописи. Медицисы ознаменовали своим именем эпоху XVI века и заслужили признательность просвещенного потомства » [57]. Переходя к более подробному рассмотрению итальянской литературы, Георгиевский попутно говорит об итальянском языке как « том языке, которого даже обыкновенная речь есть музыка » [58]. В самом обзоре итальянской литературы Георгиевский называет Данте, Петрарку, Ариоста, Тасса, Гварини, Макьявелли, Аламанни, Кьябреру, Гвиди, Нани, Денину, Тассони, Метастазио, Альфиери, Гольдони, Беккариа и Филанджиери [59]. Конечно, классических поэтов Италии Георгиевский характеризовал более подробно, чем второстепенных, и можно считать, что в том, как Пушкин позднее отзывался о некоторых из перечисленных итальянских поэтов, кое-что связано с лицейскими лекциями Георгиевского. Так, например, характеризуя Петрарку, Георгиевский особенно обращает внимание на его канцоны, считает, что у Петрарки они « доведены до такого совершенства, что последующие канцонисты не много прибавили к красотам этого рода сочинений » [60]. Может быть, именно этим отзывом Георгиевского о канцонах Петрарки

---

[57] П. Е. Георгиевский. Руководство..., ч. IV, стр. 71-72; изд. 2-е, ч. IV, стр. 48.

[58] Там же, стр. 77; изд. 2-е, стр. 52.

[59] Там же, стр. 73-79; изд. 2-е, стр. 49-53.

[60] Там же, стр. 76, ср. далее подробную характеристику канцоны, стр. 76-77; изд. 2-е, стр. 51. В записях Горчакова о канцоне сказано то же самое, но короче, см. Красный архив, стр. 156; здесь прямо названы « три Canzone Sorelle. Первые две подлинно неподражаемы и научают истинному характеру канцон ».

заинтересовался Пушкин и впоследствии, читая произведения Петрарки в подлиннике, запомнил известные стихи « Là, sotto giorni nubilosi e brevi ... » из канцоны, посвященной Колонне, и потом, в 1826 г., поставил их, с небольшим сокращением, в качестве эпиграфа в главе шестой « Евгения Онегина ».

В дальнейшем изложении обзора итальянской литературы Георгиевский констатирует, « чем более италиянская литература приближалась к новейшим временам, тем заметнее удалялась от свободного своего направления и входила в формы ученой литературы ». « Вкус италиянцев, столь быстро и блистательно образовавшийся, - продолжает Георгиевский, - в XVII веке чувствительно изменился, позволив себе много выисканного, не естественного » [61].

Раздел об итальянской литературе Георгиевский заканчивает так: « Справедливость требует однако же сказать, что творения знаменитых поэтов Италии представляют борьбу вкуса романтического с классическим и что в лучших из этих творений нередко смешаны предания древних с понятиями современных народов. Поэзия италиянская служит как бы чертою прикосновения между древнею и новою поэзиею » [62].

Вполне возможно, что на только что приведенных формулировках Георгиевского отразилась более поздняя терминология эпохи борьбы романтизма с классицизмом, неизвестная еще в 1815-1816 гг., когда читался курс « Введения в эстетику » в Лицее, но мы видели, что уже в записях Горчакова Тассо и Ариосто противопоставляются как поэты писавшие один - « во вкусе греческом », другой - « в романическом », один как следовавший « правилам », другой как пренебрегший ими.

Нам придется еще вернуться к этому вопросу, когда мы обратимся к взглядам Пушкина на зарождение романтизма в Италии и его понимания классицизма как следо-

---

[61] Там же, стр. 78; изд. 2-е, стр. 52. В обоих изданиях запятая стоит после « в XVII веке », что решительно противоречит всему тому, что Георгиевский говорит до этого места. Я перенес запятую до « в XVII веке », считая, что в тексте незамеченная опечатка.

[62] Там же, стр. 79; изд. 2-е, стр. 53.

вания правилам и романтизма как отказа от них. Сейчас же мы отметим, что, если даже ограничиться только теми материалами, которые сохранились в записях Горчакова, то и то, что они содержат по итальянской литературе и искусству, достаточно разнообразно и даже обширно, хотя, - как и полагается в конспектах, - изложено кратко [63].

Так, при характеристике оды, Георгиевский отметил, что «в Италии при классической словесности ни один поэт не возбудился к одопению» [64]. И дальше Георгиевский останавливается на творчестве Кьябреры, Гвиди и Тести, заканчивая утверждением, что «с XVIII столетия италиянцы много потеряли той силы, которая потребна для певца од» [65].

Говорит Георгиевский далее об итальянской опере [66], о канцонах [67], элегиях Ариосто [68], о живописи Рафаэля [69], о Джиотто и Чимабуэ [70], Маццуоле («Пармезан») [71], Корреджио [72], Микель Анджело [73], Альбани [74], Тициане [75] и т. д. Кроме того, он бегло упоминает еще об итальянской рыцаркой эпопее, в которой «произошло роскошное смешение комического с важным» [76] далее о «красивости» (так он передает по русски слово élégance) у Петраки [77], о том, что «из романических стихотворцев Петраркова гра-

---

[63] Насколько местами несовершенны записи Горчакова, можно видеть как по поставленным им самим вопросительным знакам в разных местах текста, так и по многочисленным примечаниям Б. С. Мейлаха: «Так в подлиннике». Ср. также фразу: «Столь затрудняющее сочинителей качество сонета есть причиною, что не можно найти образцов сего стихотворения» (Красный архив, стр. 146). Но в другом месте о сонете сказано: «Италиянцы переняли его у провинциалов (= провансальцев) и с удивительным пристрастием им занимались». (Там же, стр. 157).

[64] Там же, стр. 154.

[65] Там же, стр. 155.

[66] Там же, стр. 155-156.

[67] Там же, стр. 156.

[68] Там же, стр. 161.

[69] Там же, стр. 171, 178, 180, 181, 183, 184, 187, 198.

[70] Там же, стр. 178.

[71] Там же, стр. 181.

[72] Там же, стр. 165, 166, 181, 184, 185, 189.

[73] Там же, стр. 183.

[74] Там же, стр. 183.

[75] Там же, стр. 182.

[76] Там же, стр. 179.

[77] Там же, стр. 184.

ция любви заслуживает первое место »[78]. Характеризуя понятие « идеал », Георгиевский ссылается на « Амадиса », « творение Бернарда Тасса, отца Тассова, во 100 песнях и более 7000 стансов »; этот Амадис, - говорит Георгиевский, - « будто б есть идеал совершенного рыцаря »[79]. В самом конце записей Горчакова находится разъяснение слова « burlesque », которое, хотя и дано во французской форме, объявлено итальянским и в связи с этим предлагается рассуждение о комическом высоком и низком. « Только надобно различать итальянского арлекина от обыкновенного », - говорит Георгиевский и поясняет: « Итальянский арлекин, каков у Гоца (то есть Гоцци, - П. Б.), служит возвышением комического, означая повес, хвастунов и педантов »[80]. Не в этой ли характеристике арлекина заключен смысл эпиграммы Пушкина о бюсте Александра I?

Может быть, одним из самых заслуживающих внимания для нашей цели мест в конспектах Горчакова должно признать следующее: « Из новейших народов италиянцы наиболее приближаются к греческому идеалу в пластическом искусстве и в живописи »[81].

Приведенных материалов, кажется, достаточно для подтверждения мысли, что курс Георгиевского, хотя над ним лицеисты и смеялись (ср. куплеты на него « Предположив - и дальше... » [XII, 298-299], по-видимому, принадлежавший Пушкину), не прошел для великого поэта бесследно. По-видимому, предстоит еще более углубленное изучение импульсов, полученных Пушкиным из лекций Георгиевского. Сейчас же, хотя это и не относится к теме « Пушкин и итальянская культура », отмечу, что, возможно, на лекции Георгиевского Пушкин впервые услышал фамилию английского поэта Шенстока, - и, как раз в форме Ченстон[82],

---

[78] Там же, стр. 185.
[79] Там же, стр. 187.
[80] Там же, стр. 206.
[81] Там же, стр. 187.
[82] « Ченстон, подражавший Тибуллу, соединил в элегиях мечтательность любви с чувством к сельской жизни, с прекраснейшими описаниями » (Там же, стр. 161). Ср.: Путеводитель по Пушкину (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Приложение к журналу Красная нива на 1931 год. Т. VI) М.-Л., 1931, стр. 375;

- которому потом приписал « Скупого рыцаря », якобы представляющего перевод трагедии « The covetous knight ».

Итак, то, что можно извлечь из заведомо неполных и неточных конспектов Горчакова, свидетельствует о том, что Пушкин мог почерпнуть в Лицее довольно много сведений по итальянской литературе и живописи. И не только мог, но, как явствует из текстов Пушкина, и почерпнул.

По выходе из Лицея и до ссылки на юг Пушкин, конечно, пополнял свои сведения об Италии и итальянской культуре. Это был период активного движения карбонариев, которым живо интересовались в России. В старой работе В. И. Семевского « Политические и общественные идеи декабристов » (1909) ряд страниц отведен « влиянию карбонаризма » в преддекабристское время [83]. И хотя автор допускает в своем изложении неточности [84], тем не менее, книга Семевского ценна тем, что в ней собран немалый материал по вопросу о знакомстве прогрессивной части русского общества с деятельностью карбонариев. В. И. Семевский указывает, между прочим, что итальянскому революционному движению этих лет сочувствовали в России многие лица; среди тех, кого он называет, находятся и близкие Пушкину и в Петербуре, и в Кишиневе, и затем в Одессе. Это - Н. И. Туринев [85], В. Ф. Раевский [86], И. П. Липранди [87], М. Ф. Орлов [88], П. И. Пестель [89] и др.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VII. Академия наук, (1937), стр. 518. (Комментарий к « Скупому рыцарю » Д. П. Якубовича; здесь лекции Георгиевского названы лекциями Кошанского).

[83] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 364-377 и 246-249.

[84] Семевский утверждал, что « в первой главе "Онегина" герой Пушкина мог пускаться в рассуждения "О Байроне, о карбонарах" »... (стр. 365). На самом деле, цитированные им стихи находятся в пушкинских черновиках. Вероятно, Семевский заимствовал эти данные из книги: Евгений Онегин. Роман в хехилэА. С. Пушкина. Под ред. В. Е. Якушкина. М., 1887, стр. 234.

[85] Семевский, стр. 246, 247; Н. И. Тургенев. Дневники и письма за 1816-1824 годы. Т. Ш., Пг., 1921, стр. 163, 237, 238, 245, 247, 256, 258, 259, 260.

[86] Семевский, стр. 247, прим. I, 248, прим. I; К. Ф. Мизиано. Итальянское Рисорджименто и передовое общественное движение в России XIX века. - Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968, стр. 103.

[87] Семевский, стр. 248.

[88] Пушкин, Акад. изд., т. XII, стр. 486.

[89] Там же, т. XII, стр. 28.

Очень заманчиво было бы установить наличие связей между петербургскими и южными декабристами, с одной стороны, и итальянскими карбонариями. «Однако, - как правильно указывает осторожный проф. Ф. Вентури, - не следует односторонне увлекаться кропотливыми и детальными поисками возможных контактов и связей между итальянскими и русскими тайными обществами». «Разумеется, - продолжает итальянский ученый, - нам хотелось бы знать о них больше, но нельзя забывать, что здесь мы имеем дело с очень ненадежной почвой, где очень легко, поддавшись соблазну, от гипотезы незаметно перейти к утверждению и возможное считать несомненным. В сложном сплетении связей, соединявшем секты, поистине нетрудно запутаться» [90].

Однако, при всей своей, - впрочем, весьма правильной, - осторожности проф. Ф. Вентури указывает на некоторые факты, которые «можно считать твердо установленными» и называет ряд итальянцев, участников движения карбонариев, завязавших или пытавшихся завязать связи с русскими военными заговорщиками. Таковы Джоанино Прати, далее - Мариано Джильи, уже известный русским исследователям, Аджелони, Буонаротти и др. С русской стороны Ф. Вентури выделяет декабриста Александра Поджио, итальянца по происхождению [91].

Другой итальянский исследователь, участник сборника «Россия и Италия» К. Ф. Мизиано указывает на разные каналы, по которым проникали в Россию сведения о деятельности карбонариев и о революции в Неаполе и Пьемонте [92], однако упускает из виду, что в России получались в то время в значительном числе иностранные газеты, содержавшие много сведений об итальянских делах. Так, например, Н. И. Тургенев в связи со своими интересами к неаполитанским делам неоднократно упоминает в дневнике о чтении в клубе как либеральных, так и консервативных газет - Allgemeine Zeitung, Oesterreichischer Beobachter,

---

[90] Ф. Вентури. Итало-русские отношения с 1750 до 1825 г. - Россия и Италия, стр. 46-47.

[91] Там же, стр. 49.

[92] Россия и Италия, стр. 101.

« берлинские », « гамбургские » [93]. Печатались, хотя и скупо, также сведения и в петербургских газетах - « Санкт-Петербургские ведомости », « Conservateur impartial » - и журналах: « Политическом журнале », « Духе журналов », « Сыне отечества » [94]. Впрочем, К. Ф. Мизиано бегло упоминает о том, что об итальянских событиях « газеты сообщали достаточно подробно » [95], но не говорит, какие газеты, и как освещали эти события.

Несомненно, проникали в общество и слухи, по-видимому, исходившие от приезжих из-за границы русских и иностранцев, от чиновников министерства иностранных дел. Так, Н. И. Тургенев записывает в своем дневнике от 30 июля 1820 г. « Вот уже неделя как известны здесь неаполь-ские приключения. Скажу только, что они никого уже не удивили » [96]. В другом месте он отмечает 22 декабря 1820 г.: « Здесь известно, что все из Тропау выехали в Лейбах, куда приедет и неаполитанский король » [97].

Находясь в Петербурге, Пушкин, как известно, внимательно следил за политическими событиями на Западе и выслан был на юг за явную демонстрацию своей осведомленности в европейском революционном движении. Естественно, знал он и о карбонариях, о которых позднее вспоминал в черновиках к главе первой « Евгения Онегина », - ведь даже Фамусов обвинял Чацкого в том, что « он карбонари » (« Горе от ума », д. II., явл. 2), настолько распространен был в реакционных кругах тогдашнего русского общества страх перед итальянским революционным движением.

На годы после окончания Пушкиным Лицея и пребывания в Бессарабии приходится довольно повышенный интерес русских журналов к итальянской теме, несомненно связанной с революционным движением на Апеннинском полуострове. Печатаются статьи географического, исторического, литературного содержания. Так, например, в одном только « Сыне отечества » в 1816-1822 гг. были помещены

---

[93] См. примеч. к предыдущей странице.
[94] Россия и Италия, стр. 101.
[95] Там же, стр. 103.
[96] Тургенев, стр. 235.
[97] Там же, стр. 256.

путевые письма кн. А. А. Шаховского[98], художника О. Кипренского[99], некоего К. Д.[100], морских офицеров Н. В. Коробки[101] и В. Б. Броневского[102], а также большая переводная статья об окрестностях Неаполя[103]. Когда вышла книга гр. Г. В. Орлова «Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples» (P., 1819-1821, 5 vs.), в «Сыне отечества» была напечатана на нее рецензия»[104].

Особое внимание было уделено «Сыном отечества» итальянской поэзии. Еще в 1817 г. П. А. Катенин опубликовал здесь отрывок из 33-й песни «Ада» Данте - «Уголин»[105]. В 1822 г. в журнале был напечатан сделанный П. А. Катениным же перевод знаменитого сонета В. Филикайя - «Италия! Италия! Зачем...»[106], несомненно обративший на себя внимание Пушкина, о чем будет еще сказано в дальнейшем. В. Н. Орлов в комментариях к «Стихотворениям» Катенина вполне правильно определил политический смысл публикации этого перевода в русской прессе в годы непосредственно вслед за подавлением неаполитанской революции[107].

В том же 1822 г. на страницах этого журнала между Катениным и О. М. Сомовым развернулась большая полемика по вопросу о способе переводить Тасса и других

---

[98] К.А.Ш. Письмо русского из Флоренции. - Сын отечества, 1816, ч. 34, стр. 16-26; К. А. Шаховской. Письма из Италии. Рим. - Там же, 1817, ч. 35, стр. 217-240; Неаполь. - Там же, 1817, ч. 36, стр. 3-20.

[99] Орест Кипренский. Письмо из Рима. Путь от Петербурга до Рима. - Там же, 1817, ч. 42, стр. 3-25.

[100] К. Д. Отрывок дневных записок путешествия по Италии в 1817 и 1818 г. - Там же, 1818, ч. 50, стр. 3-20 и 69-79.

[101] Н. В. Коробка. Письмо о Неаполе (Из писем морского офицера). - Там же, 1821, ч. 69, стр. 206-222.

[102] В. Броневский. Письма морского офицера из Италии. - Там же, 1822, ч. 76, стр. 49-64 и 97-105.

[103] Там же, 1822, ч. 79, стр. 3-25, 49-70 и 204-217.

[104] В. Соц. О сочинении сенатора графа Орлова. - Там же, 1819, ч. 54, стр. 17-30; ч. 57, стр. 49-59. Г. В. Орлову принадлежат еще следующие книги по Италии: «Essai sur l'histoire de la musique en Italie (P., 1822, 2 vs.), Essai sur l'histoire de la peinture en Italie (P., 1823, 2 vs.). Им же были изданы басни Крылова в переводе на французский и итальянский языки (P. 1825, 2 vs.), с итальянским предисловием ф. Сальфи.

[105] Сын отечества, 1817, ч. 35-36, № 9, стр. 97-100.

[106] Сын отечества, 1822, ч. 77, № 16, стр. 82.

[107] П. А. Катенин. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1954 (Б-ка поэта. Малая серия), стр. 297.

итальянских эпических стихотворцев [108]. О прозаических переводах « Освобожденного Иерусалима » Тассо, сделанных адмиралом А. С. Шишковым и С. А. Москотильниковым, в « Сыне отечества » была напечатана рецензия В. Н. Олина еще раньше [109]. Наконец, - уже выходя за принятые нами хронологические рамки, - отметим полемику между Булгариным и О. Сомовым по поводу отрывка из перевода « Освобожденного Иерусалима », сделанного С. Е. Раичем [110].

В « Сыне отечества » находили место также статьи о новостях современного итальянского искусства: в 1817 г. - о статуе Мира, изваянной Кановой [111], в 1822 г. - биография Кановы [112]. Этот факт следует особо отметить: М. Н. Розанов считал, что о Канове Пушкин будто бы впервые узнал из Байрона. Но Пушкин интересовался и другими итальянскими скульпторами. Так, известно, что в Одессе в 1824 г. он срисовал статую Джованни да Болонья « Взлетающий Меркурий » [113].

Таким образом, можно не сомневаться, что, отправляясь в южную ссылку, Пушкин знал об освободительном движении в Италии и, конечно, продолжал интересоваться им в Кишиневе, куда через посредство гетеристов и иными путями достаточно подробно и быстро проникали известия о революционном движении в Европе. Позднее Пушкин

---

[108] П. Катенин. Письмо к издателю. - Сын отечества, 1822, ч. 76, № 14, стр. 303-309; О. Сомов. Письмо к издателю « Сына отечества ». - Там же, ч. 77, № 16, стр. 65-75; П. Катенин. Ответ г. Сомову. - Там же, ч. 77, № 17, стр. 121-125; О. Сомов. Ответ на ответ г. Катенину. - Там же, ч. 77, № 19, стр. 207-214.

[109] В. О. ⟨Олин⟩. Первое письмо к приятелю о двух прозаических переводах Г.А.Ш. и С. Москотильникова героической Тассовой поэмы « Освобожденный Иерусалим ». - Сын отечества, 1820, ч. 61, № 18, стр. 233-253.

[110] ⟨О. Сомов⟩. Новые книги. - Северная пчела, 1825, № 41, стр. 3; В. ⟨Булгарин⟩. Замечания на отзыв г. С. об отрывке Тассова « Освобожденного Иерусалима ». - Сын отечества, 1825, ч. 101, № 11, стр. 374-389.

[111] П. Гнедич. Письмо о статуе Мира, изваянной для гр. П. П. Румянцева Кановою в Риме. - Сын отечества, 1817, ч. 37, стр. 41-53.

[112] Вл. Кн (яжевич), пер. Канова, ваятель. - Там же, 1822, ч. 81, стр. 199-210.

[113] Цявловский, стр. 471.

вспоминал: « Орлов говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона... » [114].

Эти слова служат неопровержимым доказательством того, что об итальянской революции Пушкин узнал уже в 1820 г. и, может быть, слышал о ней не в первый раз. Во всяком случае, в Каменке, куда поэт поехал в конце 1820 г., он, вместе с собравшимися у В. Л. Давыдова декабристами, безусловно вел беседы о событиях в Неаполе. Через несколько месяцев, в апреле 1821 г., Пушкин писал В. Л. Давыдову:

> ... и ты и милый брат,
> Перед камином надевая
> Демократический халат,
> Спасенья чашу наполняли
> Беспенной, мерзлою струей
> И за здоровье *тех* и *той*
> До дна, до капли выпивали!...
> Но *те* в Неаполе шалят,
> А *та* едва ли там воскреснет... (II, 179).

Уже давно комментаторы установили, что под *той* Пушкин разумел итальянскую революцию, *теми* - карбонариев. « Послание Давыдову, - как отметил Б. В. Томашевский, - писалось непосредственно после падения революционной власти в Неаполе... Карбонарское движение было разгромлено при равнодушии народа, не затронутого революционной пропагандой ... » [115].

Урок неаполитанской революции Пушкин хорошо запомнил. Вскоре - между декабрем 1823 и апрелем 1825 г. [116] - в незаконченном стихотворении « Недвижный страх дремал на царственном пороге » - Пушкин вспоминал о недавнем политическом состоянии « ветхой Европы » и, пе-

---

[114] Пушкин. Акад. изд., т. XII, стр. 486; XII, 304.
[115] Томашевский, стр. 555.
[116] Цявловский, стр. 424.

речисляя революционные события начала двадцатых годов, отметил:

Шаталась Австрия, Неаполь восставал.

И, когда через несколько лет Пушкин писал главу десятую « Евгения Онегина », опять-таки характеризуя революционные двадцатые годы, вновь напомнил:

Тряслися грозно Пиринеи,
Волкан Неаполя пылал.

По-видимому, в 1821 г. Пушкин впервые познакомился с произведениями Байрона и, как он сам признавался, « с ума сходил от аналитского поэта ». Естественно, что песнь четвертая « Паломничества Чайльд-Гарольда », посвященная Италии, должна была произвести на Пушкина особенно большое впечатление. Вскоре он упомянул об этом в главе первой « Евгения Онегина », говоря об Италии о ее « волшебном гласе ».

Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.

(ЕО, I, XLIX).

Обычно эти слова воспринимают как « автопризнание » Пушкина по части влияния на него Байрона. М. Н. Розанов, да и немногие другие лица, писавшие об итальянской теме у Пушкина, останавливались на, так называемых, прямых или косвенных заимствованиях поэта из песни четвертой « Чайльд Гарольда », в частности на знаменитом « напеве Торкватовых октав ».

Однако гораздо важнее другое, а именно: какое впечатление произвела идея поэмы Байрона, в особенности ее последней песни, посвященной философии истории Италии, на Пушкина, близко принимавшего к сердцу неудачи неаполитанской революции?

В последнем, 186-м стансе, « Паломничества Чайльд-Гарольда » Байрон писал:

Прощайте! Я замедлил с этим словом
И медлю. Но - прощайте. Коль с моим
Скитальцем шли вы по путям суровым
Вплоть до конца и сказанное им
Запомнили, сдружившись хоть с одним
Воспоминаньем, - то ремни сандалий
Недаром затянул мой Пилигрим...
Прощайте же! *Ему* - его печали,
Коль есть они, а *вам* стихи уроком стали [117].

О каком уроке говорит здесь Байрон?

Всматриваясь в текст песни четвертой поэмы, легко заметить в ней две линии историко-философских размышлений Байрона (именно Байрона, а не его героя - ведь I-ый станс начинается словами « Я стою », и только в 164-м стансе Байрон вспоминает о герое поэмы, « в былом ее скреплявшем Пилигриме », который « давно вне темы »).

Итак, первая линия - это размышления об исторических судьбах Италии, в прошлом - великой страны, ныне - « рабы » и друга, и врага (ст. 42-43) [118]. В этой связи у Байрона встает вопрос, долго ли будет Италия такой? Европа должна исправить эту роковую ошибку истории.

Италия! Пора всем странам встать,
Чтоб кончились навек твои мученья.
Ты, мать искусств, была оружья мать,
Наставница, ты в прошлом - Попеченье.
Отчизна веры нашей! Поколенья
В тебе искали ключ от райских врат.
Да не снесет Европа преступленья
И, орды варваров погнав народ,
Свободу даст тебе. Тогда ее простят.

(Ст. 47).

---

[117] Дж. Байрон. Избранные произведения. М., Гослитизчат, 1953, стр. 135 (пер. Г. Шенгели).

[118] Эти две строфы представляют перевод знаменитого сонета Винченцо Филикайя. См. об этом сонете ниже.

Но Байрон не убежден в том, что это состоится:

Иль народы
В Европе лишены уже семян свободы?
(Ст. 96).

— неуверенно спрашивает он. Поэт с грустью восклицает, повторяя слова поэта В. Филикайя:

О боже! Если б ты не столь прекрасной
Была, но мощной, - страх внушала б ты
Грабителям, что стаей самовластной
Льют кровь твою, смеясь тоске твоей безгласной.
(ст. 42)

Поэт все же верит в творческие силы великой страны:

Италия! Пусть десять тысяч дыр
Века прожгли в твоей святой порфире,
Лишь ты нашла, единственная в мире,
Дух творчества в руинах. Искони
Твой прах пропитан реющим в эфире
Божественным живым лучом...
(ст. 55).

Такова первая линия историко-философских размышлений Байрона в итальянской песне « Паломничества Чайльд-Гарольда », - если можно так выразиться, конкретно-историческая. Но параллельно с ней развивается поэтом вторая линия, - общетеоретическая.

Рисуя одну историческую картину за другой, - как из прошлого Рима, так и из летописей средневековой Италии, - Байрон приходит к обобщению:

Вот смысл людских анналов! Повторенье
Всего, что было много раз в былом:
Свобода, дальше - Слава, их паденье,
Богатство, гниль и варварство потом!
Из всех страниц Истории прочтем
Одну страницу; здесь она, - гляди же, -
Где Деспотизм слепил в единый ком
Все наслажденья, теша взор бесстыдный,
Слух, душу, сердце, страсть... Довольно снов! Иди, [же,
Дивись, хвали, плачь, смейся, презирай:
Все чувства здесь.
(ст. 108-109)

Однако поэт не просто призывает к равнодушию по отношению к повторяющемуся историческому процессу, как можно было бы заключить на первый взгляд из приведенных слов. Он верит в то, что История - Время -

« философ, а не лжец
И не софист, как прочие; нескорый
Судья, но приходящий наконец!
О Время - мститель!

(ст. 130).

Время, говорит Байрон, - это богиня возмездия - Немезида (ст. 132) и она « пробудитвся вдруг и отомстить должна » (ст. 133). Не приходится и говорить, что Вайрон имеет здесь в виду народную революцию, сметающую иноземных захватчиков и отечественных угнетателей. Он верит в силы свободы:

Но стяг твой, Вольность, все же вьется, рваный,
Грозой летя, ветрам наперекор;
Твой рог надтреснут, но, сквозь ураганы,
Его призыв нам слышен до сих пор.
Цвет облетел с твоих дерев; топор
Оставил на коре свои надрубы;
Но соки есть, и семя в недрах пор
Спит даже там, под северною шубой;
И лучшая весна даст плод, уже не грубый...

(ст. 98).

Можно не сомневаться, что Пушкин, проницательный читатель, отлично понял обе историко-философские линии песни четвертой « Паломничества Чайльд-Гарольда », а также запомнил острые и верные суждения Байрона о великих итальянских поэтах и художниках, запомнил мастерские пейзажи Италии и художественные описания ее архитектурных памятников. Но больше всего, - можно думать, - привлекла Пушкина идея прирожденной итальянской вольности, непокорности деспотизму, противоборства тирании. Вероятно, именно так надо понимать слова Пушкина:

... волшебный глас!
... он мне родной.

(ЕО, I, XLIX).

Не мог пройти Пушкин и мимо 127-го станса (в 126-м упоминается анчар!). В 127-м стансе Пушкин, преследовавшийся правительством Александра I, нашел совсем «родные» звуки:

> Но будем смело размышлять. Позор -
> Отказ от права мыслить! В нем, в едином,
> Прибежище, приют наш с давних пор;
> В нем был я и останусь господином!
> Как этот дар небесный ни глуши нам,
> Как ни терзай запреты, цепь, тюрьма
> (Чтоб ненароком над умом невинным
> Свет истины не воссиял) - ума
> Коснется луч! Слепцам снимают муть бельма!

Песнь четвертая «Паломничества Чайльд - Гарольда» была для Пушкина значительным импульсом к новому осмыслению проблемы Италии. К тем школьным знаниям географии, истории, литературы и живописи Италии, которые Пушкин вынес из Лицея, к тем сведениям о политической ситуации в Пьемонте, Неаполе, Венеции и других итальянских областях, которые поэт черпал из современной газетной и устной информации, присоединилась глубокая по идейному содержанию и блестящая по художественно безупречной форме философия истории Италии, ее культуры, ближайших судеб ее народа. С этого времени интерес Пушкина к итальянской культуре становится определенным и отчетливым, и одним из ближайших следствий этого было, по-видимому, изучение Пушкиным итальянского языка.

Вопрос об изучении Пушкиным итальянского языка, несмотря на наличие специальной литературы, освещен недостаточно. Прежде всего - когда начал поэт знакомиться с итальянским языком, в зрелом ли возрасте или еще на юге?

Ада Биолато Миони в связи с вопросом о том, знал ли Пушкин по-итальянски, писала: «Темперамент филолога par excellence, одаренный поразительной памятью, с детских лет превосходный знаток двух языков, наиболее близких к нашему, латыни и французского, он обладал хорошей подготовкой для ознакомления с итальянским языком

с самого начала своего пребывания на юге»[119]. К словам итальянской исследовательницы надо прибавить, что несомненно в какой-то мере за два с лишним года жизни в Кишиневе Пушкин, по-видимому, приобрел некоторые сведения и в молдавском языке, и это также могло способствовать более легкому и быстрому его знакомству с итальянским языком.

Обращает на себя внимание также и то, что сохранившаяся в библиотеке Пушкина итальянская грамматика (на французском языке) Ф. Валерио, была издана в Москве в 1822 г.[120]. Возможно, она была приобретена Пушкиным в том же году в Кишиневе.

Таким образом, мне кажется бесспорным, что Пушкин знал итальянский язык еще до высылки из Петербурга, а на юге, - возможно, благодаря Раевским, стал больше и систематичнее заниматься изучением языка и литературы Италии. Несомненно, знакомство Пушкина с «Паломничеством Чайльд-Гарольда» сыграло в этом повышении его интереса к итальянскому языку значительную роль.

Для целей моей статьи нет необходимости приводить все материалы, относящиеся к теме «Пушкин и итальянская культура». Это с достаточной степенью полноты сделали в свое время М. Н. Розанов и Ада Биолато Миони. Я считаю целесообразным ограничиться только добавлением в разных местах моей работы тех сведений, какие остались неиспользованными этими исследователями. Главное же внимание, по-моему, необходимо сосредоточить на вопросе о том, было ли у Пушкина обобщенное, целостное представление об итальянской культуре и о роли итальянского народа в мировой истории.

Как ни разрозненны и отрывочны находящиеся в нашем распоряжении материалы, все же они позволяют дать определеленный и, - заранее скажу, - положительный ответ на поставленные вопросы.

Мы видели, что еще из курса новейшей истории И. К.

---

[119] Ada Biolato Mioni, стр. 264.

[120] В. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. - Пушкин и его совренники, вып. IX-X, СПб., 1909, стр. 355, № 1472.

Кайданова и в частности из его вступительной лекции Пушкин мог усвоить мысль о том, что в каждом народе есть общие идеи, имеющие влияние на образ жизни его, которые должно стараться узнать.

Сохранившиеся историко-литературные и исторические заметки Пушкина дают основание полагать, что проблема национального характера, установления некоего « общего » в жизни народов уже в 20-х годах очень интересовала его. В программе статьи « О французской словесности », относимой к 1822-1824 гг., Пушкин писал: « Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! - обычаи, история, песни, сказки - и проч ». (XII, 192).

В статье « О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова » Пушкин бегло останавливается на проблеме национального характера и духа народов. Затем статью « О народности в литературе » Пушкин заканчивает уже приведенной выше (см. стр. 20) цитатой об « особенной физиономии » каждого народа. Не стану приводить других аналогичных высказываний Пушкина; и без них ясно, что « народность » в литературе он понимал как проявление географически и исторически сложившихся особенностей народа. Это подтверждается, - не могу все - таки не привести этой цитаты, - одним местом в рецензии на альманах « Северная лира », где Пушкин сопоставляет Петрарку и Ломоносова: « Отдаленные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходствуют твердостию, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников ». (XI, 48).

Неудивительно поэтому, что проблему народности Пушкин связывает с не менее волновавшим его литературных современников и его самого вопросом о романтизме. Мне кажется, что все писавшие о пушкинской концепции романтизма не учитывают одного существенного историко-литературного обстоятельства. Проблему классицизма и романтизма Пушкин воспринимал как модификацию старой дискуссии, возникшей во Франции еще в конце XVII в. и продолжавшейся в продолжении всего XVIII; это известная

Querelle des anciens et modernes (спор о древних и новых). Зачинатель этой дискуссии Ш. Перро, более известный как составитель знаменитого сборника « Сказок моей матери-гусыни », противопоставил новых европейских писателей как писателей христианских античным как писателям язычникам. В дальнейшем спор углубился и принял другие формы, на которых нам сейчас останавливаться нет необходимости. Важно только то, что в середине XVIII в. прочно установилось, - и во французской, и в ряде других литератур, - противопоставление « древних » « новым ». Первые считались строгими последователями « правил » и « подражания образцам »; признаком вторых была свобода от предписания догматической поэтики. Поэтому Буало с его « Искусством поэзии », хронологически « новый » писатель, воспринимался из-за своей нормативности « древним ».

Что Пушкин связывал борьбу классиков и романтиков с дискуссией о древних и новых, явствует из его чернового письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. Вот что писал Пушкин: « Говоря об романтизме, ты где-то пишешь, что даже стихи со времени революции носят (свой) новый образ - и упоминаешь об А. (ндре) Ш. (енье). Никто более меня не уважает, не любит этого поэта - но он истинный грек (непроходимый) из классиков классик. C'est un imitateur savant et rien de ⟨plus⟩ От него так и пашет (древно ⟨стью⟩) Феокритом и Анфологиею (C'est un). Он освобожден от итальянских concetti и от французских antithèses - но романтизма в нем нет еще ни капли ». Затем Пушкин продолжает: « Парни - древний (...) La Vigne (подражатель) школьник Вольтера - и бьется (всё) в старых сетях Аристотеля ». - « Романтизма, - заканчивает свою мысль Пушкин, - нет еще во Франции. А он-то и возродит умершую поэзию. - Помни мое слово - первый поэтический Гений в отечестве Буало - ударится в такую бешеную свободу, что что́ твои немцы » (XIII, 381).

Вполне естественно возникает вопрос, о каких немцах думал Пушкин, когда писал эти строки. Ответ дает один из его набросков статьи о Байроне. Здесь Пушкин писал: « Фауст есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как Или-

ада служит памятником классической древности» (XI, 51).

Итак, Гете - «новый», то есть романтик, и именно потому, что он, во-первых, свободен от «правил», а во-вторых, представляет поэзию, созданную в другом «климате, образе правления, вере».

Через несколько времени после цитированного выше письма Пушкин снова обращается к Вяземскому (25 мая 1825 г.) и опять говорит о романтизме. «Кстати, - пишет он, - я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое темное представление о романтизме». Затем он подтверждает свою мысль цитатой из незадолго до того напечатанной статьи Н. А. Полевого: «В Италии, кроме Dante единственно, не было романтизма». И тут же Пушкин возражает Полевому: «А он (романтизм) в Италии-то и возник. Что ж такое Ариост? а предшественники его, начиная от Buovo d'Antona до Orlando inamorato?» (XIII, 184).

Таким образом, в общей историко-литературной концепции Пушкина на долю Италии выпала самая важная роль в развитии литературного процесса, - именно в ней зародился романтизм, искусство, свободное от стеснительных чужих правил; в Италии возникла поэзия, выражающая современность и отказавшаяся от «подражания образцам». Здесь нужно напомнить, что Пушкин не отрицал правил вообще. Он неоднократно утверждал, что писателя надо судить по правилам, им самим себе поставляемым, что критика «основана на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях»; при этом Пушкин требовал от критики исторического подхода и внимательного отношения к текущей литературной жизни. - «Критика основана, - говорил он, - на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений» (XI, 139).

Но противопоставление Пушкиным «новых» «древним», «романтиков» «классикам» нельзя правильно понять, если не обратиться к его статье «О поэзии классической», в которой он изложил свою концепцию. Здесь Пушкин за критерий отнесения какого-либо произведения к «роду классическому» или «поэзии романтической» берет не «дух», а «формы». Под «духом» он понимает то новое,

что, по сравнению с античностью, внесли в развитие европейских литератур крупные исторические события средневековья. « Два обстоятельства, - пишет Пушкин, - имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы », - далее Пушкин прослеживает развитие новой романтической поэзии в Европе и считает, что « она является нам соперницею древней музы ». Казалось бы, романтическая поэзия имела все данные развиваться дальше, но во Франции, где романтическая поэзия была еще « в ребячестве », « образованные умы века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало обнародовал свой Коран - и французская словесность ему покорилась ». (XI, 37-38). В другой статье « О ничтожестве литературы русской » Пушкин вновь обращается к вопросу о происхождении французского классицизма и связывает это с дальновидной политикой Ришелье: « Великий человек, унизивший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу. Писатели (во Франции класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне. Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона ». Из этой цитаты ясно, что классицизм Пушкин связывал с политической реакцией, шедшей из придворных кругов. Примеру Франции, - продолжает Пушкин, - последовали и другие государства. Даже Италия отрекается от гения Dante, Метастазио подражает Расину ». (XI, 271-272).

Новый подъем « романтической поэзии » в XVIII в. Пушкин связывает с « духом исследования и порицания », то есть научного анализа и критики, обнаружившимся в новое время. Мастерски набросав развитие литературы раннего Просвещения, Пушкин приходит к выводу: « Старое общество созрело для великого разрушения ». И все же « Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание ». (XI, 272). Иными словами, французский классицизм, хотя Революция и произошла, продолжает мешать свободному развитию романтической поэзии европейских народов. Клас-

сицизм это не только литературная, но и политическая реакция; романтизм не только литературный, но и политический прогресс, - таков смысл статей Пушкина о классической и романтической поэзии.

Все сказанное позволяет понять многое в отношении Пушкина к итальянской литературе и отдельным ее деятелям. Именно потому, что « подражание образцам » Пушкин считал признаком « древних » или классиков, объясняется ставившее исследователей в тупик изменения его отношения к любимцу лицейского периода Торквато Тассо.

Но Пушкин ценил в Италии не одно только то, что в ней зародился романтизм, то есть свободное от преклонения перед авторитетами, самостоятельное творчество, но и то, что в ней рано сложилась высшая в тогдашней Европе культура. В заметке о « Ромео и Джюльете » Пушкин писал о трагедии Шекспира: « В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком исполненным блеска и concetti ». Затем Пушкин останавливает внимание на образе Меркуцио, которого называет « образцом молодого кавалера того времени ». « Изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии, - продолжает Пушкин и, пользуясь своей фразеологией, которую употреблял в аналогичных случаях, заканчивает характеристику Меркуцио, перерастающую в характеристику всего итальянского народа шекспировской эпохи. - Поэт избрал его в представители итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века ». (XI, 83).

Мысль о том, что XVI век был вершиной самостоятельной и свободной итальянской культуры и что последующее столетие было периодом временной утраты ее достижений, проскальзывает у Пушкина в нескольких местах. Споря с утверждением Бестужева-Марлинского о том, что якобы существует закон, согласно которому вслед за периодами гениев в каждой литературе идет « век посредственности, удивления и отчета », Пушкин приводит в доказательство неправильности этой мысли пример из истории итальянской литературы: « После кавалера Marino

явился Alfieri, Monti и Foscolo » (XI, 25) В другом варианте мысль Пушкина приняла такую форму: « В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Alfieri и Foscolo » (XIII, 177). Этим самым Пушкин подчеркивал неиссякаемость итальянского национального гения и особо отмечал оригинальность писателей каждой эпохи. В то же время Пушкин не проходил мимо тех явлений итальянской литературы, которые шли вразрез с его представлениями о правильном пути литературного развития. Нападая, как всегда, на тех писателей, которые шли « столбовою дорогою подражания », Пушкин, характеризуя отрицательное влияние французской литературы на литературы европейских народов, говорил, между прочим, и об итальянцах: « Италия отрекается от гения Dante, Metastasio подражает Расину ». (XI, 272).

Пушкина не могла не интересовать дальнейшая судьба итальянской культуры. К тому, что собрано М. Н. Розановым и Адой Биолато Миони, прибавим следующее. В библиотеке Пушкина сохранилась книга « Lettres historiques et critiques sur l'Italie » известного писателя XVIII в. Ш. де Бросса. В статье « Вольтер » характеризует эту книгу и, - любопытно, - дает ей несколько другое название: « L'Italie il y a cent ans ». Вот что писал Пушкин об этой книге: « ... лучшими из (...) произведений (де Бросса, - П. Б.) мы почитаем письма, им написанные из Италии в 1739-1740 и недавно вновь изданные под заглавием « L'Italie il y a cent ans ». В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде ». (XII, 75).

Изучая итальянскую литературу XVIII в. Пушкин, естественно, не мог пройти мимо Д. - Б. Вико. В его библиотеке сохранился том « Новой науки » Вико во французском переводе под названием «Principes de la Philosophie de l'Histoire» со вступительной статьей Ж. Мишле, содержащей изложение системы взглядов итальянского мыслителя. Однако, по-видимому, книга Вико не заинтересовала Пушкина: из 470

страниц этого издания разрезаны были только 143, всего около 1/3 тома, причем полностью статья Мишле и всего лишь 65 страниц авторского текста. Однако отдельные места прочитанного текста обратили на себя внимание Пушкина. Так, на стр. 33 поэт отчеркнул на полях и заложил закладкой афоризм 17: « Простонародные выражения являются наиболее важными свидетельствами народных обычаев эпохи формирования языков ». Несомненно, эта мысль Вико привлекла Пушкина тем, что совпадала с его собственным взглядом на этот вопрос. Сохранились его записи пословиц со сделанными Пушкиным толкованиями; эти записи относятся издателями Пушкина к 1825 г.; книга же Вико была издана в Париже в 1827 г. и попала в руки Пушкина, по-видимому, в 1828-1829 гг. Попутно замечу, что о пословицах Пушкин предполагал писать статью для « Современника ».

Другая мысль Вико, также отчеркутая Пушкиным и также снабженная закладкой, остановила на себе внимание поэта остротой своей психологической наблюдательности: « Большие страсти не умеряются песней, как наблюдается при чрезмерной скорби или радости ».

Наконец, третий афоризм Вико, отчеркнутый Пушкиным и также сопровожденный закладкой, должно быть привлек его конкретной характеристикой ямбического стиха, столь любимого поэтом: « Ямбический стих в наибольшей степени приближается к прозе; ямб, как говорит Гораций, это - метр стремительный » [121].

Как очевидно из приведенных цитат, ни одна из характерных идей Вико, - ни в тексте автора, ни в предисловии Ж. Мишле, - не задержала внимания Пушкина. По какой причине, сказать трудно.

В « Евгении Онегине » Пушкин упоминает не только привычны для него имена великих итальянских поэтов, - Данте, Петрарки, Торквато Тассо, - и современного прозаика « Манзони » (VI, 183), а также художника, - Альба-

[121] В. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. - Пушкин и его современники. Выш. IX-X. СПб., 1910, стр. 358.

ни, - но в черновиках и Пульчи, и Парини (VI, 463). Появление Парини очень любопытно. Упоминание о нем находится в варианте строфы LV (последней) главы седьмой, законченной Пушкиным осенью 1828 г. в Малинниках. « О Муза Пульчи и Парини! На мой неблагодарный труд Взгляни с улыбкою... » Имя Парини называется здесь в первый и единственный раз во всем творчестве поэта и данное упоминание представляет неоспоримое свидетельство того, что Пушкин знал если не все произведения итальянского сатирика, то, по крайней мере, общий характер его поэзии. Наличие подобного свидетельства имеет большое значение. Еще в 1825 г. в « Московском телеграфе » Н. А. Полевой в рецензии на главу первую « Евгения Онегина » мельком сопоставил роман Пушкина с « Днем » Парини и даже высказал предположение, что « в Онегине есть стихи, которыми одолжены мы, может быть, памяти поэта » [122]. Версию о Парини как возможном источнике романа Пушкина через сто с небольшим лет снова пытался обосновать итальянский литературовед С. ди Фриско в статье « Una fonte italiana nell'Eugenio Onjeghin di Puškin » [123]. Если судить по цитатам из работы ди Фриско, приведенным в статье проф. Э. Ло Гатто « Пушкин и Парини », - самой работы ди Фриско я достать не мог, - автор новой гипотезы глубоко убежден в неопровержимости своей идеи [124]. Однако осторожный исследователь Э. Ло Гатто, сопоставив тексты « Дня » Парини, « Послания к петербургскому жителю » Я. Н. Толстого, « Светского человека » Вольтера и « Евгения Онегина », пришел к более правильному выводу. Он пишет: « Хотя все три произведения (Парини, Вольтера и Толстого) были в какой-то мере известны Пушкину и все три были читаны им до создания « Онегина », все они и в отдельности и в целом способствовали созданию вокруг образа Онегина некоей « обстановки », которая не была характерной ни специально для Петербурга, ни для Парижа, ни для Милана, но была общей в аналогичных социальных

[122] Московский телеграф, 1825, ч. II, №, март, стр. 50.
[123] Rassegna nazionale, 1930, Febbraio.
[124] E. Lo Gatto. Puškin, p. 614-615.

условиях жизни, как, впрочем, резко подчеркнул и сам Вольтер:

> Итак, друзья мои, когда вы знать хотите,
> Могу вам рассказать, как в наш проклятый век, -
> В Париже, Лондоне, и в Риме, и в Мадрите,
> Проводит дни свои почтенный человек [125].

Конечно, Э. Ло Гатто прав, подходя к вопросу о «зависимости» Пушкина от Парини с историко-культурной точки зрения, видя во всех четырех произведениях, сопоставляемых им, результат европейской традиции сатирического осмеяния «щеголя». Не будет удивительно, если обнаружатся и в других литературах аналогичные явления, хотя бы хронологически и не совпадающие с перечисленными выше поэмами.

И хотя. Э. Ло Гатто, как мы видели, исходил из предположения, что произведения Вольтера, Толстого и Парини были «в какой-то мере известны «Пушкину, в самом конце статьи он пишет: «Если Парини и был все-таки знаком Пушкину, то он входил только в качестве подлежащего рассмотрению составного элемента широкой культуры» [126]. Это «если» звучит несколько странно, так как итальянскому исследователю по справке, доставленной Б. В. Томашевским, известен стих

> О Муза Пульчи и Парини! [127]

Однако у Э. Ло Гатто есть основания не настаивать на своем предположении, что Пушкин знал Парини и читал его «Дни» *до* того, как стал писать главу первую «Онегина». Одним из аргументов, приводимых Ло Гатто в пользу своей гипотезы, является место в письме Пушкина к А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 г., где поэт предлагает своему другу: «Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года». Слова «четыре

---

[125] E. Lo Gatto. Puškin, p. 632.
[126] Там же, стр. 637.
[127] Там. же, стр. 617.

части дня » итальянский профессор, - впрочем, вслед за П. Н. Сакулиным, Б. Л. Модзалевским и Н. О. Лернером, - относит к Парини. Однако это явное недоразумение: « четыре части дня », как первый указал Ал-др Н. Веселовский, были взяты Пушкиным из стихотворения А. Ф. Воейкова « К Ж. » (то есть « К Жуковскому »), здесь Воейков рекомендует своему адресату - написать четыре части дня, написать четыре времени, написать поэму славную. П. Н. Сакулин по этому поводу пишет: « ... « четыре части дня », по нашему мнению, - намек на Парини ». « Едва ли, - продолжает он, - здесь нужно думать о стихотворении Беркен (!) (Berquin, 1749-1791), также озаглавленном « Четыре части дня » и переведенном Пав. Голенищевым-Кутузовым (М., 1805) ».[128]. Почему « едва ли здесь нужно думать о стихотворении Беркен », П. Н. Сакулин не говорит, да, впрочем, это и не нужно, так как « Четыре части дня », переведенные П. И. Голенищевым-Кутузовым, вовсе не стихотворение Беркена, а поэма кардинала Фр. Берни (1715-1749). Да и из стихотворения Воейкова « К Ж. » никак нельзя заключить, что этот любитель « описательной поэзии », переводчик « Садов » Делиля и « Георгик » Вергилия, наряду с « Четырьмя временами года » Томсона [129], станет вдруг рекомендовать сатирическую поэму Парини. Но, если даже на некоторое время мы согласимся, что Воейков имел в виду Парини, выходит, что Пушкин *не* советовал Дельвигу писать в подражание итальянскому поэту, а это значит, что Парини не понравился Пушкину. Тогда как же могла поэма « День » войти « как составной элемент широкой культуры », - повторяю слова Э. Ло Гатто, - « в широкую культуру Пушкина ? ».

Проф. Ло Гатто предполагает, что Пушкин познакомился с поэмой Парини по французскому переводу аббата

---

[128] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. - Писатель. Т. I, М., 1913, стр. 239, прим.

[129] Впрочем, полной уверенности, что речь здесь идет именно о Томсоне, быть не может, так как в промежуток между 1795 и 1809 гг. было издано на русском языке несколько переводов под таким названием. См. Сопиков. Опыт русской библиографии. Изд. 2-е, т. IV, стр. 127.

Деправда (1776) [130]. Не понятно, почему. Известно, что в 1814 г, в Париже вышел еще один перевод [131], который - хронологически - скорее мог попасть в руки Пушкина. У нас нет никаких доказательств того, что Пушкин знал « День » Парини, - в итальянском ли оригинале или во французском переводе, - до того как стал писать главу первую « Онегина ». Но, в то же время, можно предполагать, что незадолго до того, как в Малинниках он воззвал к Музе Пульчи и Парини, он мог прочесть в оригинале хотя бы первые три части « Дня », который сохранился в библиотеке с. Тригорского (ныне во Всесоюзном Пушкинском Музее). Вот описание этой книги: « Il Mattino, il Mezzogiorno e la Sera. Poemetti tre » (Venezia, 1779) [132].

Я хорошо знаю, что в данной работе далеко не исчерпана поставленная мною тема. Предстоит еще долгое и кропотливое собирание и критическое изучение не учтенных мною, не известных мне материалов, возможно, многие мои предположения и догадки в дальнейшем не подтвердятся, но я отношусь к этому спокойно: такова судьба каждого исследователя, обращающегося к мало разработанной теме. Но в одном я уверен. Сейчас, после предложенных вниманию читателей фактов, мне кажется, не может быть сомнений в том, что тема « Пушкин и итальянская культура » - не выдуманная тема, что в общекультурном и историко-литературном сознании поэта Италия занимала большое и серьезное место, что к концу жизни он со все большим интересом и живым сочувствием следил за развитием итальянской литературы, связывая это с общеевропейской и русской литературной жизнью.

Не учитывать это - значит обеднять то великое явление, которое представляет Пушкин в мировой культуре.

Любопытна характеристика, которую дает Пушкин Ни-

[130] Lo Gatto, стр. 616.

[131] Biographie universelle, ancienne et moderne, t. 42, P., 1822, p. 569.

[132] Б. Л. Модзалевский. Поездка в с. Тригорское в 1902 г. - Пушкин и его современники, вып, I, стр. 35 (№ 166). В Тригорской библиотеке имелись еще сочинения Метастазио (№ 157), Гольдони (№ 160) и еще 10 названий на итальянском языке, оригинальных (аб. Кьяри и др.) и переводных.

коло Макиавелли. Он называет итальянского философа « бессмертным флорентинцем » и « великим знатоком природы человеческой» Запись эта, относящаяся к 1834 г., очень близка по содержанию к фразе, включенной в характеристику Екатерины II в известных « Заметках по русской истории »: « Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства ». (VI, 15). По-видимому, Пушкин читал Макиавелли еще до 1822 г., когда были написаны « Заметки по русской истории ».

В библиотеке Пушкина были два издания Макиавелли, - оба во французском переводе; одно - полное в 12 тт., второе - избранные мысли Макиавелли. В полном собрании в т. Ш, где напечатан трактат « Государь », между стр. 28 и 29 Пушкиным была положена закладка. Какая мысль Макиавелли заставила Пушкина сделать это, сказать трудно.

XXI

О ЛИТЕРАТУРЕ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Можно полагать, что повторяющиеся время от времени в любой науке пересмотры нерешенных или спорных вопросов образуют явление необходимое и прогрессивное. Уже одно то, что какой-то комплекс фактов вновь и вновь становится предметом размышлений, анализа, интерпретации, служит признаком значительности этой проблемы, является доказательством того, что для дальнейшего развития науки необходимо более удовлетворительное понимание и объяснение данного научного феномена. Иными словами, пересмотру подвергаются такие научные проблемы, которые играют существенную роль в соответствующей области знания.

Обычно мы просто констатируем наличие таких дискуссионных проблем, но мало или вовсе не задаем себе вопроса о том, как, когда и при каких условиях они возникали. Между тем исторический подход к рассмотрению спорных проблем позволяет решать их с большей точностью и определенностью. Если говорить о подобном историческом подходе к науке вообще, то, как правильны ни будут в целом наши суждения и выводы, все же специфика каждой отдельной науки при этом если и не утрачивается полностью, то в значительной мере ослабляется. Подлинный смысл и значение пересмотра спорных и нерешенных вопросов в какой-либо науке могут быть правильно поняты только в том случае, когда общетеоретические принципы подхода будут конкретизированы в соответствии с ее специфическими особенностями.

Проблема «литературы переходного периода» представляет в советской литературной науке как раз один из таких спорных вопросов, которые время от времени вновь привлекают к себе внимание исследователей, кажутся в течение какого-то хронологического отрезка убедительно решенными, но затем опять обнаруживается недостаточность предложенных объяснений, наступает если не для авторов концепций, то для других литературоведов, разочарование в существующих толкованиях, и — как результат — возникает потребность в новом понимании и освещении данного явления.

XXI

Настоящая статья, в которой мною делается попытка разобраться в существе и особенностях «литературы переходного периода», возникла вследствие того, что бытующие в нашей науке объяснения данного явления не представляются мне полностью убедительными. Как будет видно из дальнейшего изложения, я вовсе не отвергаю мнений своих предшественников. Напротив, я считаю крайне необходимым подчеркнуть здесь, в начале статьи, что почти все ответы, предложенные в разное время разными авторами, мною принимаются, но не как так называемые «истины в последней инстанции», а как правильные, хотя и не полные решения, или, вернее, как частные решения, приобретающие свое подлинное значение лишь при соотнесении и подчинении более общему ответу, более полному решению.

Отличие моей принципиальной позиции от точек зрения моих предшественников состоит в следующем: я вполне ясно отдаю себе отчет в том, что предлагаемое мною решение проблемы не должно рассматриваться в качестве окончательного, что оно опирается на современные общетеоретические принципы и конкретные историко-литературные фактические данные и, следовательно, через некоторое время — при другом понимании исходных положений нашей науки и при накоплении новых фактов — оно неизбежно устареет. Иначе говоря, в настоящей статье я предлагаю решение, которое считаю условным, временным, провизорным. Ни на что большее я не претендую.

* * *

Литературой переходного периода в русском литературоведении принято называть ту часть русской словесности или письменности, которой завершается ее древний период и которая служит соединительным звеном между ним и новым периодом, то есть литературой XVIII в.

Сейчас трудно установить, когда и кем был введен в научный оборот термин «литература переходного периода». Гораздо легче указать авторов, говоривших о «переходе» от древней литературы к новой. Так, начиная курс новой русской литературы в Московском университете в 1859 г., тогда еще молодой Н. С. Тихонравов утверждал, что нельзя изучать новую русскую литературу «вне всякой связи с предшествующим литературным развитием» [1]. От подлинного историка русской литературы Тихонравов требовал исследований того, что он называл «переливами» древнего периода в новый [2]. «По нашему убеждению,— писал он,— история новой русской литературы должна начаться обозрением второй половины XVII века» [3]. Все эти положения Тихонравова долгое время оста-

[1] Н. С. Тихонравов. Сочинения. Т. II. Русская литература XVII и XVIII вв. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1898, стр. 2.
[2] Там же, стр. 11.
[3] Там же, стр. 10—11.

вались погребенными на страницах газеты «Московские ведомости» (1859, № 232, литературный отдел) и в его «Сочинениях» (т. II) и не оказали прямого влияния на русскую литературную науку.

Много позднее к рассмотрению вопроса о литературе переходного периода обратился А. Н. Пыпин, ученый с огромной эрудицией и широким кругозором. Как и Тихонравов, он занимался в 50-е годы прошлого века тем, что в советском литературоведении одно время называли «массовой литературой» XVII—XVIII вв. Пыпин, подобно Тихонравову, говорил о непрерывности русского литературного процесса. Во «Введении» к своей «Истории русской литературы» Пыпин писал: «...то, что́ считалось резкой переменой и переломом, при более точном наблюдении оказывается более или менее подготовленным переходом общества от одного состояния к другому, как, напр., в прежнее время не подозревалось присутствие тех разнообразных подготовлений, которые предшествовали Петровской реформе, и того обилия отголосков старины, каким исполнена после-Петровская эпоха» [4].

Пыпин достаточно осторожно и — для своего времени — глубоко подошел к вопросу о причинах перехода от древней письменности к новой литературе. Как либерально-буржуазный литературовед-западник он был убежден, что только сближением с Европой объясняется развитие русской культуры в период после свержения татарского ига. Однако этот тезис, злободневно политический смысл которого мы недостаточно отчетливо представляем себе, Пыпин понимает не грубо-прямолинейно. Говоря о разных видах заимствования в русской культуре и литературе XVI—XIX вв., он считает нужным объяснить свое понимание границ и причин этого процесса: «...заимствование совершалось лишь в известной мере, указанной внешними условиями литературы, и в известных направлениях: принималось то, что отвечало запросам собственного развития, и потому принимаемое своеобразно перерабатывалось и давало самостоятельные ростки в жизни и литературе» [5]. В другом месте Пыпин еще точнее формулировал свою трактовку характеризуемого процесса: «...смысл первых заимствований — стремление к самостоятельному национальному творчеству» [6].

Скрыто полемизируя с поздними славянофилами, последователями Ивана Аксакова, Т. Филиппова и — особенно — реакционными публицистами, вроде автора «Борьбы с Западом в нашей литературе» Н. Н. Страховым, Пыпин настойчиво проводил мысль, что только в ориентации на Европу заключался исторически предопределенный путь развития Московской Руси, начиная с XV в. «Для беспристрастного взгляда,— писал Пыпин,— давно не подлежит

[4] А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. Изд. 3-е. СПб., 1907, стр. 27.
[5] Там же, стр. 31—32.
[6] Там же, стр. 33.

сомнению, что преобразования Петра В. были только продолжением гораздо ранее начавшегося времени» [7].

Таким образом, Пыпин, подобно Тихонравову, признавал непрерывность, единство русского исторического и, следовательно, и литературного процесса. Однако он считал необходимым уделить серьезное внимание вопросу о разделении истории литературы на периоды, «которое облегчало бы... установить ее основные пункты, главные движущие силы и характер в разные эпохи» [8]. И как раз здесь Пыпин высказал свои соображения о «переломах» и «переходах», не утратившие интереса и в настоящее время: «Давно замечено, что в действительной истории такие «периоды» редко бывают отделены один от другого так ярко, чтобы можно было обозначить их точными событиями и датами». «В ходе событий,— продолжает Пыпин,— редко бывают переломы, быстро изменяющие народную жизнь; перемена бывает отчетливо заметна лишь на известном значительном пространстве времени, и при сложности явлений народной жизни определение «периодов» может быть сделано лишь на основании целой совокупности признаков...» [9]

Может быть, в этих суждениях больше, чем в чем-либо другом, ощущается усвоение Пыпиным идей Н. Г. Чернышевского, под личным обаянием которого складывались научные взгляды будущего ученого.

Повторив свою излюбленную мысль о том, что «обычное течение жизни имеет свою непрерывность и традицию», Пыпин продолжает: «Новое крупное явление обыкновенно подготовляется задолго, мало заметными признаками, которые только после известного промежутка созревания являются деятельной исторической силой; в конце одного периода уже готовятся факты периода дальнейшего, и в этом последнем, с другой стороны, продолжают отживать факты предыдущего» [10].

Подчеркнув затем, что, «таким образом, «периоды» должны быть понимаемы только приблизительно», Пыпин уже прямо обращается к периодизации истории русской литературы. Считая, что основными периодами «могут быть приняты три», он пишет: «Границами их служат эпоха татарского нашествия, а затем вторая половина XVII века как преддверие Петровской реформы, открывающей новую пору русской литературы». Повторив важную для него мысль, что «это — границы не резкие и которых невозможно определить точными датами», Пыпин делает попытку охарактеризовать, говоря его словами, «на основании целой совокупности признаков», каждый из трех намеченных периодов. Особенный интерес представляет для нас даваемая Пыпиным характеристика

[7] А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I, стр. 62.
[8] Там же, стр. 64.
[9] Там же.
[10] Там же.

того периода, который потом получил в нашем литературоведении название «переходного». Он пишет: «На переходе от среднего периода к новому первые достаточно определенные признаки движения в сторону европейского образования обозначаются во второй половине XVII века, даже еще с половины XVI-го, но сильнейший толчок в этом направлении дан был Петровской реформой...» [11]

Эту основную идею — о движении русской жизни конца XVI и затем XVII в. в сторону европейского образования — более подробно развивает Пыпин во втором томе «Истории русской литературы». Но нам нет необходимости с такой же детальностью прослеживать изложение Пыпина. Должно отметить только один пункт,— как «религиозная и национальная нетерпимость» Москвы, ее «крайнее национальное высокомерие», преградившее «путь к просвещению», вынудили московское правительство для осуществления поставленных исключительных религиозно-политических целей пригласить «поганых» иноземцев [12].

Заметим попутно, что Пыпин, вслед за историком С. М. Соловьевым, на которого он ссылается в соответствующих местах, движущей силой в процессе «движения в сторону европейского образования» считает московское правительство. Возможно, это — дань традиции, сложившейся еще в эпоху «просвещенного абсолютизма» и сводившей всякие проявления политической, экономической и культурной жизни России к личной инициативе монарха или, в крайнем случае, правительства.

Впрочем, Пыпин,— и в этом он также выступает как ученик и последователь Чернышевского,— исходя из фактов, вносит поправку в свою прямолинейную концепцию. «Уже давняя старина XV—XVI века не была так упорно привержена к своему обычаю, как обыкновенно полагают. При неподвижности умственной, по-видимому, нельзя было бы ожидать стремлений к новизне; но даже в тесном горизонте старинных книжников воспринимались еретические учения, которые свидетельствовали об умственном брожении, о недовольстве прежним, об искании нового. Новизна проникала и в бытовой обычай, хотя бы даже нарушалось при этом церковное освящение старины» [13].

Перечислив те новые явления в русской народной жизни, которыми характеризуется вторая половина XVII в., Пыпин делает обобщение: «Таким образом, еще не было произведено никакого переворота в русской жизни, никакого принципиального отступления от ее начал, какое приписывается Петровской реформе, и между тем в ней видимо совершается нечто прежде небывалое, так что последующие нововведения Петра для наблюдателя беспристрастного не представляют ничего неожиданного» [14].

---

[11] Там же.
[12] Там же, т. II, стр. 303 и сл.
[13] Там же, стр. 311.
[14] Там же, стр. 313.

XXI

Вполне естественно, что когда Пыпин обратился к анализу собственно литературных явлений «переходного периода», он с особенным вниманием должен был остановиться на личности и деятельности Симеона Полоцкого как наиболее яркого представителя и выразителя новых умственных запросов. «В писаниях Полоцкого,— говорит Пыпин,— в первый раз заявлялось право и необходимость светской книжности, которая обращалась бы к изображению жизни не только в виде церковного поучения; и в новой форме, которую он вводил, появлялся некоторый запрос на литературное изящество». «Одним словом,— продолжает Пыпин,— с ним начинается, хотя еще в самом грубом зародыше, поворот литературной жизни, искание нового содержания и новой формы; по своим образовательным стремлениям он был прямым предшественником другого рода деятелей киевской науки, ступенью выше, которые стали потом ревностными сотрудниками и приверженцами Петровской реформы» [15].

Мне представляется вполне достаточным ограничиться приведенными материалами, чтобы показать значительность и важность взглядов Пыпина на характер и историческую роль литературы «переходного периода». Если мы вспомним, что еще и во второй половине XIX в. вопрос о положительном или отрицательном значении личности и деятельности Петра в русской истории продолжал оставаться вполне актуальным, мы поймем политический смысл настойчивого стремления Пыпина показать и доказать, что и в политическом, и в экономическом, и в культурном, и, наконец, в литературном отношении Петровская реформа явилась прямым и непосредственным следствием «переходного периода», иными словами, что она была закономерным результатом «естественного развития» России.

Идеи Пыпина в значительно большей степени повлияли на последующее понимание русскими дореволюционными литературоведами своеобразия литературы «переходного периода», чем забытая «Вступительная лекция» Тихонравова. Однако исторически и историографически взгляды обоих ученых должны быть рассматриваемы вместе, в известной мере в одной плоскости.

* * *

Позднее оформление истории литературы как науки — в России это произошло лишь во второй трети XIX в.— привело к тому, что долгое время наши исследователи не умели создать правильное представление о предмете и существе своей области изучения. Обилие материала, подлежавшего освоению и освещению, подавляло их; на первый взгляд памятники древнерусской литературы и литературы XVIII в. казались им резко отличными от современ-

[15] А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, стр. 343.

ной им литературы середины и второй половины XIX в. с ее более или менее четко сформулированными политическими и эстетическими программами, с враждебными литературными группировками и даже направлениями. В результате этого у большинства русских историков литературы сложилось убеждение, что в древнерусской литературе — от XI по XVII в. включительно — не было никакого движения, никакой жизни: одни и те же памятники продолжали входить в «круг чтения древнего книжника», одни и те же религиозные интересы занимали умы в течение семи столетий. Сейчас, когда текстологические исследования советских ученых показали, насколько обманчивы подобные заключения, уже никто не придерживается этой точки зрения. Дольше сохранились другие взгляды старых литературоведов. Крутой перелом, как им казалось, произошел в русской литературе в начале XVIII в. при Петре и по воле Петра, но в дальнейшем, на протяжении всего XVIII в. опять-таки никакого заметного движения не было: это был период рабской подражательности, ученичества, в течение которого ничего самостоятельного, достойного изучения не было создано. Значение литературы XVIII в. литературоведы XIX и начала XX в. усматривали в том, что она, во-первых, решительно порвала с древнерусскими литературными традициями и, во-вторых, добросовестно и хотя и рабски, но успешно усваивала результаты европейского литературного развития.

На фоне резкого противопоставления древнерусской литературы литературе XVIII в., с одной стороны, и их обеих — русской литературе XIX в.— с другой, взгляды Тихонравова и Пыпина на литературу «переходного периода» и связанные с ней проблемы имели большое, положительное научное значение. Они вносили в традиционные представления живое начало критики, научной пытливости, неудовлетворенности привычными схемами.

Однако не следует преувеличивать значение рассмотренных взглядов Пыпина и Тихонравова. И вот почему.

Изучение отдельных литературных явлений проходит три основных этапа: прежде всего необходимо заметить, обратить внимание на это явление, затем надо суметь определить его, описать его как самостоятельный факт развития, перечислить его главные и вторичные признаки, установить его связи с предшествовавшими ему литературными явлениями и с явлениями, последовавшими за ним, и, наконец, дать удовлетворительное объяснение его, т. е. поставить данный единичный феномен (факт, явление) в целостный исторический и историко-литературный процесс как закономерный момент развития.

Неверно было бы полагать, что какой-либо из трех указанных этапов изучения более важен или менее существен. Вовсе не так просто и легко выделить какое-либо литературное явление из непрерывного потока литературного развития. В особенности трудно это делать на историческом отдалении, когда исследователю либо

вовсе неизвестна конкретная историческая обстановка, в какой создалось и бытовало данное произведение или данный автор и т. д., либо известна только в основных чертах. Далее — вовсе не просто найти существенные признаки обнаруженного явления. Нередки случаи, когда исследователь обращает внимание на второстепенные черты изучаемого материала, принимая их за основные. Еще хуже бывает, когда под воздействием готовых схем, взятых из истории других национальных литератур, литературовед во что бы то ни стало хочет найти в открытом им или его предшественниками материале чуждые этому явлению признаки или черты, имеющие свое самостоятельное происхождение. Таковы, по моему убеждению, попытки А. А. Морозова и других объяснить русскую литературу «переходного периода» как литературу «барокко».

Наконец, не менее важно и не менее трудно правильно объяснить данное явление, даже тогда, когда оно давно замечено и описано, когда, казалось бы, оно вполне изучено. Ведь объяснение и описание, истолкование и характеристика, хотя и не обязательно связаны, как мы видели выше, но раз уже связаны, то всегда влияют друг на друга: собранные «признаки» подсказывают объяснение или истолкование, найденное объяснение требует, в свою очередь, отыскания дополнительных аргументов-«признаков».

Пыпин в большей мере, чем Тихонравов, потрудился над осмыслением материалов по литературе «переходного периода». Он не только заметил и выделил данное литературное явление из общего массива фактов древнерусской литературы и литературы начала XVIII в., но и соответственным образом описал его. Больше того; он даже попытался, как мы видели, найти объяснение этого явления. По его мнению, в литературе «переходного периода» заметны «достаточно определенные признаки движения в сторону европейского образования», а само это движение явилось следствием того, что правительство Московского государства для достижения своих исключительных религиозно-политических целей вынуждено было воспользоваться помощью презираемых и ненавистных иноземцев.

Можно ли удовольствоваться подобным объяснением сущности литературы «переходного периода» и причин ее возникновения, будет видно из дальнейшего. Сейчас же достаточно сказать, что, как ни неполно и односторонне понимание Пыпиным интересующей нас проблемы, оно сыграло свою полезную роль в истории изучения литературы «переходного периода», так как не только выделило это явление в специальный предмет рассмотрения и перечислило его внешние и внутренние признаки в том виде, конечно, как они представлялись ученому при тогдашнем состоянии русской литературной науки, но и представляло не лишенную интереса попытку найти объяснение этого феномена. Стремление Пыпина тем более заслуживает внимания, что автор — позитивист

по своим философским воззрениям — пришел здесь к диалектическим выводам. Но нам ясно, что диалектика, примененная в данном случае Пыпиным, была диалектикой не материалистической, а идеалистической. Кроме того, субъективные намерения Московского правительства использовать помощь иноземцев для укрепления своей исключительно нетерпимой идеологии Пыпин принимал за объективную историческую закономерность, т. е. стоял в конечном счете на субъективно-социологической позиции.

Естественно, что правильный ответ на этот, как и на другие вопросы, можно дать, только исходя из диалектико-материалистического, марксистско-ленинского понимания исторического процесса.

* * *

Я пишу не диссертацию, для которой — по крайней мере, в идеале — обязательна библиографическая и историографическая полнота при рассмотрении вопроса. Статейный характер настоящей работы дает мне право останавливаться только на тех моментах в изучении литературы «переходного периода», которые имеют принципиально важное значение. Поэтому я позволю себе пройти мимо суждений В. М. Истрина [16], Г. В. Плеханова [17], П. Н. Сакулина [18], А. С. Орлова [19], В. П. Адриановой-Перетц [20], Н. К. Гудзия [21], И. П. Еремина [22], Л. В. Крестовой [23], А. А. Морозова [24] и др., прямо или косвенно относящихся к проблеме литературы «переходного периода». Мне представляется, что наибольший интерес

---

[16] В. М. Истрин. Введение в историю русской литературы второй половины XVII века.— «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском ун-те», т. X. Одесса, 1903, стр. 75—98.

[17] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Соч., т. XX. М.—Л., 1925, стр. 106—108.

[18] П. Н. Сакулин. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 1. Литературная старина. М., 1928, стр. 188—189. Ч. 2. Новая литература. М., 1929, стр. 11—20.

[19] А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 325—343.

[20] В. П. Адрианова-Перетц. Литература кануна реформы (1640—1690 годы). Введение.— В кн: «История русской литературы», т. 2, ч. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 129—181.

[21] Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. Изд. 7-е. М., 1966, стр. 365—370, 525—527.

[22] И. П. Еремин. Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII вв.— В кн.: И. П. Еремин. Литература Древней Руси. М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 200—210.

[23] Л. В. Крестова. Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в.— В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 253—296.

[24] А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе XVII — начале XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения).— «Русская литература», 1962, № 3, стр. 3—38; см. также: М. А. Гуковский. Еще к вопросу о русском барокко.— Там же, 1963, № 2, стр. 108—113.

в этом отношении вызывает точка зрения Д. С. Лихачева, и вот почему.

Перечисленные авторы либо повторяют иными словами соображения, высказанные ранее их Пыпиным, либо прибегают к помощи общих широких и, в конце концов, малоубедительных формулировок, вроде: «одна из тех, совершенно неизбежных в процессе социального развития, эпох[25] или «естественный рост Московского государства требовал новых форм экономической и политической жизни»[26], либо, наконец, связывают и даже выводят своеобразие литературы «переходного периода» из процесса складывания русской нации и образования всероссийского рынка.

Позиция Д. С. Лихачева выгодно отличается от позиции его предшественников логической стройностью, диалектической гибкостью и широкой постановкой вопроса. Он не отбрасывает суждения своих предшественников как неверные и ненужные, но подчиняет их одной генеральной идее, в рамках которой они получают свое законное место. С характерной для его литературно-научного стиля конспективной сжатостью и в то же время четкостью и ясностью, Д. С. Лихачев пишет: «Русская литература X—XVII веков представляет процесс постепенного становления в ней национального своеобразия. Литература X—XIII веков — это литература древнерусской народности. Литература XIV—XVII веков — литература великорусской народности. С первой половины XVII века складываются элементы национальной литературы в связи с началом становления русской нации». «Все эти периоды,— продолжает Д. С. Лихачев,— не могут быть строго отграничены друг от друга, и они не противостоят друг другу как нечто качественно отличное. Напротив того, все они входят в единую линию развития русской литературы: постепенного нарастания в литературе элементов национального своеобразия»[27].

Перейдя затем к определению специфики литературы каждого из намеченных периодов, Д. С. Лихачев пишет: «В литературе древнерусской народности характерные национальные черты выражены еще не очень сильно, но тем не менее уже вполне отчетливо. Литература X—XIII веков — это литература действительно древнерусская, по содержанию и по форме. Она тесно связана с русской исторической действительностью, отражает ее нужды, создает оригинально русские жанры, способствует развитию русского литературного языка»[28].

О литературе XIV—XVII вв. Д. С. Лихачев говорит с такой же сжатостью и отчетливостью: «В эпоху складывания великорусской

---

[25] Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XX, стр. 107.
[26] П. Н. Сакулин. Русская литература. Ч. 2, стр. 12.
[27] «История русской литературы в трех томах». Т. I. (Литература X—XVIII веков). М.—Л., 1958, стр. 375.
[28] Там же.

народности происходит постепенное углубление всех этих черт. Государственное строительство, поглощавшее огромные народные силы, отразилось в литературе особенно большим интересом к общественным и государственным темам, нарастанием в ней публицистичности и патриотизма» [29].

Если предшественники Д. С. Лихачева определяли своеобразие «переходного периода» и его литературы какой-либо одной причиной, то сам Д. С. Лихачев находит вполне правильное и истинно научное объяснение: «Сложение национальных черт в русской литературе X—XVII веков было неразрывно связано с классовой борьбой народа против феодалов. Это вопрос очень сложный, еще не разработанный в современном литературоведении, но тем не менее в самых общих чертах своей постановки не вызывающий сомнений» [30].

Даваемая далее Д. С. Лихачевым характеристика национальной специфики литературы XVII в. производит столь же сильное впечатление, что и теоретическая часть, но останавливаться на ней для нас не обязательно.

Мне думается, что и без комментариев ясно, насколько выигрывает толкование Д. С. Лихачевым как самого «переходного периода», так и его литературы при сравнении со взглядами других литературоведов на тот же предмет. Указанная Д. С. Лихачевым, хотя бы в самых общих чертах, связь литературного развития с классовой борьбой соответствующей эпохи бесспорно представляет настоящее, действительное объяснение данного явления.

И все же, мне кажется, это правильное объяснение нуждается в некотором дополнении. Анализируя данную проблему, увлеченный идеей о нарастании в русской литературе XVII в. черт национального своеобразия, Д. С. Лихачев остается в пределах, если можно так выразиться, имманентно-национальных, имманентно-русских, но одними ими объяснить все своеобразие литературы «переходного периода», по-моему, нельзя.

Не только человек становится человеком — существом общественным, живя в обществе, но и государство становится государством, живя в экономических, политических и культурных контактах с другими государствами, своими близкими и далекими соседями, а иногда и вовсе не соседями. Конечно, и подобные внешние контакты определяются классовой борьбой данного общества, данного государства, но,— несмотря на эту определяемость и подчиненность или, вернее, тем более,— нам необходимо учитывать в наших литературоведческих построениях роль международных контактов как одного из объективных факторов литературного развития.

---

[29] Там же, стр. 375—376.
[30] Там же.

XXI

* * *

Едва ли, при современном состоянии исторической и археологической науки, кто-либо серьезно станет отрицать непрерывность и единство исторического процесса развития человечества в целом. Если отвлечься от космических катастроф, какие, возможно, имели место в истории Земли,— «захват» Землею Луны, «всемирный» потоп и др.,— то непрерывность и единство исторического процесса представляются несомненными. Даже революции не являются перерывами или нарушениями непрерывности исторического процесса в национальном или всемирно-историческом аспекте: революции представляют не нарушения, а формы исторического развития.

Однако здесь сразу же необходимо внести существенное уточнение: этот тезис надо понимать исторически, диалектико-материалистически. «Всемирная история не всегда существовала,— писал К. Маркс в черновых набросках к знаменитому труду «К критике политической экономии»,— история как всемирная история — результат» [31].

В самом деле, с того момента,— а точно определить его, конечно, нельзя,— когда жизнь людей на земле перестает быть простым их существованием на нашей планете и становится историей, т. е. обозримым процессом развития общества, мы с помощью археологии, а позднее и письменных памятников устанавливаем наличие одновременно существующих объединений, находящихся во взаимодействии друг с другом. Прав ли С. Крамер, утверждающий, что история начинается в Шумере [32], или традиционно мыслящие историки, считающие Древний Египет более ранним этапом развития человеческого общества, или, наконец, А. Горбовский, осторожно выдвигающий гипотезу о какой-то еще более древней цивилизации, будто бы уничтоженной в результате мировой катастрофы [33],— все равно, во всех этих и им подобных работах идет речь о начале какого-то бесспорного процесса, процесса истории.

Но гениальность тезиса Маркса состоит в том, что история не сразу становится всемирной историей, а лишь в итоге исторического развития: она — «результат». Поэтому вполне возможны аналогичные споры и по вопросу о том, когда начинается всемирная история, с походов ли Александра Македонского, с возникновения ли Римской империи или с более поздних времен, когда «пар и машина произвели революцию в промышленности» [34], создав всемирный рынок. Можно думать, что Маркс и Энгельс имели в виду именно это. В «Манифесте Коммунистической партии» они

---

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 736.

[32] С. Крамер. История начинается в Шумере. М., изд-во «Наука», 1965.

[33] А. Горбовский. Загадки древнейшей истории. Книга гипотез. М., 1966.

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 4. М., 1955, стр. 425.

писали: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву... На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» [35].

В приведенном отрывке Маркс и Энгельс характеризуют уже вполне развитое состояние «всесторонней связи и всесторонней зависимости наций друг от друга». Однако несомненно, что это состояние — тоже «результат»: не все нации сразу, одновременно вступили в подобные взаимозависимые связи и отношения; одни начали этот путь раньше, другие позже, и именно это разновременное вхождение различных наций и народов во всемирный рынок и всемирную историю и образует специфичность этого длительного процесса.

Однако для историка литературы эта «смена старой местной и национальной замкнутости» широкими взаимосвязями наций имеет значение не только того исторического фона или базы, на которых происходит развитие отдельных национальных литератур, но и в качестве показателя всеобщности процесса, охарактеризованного Марксом и Энгельсом. В самом деле, сказав о возникновении всесторонней связи и всесторонней зависимости наций друг от друга, Маркс и Энгельс уточняют и расширяют свою мысль: «Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [36].

Великая важность этого положения Маркса и Энгельса неоднократно привлекала внимание литературоведов, но скорее в общетеоретическом, чем конкретно историко-литературном плане. Не входя в подробности, не отвечающие целям настоящей статьи, мы остановимся только на одной стороне вопроса.

Во всех приведенных положениях Маркса и Энгельса «всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» изображается как происходящий, а не завершившийся процесс. Потому-то авторы употребляют не прошедшее время [37], а настоящее: «...вытесняют ...возникают ...приходит ...становится ...образуется».

---

[35] Там же, стр. 427—428.

[36] Там же, стр. 428.

[37] Прошедшее время Маркс и Энгельс употребили в этом отрывке лишь для характеристики уже совершившейся промышленной революции и ее непосредственных и ближайших экономических следствий: «...сделала ...вырвала ...уничтожены».

Следовательно, этот переворот в области материального и духовного производства, о котором говорят Маркс и Энгельс как об итоге чрезвычайно революционной роли буржуазии в истории [38] — конечно, на первом этапе ее деятельности,— есть и «результат» и в то же время не закончившийся «процесс». «Всемирная литература» не «образовалась», а «образуется», т. е. в нее продолжают вступать все новые и новые литературы; она не завершила еще свое формирование, а продолжает формироваться, и процесс этот — в новых исторических условиях и новых эстетических формах — происходит на наших глазах. И если даже мы сейчас ближе к реализации идеи Маркса и Энгельса о всемирной литературе, то все же процесс этот еще далеко не закончен, и в его течении не все нам достаточно ясно, не все так просто, как это представляется в схематизированном виде.

Из всего сказанного для нас особенно важно, что «всемирная история» — «результат» и продолжающийся процесс и что то же самое представляет «всемирная литература».

Мне кажется, что именно в этом и заключается истинный ответ на интересующий нас вопрос: «Что такое литература переходного периода?» Коротко формулируя его, мы должны сказать: русская литература так называемого переходного периода есть литература того периода, когда Московская Русь военным, экономическим и дипломатическим путем стала устранять свою местную и национальную замкнутость и стала входить во всемирную историю, а русская литература — во всемирную литературу.

Все то, о чем в XIX в. говорили Тихонравов и Пыпин, а в XX — остальные перечисленные выше авторы, начиная с В. М. Истрина и кончая Д. С. Лихачевым, остается в силе, но не как механическое объединение различных интерпретаций, а только при строго критическом пересмотре и подчинении единой идее: вхождение Московского государства во всемирную историю именно в XVI—XVII вв. было не следствием действия некоего мистического провиденциализма, а диктовалось логикой классовой борьбы эпохи. Это была одна из форм классовой борьбы того времени: чтобы удержать в своих руках власть, потрясенную событиями конца XVI — начала XVII в., московские феодалы должны были отказаться от своей прежней отчужденности и замкнутости и вступить во всемирный рынок и во всемирную историю. А литература «переходного периода» с ее усвоением и приноровлением к национальным потребностям некоторых результатов европейской образованности, в том числе и литературы (черты «барокко»), с одной стороны, и усилением в то же время национального своеобразия, нарастания сатирико-бытовых, в конечном счете, реалистически-критических тенденций — с другой, была одним из закономерных и неизбежных следствий этого всеобщего процесса, процесса формирования всемирной истории.

[38] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 426.

XXII

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ

1

Отрицательно относясь к буржуазным теориям старого компаративизма, представленного именами Л. Бетца, Ф. Бальданспержe и П. ван Тийгема, и нового, главнейшим выразителем которого считается В. П. Фридрих, а также к русскому «сравнительно-историческому методу» Александра и — еще больше — Алексея Веселовских, советские литературоведы не принимают основного термина компаративистов — «влияние». Некоторые наши исследователи употребляют взамен него термины «взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур»,[1] другие применяют термины «литературный обмен», «литературные отношения», «контакты».[2]

При внимательном рассмотрении все эти термины оказываются не вполне отвечающими своему назначению. Термины «взаимосвязи и взаимодействия» были выдвинуты в противовес компаративистскому термину «влияние» потому, что последнее предполагается односторонним, идущим от более сильной, богатой литературы к литературе бедной, слабой, — иными словами, в термине «влияние» видят — и иногда не без основания — тенденцию унизить национальное достоинство «воспринимающих» народов и возвеличить роль народов «воздействующих». Прибавлением к словам «связи» и «воздействия» слова «взаимно», по мысли литературоведов, применяющих эти термины, будто бы устраняется обидный характер компаративистского термина «влияние». Допустим, что эта цель достигнута, но термины «взаимосвязи» и «взаимодействия» обнаруживают свою непригодность, как только возникает вопрос о роли — и громадной — античных литератур в развитии как европейских литератур в целом, так и отдельных литератур, например русской, французской, немецкой. О каких «взаимосвязях» и «взаимодействиях» можно говорить, когда рассматривается вопрос о роли Библии, то есть литературы древних евреев, в творчестве французских, немецких, английских, русских поэтов XVII—XIX, даже XX века? По той же причине непригодны в качестве всеобъемлющих терминов термины «литературный обмен», «литературные отношения» и «контакты».

Очевидно, ошибка исследователей состоит в том, что сложный, длительный, неравномерный и в ряде случаев недвусторонний процесс литературного развития отдельных народов и человечества в целом они хотят охватить единой, общеобязательной формулой, вместо того чтобы признать своеобразие разных этапов этого развития, то есть признать необходимость строго исторического подхода к решению проблемы. Одно дело «литературный обмен» в доисторическую, дописьменную эпоху, другое — в условиях распада патриархально-родового строя и возникновения, затем расцвета и, наконец, упадка рабовладельческого общества, третье — в период средневекового феодализма, четвертое — в период капитализма и, наконец, пятое — в эпоху социалистических революций, строительства коммунизма, — то есть при разных средствах сообщения, при разном уровне средств связи, распространения и функции литературы. В одних случаях возможны односторонние «влияния», в других — «взаимодействия», в третьих — простые, то менее, то более длительные

---

[1] См., например: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г. Изд. АН СССР, М., 1961; И. Г. Неупокоева. Проблемы взаимодействия современных литератур. Изд. АН СССР, М., 1963.

[2] Материалы первой научной конференции, посвященной литературным связям русского, азербайджанского, армянского и грузинского народов. Тбилиси, 1962, стр. 8—22.

«литературные контакты» и т. п. Полное и точное осмысление большой проблемы «литературных отношений» в истории мировой литературы, по нашему мнению, может быть осуществлено только после серьезных предварительных работ, посвященных тщательному изучению отдельных этапов этого процесса, отдельных народов, отдельных литератур, отдельных эпох, — и, конечно, при учете новейших достижений археологии, истории, исторической географии и этнографии.

Однако изучение различных видов и форм межнациональных литературных отношений, связей и взаимодействий может быть плодотворным только тогда, когда исследователи будут иметь в виду также и проблему национальных традиций «воспринимающей» литературы. Сосредоточивая внимание на фактах «заимствования» идей, целых сюжетов, отдельных эпизодов, образов, жанров, размеров, оборотов речи, эпитетов и пр., литературоведы, в особенности правоверные компаративисты, почти никогда не останавливаются на вопросе о соотношении «заимствованного» с национальной литературной традицией данного народа.

Они забывают или просто не хотят думать о том, что, помимо «заимствуемых» литературных фактов, существует и «заимствующая», «воспринимающая» литература, которая, как принято говорить, не вчера родилась. Если даже она молода, то все равно имеет свои национальные традиции, хотя бы уже потому, что создана и создается на своем, национальном языке, имеющем свою образность, мелодику, семантическую атмосферу, свою стилистику и выражающем особенности национальной психики, специфику национального мышления.

В понятие «национальные литературные традиции» входит нечто большее, чем одна только «языковая» стихия. Правда, все в национальных литературных традициях проявляется и выражается при посредстве языка, в форме языка, но, тем не менее, они — не только «язык».

Естественно, что понятие «национальные литературные традиции» мы не должны трактовать внеисторически. В процессе литературного развития каждого народа складываются характерные для него черты, признаки, особенности. Конечно, они по-разному проявляются у писателей разных классов, разных эпох. Понятно также, что эта национальная специфика не возникает в готовом виде и не есть нечто статическое, застывшее, закостеневшее, неизменное. Напротив, чем ближе литература к жизни народа и чем интенсивнее в историческом, политическом отношении живет данный народ, тем быстрее могут изменяться некоторые формы проявления национальных литературных традиций, тем скорее могут возникать новые, отмирать старые формы, но суть, существо, внутренняя сторона, содержание национальной литературной традиции изменяется медленнее.

Национальная литературная специфика не есть, конечно, нечто мистическое. Она возникает под влиянием конкретных, материальных условий и факторов: в самом начале, когда только складывается письменная культура данного народа, — это условия географические и социально-экономические. Письменность, как правило, появляется у народа тогда, когда он стал народом, то есть вышел из стадии родоплеменного строя и в нем уже определились классы. Однако отражения социально-экономических отношений в ранней письменности народа почти всегда слабее, чем в памятниках народного творчества. Географическая среда, особенно сильно и непосредственно влияющая на род занятий народа на ранних этапах его жизни, налагает отчетливый отпечаток прежде всего на народное творчество, на фольклор данного народа. Иная народная поэзия у народов кочевых и оседлых, приморских или приречных, горных или равнинных, южных или северных. Различный характер имеет фольклор у народов, подвергавшихся нападениям соседних, воинственных племен, и у самих этих воинственных соседей. Опять-таки различный характер — у народов малых, занимающих небольшую территорию, и у больших,

расселившихся на широких и разнообразных в географическом и климатическом отношениях пространствах.

Однако географическая среда реже отражается в народной поэзии непосредственно (в форме «национального пейзажа») и чаще — через характерную для данного народа на данном этапе его истории хозяйственную деятельность. А это подводит нас уже к тому, что составляет условия исторические. Последние складываются из двух элементов: внутренней истории народа, то есть классовых отношений, классовой борьбы (характеризующей все формы народной поэзии), и внешней, отражающей его межнациональные отношения, — войны, национально-освободительную борьбу (преимущественно сохранившуюся в памятниках эпоса).

Но межнациональные отношения в истории народов проявляются не только в форме войн и национально-освободительной борьбы; народы с глубочайшей древности вели торговлю, устанавливали культурные связи, перенимали обычаи, нравы, усваивали чужую лексику, фольклорные произведения и среди последних в наибольшей степени «народную мудрость» — пословицы и поговорки.

Таким образом, еще до возникновения у какого-либо народа письменности в его фольклоре отражались внешние, материальные условия его жизни, и не просто отражались, но и формировали сознание данного народа, — конечно, при посредстве языка, выработанного историческим бытием народа. Вот это сочетание условий географических, социально-экономических, политических, языковых и представляет источник национальных литературных традиций каждого народа, с ними и с них начинается письменность, литература народа, они определяют ее развитие; в свою очередь литература в некоторых случаях оказывает обратное воздействие на национальные традиции. Постепенное изменение условий жизни народа — очень медленное изменение географическо-климатических и все убыстряющееся социально-экономических, политических условий — приводит к изменению национальных литературных традиций.

Нельзя при этом забывать, что в некоторые, иногда довольно длительные периоды, например во вторую половину средних веков, в результате повсеместно господствовавшей религиозной нетерпимости, культурные отношения между народами, не только отдаленными, но и соседними, были сильно затруднены. Тем не менее в целом развитие каждой национальной литературы то в большей, то в меньшей степени протекает в литературных контактах с народами соседними, родственными или отдаленными территориально, а иногда в контактах с литературами народов, исчезнувших с лица земли, например античными.

В понятие «литературные контакты» мы включаем переводы произведений чужеязычных литератур, пересказы, подражания, пародии, положительные или отрицательные критические отклики, начиная с кратких упоминаний и отзывов и кончая специальными исследованиями в форме статей и книг, а также комментированными или простыми изданиями памятников на языке оригинала, — словом, все то, в чем проявляется «соприкосновение» одной литературы с другой. И поскольку отраженные контактов происходит на языке воспринимающего народа, так или иначе подчиняется принятым в соответствующее время эстетическим нормам, постольку переносимый в литературу данного народа факт чужеязычной литературы то в большей, то в меньшей мере включается в национальные литературные традиции.

Для сторонников сравнительно-исторического метода в литературоведении прежде всего важно установить самый факт заимствования; затем — но значительно реже — определить, наличествует ли и в чем заключается индивидуальная трактовка «заимствованного» материала «заимствующим» писателем. Иными словами, для компаративистов заимствуемое не существует как часть какой-то определенной национальной

литературной традиции, а заимствование не воспринимается как введение данного факта в другую национальную литературную традицию: и то и другое берется обособленно, независимо от окружающей оба факта литературной обстановки, социально-политической ситуации. Весь этот процесс трактуется подобными литературоведами как факт индивидуальный, а не социальный, как момент литературной биографии заимствующего писателя.

Между тем даже в бесспорных случаях заимствований существенно не то, что писатель такой-то национальной литературы взял у писателя другой такую-то идею, сюжет, манеру и т. д. Существенно то, что даже если он делает это, не задумываясь над последствиями, которые может иметь для его национальной литературы данное заимствование, то объективно, помимо его собственной воли, заимствование входит в литературный процесс, и чем крупнее дарование писателя, тем значительнее и заметнее «вхождение» заимствованного им в данную национальную литературу. При анализе таких случаев литературовед не может ограничиться простой констатацией того, что заимствованное вносится в новую литературную обстановку механически, искусственно или в творчески переработанном виде. Для литературной науки важно в таких случаях установить, содержит ли заимствованное что-либо новое для данной новой литературы, способствующее ее развитию, или оно представляет нечто чужеродное, не органичное для соответствующей национальной литературной традиции и потому не обогащающее ее, а только образующее обособленно стоящий в этой традиции факт, который сразу или через короткое время отомрет, как пустоцвет. Так, например, когда Ломоносов, опираясь на античные и новолатинские риторики, в которых с достаточной подробностью и обоснованностью разработано учение о высоком, среднем и низком стилях, применил «теорию трех штилей» к материалам русской литературы и связал это учение с принятыми в то время воззрениями на литературные жанры, — это заимствование имело большое, прогрессивное значение. И дело не только в том, что Ломоносов не просто перенес на русскую почву учение о трех стилях в готовом виде, а в более важном. Объективный факт наличия в сфере любого человеческого общественного мышления идей, тем, предметов высоких, средних и низких он связал с установленными им самим специфическими особенностями лексики славянской, как выражающей абстрактные понятия, и русской, как отражающей мир конкретностей, и тем самым создал «российский» язык, то есть русский литературный язык. Но и это не все: Ломоносов с гениальной проницательностью раскрыл и охарактеризовал стилистические свойства и возможности «российского» языка и указал области и пределы применения его в разных жанрах. Таким образом, «заимствованное» Ломоносовым органически срослось с русской национальной традицией и в высшей степени обогатило русскую литературу, создало основное средство для ее последующего быстрого и богатого развития; это заимствование оказалось фактом не только русской литературной жизни, но и русской культуры в целом.

Тезис о том, что заимствования, которые не срастаются с национальными литературными традициями, оказываются, в конце концов, нежизнеспособными, может быть подтвержден множеством примеров из любой почти национальной литературы. Такова, например, недолгая судьба силлабического стихосложения в России в XVII—XVIII веках и ямбической гимнографии в грузинской поэзии X века. И также много можно привести примеров противоположного характера: перенесение Горацием «эолийских» (греческих) размеров в латинскую поэзию, использование Шекспиром сюжетов итальянских новелл, усвоение европейскими литературами жанра байроновской восточной поэмы, русского критико-реалистического социально-философского романа.

Можно не сомневаться, что в годы господства силлабического стихосложения в русской поэзии основной принцип писания виршей представлялся современникам единственно правильным и даже единственно возможным, и этим, очевидно, объясняется то, что силлабическое стихотворство просуществовало у нас более полувека. То же самое, надо думать, было и с грузинской ямбической гимнографией X века, принципы которой были заимствованы у византийцев. Однако на фоне всей истории русской и грузинской поэзии отмеченные факты являются только эпизодами, в известной степени мелкими и ничтожными. Таким образом, остается непоколебленным наш тезис о том, что судьба заимствований в любой национальной литературе зависит от степени органичности их включения в национальные литературные традиции, от того, в какой мере они оказались полезными в дальнейшем литературном развитии.

Конечно, такие выводы легко сделать в отношении заимствований крупного масштаба и почти невозможно в отношении мелких литературных контактов, например, какого-нибудь перевода второстепенного и третьестепенного автора, какого-нибудь отзыва, цитаты или простого упоминания того или иного произведения или писателя и т. п. Но и здесь нельзя судить только с общепринципиальной точки зрения, а нужно учитывать конкретную историческую обстановку: чем древнее подобные свидетельства о литературных контактах, тем они ценнее и показательнее. По мере же приближения к нашей эпохе, по мере того, как, с одной стороны, в результате социально-экономических и политических изменений в жизни человечества с XV века все больше устранялись преграды для экономического, политического и культурного сближения народов, и, с другой, все быстрее умножались средства и способы межнациональных литературных контактов, — отдельные факты, свидетельствующие о литературном общении, перестают играть самостоятельную роль, но приобретает большое значение их сумма, совокупность, их множественность и степень повторяемости, частоты.

Если единичные упоминания, допустим, о Платоне или Гомере в древнерусской литературе в первые века ее существования представляют для науки исключительный интерес, то для XIX или XX века имеет значение разумно понимаемая «исчерпывающая» полнота сведений о судьбе названных авторов в русской литературе и культуре, то есть, с одной стороны, полный библиографический учет их изданий и переводов, а также исследований о них, а с другой, научная обработка, анализ этих материалов, отбор важнейших фактов и проникнутая определенной идеей группировка и обобщение этих данных. Только соединение «качественного» и «количественного» принципа при анализе подобных явлений литературного процесса может обеспечить точные и строгие научные выводы о роли межнациональных литературных контактов.

2

Несмотря на то что из политических соображений новейшие буржуазные компаративисты стараются не говорить о смысле, который они вкладывают в понятие «влияние», суть дела остается неизменившейся со времени возникновения «сравнительного литературоведения». Характерное высказывание по интересующему нас вопросу находим мы в первом издании «Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte» (1929) в статье «Переводная литература». Автор ее, Р. Леппла, писал: «Вообще здесь действует определенный литературно-биологический закон: менее развитые, потенциально более слабые литературы обнаруживают большую склонность к переводам из более сильных, более развитых литератур, чем наоборот. Так как в отношениях литератур мира, как и в куль-

турных и политических соотношениях народов, постоянно существует перевес отдельных наций, то из этого без дальнейших рассуждений следует, что литературы этих ведущих наций прежде всего и чаще всего служат предметом внимания переводчиков».[3]

Во всем этом незавуалированно проводится мысль, что литературы, как и народы, делятся на «более слабые» и «более сильные», первым вечно суждено быть «менее развитыми» и довольствоваться переводами, а вторые, как «более сильные, более развитые», не нуждаются в переводах из этих более слабых литератур. Иными словами, «ведущие» литературы оказывают «влияние» на «слабые», потому что первые — ведущие, способные к самостоятельному творчеству, а вторые — слабые, обреченные на подражания, не способные ни на какие проявления оригинальности. То есть: «влияние» — признак даровитости «влияющей» литературы, бездарности — «испытывающей влияние».

На статье Р. Леппла я остановился потому, что в ней с достаточной отчетливостью сформулирована концепция компаративизма. Спорить с автором нет необходимости: ему задолго до написания статьи «Переводная литература» ответили представители тех самых литератур и народов, которые принадлежат, по его терминологии, не к «ведущим», а к «менее развитым», «слабым». Ведь не взял бы Р. Леппла армян и грузин в число наций, составляющих «перевес»?

Вот что писал великий армянский поэт Ованес Туманян: «Нет в мировой литературе ни одного поэта, избегнувшего в большей или меньшей мере влияния своих предшественников. Влияние — это ступень, по которой начинающий взбирается к вершинам оригинальности».[4] То, что здесь сказано об отдельном поэте, полностью относится и к целым литературам, как «ведущим», которые не «родились» такими, а тоже прошли период «влияний», так и к «слабым», которым в короткое время предстоит сделать то, что другие делали в более длительные сроки.

То, что Ов. Туманян изложил в почти предельно сжатой форме, более подробно и не менее своеобразно сказал великий грузинский поэт Важа Пшавела: «У нас принято считать предосудительным чье бы то ни было влияние на писателя. Будто это влияние унижает достоинство таланта. А я считаю это явление естественным, здоровым, нормальным и даже обязательным в силу закона, называемого законом преемственности. И в этом нет ничего удивительного. Не случайно ведь известный русский критик Белинский говорил о великом русском поэте Пушкине, что не будь Державина, не появился бы и Пушкин».

«Великие поэты, — продолжает Важа Пшавела, — признанные гениальными, вначале могли подражать писателям даже бездарным, но это ничуть не вредило их самобытности».

«Писатель, — завершает Важа Пшавела, — обязательно испытывает на себе то или иное влияние. Иначе он был бы бессодержательным, пустым существом, если к тому же он не умеет с живостью отобразить впечатления. От чего может зазвучать его лира, если он не будет прислушиваться к событиям и делам своего времени, не услышит стихов и песен, не увидит волнующих явлений жизни или останется глухим к явлениям природы? Все это вместе и есть т. н. внешние факторы, а субъективный фактор — это писательское сердце, которое воспринимает их и отливает в определенные формы».[5]

---

[3] R. Leppla. Übersetzungsliteratur. In: Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Hrsgb. P. Merker u. W. Stammler. B. III. Berlin, W. de Gruyter, 1928/1929, S. 395.

[4] Ованес Туманян. Избранные произведения в двух томах, т. II, Проза. Гослитиздат, М., 1960, стр. 252.

[5] Важа Пшавела, [Избранные произведения в двух томах], т. II, Рассказы. Пьеса. Статьи, изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1961, стр. 516—517.

Эти великолепные суждения поэта, жившего жизнью крестьянина-горца, были высказаны в 1896 году; цитата из Ов. Туманяна взята из статьи 1916 года. И грузинский, и армянский поэт писали, имея в виду проблему «влияния» одного писателя на другого, но сказанное ими полностью применимо и к «влиянию» одной литературы на другую.

«Влияние» — не стыд и не позор для писателя и для литературы, а одна из естественных форм развития литературной индивидуальности и литературного процесса. Оно становится «стыдом и позором» лишь тогда, когда писатель и литература не используют «влияние» в качестве средства для раскрытия и развития своей собственной оригинальности, а остаются в пределах подражательности, несамостоятельности, когда они не хотят преодолеть чужое воздействие. Однако к литературам сказанное не относится: история мировой литературы не знает таких случаев, когда какая-нибудь литература действительно навсегда осталась подражательной. Если в работе того или иного литературоведа проводится мысль о полной несамостоятельности какой-либо литературы, то это не означает, что так дело обстоит и в действительности; это значит, что исследователь преднамеренно или непреднамеренно не сосредоточил внимание на проявлениях оригинального начала в данной литературе, а ограничился освещением тех фактов «подражательности», которые только и интересовали его. Люди могут оставаться не развившимися, народы — нет. «Всякая нация может и должна учиться у других»,[6] — сказал Маркс. Чтобы жить, и людям, и народам надо каждый день учиться. Народам, которые не учатся, которые позволяют себе высокомерно презирать другие — «учащиеся» — народы, грозит опасность одряхлеть, утратить жизненную силу, как было со многими воинственными племенами древности и начала средних веков.

Россия XVIII века инстинктивно поняла, что она может и должна учиться. В этом основном и была ее сила. Этим объясняется, что в течение одного столетия она в области культуры сделала то, на что другим народам, не «более сильным», не «менее одаренным», а поставленным в более благоприятные условия, понадобилось несколько столетий.

Западные и русские компаративисты, — одни с злорадством, другие с укоризной, — говорили о том, что русская литература XVIII века — «ученическая», «подражательная». Они судили о ней по обилию переводов, по усвоению русскими писателями XVIII века литературных форм, жанров, сюжетов, но не обращали, — не умели, не хотели обратить, — внимания на то, что усвоение «заимствованного» постоянно сопровождалось в России XVIII века критическим отношением к тем писателям, от которых «заимствовали». Пример в этом подал русским авторам Петр Великий. Его трезвый, критический ум обладал способностью сразу улавливать положительные и фиксировать отрицательные стороны в проходивших перед его глазами явлениях. Побывав во Франции в 1717 году, осмотрев в Париже все или многое, что его интересовало, увидев, с одной стороны, великолепие французской столицы, ее промышленность и культуру, а с другой, ее антисанитарное состояние, Петр с характерной для него резкостью сказал: «Добро перенимать у французов художества и науки; сие желал бы я видеть у себя, а в прочем (то есть в том, что не относится к художествам и наукам, — *П. Б.*) Париж воняет».[7] Критическое отношение к западным писателям проявлялось в литературе XVIII века почти у всех крупных русских литературных деятелей, начиная с Феофана Прокоповича и А. Кантемира, продолжая Ломоносовым, Сумароковым, Фонвизиным, Новиковым и кончая Карамзиным и Радищевым. И именно это критическое отношение, продиктованное нацио-

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 10.
[7] Петр Великий в его изречениях. Изд. Р. Голика, СПб., [1910], стр. 100.

нальными литературными традициями, позволяло и помогало нашим писателям XVIII века брать из западных литератур то, что было полезно и нужно для развития русской литературы.

Конечно, в том, что брали они с Запада, в том, что переводилось и печаталось в XVIII веке, было и случайное, вызванное личными вкусами переводчиков, личными их отношениями с теми или иными иностранными писателями, их современниками, но не эти немногочисленные факты определяют общий характер деятельности русских писателей и переводчиков того времени. Главное и основное было сознание необходимости создать русскую культуру, русскую литературу с учетом опыта европейских народов. Уже в начале 60-х годов XVIII века один из второстепенных русских писателей, С. Г. Домашнев, в статье «О стихотворстве», представляющей попытку обозреть историю всемирной литературы, так охарактеризовал тогдашнее состояние русской литературы: «... как трудами бессмертной славы достойного и несравненного монарха Петра Великого ум россиян сделался отверст для всех наук, то нежность вкуса стала быть чувствуема, как скоро зачали чище мыслить. Хорошее стихотворство будучи всегда современно просвещенному рассуждению и тонкости вкуса, столь скоро просияло в России, сколь скоро сии дарования сделались нам обыкновенны».

«Россияне, — продолжает автор, — не имели участия в полезных изобретениях для наук и художеств, коими прославились другие народы. Но в продолжение тридцати лет они не токмо с учителями своими сравнились, но еще и превзошли многих. Просветя свой вкус и рассуждение, узнали, какой важности дело ясно и непринужденно выражать свои мысли: сие не было оставлено в нерадении».

Далее Домашнев произносит похвалу русскому языку и делает глубокий и точный вывод: «Приятный, нежный и великолепный наш язык нашелся удобен ко всему. Стихотворство проистекло от сего просвещения и прославилось остроумными нашими писателями. Что у других созидалось веками, то в России достигло совершенства в несколько лет. Россияне доказали, к чему их разум способен, когда только они Петром Великим предводительствуемы были».[8]

Русские писатели усердно учились, читали, переводили — с пользой для своей литературы. На Западе с русской литературой были знакомы гораздо в меньшей степени. В русской ли литературе того времени лежит причина этого? Компаративисты считают, что невысокий художественный и идейный уровень русской литературы XVIII века был причиной слабой известности ее на Западе. Но так ли это на самом деле? Ведь от того, что по-гречески средневековая Европа не читала, придумав в оправдание своего незнания формулу: «Graecum non legitur» («по-гречески не читается»), ни Гомер, ни греческие трагики и лирики, вообще греческая литература не перестала быть значительным явлением мировой поэзии. Так, mutatis mutandis, обстояло и с незнанием европейцами XVIII века русской литературы: причина этого заключалась не в мнимой слабости последней, а в пренебрежительном отношении тогдашних европейцев к русскому языку и литературе, в том, что среди литературоведов Франции, Англии, Италии и Германии было много людей, смотревших на русскую литературу примерно так, как цитированный выше Р. Лешла, a priori деливший литературы на «слабые» и «сильные».

Да и так ли уж верно, что русской литературы XVIII века на Западе не знали?

[8] С. Г. Домашнев. О стихотворстве. «Полезное увеселение», 1762, июнь, стр. 236—237. Цит. по: Материалы для истории русской литературы. Издание П. А. Ефремова, СПб., 1867, стр. 190—191.

XXIII

BESONDERHEITEN DES LITERARISCHEN PROZESSES IN RUSSLAND IM 18. JAHRHUNDERT

In der sowjetischen Literaturwissenschaft ist während der letzten Jahrzehnte neben dem Terminus "Literaturgeschichte" auch der Begriff "Geschichte des literarischen Prozesses" aufgetaucht. Das ist kein Zufall. Wenn in einer Wissenschaft ein neuer Terminus auftritt, bedeutet dies gewöhnlich, daß die Forscher auf bestimmte neue Gegenstände der Beobachtung und Analyse gestoßen sind, durch die neue Benennungen notwendig werden.

Soweit mir bekannt, ist bisher in Spezialuntersuchungen nicht der Versuch gemacht worden, den Begriff "Geschichte des literarischen Prozesses" zu definieren. Daher unterlegt ihm jeder, der ihn anwendet, seinen eigenen Inhalt.

Im allgemeinen ergibt sich aber aus dem Kontext, in dem die Begriffe "Literaturgeschichte" und "Geschichte des literarischen Prozesses" auftauchen, daß sie nicht einfach Synonyme darstellen, obwohl sie einunddieselbe Erscheinung betreffen, nämlich die Entwicklung der Literatur. Es handelt sich um zwei unterschiedliche Betrachtungsweisen: "Literaturgeschichte" ist die konkrete Beschreibung der literarischen Entwicklung irgendeines Volkes in ihrem Gesamtverlauf oder auch in Ausschnitten; die "Geschichte des literarischen Prozesses" stellt dagegen die Verallgemeinerung jenes Materials dar, die Eliminierung jener Grundprobleme und theoretischen Fragen, die in der jeweiligen Literatur während eines bestimmten Zeitabschnittes gelöst worden sind.

Andererseits ist die Geschichte des literarischen Prozesses nicht identisch mit der Literaturtheorie oder der Methodologie der Literatur. Man könnte sie am ehesten der Problematik der Literaturgeschichte zuordnen, weil sie es mit konkreten Autoren, Werken und literarischen Ereignissen nicht im Sinne ihrer zeitlichen und räum-

lichen Aufeinanderfolge, sondern mit verallgemeinerten Vorstellungen über ihren Verlauf, über die Logik der literarischen Entwicklung zu tun hat.

Im vorliegenden Artikel möchte ich meine Beobachtungen und Überlegungen über die Besonderheiten des russischen literarischen Prozesses im 18. Jahrhundert darlegen. Dies scheint umso notwendiger, als für einige Forscher Wesen und Sinn der Literatur des 18. Jahrhunderts noch immer ein ungelöstes Problem darstellen: Ist diese Literatur Nachhall der altrussischen Literatur oder Prolog der klassischen russischen Literatur des 19. Jahrhunderts oder, wäre sie beides zugleich oder auch nichts von beiden, hat sie dann das Recht, als eine selbständige Etappe in der Geschichte der russischen Literatur gedeutet zu werden.

I.

Obwohl fast die gesamte russische Literatur des 17. und beginnenden 18. Jahrhunderts in handschriftlicher Form auf uns gekommen ist und sich zum größten Teil in anonymen und undatierten Texten darbietet, haben doch die Literaturwissenschaftler der vorrevolutionären wie auch der sowjetischen Epoche sie nach stilistischen und paläographischen Merkmalen (Handschriften, Wasserzeichen) von den nicht zahlreichen übrigen Werken der russischen handschriftlichen Literatur der alten Zeit deutlich abgehoben und gründlich analysiert. Ihre Ergebnisse sind im wesentlichen folgende: Nach Eroberung der türkischen Festung Azov (1696), einem bedeutenden politischen Ereignis, das in zahlreichen panegyrischen Dichtungen seinen Niederschlag fand, hat die russische Literatur in den folgenden zwei Jahrzehnten weder in Prosa noch in poetischer Form besonders beachtenswerte Denkmäler hervorgebracht. Selbst der 1701 begonnene Nordische Krieg gegen Schweden erwies sich nicht als stimulierende Kraft für das literarische Schaffen. In der damaligen russischen Literatur waren weder neue Ideen noch neue Formen festzustellen; die mittelalterliche kirchlich asketische Weltauffassung hielt nach wie vor die Geister in ihrem Bann und erstickte alle literarischen Begabungen. Vielleicht hat sich diese Situation in einem kleinen Gedicht aus dem Jahre 1700 am deutlichsten niedergeschlagen.

Dieses Werk ist in slawischen Buchstaben niedergeschrieben und findet sich zwischen anderen analogen Virši auf einem gravierten Blatt, das den Titel trägt:

"Сим молитву деет,
Хам пшеницу сеет,
Афет власть имеет,
Смерть всеми владеет."[1]

In diesen vier Zeilen spiegelt sich die mittelalterliche Vorstellung von der Unveränderlichkeit und Ewigkeit der bestehenden Weltordnung wider: Geistlichkeit, Adel und Leibeigene, hier mit den Namen der drei Söhne des biblischen Stammvaters Noah bezeichnet, garantieren gewissermaßen für die Unmöglichkeit neuer sozialer Konstellationen (z. B. Stadtbürger-Handwerker, Kaufleute usw.), der Tod als oberster Gebieter nivelliert die individuellen Schicksale, er tilgt das Lebenswerk jeder dieser Gruppen und jedes einzelnen Menschen und macht jeden Versuch, die bestehende Weltordnung zu verändern, sinnlos.

Indessen finden wir, neben Vorstellungen von der Nutzlosigkeit und Unveränderlichkeit der Welt in der russischen Literatur des ausgehenden 17. Jahrhunderts Argumente, die darauf hindeuten, daß sich innerhalb der traditionellen Weltsicht bestimmte neue Züge, neue Strömungen abzeichneten, die allmählich immer nachdrücklicher von sich reden machten. Bereits Simeon Polockij, der zeitlich erste bedeutende Moskauer Dichter syllabischer Versart (1629–1680), verkündete aufklärerische Ideen:

"Само чтение многи умудряет,
яко бо свещу во тме возжигает."[2]

Er trug keine Bedenken, seinen Lesern Kenntnisse in der Philosophie anzuempfehlen:

"Философии конец[3]: тако людем жити,
еже бы по-силному богу точным быти."[4]

Seinem Schüler, dem Zaren Fedor Alekseevič, brachte Polockij den Gedanken nahe, die Untertanen aufzuklären:

"Мало есть правды царю мудру быти,
а подчиненных мудрости лишити...
Вели и рабом мудрости искати,
а тою тебе будут работати."[5]

Die Schüler Polockijs setzten den Weg ihres Meisters fort. Sil'vester Medvedev hat sich im Jahre 1685 mit folgenden Worten an die Regentin, die Zarin Sofija von Moskau, gewandt:

"Тьма, мрак без солнца, без мудрости то же:
Тобою ону утверди в нас, Боже,
Дабы в России мудрости сияти,
Имя ти всюду в мире прославляти
И понос от нас хощеши отъяти,
Яко Россия не весть наук знати."
"Тоя[6] от тебе свет нача сияти,
В Москве невежества темность прогоняти..."[7]

Ein anderer Schüler, Karion Istomin, schrieb 1682 an die Adresse eben dieser Zarin folgende Zeilen:

"Потщися ради всемогуща бога,
у него же есть премудрости многа,
О учении промысл сотворити,
мудрость в России святу вкоренити,
Да учатся той юны отрочата
и навыкают зело дела свята...
Паки тя молю, деву благородну,
да устроиши науку свободну..."[8]

In seinem "Букваре" hat Istomin diesen Gedanken noch weiter ausgeführt:

"Вторая память книга человеком,
Что бе, последним поминает веком,
И то являет, что впредь имать быти.
За та всем должно господа хвалити.
Толики пользы да бы верным взяти,
Повеле типом[9] сей букварь издати."[10]

Diese aufklärerische Gedankenwelt ist zunächst noch eng mit der Religion, mit kirchlichen Vorstellungen verknüpft. Aber war nicht auch der Pietismus im Deutschland des ausgehenden 17. Jahrhunderts in ähnlicher Weise der Religion und den kirchlichen Vorstellungen verhaftet? In jedem Falle ist die aufklärerische Wirksamkeit Polockijs und seiner Schüler ein konkretes Zeugnis dafür, daß die altmoskowitische religiös-asketische Weltsicht nicht mehr imstande

war, einen Teil, und zwar den progressiven Teil der damaligen russischen Gesellschaft, zufriedenzustellen, und daß neben den Behauptungen, die Welt sei unvergänglich und unveränderlich, Stimmen laut wurden, wie die folgende zur Rolle der Wissenschaft und der Bücher: "И то являет, что впредь имать быти" . Folglich müssen wir die oben von der russischen Literatur des ausgehenden 17. und beginnenden 18. Jahrhunderts gegebene Einschätzung in dem Sinne verändern, daß es hier nicht nur Stagnation und Rückgang gab, sondern auch einen Kampf zwischen zwei Richtungen, der traditionellen konservativen und der "aufklärerischen" progressiven. Wenn in den nachfolgenden zwei bis drei Jahrzehnten die "aufklärerische" Richtung Oberhand gewann und beträchtliche literarische Erfolge im poetischen Schaffen Stefan Javorskijs /"Последнее книгам целование"/, Feofan Prokopovič, Kantemirs und schließlich Trediakovskijs und Lomonosovs zu verzeichnen waren, so erklärt sich dies aus der organisch festen Struktur dieser Richtung und daraus, daß sie den historischen Forderungen entsprach, die sich aus dem Leben des russischen Volkes zu jener Zeit ergaben.

Werfen wir nunmehr einen vielleicht noch flüchtigeren Blick auf die russische Literatur des ausgehenden 18. und beginnenden 19. Jahrhunderts, so müssen wir anerkennen, daß sich hier ein prächtiges Bild eröffnet: Im Jahre 1790 erschien Radiščevs "Reise von Petersburg nach Moskau", und in weniger als zwei Jahren darauf entstand unter der Feder des gleichen Verfassers das wegen seiner psychologischen Tiefe imponierende "Tagebuch einer Woche". Um diese Zeit setzt auch Karamzins Schaffen ein, es entstehen im Laufe von 10-12 Jahren die "Briefe eines russischen Reisenden", die "Arme Lisa", die "Insel Bornholm", "Die Statthalterin Marfa", der "Ritter unserer Zeit". Zwischen 1780 und 1800 schrieb der geniale Deržavin seine besten Werke, neben ihm wirkten Krylov und an der Schwelle zum neuen Jahrhundert lenkten Namen wie M. N. Murav'ev, Kapnist, Žukovskij, Batjuškov, Griboedov und schließlich sogar der junge Puškin die Aufmerksamkeit auf sich.

II

Wie kam es zu diesem glanzvollen Aufschwung und zu einer solchen zielstrebigen Entwicklung?

Stellte man diese Frage den Literaturwissenschaftlern des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts, so stieße man zunächst auf ein verlegenes Achselzucken über das "unverdiente Lob" für Puškins Vorgänger. Nach einigem Zögern würden sie vermutlich antworten, daß das quantitative und qualitative Wachsen der russischen Literatur im 18. Jahrhundert nur aus der Europäisierung Rußlands zu erklären ist, die sich im Werk jener Dichter widerspiegelte, die die westeuropäischen Schriftsteller so trefflich kopiert haben. Wir müssen noch hinzufügen, daß man heute solche "Antworten" von einigen westlichen Literaturwissenschaftlern hören kann, die über die russische Literatur des 18. Jahrhunderts Vorlesungen halten.

Ist diese Antwort aber richtig? Ist nicht die Wendung "Europäisierung Rußlands" schon eine Antwort, vielleicht nur noch nicht ganz die richtige? Mit dem Begriff "Europäisierung Rußlands" verbindet sich bei den meisten Autoren des 19. und 20. Jahrhunderts ein völlig abstrakter und nicht klassenbezogener Inhalt. In Wörterbüchern spricht man vom "Wandel nach europäischem Vorbild", von der "Aneignung europäischer Vorstellungen und Lebensweise". Gab es aber gegen Ende des 17. Jahrhunderts oder zu Beginn des 18. Jahrhunderts als die Europäisierung Rußlands begann bereits eine übernationale, "gesamteuropäische Art"? Kann man etwa davon sprechen, daß Holländer, Engländer und Franzosen oder Spanier, Italiener und Franzosen oder Deutsche und Skandinavier einerlei Repräsentanten "europäischer Begriffe und Lebensart" waren? Hat nicht gerade Europa in jenen Jahrzehnten einen sozialen, politischen und kulturellen Wandel erlebt? Wann haben die Autoren des 19. und 20. Jahrhunderts jeweils präzisiert, welches konkrete Europa ihnen eigentlich vor Augen steht, wenn sie von der "Europäisierung Rußlands" sprechen, ob England oder Holland oder Frankreich oder das katholische Spanien, oder wenn die Deutschen, dann welche? die Protestanten des nördlichen Deutschland oder die des monarchistisch-katholischen Österreich?

Wollen wir also den Begriff "Europäisierung Rußlands" in geographischer oder kultureller Beziehung betrachten, bemerken wir sofort, wie schwankend und unzulänglich er ist:

Schon im Jahre 1912 hat Lenin in seinem Artikel "Wachsende Divergenzen" festgestellt; "das Wörtchen 'Europäisierung' ist so allgemein, daß es zur Verwirrung der Sache, zur Verdunkelung der aktuellen Fragen der Politik dient." [11]

Andererseits aber hat Lenin den Begriff "Europäisierung" niemals abgelehnt. Er hat ihn jedoch völlig anders aufgefaßt folgendermaßen formuliert: "Zweifelsohne wird Rußland, allgemein gesprochen, europäisiert, d. h. nach dem Vor- und Ebenbild Europas umgestaltet (wobei man zu 'Europa', entgegen der Geographie, jetzt auch Japan und China rechnen muß)." [12]

Auch in anderen Aufsätzen hat Lenin den Nachweis erbracht, daß "Europäisierung" als Form des Klassenkampfes und als besondere Form der Unterdrückung der Arbeitenden durch die herrschende Klasse verstanden werden muß. Er schrieb: "Die Entwicklung der russischen Staatsordnung in den letzten drei Jahrhunderten zeigt uns, daß sich ihr Klassencharakter in einer ganz bestimmten Richtung änderte ..., die man als Richtung zur bürgerlichen Monarchie hin bezeichnen kann." [13] "Aber", so heißt es dann bei Lenin weiter, "in Wirklichkeit sind die Selbstherrschaft wie die konstitutionelle Monarchie und auch die Republik nur verschiedene Formen des Klassenkampfes, wobei die Dialektik der Geschichte darin besteht, daß einerseits jede dieser Formen verschiedene Etappen der Entwicklung ihres Klasseninhalts durchläuft und andererseits der Übergang von einer Vorm zu einer anderen (für sich allein genommen) in keiner Weise die Herrschaft der bisherigen Ausbeuterklassen, die nur unter einer anderen Hülle fortbesteht, aufhebt." [14]

"Europäisierung Rußlands" ist also nach Lenin kein abstrakter und absoluter Begriff. Er umfaßt vielmehr jene Form oder Formen, mit deren Hilfe die herrschende Klasse Rußlands über Jahrhunderte hinweg ihre Herrschaft verwirklichte. In den angeführten Leninzitaten ist besonders darauf zu achten, daß es sich um einen dialektischen Prozeß handelt, daß jede Form des Klassenkampfes unterschiedliche Etappen ihres eigentlichen Klasseninhalts durchläuft,

daß also die Europäisierung unter Peter I. durchaus einen anderen Charakter, einen anderen Inhalt aufwies und ihr demgemäß auch eine andere historische Bedeutung zukommt als beispielsweise die unter Katharina II. oder unter dem Zaren Alexander I. usw.

Hieraus folgt, daß sich jeder Literaturwissenschaftler, der die russische Literatur des 18. Jahrhunderts studiert, zunächst darüber klar werden muß, welchen konkreten historischen und spezifischen Klasseninhalt er dem Begriff "Europäisierung" beilegt, bevor er diesen benutzt. Peter I. hat sich bekanntlich auf bestimmte Seiten der europäischen Kultur orientiert: auf die holländische oder, umfassender gesagt, auf die nordgermanische; Elisabeth auf die französische und Katharina II. auf die österreichische und weniger auf die preußische, aber weder Peter noch seine Nachfolger haben beabsichtigt, Veränderungen in der sozialökonomischen Struktur der russischen Gesellschaft herbeizuführen. Dies beweist, daß "Europäisierung" nicht alle Seiten des Lebens, ja nicht einmal die wesentlichsten und entscheidenden erfaßt. Die Europäisierung war also auch nur ein Teil der Regierungspolitik. Der Hauptinhalt der Politik Peters I., das Wesen seiner Reformen, bestand in der Konstituierung und Festigung der internationalen Bedeutung Rußlands entsprechend seiner territorialen Größe und Bevölkerungszahl, sie erneuerte den veralteten Staatsapparat und paßte ihn den neuen Interessen der herrschenden Klasse an. Eine der entscheidenden Voraussetzungen für das Gelingen dieses Vorhabens war die Säkularisierung des gesellschaftlichen Lebens, die scharfe Eingrenzung des Einflusses von Kirche und Geistlichkeit auf die Kultur und Lebensweise und dies sogar in der ersten Zeit nur in Hinblick auf den Adel in der Hauptstadt.

Damit ist gesagt, daß die Europäisierung zu Beginn des 18. Jahrhunderts im wesentlichen nur die oberen, in der Hauptstadt angesiedelten Schichten der russischen Gesellschaft erfaßte und sich nur auf dem Gebiete der Kultur und anfangs nur in der Lebensweise bemerkbar machte.

Sind aber diese Sphären einander entgegengesetzt, hängen sie nicht beide auch von der sozialökonomischen Basis der Gesellschaft ab? Es ergibt sich folgerichtig der Schluß, daß man in verschiedenen

Epochen während des 18. Jahrhunderts bei der Aneignung von Elementen aus der "europäischen" Kultur letzten Endes Rußland doch nicht einschneidenden Veränderungen in ökonomischer (Leibeigenschaft) und in politischer Hinsicht (Selbstherrschaft) unterwerfen und die alten Moskauer kulturellen Traditionen nicht einfach beiseite legen wollte.

Kann man aus diesen Voraussetzungen den Schluß ziehen, daß der große Fortschritt in der Entwicklung der russischen Literatur während des 18. Jahrhunderts allein das Ergebnis der sogenannten "Europäisierung Rußlands" ist?

III

Nehmen wir an, der geschilderte Sprung in die neue Qualität sei ein Ergebnis der Europäisierung Rußlands. Was wäre damit praktisch gesagt? Daß die Europäisierung solche Schriftsteller wie Lomonosov, Fonvizin, Deržavin, Karamzin und Radiščev hervorgezaubert oder deren Talente geweckt und gefördert hat? Ich glaube kaum, daß jemand behaupten wollte, es gäbe diese Schriftsteller nicht, wenn sich keine Europäisierung vollzogen hätte. So erstreckt sich das literarische Schaffen von Simeon Polockij und seiner Schüler S. Medvedev und K. Istomin zeitlich bis an die Schwelle der sogenannten "Europäisierung".

Die neuesten Untersuchungen von Prof. A. V. Pozdneev über das sogenannte gedruckte Lied haben eine ganze Reihe von Namen bisher wenig bekannter Dichter des 17.-18. Jahrhunderts in das Blickfeld gerückt. Das aber beweist, daß sich bereits im 17. Jahrhundert allmählich die literarischen Potenzen gesammelt haben und daß die Entwicklung der russischen Literatur im 18. Jahrhundert auch ohne die Europäisierung ihren Gang genommen hätte.

Bedeutet das aber, die "Europäisierung" habe weder für das qualitative noch für das quantitative Wachsen der russischen Literatur irgendeine Rolle gespielt und auch ohne sie wäre alles wie gewünscht verlaufen? Keineswegs! Die "Europäisierung" der russischen Literatur hat eine durchaus positive Rolle in diesem Prozeß gespielt. Um aber ihre eigentliche Bedeutung zu erfassen, müssen wir uns vergegenwärtigen, daß die alten Ansichten über einen angeblichen völligen Bruch zwischen der altrussischen Literatur und der des 18. Jahrhunderts im wesentlichen im 19. Jahrhundert entstanden

sind, als man noch nicht über die ausreichende Materialgrundlage verfügte, die gegenwärtig der Literaturwissenschaft zu Gebote steht. Überdies hatten die Auseinandersetzungen zwischen Slawophilen und Westlern geradezu eine falsche Interpretation des Zusammenhangs zwischen der altrussischen Kultur und der Kultur der Petrinischen Zeit suggeriert.

Wir wollen hier nicht die Frage untersuchen, ob in der Geschichte und ebenso in der Literaturgeschichte völlige Umbrüche von einer Epoche zur anderen überhaupt möglich sind. Die Ergebnisse russischer vorrevolutionärer und sowjetischer Forschung beweisen, daß es zwischen der altrussischen Literatur und dem Schrifttum des beginnenden 18. Jahrhunderts einen derartigen Bruch nicht gegeben hat. Soweit man aus den uns erhaltenen Dokumenten schließen kann (Kataloge von Privatbibliotheken des 18. Jhs., Leserstimmen etc.), war die vorpetrinische Literatur noch bis weit in das 18. Jahrhundert hinein lebendig. Allmählich hat sie ihren Platz der neuen Literatur überlassen müssen und sich fortan auf die kulturell weniger entwickelten Schichten der russischen Gesellschaft beschränkt.

Wenn ich oben den Begriff "neue Literatur" verwendet habe, so sollte damit keineswegs gesagt sein, daß irgendwann im 18. Jahrhundert eine von Grund auf neue russische Literatur entstanden wäre. Dieser Vorgang hat sich unbemerkt und allmählich vollzogen. Alte literarische Formen und Gattungen haben nach und nach neue Züge angenommen und sind, nachdem dies anfangs der Aufmerksamkeit der Zeitgenossen völlig entgangen war, erst später in qualitativ neuer Gestalt erschienen. Noch weniger auffällig vollzog sich die Herausbildung der neuen Literatursprache. An die Stelle der streng voneinander getrennten kirchenslavischen und der russischen Umgangssprache trat die für alle Zeitgenossen höchst bemerkenswerte Vermischung beider Sprachen im literarischen Gebrauch, jene Literatursprache, die Lomonosov als die rußländische bezeichnete. Die Bekanntschaft der Russen mit vielen neuen Dingen, Erscheinungen, Begriffen und deren Benennungen in den anderen europäischen Sprachen führte zu einer Fülle von "Barbarismen" (wenn man die Begriffswelt einer höheren Kultur so bezeichnen kann). Vor allem in der petrinischen Ära häuften sich diese beträchtlich, doch zu Zeiten Lomonosovs verlief diese Entwicklung bereits in normalen Bahnen.

Wie die Linguisten feststellten, vollzogen sich im 18. Jahrhundert auch in der Syntax des Russischen bedeutende Veränderungen, und zwar zunächst unter dem Einfluß der lateinischen und später der französischen Syntax.[15] Muß man daraus ableiten, daß die "Europäisierung" der russischen Sprache als eine zufällige Erscheinung anzusehen ist und vom Eingreifen eines Lomonosov oder Karamzin abhing? Wäre es nicht zweckmäßiger, diese Erscheinung als das zu beurteilen, was sie in Wirklichkeit war: das schnelle Wachsen der russischen Kultur hatte eine dem Neuen angemessene Syntax erfordert, die den intellektuellen Bedürfnissen der kulturell interessierten Kreise der russischen Gesellschaft entsprach.

Die begabtesten Schriftsteller der Zeit, unter ihnen Kantemir, der Verfasser zahlreicher diplomatischer "Relationen" und viele andere haben sich immer wieder bemüht, für die spezifischen Besonderheiten der ihnen bekannten Fremdsprachen im Russischen adäquate Ausdrucksformen zu finden. So hat auch auf diesem Gebiet die "Europäisierung" eigentlich nichts Besonderes hervorgebracht, sie hat den natürlichen Entwicklungsprozeß der russischen Sprache nur gefördert und beschleunigt.

In diesem Zusammenhang sei noch angemerkt, daß sich ein analoger Vorgang mit entsprechenden spezifischen Variationen früher oder später überall in Europa vollzogen hat, nachdem Dante erstmalig theoretisch und praktisch die Frage nach dem gleichberechtigten Gebrauch der Nationalsprache neben dem Lateinischen aufgeworfen hatte.

Ziehen wir ein erstes Fazit: Die Europäisierung äußert sich im "Heranführen" Rußlands an das kulturelle Niveau der adlig-bourgeoisen Staaten des damaligen Europa, namentlich Hollands und der norddeutschen Fürstentümer und Königreiche. Für die russische Sprache und Literatur hat sie dabei nichts Neues geschaffen, sondern in erster Linie deren Entwicklung unterstützt und beschleunigt. Wenn wir aber von Europäisierung sprechen, verbinden wir damit zwei Vorstellungen: die Hinwendung zu den antiken Quellen und zu den eigentlich europäischen. Darüber soll im folgenden die Rede sein.

IV

Bereits im 18. Jahrhundert haben aufmerksame Europäer, die sowohl in Rußland als auch von ihrer Heimat aus die Entwicklung der russischen Wissenschaft und Literatur verfolgten, darüber nachgedacht, welche Ursachen für den außerordentlich schnellen Fortschritt der russischen Kultur gelten können. Sie waren zu dem Ergebnis gelangt, daß die Russen offenkundig über eine besondere Fähigkeit zur Übernahme, Nachahmung und zur Aneignung fremden Geistesguts verfügen müßten, aber gleichzeitig der Fertigkeit entbehren, selbst schöpferisch tätig zu sein und etwas Originelles hervorzubringen; was beweist, daß die Fähigkeit zur Beobachtung noch nicht gleichbedeutend ist mit richtiger Erklärung.

Es erhebt sich die Frage, ob die westlichen Beobachter der russischen Kultur des 18. Jahrhunderts, die von ihrer "europäischen" Betrachtungsweise her an die Beurteilung herangingen, ohne die Geschichte der altrussischen Kultur, Kunst und Literatur oder Rußland selbst zu kennen, von dem sie vielleicht nur Petersburg oder - noch seltener Moskau - gesehen hatten, ob diese Beobachter überhaupt eigenständige Züge des russischen Nationalcharakters und deren Widerspiegelung festzustellen vermochten? Wenn sie also ihre Vorstellungen von der Kultur, die eine Negierung des Mittelalters als eine Epoche der Barbarei zum festen Bestandteil hatte, so konnten diese "autoritären" Richter wohl auch nicht zu einer anderen Beurteilung der von ihnen beobachteten schnellen Entwicklung der russischen Kultur während einiger Jahrzehnte des 18. Jahrhunderts gelangen.

In der oben getroffenen Charakteristik "fähig zur Übernahme und zur Nachahmung - jedoch eigener schöpferischer Leistungen bar und unfähig, etwas Originelles hervorzubringen" muß man den ersten Teil deutlich von dem zweiten abheben. Dies bedeutet nicht, der letztere sei richtig im Gegensatz zum ersten oder umgekehrt. Beide sind total falsch. Die europäischen Beobachter, die im 18. Jahrhundert die Aufnahmebereitschaft der Russen und deren Fähigkeit betonten, fremde geistige Güter zu übernehmen, haben de facto die Tatsache erfaßt, daß die Russen sich sehr schnell auf die für sie neuen Gebiete der Kultur orientierten und sich im wissenschaftlichen und kulturellen

Leben der Zeit zurechtfanden. Das aber heißt, daß es die Russen vermochten, aus der Konfrontation mit unbekannten Erscheinungen zu Analyse und Synthese zu gelangen, denn Nachahmung bedeutete noch keineswegs gedankenlose und mechanische Reproduktion irgendeiner Sache ohne Zuhilfenahme des eigenen Verstandes, ohne Findigkeit und was das wichtigste war, ohne Berücksichtigung der nationalen Traditionen.

War nun das, was die ausländischen Beobachter als Nachahmung ansahen, richtig definiert? Die Beantwortung der Frage hängt hier wie übrigens meistens davon ab, was man unter Nachahmung versteht. Dem Begriff haftet gewöhnlich eine abwertende Nuance an. Diese Nuance ist jedoch nur für das 19. und 20. Jahrhundert berechtigt und angebracht, im 18. Jahrhundert aber ist sie nicht relevant, denn hier lautete die Forderung an die Kunst: "Nachahmung der Vorbilder". Mithin ergibt sich eine auffällige Inkonsequenz: In der Theorie wurde Nachahmung geradezu gefordert, in der Praxis soll sie aber als etwas Nachteiliges gelten. Oder sollten wir etwa von unserem heutigen Standpunkt den ersten Teil dieses Paradoxons falsch verstehen? Keineswegs, denn der zweite Teil läßt nicht den geringsten Zweifel darüber aufkommen, daß die damaligen westlichen Beobachter den Russen die Fähigkeit zu eigenständigem Schaffen abgesprochen und ihnen allein die Fertigkeit der Nachahmung zugebilligt hatten.

Wir wollen hier nicht der Frage nachgehen, ob die kulturelle Entwicklung dieser westeuropäischen Länder ohne Epochen der Nachahmung ausgekommen ist und ob dies überhaupt möglich wäre, ob Völker, die später als ihre Nachbarn die Bühne der Geschichte betreten, ohne die Bezugnahme auf die Errungenschaften der anderen Völker auskommen usw. Die historische Entwicklung der Menschheit ist nicht mit der Linienführung einer Eisenbahn zu vergleichen. Die später in die Geschichte eintretenden Völker durchschreiten den von ihren Nachbarn bereits zurückgelegten Weg wesentlich schneller und werden gewissermaßen auf die Höhe des jeweiligen Niveaus "emporgezogen". Eine graphische Darstellung ihrer Entwicklung würde sich durch eine gedrängte Aufeinanderfolge der Haltepunkte auszeichnen. Der Vorgang des beschleunigten Emporziehens findet natürlich nicht auf einer tabula rasa statt: beim Eintritt in die Geschichte sind jene Völker

keineswegs "unbeschriebene Tafeln" im Sinne der antiken oder mittelalterlichen Philosophen. Jedes Volk besitzt in jeder historischen Epoche seine Traditionen, die das Kollektiv von Menschen bei seinem Wirken oftmals unbewußt begleiten. Es sind dies vor allem die Sprache und, zumindest bis in das 19./20. Jahrhundert hinein, die Religion, ferner die historischen, geographischen, klimatischen Bedingungen, schließlich die wirtschaftliche und politische Ordnung. Nicht immer wirken die Traditionen im Leben eines Volkes gleichermaßen stark, man kann hier Flut und Ebbe registrieren, doch von einigen Traditionen, wie zum Beispiel von der Sprache, "befreit" sich ein Volk nur äußerst widerwillig.

Also ist der Vorgang des "Emporziehens" eines Volkes, das seinen Nachbarn auf das von diesen bereits erreichte kulturelle Niveau "nacheilt", ein Prozeß, in dessen Verlauf es seine eigenen nationalen Traditionen umschmilzt und sich neuen historischen Bedingungen anpaßt. Für den außenstehenden Betrachter, und das waren die westlichen Beobachter Rußlands im 18. Jahrhundert, stellte sich dies als Prozeß der "Nachahmung" des Westens dar; für die Russen aber, die an jenen Wandlungen teilnahmen und diese Erscheinungen analysierten, war es eine Veränderung der nationalen Traditionen, ja sogar ein Verlust derselben. Wir wollen die Frage außer acht lassen, ob diese und ähnliche Urteile richtig waren, denn die Geschichte selbst hat die Antwort bereits gegeben: wir weisen nur darauf hin, daß sich in dieser Beurteilung des Prozesses die Russen aller Altersstufen, aller politischen und philosophischen Ansichten einig sind. Man vergleiche die Werke von M. M. Ščerbatov, "Über die Sittenverderbnis in Rußland", die Zeitschrift von N. I. Novikov "Кошелёк" und "О великости духа русских", N. M. Karamzins "Наталья боярская дочь". Das war der Beweis und das Zeugnis dafür, daß der von Russen und Ausländern verschieden gedeutete Prozeß viel komplizierter und ernster war und also keineswegs ausschließlich auf "Nachahmung" zu reduzieren ist.

Es ist nicht möglich, allein unter Zuhilfenahme der Begriffe "Europäisierung" und "Nachahmung" das hohe Entwicklungstempo der russischen Kultur des 18. Jahrhunderts, ihre Besonderheiten und Eigenarten zu erklären. Wenn man jedoch noch heute mit diesem Arse-

nal arbeitet, verschließt man die Augen vor den objektiven Möglichkeiten der modernen Literaturwissenschaft.

V

Bereits zu Beginn seiner wissenschaftlichen Tätigkeit hat sich Lenin ausgiebig mit der Bedeutung des 17. Jahrhunderts für die Geschichte Rußlands beschäftigt. In der Polemik gegen den liberalistisch-volkstümlerischen Kritiker und Publizisten N. K. Michajlovskij, der behauptet hatte, daß die Ende des 19. Jahrhunderts in Rußland bestehenden nationalen Beziehungen im Wesen eine Fortsetzung und Verallgemeinerung der Geschlechtsverbände seien[16], legte Lenin seine Auffassung vom historischen Prozeß in Rußland wie folgt dar: "Erschien es doch angebracht, von einem Gentilwesen im alten Rußland zu sprechen, so steht fest, daß bereits im Mittelalter, in der Epoche des Moskowitischen Staates, diese Geschlechtsverbände nicht mehr bestanden, d. h. daß der Staat keineswegs auf Geschlechtsverbänden, sondern auf Ortsverbänden aufgebaut war: die Gutsherren und die Klöster nahmen Bauern aus verschiedenen Gegenden auf, und die so entstandenen Gemeinden bildeten reine Territorialverbände." [17] Daran schließt sich eine gründliche Charakterisierung der Feudalordnung im Moskauer Staat während des Mittelalters, d. h. bis zum 17. Jahrhundert an: "Von nationalen Bindungen im eigentlichen Sinne des Wortes konnte indessen in der damaligen Zeit kaum die Rede sein: der Staat zerfiel in einzelne 'Lande', teilweise sogar Fürstentümer, die lebendige Spuren ihrer einstigen Autonomie, Eigentümlichkeiten der Verwaltung, zuweilen eigene Truppen (die einzelnen Bojaren zogen mit ihren eigenen Regimentern in den Krieg), besondere Zollschranken usw. beibehalten hatten." [18]

Schließlich analysiert Lenin die Epoche, in der sich die nationalen Beziehungen herausbilden und in der sich die russische Nation als Ergebnis ökonomischer und sozial-politischer Faktoren präsentiert: "Erst für die Neuzeit der russischen Geschichte (etwa seit dem 17. Jahrhundert) ist ein tatsächlicher Zusammenschluß aller dieser Gebiete, Länder und Fürstentümer zu einem Ganzen kennzeichnend. Dieser Zusammenschluß, hochverehrter Herr Michailowski, wurde nicht durch die Geschlechtsverbände, auch nicht einmal durch ihre

Fortsetzung und Verallgemeinerung hervorgerufen: er wurde hervorgerufen durch den zunehmenden Austausch zwischen den einzelnen Gebieten, den allmählich wachsenden Warenverkehr, die Konzentration der kleinen örtlichen Märkte zu einem gesamtrussischen Markt." [19]

Lenin gelangt hier zu der grundlegenden Erkenntnis, daß die Bildung der russischen Nation das Ergebnis der Umwandlung der Kapitalisten und Kaufleute aus einer in der mittelalterlichen russischen Gesellschaft völlig unbedeutenden Schicht in die Kraft war, die am Ende entscheidend zur Herausbildung des gesamtrussischen Marktes beitrug: "Da es die kapitalistischen Kaufleute waren, die diesen Prozeß lenkten und beherrschten, so bedeutete die Schaffung dieser nationalen Bindungen nichts anders als die Schaffung bürgerlicher Bindungen." [20]

Seit dem 17. Jahrhundert hat sich in Rußland also die Nation herausgebildet, die Bourgeoisie ist zu einer wichtigen Komponente des wirtschaftlichen Lebens geworden, die Entwicklung des russischen Staatswesens bewegt sich in Richtung auf die bürgerliche Monarchie, herrschende Klasse jedoch bleibt vorerst bis zur Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert der Adel, die Regierungsmacht wird in den entscheidenden Positionen vom Adel gestellt. Im Petrinischen Rußland und danach bis an das Ende des Jahrhunderts sieht Lenin die "чиновничьи-дворянская монархия XVIII века".[21]

Ein besonderes Kennzeichen dieser Epoche ist die Tatsache, daß der adlige Beamtenstaat in seiner Innen- und Außenpolitik praktisch einen Schritt zur Verwandlung Rußlands in eine bürgerliche Monarchie vollzogen, das ökonomisch wie kulturell in seiner Entwicklung zurückgebliebene Land auf das Niveau der adlig-bürgerlichen Staaten des damaligen Europa "emporgezogen" hat.

Wir haben bereits bemerkt, daß der Verfasser des Gedichtes "Сим молитву деет" im "Зерцало грешного" (1700), unter den drei Söhnen Noahs, den drei sozialen Gruppen im damaligen Rußland, noch keinen Platz für die Bourgeoisie gefunden hat. Dies ist zweifellos nicht allein daraus zu erklären, daß der anonyme Dichter seine sozialen Ansichten über jenes biblische Bild verdeutlichte, in dem die folkloristische Zahl drei eine besondere Rolle spielte, vielmehr entsprach das einfache Übersehen der Bourgeoisie ihrer

tatsächlich unbedeutenden Rolle im damaligen Rußland. Die Hauptrolle spielten der Adel, die Geistlichkeit und die leibeigene Bauernschaft. Die progressiven Bewegungen im gesellschaftlichen Denken Rußlands waren zu jener Zeit, wie sowjetische Historiker und Literaturwissenschaftler festgestellt haben, ausschließlich eine Widerspiegelung der Lage der Leibeigenen, nur daß dies nicht durch die Bauern selbst, sondern durch progressive Repräsentanten des russischen Adels, z. B. den gemäßigten Kantemir und den Revolutionär Radiščev, zum Ausdruck kam. Selbstverständlich gab es unter den progressiven Russen des 18. Jahrhunderts auch Nichtadlige, wie z. B. F. Prokopovič, I. Posoškov, M. V. Lomonosov, P. A. Plavil'ščikov I. Krylov; dennoch war der Adel die kulturelle Hauptkraft. Da der adlige Beamtenstaat diese Erkenntnis nicht zu fassen vermochte, trieb er Rußland auf den Weg zur bürgerlichen Monarchie, d. h. auf eine progressivere Bahn als "die Selbstherrschaft des 18. Jahrhunderts mit ihrer Bürokratie mit den zum Militärdienst verpflichteten Ständen und den einzelnen Perioden des 'aufgeklärten Absolutismus'"[22], wie auch die progressiven russischen Schriftsteller, einerlei ob Adlige oder Nichtadlige, bewußt oder unbewußt das russische gesellschaftliche Denken auf immer fortschrittlichere Wege geleitet haben. Diese Entwicklung ist das Ergebnis historischer Gesetzmäßigkeiten, die der russischen Gesellschaft innewohnten, und nicht etwa eine Folge der "Europäisierung" oder "Nachahmung".

VI

Das beschleunigte Entwicklungstempo der russischen Kultur im 18. Jahrhundert brachte den progressiven Schriftstellern eine Fülle neuer politischer, ökonomischer, sozialer, religiöser, ästhetischer, ethischer und anderer Probleme. Bei all ihrer Vielfalt lassen sich doch zwei als besonders wesentlich hervorheben: das politische Problem des "idealen Herrschers" und das sozialethische des "idealen Gutsbesitzers". Sie bilden die Hauptthemen der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Sie weisen aber auch zugleich auf weitere, mit ihnen engverbundene Themen hin: "der ideale Herrscher" fordert geradezu solche Antithesen heraus wie "der tyrannische Herrscher", "der ideale Untertan" bzw. "der schlechte Untertan", "der Patriot".

"der Galloman" (Frankophile) usw. Der Komplex "der ideale Gutsbesitzer" regt Themen an wie "das Verhältnis zum Leibeigenen", "die Amoralität der Leibeigenschaft" u. ä. Beide große Komplexe führen schließlich zum Thema "der ideale Mensch". Sie sind miteinander verknüpft und geben der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts ihren hohen moralischen Charakter. So wird deutlich, daß die oben beschriebene sozialpolitische und ökonomische Problematik Rußlands im 18. Jahrhundert der eigentliche Ausgangspunkt für das Verständnis der spezifischen Aufgaben der russischen Schriftsteller bildet. Diese "ideale" Problematik hatten die Dichter keineswegs aus der aufklärerischen Literatur des Westens geschöpft. Wir verweisen erneut auf Polockij, der sich bereits im 17. Jahrhundert intensiv um diese Fragen bemüht hat. Er schreibt in seinem Gedicht "Разнствие"[23]:

"Кто есть царь и кто тиран, хощеши ли знати,
Аристотеля книги потщися читати.
Он разнствие обою сие полагает:
Царь подданных прибытков ищет и желает,
Тиран паки прижитий всяко ищет себе,
О гражданстей ни мало печален потребе."[24]

Sein Gedicht "Гражданство"[25] beginnt mit folgender These:

"Како преблаго гражданство бывает,
гражданствующым[26] знати подобает, - "

Polockij untersucht sodann die Ansichten der "sieben Weisen", d. h. der griechischen Philosophen aus der Frühzeit über die Frage, welches die Bedingungen für das "Glück der Untertanen" [27] seien. "Дванадесять суть в мире непристойна". In dem Gedicht "Непристойная" führt er unter den für ihn unannehmbaren Dingen auch den Zaren an, dem er nachsagt, dieser halte seine Verpflichtungen gegenüber der Gesellschaft nicht ein:

"Царь на престоле славы си седящий,
а суда права людем не творящий, -
алчного к обогащению епископа:
Епископ овцы леностью пасущий,
прибытки яко волну их стригущий, -
злого помещика:
Господин, иже рабы обладает,
добродетелей хранити не знает..."[28]

Große Beachtung schenkt Polockij auch dem Thema "Gesetz", das er in mehreren Gedichten variiert, die sogar den Begriff "Gesetz" im Titel aufweisen.[29] Hier ermahnt er seinen Schüler, den soeben zum Zaren gekrönten Fedor Alekseevič:

"Яже подданым творити велиши,
сам прежде закон той да сохраниши.
Паче бо слова, дело подражают,
иже законом царским подлегают."[30]

Es fällt nicht schwer, noch mehr Beispiele dieser Art aus dem Schaffen Polockijs anzuführen, Themen zu nennen, die dieser bereits bearbeitet hat und die später von den Dichtern des 18. Jahrhunderts erneut aufgegriffen worden sind, aber von Literaturwissenschaftlern gewöhnlich als dem Arsenal westlicher Philosophen und Moralisten entlehnt bezeichnet werden.

Wir beschränken uns auf ein weiteres Beispiel, das Gedicht " Брань"

"Брани в мире откуду начало имеют,
яко чюждая люди своити[31] умеют.
Два местоимения: 'мое се, не твое'
кроволитие деют во мире многое.
Аще бы речения то я людях не быша,
не бы взаим мечами кровей си пролиша.

'Мое' и 'твое', речь да упразднится,
вместо же тое 'наше' да слышится.
Тогда желанный мир во мире будет,
всяк о богатстве, нищеты забудет."[32]

Obwohl die Werke Polockijs mit Ausnahme des "Псалтирь рифмотворной" und der "Комидия притчи о блуднем сыне" erst im 19. Jahrhundert gedruckt erschienen sind, waren sie doch vielen russischen Dichtern des 17. und beginnenden 18. Jahrhunderts bereits bekannt.

Indessen haben aber weder die Werke des alten Meisters noch die Aufklärungsliteratur des Westens den russischen Dichtern des 18. Jahrhunderts solche Themen wie "der ideale Herrscher", "der ideale Gutsbesitzer", "die Einhaltung der Gesetze" und "der Despotismus

der Herrscher" suggeriert. Die Anregung ging allein vom Leben in Rußland in dieser Epoche aus: die Tätigkeit Peters I., seine schwachen Nachfolger, die Leibeigenschaft, die immer groteskere Formen annahm, die Sittenlosigkeit bei Hofe unter Katharina II., die völlige Verachtung der Gesetze und Interessen des Volkes durch die Bürokratie usw. Die Traditionen der altrussischen, insbesondere der Literatur des 17. Jahrhunderts, sowie die westeuropäische Aufklärungsliteratur halfen den Dichtern des 18. Jahrhunderts, die anstehenden Probleme sicherer anzupacken; doch die russischen Dichter des 18. Jahrhunderts sind durch die gesellschaftlichen Widersprüche meist selbständig zu den erforderlichen Schlußfolgerungen gelangt. Glanzvoller Höhepunkt dieser eigenständigen und radikalen, auf die Lösung der Frage nach dem "idealen Menschen" abzielenden Schlußfolgerungen ist Radiščevs "Reise von Petersburg nach Moskau". Die Bauernrevolution und das Recht auf revolutionäre Propaganda finden hier ihre theoretische Fundierung. Von der genialen Formulierung Aristoteles' "der Mensch ist ein gesellschaftliches Wesen" ausgehend, begriff Radiščev, daß dieses Wesen erst in der Gesellschaft zum Menschen wird und daß es nur in der Gesellschaft im Stande ist, richtig zu denken und zu handeln ("Tagebuch einer Woche").

VII

In der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts gibt es zahlreiche Bemerkungen über das Lesen und seine Bedeutung für den Menschen. Auch in dieser Beziehung kann Polockij den Schriftstellern des 18. Jahrhunderts als Vorläufer dienen.[33] Nebenbeibemerkt finden sich bereits in der altrussischen Literatur lobende Worte über das Lesen und über die Bücher.[34] Hier ist allerdings von der Lektüre religiöser Schriften die Rede. Aber schon Ende des 17. Jahrhunderts meinen selbst geistliche Schriftsteller wie Javorskij und Prokopovič weltliche Bücher, wenn sie vom Lesen sprechen. Als Prokopovič seinen Plan für die Leitung der geistlichen Ämter entwarf ("Духовный регламент / 1721 /) unternahm er auch einen Exkurs über die Rolle der Bibliotheken und des Lesens im Alltag der geistlichen Hochschulen. Er schrieb: "... при школах надлежит быть библиотеке довольной. Ибо без библиотеки, как без души, Академиа". Bibliotheken sollten

nach seiner Auffassung sowohl den Lehrkräften als auch den Schülern, ja selbst der Öffentlichkeit zugänglich sein /"и прочим охотникам"/. Prokopovič meinte, daß zwar die einen sich dort pflichtgemäß aufhalten /"по долженству"/, andere aber aus eigenem Antrieb kommen würden /"за охоту"/. Das Ergebnis wird in jedem Fall günstig sein:

"Сие вельми полезно, и скоро человека аки претворяет в иного, хоят бы прежде грубых был обычаев".[35]

Wenn also zu Beginn des 18. Jahrhunderts nach Prokopovičs Worten noch viele gezwungenermaßen lasen, so hatten sich bereits deren Kinder, die "прежде грубых были обычаев" "durch das Lesen" "аки превратились в иных" und aus Freude zu lesen begonnen. Das 18. Jahrhundert ist für Rußland eine Epoche leidenschaftlichen Lesens. Es gab im Vergleich zum 17. Jahrhundert ein Vielfaches mehr an gedruckten Büchern und in Städten wie auch auf vielen Gütern entstanden Bibliotheken, die von ihren Besitzern ständig ergänzt wurden. Eine der Zeitschriften Novikovs trug sogar den Titel "Городская и деревенская библиотека", und eine andere hieß "Древняя российская вивлиофика". Männer, Frauen und Kinder lasen, man fertigte Auszüge an, denn Bücher waren teuer und man hatte kaum die Möglichkeit, selbst Bücher zu erwerben; derartige Auszüge wanderten von Hand zu Hand, wurden schließlich sogar gebunden und in Bibliotheken neben gedruckten Büchern aufbewahrt. Außerdem entstanden zahlreiche Randbemerkungen, Einwände und kritische Glossen zu Büchern. Manchmal fanden solche kritischen Randbemerkungen als "Briefe an den Herausgeber" auch den Weg in die Zeitschriften, andere sind uns als handschriftliche Notizen erhalten geblieben oder später, im 19./20. Jahrhundert in historischen oder literaturwissenschaftlichen Fachzeitschriften veröffentlicht worden. Wenn Übersetzer Urheber solcher Glossen waren, erschienen diese zuweilen in Vorworten zu den Übersetzungen, teils in handschriftlicher, teils auch in gedruckter Form.

Der Leser des 18. Jahrhunderts hatte sich nicht allein daran gewöhnt, zu lesen, sondern auch mit zunehmender Lektüre mehr über das Gelesene nachzudenken. Die Schriftsteller hatten indessen immer härtere Kämpfe gegen die Zensur zu bestehen, die ihrer aufklärerischen Tätigkeit verstärkt entgegentrat. Da es jedoch möglich war,

solche Einschränkungen bereits vorauszusehen, fanden die Dichter Wege, ihre Gedanken dem Leser auf andere Weise nahezubringen, ohne zensurbedingte Repressalien erdulden zu müssen. Sie erfanden Methoden, die wachsame Zensur zu übertölpeln und die Leser in der gewünschten Weise zu orientieren.

Eine Methode bestand darin, daß der Autor seine Gedanken nicht in seinem eigenen Werk, sondern getarnt als Übersetzung aus irgendeiner ihm bekannten Literatur ausgab. Häufig wurden sog. Übersetzungen aus der Bibel, besonders aus dem Psalter angefertigt. Lomonosov übersetzte den Psalm 145 (deutsch: 146. Ps. "Die ewige Treue Gottes"), der selbstverständlich als Übersetzung aus der Heiligen Schrift seitens der Zensur keine Einwände hervorrief; aber es genügt, einen Blick auf Lomonosovs Text zu werfen und diesen mit dem biblischen Psalm zu vergleichen, um die Absicht des Dichters zu erkennen. Hier einige Proben:

Lomonosov

Никто не уповай во веки
На тщетну власть Князей земных:
Их те ж родили человеки
И нет спасения от них.[36]

Когда с душею разлучатся
И тленна плоть их в прах падет,
Высоки мысли разрушатся,
И гордость их и власть минет."

Psalm 146

3. Verlasset euch nicht auf Fürsten; sie sind Menschen, die können ja nicht helfen.
4. Denn des Menschen Geist muß davon, und er muß wieder zu Erde werden; alsdann sind verloren alle seine Anschläge.

Auf den ersten Blick scheint es, daß Lomonosov den antihöfischen und antimonarchistischen Ton seiner "Übersetzung" nur wenig steigert, indem er dem biblischen Text einen modernen, satirischen Beiklang gibt. So kann es uns nicht wundern, daß Lomonosovs Psalmenparaphrase besonders in demokratischen Kreisen, aber auch bei der Bauernschaft populär war.

Lomonosov war nicht der erste russische Dichter, der die Übersetzung zur Tarnung eigener Ideen benutzte. Ihm folgten in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts weitere Schriftsteller. Aus der Fülle der Beispiele wollen wir nur eines herausgreifen. Deržavin übersetzte den 81. Psalm und überschrieb seine Übersetzung "Властителям и судиям" . Der biblische Text ist nicht umfang-

reich, er besteht aus acht kurzen Strophen, die je zwei knappe, gedrängte Sätze enthalten, in denen die Idee parallel entwickelt wird (parallelismus membrorum). Die Lektüre des 81. Psalms läßt den Eindruck aufkommen, daß die Vorlage recht schwach ist, inhaltlich vielleicht nicht einmal immer deutlich, womöglich ein Überbleibsel der heidnischen Hymnologie der alten Juden. Der Psalm kündigt an, daß der oberste Gott seine Söhne, die kleinen Götter richten werde: "1. Gott steht in der Gemeinde Gottes und ist Richter unter den Göttern ...". "6. Ich habe wohl gesagt; Ihr seid Götter und allzumal Kinder des Höchsten;" "7. Aber ihr werdet sterben wie Menschen..." Deržavin verlieh seiner Übersetzung eine bewunderungswürdige Wucht. Die Unklarheit der biblischen Vorlage, welche Götter gerichtet werden sollen, verschwindet völlig. Die Handlung ist sofort in das Rußland Katharinas II. mit seiner Gesetzlosigkeit, Unwahrheit, Willkür gegen die "Schwachen", Verachtung für die Nöte des Volkes seitens der "irdischen Götter" usw. verlegt. Wen Deržavin mit den irdischen Göttern" meinte, enthüllt er in den letzten Strophen seiner Paraphrase, die wir in Gegenüberstellung zum biblischen Text anführen wollen:

Deržavin

"Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!"

Psalm 81 (82)

6. Ich habe wohl gesagt: Ihr seit Götter und allzumal Kinder des Höchsten.
7. Aber ihr werdet sterben wie Menschen und wie ein Tyrann zugrunde gehen.
8. Gott, mache dich auf und richte den Erdboden; denn du bist Erbherr über alle Heiden!

Selbst eine böswillige Beurteilung dieses Gedichtes kann nicht daran vorübergehen, daß der erzürnte Dichter unter dem Deckmantel einer Übersetzung seine Ansichten über das zeitgenössische Rußland

und über Katharina II. darlegte, von der man sagte, daß sie "порабощена страстям" . So formuliert Deržavin: "И вы, как я подобно, страстны." Des weiteren sollte man beachten, daß Deržavin die biblischen Invektiven in seiner Übersetzung noch eindeutiger als Lomonosov überhöht und verstärkt hat. Daher ist das weitere Schicksal des Gedichtes "Властителям и судиям" im Vergleich zu Lomonosovs 145. Psalm umso betrüblicher.[37]

Nicht allein die Bibel, sondern auch die weltliche Literatur des Auslandes versetzte die Dichter des 18. Jahrhunderts in die Lage, über unverfängliche Übersetzungen den Lesern ihre Gedanken nahe zu bringen. Bereits unter der Zarin Anna Ivanovna entstand eine Übersetzung des "politischen" Romans von Fénelon "Aventures de Télémaque", in der die zu jener Zeit progressive Theorie vom "aufgeklärten Absolutismus" dargelegt wurde. Obwohl die Übersetzung nicht im Druck erschien, fand sie doch in Abschriften Verbreitung. Später hat V. K. Trediakovskij diesen Roman in Verse gefaßt und durch deutliche Anspielungen auf die russischen Verhältnisse bereichert. Seiner "Тилемахида" war ein genauso großer und langanhaltender Erfolg beschieden wie der ebenfalls von ihm vorgenommenen Übersetzung der "Argenis" von Barclay und der von Fonvizin angefertigten Übersetzung des "Жизнь Сифа, царя египетского" und anderen "aufgeklärt-absolutistischen" Romanen der Zeit. Die Zensur verhielt sich anfangs den Übersetzungen gegenüber weniger streng, und daher gaben die Übersetzungen nicht selten den Schriftstellern die Möglichkeit, den Herrschern nicht nur scharfe, sondern sogar herausfordernde und gewagte Worte zu sagen. So forderten beispielsweise die Übersetzungen aus dem Chinesischen in Novikovs Zeitschriften und Fonvizins Übertragung des "Ta-Gio" (nach einer französischen Fassung), in denen die Porträts der "idealen Herrscher" und denen der "Tyrannen" gegenübergestellt wurden, zum Vergleich mit der russischen Gegenwart heraus. Eine wohl der gewagtesten Invektiven gegen Katharina II. in Form einer Übersetzung war die "Lobrede auf Marc Aurel" von A. Thomas in der Übertragung Fonvizins. Zur Illustration genügt es, einige Zeilen aus dem Schlußkapitel der im ganzen sehr gewissenhaften Übersetzung Fonvizins anzuführen.

In dem Werk von A. Thomas wendet sich Apollonius, der Erzieher des Kaisers Commodus, des Sohnes des gerade verstorbenen "idealen Herrschers" Marc Aurel, während der Beisetzungsfeierlichkeiten mit folgenden Worten an seinen Schützling:

"Bald wird man dir sagen, du seist allmächtig, aber man täuscht dich damit: die Grenzen deiner Macht bestimmt das Gesetz. Man wird dir außerdem sagen, du seist groß und erhaben und würdest von deinem Volke gleich einem Gott geliebt und geehrt. Höre aber: Als Nero seinen Bruder einkerkerte, da sagte man ihm, er sei der Retter Roms; und als er seine Gattin umbrachte, da pries man vor ihm seine Gerechtigkeit; als er dann schließlich seine Mutter ermorden ließ, da küßte man seine blutbefleckten Hände und die Menge strömte in die Tempel, um den Göttern zu danken. Laß dich deshalb durch die Ehrenbeweise nicht blenden. Wenn du nicht tugendhaft bist, wird man dich nach außenhin ehren, innerlich jedoch hassen. Glaube mir, man kann die Völker nicht täuschen. Die beleidigte Gerechtigkeit kann man in keinem menschlichen Herzen zum Schweigen bringen. Herrscher der Welt! Du kannst mich töten lassen, aber du kannst mein Herz nicht zwingen, dich zu verehren!"

Die politische Bedeutung des Werkes von Thomas bestand darin, daß einerseits die Lobeserhebungen auf den idealen Herrscher Marc Aurel und andererseits die mutigen Zurechtweisungen seines unwürdigen Sohnes Commodus als origineller durchsichtiger Deckmantel zur Verschleierung der wahren Absicht dienten, die der russische Rezensent der Übersetzung Fonvizins offen beim Namen nannte: "Herr Thomas ... hat bewußt in seinem brillanten Werk eine Satire auf die Regierung seines Vaterlandes während der letzten Regierungsjahre Ludwigs XV. geschrieben".[38] Fonvizin übersetzte diese Satire, weil sie als eine Anspielung auch auf "die Regierung" seines Vaterlandes, auf Katharina II., ausgelegt werden konnte. Bekanntlich waren mit ihrer Zustimmung Peter III. und der in der Festung Schlüsselburg gefangen gehaltene und von der Thronfolge ausgeschlossene Kaiser Ioann Antonovič ermordet worden.

VIII

Als zweites künstlerisches Mittel, das die russischen Schriftsteller seit der Epoche Feofan Prokopovičs und Kantemirs bei der Propagierung fortschrittlicher Ideen benutzten, um nicht mit der Zensur in Konflikt zu geraten, bestand im Appell an das Andenken Peters des Großen und seiner Verherrlichung als aufgeklärten Monarchen, als "Vater des Vaterlandes" (Prokopovič) und als "idealen Herrscher".

Da die Schriftsteller des 18. Jahrhunderts nicht die Möglichkeit hatten, offen und direkt die oberste Staatsgewalt ihrer Epoche und deren Politik zu kritisieren, wählten sie als Themen für ihre künstlerische Gestaltung entsprechende Momente und deutlich greifbare Parallelen in der Innen- und Außenpolitik Peters I. In einem derartigen Appell an die Geschichte lag kein Verstoß gegen die Zensurbestimmungen vor, umso weniger, da dies unter Wahrung jeglicher Loyalität und unter den entsprechenden äußeren Zeichen der Ehrfurcht vor dem regierenden Monarchen geschah. Doch indem die damaligen Schriftsteller bestimmte Maßnahmen Peters I. und diese außerdem oft in einer stark idealisierten Weise charakterisierten, brachten sie ihre Leser auf die Idee, die Vergangenheit mit der Gegenwart zu vergleichen, und brachten sie darauf, das Vergangene und Gegenwärtige gegeneinander abzuwägen, zu analysieren und all das zu kritisieren, was Kritik verdiente.

Besonders oft nahmen die russischen Dichter unter der Regierung der Zarin Elisabeth in dieser Absicht Zuflucht zur dichterischen Gestalt Peters I. und wiesen sehr nachdrücklich darauf hin, daß die "Tochter Peters" die Politik ihres Vaters fortsetzen werde. Bereits in zahlreichen Oden aus dem Jahre 1742, die unmittelbar nach der Thronbesteigung Elisabeths und anläßlich ihrer Rückkehr nach Petersburg im Anschluß an die Krönungsfeierlichkeiten verfaßt wurden, spielte das Thema "Elisabeth - die Tochter Peters" und folglich die Fortsetzerin seines Regierungsprogramms eine wichtige Rolle. Sehr deutlich kommt dieser Gedanke in Lomonosovs Oden von 1742, 1745, 1746 und 1747 sowie auch in den Oden und "Epigraphen" der folgenden Jahre zum Ausdruck. Lomonosovs Beispiel folgten die Dichter in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts, insbesondere

unter der Regierung Katharinas II. Selbst Katharina begriff die politische Bedeutung eines derartigen "Kultes" um Peter den Großen in der damaligen Literatur und suchte ihn für ihre eigenen Handlungen auszunutzen. Um den Angriffen ihrer Kritiker wirkungsvoll entgegenzutreten, liebte sie es, bei ihren Erwägungen bestimmter neuer Maßnahmen zu sagen, sie bemühe sich zu erraten, wie an ihrer Stelle Peter I. gehandelt haben würde. Freilich konnte sie mit diesen Worten nur ihre höfische Umgebung täuschen - auch das gelang nicht immer - und einzelne Untertanen, die von ihren Aussprüchen Kenntnis erhielten. Jedoch alle kritisch eingestellten Menschen jener Zeit wußten um den tatsächlichen Wert jener demagogischen Phrasen der Kaiserin.

Während der kurzen Regierungszeit Peters III. und zu Beginn der Herrschaft Katharinas II. appellierten die russischen Dichter in ihren programmatischen Dichtungen neben ihren Hinweisen auf das Vorbild Peters des Großen ebenso an das Vermächtnis und die Autorität der Zarin Elisabeth. Peter III. wurde als "Enkel Peters" und daraufhin auch Katharina II. als dessen Enkelin verherrlicht. Lomonosov schrieb 1763 in einer Ode:

"... ныне, чтя Петрову Внуку,
Пою, как пел Петрову Дщерь."

Indem die russischen Schriftsteller den Enkel und die Enkelin Peters I. apostrophierten, stellten sie ihnen ihren Großvater und auch die Zarin Elisabeth als nachahmenswerte Vorbilder hin. In den Werken der damaligen Dichter wurde die Regierungszeit der "Tochter Peters" als eine blühende Epoche der russischen Geschichte gepriesen. Den neuen Herrschern empfahl man, dem Beispiel ihrer berühmten Vorgänger zu folgen. In seiner Ode auf das Jahr 1762 gestaltet Lomonosov einen Dialog, in dem sich der "Geist Peters" an den "Geist" der gerade verstorbenen Elisabeth wendet und deren Tätigkeit dem künftigen Wirken Peters III. an die Seite gestellt wird:

"Великодушия, щедроты
И мужества дала пример,
Чтоб руку Он [Петр III] к своим для льготы
И меч против врагов простер...
За истинную добродетель
Земля Тебе давала плод;

Всегда преклонен был Содетель,
В довольство множил твой народ.
Наследник, тою же стезею
Ступая ревностью своею,
Перклонит вышнее Добро.
Была Ты, как натура, щедра,
Открыла гор с богатством недра;
Ему сторично даст сребро.
Ты награждала всем науки,
И Он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит..."

In Werken ähnlicher Art wird bereits das dritte künstlerische Mittel angewendet, dessen sich die russischen Schriftsteller des 18. Jahrhunderts bedienten, um negative Erscheinungen der Wirklichkeit zu kritisieren. Es bestand darin, daß das Gewünschte, d. h. das erstrebenswerte Ziel, bereits als verwirklicht oder zumindest als ein Programm skizziert wurde, das in naher Zukunft ausgeführt und in die Tat umgesetzt werden würde. Die rauhe und armselige Wirklichkeit sprach dabei für sich und widerlegte das glänzende Zukunftsgebäude. Die Dichter wußten das nur zu gut, aber für sie war vor allem wichtig, das Ideal zu zeigen, und dem Leser den Gedanken nahezubringen, daß nicht nur der prosaische Alltag das Leben und die Tätigkeit der Menschen bestimmt, sondern daß auch dem Vorhandensein und der Möglichkeit des Ideals eine bedeutungsvolle Rolle zuerkannt werden müsse.

Dafür ein Beispiel. Nachdem die Zarin Elisabeth im Jahre 1741 nach einer Palastrevolution den Thron bestiegen hatte, reiste sie zu den Krönungszeremonien nach Moskau und kehrte erst im Dezember 1742 nach Petersburg zurück. Während der ersten anderthalb Jahre ihrer Regierung erfolgte keine spürbare Verbesserung der russischen Verhältnisse, was die damaligen Schriftsteller sehr gut einschätzen konnten. Lomonosov nimmt daraufhin in der "Ode auf die Ankunft Ihrer Kaiserlichen Majestät in St. Petersburg im Jahre 1742" Zuflucht zu einem beliebten künstlerischen Mittel, indem er Gott folgende Rede auf die Kaiserin halten läßt:

"Мой образ чтят в Тебе народы
И от Меня влиянный дух;
В бесчисленны промчется роды
Доброт Твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить..."

Hierin wird ein umfassendes Programm der neuen Kaiserin vorgelegt, das sowohl Neuerungen auf dem Gebiet des Gerichtswesens und Maßnahmen zur Bekämpfung des arroganten, hochmütigen Erbadels /"сердца кичливы" / und aller politischen Gegner /"злость" / als auch Mittel und Wege zur Unterstützung und Förderung der Parteigänger Elisabeths enthält.

Wie bereits oben gesagt, verstanden es die überaus scharfsinnigen Leser des 18. Jahrhunderts, dem Gedankengang der zeitgenössischen Schriftsteller sogar dann zu folgen, wenn diese Gedanken sozusagen in chiffrierter Form dargelegt wurden. Davon zeugen die Urteile der Schriftsteller selbst. So schrieb der fortschrittliche Dramatiker des ausgehenden 18. Jahrhunderts, Ja. B. Knjažnin, Verfasser der von der Zensur unterdrückten Tragödie "Vadim von Novgorod", im stark satirisch abgefaßten "Auszug eines Bedeutungs-Wörterbuches": "Man kann auf dreierlei Weise lesen: 1) lesen, ohne etwas zu begreifen; 2) lesen und begreifen; 3) lesen und sogar das Nichtgeschriebene verstehn."[39]

Wenn wir als Literaturwissenschaftler heute beim Studium der Texte aus dem 18. Jahrhundert Knjažnins Rat, "sogar das Nichtgeschriebene zu verstehn", unberücksichtigt lassen, d. h. wenn wir es nicht verstehen, in die Logik und die Gedankentiefe der damaligen Schriftsteller und ihre Zeit einzudringen, und uns nicht vergegenwärtigen, auf welche Weise und mit welchen Mitteln sie die progressiven Ideen ihren Lesern zu Bewußtsein brachten oder zu bringen versuchten, wenn wir es nicht lernen, auch "zwischen den Zeilen zu lesen", um das zu erfassen, was die Schriftsteller jener Epoche nicht offen und direkt sagen konnten oder zu sagen fürchteten, dann werden wir im Schlepptau der Literarhistoriker des 19. Jahrhunderts hängen bleiben, die bereits den Schlüssel zum Lesen und zur Aufnahme der "chiffrierten" Ideen verloren hatten und in den Oden und Lobreden des 18. Jahrhunderts nur Schmeichelei, Kriechertum und nichts weiteres zu erkennen vermochten.

Auf diesem positivistischen, naiv-realistischen Fundament kann sich keine echte wissenschaftliche Forschung über die Literatur des 18. Jahrhunderts gründen.

IX

Lenin, der wiederholt die politische und gesellschaftliche Struktur Rußlands des 18. Jahrhunderts behandelte, charakterisierte sie als "die Selbstherrschaft des 18. Jahrhunderts mit ihrer Bürokratie, mit den zum Militärdienst verpflichteten Ständen und den einzelnen Perioden des 'aufgeklärten Absolutismus'."[40] Die drei ersten Bestandteile dieser Charakteristik sind vollkommen klar, und der Literaturhistoriker sieht keine Schwierigkeiten bei der Anwendung dieser Formulierung. Anders jedoch steht es mit dem letzten Teil der Definition - "mit einzelnen Perioden des 'aufgeklärten Absolutismus' ..." Welche Epochen bezeichnete Lenin damit? Der Gebrauch des Pluralbegriffs deutet darauf hin, daß Lenin davon überzeugt war, daß es mehrere - nicht nur eine, sondern mindestens zwei, wenn nicht sogar drei - Perioden gegeben hat. Es ist ganz selbstverständlich, daß eine solche und zweifellos auch die erste Periode in Rußland die Regierungszeit Peters des Großen darstellt. Gewiß, die Rußland-Historiker vor 1917 haben die Frage aufgeworfen, ob

der Staat der petrinischen Epoche ein Polizei- oder ein "aufgeklärt-absolutistischer" Staat gewesen sei, aber letzten Endes zeigte es sich, daß es sich um ein und dasselbe handelte und der Streit nur terminologischen Charakter trug.

Somit ist die erste Periode des russischen "aufgeklärten Absolutismus" die petrinische Ära.

Es besteht gleichfalls kein Zweifel, daß die zweite Periode des "aufgeklärten Absolutismus" im Rußland des 18. Jahrhunderts mit der Regierungszeit Katharinas II. zusammenfällt. Man kann die Zeitdauer dieses "aufgeklärten Absolutismus", seinen spezifischen Charakter, seine Übereinstimmung oder seine Verschiedenheiten mit dem der petrinischen Epoche - dies wird weiter unten geschehen - diskutieren, aber daran, daß es unter der Regierung Katharinas II. eine Epoche des "aufgeklärten Absolutismus" gegeben hat, wird niemand zweifeln.

Ebenso steht außer Zweifel, daß die fünfzehn Jahre vom Tode Peters I. (1725) bis zur Thronbesteigung Elisabeths keine Epoche des "aufgeklärten Absolutismus" darstellen: Im Gegenteil - dies war eine Epoche der Reaktion, eines barbarischen Despotismus, ähnlich wie auch in den letzten Jahren des 18. Jahrhunderts die Regierungszeit Pauls I.

Daher bleibt ungeklärt, ob die 20jährige Regierungszeit der Zarin Elisabeth (1741-1761) ebenfalls als eine Epoche des "aufgeklärten Absolutismus'" gelten kann. Zweifellos machte in diesen Jahren die kulturelle Entwicklung in Rußland bemerkenswerte Fortschritte: Die Petersburger Akademie der Wissenschaften erhielt ein Statut, 1755 wurde die Moskauer Universität gegründet, die Akademie der Künste entstand, das Russische Theater wurde ins Leben gerufen, es begannen reguläre Zeitschriften zu erscheinen, Versuche wurden unternommen, in den Provinzen Lehr- und Bildungsanstalten zu organisieren (z. B. die Gründung des Kazaner Gymnasiums) u. a. m. Waren aber alle diese einzelnen Erscheinungen Bestandteile einer gezielten "aufgeklärt-absolutistischen" Politik? Der junge Puškin charakterisierte die Epoche nach Peters Tod in den "Historischen Bemerkungen" (1822) wie folgt: "Die unbedeutenden Thronfolger des nordischen Recken, geblendet vom Glanz seiner Größe, ahmten ihn mit abergläubischer Präzision in allem nach, was nur irgendwie keine

schöpferische Initiative verlangte. Auf diese Weise überragten die Regierungsmaßnahmen selbst deren geistiges Niveau, und unbeabsichtigt wurde viel Gutes vollbracht, während noch asiatische Unbildung am Hofe herrschte." Dem letzten Satz fügte Puškin eine wichtige Anmerkung hinzu, welche die zeitlichen Grenzen dieser Epoche festlegt: "Ein Beweis dafür ist die Regierung der ungebildeten Katharina I., des blutbefleckten Schurken Biron und der wollüstigen Elisabeth."

Ein Vergleich dieser von dem 23jährigen Puškin gegebenen glänzenden Charakteristik jener Epoche mit den Ergebnissen der Geschichtsforschung des 19. und 20. Jahrhunderts unterstreicht den erstaunlichen historischen Tiefblick des jungen Dichters. Gestützt auf Puškins Urteil, können wir die oben gestellte Frage, ob die Regierungszeit der Zarin Elisabeth eine Epoche des "aufgeklärten Absolutismus" sei, folgendermaßen beantworten: den Ergebnissen nach - ja, jedoch der Politik nach - nein. Der kulturelle Fortschritt Rußlands in dieser Epoche steht außer Zweifel, aber er kann nicht als das Ergebnis eines bestimmten und durchdachten "aufgeklärt-absolutistischen" Programms angesehen werden.

Was aber waren dann die Ursachen für diesen Fortschritt? Ohne Zweifel die Tatsache, daß zu Beginn der 40er Jahre, also in den ersten Jahren der Regierung Elisabeths, die Resultate der "aufgeklärt-absolutistischen" Tätigkeit Peters I. spürbar wurden und eine neue Generation herangewachsen war, die ihre Bildung und Erziehung in den zu Peters oder den darauffolgenden Zeiten gegründeten Lehranstalten (z. B. im Adligen Landkadetten-Korps) erhalten hatte und mehr oder weniger die Traditionen der petrinischen Zeit in die Tat umsetzte. Die zu Peters Lebzeiten eingeführten Richtlinien und Maßnahmen blieben trotz der verschärft einsetzenden Reaktion in Kraft. Selbst die sogenannte "deutsche Vorherrschaft" während der Regierungszeit Anna Ivanovnas - die besonders von den Adelsideologen als eine Epoche nationalen Unglücks aufgefaßt wurde - hatte auch ihre positiven Seiten: die Furcht vor dem allmächtigen Biron, der in Rußland eine Politik verfolgte, wie sie Ende des 17./ Anfang des 18. Jahrhunderts in den norddeutschen Fürstentümern praktiziert wurde, trug zur Erhaltung der Errungenschaften aus der petrinischen Epoche in der Armee und Flotte sowie in der Verwaltung wie auch auf

kulturellem Gebiet bei. So führten zu Beginn der Regierung Elisabeths sowohl die objektiven als auch die subjektiven Faktoren zu folgendem Paradoxon: das "aufgeklärt-absolutistische" Programm wurde unter dem Zwang der gesellschaftlichen Erfordernisse von einer Regierung verwirklicht, die ein solches "aufgeklärt-absolutistisches" Programm gar nicht besaß.

Wenn jedoch zu Beginn der Regierungszeit Elisabeths die erste Generation, die im Zeitalter der progressiven Reformen Peters I. herangewachsen war und mit der die Regierung ernsthaft rechnen mußte, so mußte Katharina II. noch in weit stärkerem Maße diese gesellschaftliche Kraft berücksichtigen, da mit ihrem Regierungsantritt bereits die zweite im Sinne der petrinischen Ideen erzogene Generation die historische Arena betrat. Diese Avantgarde hatte die Schule des Adligen Kadetten-Korps und die Moskauer Universität absolviert, sie kannte Lomonosovs aufklärerische Werke, seine Oden, Reden usw., erlebte auf der Bühne die Tragödien und Komödien Sumarokovs und war vertraut mit den in Rußland verbreiteten Schriften Voltaires und anderer französischer Philosophen. Katharina II., die unrechtmäßig die Macht an sich gerissen hatte, - eine kluge, weitsichtige und besonders in der ersten Zeit äußerst diplomatisch und behutsam handelnde Regentin - begriff sehr gut die Rolle des fortschrittlichen Teils der Adelsklasse. Bei der Festigung ihrer anfangs schwankenden Stellung mußte sie mit dieser potentiellen Opposition rechnen, die sich in der Tat allmählich zu einer ernst zu nehmenden und gefährlichen Opposition entwickelte.

Und dennoch wäre es unrichtig, die Entstehung des "aufgeklärten Absolutismus" Katharinas II. nur auf ihre Furcht vor der Generation, die einen Novikov, Fonvizin und Radiščev hervorbrachte, zurückzuführen. Trotz ihrer im großen und ganzen nicht sehr tiefgehenden Bildung begriff Katharina ohne Zweifel die greifbaren, konkreten Vorteile der Politik eines "aufgeklärten Absolutismus", dessen Ergebnisse in Europa des 18. Jahrhunderts wie auch in Rußland der petrinischen Epoche ihr deutlich vor Augen standen. Selbstverständlich konnte sie nicht voraussehen, wohin der innere Widerspruch, der in der Verbindung der Begriffe "Absolutismus" und "Aufklärung" enthalten war, führen würde, jedoch die Wirkungen nach außen hin und

und die zeitweiligen Ergebnisse dieses politischen Systems wurden von ihr klar erkannt und hoch eingeschätzt. Es ist durchaus möglich, daß Katharina in gewisser ehrlicher Überzeugung - soweit man bei einer derartig egoistischen und despotischen Herrscherin überhaupt davon sprechen kann - eine Politik des "aufgeklärten Absolutismus" verfolgte. Und wenn die fortschrittlichen Schriftsteller ihr nicht gewogen waren und mit ihr heftige Auseinandersetzungen führten, so geschah dies nicht aus Undankbarkeit, sondern deshalb, weil sich die Zeiten inzwischen geändert hatten: während der "aufgeklärte Absolutismus" in der Epoche Peters I. unter den entsprechenden historischen Bedingungen durchaus progressiv war, befriedigte der "aufgeklärte Absolutismus" Katharinas II. nach 50-60 Jahren, als sich das kulturelle Niveau der russischen Gesellschaft unvergleichlich gehoben hatte und Rußland mit aller Kraft auf das Niveau der fortgeschrittenen Nationen Europas "heraufgezogen" wurde, nicht mehr. Die Ereignisse in Rußland (Pugačev-Aufstand) wie auch die internationale Lage (der Freiheitskampf Nordamerikas, die Französische Revolution von 1789) beendeten die Epoche des "aufgeklärten Absolutismus" Katharinas II, und das Schicksal Radiščevs und Novikovs, der Tod Fonvizins und Knjažnins legten Zeugnis ab vom völligen Zusammenbruch des "aufgeklärten Absolutismus" der "Semiramis des Nordens".

X

Charakteristisch für den "aufgeklärten Absolutismus" - zumindest in Rußland - waren die ungewöhnlich eifrigen Bemühungen der Regierung, nützliche Bücher zur Hebung des kulturellen Niveaus ihrer Untertanen in russischen Übersetzungen herauszubringen. Natürlich verstand jede Epoche auf ihre Weise die "Nützlichkeit" der zu übersetzenden Bücher. Unter Peter I. - und hauptsächlich nach seinen Anweisungen - wurden nützliche Bücher für die Praxis übersetzt und gedruckt: Lehrbücher und populärwissenschaftliche Arbeiten über Mathematik, Geographie, Astronomie, Militärwesen, Schiffahrt und Geschichte, aber auch Bücher, die den adligen Leser mit den europäischen Höflichkeitsformen im Schriftverkehr ("Beispiele zur Abfassung unterschiedlicher Komplimente", 1709) oder im täglichen Umgang ("Der Jugend Ehrenspiegel". 1717) bekannt machten.

In geringerer Zahl wurden Übersetzungen antiker Autoren herausgegeben: "Der Krieg der Mäuse und Frösche", Äsops "Fabeln", "Die Taten Alexanders von Makedonien" des Quintus Curtius, "Die Bibliothek oder von den Göttern" des Apollodoros von Athen, und von den europäischen mittelalterlichen und neueren Schriftstellern "Die Zerstörung Trojas" des Guido de Columna, das Geschichtsbuch "Il Regno degli slavi" des Mauro Orbini, die "Metamorphosen" des Ovid von I. Kraus.

Bevor wir uns den Übersetzungen zuwenden, die Katharina II. als nützliche Lektüre für ihre Untertanen ansah und drucken ließ, erscheint es doch notwendig, noch einiges über den Charakter der Übersetzungen aus der petrinischen Zeit zu sagen, die sich auf die Jahre 1725-1760 beziehen und uns als Manuskript in gedruckter oder auch handschriftlicher Form erhalten sind.

Es wäre falsch, die russische Übersetzungsliteratur der petrinischen Epoche nur anhand jener Bücher zu beurteilen, die im Druck erschienen sind. Die Druckereien gehörten der Regierung und arbeiteten nur für deren Belange. Privataufträge zur Herausgabe von Büchern, "Blättern" usw. wurden in Rußland erst seit dem Jahre 1727 mit der Einrichtung der Druckerei an der Petersburger Akademie der Wissenschaften angenommen, sie waren jedoch nicht allzu zahlreich, da das Papier und der Druck teuer waren. Deshalb bestand und entwickelte sich noch für eine lange Zeit eine handschriftlich verbreitete Literatur, die eine ebenso große Rolle spielte wie die gedruckte Literatur, ja - zeitweilig sogar noch größere Bedeutung besaß. Dies betrifft sowohl die Originalwerke russischer Autoren wie auch die von ihnen angefertigten Übersetzungen.

Bedauerlicherweise gibt es bis jetzt noch keinen Gesamtkatalog der russischen handschriftlichen Bücher des 18. Jahrhunderts, in dem die Titel der zahlreichen in den verschiedensten sowjetischen und ausländischen Bibliotheken und Archiven verstreuten literarischen Dokumente verzeichnet sind. Die Zahl dieser handschriftlich aufgezeichneten Texte übertrifft um ein Vielfaches die damaligen Bücherdrucke, dennoch bilden allein die letzteren vornehmlich den Gegenstand literaturwissenschaftlicher Forschungen. Solange nicht eine derartige wissenschaftliche Bibliographie und archäographische Sammlung vorliegt, werden unsere Urteile über den Charakter der damaligen russischen Literatur nur annähernd zuverlässig sein.

Das Zahlenverhältnis der russischen Originalwerke zur Übersetzungsliteratur des 18. Jahrhunderts geht offensichtlich nicht zu Gunsten der erstgenannten. Mir sind keine statistischen Erhebungen über diese Proportion bekannt, aber der rein äußere Eindruck spricht dafür, daß die Zahl der im Druck erschienenen Übersetzungen weit die der Originalwerke übersteigt. Ähnlich ist auch das Verhältnis bei den handschriftlichen Texten.

Ohne Zweifel erklärt sich die Flut von Übersetzungen in jener Epoche einmal durch die übergroße Bescheidenheit der Schriftsteller in der Selbsteinschätzung ihrer literarischen Fähigkeiten, zum anderen durch ihre hohe Achtung vor dem gedruckten Wort und ihrem Bestreben, den Landsleuten von Nutzen zu sein, welche keine fremden Sprachen beherrschten und dennoch die Werke bekannter Autoren zu lesen wünschten. Im Vorwort zu seiner Übersetzung von Popes "Lockenraub" schrieb der in den 40er Jahren des 18. Jahrhunderts erfolgreiche Übersetzer Ivan Šiškin: "... Ich vertraue fest darauf, daß mein guter Wille dem fremder Sprachen Unkundigen Dienste leistet, und daß dabei die Einfälle des Autors und die Späße des Werkes mir die Nachsicht der Leser zuteil werden lassen."[41] Auch P. Potemkin, der Übersetzer der "Neuen Heloise" (1769), betonte: "Ich habe diese Arbeit einzig und allein deshalb unternommen, um der Gesellschaft durch die Übersetzung derartiger Briefe einen Dienst zu erweisen, weil man sich schon lange dieses Werk in russischer Sprache gewünscht hat."[42] Diese schriftlichen Äußerungen bringen nicht nur die subjektiven Motive der Übersetzer zum Ausdruck, sondern auch das objektive Bedürfnis der an der Bildung interessierten Schichten der russischen Gesellschaft, am geistigen und kulturellen Leben der damaligen europäischen Völker teilzuhaben. Dieses Bedürfnis wurde sowohl durch die unmittelbare Lektüre von Werken in der französischen, deutschen oder anderen Originalsprache befriedigt, die in großer Anzahl nach Rußland gelangten, zum anderen aber auch mit Hilfe von Übersetzungen, die in der russischen Literatur von Anfang an verbreitet waren.

Die in Rußland im 18. Jahrhundert angefertigten Übersetzungen kann man zwei Gruppen zuordnen: 1.) die auf Anweisung der Regierung - d. h. auf offizielle Beschlüsse, einschließlich der Akademie der

Wissenschaften, des Adligen Landkadetten-Korps, der Moskauer Universität usw. - herausgegebenen Übersetzungen. 2.) die auf persönliche Initiative der Übersetzer oder im Auftrage vermögender Literaturliebhaber (wie z. B. des Fürsten D. M. Golicyn, 1665-1738)[43] veranstalteten Übersetzungen.

Welche Bedeutung der gedruckten Übersetzungsliteratur unter Peter I. zukam, haben wir bereits gesehen. Über die Rolle der handschriftlichen Übersetzungsliteratur schrieb P. P. Pekarskij, der hundert Jahre danach speziell die russische Literatur im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts untersuchte: "Bei der Durchsicht unserer handschriftlichen Literatur aus jener Epoche stellt man nicht ohne Erstaunen das plötzliche Auftauchen von Übersetzungen solcher Werke fest, die im 17. Jahrhundert in Europa die Vorboten der sich bald darauf in der Wissenschaft und im täglichen Leben vollziehenden Veränderungen waren." "Wenn man die russischen Übersetzungen solcher Werke in ihrer Gesamtheit betrachtet", führt Pekarskij weiter aus, "so kann man sich unschwer davon überzeugen, daß sie in der Absicht angefertigt wurden, die russischen Leser mit jenen Ergebnissen bekannt zu machen, die die Wissenschaft in Westeuropa auf dem Gebiet der politischen Struktur der Staaten, ihrer Gesetzgebung, Geschichte und zeitgenössischen Verhältnisse erreicht hatte."[44] In diesem Zusammenhang zählt Pekarskij in einer Anmerkung von über zwei Seiten die russischen Übersetzungen auf aus Pufendorf ("Über Natur- und Völkerrecht"), Hugo Grotius ("Über die Gesetze von Krieg und Frieden") und einigen Dutzend weiterer westeuropäischer Gelehrter.[45]

Die Belletristik zog im ersten Drittel des 18. Jahrhunderts weit weniger die Aufmerksamkeit der Übersetzer auf sich. Erst seit Mitte der 20er Jahre des 18. Jahrhunderts begannen recht schwache handschriftliche, eher bearbeitete als übersetzte Wiedergaben französischer preziöser Romane des 17. Jahrhunderts zu erscheinen. Die von Trediakovskij 1731 herausgegebene Übersetzung von Paul Tallemants "Voyage de l'Ile d'Amour" war der erste gedruckte Übersetzungsroman in russischer Sprache. Aber auch im Verlaufe der folgenden 2-3 Jahrzehnte erschien nur eine sehr kleine Anzahl von Übersetzungen schöngeistiger Literatur im Druck. Es handelt sich dabei vorwiegend

um klassische Autoren, wie Horaz, Cornelius Nepos, Polybios, Xenophon, Catos "Distichen" u. a., aber wir finden darunter auch Baltasars Graciáns "Hofmann", die Schriftsteller Fontenelle, Montaigne, Fénelon, Barclay usw.[46]

Wie schon gesagt, sind uns die handschriftlich überlieferten Übersetzungen jener Epoche weitaus weniger bekannt, jedoch kann man unter ihnen Übersetzungen aus Anakreon (von Kantemir), Ovid (anonym), Miltons "Verlorenes Paradies", Richardsons "Pamela" (1733), "Den christlichen Seneca" und viele andere anführen.

Seit Ende der 20er Jahre des 18. Jahrhunderts veröffentlichten die russischen Zeitschriften ("Примечания к Ведомостям" später die "Ежемесячные сочинения" und andere) regelmäßig Übersetzungen antiker und moderner europäischer Schriftsteller, in vielen Fällen mit Angabe des Autors, nicht selten aber auch nur mit dem unbestimmten Hinweis: "übersetzt aus dem Deutschen", "aus dem Dänischen" usw. Die ungeheure Menge des Materials zu ordnen und zu klassifizieren ist zur Zeit nicht möglich, ebenso undurchführbar ist es, eine Gesamtaufstellung aller einzeln herausgegebenen Übersetzungen zu geben, die während der Regierungszeit der Zarin Katharina II. gedruckt wurden oder im Manuskript erhalten sind. A. S. Archangel'skij unternahm den Versuch, die wichtigsten, im letzten Drittel des 18. Jahrhunderts im Druck erschienen Übersetzungen provisorisch aufzuzählen, und berücksichtigte dabei nur die Buchausgaben. Er stellte fest: "Es wurden die Werke der wichtigsten französischen, englischen, deutschen, teilweise dänischen und anderer Schriftsteller übersetzt. Die Übersetzungen erfolgten vor allem aus dem Französischen, als der bekanntesten Sprache, oder dem Deutschen, manchmal aber auch aus dem Englischen. Vor uns eröffnet sich eine ganze Bibliothek berühmter Namen und Werke, und es fällt schwer, alle Autoren aufzuzählen, deren Bekanntschaft der russische Leser in jener Epoche machte... Im Vordergrund standen die Übersetzungen aus der "Aufklärungs"-Literatur. So wurde fast in einem Zuge der gesamte Voltaire übersetzt..."[47] Im Anschluß daran zählt Archangel'skij die Namen der ins Russische übersetzten französischen Schriftsteller auf: Fénelon, Maupertuis, D'Alembert, Helvétius, Condillac, J.-J. Rousseau, Montesquieu, Corneille, Racine, Molière, Diderot,

Beaumarchais, Marmontel, Mercier, Buffon u. a, von den englischen Locke, Pope, Hume, Swift, Fielding, Addison, Goldsmith, Smollet, Sterne, Richardson, Ossian-Macpherson, E. Young, Shakespeare u. a.; von den deutschen: Rabener, Gellert, Geßner, Wieland, Klopstock, Lessing, Goethe, Schiller u. a.; von den dänischen: Holberg; von den italienischen: Petrarca, Tasso, Ariost, Metastasio; von den spanischen: Cervantes u. a.

Von besonderem Interesse ist die Liste der in dieser Epoche übersetzten antiken - griechischen und römischen - Autoren. Für die Literatur, die im 18. Jahrhundert in Europa sich einer unantastbaren Autorität erfreute, interessierten sich zwei Gruppen russischer Übersetzer: Jene, die die alten Sprachen beherrschten, und jene, die das antike Schrifttum aus französischen Übersetzungen ins Russische übertrugen, letzteres besonders häufig bei Ovid und Cicero.

Die unmittelbar nach dem klassischen Original vorgenommenen Übersetzungen verdienen eine eingehendere Betrachtung, vor allem deshalb, da bisher aus verschiedenen Gründen in der Literaturwissenschaft weder vor noch nach 1917 die Frage nach der Rolle der antiken Kultur bei der Entwicklung der russischen Literatur mit der erforderlichen Gründlichkeit gestellt und gelöst wurde. Infolgedessen ließen auch die westeuropäischen Literaturwissenschaftler, die die Bedeutung des lateinischen Einflusses bei der Herausbildung der europäischen Literaturen untersucht haben (P. Van Tieghem, E.-R. Curtius), die russische Literatur völlig aus ihrem Blickfeld. Und mehr noch - so Curtius in seinem beachtenswerten Buch "Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter" - es wird der Gedanke vertreten, daß allein die westeuropäischen Völker das Erbe der "Romania" angetreten hätten.

Wären jedoch die entsprechenden Materialien zur Frage nach der Rolle der antiken Literaturen bei der Entwicklung der russischen Literatur den europäischen Forschern bekannt, so würden - meiner Ansicht nach - ihre Urteile und Schlußfolgerungen gewiß vorsichtiger und zurückhaltender sein.

Bereits im 17. Jahrhundert war der damals bedeutende Dichter Simeon Polockij sehr gut mit den antiken, mittelalterlichen und verschiedenen neulateinischen Philosophen und Historikern vertraut

und stützte sich bei seinen Überlegungen und Beweisführungen auf ihre Thesen. Er beherrschte die altgriechische, lateinische und polnische Sprache, wobei er sogar in den beiden letzteren mit eigenen Schriften hervortrat. Besonders seit Polockij begann in Rußland eine intensive Beschäftigung mit dem antiken Schrifttum, die von seinen Schülern Silvestr Medvedev und Karion Istomin sowie später von Stefan Javorskij, Gavriil Bužinskij, Feofan Prokopovič und anderen Schriftstellern aus dem Stande der Geistlichkeit fortgesetzt wurde. Ebenfalls vorzüglich kannten sich Kantemir, Lomonosov und Petrov in der griechischen und lateinischen Sprache aus, Trediakovskij, M. N. Murav'ev, Kapnist u. a. Simeon Polockij, dessen Schüler, wie auch Javorskij, Prokopovič, Trediakovskij, Lomonosov und andere zeitgenössische Schriftsteller verfaßten in lateinischer Sprache Verse und Lobreden. Die Festsitzungen der Petersburger Akademie, der Moskauer Universität, der geistlichen Akademien und Seminare wurden im 18. Jahrhundert von lateinischen und griechischen Lobreden und -versen umrahmt. Diese Tradition blieb noch im 19. Jahrhundert erhalten. Die lateinische Dichtung pflegte man in Rußland bis zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Auch noch heute gibt es in der UdSSR Schriftsteller, die in lateinischer und griechischer Sprache schreiben und deren Werke unter den europäischen Be-Bewunderern der "viva Camena" Beifall finden.[48]

Vom Wunsche erfüllt, der russischen Gesellschaft mit ihrer Kenntnis der antiken Sprachen zu dienen, begannen die des Altgriechischen und Lateinischen Kundigen vom 17. Jahrhundert an in steigendem Maße die Klassiker ins Russische zu übersetzen. Die zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts wurde zu einer wahren Blütezeit der Übertragungen antiker Autoren. Unter anderem wurden übersetzt: Homer, Anakreon, Sappho, Plutarch, Demosthenes, Platon, Aristoteles, Theophrast und Isokrates sowie Vergil, Horaz, Ovid, Phädrus, Cicero, Sallust, Suetonius, Tacitus, Valerius Maximus, Athenagoras, Apuleius, Boethius u. a.[49]

Auch aus dem Chinesischen, wie oben erwähnt, aus dem Persischen (Sadis "Rosengarten"), aus dem Grusinischen und anderen orientalischen Sprachen erschienen Übersetzungen.

Auf diese Weise wurde die russische Literatur im Laufe des 18. Jahrhunderts dank der intensiven Übersetzertätigkeit beträchtlich bereichert und gab dadurch zahlreichen Lesern die Möglichkeit, ihre Bildung zu vervollkommnen und Denkmäler aus den verschiedensten Bereichen der philosophischen, politischen, historischen und schöngeistigen Literatur kennenzulernen, die in Europa zur damaligen Zeit verbreitet war.

Im Zusammenhang mit dem Problem der Übersetzungen im letzten Drittel des 18. Jahrhunderts muß noch einmal die Rolle Katharinas II. beleuchtet werden. Die bürgerlichen Historiker vor 1917, die auf dem Standpunkt eines späten "aufgeklärten Absolutismus" verharrten und jegliche literarische Entwicklung allein auf die Initiative und das Mäzenatentum der Herrschenden zurückführten, vertraten auch die Ansicht, daß fast die gesamte literarische Betriebsamkeit unter Katharina II. aufs engste mit ihrer Persönlichkeit verbunden und nur ihr verpflichtet sei. Aber das war keineswegs der Fall. Es genügt hier, nur eine Bemerkung Puškins anzuführen, die sich auf seinen geplanten Aufsatz zur Geschichte der russischen Literatur bezieht: "Die Dichtkunst verweigerte ihr (d. h. Katharina II.) die Gefolgschaft, ebenso wie das Volk."[50] Puškin vermochte sehr gut, die gesellschaftliche, politische und literarische Situation unter Katharina II. einzuschätzen, die ihm aus den Erzählungen der älteren Generation, der seine Eltern und Verwandten angehörten, wie auch durch eigene Nachforschungen in den Familienarchiven zuverlässig bekannt war. Puškins Worte bezogen sich nicht nur auf die Originalwerke, sondern ebenso auf die Übersetzungsliteratur. Sehr anschaulich ist hierfür das Beispiel der von der Zarin gegründeten "Gesellschaft zur Übersetzung ausländischer Bücher ins Russische". Diese Vereinigung wurde 1768 von Katharina II. gegründet und erhielt aus ihrer Privatschatulle jährlich 5 000 Rubel zur Entlohnung der Übersetzer und für den Druck der Bücher. Die Zarin ernannte auch die Vorsitzenden und Aufsichtsführenden der Gesellschaft, zeigte aber im Laufe der 15 Jahre, solange die Vereinigung existierte, - wiemman den Akten entnehmen kann - für dieses Unternehmen fast gar kein Interesse.[51] Indessen gab die Gesellschaft Übersetzungen heraus von Corneille, Voltaire, Montesquieu, Rousseau, Mably, Swift,

Fielding, Gellert, Sulzer, Marino, Tasso sowie aus der antiken Literatur: Helian, Homer, Hesiod, Lukian, Diodor, Herodianus, Velejus Paterkul, Cicero, Vergil, Valerius Maximus, Ovid u. a., und außerdem zahlreiche Artikel aus Diderots und D'Alemberts "Enzyklopädie" und Büschings "Geographie". Von 111 Büchern, welche die Gesellschaft herausgab, wurde nur ein einziges auf "allerhöchstem Befehl der großen allrussischen Gesetzgeberin", also auf Katharinas II. Anweisung, übersetzt und gedruckt: nämlich "Blackstones Erläuterung der englischen Gesetze" (1780).

Daher kann man mit vollem Recht sagen, daß die Übersetzungstätigkeit in Rußland zur Zeit Katharinas II., wenn nicht gänzlich außerhalb der Führung und Lenkung der "aufgeklärten Monarchin", so doch zumindestens unter ihrer minimalsten Anteilnahme vorsichging und fast ausschließlich der gemeinschaftlichen und privaten Initiative der fortschrittlichen russischen Schriftsteller des 18. Jahrhunderts zu verdanken war.

Schließlich müssen wir auch noch auf die Bedeutung der Übersetzungen für die Entwicklung der russischen Literatursprache hinweisen. Ungeachtet der Überspitzungen, künstliche Slawismen schaffen zu wollen, die bei einigen Übersetzern auf Grund der Lehre Lomonosovs von den drei Stilarten auftraten, spielten die Übersetzungen im ganzen gesehen eine beachtliche Rolle: sie zwangen die Übersetzer, nach passenden Ausdrücken im Wortbestand der russischen und der altslawischen Sprache zu suchen oder auf ihrer Grundlage Neologismen zu schaffen, die nicht selten überaus treffend gewählt waren und zum Bestandteil der literarischen Umgangssprache wurden.

Gute Dienste leisteten dabei die Übersetzer oder Verfasser der zweisprachigen "fremdsprachig-russischen" und "russisch-fremdsprachigen" Wörterbücher. Derartige Wörterbücher erschienen zuerst in Abschriften und seit dem Ende des 17. Jahrhunderts im Druck. Die Wörterbücher, wie z. B. das "Dreisprachige Lexikon" Fedor Polikarpovs (1704), das "Weißmannsche Deutsch-lateinisch-russische Lexikon" (1731), das in St. Petersburg gedruckte und mit einem Anhang zur russischen Sprache herausgegebene "Wörterbuch der Französischen Akademie" (1773) - nur der Buchstabe "A" mit 227 Seiten - bildeten eine Art philologisches Laboratorium, in dem mehr oder weniger

gelungene und endgültige russische Äquivalente ausländischer Wörter entstanden.

Schließlich müssen wir uns noch einmal die Bedeutung der Übersetzungen vergegenwärtigen, die unter Täuschung der Zensurbehörden vor den russischen Lesern aktuelle politische Fragen aufwarfen und sie gleichzeitig kühn und radikal beantworteten.

X

Wir sehen also, daß sich im 18. Jahrhundert einerseits die russische Originalliteratur schnell entwickelte und andererseits, daß "vor allem in dieser Zeit, die für die Geschichte der russischen Kultur so außerordentlich bedeutsam ist, auf russischen Boden Werke fast aller berühmten modernen wie auch antiken Schriftsteller verpflanzt wurden. Man kann sagen, daß unter Katharinas Herrschaft die aufgeklärtesten Schichten der russischen Gesellschaft an dem seit Jahrhunderten angesammelten kulturellen Reichtum, den die Literatur Westeuropas verkörperte, teil hatten."[52]

Wie reagierte nun die russische Gesellschaft auf diese sprunghafte kulturelle und literarische Entwicklung? Natürlich konnten mit einem derartig schnellen Tempo des Fortschreitens im geistigen Leben nur die Intellektuellsten und Aufgeklärtesten Schritt halten, die am ehesten fähig waren, sich nicht im Strom der neuen Ideen, Begriffe, Kenntnisse und Fakten zu verlieren, und die sich selbst feste Prinzipien, feste moralische Kriterien geschaffen hatten, um die komplizierten und widersprüchlichen Zusammenhänge jener schwierigen Epoche zu durchschauen.

In der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts schien es auszureichen, entsprechend nach dem Gebote des Verstandes zu handeln, das alle Schwierigkeiten im gesellschaftlichen und persönlichen Leben zu lösen versprach. Aber bereits um die Mitte des 18. Jahrhunderts bildet sich eine neue, doch noch immer auf rationalistischer Grundlage beruhende Konzeption heraus: alles ist von der vom Verstand kontrollierten Moralauffassung abhängig. Die Moral verkörpert die Politik, bezogen auf den einzelnen Menschen, die Politik wiederum die Moral in ihrer Anwendung auf den spezifischen Staat oder auf die gegenseitigen Beziehungen der Staaten untereinander. Gegen Ende

des Jahrhunderts - sowohl unter dem Einfluß der russischen nationalen Entwicklung wie auch im Ergebnis der Auswahl und Aneignung der Errungenschaften der europäischen Literaturen - änderte sich die alte Formulierung: an die Stelle der rationalistischen Moral traten das Herz, die Tugend und das Gefühl. Wenn man sich früher um die "Aufklärung des Verstandes" bemühte, so spricht man im letzten Drittel des 18. Jahrhunderts vom Gefühl und noch mehr vom Mitgefühl. Die Fortschrittlichsten sprachen vom Mitgefühl mit den Unterdrückten, d. h. mit den leibeigenen Bauern, und befürworteten - in der Person Radiščevs - die revolutionäre Bauernerhebung.

Man kann sehr leicht die russische ideologische Entwicklung mit der Entwicklungsgeschichte der philosophischen und ästhetischen Lehren des 18. Jahrhunderts in Zusammenhang bringen. Aber es war dazu die petrinische Epoche erforderlich, in der, um mit Lenins Worten zu sprechen, "Peter die Übernahme der westlichen Kultur durch das barbarische Rußland beschleunigte, ohne dabei vor barbarischen Methoden des Kampfes gegen die Barbarei zurückzuschrecken".[53] Ebenso waren die Jahre der Biron-Herrschaft und anschließend die Regierungszeiten der "milden Elisabeth" und der liberalen Katharina II. überhaupt erst die Voraussetzung, die Radiščev zu seinen revolutionären Schlußfolgerungen kommen ließ. Einzig und allein mit dem "Einfluß" europäischer Ideen, literarischer Strömungen, politisch-ökonomischer und ästhetischer Theorien kann man die russische ideologische Entwicklung im 18. Jahrhundert nicht erklären: Man muß auch die Besonderheiten der russischen historischen Entwicklung jenes Jahrhunderts kennen und berücksichtigen: Es veränderten sich zwar die Formen der Unterdrückung, - wenn auch nur wenig und ganz allmählich - aber die Adelsdiktatur, die noch durch die zunehmende kapitalistische Ausbeutung verstärkt wurde, blieb bestehen.

Außerdem dürfen wir folgendes nicht übersehen: Rußland war schon seit Ende des 17./Anfang des 18. Jahrhunderts mit dem gesellschaftspolitischen Leben und Gedankengut Westeuropas in Berührung gekommen. Damals wurden befähigte Russen von Peter I. mit diplomatischen Aufträgen oder zur Vervollkommnung ihrer Bildung in die europäischen Länder geschickt. Diese Auslandsreisenden, die zuerst nur unfreiwillig und widerstrebend, später jedoch sehr bereitwillig dieser

Aufforderung nachkamen, standen vor folgendem Dilemma: Heimat oder Fremde - Rußland oder Europa? In der russischen Literatur taucht dieses Thema schon in der petrinischen Zeit auf. Der anonyme Autor der "Erzählung vom russischen Matrosen Vasilij Koriotskij" schrieb, daß sein Held "в Россиiских Европиях" geboren wurde. Hier ist - unbewußt oder vielleicht sogar sehr bewußt - der Gedanke von einer organischen Einheit Rußlands und Europas ausgesprochen. Doch bereits Ende der 20er Jahre gab Trediakovskij in seinen "Lobesversen auf Paris" und den "Lobesversen auf Rußland" diesem tragischen inneren Konflikt "Rußland - Europa" Ausdruck. In vielen Variationen zog sich dieses Thema durch die gesamte russische Literatur der folgenden Zeiten bis zur sowjetischen Poesie: "Ich hätte leben und sterben wollen in Paris, wenn es nicht dieses Land gäbe - Moskau!" (Majakovskij).

Der Patriotismus gehört zum untrennbaren Bestandteil der russischen Literatur im gesamten 18. Jahrhundert, und es gab nicht einen der großen oder auch zweitrangigen Schriftsteller jenes Jahrhunderts, der nicht seine Auffassung von der besonderen historischen Rolle Rußlands dargelegt hätte. Über das von der Geschichte auserwählte Rußland sprach nicht nur Trediakovskij in seinen "Lobesversen auf Rußland", sondern ebenso Lomonosov in dem letzten Gedicht seines Zyklus "Gespräch mit Anakreon". Auch Radiščev nannte das russische Volk "к величию рожденным". Das Vertrauen auf das Volk, seine physische und geistige Stärke und auf seine historische Prädestination war eine der wesentlichsten und entscheidendsten Besonderheiten der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.
Allein die Tatsache des Vorhandenseins dieses großen patriotischen Selbstbewußtseins durch das gesamte 18. Jahrhundert hindurch zeugt davon, wie unrichtig die These vom nachahmenden, schülerhaften und sklavisch unselbständigen Charakter der russischen Literatur dieses Jahrhunderts ist. Schwerlich konnte aus westeuropäischen Quellen die Idee der historischen Auserwähltheit Rußlands geschöpft werden. Sie war untrennbar mit den Traditionen der altrussischen Literatur verbunden, in der sich dieser Gedanke allmählich herauskristallisiert hatte. Das beweisen lange vor dem 18. Jahrhundert die Legende von der Reise des Apostels Andreas nach Kiev in der "Nestorchronik",

Ilarions "Rede über das Gesetz und die Gnade", die "Klage vom Untergang des Russischen Landes" und ganz besonders überzeugend die bekannte Konzeption von "Moskau - dem dritten Rom". Um abschließend kurz zusammenzufassen, worin die wichtigste Besonderheit des russischen literarischen Prozesses im 18. Jahrhundert zum Ausdruck kommt, könnte man folgendermaßen formulieren: in der unbeirrbaren Überzeugung, die Söhne eines von der Geschichte auserwählten Landes wie Rußland zu sein, müssen sie sich auch dessen würdig erweisen - sowohl in moralischer als auch geistiger und politischer Hinsicht - und die Literatur hat allein diesem Ziel zu dienen.

XII

Die Literaturwissenschaft vor 1917 vertrat im Banne des Vorurteils von einem dominierenden "nachahmenden Charakter" der Literatur des 18. Jahrhunderts eine Konzeption, nach der sich die russische Literatur erst mit Puškin anschickte, sich vom "Schülerverhältnis" mit dem Westen frei zu machen und selbständig zu werden.

Die Analyse der Besonderheiten im russischen literarischen Prozeß des 18. Jahrhunderts, der Nachweis des kontinuierlichen Zusammenhangs zwischen der Literatur des 18. Jahrhunderts und der altrussischen Literatur, die unzweifelhafte Selbständigkeit in der Auswahl der Übersetzungen und der Aneignung progressiven Gedankengutes, die kritische Haltung gegenüber bestimmten geistigen Strömungen und Erscheinungen in der damaligen europäischen Literatur, die zutiefst ethische Grundeinstellung und die stark politische Orientierung in den besten russischen Originalwerken jener Epoche sind die offensichtlichsten Beweise für die Absurdität der veralteten Ansicht, die russische Literatur des 18. Jahrhunderts stelle eine Epoche des "Schülerhandwerks", eine Periode ausschließlichen "Einflusses" westeuropäischer Literaturen dar.

Im "Eugen Onegin" deklamierte Puškin in scherzhafter Weise:

"Мы все учились по-немногу
Чему-нибудь и как-нибудь."

Von der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts kann man jedoch ganz ohne jeglichen scherzhaften Unterton behaupten: sie lernte vieles und alles Bedeutende und Wichtige, was die Weltkultur in jener Zeit zu bieten hatte. Sie nahm ihre Aufgabe ernst, nicht "как-нибудь", weil sie der Literatur eine große gesellschaftspolitische und erzieherische Funktion zuerkannte. Das beweist aufs deutlichste ihre Rolle in der Geschichte der Literatur des 19. Jahrhunderts, die unlösbar sowohl ideengeschichtlich als auch in ästhetischer und sprachlicher Beziehung mit der Literatur des 18. Jahrhunderts verbunden ist. Aber berührten wir noch - wenn auch nur flüchtig - die nationalen Traditionen der Literatur des 19. Jahrhunderts und ihre Verbindung zur russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, so wäre das bereits ein neues Thema: die Besonderheiten des russischen literarischen Prozesses im 19. Jahrhundert - ein Thema, das die Grenzen des vorliegenden Artikels überschreitet.

Anmerkungen

1 T. A. Bykova, Зерцало грешного. In: T. A. Быкова и M. M. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 - январь 1725 г. Red. und Einleitungsartikel Prof. P. N. Berkov, Moskau-Leningrad 1958, S. 344/hier Druckfehler: "Jafet" anstelle kirchenslavisch "Afet".

2 Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI - начала XIX в, Minsk 1962, S. 252.

3 Gemeint ist: Цель.

4 Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, a.O, S. 255. Dieses Gedicht wurde von Polockij einen Tag vor seinem Tode geschrieben.

5 Ebd., S. 252.

6 Gemeint ist: Мудрости.

7 A. Prozorovskij, Сильвестр Медведев / его жизнь и деятельность /, Moskau 1897, S. 386.

8 Вирши. Силлабическая поэзия XVII-XVIII веков. Общая редакция П. Беркова, Leningrad 1935, S. 146.

9 Gemeint ist: Типографским способом.

10 T. A. Bykova, a. a. O., S. 60.

11 V. I. Lenin, Полное собрание сочинений, Bd. 22, Moskau 1961, S. 371.

12 Ebd., Bd. 22, S. 371.

13 Ebd., Bd. 20, S. 121 und 187.

14 Ebd., Bd. 17, S. 346.

15 V. V. Vinogradov, Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв., Moskau 1934, 2. Aufl. Moskau 1938.

16 V. I. Lenin, a. a. O., Bd. 1, S. 153.

17 Ebd., S. 153.

18 Ebd., S. 153.

19 Ebd., S. 154.

20 Ebd., S. 154.

21 Ebd., Bd. 20, S. 121.

22 Ebd., Bd. 17, S. 346.
23 Gemeint ist: Различие.
24 Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, S. 254. Прижитие - прижиток, прибыль, выгода.
25 Gemeint ist: Подданные, население государства.
26 Gemeint ist: Правителям.
27 Ebd., S. 240.
28 Ebd., S. 241.
29 Ebd., S. 241.
30 Ebd., S. 249.
31 Gemeint ist: Заставить опасаться, оберегаться.
32 Ebd., S. 237. Die letzte Zeile lautet: "Всякий, располагая богатством, забудет нищету".
33 Ebd., S. 258, /"Чтение", S. 257 /"Книга"/, S. 257-258 /"Мир есть книга"/, S. 261 /"Писание"/, S. 263 /"Частость"/ и др.
34 Vgl. I. A. Šljapkin, Похвала книге, Petrograd 1917, S. 4-7.
35 Духовный регламент, St. Petersburg 1820, S. 63-64.
36 Dieser Satz ist zweideutig: Er ist sowohl die Übersetzung des biblischen Textes als auch dessen, daß es unmöglich ist, sich von etwas zu befreien. Vgl. Словарь современного русского литературного языка, Bd. 14, Moskau-Leningrad 1963, Spalte 477.
37 G. R. Deržavin, Стихотворения, Leningrad 1957, S. 371-372. / Anmerkungen von V. A. Zapadov /.
38 D. I. Fonvizin, Собрание сочинений, Bd. 2, Moskau-Leningrad 1959, S. 672. / Anmerkungen von G. P. Makogonenko / .
39 Ja. B. Knjažin, Сочинения, Bd. 2, St. Petersburg 1848, S. 672.
40 V. I. Lenin, a. a. O., Bd. 17, S. 346.
41 P. N. Berkov, Иван Шишкин - литературный деятель 1740-х годов. In: Вопросы изучения русской литературы XI-XX веков, Moskau-Leningrad 1958, S. 56.
42 V. V. Sipovskij, Из истории русского романа и повести / Материалы по библиографии, истории и теории русского романа. In: XVIII век, Teil 1, St. Petersburg 1903, S. 172.

43 Ein großer Teil der in der Bibliothek Blicyns in Handschriften vorhandenen Bücher über Philosophie, Recht, Politik und Geschichte wurde während seiner Amtszeit als Generalgouverneur von Kiev von Lehrern und Studenten der Kiever Mohyla-Akademie übersetzt. Vgl. P. P. Pekarskij, Наука и литература в России при Петре Великом, Bd. 1, St. Petersburg 1862, S. 267.

44 Ebd., S. 255-257.

45 Ebd., S. 255-257 (Anmerkung).

46 N. Turkistanov, Каталог иностранной литературы в России /1740-1810/. Из Сопиковой библиографии, Moskau 1894; A. S. Archangel'skij, Императрица Екатарина II в истории русской литературы и образования, Kazan' 1897, S. 6.

47 Ebd., S. 9.

48 Vgl. meinen Artikel "Новолатинские и греческие поэты в России в XVII-XX вв.", in der Unbegaun-Festschrift. - "Viva Camena" - Anthologie neulateinischer Poesie des 20. Jhs., die von J. Eberle herausgegeben wurde, Zürich - Stuttgart 1961. Hier sind drei Gedichte des Leningrader Prof. Ja. M. Borovskij an "Horaz", "Ovid", "Lomonosov" veröffentlicht. Ein anderer sowjetischer neulateinischer Dichter, R. Cesjulevič - Riga, ist Preisträger des internationalen Wettbewerbs lateinischer Dichter in Italien.

49 P. N. Černjaev, Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II, Voronež 1905; A. M. Loboda, К истории классицизма в России в первую половину XVIII-го столетия, Kiev 1911; N. N. Kutateladze, К истории классицизма в России. Анакреонтические песни в русской литературе XVIII столетия. /Историко-литературный этюд/, Voronež 1915; V. Lebedev, Указатель ко всем учебным изданиям и переводам по классическим/ греческому и латинскому языкам / с начала книгопечатания до 1871 года включительно, Moskau 1878; P. I. Prozorov, Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г., St. Petersburg 1898;

D. I. Nagaevskij, Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 г., Kazan' 1889; W. Busch, Horaz in Rußland, Munchen - Eidos 1964 (S. 257: bibliographisches Hilfmittel).

50 A. S. Puškin, Полное собрание сочинений, Bd. XI, Moskau-Leningrad 1949, S. 496. Vgl. meinen Artikel "Пушкин и Екатерина II" - "Ученые записки Ленинградского Государственного университета, Nr. 200, Reihe Philologie, Lief. 25, S. 212-215.

51 V. P. Semennikov, Собрание, старающееся с переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768-1783. Историко-литературное исследование, St. Petersburg 1913.

52 Ebd., S. 5.

53 V. I. Lenin, a. a. O., Bd. 36, S. 301.

INDEX

Aarne-Thompson: XIX 303, 308
Abélard, P. : X 8
Addison,J. : XXIII 47
Adrianova-Peretc, V.P. : XXI 27
Aesop : XXIII 43
Ahundov, M.F. : XII 10
Aksakov, I. : XXI 21
Alamanni : XX 19
Albani : XX 11, 13, 21, 42
Aleksandr I (King) : XXIII 16
Aleksandr Makedonskij : XIII 43 ; XXI 30
Alekseev, A. : I 226
Alekseev, M.P. : VII 8; XI 3, 4
Aleksej Mihajlovič (King) : XIV 24
Alexander von Makedonien, v. Aleksandr Makedonskij
Alfieri : XX 6, 19, 40
Anakreon : XIII 46, 48, 53
Anderson, M.A. : XI 3
Angeloni : XX 24
Andreev, N.P. : XIX 303
Angyal, A. : X 24, 25
Aničkov, D.S. : X 17, 18
Aničkova, E.E. : XIX 303
Anisimov, I.I. : XII 8
Anna Ivanovna (Queen) :XXIII 32, 40
Anstet : I 223
d'Antin, duc : V 13
Antipov, V. : XV 54
Apollonius : XXIII 33
Apollodoros von Athen : XIII 43
Apuleius : XXIII 48
d'Aragon : VIII 32
Aretino : XX 6
Arhangel'skij, A.S. : VII 10, 16 ; XXIII 46
Ariosto : XX 3, 5, 6, 19, 20, 37, 40 ; XXIII 47
Aristoteles : XIV 7; XX 36; XXIII 26, 28, 48
Athenagoras : XXIII 48
Arsen'ev, A.V. : XIII 352
Asparuh (King) : IX 222
d'Aulnoy, M.C. : XIX 303
Azadovskij, M.K. : VII 20; XIX 303

Babkin, D.S. : VII 7, 22
Bacon, F. : XV 56
Badalić, J. : XIV 26
Bakunin, I.M. : I 225
Baldensperger, F. : XXII 65
Baranskaja, N.V. : VII 20
Barclay, J. : X 13; XXIII 32, 46
Baronius, C. : XIV 18, 19, 20, 21
Barrès, M. : I 226
Barskov, Ja.L. : VII 18
Barsov, Al. : XV 54
Bašilov, S. : XV 50, 52, 53, 54
Batjuškov, F.D. : XXIII 13

Batjuškov, K.N. : XX 7, 11
Bause, T. : XIII 361, 362
Bayer, S.T. : III 269, 270
Bayerin : III 271
Bayle, P. : X 7
Beaumarchais, P.A. : XXIII 47
Beccaria, C. : X 22; XX 19
Bech, M.S. van : XI 4, 5
Bek, A. : IV 4
Belinskij, V.G. : IV 13; VII 9, 13; X 7; XXII 70
Bellegarde, L. v. Dantés Bellegarde, L.
Benecke, H.W. : II 10
Berkov, P.N. : VI 187
Berni, F. : XX 44
Berquin : XX 44
Beševliev, V.: IX 223, 224
Bestužev-Marlinskij : XX 39
Betz, L. : XXII 65
Bibikov, A.I. : XV 56
Bièvre, G.F. : XVII 50
Biron, E.J. : XXIII 40, 52
Bjul'finger : XI 24
Blagoj, D.D. : VI 185; VII 7, 18
Blok, A.A. : XVII 54
Blumauer, A. : X 23
Bobinskaja, C. : XIV 26
Boccaccio : XX 6
Boccella, C. : I 228
Bodenstedt, F. : I 220, 223
Boduen de Kurtene, I.A. : X 8
Boethius : XXIII 48
Bogatyrev, P.G. : VII 20
Bogdanovič : XIV 23
Bogomolec, F. : X 23
Boiardo : XX 6
Boileau : XX 36, 38
Bomstejn, G.I. : VII 20
Borg, K. von der : I 220
Boris (Prince) : IX 221
Boris Godunov (King): XIII 352, 364
Born, I.M. : X 16, 22
Borrow, G. : I 227
Boucher d'Argis, A.-G. : XV 53
Bouhours : XVII 50
Brjusov, V. : XVII 53, 54
Bronevskij, V.B. : XX 26
Broome, M. : VIII 30
La Bruyère J. de : XV 56
Buffon, G.L. : XXIII 47
Bulgarin : XX 27
Buonarotti, v. Michelangelo
Buovo d'Antona : XX 37
Büsching, A.F. : XXIII 50
Bulič, N.N. : VII 10
Bürger, G.A. :XII 12
Burnašev, V. : I 225
Bussow, K. : XIII 364
Bužinskij, G. : XI 13-19, 21, 22, 25; XIV 24; XXIII 48
Byčkov, L. : X 6

Bykova, T.A. : II 12: VII 8
Bykovskij, I. : XIV 26; XV 55
Byron, G.G. : I 222; XX 7, 27, 29, 30, 31, 32, 36

Campardon, E. : II 10
Canova : XX 27
Cartesius (Descartes, R.) : XIV 7
Casti : XX 6
Catherine v. Ekaterina
Cato : XXIII 46
Catur'jan : XII 21
Cellij, A. v. Sellius, A.
Cellij, Nikodim v. Sellius, B.A.
Cellij, Nikolaj v. Sellius, B.A.
Cellij, B.A. v. Sellius, B.A.
Cervantes, M. : XXIII 47
Chopin, G. : I 224
Cicero : XXIII 47, 48, 50
Cicovani, S. :XII 15
Cirikov, S.G. : XX 12
Cjavlovskij, M.A. : XX 6
Columna, Guido de : XXIII 43
Commodus (King) : XXIII 33
Condillac, E. : XXIII 46
Consett, H. : XI 5
Consett, T. : XI 3-14, 16, 18-26
Corneille, P. : VIII 36; XXIII 46, 49
Cornelius, K. : XVII 48
Correggio : XX 11, 13, 21
Cosack, H. : XIII 368, 369, 370, 372
Cronia, A. : XIV 19
Curtius, E.R. : IX 226; X 25; XXIII 47
Curtius, Qu. : XXIII 43

Čavčavadze, I. : XII 11
Černorizec Hrabăr : IX 221
Černyševskij, N.G. : VII 9; X 7; XII 11; XXI 22
Čistovič, I. : XIV 17
Čiževśky, D.I. : X 24, 25
Čulkov, M.D. : VI 181; VII 12

Dal', V.I. : X 8
D'Alembert : XV 53-55; XXIII 46, 50
Dante Alighieri : XX 3, 5, 6, 19, 26, 37, 38, 40, 41; XXIII 19
Dantés Bellegarde, L. : XV 56
Daržans, M. : VIII 35, 36
Daškova, E.P. : X 15
Daškevič, N.P. : XX 2
Davydov, V.L. : XX 28
De Brosse : XX 40
Delisle : XX 44
Delvig, A.A. : XX 43, 44
Demosthènes : XXIII 48
Deprade, Abbé : XX 45
Deržavin, G.P. : VII 7-9, 11, 16, 18, 20; XIV 6, 22-24; XXII 70; XXIII 13, 17,31,32
Desnickij, S.E. : X 17, 18
Diderot, D. : VIII 30 ; XV 47-49, 53-55; XVII 45; XXIII 46, 50
Di Frisco, C. : XX 42
Dinekov, P. : IX 221-227; XIV 19
Diodor : XXIII 50
Dmitriev : VII 8

Dmitrievskij : VI 182
Dobroljubov, N.A. : VII 9; X 7
Doddington, N. : I 228
Dolgorukij, A.: VIII 34
Domašnev, S.G. : XV 52; XXII 72
Domeckij, G. : XIII 368
Dostoevskij, F.M. : I 222
Drda, J. : XVII 57
Dujčev, I. : IX 222
Dumas, A. : I 226; XVII 45
Dupont, A. : I 225
Dupont-Ferrier, G. : V 7

Eckenberg, J.K. von : II 9-11
Eckenberg, V.-C. : II 10-13
Efremov, P.A. : VI 187; VII 9
Efros, A.M. : XX 10, 11, 12, 13
Ejges, I.P. : XX 9-10
Ekaterina I : II 13; XI 10-12, 15-18, 21; XXIII 40
Ekaterina II : V 14; VII 15, 22; X 10, 12, 15, 23; XV 47, 56, 58; XXII 16, 28, 31-33, 35, 39, 41-43, 46, 49, 50-52
Elagin, I.P. : VI 188
Eleonskij, S.F. : VII 20, 21
Eliasborg, A. : I 224
Elizaveta I : VII 22; VIII 32,34, 37; XXIII 16, 34, 35, 37, 39-41, 52
Emin, G. XII 14, 15
Engels, F. : X 13; XII 9; XIV 9; XVII 57; XXI 30, 31, 32
Enikel, J. : XIX 304-309
Eremin, I.P. : VI 185; X 6, 18, 25; XXI 27
Epictète : XV 56
Evgenij, mitropolit Bolhovitinov : VI 180, 181; XIII 366, 369

Engel'gardt, S. : I 226
Ehrenburg, I. : XVII 57

Fechner, A.W. : XI 7
Fedin, K. : XVII 57
Fénelon, F. : X 13; XXIII 32, 46
Feodor Alekseevič (King) : XIV 24; XXIII 11, 27
Feodosij, Erzbischof : III 269
Feyl, O.: IV 15, 24
Fidler, F.F. : I 224
Fielding, H. : XXIII 47, 50
Filangieri, G. : X 22; XX 19
Filikaja, V.:XX 26, 31
Filimonov, V.S. : XV 54
Filippov, T. : XXI 21
Fiszman, S. : XIV 26
Florovskij, A.V. : XIII 354, 355; XIV 26
Foix, duc de : VIII 36
Fontenelle, B. : X 13; XXIII 46
Fonvizin, D.I. : V 14; VI 181; VII 7, 8, 18-20, 24: X 13, 17, 18-21, 23; XIV 7, 23; XXII 71; XXIII 17, 32, 33, 41, 42
Foscolo, U. : XX 6, 40
France, A.F.: XVII 43
Francev, V.A. : XIV 6, 22
Frenkel'-Konrat : XIV 27
Frenzel, E. :XIX 307
Fridlender, G.M. : X 21
Friedrich, W.P. : XXII 65

Gejveler, G. von : I 224

Gellert, Ch. : XXIII 47, 50
Gennadij, Erzbischof : XIII 359-361
George I : XI 11
George II : XI 19, 20, 22
Georgiev, E. : IX 221
Georgievskij, P.E. : XX 12, 18, 19, 20, 21, 22
Gerasimov, D.: XIII 356-358
Gerner, H. : I 224
Gercen, A.I. : IV 13; X 7
Germann : XI 24
Geršković, Z.I. : VI 186
Gessner, S. : XXIII 47
Ghil, R. : I 220
Gianni : XX 6
Giesel, A. : XIII 367, 368, 370
Gigli, M. : XX 24
Giotto : XX 21
Giovanni di Bologna : XX 27
Giovo, P.: XIII 356
Girard, abbé : V 7-14; XV 55
Gizel, I. : XIII 368, 369, 370, 372
Goethe, J.W. : X 23; XII 9, 19; XIV 11: XVII 57; XX 7, 37; XXIII 47
Gogol', N.V. : IV 13; XII 11
Goldoni, C. : X 22; XX 5, 19, 45
Goldsmith, O. : XXIII 47
Golenevskij, I. : XIV 24
Goleniščev-Kutusov, I.N.: IX 227
Goleniščev-Kutusov, P.I.: XX 44
Golicin, N. : I 225, 226
Golicyn, D.M. : XXIII 45
Golovkin, G.I.: V 12
Golubev, S.T.: XIII 368
Gončarov, N. : I 222, 226
Gonzik, I. : XVII 54
Gorbkouski (Gontkowski), J. :XIII 372,373
Gorbovskij, A. : XXI 30
Gorčakov, A.M. : XX 14, 16, 18, 20, 23
Gor'kij, M. : VI 180; XIV 11: XVII 56
Gorleckij, I.S. : V 11
Gozzi: XX 22
Grimm, J. : IV 4; XII 22
Grimm, W. : XII 22
Grot, Ja. K. : XX 13
Guarini : XX 19
Gudzij, N.K. : XXI 27
Guidi : XX 19, 21
Guissen, H. von : XI 17-19, 21, 24, 25
Gukovskij, G.A.: VII 11, 12, 18, 19; VIII 34
Gunding, W. : XIII 365-367
Gurevič, M.M.: II 12; VII 8
Gustav Adolf : XIII 357
Gracian, B. : XXIII 46
Grau, C.: III 271
Griboedov, A.S. : XXIII 13
Grigor'jan, K.N. : XII 20
Grotius, H. : X 12; XXIII 45
Gsell, G. :III 271
GUnther, J.: I 224

Hagen, F.H. von der : XIX 307

Hanuš, J. : XVII 56
Harlamov, J. : XV 55
Hartl, W. : XIII 355
Hause : III 270
Heliand : XXIII 50
Helvetius, C.A. : X 14, 21; XXII 46
Heraskov, M.M.: VI 182, 188; X 18, 19; XIV 24; XV 52, 56
Hering, E. : I 223
Herodianus : XXIII 50
Hesiod : XXIII 50
Hitrova, E.M. : I 225
Hobbes, Th. : X 12
Hoffman, K.L. : II 13
Holbach, P.H. : X 14
Holberg, L. : XXIII 47
Homer : XXII 69, 72: XXIII 48, 50
Homjakov, A.S. : I 223
Horatius, F.Qu. : X 14; XII 13; XVII 43; XXII 68; XIII 46, 48
Hruščevi (Brothers) : X 13
Hugo, V.: XIV 15
Hume, D.: XXIII 47

Il'f, I.: XVII 56
Il'inskij, I.Ju.: X 13
Ioann Antonovič (King): XXIII 33
Ioannisian : XII 21
Iosif II : X 10, 23
Isaakjan, A.: XII 20, 21, 22
Isokrates : XXIII 48
Istmen, M. : I 228
Istomin, K.: XXIII 12, 17, 48
Istrin, V.M. : XX 27, 32
Ivan IV (Groznij - King): XIII 363, 364
Ivan Aleksandrov : XIII 361-363
Ivan Asen II (King): IX 224
Ivanov, J. : IX 221
Ivanov, V. : XII 21
Izvol'skaja, E. : I 226

Jagić, V. : IV 4-6, 8, 11-13, 15, 16, 25, 31; XIV 22
Jakóbiec, M. : XIV 26
Jakov III : XI 11
Jakubovskij, V. : XIV 26
Jöcher, Chr. G. : XIII 366
Jankovic de Mirievo, F.I. : X 23; XIV 21
Jasmanius, J. : XIII 362
Jaucourt, Lois de : XV 52, 53
Javorskij, St.: XI 6-10, 21, 22, 24, 25; XII 12 16, 17; XIII 373; XIV 24; XXIII 13, 28, 48

Kajdanov, I.K. : XX 14, 15, 16, 17, 34-35
Kalačeva, S.B. : VI 186
Kalinič, R.P. : XX 13
Kantemir, A.D. : VI 181, 186; VII 8, 18, 20-23; X 6, 13, 14, 18, 20; XI 24; XIV 7, 8, 24; XXII 71; XXIII 13, 19, 25, 34, 46, 48
Kapnist, V.V. : VII 8, 11, 24; XIV 23, 24; XXIII 13, 48
Karamzin, H.M. : VII 8, 11, 18, 24; X 18, 19; XX10, 11; XXII 71; XXIII 13, 17, 19, 22
Kareev, N.I. : XX 2
Kargopol'skij, I.I. : V 11
Karl IX : XIII 364

Karlenko, T.A. : VII 8
Kasatkina, E.A. : VII 21
Katenin, P.A. : XX 26
Katharina v. Ekaterina
Katkov, M.N. : I 228
Kayser, W. : VI 185
Kaverin, D. : XVII 57
"K.D." : XX 26
Kent, R. : I 228
Kerrel, R.T. : I 228
Kerner, J.R. : IV 13
Kin, T. : I 227
Kipling, R. : XVII 50
Kiprenskij, O. : XX 26
Kiril Slavjanobălgarskij : IX 221-224; XIV 17, 18
Kisel, A.G. : XII 371, 372
Klopstock, F.G. : XXIII 47
Klušin, A.I. : X 21
Knjažnin, Ja. B. : VII 8, 13; X 19, 20; XXIII 37, 38, 42
Knorring, K. von : I 223
Köhler, J. : XI 12
Koka, G.M. : XX 10
Kokorev, A.V. : VII 8, 20
Kol'cov, A.V. : X 16
Kołodziejczyk, Ed. : IV 14
Komarov, M. : VII 12
Komensky, J.A. : XI 23
Kommikau, T.: I 224
Komovskij, S.D. : XX 12-13
Kondratovič, K. : XIV 24
Kononovič-Gorbackij, J.: XIII 373
Koran, the: XX 38
Koriotskij, V. : XXIII 53
Korobka, N.V. : XX 26
Korovin, G.M. : VII 8
Korovin, S.M. : V 11
Korolenko, V.G. : XII 19
Korš, F.E. : VI 185, XX 7
Kossov, S. : XIII 369
Kostenskij, Ja. : XV 53
Kotel'nickij, A. : X 23
Kotljarevskij, I.P. : X 23; XIV 23
Koutna, M. : XIV 26
Kozel'skij, Ja.P. : X 17, 18; XV 53
Kozlov, I.I.: I 227
Kozlovskij, F.A. : XV 52
Kozlovskij, J.T. : XIII 369
Kramer, S. : XVII 48; XXI 30
Krašeninnikov, S.P. : XIV 24
Kraus, J. : XXIII 43
Krečetov, F.V. : X 6
Krestova, L.V. : VI 182; VII 22; XXI 27
Krylov, I.A. : VII 8, 11, 24; X 6, 18, 20, 21; XX 35; XXIII 13, 25
Kulakov, L.I. : VI 186; VII 7, 22
Kulakovskij, P.A. : XIV 6
Kurakin, A.B. : V 12
Kurakin B.I. : V 12
Kurganov, N.G. : XIV 24
Kuz'mina, V.D. : VII 20, 21

Landois, P. : XV 53
La Vigne : XX 36
Lavo : I 225
Lebedev : I 222
Leblond, G. : XV 53
Leger, L. : I 221
Lehtblau, L.B. : VII 11
Lenglet du Fresnoy, N. : XV 53
Lenin, V.I. : VII 15, 21; X 5, 7-9, 11, 12, 16: XVII 56; XXIII 15, 23, 24, 38, 52
Leonov, L. : XVII 57
Leppla, R. : XXII 69, 70, 72
Lerner, N.O.: XX 44
Leskov, N.S.: I 222
Lessing, G.E. : X 23; XXIII 47
Levański, J. : XIV 26
Leve, F. : I 223, 224
Levin, P. : XIV 26
Levšin, A.I. : VII 12
Lidin, V. : XVII 57
L'Hirondelle, A. : I 221, 226, 227
Lintur, P.V. : XIV 24
Lionnière : V 12
Lippert, R. : I 223
Liprandi, I.P. : XX 23
Livanova, T.N. : VII 7
Lixačev, D.S. : VI 185; IX 224: XXI 28, 29, 32
Loboda, A.M. : VII 10
Locke, J.: XXIII 47
Lo Gatto, E. : I 221, 228; XX 4, 42, 43, 44
Lomonosov, M.V.: VI 180, 181, 186, 188; VII 7, 8, 11, 12, 16, 19, 20; X6, 13, 14, 18, 19, 20; XIII 374; XIV 6-8, 14, 23, 24; XX 35; XXII 68, 71; XXIII 13, 17-19, 25, 30, 32, 34, 35, 37, 41, 48, 50, 53
Longinov, M.N. : VII 9; XV 48-50, 52, 56
Lopatinskij, F. : XIV 17, 18
Losskij, J. : XIII 370
Lotman, Ju.M. : VII 22
Louis XIV : XX 38
Ludolfi, H.W. : XI 23
Ludwig XV : XXIII 33
Lukian : XXIII 50
Lukin, V.I. : VI 181, 182; VII 8
Lupus (Wolf), A. : I 224
Luther, A. : I 224
Lužkov, A.I. : XV 54
Łużny, R. : XIV 26
Luppol, I.K. : VII 19

Macchiavelli, N.: XX 6, 19, 44-45
Malby, G. : VI 184; XXIII 49
Mach, O. : IV 20, 21
Majkov, L.H. : VII 9
Majakovskij, V.V. : XVII 54; XXIII 53
Makincjan, P.N. : XII 20,21
Makogonenko, G.P.: VI 182, 183, 186-188; VII 7, 8, 19; X 6
Malamir (King) : IX 224
Mallet, E. : XV 53
Malyj, Mitja v. Gerasimov, D.
Malyj, S. : XIII 358-361, 373
Malyško, A. : XVII 56
Mamedkulizade, D. : XII 11

Mandat, Ja. : XIV 26
Manu, J.G. : II 9, 13
Manzini, L. : I 228
Manzoni : XX 6, 41
Marino, G. : XXIII 50
Marc Aurel : XXIII 32, 33
Marie-Therese: X 23
Marmontel, J.F. : XXIII 47
Marsais, C. : XV 54
Martynov, L. : XII 14
Marx, K. : XII 9, 12; XIV 11; XVII 57; XXI 30, 31, 32;XXII 72
Masjutin, V. : I 222
Maslov, S.I. : XI 8, 9
Mathauzerova, S. : XIV 26
Maupertius, P.L. : XXIII 46
Mauritius, G. :XIII 365, 367
Mazzuole : XX 21
Medvedev, S.: X 10,11; XXIII 12, 17, 48
Mehring, F.: XVII 56
Meiners, C.: XIII 353
Mel'gunov, A.P. : XV 56
Menšikov, A.D. : XI 20
Mercier, L.S. : XXIII 47
Merežkovskij, D. : XVII 56
Mérimée, P. : I 220, 224, 225
Meščerskij, Ė. : I 226
Metastasio, P.B. : XX 19, 38, 40, 45; XXIII 47
Meteva, E. : XIV 26
Metodij Slavjanobălgarskij : IX 221-224; XIV 17, 18
Mez'er, A.V.: VII 23
Michelangelo : XX 21, 24
Michelet, G.: XX 40, 41
Mickiewicz, A. : XVII 45
Mihajlovskij, N.K. : XXIII 23
Mikul'skij, T.: X 22; XIV 26
Milton, J. : XXIII 46
Minač, V. : XVII 56
Mioni, A.B. : XX 1, 4, 8, 9, 33, 34
Mirovič, A. : XIV 26
Miziano, K.F.: XX 23, 24, 25
Mjatel : I 228
Modigliani, E. : I 228
Modzalevskij, L.B. : VI 186; XX 9, 41, 44, 45
Modzalevskij, V.L.: XIII 371
Mogiljanskij, A.P. : VII 22
Moldavskij, D.M. : VII 21
Molière, J.B. : XXIII 46
Monbron F. de (Maubrun, Mobrun) : VIII 29-38
Montaigne , M.: XXIII 46
Montesquieu, Ch. : X 13; XV 50, 54, 55; XXIII 46, 49
Monti : XX 40
Mor, Djupre de Sen : I 220, 224
Morozov, A.A.: VII 7; XXI 26, 27
Moskotil'nikov, S.A. : XX 27
Morozov, N.A. : VI 185
Murav'ev, M.N. : XXIII 13, 48
Musin-Puškin, A.E. : XV 52
Musin-Puškin, I.A. : XIV 17

Nabokov : I 228

Nalimov, A.P. : XX 3
Nani : XX 19
Napiersky, C.E. : XIII 357
Naryškin, A.V.: XV 52
Naryškin, S.V. : XV 52
Nekrasov, N.A. : II 11
Nemours, duc de : VIII 36
Nepos, Cornelius : XXIII 46
Nero (King) : XXIII 33
Neustroev, A.N. : XV 51
Newton, I. : XIV 7
Nezelenov, A.I. : VII 10
Nikodim, Bischof : III 269
Nikolaev : VI 182
Ninošvili, E. :XII 11
Novickij, I.P. : XIII 371
Novikov, I : XV 54
Novikov, N.I. : VI 182, 183, 188; VII 7, 8, 18, 19: X 6, 13, 17-19, 21; XIV 7, 24; XXII 71; XXIII 22, 29, 32, 41, 42

Ogiński, A.B. : XIII 366
Ogiński, S.B. : XIII 366
Oksman, Ju. G. : X 16
Olin, V.N.: XX 27
Oljančyn, D. :XIII 370
Omurtag (King) : IX 224
Ondřej z Broda : XIII 354
Orbeliani, G. : XII 12
Orbini M. : XI 23; XIV 16-21; XXIII 43
Orlov, A.S. : XXI 27
Orlov, G.V. : XX 26
Orlov, M.F. : XX 23
Orlov, P.A. : VII 22
Orlov, V.N. : VII 7, 19; X 6; XX 26
Ossian-Macpherson : XXIII 47
Osipov, N.P. : X 23
Osterman, A.I. : XI 24
Ovidius : XI 10; XII 11; XVII 43; XXIII 43, 46-48, 50
Oxenstierna, J.G. : XV 56
Ožegov, S. I. : X 8
Otčenášek, J. : XVII 57

Paisij Hilendarskij : XIV 18-21
Parini : XX 4, 42, 43, 44, 45
Parmigianino : XX 13
Parnak, V. : I 227
Pastrnek, Fr. : IV 12, 13, 15, 25
Paterkul, V. : XXIII 50
Paul I (King) : XXIII 39
Pavlova, K. : I 223
Pekarskij, P.P. : II 11; V 7; XXIII 45
Pellico, S. : XX 6
Peretc, V.N.: VII 9; 10, 21; XIV 6
Périclès : X 8
Perrault, C. : XX 36
Pervol'f, I.I. : XIV 6
Pestel', P.I. : XX 23
Petr I (King) : II 10-12; V 9, 12, 13; VI 182; VII 22; X 10, 12, 13, 27; XI 6, 7,10-18, 21, 22; XIV 16, 17, 26; XXII 71, 72; XXIII 16, 28, 34, 35, 38, 40-42, 45, 52
Petr II (King) : II 13
Petr III (King) : VIII 32, 37; XXIII 33, 35

Petr Feodorovič v. Petr III
Petr, M. : XI 12, 14
Petr Mohyla : XIII 368-370
Petrarch : XX 3, 5, 6, 19, 20, 21, 40, 41
Petrejus, P. : XIII 364
Petrov, E. : XVII 56
Petrova, M. : XII 21
Petrovskij, N.M. : VII 9; XIV 6
Petuhov, E.V. : VII 10
Phædrus : XXIII 48
Picchio, R. : XIV 19
Pigarev, K.V. : VII 7
Pignozeck, J.: XIII 362
Pigny, F. de : I 225
Piksanov, N.K. : VII 21; X 16
Pindemonte : XX 5, 6
Pisarev, D.I. : X 7, 9, 10
Platon : XXII 69; XXIII 48
Plavil'ščikov, P.A. : VII 8, 24; X 18, 19: XXIII 25
Plexanov, G.V. : VII 9; XIV 12, 13; XVII 56; XXI 27
Pluharž, Z. : XVII 57
Plutarch : XXIII 48
Pnin, I.P. : X 16, 22
Poggio, A. : XX 24
Pogoreckij, P.I. : XV 52
Pokornij, Ja. : XVII 56
Polevoj, N.A. : XX 37, 42
Polockij, Simeon : VI 185; VII 16; X 6, 7, 10, 11, 18-20, 26; XIII 373; XIV 24; XXI 24; XXIII 11, 17, 26-28, 47, 48
Polybios : XXIII 46
Polikarpov, F. : XXIII 50
Poltoratskij, S. : I 225
Pope, A. : XXIII 44, 47
Popovskij, N.N. : VI 188; X 13, 14, 18
Popugaev, V.V. : X 16
Porfir'ev, I.Ja. : VII 10
Posoškov, I.T. : X 19; XXIII 25
Postnikov, P.V. : V 11; XIII 373
Postnikov, T.P. : V 11, 12
Potemkin, P. : XXIII 44
Poussin C. : XX 11, 13
Pozdneev, A.V. : XXIII 17
Prati, G. : XX 24
Presian (King) : IX 222, 224
Prijma, F. Ja. : VII 22
Priklonskij, I. : XV 55
Prokopovič, Feofan : V 9, 13; VII 16; X 6, 7, 12, 14, 19, 20; XI 8, 13, 15, 16, 18, 21, 24, 25; XI 8, 13, 15, 18, 21, 24, 25; XII 16; XIII 373; XIV 7, 8, 17, 18, 24; XXII 71; XXIII 13, 25, 28, 29, 34, 48
Pšavela, V. : XXII 70
Pufendorff, S. : X 12; XI 15; XXIII 45
Pugačev, E. : VII 22; XV 57; XXIII 42
Pulci : XX 42, 45
Puškin, A.S. : I 220-229; VI 180, 185; VII 13; X 26; XII 11, 19, 22; XVII 56; XIX 303, 304, 306-308; XX passim; XXII 70; XXIII 13, 14, 39, 40, 49, 54
Puškin, S.L. : XX 17
Pypin, A.N. : IV 15; VII 9, 20, 21; XIV 6, 19, 20, 22; XXI 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28

Raab, H.: XIII 358-361, 370, 372
Rabener, G.W. : XXIII 47
Racine, J. : VIII 36; XX 38, 40; XXIII 46
Radiščev, A.N. : VI 181-184, 187, 188; VII 7, 8, 11, 12, 15, 16, 18-20; X 5, 6, 13, 14, 16, 17; XIV 7; XXII 71; XXIII 13, 17, 25, 28, 42, 42, 52, 53
Raevskij, V.F. : XX 23, 34
Raguzinskoj, S. : XIV 17
Raic, J. : XIV 20, 21
Raič, S.E. : XX 27
Rainis, J. : XVII 52
Raphael : XX 11, 13, 21
Razumovskij, A.G. : VIII 33-35, 37
Rau, A. : XIII 370
Reclam, F. : I 222
Repej, I. : I 225
Rezanov, G. : V 11
Ricci : I 228
Richardson, S. : XXIII 46, 47
Richelieu, Cardinal : XX 38
La Rochefoucauld, F.: XV 56
Rochigiani, A. : I 228
Rogovskij, P. : XIII 373
Romilly, J.-E. : XV 53
Rondo, K. : XI 7, 19
Rosdrazousky, J. : XIII 362, 363, 366
Roucek, J.S. : IV 32
Rousseau, J.J. : X 9, 14: XV 54: XXIII 46, 49,
Rozanov, M. H. : XX 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8,10, 27, 29, 34, 40
Ruban, V. G. : XIV 24
Ruarus, M. : XIII 367
Rubcov, N. : XV 54
Rudolf IV (King) : XIII 355
Ryss, E.B. : VII 8
Rževskij, A.A. : XV 52

Saint- Evremond, Ch. de: X 7
Sajat-Nova : XII 15, 16
Sakulin, P.N. : VII 10, 15, 16, 21; X 26, XX 1, 44; XXI 27
Sallust : XXIII 48
Salvator Rosa : XX 13
Sappho : XXIII 48
Schiller, J.F. : X 23; XXIII 47
Schliemann, H. : XVII 48
Schneider, F.J. : VI 185
Schrauf, K. : XIII 355
Schröder, W. : IX 226
Seleznev, I.Ja. : XX 16
Selickij, F. : XIV 26
Sellius, A. : III 268
Sellius, B.A. : III 268, 269, 271; XI 4, 5; XIII 366
Semennikov, V.P. : VI 187; VII 9, 10; XV 50, 56, 57
Semenov, M. : I 226
Semevskij, V.I. : XX 23
Serafimovič, A. : XVII 56
Serman, I.Z. : VII 22
Sevner, M.: I 228
Shakespeare : XVII 53; XX 39; XXII 68; XXIII 47
Shenstoke : XX 22
Sičkarev, L.I. : VI 181
Siderskij, Ju. : I 227

Simkina, S.K. : VII 8
Simmons, E.J. : XI 3, 4
Sipovskij, V.V. : VII 9, 10, 14, XX 3
Sismondi, J. : XX 18
Skaldin : X 9
Skarga, P. : XIV 18, 19, 21
Skovoroda, G.S. : XIV 24
Skorina, G.-Fr. : XIII 373
Slavineckij, J. : XIII 373
Smirnov, A.M. : XIX 308
Smollett, T.G. : XXIII 47
Smotrickij, M. : XI 6
Sof'ja Alekseevna : X 10, 11; XXIII 12
Sokolov, A.N. : VII 7
Sokolovskij, T.O.: VII 9
Soloviev, S.M. : XXI 23
Somov, O.M. : XX 26, 27
Sopikov, V.S. : XV 54, 57
Sozonovič, I.P. : XX 3
Spasovič, V.D. : XIV 6
Speranskij, M.N. : VII 10; XIV 6
Staël, Mme de : XVII 53
Starneo, K. : I 229
Steinmeyer, E. von: XIII 366
Stepanov, L.N. : VII 22
Sterne, L. : XXIII 47
Storoženko, N.I. : XX 2
Strateman, V. : XI 15
Strauch, F. : XIX 306
Straxov, N.N. : XXI 21
Strimesius, S. : III 270
Suetonius : XXIII 48
Sulzer, J.G. : XXIII 50
Sumarokov, A.P. : VI 181, 188; VII 8, 11 13, 22, 24; VIII 29, 33-38; X 14, 18, 19,21; XII 16; XIV 7, 8, 24 ; XXII 71; XXIII 41
Svetlov, L.B. : VII 22
Swift, J. : XXIII 47, 49

Šamraj, D.D. : VII 22
Šaxovskij, A.A. : XX 26
Ščeglova, S.A. : VII 18
Ščerbatov, D.: XIII 358
Ščerbatov, M.M. : XXIII 22
Ščipanov, I. Ja. : VII 8
Ševyrev, S.P. : XX 5
Šifrin : I 226
Šiškin, I. : XXIII 44
Šiškov, A.S. : XX 27
Školovskij, F. Ja.: VII 12
Šljapkin, I.A. : VII 10
Šolohov, M. : XVII 57
Šolom, F. Ja. : VII 21
Štrange, M.M. : XV 49, 50, 56, 57
Šukaev : I 222
Šuvalov, I.I. : VIII 32,34, 37

Tacitus : XXIII 48
Tallemant, P. : XXIII 45
Tasso, B. : XX 22
Tasso, T.: XX 3, 5, 6, 19, 20, 27, 39, 40, 41; XXIII 47, 50

Tasteven, F. : XI 7
Tatiščev, V.N. : VI 186
Terlaič, G.I. : XIV 21
Terner : I 221
Terrasson, J. : X 13
Tervel (King) : IX 222, 224
Testi : XX 21
Theocritus : XX 36
Theophrast : XXIII 48
Thomas, A. : XXIII 32, 33
Thieghem, P. van : X 26; XXII 65; XXIII 47
Thomson, J. : XX 44
Tillotson, J. : XI 13
Titian : XX 11, 13, 21
Tixonravov, N.S. : VII 9, 13; XXI 20, 21, 22, 24, 25, 26
Timanthe : XI 16
Tolmač, M. v. Geravimov, D.
Tolstoj, Ja. N. : XX 42, 43
Tomaševskij, B.V. : VII 11; XX 9, 11, 12, 13, 28, 43
Trediakovskij, V.K. : V 7-14; VI 181; VII 11, 20, 24; X 6, 7, 13, 14, 19; XII 16; XIII 374; XIV 24; XXIII 13, 32, 45, 48, 53
Tret'jakov, P.N. : IV 6
Trubeckoj, N.N. : XV 52
Tumanjan, O. : XII 19, 21 : XXII 70, 71
Tumanskij, I. : XV 52, 53
Turgenev, I.S. : I 226; XII 11
Turgenev, N. I. : XX 23, 24, 25
Turgenevi, brothers : I 225
Tuzov, V. XV 53

Ukonnikov, A.N. : XX 13
Unbegaun, B. : IV 20
Upit, A. :XVII 56
Ušakov, D.N. : X 8
Uvarov, S.S. : I 225; XI 13

Valerio, F. : XX 34
Valerius Maximus : XXIII 48, 50
Valéry, P. : I 226
Vandyck : XX 13
Vanslov, I. : XV 53
Varšarskaja, M. Ja. : XX 10
Vavra, J. : XIV 26
Vasilij Šujskij (King) : XIII 364
Velčev, V.: XIV 19, 26
Vendôme, duc de : VIII 36
Veniaminov, P.D. : XV 52
Venturi, F. : VIII 29-31, 33; X 22; XX 24
Vercman, I. : X 6
Verevkin, M.I. : VI 181
Vergilius : XXIII 48, 50; XX 44
Verhaern, E. : XVII 45
Vernadskij, G.V. : VII 9
Vernet : XX 11, 13
Veselovskij, A.A. : VII 9
Veselovskij, A.N. : XX 3, 44; XXII 65
Veselovskij, Aleksej N. : VII 14; XXII 65
Veselovskij, Ju. A. : XX 2
Viardot, L. : I 226
Viardot, P. : I 226
Vico, G.B. : XX 40, 41

Viral't, E. : I 227
Višenskij, I. : XIV 24
Vitkovskij, S. : XIV 24
Vjazemskij, P.A. : XX 36, 37
Vogel, J.N. : XII 19, 21, 22 : XIII 365, 367
Vogüé, E.M. : XVII 53
Voigt, A. : XIII 354
Vojejkov, A.F. : XX 44
Vojnov, Al. : XV 54
Volockij, J. : XIII 360
Volkov, A.A. : VI 182, 183
Voltaire : V 13, VIII 35, 36; X 13, 15; XIV 7; XV 48, 50, 54, 55; XX 7, 36, 42, 43; XXIII 41, 46, 49
Volynskij, A.P. : X 13
Voroncova, E., v. Daškova, E.P.
Voznesenskij, S.V. : IV 14
Vrevskij, P. : I 225
Vsevolodskij-Gerngross, V.N. : II 9, 12
Vul'fert, A. : I 223
Vurgun, S. : XII 11

Walther, R. von : I 224
Weber, Chr. Fr. : II 11, 12
Wieland, K.M. : X 19; XXIII 47
Winter, E. : III 268; X 24, 25
Witkovsky, T. : VI 187, 188
Word, Th. : XI 7, 19

Xenophon : XXIII 46

Young, E. : XXIII 46
Yvon, abbé Cl. : XV 52

Zabolotskij, P.A. : XIV 6
Zamjatin, G. : II 9
Zapadov, A.V. : VII 8, 22
Zedler, J.H. : XIII 365-367
Zjalovśkij, J.I. : XIII 365-367, 373
Zubryckij, D. : XIII 369
Zvorykin : I 226
Zybelin, S.G. : XV 52

Ždanovskij, N.P. : VII 8; XV 54
Žirmunskij, V.M. : XX 3, 4
Žukovskij, V.A. : I 223; XII 12; XXIII 13